
1853
ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ
ПАНТЕОНЪ
№ 6.
ІЮНЬ.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
PATKE. 20.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЗНАХАРЬ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. (Часть 1 и 2.) *В. И. Савинова.*

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ *Н. Д. Хвощинской.*

ПТИЧКА. *Я. Полонскаго.*

II. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ. (Статья третья и послѣдняя.) *А. Н. Сѣрова.*

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БРЯНСКІЙ. Біографическій очеркъ.

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя *Диккенсомъ.*

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Лѣтніе спектакли.

«Любовь артиста.» Соч. *Вонлярлярскаго.*

«Долгъ платежемъ красенъ.» Оригинальная комедія.

«Тайная страсть.» Комедія *Скриба.*

Дебюты трагика *г. Яковлева,* и водевильной артистки *г-жи Акимовой.*

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Весна въ контрактахъ артистовъ и весна антрепренера. — Послѣдній концертъ Сеймуръ-Шифа въ Тифлисѣ и опера въ Одессѣ. — Акробаты въ Севастополѣ. — Удовольствія Владикавказа. — Труппа драматическая и балетная. — Музыка. — Театръ въ Казани — по старой программѣ. — Два театра въ Кіевѣ.

IV. СМѢСЬ.

1. **Бѣлоруссія.** Въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. *Павла Шпилевскаго.*
2. **Провинціальный гость у В. А. Каратыгина.** *В. Савинова.*
3. **Калула.** Африканскія сцены. Часть вторая.
4. **Прогулка по Россіи.** Письмо изъ Астрабада. *Петра Моряковскаго.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА — Очеркъ исторіи легкой литературы во Франціи, въ XVIII столѣтіи. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Зенефельдеръ, изобрѣтатель литографіи. — Джіованни Рикорди. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Мнѣніе полковника Роулинсона о скиѳскомъ характерѣ бо́льшей части гвоздеобразныхъ надписей. — Исчисленіе различныхъ скоростей въ-теченіе одной секунды — Электрическій свѣтъ для освѣщенія улицъ. — Гремучая хлопчатая бумага. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Защита женскихъ корсетовъ. — Коммерческій банкъ въ Китаѣ. — Цингалійскія судилища. — Сцены изъ путешествія по Индіи. — Какъ возвращаются изъ Калифорніи.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Майскія книги журналовъ. — Отчего интересъ журналовъ ослабѣваетъ въ лѣтнее время. — Вторичное появленіе Иногороднаго Подписчика. — Какъ зовутъ по имени и отчеству нашихъ писателей. — Иногородный Подписчикъ увѣряетъ, что онъ вовсе не Александръ Васильевичъ Дружининъ, *блистательный* писатель *прекрасныхъ* повѣстей. — Содержаніе послѣдняго письма его и высокій слогъ.—Остальныя статьи майской книги «Библіотеки для Чтенія».—*Рыбаки* г. Григоровича. — Промахи противъ языка и превосходныя картины этого романа. — Способъ разгонять статью на безчисленное множество страницъ.—*Дельвигъ* — статья г. Гаевскаго — *Богатая невѣста* — разсказъ молодаго человѣка, написанный госпожею Надеждою Б.—Повѣсть, передѣланная изъ водевиля, и написанная высокимъ слогомъ.—Статья изъ англійской книги, переведенная съ французскаго.—Смѣсь «Современника» —«Отечественныя Записки». — *Кто-жъ остался доволенъ,* романъ В. Крестовскаго. — Гомеръ и господинъ Ордынскій.—Послѣдній примѣръ гомерическихъ выраженій. — Статья г. Ковалевскаго.—Разборъ *повѣстей и разсказовъ для дѣтей.*— Петербургскія замѣтки и ихъ остроуміе. — Различіе Москвы отъ Петербурга. — Московскія вывѣски.

II. НОВЫЯ КНИГИ:

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА. Повѣсти *Николая М.*
АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ. Историческій романъ того же автора.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Удовольствія круглый годъ за деньги и даромъ, или искусство опытнаго фланера. — Развлеченія зимою и лѣтомъ, прошедшія, настоящія и будущія. Петербургскія наряды.

V. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 6.

ЛЮБОВЬ АРТИСТА. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. *Воплярлярскаго.*

ПРИЛОЖЕНІЯ: — ОТСУТСТВУЮТ

1. Портретъ артиста-писателя. **П. А. КАРАТЫГИНА** 2-го.
2. Музыка: I. **UN COMPLIMENT,** pensée fugitive, соч. *М. И. Бернарда.*
   II. **КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА,** романсъ. Слова *Ю. Песковскаго,* музыка *П. Булохова.*

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

ТОМЪ IX.

ІЮНЬ — КНИЖКА ШЕСТАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 23-го 1853.

Цензоръ *Н. Пейкеръ*.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

НОВАН БИБЛІОТЕКА
М. С.
ПОКРОВСКАГО

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ЗНАХАРЬ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

В. И. САВИНОВА.

ЧАСТЬ I.

I.

Степная вьюга. — Знахарь и избавитель. — Сила Львовичь и его слуга.

Въ началѣ второй половины декабря 1773 г., въ сильно морозную ночь, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ умета, (*) раскинутаго на голой снѣжной степи, между Яикскимъ укрѣпленіемъ и рѣченкою Камышларкъ, медленно тянулась не щегольская повозка. Экипажъ этотъ потому только имѣлъ право на названіе экипажа, что въ рогожкахъ, замѣнявшихъ ему кожу и стальныя или мѣдныя украшенія, были прорѣзаны крошечныя отверстія, и въ нихъ сверкали заиндевѣвшія стекла. Малорослый ямщикъ, укутанный въ *ягу*, т. е. въ шубу, сшитую изъ жере-

* Мѣстное названіе постоялаго двора.

бячьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, истомленный вѣтромъ и морозною ночью, бросивъ возжи, неосторожно дремалъ на своемъ сѣдалищѣ. Пара тощихъ и, повидимому, давно некормленныхъ лошадокъ, едва передвигая ноги, то вязли въ снѣжныхъ сугробахъ, то по какому-то инстинкту тревожно фыркнувъ, быстро пробѣгали нѣсколько шаговъ, и снова, съ глухимъ ржаніемъ, тонули въ тѣхъ же сугробахъ... Началась пурга (мятель), отъ которой въ степи заблудившемуся страннику нѣтъ спасенія. И безъ того темная ночь теперь превратилась въ совершенный мракъ. Лошади, испуганныя безпрестанно стегавшимъ по глазамъ ихъ снѣгомъ, съ каждымъ шагомъ впередъ измѣняли направленіе, и наконецъ увязли по грудь въ глубокомъ сугробѣ. Частое и болѣзненное ржаніе ихъ, при неровномъ вздрагиваніи повозки, заставило очнуться ямщика.

Мужикъ перекрестился и въ нѣмомъ страхѣ осмотрѣлся кругомъ.

— Батюшки-свѣты, Мать Пресвятая Богородица! Да неужели мы это... шляхъ потеряли? прошепталъ онъ... Экая пурга свиснула: зги божьей невидно, въ глаза словно кто плетью пріударилъ!... Эй-вы быстроножки... казачки голубчики... ну...ну! тронись!

Но одно только фырканье подрогнувшихъ бѣгуновъ отвѣчало на свистъ бича.

— Въ-самомъ-дѣлѣ заплутались! продолжалъ ямщикъ... Вотъ тебѣ и сгинь да пропади душа христіанская не за грошъ, не за денежку.... Гдѣ, какой шляхъ теперь извѣдаешь... шагни утонешь, а два раза, такъ и шапки добрые люди назавтра не увидятъ... Ахъ ты напасть непрошеная! Дрянь дѣло... И снова, по неизмѣнному обыкновенію, говорившій прикрикнулъ на лошадей... Встали, какъ встали... словно кто обошелъ ихъ, продолжалъ онъ, осторожно спускаясь на землю. Дѣйствительно, при первомъ его шагѣ нога глубоко ушла въ снѣгъ... Да тутъ трущоба бездонная! вскричалъ ямщикъ... Ей вы... вашеское благородіе... Слышите, баринъ... вѣдь пропали... Не вмоготу выбраться!

На этотъ тревожный возгласъ, лѣвая рогожка кибитки распахнулась, и голова молодаго человѣка, обложеннаго картонками, баульчиками и шкатулками показалась въ отверстіи экипажа, куда стремительно и съ визгомъ повѣяла пурга. .

— Постой! Вѣроятно первое слово относилось къ непогодѣ? Марка? продолжалъ молодой человѣкъ.... скинь съ меня очки... Ничего не вижу... въ бровяхъ мокро, на щекахъ и въ усахъ тоже... Марка очнись!

— Ась! послышалось въ кибиткѣ.

— Невѣжа! сколько разъ тебѣ говорю, чтобы ты отвыкъ отъ эта-

го мужицкаго «*Ась*». Спрашивай всегда: что вамъ угодно, или что прикажете...

— Что вамъ угодно, или что прикажете? отозвался тотъ же голосъ.

— Поговори съ ямщикомъ?

— О чемъ, сударь?

— Спроси... что ему надо?

— Что тебѣ надо? повторилъ Марка, высунувшись изъ повозки, всею своею немытою и сонною фигурою.

— Да въ трущобѣ, батюшка, заплутались! отвѣчалъ ямщикъ, заикаясь въ-слѣдствіе холода, до костей его пронявшаго.

— А! заплутались... Слышите, сударь, онъ говоритъ заплутались...

— Хорошо... Посмотри, братецъ... правду ли говоритъ онъ...

— А вотъ я сейчасъ... прикажете ему на водку?

— На водку, братецъ... дай! тономъ пренебреженіи отозвался молодой человѣкъ... Но...о...

На этомъ чрезвычайно вытянутымъ «*но*» путешественникъ поправилъ свои очки, укутался въ шубу и нырнулъ въ повозку... Скверная погода! проворчалъ онъ... Ахъ, какъ теперь сладостно на Рейнѣ! со вздохомъ добавилъ молодой человѣкъ.

Между-тѣмъ вѣрный и хлопотливый Марка, дородный вскормленецъ барской кухни, послѣдовалъ за ямщикомъ, и менѣе ловкій, чѣмъ его товарищъ, по самый галстухъ ушелъ въ снѣгъ...

— Ай, Ай!... Гдѣ же это мы? со страхомъ вскричалъ онъ.

— Въ снѣгу, въ глубокомъ: хоть утонуть такъ впору? отозвался ямщикъ.

— Что же намъ дѣлать? Помоги, родной!

— Помоги? Какъ помочь-то? Почитай, что придется здѣсь ночь ночевать... Ни кола, ни двора кругомъ: сугробы, да пурга... Просто наказалъ Господь, пришла болѣсть нелегкая... придется замерзнуть!

— Да, какъ же это замерзнуть? развѣ можно замерзнуть?

— На все Божеская воля! Доведется, такъ и среди лѣта окочанѣешь..

— Что говоритъ ямщикъ, Марко? послышалось изъ новозки.

— Замерзнуть, говоритъ, надо.

— Онъ лжетъ, скажи ему, чтобы погонялъ...

— Да, какъ погонять-то, когда наши некормленные одры встали, Сила Львовичъ?..

— Дуракъ, отозвался Сила Львовичъ... Не зови ты меня Силой, сколько разъ замѣчалъ я тебѣ. Называй меня дюкъ, князь, графъ,

маркизъ, шевалье, виконтъ... Ну, чортъ тебя возьми... какъ умѣешь, только не Силой... Ну, погоняй!

— Да нельзя, батюшка, Дюкъ Львовичъ, отозвался ямщикъ, крѣпко запомнившій назидательную рѣчь своего сѣдока. Нельзя! повторилъ онъ: лошадки пристали, пурга бьетъ въ глаза, смерть на носу.

— Какъ это смерть на носу? спросилъ Сила Львовичъ.

— Да такъ, что насъ ужъ занесло Виконтъ Львовичъ, съ нескрытымъ отчаяніемъ воскликнулъ Марка... Пустите хоть въ кибитку обогрѣться, жалобно добавилъ онъ.

— Эка штука... въ кибитку! И кибитку занесетъ также, какъ и насъ грѣшныхъ! замѣтилъ ямщикъ.

Этотъ откровенный, но справедливый отвѣтъ заставилъ призадуматься Силу Львовича.

— Да... вы, дураки, не читали исторіи? спросилъ онъ, съ очевиднымъ помѣшательствомъ.

— Нѣтъ-съ, не читали! въ голосъ отвѣтили ямщикъ и слуга.

— То-то... а въ исторіи есть высокіе примѣры мужества, сказалъ Сила Львовичъ, задыхаясь отъ мысли погибнуть въ снѣжныхъ сугробахъ степи. Есть высокіе примѣры, добавилъ онъ... Наши предки, или вотъ-такъ сказать.. Поярковъ... Да, впрочемъ, что съ вами толковать! Садись, Марка, въ кибитку... Отсидимся въ ней до утра.

— Врядъ ли такъ, батюшка Дюкъ Петровичъ! подхватилъ ямщикъ... Занесетъ, какъ занесетъ... Не лучше ли попытать слѣду?

— Ужъ по моему глупому разумѣнію жизнь, лучше смерти! сказалъ Марка.

— Позвольте, пойду поищу шляху? сказалъ ямщикъ.

— А если не найдешь послѣ ни насъ, ни дороги, что-жъ мы будемъ дѣлать?

— Что́жъ-дѣлать: вѣрно на роду такъ написано... Умирать все-равно, что съ вами, что на распутье... Попытка не пытка,—спросить не бѣда!

— Иди! сказалъ Сила Львовичъ.

— Иди, братъ, иди! торопливо замѣтилъ Марко.

Только Провидѣніе могло спасти несчастныхъ странниковъ. Крупныя и сухія хлопья снѣга міріадами сверкающихъ звѣздочекъ вились въ воздухѣ. Вѣтеръ со стономъ и визгомъ пробѣгалъ надъ степью; цѣлые сугробы снѣга, вздымаемые имъ, какъ волны моря взбѣгали одинъ на другой, выростая пушистою горою, и въ этомъ крутящемся ураганѣ не возможно было разглядѣть предмета въ двухъ шагахъ. Несмотря однакоже на страшную обстановку степной ночи, ямщикъ, уже неразъ извѣдавшій подобное горе, рѣшился оставить кибит-

ку. Мужикъ перекрестился, перепоясалъ свой ягу, и двинулся впередъ. Нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ имъ, вполнѣ увѣрили бѣдняка, что дорога потеряна совершенно, ибо сугробы слѣдовали за сугробами, провалы одинъ за другимъ, а по сторонамъ исчезли знакомые курганы и сухой тощій кустарникъ, по которомъ можно было бы признать спасительный слѣдъ. Напрасно, заблудившійся, дрожа отъ страха и стужи, припадалъ къ землѣ, напрягая слухъ и зрѣніе... только одна оставленная имъ кибитка темнымъ пятномъ мелькала вдали, да иногда въ обманчивомъ завываньи вѣтра бѣдняку слышались замирающій звонъ колокольчика, или тоскливый лай деревенскихъ псовъ.— Ямщикъ остановился. Силы его истощились, смѣлость и безпечность, свойственныя въ подобныхъ обстоятельствахъ рускому человѣку, тоже. Еще разъ взглядомъ умирающаго заблудившійся окинулъ стень—и упалъ на снѣгъ... Въ эту рѣшительную минуту, какъ-будто отдаленная искра блеснула въ его глазахъ; вотъ она ближе, больше; еще другая, третья... Бѣднякъ былъ столько опытенъ, что не могъ признать эти блудящіе огни за свѣтъ догорающей лучины въ окрестномъ хуторѣ...

— Проклятые! прошепталъ онъ, голосомъ, въ которомъ слышалось рыданіе страдальца... Это волки!.. Вѣрно почуяли моихъ лошадокъ! . Эхъ, братъ Ѳомичъ, продолжалъ ямщикъ, пропадать-то все-равно... Перерѣжь напослѣдкахъ хоть одному глотку,—легче будетъ идти на зубы другому!

Съ этими словами говорившій вытащилъ изъ-за голенища своихъ громадныхъ сапоговъ ножъ, и собравъ весь остатокъ своихъ силъ, побрелъ навстрѣчу звѣрю... Но стая волковъ, во встрѣчѣ которой не ошибся нашъ странникъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него повернула направо и съ протяжнымъ, пронзительнымъ воемъ понеслась по своему направленію...

— А что думаешь? сказалъ ямщикъ: вѣдь неровенъ часъ; кто ихъ вѣдаетъ: можетъ-быть сѣрый ударился на шляхъ, чтобы пробраться въ овчарню хутора... Ну-ко Ѳомичъ, ободрись! не спускай вора съ глазу валяй за нимъ. . Заведетъ, или выведетъ... Теперь чего ни напиться—все водица!

Ободрившійся путникъ уже готовъ былъ оставить свое мѣсто, какъ въ полуверстѣ отъ него раздался выстрѣлъ, съ-лѣва повторился онъ, и наконецъ, третій сверкнулъ тамъ же, гдѣ и первый...

При мгновенной вспышкѣ пороха ямщикъ успѣлъ разглядѣть, въ полуверстѣ передъ собою, повозку и направляющагося къ ней, со стороны, полнымъ галопомъ, всадника.

— Спасите, батюшки – голубчики, спасите! вскричалъ Ѳомичъ,

бросившись по направленію къ замѣченнымъ имъ предметамъ, въ то время, какъ стая волковъ, испуганная выстрѣлами, съ визгомъ и воплемъ промчалась по степи.

При этомъ отчаянномъ воплѣ, всадникъ на минуту сдержалъ коня, и снова молодецки пригнувшись къ лукѣ быстро, понесся на крикъ ямщика... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго, онъ спрыгнулъ съ сѣдла, и бросивъ поводья, подбѣжалъ къ Ѳомичу. Прежде чѣмъ успѣлъ послѣдній вздохнуть свободно, въ глазахъ его уже мелькнуло пистолетное дуло, направленное прямо въ челюсть...

— Изъ огня, да въ полымя, подумалъ ямщикъ, разглядывая костюмъ и вооруженіе незнакомца, въ которомъ нельзя было не узнать яицкаго казака... Вѣрно попался на озарника?..

— Спаси, батюшка, заплутались! сказалъ Ѳомичъ, съ низкимъ поклономъ.

— А кто ты?..

— Да вѣстимо дѣло кто! Рабочій человѣкъ—ямщицкимъ дѣломъ занимаюсь...

— Кто же съ тобою заплутался?

— А Богъ ихъ-вѣдаетъ-кто!.. Какой-то господинъ... вишь ты изъ нѣмецкой земли ѣдетъ... Спаси, кормилецъ: шляхъ потеряли...

— Отъ куда же ты везешь его?

— Изъ-подъ *Авраамова-Скита* — за пятьдесятъ рублевъ взялся доставить въ Яицкій городокъ.

— Ладно, товарищъ, отозвался козакъ... Шляхъ укажу; вотъ подержи коня, а я только перевѣдаюсь съ этой повозкой... Навостри ухо: можетъ-быть тутъ на ножи примутъ, такъ не оплошай, помоги... Есть ли съ тобой какая оборона?..

— Да вотъ только ножъ кормилецъ!

— И то недурно... Держи коня... Я сейчасъ!

Казакъ, легкій, какъ вѣтеръ, быстрый, какъ заяцъ, перебѣжавъ два три сугроба, всталъ у повозки...

— Кто ѣдетъ? вскричалъ онъ... И слышно было какъ щелкнулъ курокъ его пистолета, поднятый на второй взводъ.

— Не видишь развѣ.. люди! откликнулся чей то голосъ... Вотъ коли хочешъ деньги нажить, продолжалъ онъ, такъ укажи дорогу...

— Стой голова! вскричалъ казакъ: голосъ знакомый .. Таликовъ!.. Антонъ Ѳедоровичъ—ты?

— Ага! вѣрно не всѣ кошки въ потемкахъ сѣры... Насъ и въ темной ямѣ узнаютъ... Я братъ—я Таликовъ!.. А ты.? А! Сенька Недорѣзъ! Вотъ во-время подоспѣлъ—вывези-ко товарищъ, изъ этой трущобы..

Тебѣ тутъ каждое лысое пятнушко такъ знакомо, что чай десять лѣшихъ не заведутъ и не обморочатъ нашего Семена Назаровича!

— А тебя и подавно, Антонъ Ѳедоровичъ.. ты вѣдь со всѣми съ ними не то, что пріятель, а такъ-сказать, побратимъ, голова: вѣдь знахарь, волкъ тебя ѣшъ!..

— Знахарь! Не всяко лыко въ строку не вездѣ мое ремесло пригодно... Въ степи я только и могу, что отъ волка наговоромъ оборонится...

— Ой ли!.. такъ это ты стрѣлялъ.?

— То есть не стрѣлялъ, а такъ-сказать, пошепталъ, взялъ да плюнулъ на снѣгъ, вотъ тебѣ и выстрѣлило...

— Ну... сошлись же молодцы! одинъ съ ножа вывѣдываетъ у добрыхъ людей, куда путь дорога ихъ, а другой, какъ видно, рѣшето по края нальетъ водою! подумалъ ямщикъ, который въ эту минуту былъ уже такъ близокъ къ встрѣтившимся друзьямъ, что легко могъ слышать разговоръ ихъ и даже разглядѣть обоихъ незнакомцевъ. Вниманіе Ѳомича особенно было заинтересовано невзрачною фигурою знахаря. Это былъ чѣловѣкъ изъ самый мелкой породы... Нѣсколько горбатый, онъ, спрятанный въ нагольный тулупъ, болѣе походилъ на мокрую степную дрофу, нечаянно попавшую на козлы... Изъ-подъ высокаго, мохнатаго треуха какъ угли сверкали маленькіе глаза Антона Ѳедоровича; впалыя щеки покрывались космами черныхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ шапки и также заиндивевшихъ, какъ и короткая, острымъ клиномъ выдявшаяся борода его. Въ то время какъ казакъ, разговаривая, энергически размахивалъ руками и каждое свое слово кончалъ или прищелкиваніемъ плети, или ударомъ о землю винтовки, —знахарь оставался недвижимъ, и казалось только пылающая лучина, коснувшаяся его бороды, могла заставить пошевильнуться эту узкоглазую голову. Стоявшій передъ нимъ Недорѣзъ могъ бы назваться батыремъ въ сосѣднихъ степяхъ киргизовъ, и только потому слылъ за малаго *такъ себѣ* между своими, что вообще на Яикѣ не родились уроды. Стройный, живой и молодцаватый Недорѣзъ даже и въ неуклюжемъ дорожномъ чапанѣ, перетянутымъ синимъ кушакомъ, казался бравымъ малымъ. Несмотря на морозъ и вьюгу, теперь уже начинавшую стихать, остроконечная киргизская шапка его слегка была надвинута на бекрень, едвали не открывая снѣгу и вѣтру полголовы казака... Правильное, румяное лицо его, покрываясь мягкимъ пухомъ волосъ на усахъ и бородѣ, выражало во взглядѣ и улыбкѣ столько отваги, самоувѣренности и добродушія, что Ѳомичъ невольно вздохнулъ свободно, когда окончилъ свои наблюденія, сказавъ самъ себѣ:

— Нѣтъ—этотъ малой не изъ придорожныхъ коршуновъ!

Между-тѣмъ, какъ успокоившійся ямщикъ продолжалъ разглядывать незнакомцевъ друзья не кончали своей бесѣды, особенно сдѣлавшейся интересною съ той минуты, какъ знахарь съ неподдѣльною самоувѣренностью высказалъ средство, которымъ умѣлъ напугать волковъ..

— Морочишь, Антонъ Ѳедоровичъ, отвѣчалъ на это казакъ. Отдамъ послѣдній грошъ изъ пазухи, сказалъ онъ: если утебя за овчиной несприятано пистолета!

— Обыщи... попытай! такъ увидишь, голубчикъ, что каждая овчинка превратится въ волосатика...

— Ой–ли?

— Изволь... возьми! И неподвижный карло ожилъ, встрепенулся и выпрямился, подоваясь впередъ всею грудью...

Молодой казакъ съ худо-скрываемою робостію отступилъ шага на два.

— Полно, Антонъ Ѳедорычъ, сказалъ онъ: я вѣдь такъ... пошутилъ... Вѣрю, голова; недаромъ про тебя у насъ на Яикѣ молва идетъ, что ты всю подноготную знаешь, на всѣ руки мастеръ: изъ одного зайца трехъ сдѣлаешь, а ужъ погадать — лиха бѣда: все какъ на ладонь высыпишь... Вѣрю, голова! повторилъ казакъ... и крѣпко, накрѣпко радъ, что тебя теперь встрѣтилъ .. Ты мнѣ нуженъ для лихой болести... Помоги! Самъ отслужу чѣмъ велишь, хоть башкой, хоть карманомъ!

— Ладно, ладно, Недорѣзъ... все справимъ: указывай шляхъ до умета...

— Таликовъ, скоро–ли тронемся? послышалось изъ повозки. Голосъ выговорившаго этотъ вопросъ былъ нѣженъ и мягокъ; нельзя было сомнѣваться, что Антонъ Ѳедорычъ служилъ проводникомъ женщинѣ...

— Сейчасъ! отозвался Таликовъ... Ну, Недорѣзъ — за работу!

— Кто это съ тобой? спросилъ Недорѣзъ...

— Тс! подмигнувъ, произнесъ знахарь... Изъ Оренбурга въ городокъ везу родственника командира Симонова, громко добавилъ онъ. Заправляй дѣломъ, товарищъ!

— Мигомъ — все справлю! Обожди только малую толику: вотъ, настигая васъ, тоже повстрѣчалъ горемыку... Онъ, видишь ты, до нашего городка везетъ какого–то нѣмца изъ Авраамова-Скита, и также заплутался...

— Ну, ну — почему не помочь: христіанское дѣло! отозвался Таликовъ... Эй ты! продолжалъ онъ, только теперь замѣчая Ѳомича, который болѣе походилъ на снѣжную глыбу, чѣмъ на расторопнаго малаго, готоваго встрепенуться при первомъ возгласѣ Антона Ѳедорыча... Давай коня–та пріятелю! продолжалъ Таликовъ... Повора чивайся жи-

вѣе... Вьюга перемѣжилась, да вѣдь кто ее вѣдаетъ, можетъ случиться, что и опять присвиснетъ...

— Ей, товарищъ! крикнулъ казакъ... Коня! садись позади меня: отправимся до твоей кибитки.

Послушный Ѳомичъ уже давно держалъ стремя, но ловкій казакъ, не пользуясь этимъ удобствомъ, безъ помощи ямщика прыгнулъ въ сѣдло и почти втащивъ Ѳомича на хребетъ лошади, пришпорилъ ее плетью, и мелкою рысью пустился до занесеннаго снѣгомъ экипажа Силы Львовича.

Чрезъ полчала кибитки съѣхались, и предводимыя Семеномъ пустились до умета снѣжною равниною...

Прежде чѣмъ наши путники, спасенные отъ вѣрной гибели молодцомъ Недорѣзомъ достигнутъ постоялаго двора, мы неизбѣжно должны короче познакомиться съ Силою Львовичемъ и его вѣрнымъ слугою.

Въ эпоху, къ которой относится дѣйствіе моего романа, — наши русскіе дворяне, едва сбросивъ съ себя кору старины и невѣжества — завязавъ глаза и распустивъ поводья разума, офранцуживались съ охотою, какъ говорится душой и тѣломъ, до самыхъ оконечностей своихъ ногтей. Чужіе нравы, чужой языкъ, напудренное чувство, вмѣстѣ съ блестящими пряжками краковскихъ сапожковъ, плѣняли ихъ точно также, какъ розовый фракъ, маленькая ножка танцовщицы и крошечная ручка милой, на которой, то-есть на ручкѣ, предполагался каждый пальчикъ тоньше вермишели. Вскормленцы Россіи, доморощенные дворяне — тогда, какъ всегда, какъ и нынѣ, душой и тѣломъ принадлежали своей родинѣ и образу мыслей цѣлаго общества, цѣлой Россіи; но неспокойные туристы, перекочевавшіе за грань Рейна, въ обѣтованный Парижъ — были уже не таковы. Каждый изъ этихъ любознательныхъ юношей возвращался на свою родину, какъ говоритъ преданіе — маленькимъ вольтеромъ... Эти новички незаконной породы человѣчества представляли удивительно странныхъ звѣрковъ, отъ прически до манеры взяться за вилку, или столовой ножъ... Въ нихъ проявлялась поразительная смѣсь рыцарства съ трусостью, деликатности съ грубостью. И что всего замѣчательнѣе, при этихъ молодыхъ людяхъ непремѣнно, какъ-будто бы на зло вѣку и въ укоръ личности юноши, — постоянно оставался старый дядька, вѣчное бѣльмо господина. Богатый юноша того времени, взлелеянный на кружевныхъ пеленкахъ, потомъ на рукахъ француза, когда-то сапожника въ предмѣстіи Сити и потомъ профессора родной элоквенціи — въ Россіи — съ нимъ же вмѣстѣ отправлялся бродить по свѣту, для образованія ума и сердца... Умъ въ этой скитальческой жизни, полной мечтательныхъ встрѣчъ, славныхъ закладовъ, скачекъ въ

запуски и вѣчныхъ бесѣдахъ съ прекрасными канатными плясуньями, выигрывалъ немного, а сердце израсходывалось, вмѣстѣ съ кошелькомъ и здоровьемъ, то въ гостиныхъ, то за зеленымъ полемъ, подъ бойкую карту банкомета... Немногіе изъ этихъ юношей вывозили съ собою изъ-за границы образованіе, умъ и душу... да и тѣ...

Но обратимся къ Силу Львовичу. Сынъ когда-то богатаго отца, Сила Львовичъ выросъ въ столицѣ, окруженный цѣлою арміею инородцевъ. И Русь онъ зналъ только потому, что о ней иногда напоминалъ ему своимъ присутствіемъ оригинальный камзолъ и рыжія косички Тараса Ананьича Борсина, человѣка добрыхъ, честныхъ правилъ, большаго любителя разнородныхъ настоекъ и русской грамоты, въ тайны который и былъ посвященъ имъ Силинька... Пятнадцати лѣтъ, Силинька прекрасно объяснялся съ дюжиною своихъ гувернантокъ на трехъ европейскихъ языкахъ, ловко бился съ французомъ на эспадронахъ, и къ утѣшенію почтеннаго Тараса Ананьича зналъ положительно и настоятельно, что предложный падежъ въ именахъ существительныхъ требуетъ буквы Ѣ. Едва-ли не на десятый день своего отрочества Силинька былъ записанъ на службу, и уже восьмнадцати лѣтъ пользовался чиномъ сержанта гвардіи... но за слабостію здоровья кончилъ свое служебное поприще въ этомъ неважномъ рангѣ, и напутствуемый назидательною рѣчью отца, отправился за границу, не забывъ взять съ собою Марку, который потѣшалъ барина непомѣрною глупостію. Слабоуміе послѣдняго могло бы непремѣнно обезсмертить и Силу Львовича и его тупаго слугу, еслибы первый завѣщалъ потомству свои записки... Семь лѣтъ скитался Сила Львовичъ по бѣлому свѣту, разсуждалъ въ библіотекахъ о достоинствѣ новоизобрѣтенныхъ мундштуковъ, говорилъ въ салонахъ о книгахъ, слушалъ у своего портнаго лекціи о природѣ, и во-время годичной своей жизни въ Геттингенѣ — не рѣдко пѣвалъ дуэты съ дочерью профессора правъ... Все для Силы Львовича шло очень хорошо; онъ ни въ чемъ не встрѣчалъ неудачъ: папаша акуратно высылалъ ему деньги, Марка, къ утѣшенію своего барина, поглупѣлъ до нельзя, такъ что конца его глупостямъ рѣшительно не предвидѣлось! Просилъ-ли умъ Силы Львовича пищи — пища являлась въ образѣ какого-то студента, слѣдовавшаго за Силою Львовичемъ какъ Мефистофель за Фаустомъ; жаждало-ли сердце нашего Фауста любви и ласки — онъ тотчасъ же находилъ свою Маргариту; наконецъ Силу Львовича одолѣло честолюбіе: онъ нашелъ средство утѣшиться и въ этомъ горѣ, купивъ себѣ дешевую частицу «*Фонъ*». Словомъ, Сила Львовичъ родился въ сорочкѣ... Послѣ наивностей и промаховъ Марки ни что такъ не утѣшало теперь Силу Львовича, какъ баронство... Но и у него, пресыщеннаго удачами

и счастьемъ, бывали минуты тоскливаго припадка... Люди всегда найдутъ случай жаловаться на судьбу, а Сила Львовичъ, несмотря на свое баронство, былъ весьма дюжинный смертный... Часто среди роскошнаго пира, или въ задушевной бесѣдѣ съ друзьями, или, наконецъ, при платонической мечтѣ о своей Маргаритѣ, Сила Львовичъ хмурилъ брови, закусывалъ губу, и грустно опускалъ на грудь голову... При взглядѣ на этого человѣка, веселаго, безпечнаго, и потомъ вдругъ моментально грустнаго, легко можно было думать, что его душа носитъ какую-нибудь тяжелую, страшную тайну, которая отравляетъ всѣ радости, все довольство барона... Ничего не бывало — эту тайну для всѣхъ хорошо зналъ Марко, которому не разъ она была высказана... Именно, Сила Львовичъ, переплывая житейское море въ вѣкъ идиліи, романа и поэтическихъ бредней, крѣпко сокрушался, зачѣмъ его зовутъ Силой.

— Ну какой я Сила! Ну, что это за имя — Сила! говорилъ онъ обыкновенно, въ припадкахъ своей грусти.

— А это, сударь, рѣшился однажды отвѣтить Марко, когда они съ бариномъ прогуливались по тропинкамъ скалъ, повисшихъ надъ Невшателемъ. . это, сударь, изволите видѣть, сказалъ Марка... по моему, кажется значитъ Силантій!..

Сила Львовичъ поблѣднѣлъ отъ досады. Скрестивъ на груди руки онъ остановился передъ лицомъ слуги, въ самой живописной позѣ, и по нѣкоторомъ молчаніи, могъ только сказать...

— Ты, братецъ, дуракъ!

— Что же-съ? отозвался слуга: имя хорошее... Не извольте сердиться; да и люди хорошіе бываютъ съ этимъ имянемъ... Вотъ примѣрно, у насъ въ деревнѣ былъ столяръ Сила... хорошій былъ столяръ .. только пропивалъ бывало что выработаетъ, а хорошій былъ... Силой такъ и звали, ну а иногда, не прогнѣвайся .. и Силькой назовутъ.

— Замолчи! сказалъ Сила Львовичъ, продолжая взбираться на скалу...

— Баринъ, а баринъ!.. снова началъ Марка.

Сила Львовичъ молчалъ.

— Баринъ, Сила Львовичъ — баринъ! продолжалъ неотвязчивый слуга.

— Ну, что тебѣ?

— Можно слово молвить?

— Говори.

— Извольте посмотрѣть... Вонъ тамъ, внизу, хозяинъ вамъ машетъ: стало-быть какое ни наесть дѣло у него до насъ есть.

Сила Львовичъ взглянулъ подъ гору, и дѣйствительно увидѣлъ швейцарца, своего хозяина, который, отъ устали едва переводя духъ, взбирался на скалы, размахивая руками какъ вѣтренная мельница.

— Марко, сказалъ Сила Львовичъ, — поговори съ господиномъ Штуцеромъ. Спроси что ему надо?

Марко былъ во всякое время готовъ исполнять приказъ своего господина, и съ послѣднимъ словомъ барона стремглавъ бросился внизъ, вполнѣ убѣжденный, что ни онъ Штуцера, ни Штурецъ его — никакъ не поймутъ — на случай объясненія.

Къ утѣшенію слуги и господина, объясненіе кончилось передачею посылки, которая назначалась Силѣ Львовичу изъ Россіи.

— Что это у тебя въ рукахъ, Марко? спросилъ Сила Львовичъ, разсѣянно посматривая на громадный пакетъ, который Марко почтительно представилъ барину.

— Письмо, сударь.

— Да мнѣ-ли оно, посмотри?

— Вѣрно вамъ, если Штуцеръ указалъ на васъ.

— Дай сюда...

— Такъ: это мнѣ! съ маленькимъ волненіемъ сказалъ Сила Львовичъ, разглядывая незнакомый почеркъ, которымъ, въ чрезвычайно оригинальныхъ каракуляхъ, былъ написанъ адресъ... Прочтемъ, сказалъ баронъ. Онъ сорвалъ печать и вытащилъ изъ пакета записку. При чтеніи письма Сила Львовичъ блѣднѣлъ и измѣнялся въ лицѣ съ каждымъ словомъ, съ каждою минутою. И было отъ чего счастливому барону растеряться окончательно: письмо заключало въ себѣ слѣдующую печальную вѣсть:

«Милостивѣйшій мой государь и многолюбивый мой питомецъ Сила Львовичъ, съ прискорбіемъ душевнымъ и въ тоскѣ неизрѣченной долженъ повѣдать вамъ горе зѣло великое. Левъ Аркадьичъ, мой высокопочтенный благодѣтель, а вашъ батюшка, на сихъ дняхъ, скоропостижно покончилъ свое земное бытіе. Я остался его душеприкащикомъ и изъ безсчетнаго имѣнія могъ уберечь только пять тысячъ серебряныхъ рублей, кои и имѣю честь препроводить къ вамъ; остальное расхищено кредиторами... Гадательно думаю, что по сей слезной вѣсти вы оставите якшательство въ странахъ полуденныхъ и обратитесь вспять, ибо съ пресвѣтлымъ вашимъ умомъ пора уже послужить матушкѣ Россіи.

А за симъ пребыть имѣю честь вашъ когда-то нестроптивый менторъ Тарасъ Борсинъ».

Судорожный трепетъ пробѣжалъ въ крови барона по прочтеніи имъ записки. Въ глазахъ Силы Львовича темнѣло, ноги его дрожали, и

бѣдняку казалось, что цѣлая лавина рухнула ему на голову, такъ сильно стучало въ его вискахъ...

— Марка... поддержи меня... я упаду! слабымъ голосомъ сказалъ Сила Львовичъ...

Марко, любившій своего господина всею любовью преданнаго и вѣрнаго слуги, немало испугался, бросившись на помощь къ барину...

— Что́ это съ вами, сударь? вскричалъ онъ.

— Все, кончено Марка! сказалъ Сила Львовичъ, грустно опустивъ на грудь голову... все кончено: батюшка умеръ...

— Левъ Аркадьичъ-то! вскричалъ слуга... Ахъ, царство ему небесное! Добрый былъ баринъ! заключилъ Марко, снявъ шапку и набожно перекрестившись.

— Добрый былъ, очень добрый! съ глубокимъ вздохомъ прошепталъ Сила Львовичъ. И въ эту минуту, быть-можетъ, первая слеза въ жизни выкатилась изъ глазъ барона.

Не имѣя ничего впереди, ни блистательнаго, ни положительнаго, Сила Львовичъ рѣшился разстаться съ скитальческою жизнію и возвратиться въ Россію. Въ первыя минуты горя самосознаніе овладѣло еще несовсѣмъ испорченною душою молодаго человѣка. «Что́ же, думалъ онъ, оставляя очаровательныя окрестности Невшателя, и садясь въ почтовый дилижансъ, пожилъ я весело много лѣтъ, пора потрудиться, послужить, хоть бы наконецъ и для того, чтобы оправдать почтенную память отца». Но этотъ порывъ истиннаго сознанія скоро испарился... Сила Львовичъ прекрасно пожилъ въ Дрезденѣ, еще веселѣе провелъ послѣдніе дни своего кейфа въ Варшавѣ, и окончательно размыкалъ свой сплинъ подъ Москвою. Теперь Сила Львовичъ не мечталъ уже о скромной и мирной службѣ чиновника коллегіи; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить въ великую истину, что тотъ кто выросъ великаномъ, сначала былъ маленькимъ... Барону непремѣнно хотѣлось блистать при Дворѣ, и по-крайней-мѣрѣ начать свое поприще съ камеръ-юнкера. Но барона давно уже забыли всѣ друзья его отца, потому-что у Силы Львовича оставались послѣднія крохи... Сила Львовичъ ухватился за отрадную мысль о женидьбѣ, думая поправить свою блѣдную будущность, но и тутъ, московскія невѣсты не оцѣнили ни его видной наружности, ни его модныхъ фраковъ, ни даже послѣдствій семилѣтняго пребыванія за границей. Одни нашли, что Сила Львовичъ вертопрахъ и повѣса; другія, что онъ будетъ любить болѣе лошадей, чѣмъ жену; третьи сказали, что онъ просто волтерьянецъ. Въ-слѣдствіе этого баронъ нашелъ, что Москва и Петербургъ далеко отстали отъ вѣка и что здѣсь не поймутъ ни его ума, ни души, ни рѣчи... Въ эти горестныя минуты Сила

Львовичъ вспомнилъ, что у него гдѣ-то на Уралѣ, въ Яицкомъ-городкѣ, проживаетъ дальній родственникъ, комендантъ Симоновъ; но какъ помнилось Силѣ Львовичу, старикъ суровый, вскормленецъ боевой службы.

— Здѣсь меня не понимаютъ и не поймутъ, однажды сказалъ самъ себѣ Сила Львовичъ... Поѣду къ дикарямъ, тамъ хоть буду жить съ пользой, буду просвѣщать ихъ темный умъ: поѣду къ Симонову... Марка! Возьми лошадей, ѣдемъ на Яикъ!

Сборы были не велики, Сила Львовичъ отправился, и наканунѣ своего въѣзда въ городокъ, какъ мы видѣли, едва не погибъ въ снѣгахъ Оренбургскихъ степей...

II.

Уметъ. — Баронъ въ непріятной комнатѣ и въ непріятномъ расположеніи духа. — Подозрительный наѣздникъ. — Разсказъ Недорѣза.

Мятель почти стихла, когда двѣ кибитки выбрались на торную дорогу, и только еще мелкая изморозь вилась въ воздухѣ, да тотъ же степной вѣтеръ наметалъ сугробы по сторонамъ шляха. Ободренныя лошади шли бодро впередъ, и скоро путники завидѣли предъ собою на холмѣ блеснувшій свѣтъ огня... Обрадованный Ѳомичъ приударилъ по лошадямъ, и то присвистывая, то поощряя своихъ бѣгуновъ ласковымъ словомъ, далеко оставилъ за собою передовую кибитку и добраго Недорѣза...

— Спасибо кормилецъ, награди тебя Господь! кричалъ Ѳомичъ опережая казака... Выбрались батюшки, выбрались, ушли отъ непрошеной бѣды! продолжалъ онъ, давая знать тѣмъ Маркѣ и его господину о близкомъ пріютѣ... Между-тѣмъ замѣченный путниками огонекъ росъ съ каждою минутою. Наконецъ открылся ветхій сарай, замѣнявшій странникамъ степное перепутье; за нимъ на холмѣ выглянули чистыя мазанки хутора, и вотъ лай сторожевыхъ собакъ встрѣтилъ скрипъ повозки.

Несмотря на позднее время, ворота умета были растворены, и Ѳомичъ прямо въѣхалъ на обширный дворъ, обнесенный навѣсомъ, подъ которымъ двѣ осѣдланныя лошади жевали скудную порцію сѣна.

Заслышавъ дребезжаніе колокольчика и фырканье лощадей, хозяинъ ветхихъ хоромъ, старый и кривой калмыкъ Маяклай, тотчасъ выбѣжалъ навстрѣчу пріѣзжимъ.

— А! Ѳомичъ!.. Давно не видать? сказалъ онъ, передавая фонарь въ руки пріѣзжаго.

— Лучше братъ долго, чѣмъ никогда! отозвался Ѳомичъ: было пришло нониче очень жутко!

— Э! заплутался видно?

— Да еще какъ? По уши влезъ въ снѣгъ... лошадки пристали, шляхъ занесло... Хоть ты что́ хочешь... Спасибо добрый человѣкъ помогъ, какой-то вашъ яикскій казакъ... Ну вотъ и выбрались... Принимай гостей; тамъ еще позади насъ на ночлегъ къ тебѣ ѣдутъ...

— Хорошо, хорошо!.. А ты, Ѳомичъ съ кѣмъ?

— Съ господами... Давай теплую коморку...

— Есть! есть...

Въ это время Марка, давно уже, по своему неизмѣнному обыкновенію заснувшій, и сново разбуженный Силою Львовичемъ, показался изъ кибитки...

— Ну ты что́ ли хозяинъ-то? спросилъ онъ, обращаясь къ Маяклаю...

— Я, господинъ, я.

— Такъ чего жъ стоишь?..

— Жду господинъ, что́ прикажете?

— Нечего ждать... баринъ мой не любитъ ждать... сердится... Есть теплая комната, ну и самоваръ... А! Есть?

— Есть... пойдемъ покажу...

— Ну и хорошо... Сила Львовичъ... баринъ! есть! крикнулъ Марка... Извольте отправляться, а я вотъ выберу изъ кибитки всю вашу дрянь, съ позволенія сказать... руки только ломзетъ эта обуза, а что́ проку? продолжалъ Марка, когда утомленный Сила Львовичъ молча выбрался изъ кибитки и послѣдовалъ за хозяиномъ умета.

Баронъ морщился, плевалъ и судорожно пожималъ плечами, проходя грязныя сѣни, заваленныя метлами, рогожками и кадушками. Съ ужасомъ посматривалъ Сила Львовичъ на ветхія стѣны корридора, на которыхъ выступившій снѣгъ, при слабомъ свѣтѣ фонаря, сверкалъ милліонами разноцвѣтныхъ искръ... Молодой человѣкъ блѣднѣлъ при мысли встрѣтить и самый ночлегъ свой съ такими же украшеніями, съ тѣми же щелями шириною въ два пальца, при тѣхъ же объѣденныхъ временемъ метлахъ. Вотъ скрипнула передъ нимъ тяжелая дверь, и паръ, клубомъ вырвавшійся изъ жилья, густымъ и влажнымъ облакомъ накрылъ картузъ и голову Силы Львовича...

— Вотъ сюда, направо пожалуйте! сказалъ калмыкъ, указывая на дверь... Вотъ ваша комната, продолжалъ онъ... Тутъ все есть, боя-

ринъ... все... вотъ два дивана, чистой оренбургской работы, очень мягкіе... Столъ хорошій... Прикажете, принесу ковры и подушки?.. А ужъ самовара не могу; потому не могу, что его нѣтъ... Есть казанъ, хорошій казанъ, чистый, изъ Екатеринбурга... все принесу, сейчасъ принесу... и воды согрѣю...

Сила Львовичъ на всю эту длинную рѣчь, сказанную скороговоркой, отвѣчалъ только однимъ безсмысленнымъ кивкомъ головы. Оставшись одинъ, баронъ тяжело вздохнулъ, сбросилъ свою шубу, и въ нѣмой досадѣ далеко швырнулъ отъ себя свой картузъ. Силѣ Львовичу еще никогда не снилось быть въ такомъ грязномъ пріютѣ... Онъ даже не могъ себѣ разъяснить, какъ могутъ люди жить въ такихъ грязныхъ клѣткахъ и пить чай изъ какого-то екатеринбургскаго казана? Грустное молчаніе царствовало окрестъ Силы Львовича. Оплывшій огарокъ сальной свѣчи, вставленной въ желѣзный подсвѣчникъ такой странной формы, что надъ нимъ растерялась бы всякая догадка опытнаго антикварія, треща бросалъ неровный свѣтъ свой на деревянныя стѣны комнаты, вымазанной охрою; полуразрушенная печь, казалось, готова была сію минуту рухнуть къ ногамъ посѣтителя, при первомъ его движеніи; далѣе, по стѣнѣ тянулся диванъ необозримой величины, да надъ диваномъ моталась длинныя нити паутины, приведенныя въ движеніе недавно затворенною дверью; — вотъ все, что могло занять вниманіе туриста. Сила Львовичъ умеръ бы отъ тоски и скуки, еслибы его неизмѣнный Марка не поспѣшилъ явиться въ комнату съ грузомъ картонокъ и коробочекъ всѣхъ формъ и видовъ...

— Куда? спросилъ Марка, останавливаясь на порогѣ и указывая глазами на свою ношу.

— Брось на столъ.

Марка повиновался.

— Чаю хотите, баринъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Отчего же? Чай хорошее дѣло... Прозябнувши, безъ чаю вредно и спать.

— Не хочу... Пей самъ... У этихъ медвѣдей, даже нѣтъ и самовара...

— Да хозяинъ говоритъ, что есть у него какой-то казанъ.. Не всели равно .. Такая же посудина. Ужъ вѣрно здѣсь обычай таковъ... Прикажите, сударь?

— Отстань Марка: мнѣ грустно.

— А вотъ сударь, сейчасъ размыкаетесь...

— Чѣмъ?..

— Да къ вамъ сюда идетъ тотъ баринъ, котораго мы обогнали, подъѣзжая къ хутору... И баринъ, я вамъ доложу... Сила Львовичъ...

— Опять ты, Марка!

— То-есть, я вамъ скажу, баронъ, продолжалъ слуга, понизивъ голосъ и улыбаясь чрезвычайно загадочно... Не то чтобы баринъ, а просто выходитъ барышня... дѣвица...

— Что ты врешь?

— Ей-Богу-съ... Своимъ ухомъ слышалъ, какъ на дворѣ, вотъ сію минуту разговаривалъ казакъ съ ея ямщикомъ...

— Глаза Силы Львовича ожили и засверкали отъ удовольствія

— Ну, ну! сказалъ онъ... Что же они говорили?

— Просто одинъ говоритъ: ты изъ Оренбурга? А другой говоритъ: Да... везу говоритъ, племянницу коменданта, а принарядилъ ее затѣмъ молодцомъ, что самъ знаешь, теперь время бойкое, пугачевскіе головорѣзы вездѣ шнырятъ: неровенъ часъ нарвешься съ бабой — бѣды наживешь...

Марка еще не успѣлъ кончить разсказа о своемъ открытіи, какъ на порогѣ комнатки показался молодой человѣкъ, не высокаго роста, стройный, и до того привлекательной наружности, что при первомъ на него взглядѣ нашъ баронъ совершенно повѣрилъ словамъ своего слуги. Голубаго сукна казацкій кафтанъ охватывалъ гибкій станъ незнакомца; за ременнымъ поясомъ виднѣлась пара турецкихъ пистолетокъ, а длинный палашъ довершалъ его вооруженіе. Не снимая своей голубой калмыцкой шапки, опушенной бѣлою меркушкою, незнакомецъ молча поклонился Силѣ Львовичу, и расположился противъ его на диванѣ.

Знахарь, встрѣченный казакомъ въ степи, слѣдовалъ за молодымъ человѣкомъ, и въ почтительной позѣ остановился при входѣ въ комнату, бросивъ мгновенный, но быстрый и проницательный взглядъ на барона.

— Больше ничего не прикажите? спросилъ онъ, обращаясь къ своему господину, худо скрывавшему въ эту минуту свое смущеніе.

— Нѣтъ, тихо отвѣчалъ послѣдній.

— Завтра ѣдемъ съ зарею? спросилъ Таликовъ.

— Хорошо.

Знахарь поклонился и вышелъ. Марко послѣдовалъ за нимъ.

Общая комната умета, въ которой находились теперь Антонъ Ѳедоровичъ и вѣрный слуга Силы Львовича, развѣ только своею неуклюжею обширностію отличалась отъ всѣхъ грязныхъ избъ постоялыхъ дворовъ, временъ минувшихъ и настоящихъ. Кривой и закопченный потолокъ онъ, скатываясь къ двери, въ иныхъ мѣстахъ оскалилъ доски, которыя, вися надъ крошечными окнами, бросали уродливую тѣнь набре-

венчатыя стѣны... Подъ нимъ, во всю длину избы, отъ печки до главной стѣны, украшенной двумя мѣдными образами, тянулись нары — постоянное ложе ямщиковъ и самого хозяина... Среди избы, въ поставцѣ, треща и далеко расбрасывая искры, горѣла лучина, освѣщавшая громадный сосновый столъ, заваленный караваями хлѣба, чашками, тарелками и горшками. Съ палатей, въ полутѣни освѣщенія выглядывала пара любопытныхъ глазъ, внимательно наблюдавшихъ знахаря и Недорѣза, который, положивъ на лавку свою винтовку, не безъ корыстныхъ видовъ посматривалъ на скарбъ, покрывавшій столъ, тѣмъ болѣе, что Ѳомичъ успѣлъ завладѣть казаномъ щей, которыми занялся съ большою ловкостію и усердіемъ. У послѣдняго тотчасъ же явился товарищъ — нецеремонный Марка, въ то время, какъ малорослый знахарь, внимательно осмотрѣвъ избу, подсѣлъ къ своему пріятелю Недорѣзу...

— Ну, Сеня, началъ онъ:—теперь потолкуемъ на свободѣ... Повѣдай твою зазнобу и бѣду...

— Все, братъ, разскажу, Антонъ Ѳедорычъ, отвѣчалъ казакъ, съ полногтя ни утаю: помоги только...

— Ладно, ладно! Ну, во-первыхъ?..

— Постой, перебилъ казакъ, прежде чѣмъ перемолвимъ слово дружеское—не прихлѣбнуть ли съ морозу-то?

— Почему же... Кормленый конь два воза везетъ... А я, сказать кстати—не ухмылялся чарочкѣ съ самаго Оренбурга...

— Вотъ какъ?.. Ей Маяклай! Вина!

Вино было подано; пріятели пожелали одинъ другому добраго здоровья, чокнулись, и бесѣда началась.

— Ну, ну Сеня—что же ты повѣдаешь? снова началъ Таликовъ... Да, во-первыхъ скажи-ко, зачѣмъ тебя въ такую неугомонную мятелицу занесло въ степь?

— Съ этой аказіи, я, голова, и хочу начать... Изволишь ты видѣть, продолжалъ казакъ, понизивъ голосъ и подозрительно осматривая присутствовавшихъ въ избѣ... Есть вѣсточка, что шайка пугачевскихъ разбойниковъ, съ измѣнникомъ Толкачевымъ, выслана подъ Яицкій городокъ... Вотъ комендантъ и навостри ухо; дескать плошать тутъ нечего... Отобралъ изъ насъ слугъ вѣрныхъ, да и пустилъ въ розсыпную, узнать, да поразвѣдать — далеко ли эта некормленная сволочь; велѣлъ смекнуть своимъ порядкомъ, сколько ихъ, а на случай и завести друзей въ трущобу... Погодка-то видишь: Богъ помиловалъ—четвертый день снѣжкомъ пересыпаетъ. Я ударился на степь; ужъ думаю, повстрѣчаю голубчиковъ — втяну ихъ въ такую яму, что дней пять проплутаютъ, какъ слѣпые... Съ голоду перемрутъ, перемерзнутъ, какъ мухи...

— Ай да, Сеня... молодецъ! замѣтилъ Таликовъ... Вотъ спасибо, по молодецки дѣло справляешь. Ну, ну!

— День прошелъ, два прошло, продолжалъ казакъ—ни зги Божьей не видно... всѣ тропинки замело снѣгомъ; думаю бѣда — и самъ згинешь какъ ворогъ... Конь не кормленъ, самому на зубы положить нечего... Перевалилъ я кое-какъ къ Гниловскому-форпосту, поразвѣдалъ, выкормилъ коня у пріятеля, самъ перехватилъ, да и опять въ сѣдло... Одолѣла молодца тоска смертная. Буранъ вьетъ мелкимъ дождемъ, встрѣчный вѣтеръ съ сѣдла рветъ, ни увала *, ни прутика, кочки да сугробы, а врага вынюхать до зла горя хочется... Думаю, только бы столкнуться—не сдобровать Толкачеву, первый свинецъ ему въ зубы... Да ужъ-было бы за что. Сказать между нами, провѣдалъ я, что этотъ варнакъ—моей крови проситъ...

— Вотъ на! вскричалъ Таликовъ—съ нескромною улыбкою: да тыто товарищъ съ котораго конца—ему недругомъ доведешься?

— Э—эхъ, Антонъ Ѳедорычъ, сказалъ Недорѣзъ: хоть ты и знахарь, а не во всякое время умомъ разумомъ раскинешь... Догадайся-ка, какая тутъ притча?..

— Смѣкаю, смѣкаю! не безъ смущенія произнесъ Антонъ Ѳедорычъ...

— Что смѣкаешь? спросилъ Недорѣзъ, какъ бы испуганный догадкою собесѣдника.

— Ну, да, знаю, знаю! повторилъ Таликовъ, дружески ударивъ по плечу Недорѣза... все знаю... Зазноба, такъ-сказать... т. е. не то что зазноба... а ну... Знаю! повторилъ хитрецъ, поставленный въ самое затруднительное положеніе угадать то, что думалъ разскащикъ.

Между-тѣмъ маленькіе глаза Антона Ѳедорыча выражали столько самоувѣренности и злой насмѣшки, что Семенъ невольно покраснѣлъ до ушей, при мысли о сердечной тайнѣ, которою, какъ ему казалась, совершенно завладѣлъ собесѣдникъ.

— Да что знаешь-то! повторилъ онъ... Объ Устиньѣ, что-ли?

— Эге! А ты думалъ какъ? Ну, продолжай — небойсь не разболтаю.

— Эка ты наука безпардонная... все знаетъ! прошепталъ казакъ. Да, братъ Антонъ Ѳедорычъ, продолжалъ онъ... Не хочу грѣха таить, въ дочкѣ Кузнецовой, красавицѣ писаной Устиньѣ Петровнѣ — души не слышу... Засѣла игла въ сердце, такъ изныло ретивое, что хоть руки на себя поднять...

— Что-жъ, дѣло повадное... пожалуй хоть я посватаю?..

* Увалъ—холмъ.

— Развѣ только ты поможешь своею наукою, а то лягъ, да и закопайся—улетѣла синица въ поднебесье...

— Какъ улетѣла?

— Такое дѣло налажено, что и вымолвить слово не въ-пору страшно! У Устиньи ужъ есть женихъ, да такой, что какъ филину днемъ на снигиря, такъ Недорѣзу на красавицу ужъ больше взглянуть не доведется! А сватомъ отъ этого жениха ѣдетъ Толкачевъ...

Таликовъ вздрогнулъ и приподнялся на лавкѣ.

— Что ты говоришь, Недорѣзъ! вскричалъ онъ... Неужели этотъ женихъ—антихристъ Емелька Пугачевъ?

— Онъ, братъ, Антонъ Ѳедорычъ... Онъ, разбойникъ?

— Но, постой, Недорѣзъ! перебилъ Таликовъ... Какъ же ты, провѣдавши всю эту затѣю—не донесъ коменданту?

— Донесъ... все разсказалъ до слова, отправляясь на поискъ...

— Ну, и онъ?

— Пусть, говоритъ, попробуетъ этотъ женихъ, или сватъ, только показать носъ у посада, такъ мы такой циръ справимъ новобрачнымъ, что не досчитаются головъ съ похмѣлья... Вотъ и только. Дѣлать было нечего! Засѣдлалъ я коня, помолился на соборную церковь, да и ударился на ловлю. Думаю, ужъ доканаю свата... Вотъ почему мнѣ такъ нужна встрѣча съ Толкачевымъ... Ладно... Проплутавши трое сутокъ въ степи, вчера утромъ, въ первую мятель, я пустился опушкой рубежнаго бора — и какъ тутъ наѣхалъ на конную партію разбойниковъ. Въ минуту меня обскакали илецкіе измѣнники.—Откуда? Кто? Изъ нашихъ ли? Долой съ коня! Петлю ему на шею, пусть идетъ на сворѣ до городка! крикнула сотня голосовъ. Малый я не промахъ; зачѣмъ — думаю пощелъ, то и найдешь.

— Стой, говорю, товарищи. Чего тутъ плутаете: время заѣдаете только... Гдѣ Толкачевъ?

Этотъ вопросъ, сказанный наудалую, заставилъ моихъ пріятелей спрятать свои сабли въ ржавыя ножны.

— А зачѣмъ онъ тебѣ понадобился, молодецъ? спросилъ меня одинъ изъ наѣздниковъ.

— Дѣло есть, отвѣчалъ я: приказъ везу ему отъ Чики изъ-подъ Оренбурга. Время дорого, говори, товарищи, гдѣ онъ?

— Покажи приказъ?

— Съума ты спятилъ, товарищъ... Развѣ ты тотъ, кого мнѣ надо?..

— Нѣтъ... Да кто тебя вѣдаетъ: можетъ статься, ты и недругъ какой ни на есть?

— Не вѣрь, пожалуй, а все-таки мнѣ съ тобою толковать не время... Если же, ужъ грѣхъ тебя попутаетъ—задержишь меня, такъ неровенъ часъ, пожалуй отъ бѣды не отлытаешь.

— Отъ какой бы это бѣды? вспыхнувъ и гордо избочепясь, спросилъ казакъ.

— Да ничего, такъ себѣ; только я думаю, товарищъ, что твоя короткая шея, не крѣпче веревки, сказалъ я.

— Эге, да ты изъ бойкихъ!

— Такимъ Богъ уродилъ... Ну, скажешь что ли? продолжалъ я, осадивъ коня и давая видъ, что готовъ оставить встрѣчныхъ.

— Постой, постой! вскричалъ тотъ же казакъ, въ то время, какъ нѣсколько голосовъ заговорили въ мою пользу. Что съ тобой дѣлать, продолжалъ онъ: видна птица по полету; тебя пріятель хоть выверотни, ты и съ изнанки, кажись, все будешь нашимъ...

— То-то, а еще ртачишься?

— Да что тутъ время ни за что, ни про что мыкать, вскричалъ другой изъ всадниковъ... Отправляйся молодецъ на хуторъ старшины Тюбетейкина; нашъ Семенъ Симанычъ Толкачевъ, заѣхалъ туда слова два перемолвить съ хозяиномъ... Съ нимъ тамъ еще есть нашихъ два товарища.. Знаешь хуторъ Тюбетейкина?

— Ты спроси, дружище, отвѣчалъ я: чего я не знаю въ этой степи...

— А братъ, такъ вотъ и кстати, подхватилъ первый казакъ... Укажи-ка слѣдъ къ городку; на завтра тамъ мы должны сомкнуться съ другою партіею...

— А какъ же старшина то вашъ?

— Велѣлъ поджидать себя, версты за три отъ городка, не переходя Чагана *.

— Такъ это вы заплутались выходитъ? спросилъ я, едва удерживая свою радость.

— Понятное дѣло! Кто-жъ бы намъ велѣлъ дрожать въ этихъ сугробахъ, не двигаясь съ мѣста...

— Такъ, такъ! Дорога не дальная, отвѣчалъ я... Вотъ ступай же просѣкой въ разрѣзъ бора, потомъ направо, объѣдете болотныя кочки, а потомъ и луга чаганскія... Прощайте товарищи... Счастливый путь!

Съ этими словами я повернулъ коня и пошелъ на уходъ, вполнѣ увѣренный, что молодцы, вмѣсто городка, придутъ на завтра въ такую пустошь, гдѣ шаромъ покати—не споткнется!

* Небольшая рѣчка, которая течетъ подъ стѣнами Яикскаго укрѣпленія, нынѣ Уральска.

Версты три гналъ я моего буланчика во весь молодецкій карьеръ, и только тогда одумался, какъ до костей промерзъ подъ вьюгою. Теперь я вспомнилъ, что надо донести коменданту о моей встрѣчѣ прежде, чѣмъ перевѣдаюсь съ сватомъ. Призадумался я. Не знаю, какъ раскинуть умомъ-разумомъ, какъ поспѣть и туда и сюда... Думалъ, думалъ—взялъ да и свернулъ, къ тому же пріятелю въ Гниловскій-форпостъ. Послалъ друга съ донесеніемъ къ коменданту, а самъ, ужъ крѣпко подъ веселую руку пустился мелкой рысцою до Тюбетейкина хутора. Время было позднее; почитай къ ночи уже добрался я до хутора. Спрашиваю—здѣсь? Нѣтъ, говорятъ, сейчасъ только на тройкѣ, въ крытой повозкѣ, выѣхалъ въ степь... Что было тутъ дѣлать... Замерзнуть, или выслѣдить звѣря... Рѣшился попытать счастья: остался въ степи — да вотъ только, что тебя и встрѣтилъ... Не удалось, провалъ возьми! заключилъ казакъ, съ выраженіемъ сильной досады, прищелкнувъ по рукояткѣ своей сабли, лежавшей передъ нимъ на лавкѣ. Помоги, Антонъ Ѳедорычъ, сказалъ онъ: поучи—отецъ родной, что тутъ дѣлать?

— Ладно, ладно! отозвался Таликовъ, видимо чѣмъ-то встревоженный... Подумаю, погадаю... все сдѣлаю... Только теперь пріятель — намъ невремя мѣшкать... Право! Не пустится ли въ дорогу, а то какъ измѣнники окружатъ городокъ, не сдобровать намъ.

— Правду говоришь, Антонъ Ѳедоровичь... За ночь-то еще какъ-нибудь уйдемъ, а днемъ — недолго до грѣха...

— То-то, продолжалъ Таликовъ, взявшись за малахай; тѣмъ болѣе мнѣ не повадно промахнуться, самъ знаешь, какое сокровище у меня на отчетѣ... Ну сбирайся, опоясывай свою желѣзную дуру, — да и въ путь...

— Постой же, Антонъ Ѳедорычъ, возразилъ казакъ: хоть перехватимъ маленько.

— Да малую толику, пожалуй!

И въ то время какъ друзья сѣли за столъ, Ѳомичъ и Марко давно уже храпѣли на нарахъ. Казалось, все смолкло и все спало въ цѣломъ уметѣ, и только въ щеляхъ двери, отдѣлявшей господъ отъ ихъ слугъ, блестѣлъ еще огонь.

III.

Сила Львовичъ дѣлаетъ важное открытіе. — Братецъ и сестрица.

Сила Львовичъ, оставленный глазъ на глазъ съ интереснымъ незнакомцемъ и увлекаемый его смущеніемъ, не могъ оторвать любопытнаго

взгляда отъ хорошенькаго личика проѣзжаго. Баронъ клялся въ душѣ, что отъ Москвы до Парижа и отъ Берлина до Рима онъ не встрѣчалъ такой воплощенной красоты, клялся и въ томъ, что теперь никто въ цѣломъ мірѣ не разувѣритъ его, чтобы молчаливый собесѣдникъ его не была женщина, и олицетвореніе одной изъ тѣхъ идеально-прекрасныхъ головокъ, передъ изображеніемъ которыхъ ему случалось мечтать такъ долго и такъ часто. Въ-самомъ-дѣлѣ, было на что засмотрѣться молодому барону, еще не совсѣмъ растратившему свои страсти и сердце... Черные глаза незнакомца, робко отвѣчая на смѣлый взглядъ Силы Львовича, сверкали такимъ чуднымъ свѣтомъ, такъ мило выглядывали изъ-подъ своихъ долгихъ рѣсницъ, что воспріимчивый Сила Львовичъ, разглядывая черный волосъ собесѣдника, выбившійся изъ-подъ бѣлой мерлушки калмыцкой шапочки, слегка надвинутой на темную бровь, не зналъ, чѣмъ любоваться въ этомъ хорошемъ личикѣ... Въ немъ все было прекрасно, все отдѣльно взятое могло служить увлекательнымъ образцомъ для художника. Хотѣлъ бы я знать, думалъ баронъ, какая романическая тайна скрывается въ этой загадкѣ, и для чего красавица промѣняла свой шолкъ, кружева и вѣеръ на молодецкій чекмень, на эту варварскую шапку и ржавый палашъ, который легко можетъ отколотить даже и драгунскія ноги? Въ свою очередь, мнимый наѣздникъ, казалось, угадывалъ нескромныя мысли Силы Львовича, и въ совершенномъ замѣшательствѣ, вспыхнувъ яркимъ румянцемъ, судорожно перебиралъ концы своего пояса...

Самое оригинальное положеніе, продолжалъ думать баронъ: интересный сюжетъ для картины—эта комнатка съ ея грязною обстановкою и съ ея живымъ населеніемъ... Сама Діана въ казацкомъ чекменѣ, при громадномъ палашищѣ,—какъ будто бы смущенная взглядомъ плута Аполона, перваго любовника во всѣхъ драмахъ и комедіяхъ Олимпа, забываетъ своей воинственный нарядъ, и превращается въ скромную невѣсту... Ну кто повѣритъ этому палашу, что онъ не заржавѣлъ, прицѣпленный къ поясу такого храбраго витязя!

Между-тѣмъ время шло; общее молчаніе длилась попрежнему. Сила Львовичъ уже выискивалъ приличнаго предлога къ завязкѣ разговора, а красивый казакъ, пользуясь задумчивостію барона, успѣлъ украдкою разглядѣть своего собесѣдника и, какъ надо полагать, его немало ободрилъ щегольской кафтанъ Силы Львовича, у котораго изъ разрѣзовъ громаднаго французскаго жилета, несмотря на дорожныя неудобства, выбивались манжеты—самыхъ чистыхъ и тонкихъ кружевъ...

Сила Львовичъ прокашлялся. Незнакомецъ вздрогнулъ, поднялъ гла-

за, и поправивъ подушку, на которой полулежалъ онъ, занялся внимательнымъ обозрѣніемъ ременной плетки, висѣвшей у него на поясѣ.

— Извините, осмѣлюсь васъ спросить, собравъ всю свою храбрость началъ Сила Львовичъ... вы располагаете отдохнуть здѣсь?. .

— Недолго...

— Еще разъ, прошу извинить меня... этотъ вопросъ я дѣлаю потому вамъ, что отъ чистаго сердца желалъ бы выбраться изъ душной каморки въ снѣга степи, но признаюсь... одинъ, съ моими неопытными людьми боюсь рискнуть на такой тяжелый подвигъ... вотъ еслибы съ кѣмъ-нибудь... Позвольте узнать предѣлъ вашего пути?

— Мы ѣдимъ въ Яикскій городокъ.

— Какъ-съ! Въ Яикскій городокъ, въ которомъ комендантомъ Владиміръ Петровичъ Симоновъ?..

— Да. А вы, вѣроятно, его знаете? спросилъ молодой наѣздникъ, оставляя подушку и выпрямляясь во весь свой стройный ростъ...

— Не только знаю, отвѣчалъ Сила Львовичъ, обрадованный удачнымъ ходомъ разговора, но даже могу назваться его родственникомъ, хотя не близкимъ, но все-таки родственникомъ: я ему довожусь троюроднымъ племянникомъ по матушкѣ. Ровно годъ, какъ я тащусь къ нему съ береговъ Рейна... Такъ вотъ какъ, продолжалъ баронъ.... скажите какая пріятная встрѣча: мы ѣдемъ съ вами въ одинъ и тотъ же городъ?

— И даже въ одинъ домъ.

— Возможно-ли! Какъ и вы къ старому коменданту?

— Да, онъ мнѣ дядя...

— Дядя! Ну, такъ, вскричалъ баронъ, оставляя свое мѣсто: любезнѣйшій братецъ, обнимите меня... поцѣлуемтесь!...

При этомъ рѣшительномъ движеніи Силы Львовича, любезнѣйшій братецъ какъ серна прыгнулъ съ мѣста и перебѣжалъ на противуположную сторону стола...

— Ахъ родной мой, да вы просто дикарь, весело продолжалъ баронъ: бѣжитъ отъ братскихъ объятій; ну развѣ такъ встрѣчаются братья? Позвольте хоть вашу руку — будемте друзьями.

Дрожа всѣмъ тѣломъ и стыдливо опустивъ глаза, двоюродный братецъ протянулъ свою руку молодому человѣку, которую послѣдній сжалъ съ полнымъ восторгомъ.

Боже мой! сказалъ онъ... да у васъ, любезнѣйшій братецъ, такая крошечная, такая миленькая ручка, что въ Парижѣ въ однѣ сутки легко бы можно было продать пять тысячь экземпляровъ подобной вещицы... Нѣтъ, братецъ, простите меня, а я поцѣлую эту античную руч-

ку... И галантерейный Сила Львовичъ исполнилъ быстро и неожиданно то, въ чемъ поспѣшилъ прежде извиниться...

На глазахъ двоюроднаго навернулись слезы; смущенный, онъ вырвалъ свою руку изъ рукъ барона и остановилъ на немъ взглядъ укора и оскорбленнаго самолюбія... Но это вспышка досады, взбороздившая хорошенькія брови братца, также скоро миновала, какъ и пришла... Въ минуту глаза его ожили, новый румянецъ вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ, и довѣрчивая, добродушная улыбка обрисовала уста...

— Послушайте, сказалъ подозрительный наѣзникъ, теперь свободно подходя къ барону: если вы точно мнѣ родственникъ и честный, благородный человѣкъ .. то будемте друзьями... Скрываться болѣе немогу, я сама предала себя — и судя по вашимъ взглядамъ, вы уже давно догадались, что я не братъ вамъ, а сестра...

— Браво! браво! вскричалъ баронъ... Пусть я умру на этомъ мѣстѣ, прежде чѣмъ хоть еще одно ласковое слово услышу отъ васъ, если я когда-нибудь предполагалъ, что у меня рядомъ съ киргизами живетъ миленькая, умная и, что всего пріятнѣе, откровенная сестрица .. Боже мой, Боже мой! продолжалъ разчувствовавшійся Сила Львовичъ... зачѣмъ и для чего я таскался по свѣту столько лѣтъ, зачѣмъ пережилъ столько жизней въ кругу парижанъ, когда мое блаженство было у киргизовъ... Сестрица, родная моя сестрица, сдѣлайте милость вашу ручку!...

— Извольте, сказала дѣвушка съ обольстительною улыбкою...

— Не правда ли, продолжалъ баронъ, — вамъ вѣрно кажется, что я сумасшедшій?

— О, нѣтъ! серьозно замѣтила дѣвушка.

— Да это ничего... право ничего... Думайте обо мнѣ что хотите... Когда-нибудь я разскажу вамъ всѣ треволненія моей жизни, и вы поймете восторгъ бѣдняка, пережившаго всѣхъ и все, для котораго вездѣ и во всемъ все мертво, и который вдругъ... Да, нѣтъ — я ужъ, просто мнѣ кажется, начинаю, заговариться... Ну, говорите, какъ васъ зовутъ?

— Варинька...

— Варя, Варинька, Варичка, Барбара... Ахъ, какое прекрасное имя!... Варинька, я васъ такъ и буду звать Варинькой ..

— Хорошо... А скажите-ка мнѣ какъ звать васъ...

Этотъ вопросъ заморозилъ весь восторгъ молодаго человѣка. Лицо его вдругъ измѣнилось, принявъ выраженіе тоски и досады...

— Какъ меня зовутъ! сказалъ онъ — вы хотите знать какъ?

— Да!... Что же тутъ удивительнаго?...

— Ахъ если бы это было удивительно! А то это такъ обыкновенно, имя такое мѣщанское, такое нехорошее... Меня зовутъ... Силой! какимъ-то гробовымъ голосъ произнесъ баронъ...

Варинька разразилась громкимъ и веселымъ смѣхомъ.

— Вотъ вы и смѣетесь... вотъ васъ и разсмѣшило это имя! почти съ досадою вскричалъ Сила Львовичъ...

— О, нѣтъ... не имя!... Право нѣтъ... Не сердитесь, добрый братецъ... Меня, скажу вамъ откровенно, разсмѣшило ваше отчаяніе, съ которымъ вы произнесли черезъ силу — Сила! Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! тѣмъ же задушевнымъ смѣхомъ отозвался Сила Львовичъ. Да я рѣшительно не вѣрю ни моему слуху, ни моему зрѣнію, продолжалъ онъ... Кто мнѣ повѣритъ, чтобы я въ степяхъ могъ встрѣтить столько веселости, наивности и свѣтской свободы, тогда какъ, право не лгу, въ нашихъ столицахъ, въ настоящее время, дамы и дѣвицы все еще наровятъ жить въ теремахъ, и только изъ состраданія къ своимъ напудреннымъ шиньонамъ не закрываютъ лица фатою...

— О, да вы, любезный братецъ, большой льстецъ и злой насмѣшникъ...

— Ни то, ни другое, мой новый и добрый другъ. Я говорю правду, которой давно никому не говорилъ...

— Какая откровенность...

— Эта маленькая плата вамъ тою же монетою. Но скажите — къ чему на васъ этотъ богатырскій нарядъ?

— Этотъ нарядъ, могу сказать, спасъ меня отъ смерти, или по-крайней-мѣрѣ, отъ большихъ бѣдъ.

— Возможно-ли? Вы были въ опасности....

— И въ страшной опасности...

— Говорите, говорите, ради Бога, сказалъ Сила Львовичъ, въ то время какъ взглядъ его выражалъ истинное, душевное участіе.

— Вы знаете, продолжала дѣвушка, что весь край нашъ находится теперь въ самомъ грустномъ положеніи...

— Слышалъ, слышалъ: мнѣ говорили въ Авраамовомъ-скитѣ о какомъ то бѣгломъ казакѣ Емелькѣ... какъ его... такое скверное прозвище!

— Пугачевъ...

— Такъ, кажется!

— Этотъ молодецъ, съ ватагою разбойниковъ, прошелъ по линіи, до самаго Оренбурга, завладѣлъ почти всѣми форпостами, кромѣ Яикскаго городка, и осадилъ самый Оренбургъ...

— Разбойникъ-то! вскричалъ баронъ, подпрыгнувъ на мѣстѣ: да

что́ же это, развѣ у васъ ужъ рѣшительно не ростутъ ни березы, ни осины, на чемъ бы можно было повѣсить этаго молодца...

— Вѣрно еще не пришло время; къ тому же казаки, бо́льшею частію старовѣры, многіе изъ нихъ, большіе буяны и гуляки, рады такому случаю, и пристаютъ къ разбойнику цѣлыми толпами...

— А!.. Позвольте я васъ спрошу, сестрица; да вѣдь и насъ, кажется, нѣсколько часовъ назадъ выручилъ изъ бѣды казакъ... смотрите нѣтъ ли ужъ тутъ засады?

— О не тревожьтесь.. Это нашъ городской казакъ и вѣрный слуга дядюшкинъ...

— Ну-съ, извольте продолжать.

— Вотъ, когда дядюшка узналъ, что Оренбургъ, въ которомъ я гостила у сестры, въ опасномъ положеніи, онъ тотчасъ же рѣшился послать за мною, и для этаго дѣла выбралъ писаря Таликова, ловкаго, хитраго человѣка, на котораго вполнѣ можно было положиться и который въ своемъ муравейникѣ слыветъ знахаремъ...

— Однако, если Пугачевъ успѣлъ снять всѣ фортосты, то удержится ли нашъ дядюшка въ своемъ укрѣпленіи? съ озабоченнымъ видомъ спросилъ Сила Львовичъ...

— Въ этомъ онъ увѣренъ... Команда у него исправная и храбрая; потому-то онъ и рѣшился взять меня домой, совершенно полагаясь на свою безопасность... Таликовъ успѣлъ добраться до Оренбурга, нѣсколько дней жилъ въ станѣ разбойниковъ, умѣлъ прикинуться ихъ вѣрнымъ таварищемъ, и какъ самъ мнѣ признался, за ворожбу и счастливое предсказаніе отъ самаго отчаяннаго вора Хлопушки получилъ полтину награды... Ночью на четвертыя сутки онъ пробрался въ городъ и явился ко мнѣ съ непремѣннымъ приказаніемъ дядюшки слѣдовать за нимъ... Понятно, что рѣшиться на этотъ подвигъ мнѣ стоило большаго труда... Междутѣмъ Таликовъ настаивалъ и просилъ не терять счастливаго времени... и въ ту же ночь, въ этомъ костюмѣ, который мнѣ принесъ съ собою знахарь, я вышла съ нимъ изъ города... За рѣкою гремѣла перестрѣлка... Дрожа отъ ужаса, я безъ мысли и памяти слѣдовала какими-то оврагами и темнымъ боромъ за моимъ провожатымъ, и только могла очнуться въ теплой избѣ не знакомаго хутора. Здѣсь мы провели остатокъ ночи, и къ вечеру другаго дня пустились въ дорогу... Завтра, Богъ дастъ, вмѣстѣ съ вами, порадуемъ дядюшку нашимъ пріѣздомъ...

— Дай Богъ, дай Богъ... Экое, подумаешь, время... Какой дрянной край: морозы, вьюги, разбойники, степи... Право, еслибы не вы, Варинька я, рѣшительно говорю, не остался бы здѣсь двухъ минутъ, и пожалуй, не встрѣчаясь съ дядюшкой, уѣхалъ бы назадъ...

—А теперь? спросила дѣвушка.

— А теперь, отвѣчалъ баронъ... я готовъ замерзнуть въ вашихъ степяхъ, готовъ быть зазарканнымъ... но остаюсь вашимъ рыцаремъ, и съ вами, несмотря на эту глушь, вѣрно не умру отъ скуки...

— О на счетъ этого останьтесь спокойны—мы живемъ, въ нашемъ мирномъ городкѣ весело... и еще будетъ веселѣе... вотъ скоро свадьба...

— Ваша свадьба! спросилъ Сила Львовичъ такимъ тономъ, какъ будто бы дѣло шло о чьей-либо смерти..

— Да, поздравьте меня, любезный братецъ—у меня есть женихъ...

Послѣднія слова, сказанныя дѣвушкою, отозвались въ сердцѣ барона мгновенною нестерпимою и неразгаданною болью.

— Женихъ прошепталъ онъ... у васъ есть женихъ!

— Есть—прекрасный, милый человѣкъ. —

— Милый и прекрасный! снова повторилъ баронъ... Но кто же онъ?

Нашъ гарнизонный поручикъ...

— Гарнизонный поручикъ!.. Поручикъ гарнизонный вашъ женихъ... Варинька..

— Ну, да, гарнизонный поручикъ... Развѣ это такъ для васъ странно, развѣ въ столицахъ не женятся поручики?..

— О!.. упасъ поручики только и женятся... это правда...

— Ну такъ что же? наивно спросила Варенька.

— Ничего... Я такъ...

Лицо Силы Львовича было блѣдно, глаза разсѣянно блуждали по комнатѣ... Онъ нѣсколько разъ старался произнести что то, и каждый разъ кончалъ свое намѣреніе горькою улыбкою...

— Есть женихъ... милый и прекрасный! наконецъ прошепталъ молодой человѣкъ... Нѣтъ нѣтъ, Варинька, сказалъ онъ: вамъ еще рано замужъ, право рано... Вы теперь такъ очаровательны, посмотрите на вашъ свѣжій румянецъ, оцѣните блескъ вашихъ глазъ... Поберегите вашу красу... поберегите... Ну, что это—чепчикъ... ребятишки, огурцы, иногда капризъ мужа. Проза, ужасная проза!

— Ай, ай! сказала Варинька... я васъ не понимаю братецъ... я думала, что вы порадуетесь за меня, а вы...

— Вы меня не понимаете? перебилъ Сила Львовичъ... И не мудрено — вы еще меня такъ мало знаете... Радоваться... чему тутъ радоваться мнѣ, что вы выходите замужъ, за поручика, который еще быть можетъ не въ-состояніи оцѣнить васъ?..

— Неправда! неправда... онъ меня любитъ...

— А!

— И очень любитъ, любитъ такъ, какъ ужъ, кажется, болѣе любить невозможно...

— Послушайте, Варинька, сказалъ Сила Львовичъ... я встрѣчалъ страстныхъ любителей шампанскаго, которые за одинъ бокалъ его готовы были отдать весь океанъ съ его островами, а между-тѣмъ они любили его потому только, что оно шампанское, не зная въ немъ ни вкуса, ни достоинства...

— Что вы хотите сказать этимъ?.. Ахъ, послушайте, продолжала дѣвушка, стараясь измѣнить предметъ разговора, который становился для нее тягостнымъ... Что это у васъ въ этихъ коробкахъ и сундучкахъ?..

— Въ нихъ... щетки, гребенки, гребешки, пудра... да все въ нихъ есть... даже и для васъ найдутся кой-какія вещицы, если позволите... Видите, я зналъ, что дядюшка человѣкъ семейный и запасся для дамъ: мушками, блондами, колечками... Есть между-прочимъ прекрасныя серьги, которыя не испортятъ вашего свадебнаго наряда...

— Опять о свадьбѣ... Забудемте о ней, братецъ...

— И поговоримъ... о чемъ же теперь? спросилъ Сила Львовичъ..

— Для первой встрѣчи, мнѣ кажется, мы все переговорили съ вами. Я думаю немножко вздремнуть!.. извините... отвѣчала Варинька, переходя на свой диванъ...

— До утра, сестрица!

— Да завтра, братецъ...

Варинька опустила свою голову на подушку дивана и сомкнула глазки. Сила Львовичъ съ тяжелымъ вздохомъ облокотился на столъ, и утонулъ въ думѣ. Что занимало въ эти минуты воображеніе молодаго человѣка — разскажемъ въ свое время, а теперь снова перейдемъ въ общую избу умета.

IV.

Антонъ Ѳедорычъ все сдѣлаетъ. — Двѣ бѣды. — Уловка знахаря. — Варинька и Кондратій Голованъ. — Марка пользуется уроками знахаря.

Два пріятеля, оставшіеся за ужиномъ, опорожнили *тулсъ* * икры и чашку пельменей, не замѣчая, какъ шло счастливое время въ разговорахъ и усердныхъ пожеланіяхъ здоровья за чаркою пѣннаго. Глаза Антона Ѳедорыча начинали слипаться, и не одинъ разъ знахарь пыталъ-

* Берестовый буракъ.

ся подняться съ лавки, но казалось ноги отказались на этотъ разъ служить Таликову.

— Сбрось, братъ Недорѣзъ, нагаръ съ лучины, сказалъ онъ, что-то ужъ въ глазахъ больно зелено... Вотъ такъ... ай да молодецъ... Ужъ помогу тебѣ, посмотри помогу... Мнѣ что Емелька,—волкъ его ѣшь—ни по чемъ!.. захотимъ, и его въ овцу превратимъ... Да! а тебѣ помогу... Хочешь что-ли жениться на Устиньѣ?

— Хочу, Антонъ Ѳедорычъ, крѣпко хочу, отвѣчалъ Недорѣзъ...

— Ну и ладно... Живите счастливо — дѣти мои... Наживайте кису денежную, ребятишекъ малъ-мала меньше... все будетъ у тебя... Спасибо... хорошо употчивалъ...

— Не взыщи, Антонъ Ѳедорычъ, чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ, съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ казакъ...

— И на маломъ не прогнѣваемся... я не изъ такихъ загребалъ широкорманниковъ, такъ-сказать крючкодѣевъ... я честной человѣкъ, а ремесло свое знаю, а вотъ коли честный человѣкъ, не хапыга, человѣкъ умѣренный... ну такъ выпьемъ?

— Выпьемъ, Антонъ Ѳедорычъ... выпьемъ, да потомъ и въ путь: время къ разсвѣту идетъ...

— О-хо-хо — времечко! сказалъ Таликовъ, высасывая чарку... Славное бываетъ времячко, и дурное бываетъ оно. . Ну въ путь-такъ въ путь...

— Тс! постой! возразилъ казакъ... слышишь?..

— Ничего не слышу... все кажется хорошо и все безтревожно...

— Нѣтъ, братъ, это недаромъ такъ завыла хозяйская собака.

Казакъ приподнялся, и нѣсколько мгновеній прислушиваясь къ едва внятно-раздававшемуся въ отдаленіи звуку, похожему на конскій топотъ, подошелъ къ окну.

— Такъ и есть... бѣду выждали мы, Антонъ Ѳедорычъ! вскричалъ онъ.

— Бѣду, какую бѣду? почти отрезвѣвъ спросилъ Таликовъ.

— Къ умету отъ бора, черезъ степь, скачетъ партія конныхъ съ значками...

— Конные со значками... Ну, Недорѣзъ, — это пугачевскіе...

— Пугачевскіе — ты угадалъ, и тѣ самые которыхъ я завелъ... выбрались окаянные!.. Что намъ дѣлать?

— Теперь бы Антону Ѳедоровичу поворожить не мѣшало! отозвался насмѣшливый голосъ съ палатей, и курчавая безобразная голова незнакомца, оскаливъ огромный ротъ, повисла на долгой шеѣ — у закраины наръ...

Встревоженные такимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, казакъ и знахарь въ первую минуту остолбѣнели отъ страха.

— Что́ — попались! продолжалъ безобразный незнакомецъ, вотъ мы васъ!.. Ну же, ворожи, Антонъ Ѳедорычъ... Хотѣлось бы видѣть, какъ это ты изъ людей барановъ дѣлаешъ... А ты, братъ, подъ вѣнецъ захотѣлъ... Ладно, ничего, что Недорѣзъ—съумѣютъ тебя дорѣзать... Слышь, наши близко! Ворожи, Таликовъ!.. И хриплый смѣхъ покрылъ слова отвратительнаго урода.

— Проклятый, прошепталъ Недорѣзъ, хватаясь за пистолетъ... Надо извести его!..

— Попробуй! отозвалась курчавая голова — не отступая ни на вершокъ отъ принятой позы и безстрашно устремивъ оловянные глаза свои на дуло наведеннаго въ лобъ ея пистолета... Попробуй!.. повторилъ уродъ... Такъ за меня изъ тебя жилы потянутъ!..

— Тс... Семенъ! Что́ ты дѣлаешь? шепнулъ Таликовъ... возьмемъ его лучше живьемъ... и въ подполье!

Обрадованный этою мыслію казакъ, съ быстротою и ловкостію кошки прыгнулъ на нары и ухвативъ за глотку врага, выждалъ помощи Таликова... Проснувшійся на шумъ Марка, по просьбѣ товарищей, завязать ротъ разбойнику, какъ они его назвали, усердною рукою вколотилъ пріятелю въ ротъ почти цѣлое полотенцо, снятое тутъ же съ гвоздя.

Между-тѣмъ конскій топотъ, звукъ оружія и крупный говоръ всадниковъ раздались уже подъ окнами умета, а врагъ барахтаясь руками и ногами, отчаянно и удачно отстаивалъ свою свободу. Наконецъ Таликову удалось связать ноги врага, и чрезъ минуту опасный свидѣтель бесѣды Недорѣза съ Антономъ Ѳедорычемъ былъ безъ церемоніи спущенъ громадною головою — въ подполье. Дверь мигомъ захлопнулась, и прежній порядокъ водворился въ избѣ...

— Ну, теперь что́?.. Думай живѣе, Антонъ Ѳедорычъ!..

— Теперь!.. постой... Я-то еще какъ-нибудь отдѣлаюсь, а вотъ ты, грѣхомъ, все дѣло испортишь... Слушай: если они тебя встрѣтятъ здѣсь, тебѣ мотаться сегодня на воротахъ...

— Что́ это ты ужъ такъ, выгадалъ? съ безпокойствомъ спросилъ казакъ.

— Кой прахъ!.. Есть тутъ время гадать... Вотъ что́, Недорѣзъ...

— Ну... ну! вскричалъ казакъ, прицѣпляя къ поясу саблю... Слышишь... стучатся въ ворота...

— Бѣги подъ навѣсы и спрячься тамъ, гдѣ-нибудь, хоть на перекладинахъ подъ крышей... Какъ только сбатуютъ они коней, угомонят-

ся и очистятъ дворъ, ты въ сѣдло на перваго встрѣчнаго коня и скачи въ городокъ... скажи: бѣда!..

— Знаю, знаю! Ладно.

Съ этимъ словами Недорѣзъ оставилъ избу. Марко сново взобрался на нары и благополучно захрапѣлъ, не предчувствуя, въ простотѣ своего сердца, никакихъ бѣдъ.

Таликовъ, стараясь казаться, какъ только можно, спокойнымъ, сѣлъ на старое мѣсто и ободрилъ себя новою чаркою. Едва Антонъ Ѳедорычъ принялся за вторую порцію ободрительнаго, какъ въ окнахъ избы показалось нѣсколько брадатыхъ лицъ... У воротъ повторился нетерпѣливый стукъ и сотня голосовъ крикнула:

— Хозяинъ! Кривой! Эй, ты... Маяклай! отворяй живѣе!.. Босоногій Маяклай, узнавъ гостей по первому привѣтствію, опрометью бросился къ околицѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ дворъ наполнился полсотнею сбатованныхъ лошадей, а изба такимъ же числомъ казаковъ.

Маяклай бѣгалъ, какъ угорѣлый, поставивъ на ноги жену и ребятишекъ, которыя чрезъ десять минутъ уставили скамьи и столъ пивомъ, виномъ, пельменями, кулагою и множествомъ разной стряпни, изъ чего Антонъ Ѳедоровичъ легко могъ заключить, что дорогихъ гостей здѣсь поджидали. Уступивъ свое мѣсто обществу старшинъ, знахарь скромно перешелъ избу и расположился на полу, у дверей, за которыми тихимъ и спокойнымъ сномъ наслаждалась довѣренная его опытности Варинька.

Сначала проголодавшіеся казаки исключительно обратили свое вниманіе на разнохарактерную закуску и вино; а когда воинственные желудки наѣздниковъ и ихъ буйныя головы порядочно перенолнились — то вниманіе обратилось и на Таликова...

Многіе изъ посѣтителей умета лично знали Антона Ѳедорыч. и его видное ремесло, а потому едва только одинъ изъ казаковъ замѣтилъ знахаря, какъ его имя тотчасъ же повторилось во всѣхъ углахъ.

— Ба... ба, ба! вскричалъ одинъ изъ старшихъ... Здор о, Таликовъ...

— Здравствуй, Кондрашка Голованъ! отозвался Антонъ Ѳедорычъ...

— Да, что это ты Антоша, ласково подхватилъ другой — выбралъ же себѣ мѣсто, лавки что-ли не достало...

— Оставь его: онъ ворожитъ!

— О чемъ думаете, Антонъ Ѳедорычъ? Да и какъ ваша честь сюда забралась?..

— Вѣдь, кажись ты, умная голова подъ Оренбургомъ не дальше, какъ на днихъ, промышлялъ ворожбою?

— Еще цѣлую полтину унесъ, отъ заклейменаго Хлопушки! съ громкимъ смѣхомъ замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ казаковъ...

— Тс! ты неразумная башка! возразилъ первый старшина... Узнаетъ Хлопушка твою обмолвку, такъ не свернешься; пожалуй доведется и пеньки понюхать... А въ-самомъ-дѣлѣ, Антонъ Ѳедорычъ, продолжалъ тотъ же старшина, какъ это ты пожаловалъ сюда?

— Также, какъ и ты...

— Да я по дѣлу...

— И я также...

— Э, да ты пріятель сего дня что́ то неподатливъ... Хочешь выпить—чокнемся!

— Выпить, почему не выпить... Только неси сюда, а ужъ самъ не встану...

— Изволь, изволь... Ужъ такъ и быть побалую старика сегодня.

Старшина взялъ двѣ кружки и оловянную сулею и съ комическою важностію подошелъ къ Таликову.

— Смотрите! смотрите... раздалось у окна .. кажется, чей-то конь сорвался...

— Нѣтъ! нѣтъ, это наѣздникъ! откликнулся другой... Экъ его несетъ...

— А, это ухорѣзъ Недорѣзъ! подумалъ Таликовъ, принимая отъ старшины чарку, и стараясь отвлечь вниманіе казаковъ отъ бѣглеца, онъ сказалъ...

— Спасибо за чарочку, атаманы молодцы... Вотъ теперь кому что́ надо — всю подноготную вырою...

А нуко... испытаемъ товарищи-друга! крикнуло нѣсколько голосовъ...

— Да, да—и впрямъ!. отозвался старшина.. Ну-ко покажи, Антоша, твою удаль...

— Изволь, изволь! нисколько не смущаясь, отвѣчалъ плутъ... Изволь-все, что́ угодно! сказалъ онъ...

— Хорошо... Ну, атаманы-молодцы, иди сюда... Вотъ такъ... Теперь, продолжалъ старшина, когда козаки обступили знахаря... неугодно ли вамъ, Антонъ Ѳедорычъ, примѣромъ будучи... сказать.... что́ бы такое—постой!... Да! ну... Скажи-ко, что вотъ съ нами вчера, на утренней зарѣ, какая оказія со всѣми случилась!

Казаки перемигнулись и съ насмѣшливою улыбкою, въ нѣмомъ молчаніи, тѣснѣе сдвинули кружокъ...

— Давай ендаву вина, которая побольше, смѣло сказалъ знахарь.., все узнаемъ.

Громадная ендова была поставлена въ колѣни Антона Ѳедорыча, и знахарь, сдѣлавъ прежде условіе, что ендова по окончаніи ворожбы должна быть всѣмъ обществомъ выпита, принялся за дѣло...

Пошептавъ надъ виномъ и бросивъ въ него уголекъ, знахарь устремилъ внимательный и мрачный взглядъ на поверхность возмущенной углемъ влаги...

— Вижу, началъ Таликовъ тихимъ и мѣрнымъ голосомъ... вижу страшную вьюгу.

— Ну... это дѣло знакомое! замѣтилъ старшина.

— Тс! тс! раздалось въ толпѣ...

Таликовъ продолжалъ:

— Мелкій боръ... у его опушки отрядъ наѣздниковъ... это вы, товарищи... вонъ Сенька-Стягъ, Микулка Бурный, Сусликъ... ты Кондратій Голованъ, всѣ... всѣ тутъ...

— Такъ! такъ! шептали слушатели...

— А! продолжалъ Таликовъ...воронъ пролетѣлъ надъ атаманами... нехорошо... Такъ и есть... вотъ къ вамъ скачетъ какой-то налетъ...

Казаки переглянулись.

— Шапка на немъ, говорилъ Таликовъ, остроконечная, киргизская, сѣрая цвѣтомъ... на плечахъ чепанъ, перетяный синимъ кушакомъ, въ рукѣ татарская нагайка, винтовка за плечами... О чемъ то съ вами споритъ, вы его окружили...

— Такъ! такъ! повторяли изумленные казаки...

— Вотъ онъ указываетъ вамъ дорогу... да такъ... указываетъ на просѣку къ бору, еще указалъ налѣво! Ну! смѣется звѣрь, завелъ друзей, обманулъ, ищи его, какъ вѣтеръ въ полѣ... Пей, атаманы-молодцы зелье-веселое... все вамъ сказалъ! заключилъ Таликовъ.

— Фу-ты, прахъ тебя возьми! Словно кто подсказываетъ! Вѣдь вся подноготная справедливо.

— Вотъ-то и поди! Вотъ и потягайся съ нимъ, говорили казаки, опаражнивая ендаву.

— Постой, ужъ потѣшь, душа Антоша! сказалъ старшина... разгадай еще что-нибудь...

— Да вотъ, примѣрно сказать, пусть укажетъ, гдѣ теперь нашъ Семенъ Сысоичъ...

— Кто это, Толкачевъ-то? спросилъ Таликовъ.

— Ну да. Вотъ скажи, гдѣ онъ теперь?..

— Изволь, почему не потѣшить добрыхъ людей; только извините, братцы, сегодня ужъ у меня день такой, продолжалъ хитрецъ, что я только могу на винѣ гадать... на водѣ ни, ни!.. и думать нечего...

— Неважная бѣда, отозвался старшина, что еще эндаву—что́ ли?

— Да и побольше, сказалъ Таликовъ...

— Ну и побольше можно.

Антону Ѳедоровичу только того и хотѣлось, чтобы перепоить пріятелей, и тогда пользуясь ихъ оплошностію, скакать въ городокъ вмѣстѣ съ Варинькою.

Новая эндова была поставлена теперь предъ Антономъ Ѳедоровичемъ, и тѣмъ же порядкомъ знахарь передалъ съ небольшою ложью изумленнымъ казакамъ все то, что́ ему пересказалъ Недорѣзъ.

Послѣ втораго прорицанія степнаго оракула и послѣ двойнаго пріема винной порціи, большая половина казаковъ, истомленныхъ долгимъ скитальчествомъ въ степи, улеглась на нары, не обращая ни какого вниманія, ни на Марку, ни на Ѳомича... Теперь бродягамъ всякій встрѣчный казался своякомъ. Только нѣкоторые изъ старшинъ бодрствовали и продолжали бесѣду съ любезнымъ Антошей...

— Куда же ты теперь, Антонъ Ѳедорычъ? спросилъ Голованъ.

— Въ Яикскій городокъ...

— Вотъ-какъ... Зачѣмъ же туда?..

— А то, какъ же... Надо же вѣдь олуховъ-то приготовить, что бы они васъ встрѣтили хлѣбомъ да солью.

— Правда, правда!.. Что́ жъ ты одинъ конь ѣдишь?

— Нѣтъ, въ крытой кибиткѣ... Ѣду не одинъ, а еще и сынишку везу съ собою...

— Сынишку? Да развѣ у тебя есть сынъ...

— Ужъ вѣрно есть, коли вмѣстѣ ѣдемъ...

— Вотъ штука! Не зналъ, не слыхалъ я, Антонъ Ѳедорычъ, о такой оказіи, сказалъ первый старшина.

— Не слыхалъ, такъ слышишь, не видалъ, такъ увидишь! отвѣчалъ Таликовъ... Вотъ сейчасъ пойду, разбужу, да и въ дорогу... Охъ... товарищи: ухо ростетъ мальчишка...

— Право!

— И плутоватой какой, продолжалъ знахарь... Заговори незнакомый человѣкъ съ нимъ, словно красная дѣвка до ушей зардѣется, а смигни немного, такими дѣлами умудряется, что хоть бы и намъ, такъ въ пору... не одной красоткѣ не дастъ проходу, то глазомъ мигнетъ, то щипнетъ иной разъ, а стрѣлять, на конѣ пролетѣть, кого хочешь за поясъ заткнетъ... Да ужъ нечего сказать, и собой взялъ... Росту не саженнаго, правда; борода не выросла, зато глазомъ поведетъ, или дай, или возьми рубль серебряный! Ей-Богу... Ну, прощайте братцы... Антону пора!

*

Съ этимъ словомъ Таликовъ отправился разбудить Вариньку.

Свѣча, оставленная молодыми собесѣдниками на грязномъ столѣ, давно уже потухла, догорѣвъ по самый бумажный корень... Сѣрый свѣтъ ранняго утра, пробиваясь въ единственное окно комнаты, слабо освѣщалъ ея ветхія стѣны, полуразрушенную печь, и Силу Львовича заснувшаго въ томъ самомъ положеніи, какъ молодой человѣкъ предался своему тайному раздумью. Лицо Вариньки, оставшееся внѣ свѣта, прежде всего обратило на себя заботливое вниманіе Таликова. Старикъ осторожно подошелъ къ спящей дѣвушкѣ, и въ нѣмомъ созерцаніи остановился надъ хорошенькой головкой своей спутницы. Антону Ѳедорычу жаль было тревожить тихій сонъ малютки-барышни, какъ онъ называлъ ее. Однако опасенія за какую-нибудь встрѣчу новаго препятствія восторжествовали надъ умиленіемъ стараго и вѣрнаго слуги.

Тихо наклонясь къ дѣвушкѣ, онъ осторожно потянулъ ее за полу чекменя.

Варинька проснулась и, вѣроятно, упоенная какимъ-нибудь отраднымъ и пріятнымъ сновидѣніемъ, почти съ досадою спросила:

— Что тебѣ, Таликовъ?

— Тс... Варвара Александровна... Ради Бога не громко... Не разбудите этого господина, знахарь указалъ на барона; если проснется, мы пропали...

— Что случилось, Таликовъ? съ испугомъ спросила дѣвушка.

— Пока еще ничего нѣтъ худаго... а можетъ случится... Цѣлый уметъ полонъ пугачевскими наѣздниками...

— Возможно ли!..

— Не пугайтесь... Надо пользоваться временемъ... Мы еще можемъ уйти... Ободритесь и пойдемте.

— Какъ! однѣ... ты да я?

— А вы бы еще съ кѣмъ желали раздѣлить это удовольствіе, малютка-барышня? спросилъ старикъ, болѣе со страхомъ, нежели съ ироніею, опасаясь какого-нибудь каприза со стороны Вариньки.

— Но помилуй, Антонъ Ѳедорычъ, возразила послѣдняя... благородно ли и честно ли оставить этого бѣднаго...

— Богъ съ нимъ... Варвара Александровна... Только бы своя голова на плечахъ вертѣлась: теперь не до другихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! безъ него я нейду...

— Что вы говорите... Да что онъ вамъ, сватъ, отецъ, или братъ...

— Братъ...

— Перестаньте, малютка-барышня... не время шалить... Надѣвайте вашу шапочку, пригладьте волоски, да и...

— Я не шучу, Таликовъ... Этотъ господинъ братъ мой; онъ также ѣдетъ къ дядюшкѣ, онъ его племянникъ...

— Господи Боже мой... просто голову теряю... Да что́ же мнѣ дѣлать, если это правда?..

— Ужъ какъ знаешь...

— Матушка, малютка-барышня... Нельзя съ нимъ... Вотъ вамъ клянусь! нельзя съ нимъ... Ну посмотрите, что́ на немъ надѣто... Вѣдь только покажись онъ, такъ на его блестки, какъ куры на ячмень, всѣ бросятся... и мы тогда пропали...

— Такъ онъ долженъ погибнуть, или, по-крайней-мѣрѣ, ждать, чтобы его ограбили?

— Ну еще, если послѣднее, не бѣда, малютка-барышня: голова дороже этихъ коробокъ съ побрякушками... Да ужъ будьте увѣрены, не пропадетъ онъ... Недорѣзъ поскакалъ въ городокъ; вѣрно не сейчасъ, такъ къ полдню здѣсь будутъ наши казаки со старшиною Мостовщиковымъ... Послушайте старика, Варвара Александровна... сбирайтесь скорѣй... право заѣдаемъ время... Чего вы за него боитесь? онъ мужчина, отгрызется, а вотъ мы-то съ вами какъ?.. Идите! идите! добавилъ Талиновъ, почти насильно увлекая за собою дѣвушку...

Варинька бросила прощальный взглядъ тоски и состраданія на Силу Львовича, оставленнаго въ жертву насилія и дерзости, и принявъ бодрый видъ наѣздника, вышла за своимъ расторопнымъ рындою. Едва только свѣженькое личико мнимаго удальца показалось на порогѣ, какъ еще неусыновленные сномъ старшины съ распростертыми объятіями кинулись навстрѣчу Вариньки...

— Ахъ ты, макъ цвѣтной! вскричалъ первый старшина... Смотри пожалуй, да его хоть сейчасъ въ сарафанъ — любое сердце насквозь пронижетъ...

— Ну, Антоша, наградилъ Господь сокровищемъ!

— И смотри пожалуй, словно невѣста и глазки въ землю... Ахъ ты пострѣлъ, трава-разрывъ сердца дѣвичьяго...

— А небось, говорятъ, подхватилъ другой, въ праздникъ на посадѣ отъ тебя, молодецъ, дѣвчата и крапивой не отдѣлаются...

— Что́, Сенька! сказалъ Таликовъ... попался! Вишь всѣ продѣлки твои знаютъ... То-то, ты смотри у меня!..

— Да, да! Закажи ему, Антоша, проѣдать съ красавицами послѣдній грошъ на пряники... Ахъ ты, яблочко спѣлое, продолжалъ Голованъ... Да, просто наглядѣться не могу на тебя... Поцѣлуй ты меня, безбородая краса...

И Голованъ уже вытянулъ впередъ свои костлявые пальцы и тол-

стыя губы... Но въ эту минуту Варинька, ободренная легкимъ толчкомъ Таликова, съ веселымъ смѣхомъ оттолкнула стараго старшину и бросилась за дверь...

— Ахъ озарникъ! Экой прыткой козленокъ? проворчалъ сконфуженный, но неразсерженный Голованъ, возвращаясь на свое мѣсто.. Прощай, братъ Таликовъ... прощай! продолжалъ онъ... Иди, заправляй своимъ дѣломъ.

Антонъ Ѳедорычъ былъ очень радъ такой милости, и въ ту же минуту оставилъ избу, а чрезъ четверть часа его кибитка рысью промчалась подъ окнами умета.

Между-тѣмъ Ѳомичъ и Марка давно уже проснулись, и молча оставались долгое время свидѣтелями казацкаго пира и всѣхъ продѣлокъ Антоши. Теперь, узнавъ, съ кѣмъ ему доводилось имѣть дѣло, вѣрный слуга Силы Львовича крѣпко боялся за себя и своего барина, особенно за свою личность, которая участвовала въ арестѣ курчавой головы. Надо было на что-нибудь рѣшиться. Сначала баронскій слуга думалъ, что можетъ уѣхать изъ умета незамѣченнымъ, выждавъ той минуты, когда старшины, одурѣвшіе отъ хмѣля, уснутъ; но эти молодцы, какъ видно, владѣли крѣпкими головами, и продолжали свою бесѣду. Марка видѣлъ, что уже немного остается времени до барскаго просонья и что Сила Львовичъ, непредубѣжденный, быть-можетъ, въ угрожавшей ему опасности, невольно самъ дастся въ руки нахальныхъ и буйныхъ казаковъ... Напрягая все свое тупоуміе, всю свою догадку, дуракъ съ виду, Марка рѣшился подняться на хитрость, которая ему вполнѣ удалась... Главною его цѣлію было оправдать себя въ насиліи, съ которымъ былъ связанъ и спрятанъ въ подполье его большеголовый сосѣдъ по ночлегу. Съ этою цѣлью онъ перегнулся съ палатей и какъ бы встревоженный чѣмъ-то, обратился съ вопросомъ къ пирующимъ казакамъ:

— Братцы, а братцы! сказалъ онъ.

Казаки оглянулись и съ изумленіемъ остановили взглядъ на дерзкомъ, который своимъ вопросомъ осмѣлился нарушить ихъ бесѣду.

— Это что за рожа? сказалъ Галаванъ... Эй ты... Долой съ наръ! Поди сюда! Что ты за человѣкъ?

— Ну ужъ не пойду, пріятель, отозвался Марка... Ты вотъ прежде скажи: ушелъ знахарь, или нѣтъ?

— Не въ знахарѣ дѣло: иди если приказано.

— Не пойду... Ты вотъ скажи: здѣсь знахарь? Боюсь, голова: онъ тутъ, на моихъ глазахъ, такую штуку устряпалъ, что просто отрахъ... Да еще кажись съ вашимъ пріятелемъ...

— Съ какимъ пріятелемъ? спросилъ изумленный Голованъ.

— А вотъ такой некрасивый, голова, какъ котелъ... курчавая такая...

— А, да это онъ говоритъ про нашего кашевара, который дня два назадъ былъ посланъ сюда, замѣтилъ Семенъ Стягъ.

— Ужъ не знаю, кошеваръ ли онъ, или кто другой ни-на есть... Только ему жутко пришлось...

— Въ-самомъ-дѣлѣ... А ну-ко, что же онъ съ нимъ сдѣлалъ?

— Скажу, только скажи и ты, здѣсь ли знахарь?

— Нѣтъ, нѣтъ! отозвались казаки, теряя терпѣніе въ разговорѣ съ Маркой.

— Ну, коли нѣтъ, такъ я теперь могу распоясать языкъ... Вотъ какъ все это приключилось... Изволишь ты видѣть... знахарь сидѣлъ вотъ такъ, какъ твоя милость изволитъ сидѣть, а большая голова торчала вотъ здѣсь, словно какъ и моя торчитъ... Вотъ, сударь ты мой, большая голова смотритъ, прищурится, да зубы и оскалитъ. Наконецъ, не выдержалъ знахарь, осерчалъ: слышь ты, говоритъ, пивной котелъ, чему ухмыляешься? — На тебя, говоритъ родимый, вишь ты ни дать ни взять, паукъ въ тулупѣ, а пьешь, голубчикъ, какъ лошадь... скажи пожалуй, въ какомъ огородѣ родится такая мелкая крапива?

— Ну, ну! вскричалъ Голованъ, заинтересованный вялымъ разсказомъ Марки.

— Ну, вотъ мы ждемъ, что будетъ; думаемъ, ужъ если этотъ невзрачный сверчокъ въ-самомъ-дѣлѣ знахарь, то не сдобровать большой головѣ, будетъ въ котлѣ трещина... Такъ, сударь-ты мой, и случилось... Ощетинился знахарь, съежился, распустилъ зеньки, сверкнулъ бѣльмами какъ углемъ, выпрямился... глядимъ... ростетъ... ростетъ — вонъ сейчасъ потолокъ маковкой достанетъ... А большакъ ухмыляется: видно, что бывалый!

— Эге! промычалъ второй старшина... Я не изъ трусовъ, а право не желалъ-бы видѣть, какъ растутъ не по днямъ, а по минутамъ, побратимы того, о которомъ бабушка мнѣ зарокъ дала вспоминать на сонъ грядущій... Продолжай, товарищъ, если только все это тебѣ не въ просоньи пригрѣзилось!

— Чего съ просонья! отозвался Марка, когда меня хоть сію минуту выжми, такой потъ прошибъ отъ страха... Вотъ выпрямился знахарь, самъ улыбнулся, снова съежился и сѣлъ на старое мѣсто... «Не хочу, говоритъ, Бога гнѣвить, грѣхъ брать на душу, а то бы—не сходя съ мѣста — всего бы тебя въ пустой орѣхъ спряталъ!» Не сробѣлъ и тутъ большакъ, знай себѣ ухмыляется.

— Послушай, сказалъ знахарь, принимаясь опять за чарку: отстань, большеголовый; право-слово худо будетъ!..

— Будетъ худо, да не мнѣ, а вашей милости... запру въ кулакъ, не вздохнешь, не укусишь!

— А если я изъ твоей пятерни метлу сдѣлаю?

— Тѣмъ лучше... прямо за порогъ тебя, какъ табачныя обмолки, и вымету!

— Хвастливъ ты, длинный, отозвался знахарь, да разумъ-то у тебя— бабій волосъ... Угомонись, коли еще разъ дарю тебя своею милостію...

Тутъ, изволишь ты видѣть, и подвернись великану подъ руку его шапка... Не задумался онъ, да какъ швырнетъ ее въ голову пріятелю такъ и накрылъ его...

— Ай браво! Вотъ молодецъ! вскричалъ Голованъ...

— Молодечество-то молодечествомъ, замѣтилъ Марка, а резону-то и не вышло...

— Ой ли? Что-жъ бы такое?

— Да ничего больше, какъ въ ту же минуту чей-то поясъ накрылъ озарника, — скрутилъ его по рукамъ и ногамъ...

— Какъ! возразилъ Голованъ, съ видимымъ участіемъ и досадой... Ну и потомъ?..

— Потомъ просто-за-просто само открылось подполье, и большая голова прямо головой въ него юркнула! Вотъ тебѣ и знай нашихъ!

— Ахъ, чортъ возьми! ударивъ по саблѣ — и почти отрезвѣвъ сказалъ второй старшина... Неужели это правда?

— Самъ посмотри...

— Въ подпольѣ, говоришь ты? спросилъ Голованъ, не менѣе озадаченный разсказомъ Марки, какъ и его товарищъ... въ которомъ же подпольѣ? .

— А вонъ, на дверцахъ котораго осталась ваша пустая эндова.

Старшины переглянулись, разбудили двухъ товарищей, въ короткихъ словахъ объяснили имъ разсказъ Марки, и отправились въ подполье.

— Ѳомичъ, не зѣвай... За дѣло товарищъ, иначе быть бычку на веревочкѣ и пить молочко изъ подойничка... сказалъ Марка — оставляя нары.

— Что ты хочешь дѣлать? шопотомъ спросилъ трусливый и встревоженный Ѳомичъ.

— А вотъ братъ, тоже хочу поворожить! Съ этими словами — вѣрный слуга Силы Львовича захлопнулъ дверь подполья, и такъ крѣпко задвинулъ запоръ, что безъ посторонней помощи старшины со своимъ очарованнымъ кашеваромъ не могли уже выглянуть на свѣтъ Божій.

— Мы пропали! прошепталъ въ отчаяніи ямщикъ, со страхомъ озираясь кругомъ...

— Теперь-то мы и спасены! Не теряй время... Бѣги подъ навѣсы, брось твою кибитку и бери перваго коня, если еще душа не просится вонъ изъ тѣла; мы за тобой слѣдомъ — вотъ только разбужу барина...

Ѳомичъ болѣе не разсуждалъ, и вполнѣ понимая свою опасность, въ туже минуту оставилъ уметъ.

V.

Сила Львовичъ испытываетъ множество бѣдствій. — Марка занимается ремесломъ Талыкова. — Новая бѣда и новое званіе.

Въ то время, какъ Марка съ такимъ молодецкимъ тактомъ опытнаго плута туманилъ довѣрчивыхъ и суевѣрныхъ казаковъ, баринъ его, полный обаятельныхъ грезъ, успѣлъ уже проснуться.

Сила Львовичъ, на этотъ разъ, заснулъ подъ вліяніемъ очаровательной дѣйствительности и самой восторженной мечты... Когда Варинька перешла на противуположный диванъ и спрятала свою головку въ подушку, задремавъ въ туже минуту, баронъ долго не могъ оторвать отъ этой головки своего страстнаго и нѣжнаго взгляда. Силѣ Львовичу казалось, что онъ только съ этихъ минутъ ощутилъ и понялъ блаженство жизни. Минувшее его воскресло теперь передъ нимъ въ какихъ-то темныхъ грустныхъ картинахъ, не оставившихъ по себѣ въ душѣ барона ни одного отраднаго воспоминанія, ни одной встрѣчи, надъ которыми нерѣдко съ тихою грустью задумывается и отжившая старость. У Силы Львовича, можно сказать, не было сердечнаго прошлаго. Его прошедшее наполнялось печальною матерьяльностію; бездушное, незатронувшее молодаго чувства, оно казалось барону только что прослушаннымъ сухимъ, безжизненнымъ и вялымъ разсказомъ, повѣстью, въ которой лица блѣдны, обстоятельства не естественны, призрачны и натянуты до нельзя. Отчего-же это, думалъ Сила Львовичъ, только въ тридцать лѣтъ моей жизни я въ первый разъ повѣрилъ безпристрастно свое минувшее, и созналъ его откровенно, и осудилъ его не возвращаться болѣе ни къ моей памяти, ни къ встревоженному сердцу... Помню, что старикъ Бурсинъ говаривалъ мнѣ иногда, что все познается чрезъ сравненіе... Гдѣ же, какое тутъ сравненіе, какъ-будто мое настоящее—вдругъ превратило меня изъ чурбана въ аркадскаго пастушка? спросилъ самъ себя Сила Львовичъ — и при этомъ вопросѣ какъ-будто кто ущипнулъ за ухо барона; онъ покраснѣлъ до ушей, и взглянувъ на спящую сосѣдку

невольно прошепталъ: испорченное сердце, неблагодарный человѣкъ, и здѣсь не можешь быть откровеннымъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, израсходованное на мелочи баронское сердце теперь сильно ощущало въ себѣ зародышъ той лихорадочной и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельной боли, какою ему еще никогда не доставалось болѣть... Надо быть самымъ прозаическимъ гренадцемъ пропитаннымъ съ головы до пятъ рыбьимъ жиромъ, если нейти прямо къ цѣли и цѣликомъ не высказать Варенькѣ всѣхъ моихъ ощущеній, думалъ Сила Львовичъ... Утромъ, говорилъ онъ, все разскажу ей... Все! Старую исторію моей жизни, настоящее блаженство... Ахъ, этотъ поручикъ!.. Удивительное счастіе этимъ поручикамъ... и зачѣмъ я не гарнизонный! въ полупросоньи продолжалъ шептать Сила Львовичъ.

Глаза барона начали слипаться, мысли тупѣть, высказываясь въ несвязныхъ восклицаніяхъ,— и скоро какіе-то масляные фантастическіе круги въ радужныхъ тѣняхъ забродили въ глазахъ Силы Львовича... онъ уснулъ...

Крупный говоръ, смѣхъ и звонъ стакановъ, раздававшіеся въ сосѣдней комнатѣ, встрѣтили пробужденіе нашего героя. Первымъ его движеніемъ было броситься къ окну, для того, чтобы по экипажамъ, оставленнымъ на дворѣ, какъ предполагалъ Сила Львовичъ, узнать и число и званіе своихъ сосѣдей. До полусотни осѣдланныхъ коней въ казацкомъ приборѣ и перекинутые за холкою сѣдла походные мѣшки тотчасъ же увѣрили Силу Львовича, что гости умета — наѣздники. Напуганный вечернимъ разсказомъ Вариньки, баронъ рѣшительно заключилъ, что этотъ табунъ ебатованныхъ скакуновъ долженъ принадлежать пугачевскимъ сорванцамъ. Съ этою мыслію Сила Львовичъ, болѣе страшась за спокойствіе своей названной сестры, готовъ уже былъ броситься къ противоположному дивану, какъ новая и совершенно неожидачная сцена, представившаяся глазамъ нашего наблюдателя, лишила его всякой способности опредѣлить причину этой сцены... Сила Львовичъ, на шагъ отъ воротъ умета, разглядѣлъ Вариньку, усердно помогавшую своему проводнику впрягать лошадей въ кибитку... Вотъ она боязливо оглянулась, что-то сказала своему слугѣ, указывая на окно барона — и исчезла въ кибиткѣ. Малорослый, но расторопный слуга странницы, въ ту же минуту вспрыгнулъ на облучокъ... и дворъ опустѣлъ...

Силѣ Львовичу казалось, что пятки его приросли къ землѣ, въ глазахъ кружились лошади, сарай, и даже самое окно, въ которое смотрѣлъ баронъ, не разъ, повидимому, выворотилось на изнанку. Изумленный туристъ онѣмѣлъ, какъ замороженный качанъ капусты... И было отчего!.. Сила Львовичъ такъ много испыталъ, такъ много извѣдалъ—

что съ перваго мгновенія понялъ свое невыгодное положеніе. Поспѣшное бѣгство Вариньки, въ благородныхъ чувствахъ которой онъ вполнѣ увѣрился, не обѣщало ему ничего хорошаго. Многолюдное сосѣдство, эти походные буцефалы, торопливость микроскопическаго Таликова и частое побрякиваніе сабель за стѣною, все помогало тому, чтобы мирный странствователь, неожидавшій вооруженной встрѣчи и засады — совершенно струсилъ на первыхъ порахъ...

Сила Львовичъ судорожно отшатнулся отъ окна, и въ безотчетномъ забытьи направился къ двери... Только у порога ея разсудокъ, вызванный чувствомъ самохраненія, возвратился къ барону.

— Однако-же, что я дѣлаю? спросилъ самъ себя Сила Львовичъ... Зачѣмъ и для чего мнѣ идти навстрѣчу бѣдѣ... Не лучше-ли замкнуть дверь и... и... Просто не знаю что начать! въ отчаяніи заключилъ баронъ, крѣпко задвинувъ засовъ двери... ну что если этотъ глупѣйшій Марка расхвастается въ кругу головорѣзовъ, что онъ имѣетъ честь служить при моей особѣ и что моя особа тянется въ злосчастный Яикскій городокъ съ такимъ запасомъ золота и шелку!.. такъ вотъ когда я погибаю! сказалъ Сила Львовичъ, съ ужасомъ бросивъ взглядъ на свои сафьянные и бархатные баульчики.

Баронъ тревожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, ощупалъ окно, изъ котораго намѣревался выпрыгнуть, въ нѣмой тоскѣ бросался раза два на свое ночное ложе, и наконецъ осторожно подошелъ къ двери, стараясь прислушаться къ разговору казаковъ ..

— Такъ и есть... этотъ дуракъ уже распоясалъ свой длинный языкъ! вскричалъ Сила Львовичъ, подслушавъ голосъ Марки... Теперь я пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой... это любимая поговорка Бурсина... Что же мнѣ дѣлать? . Вѣдь еще минута, и до меня доберутся пріятели!.. Экая встрѣча!..

Досказывая послѣднія слова, молодой человѣкъ достигъ уже средины комнаты, — и вдругъ блѣдное лицо его ожило румянцемъ, глаза сверкнули огнемъ отваги, и Сила Львовичъ презрительно, въ полуоборотъ, взглянулъ на запертую дверь.

— Жилъ безпутно, сказалъ онъ, и умереть не умѣю, какъ порядочный человѣкъ... Лучше бы мнѣ не называться русскимъ дворяниномъ, если я въ-самомъ-дѣлѣ такой подлый трусъ... И кого же боюсь встрѣтить?... Висильниковъ, разбойниковъ, ушедшихъ изъ подъкнута и клейма... Не дамся!... Ахъ, Варинька, Варинька! предъ послѣднимъ часомъ мнѣ суждено постигать очарованіе жизни!

Послѣ этой благородной тирады Сила Львовичъ перешелъ къ совершенно ненатуральному въ его положеніи равнодушію, и насвистывая ка-

кую-то аріетку, принялся заряжать свои пистолеты также хладнокровно, какъ бы намѣревался истратить зарядъ на встрѣчнаго воробья...

Баронъ взвелъ курки пистолетовъ, и положилъ ихъ на столъ...

Взглядъ на щегольское оружіе до того ободрилъ нашего героя, что онъ считалъ теперь себя уже внѣ опасности, и началъ мечтать о томъ, какъ онъ явится къ своему дядюшкѣ, какъ онъ разскажетъ Варинькѣ свои безхарактерныя ощущенія въ минуту ея бѣгства, — и наконецъ, какъ онъ при первомъ удобномъ случаѣ, поставивъ въ тупикъ злокачественнаго поручика, выдвинется на первый планъ всею своею особою...

Послѣдняя мысль, несмотря на такое варварское сосѣдство, заставила даже Силу Львовича заняться своимъ туалетомъ..

Баронъ вычистилъ и обточилъ свои ногти, встряхнулъ напудренный парикъ, и уже принялся за фабру, какъ мелькнувшій подъ окномъ Ѳомичъ, который въ туже минуту прыгнулъ на лошадь и скрылся за сараями, — своимъ появленіемъ снова возмутилъ хладнокровіе туриста... Въ тоже время, за дверьми раздался легкій стукъ...

Сила Львовичъ бросился къ пистолетамъ, и занявъ уголъ между печкою и стѣною, всталъ въ оборонительную позу...

— Кто тутъ? спросилъ онъ.

— Отворите...

— Прочь — буду стрѣлять..

— Побойтесь Бога, Сила Львовичъ... Отворите, это я! сказалъ Марка...

— Да точно-ли ты?

— Ей Богу я, сударь... Не мѣшкайте... Пора уходить... Худо будетъ...

Дрожащій голосъ Марки и его убѣдительная фраза заставили Силу Львовича отдернуть задвижку двери.

— Ну, что ты? спросилъ баронъ... Живъ, нераненъ?

— Слава Богу-живъ и нераненъ! отвѣчалъ Марка. Только, надо доложить вамъ, сударь, что если мы не поторопимся дать тягу намъ ужъ больше не смотрѣть на свѣтъ Божій... Попались!...

— Да какъ же мы уйдемъ отъ этихъ головорѣзовъ?

— Пьянешеньки всѣ, батюшка... спятъ отличительно въ оба глаза, а набольшихъ то запивохъ я спряталъ въ подпольѣ....

— Какъ!... Ты?

— Просто взялъ, да и спряталъ... Надо уходить... Пожалуйте за мной слѣдомъ... Разскажу всю продѣлку послѣ... Время дорого—Сила Львов... то-есть батюшка баронъ... Идемте!...

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ оторопѣвшій Сила Львовичь... Ну забирай, братецъ, мои картоны...

— Богъ съ ними... На чѣмъ ихъ теперь увеземъ... Вѣдь уходить-то придется верхами...

— Какъ! такъ — все это должно оставить разбойникамъ!

— Тс... Не кричите! Пропадай эта дрянь... Голова дороже... Пожалуй, что̀ можно прихватимъ, добавилъ Марко, спрятавъ за армякъ попавшуюся ему пару коробокъ, а теперь—пожалуйте, батюшка баронъ!...

И всегда почтительный къ своему господину. Марко схватилъ безъ церемоніи за руку Силу Львовича и вывелъ его изъ избы...

Ясный день освѣщалъ равнину, когда наши путники оставили уметъ. Декабрское солнце встало изъ-за туманныхъ облаковъ утра и только-что выпавшій снѣгъ тысячью брильянтовыхъ блестокъ игралъ при его лучахъ... Необозримою, холмистою степью, надъ которою еще рѣдѣлъ утренній туманъ, раскидывалась направо и налѣво окрестность, вставшая передъ глазами всадниковъ... Кругомъ царствовало мертвое молчаніе, ненарушаемое ни полетомъ пернатаго жильца степи, ни лаемъ сторожеваго пса въ придорожномъ хуторѣ, ни даже встрѣчнымъ вѣтромъ...

Съ неизъяснимою тоскою Сила Львовичъ окинулъ взглядомъ безмолвную и однообразную окрестность, въ то время, какъ уметъ съ его ветхими пристройками скрылся за холмами. Измученный быстрою скачкою, баронъ сдержалъ своего коня, приказавъ Маркѣ сдѣлать тоже.

— Послушай, Марка, сказалъ Сила Львовичь: мы скачемъ сломя-голову, не зная куда... Бѣда теперь далеко за нами, и право — пора одуматься...

— Правда, сударь, отвѣчалъ слуга: я вотъ, изволите видѣть, все думалъ нагнать Ѳомича; съ нимъ-то было бы повадно добраться до городка, да нѣтъ... видно нашъ ямщикъ поддѣлъ хорошаго вихря... Пропалъ, какъ сквозь землю провалился...

— Что̀ же намъ дѣлать безъ проводника?

— А ужъ воля ваша... Я право и въ толкъ не возьму, что̀ тутъ дѣлать! отозвался Марка, разсѣянно посматривая вокругъ.

— Это ужасно! Столько испытаній! вскричалъ Сила Львовичъ, возмущенный равнодушіемъ своего слуги... Вчера, продолжалъ онъ — едва не замерзли, сегодня приходится заблудиться...

— Или еще и того хуже, подхватилъ Марка... или еще и того хуже, сказалъ онъ, — другая бѣда катится подъ ноги...

— Что̀ еще?

— Да неровенъ часъ, пожалуй на озарниковъ наѣдешь... боязно и спросить-то перваго встрѣчнаго — о дорогѣ... Кто его знаетъ, куда и

къ кому приведетъ... Вишъ ты, говорятъ, тутъ недобрыхъ-то людей много, какъ волки голодные рыскаютъ... Постойтека, сударь, продолжалъ Марка, если я не ошибаюсь, вправо отъ насъ, кажись колея виднѣется... Да такъ и есть! Слава тебѣ Господи, слѣдъ-то совсѣмъ свѣжій, видно, что только или кибитка, или сани проѣхали! весело заключилъ Марка, прибавляя рыси своему коню.

Въ-самомъ-дѣлѣ слуга Силы Львовича не ошибся: только что протоpенный санный слѣдъ широкою лентою стлался по степи, поднимаясь на холмъ, съ котораго открывался видъ на густой боръ, опушенный снѣгомъ. Ободренные этою встрѣчею, путники мелкою рысью пустились впередъ. Марка, рѣдко словоохотливый, на этотъ разъ, вѣроятно, желая размыкать замѣтную грусть барина, принялся разсказывать тѣ сцены, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ въ уметѣ. Продѣлки знахаря и наконецъ находчивость самаго разскащика до того заинтересовали барина, что онъ не замѣтилъ, какъ они все тою же колеею въѣхали въ густой боръ, который вскорѣ превратился въ такую трущобу, что два коня рядомъ не могли уже слѣдовать...

— Вотъ тебѣ и разъ! Батюшка, Сила Львовичъ,—вѣдь мы опять заплутались! вскричалъ Марка.

— Какъ заплутались?... Да развѣ это нетропинка...

— Тропинка — не дорога, сударь... Вотъ тропинка направо, вонъ и влѣво цѣлыхъ двѣ еще, по которой ѣхать?

— Повернемъ коней назадъ...

— Назадъ... Да полно выберемся ли... Смотрите то пень, то колода, то хворостъ... Ахъ ты напасть непрошенная!.. Что тутъ дѣлать? И лошади-то приставать начинаютъ...

Въ эту минуту, въ сторонѣ — за нашими путниками раздался выстрѣлъ, другой — и вскорѣ жаркая перестрѣлка закипѣла, повидимому, на степи, при опушкѣ лѣса...

— Часъ отъ часу нелегче! дрожа и съ невыразимымъ ужасомъ прошепталъ Марка...

— Боже мой! отозвался встревоженный Сила Львовичъ... Марка мы даже забыли въ уметѣ наши пистолеты...

— Прахъ ихъ возьми... Много они намъ помогутъ... Я даже, съ вашего позволенія, и стрѣлять-то не умѣю... Слышите, слышите, сударь, какая идетъ жарня...

— И кажется, выстрѣлы приближаются, Марка...

— И мнѣ кажется... Бросимте коней, Сила Львовичъ... Ударимтесь куда-нибудь въ трущобу... Не то просто сгинь, да пропади... Слезайте, я подержу вашего гнѣдка...

— Нѣтъ, Марка, лучше пуститься вскачь... выстрѣлы за нами, стало быть еще есть возможность уйти отъ непріятной встрѣчи... Пошелъ впередъ по этой тропинкѣ...

Марка готовъ былъ рѣшиться на все, что хотя сколько-нибудь намекало ему на спасеніе... Не возражая болѣе на слова своего господина, онъ схватилъ первый попавшійся ему въ руки прутъ, и пришпоривъ коня, пустился во весь скачь указанною тропинкою. Баринъ, пригнувшись къ сѣдлу, не отставалъ отъ слуги своего... Въ полчаса, изодранные и оборванные встрѣчными сучьями, нашъ Донъ-Кихотъ и его Санхо-Панса, къ несказанной своей радости, замѣтили, что лѣсъ началъ рѣдѣть, тропинка, разбѣгаясь шире и шире, наконецъ повернула направо, и свободною, торною дорогою потянулась низменнымъ берегомъ рѣчки, на противуположной сторонѣ который открылся, верстахъ въ трехъ, раскинутый на степи хуторъ... А между-тѣмъ и звукъ выстрѣловъ съ каждою минутою становился рѣже, слабѣе, отдаленнѣе, и наконецъ, ненадолго нарушенное молчаніе лѣса снова водворилось...

— Слава тебѣ Господи... помиловалъ насъ грѣшныхъ! сказалъ Марка...

— Тс!... Постой... молчи! вскричалъ Сила Львовичъ, едва сдерживая разгорячennаго коня...

— Что съ вами!... Развѣ вы, что слышите? спросилъ слуга, возвращаясь къ своему испугу...

Но отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ уже ненуженъ. Марка ясно разслушалъ теперь звонкую, русскую пѣсню...

— Батюшка - баринъ, да вѣдь это поетъ женщина! радостно сказалъ слуга...

— Да, да!... Ну хоть человѣка встрѣтили...

— Эге... вотъ она, моя касатка! Ей, красавица! Послушай-ко марьяжъ ты, леденецъ паточный! кричалъ Марка, обезумѣвшій отъ радости, направляясь къ самому берегу рѣки, на которомъ теперь показалась молодая казачка, съ перекинутымъ на плечѣ коромысломъ...

Полная румяная дѣвка остановилась, подняла свои большіе голубые глаза на незнакомца, и опустила на землю ведра.

— Что тебѣ надо, родимый? спросила она.

— Тебя, краля ты моя писаная...

— А для чà?

— Вишъ ты, лебедка, какая оказія... Мы вотъ съ бариномъ, такъ-сказать, не здѣшніе...

При словѣ баринъ, казачка отвѣсила Силѣ Львовичу низкій и почтительный поклонъ.

— Ну и, такъ-сказать, продолжалъ Марка, выходитъ дорогу, т. е., по вашему, шляхъ потеряли...

— А далече-ли шляхъ-то вашъ лежитъ, кормилецъ?

— Въ городокъ...

— Въ городокъ! Не во гнѣвъ сказать вашей милости, съ новымъ поклономъ продолжала дѣвица, вы верстъ десятокъ промохали не за что, не про что... Теперь-отъ-ко, надо вамъ вотъ все прямо ѣхать рѣчкою, а тамъ опять обогнуть налѣво лѣсъ, да ужъ у горокъ только пойдетъ настоящій шляхъ... Да пойдемъ покажу...

Съ этими словами казачка подняла свои ведра, и украдкою разглядывая изнуренное лицо молодаго барина, пошла впередъ почти у самаго баронскаго стремя.

— Ай да маковъ цвѣтъ, добрѣйшее сердце! говорилъ Марка... Вотъ спасибо!.. вотъ послалъ-то тебя Богъ во-время...

— А что, красавица, ты здѣшняя? спросилъ Сила Львовичъ.

— Здѣшняя, баринъ... вонъ съ эвтаго хутора...

— Ага... вижу... А чья ты?

— Казацкая дочка... Кузнецовъ отецъ мой прозывается... При этомъ Марко съ особеннымъ вниманіемъ поглядѣлъ на свою проводницу...

— Ну, а какъ тебя зовутъ, красавица? продолжалъ Сила Львовичъ....

— Устиньей, кормилецъ...

— Ой! отозвался Марка... Ужъ не Устинья-ли Петровна!

— А ты это почему знаешь? съ изумленіемъ спросила дѣвушка. Тотъ же вопросъ, повторилъ и Сила Львовичъ.

— Мало-ли я что знаю, съ хитрою улыбкою отозвался Марка... Я даже знаю, кто по тебѣ сохнетъ, моя красавица...

— Ой ли? съ громкимъ смѣхомъ спросила Устинья.

— Право слово... Хочешь... скажу? Ась!

— А ну-ко, скажи...

— Да ужъ если скажу, не будетъ сказано облыжно...

— Отвяжись... балагуришь, кормилецъ...

— Хоть побожиться—нѣтъ... Знаю... Малый хоть куда, а зовутъ его Сенька Недорѣзъ!

При послѣднихъ словахъ Марки, который съ наръ слышалъ весь ночной разсказъ казака, румянецъ исчезъ на щекахъ дѣвушки, она почти со страхомъ взглянула на слугу Силы Львовича, послѣдній также не мало былъ изумленъ всезнаніемъ своего Марки...

— Что!.. Вотъ и зартачилась! продолжалъ Марко... вѣдь правду сказалъ?..

— Правду, правду! въ какомъ-то раздумьи и тихо проговорила Устинья... Да какъ же это ты знаешь?.. Правда, все правда... не утаю!

— Какъ знаю... Эге!.. Наука далась... то-есть, понимаешь... Пожалуй, коли на то пошло, еще слова два прикину...

Во все это время дѣвушка не спускала съ Марки взгляда, полнаго выраженія страха.

— Да нешто ты ты знахарь, что́-ли? спросила она.

— Знахарь...

Сила Львовичъ едва удерживался отъ смѣха, удивляясь дерзости своего слуги, въ которомъ до-сихъ-поръ не предполагалъ столько удали.

— Такъ вотъ, изволишь видѣть за спасибо, что намъ дорогу показала, продолжалъ Марка, изволь я еще тебѣ слова два прикину...

— Что́-же еще-то? съ очевиднымъ любопытствомъ спросила казачка.

— А то, что къ тебѣ не сегодня, завтра сватъ пріѣдетъ ..

— Сватъ! Отъ Недорѣза!

— Эхъ ма, цыпочка ты моя, бѣлоножка, нѣтъ! съ тяжелымъ вздохомъ отозвался Марка... Другой у тебя женихъ нашелся, а ужъ хорошъ ли, худъ ли, не скажу. Не хочу тебя ни пугать, ни радовать... Доживешь до вечера, спознаешь и то?

— Да ничего, скажи, кормилецъ?

— Ну не могу, моя ягодка спѣлая: имя-то такое, какъ бы тебѣ сказать... Право не могу... Къ тому же я на тощакъ не всегда вѣрно ворожбу справляю... Узнаешь сама, а теперь вотъ и лѣсъ... Куда намъ тутъ прикажешь выбраться?..

— Сейсасъ направо, а тамъ и на горки, сказала проводница.

— Постой, Марка, перебилъ Сила Львовичъ... Покажи-ка, что́ у тебя тамъ—въ коробкахъ?

— Въ коробкахъ-то?.. Да ужъ вѣстимо, сударь, дребедень какая-нибудь... А что́, развѣ чѣмъ ни на есть подарить хотите красавицу?..

— Да.

— Что́-жъ, дѣвка славная... Можно... Вотъ я ее красной лентой для косы руссой почевствую.

Щедрый Марка вытащилъ изъ-за кафтана одну изъ коробокъ, и по тщательномъ ея осмотрѣ доложилъ Силѣ Львовичу, что ленты оставлены въ уметѣ.

— Такъ что́ же есть съ нами? спросилъ баронъ.

— Колечки... серьги...

— Ну дай серьги...

Марка не разсуждалъ, и перегнувшись съ сѣдла, передъ глазами изумленной казачки, тряхнулъ золотыми серьгами:

— На-ка красавица, за спасибо, съ легкой руки!.. сказалъ онъ...

— Что ты, родимый!.. Какъ можно такое богэтство...

— Бери, душа моя! сказалъ Сила Львовичъ...

— Бери, коли даютъ! подхватилъ Марка, почти насильно оставивъ подарокъ въ рукахъ дѣвушки...

— Прощай! сказалъ Марка.

— Прощай! повторилъ Сила Львовичъ.

И наѣздники мелкой рысью снова пустились опушкою лѣса, въ то время, какъ молодая казачка, пораженная неожиданною встрѣчею, необъяснимымъ знаніемъ незнакомца и его дорогимъ подаркомъ, долго смотрѣла вслѣдъ удалявшимся отъ нея путникамъ.

— Скажи пожалуйста, началъ Сила Львовичъ... Я тебю не узпаю Марка, ты рѣшительно дѣлаешься сказочнымъ героемъ... Напримѣръ, какъ ты узналъ, что по этой красавицѣ сохнетъ казацкое сердце Недорѣза?

— Подслушалъ въ уметѣ, какъ тотъ самъ разсказывалъ знахарю о своей зазнобѣ....

— Ну, а о какомъ сватѣ и женихѣ намекалъ ты?

— И это правда, сударь. Тотъ же Недорѣзъ говорилъ, что къ Кузнецову ѣдетъ отъ разбойника Емельки, какой-то другой воръ...

— Стой! Кто ѣдетъ! раздалось надъ самымъ ухомъ путниковъ, и въ ту же минуту толпа конныхъ казаковъ окружила нашихъ странниковъ.

— Что вы за люди? спросилъ одинъ изъ передовыхъ, обращаясь къ Марку, разглядывая нарядъ Силы Львовича.

— Это мой господинъ, поспѣшилъ отвѣтить Марка... Мы люди мирные... т. е. такъ сказать, баринъ мой докторъ... ну, а я слуга моего барина...

Казаки невольно расхохатались надъ этимъ простодушнымъ отвѣтомъ.

— А куда это вы изволите пробираться, слуга своего барина?

На этотъ вопросъ находчивый Марка не могъ отвѣчать такъ скоро, какъ на первый... Если сказать, что ѣдимъ въ Яикъ, многовенно успѣлъ раздумать онъ, то дѣло будетъ не ладно, а о другихъ городахъ, находящихся въ окрестности, Марка не имѣлъ никакихъ географическихъ свѣдѣній...

— Куда же? повторилъ казакъ.

— Да... просто никуда! сказалъ Марка, съ видомъ человѣка, который говоритъ самую высокую истину...

— Какъ никуда, олухъ ты этакій...

— Никуда! повторилъ слуга Силы Львовича... Мы вотъ такъ себѣ ѣздимъ... Такъ вотъ хотимъ ѣздить...

— Мы, друзья мои, перебилъ Сила Львовичъ, стараясь казаться совершенно спокойнымъ и понимая мысль Марка, кочуемъ изъ хутора въ другой, изъ села въ село, сказалъ онъ... и гдѣ встрѣтимъ нуждающихся въ нашей помощи, тамъ и останавливаемся на нѣсколько дней, по мѣрѣ надобности...

— Да, да! подхватилъ Марка... мы вотъ просто лечимъ, да и кончено...

— Ага, такъ вы люди полезные! сказалъ казакъ... люди нужные... А такъ, какъ вамъ, друзья мои бродить-то все равно, такъ не будетъ ли милости отправиться со мною вотъ до этого хутора... Туда сейчасъ подвезутъ нашихъ раненыхъ, и вы имъ сдѣлаете перевязку... Милости просимъ!.. Маршъ впередъ...

— Намъ все-равно... совершенно все-равно! съ глубокимъ вздохомъ отозвался Марка.

Сила Львовичъ и Марка, такъ близкіе къ своему спасенію, теперь должны были повергнуть коней и слѣдовать по указанной дорогѣ до хутора Устиньи.

— Однакожъ, чортъ возьми, тихо сказалъ одинъ изъ казаковъ, не спуская своихъ красныхъ глазъ съ баронскаго коня... Лошади-то у этихъ молодцовъ точно наши, да и сбруя-то не докторская...

— Молчи, отозвался старшина, дѣлавшій допросъ путникамъ... Я даже знаю, что подъ этимъ молодцомъ конь Кондратья Голована, который вмѣстѣ съ другими товарищами, какъ сквозь землю провалился... Мы допросимъ этихъ мирныхъ странниковъ, и можетъ-быть, что-нибудь узнаемъ... А ужъ только молвить кстати, рожи нашихъ друзей крѣпко подозрительны! заключилъ старшина.

VI.

Совѣтъ въ комендантской квартирѣ. — Вѣстникъ.—Служба службой, а дружба дружбой.—Что же сдѣлалось съ племянникомъ.

Въ эпоху, къ которой относится дѣйствіе нашего разсказа, Яикскій городокъ, названный въ-послѣдствіи Уральскомъ, выдержавъ, въ сентябрѣ 1773 года, первый набѣгъ мятежной сволочи, послѣ разоренія разбойниками крѣпостей Илецкой, Разсыпной, Озерной, Татищевой и Чернорѣченской, ждалъ другаго натиска злодѣевъ, болѣе смѣлаго и силь-

наго. Храбрый комендантъ Яикскаго городка, подполковникъ Симоновъ, командуя отборными молодцами, вѣрными слугами престола, несмотря на всѣ ужасы, какими сопровождалось взятіе помянутыхъ крѣпостей, рѣшился умереть на стѣнахъ своего маленькаго укрѣпленія, но отслужить присягѣ съ честью храбраго солдата. Къ-тому же, увѣренный въ усердіи подчиненныхъ, онъ смѣло надѣялся, въ случаѣ взятія города, котораго не могъ отстоять со своимъ малочисленнымъ гарнизономъ, отсидѣться за стѣнами крѣпости... Надежда казалась тѣмъ болѣе сбыточною, что радостная вѣсть о приближеніи регулярныхъ войскъ на линію уже ободряла многихъ страдальцевъ несчастнаго края, разореннаго злодѣйствомъ и хищничествомъ (*).

Для ясности нашего разсказа, мы должны вернуться къ той ночи, въ которую познакомились съ Силою Львовичемъ. Въ то время, какъ въ степи завывала такая страшная непогода, въ городкѣ царствовало совершенное спокойствіе; ни одного живаго существа не показывалось на улицахъ, занесенныхъ глубокимъ снѣгомъ. Огни давно уже потухли, какъ на посадѣ, такъ и въ городѣ, и только небольшой свѣтъ еще пробивался сквозь опущенныя шторы въ окнахъ комендантскаго дома. Въ немъ-то, въ минуту всеобщаго усыпленія, бодрствовали тѣ, на совѣсти и отвѣтственности которыхъ лежала важная мысль спасенія крѣпости и наказанія враговъ...

Мѣстомъ собравшихся для совѣщанія служила небольшая квадратная комната, обращенная окнами къ лѣвому фасу укрѣпленнаго вала. Рѣзные дубовые стулья съ высокими спинками, большой круглый столъ на срединѣ и длинная, обитая темнымъ ситцемъ софа, да зеленые коленкоровые занавѣсы на окнахъ, вотъ вся утварь, которая составляла убранство и украшеніе комендантской столовой. Высокій, плотный мужчина, съ веселымъ, румянымъ лицомъ, въ бѣломъ киргизскомъ халатѣ и съ коротенькою нѣковою трубкою въ зубахъ, помѣщался на громадной изразцовой лежанкѣ, расписанной узорами и іероглифами,—на шагъ отъ него, облокотясь на костыль, и положивъ другую руку на плечо молодаго, красиваго поручика седьмой егерской команды, стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ.. Въ крупныхъ чертахъ лица послѣдняго и въ его сѣрыхъ глазахъ было такъ много ума, мужества и спокойствія, что казалось, съ подобнымъ товарищемъ Симоновъ могъ смѣло разсчитывать на отвагу и молодечество своихъ солдатъ... Въ противуположномъ углу комнаты, на стулѣ, рядомъ съ высокою, худощавою старушкою, дремалъ

(*) Всѣ историческіе факты, относящіеся къ разсказу, заимствованы изъ «Исторіи Пугачевскаго бунта», см. соч. Пушкина Т. V. изд., 1838 г., и изъ статьи «Оборона крѣпости Яики въ 1774 г.», см. «Отечественныя Записки», изданіе Свиньина, 1824 г. №№ 52 и 53.

сѣдой казацкій старшина Мостовщиковъ... Казалось, старушка вполнѣ раздѣляла нетяжелое занятіе своего сосѣда, и каждый разъ, какъ игла вываливалась изъ чулка ея, что́ повторялось весьма нерѣдко, молчаливые собесѣдники оба нагибались за оброненною вещью, и почти въ одинъ голосъ говорили:

— Не понюхать-ли табачку?..

При этомъ старушка и старшина, обращаясь каждый къ своей табакеркѣ, обоюдно предлагали другъ-другу позаимствоваться щепотью березинскаго.

— Эхъ! да перестанете-ли вы тамъ, табанюхи неугомонные! вскричалъ наконецъ старый комендантъ, нарушивъ общее молчаніе и ударивъ своею трубкою въ карнизъ лежанки... Ну, что́ это такое, продолжалъ онъ... Марья Ивановна, не хотите-ли табачку, Егоръ Егорычъ, не понюхать-ли табачку!.. табачку, да табачку... вотъ цѣлый вечеръ только отъ васъ и слышимъ, что щелкаютъ однѣ тавлинки...

— Что́ ты, что́ ты, батюшка, *купоросишься-то*! (*) отозвалась старушка, видимо обиженная словами коменданта... что́ это... въ приличіяхъ развѣ... въ тонѣ!.. У тебя вонъ есть чадилка, ну и соси ее... никто тебѣ помѣхи не сдѣлаетъ... Такъ-то!

— Да нельзя же, матушка Марья Ивановна... Тутъ вотъ о дѣлѣ поговорить нужно, обдумать, а ты со своимъ табачкомъ! возразилъ Симоновъ... Ну какой будетъ прокъ въ нашемъ совѣщаніи, какъ вотъ я буду всякому говорить: не покуримъ-ли? Г. Полстоваловъ начнетъ намъ стихи читать своего сочиненія, Крыловъ пунштику спроситъ, а ты и Егоръ Егоровичъ—носомъ въ тавлинку... Не время и не мѣсто, матушка...

— Не твое, сударь, дѣло!..

— Да какъ не мое... Ну, такъ что́ же я здѣсь послѣ этого!.. Вѣдь я пригласилъ васъ на совѣтъ, а не для того, чтобы смотрѣть, какъ васъ табакобѣсіе одолѣетъ. Вотъ, извольте-ка, прошу покорно взять и придвинуть стулья, не угодно-ли сомкнуться около меня...

При этихъ словахъ молодой поручикъ быстро придвинулъ къ лежанкѣ нѣсколько стульевъ, и когда присутствующіе заняли свои мѣста, онъ скромно помѣстился за стуломъ старушки. Ласковый взглядъ комендантской супруги былъ наградою расторопному юношѣ, при чемъ Марья Ивановна, въ избыткѣ благодарности, не могла удержаться отъ того, чтобы не поподчивать поручика табачкомъ...

(*) Мѣстное слово—купороситься—сердиться.

— Опять! вскричалъ комендантъ, когда старушка протянула къ поручику свою руку, вооруженную табакеркою...

— Ну, не буду... не буду! Ахъ какой настойчивый человѣкъ! прошептала старушка, тряхнувъ фалборками своего чепца... Извольте: мы васъ слушаемъ, сказала она.

— Господа, началъ Симоновъ, наконецъ настаетъ наше боевое время. Висильникъ Емелька смекнулъ, какъ важно завладѣніе нашимъ городкомъ, и рѣшился снова отвѣдать нашего молодецкаго удара. Сегодня вечеромъ, чрезъ казака, посланнаго десятникомъ Недорѣзомъ изъ Гниловскаго форпоста, я получилъ важныя свѣдѣнія. Недорѣзъ меня извѣщаетъ, что вчера на-разсвѣтѣ, во-время *бурана*, онъ наѣхалъ на партію казаковъ, которую успѣлъ обмануть, и вывѣдалъ отъ нихъ, что измѣнникъ Толкачевъ съ передовыми отрядами высланъ на насъ изъ-подъ Оренбурга, и что партіи завтра на-разсвѣтѣ должны уже собраться за Чаганомъ... Недорѣзъ успѣлъ завести молодцовъ въ трущобы, однакоже—намъ отъ этого не легче... Не пропадутъ же вѣдь разбойники, и дня чрезъ два, ихъ неизбѣжно надо ждать...

— Ну, да вы мнѣ это объясняли, подполковникъ, замѣтилъ старшина, и я тотчасъ же распорядился, выславъ развѣдныя партіи...

— Прекрасно! подхватилъ Крыловъ,—и мой совѣтъ: вамъ съ зарею самимъ бы съ усиленнымъ отрядомъ выйти изъ города, и нежданно, на случай пріятной встрѣчи, въ виду горожанъ и посадскихъ, хорошенько поколотить илецкихъ измѣнниковъ...

— А кого заарканятъ, добавилъ Симоновъ... того тотчасъ же на площадь—и разстрѣлять, въ острастку вашимъ же казакамъ, между которыми у многихъ совѣсть позаржавѣла...

— Все это такъ, господа, возразилъ Мостовщиковъ, человѣкъ храбрый по природѣ, но чрезвычайно неподвижный, котораго, какъ говорится, чтобы вызвать на какое-нибудь дѣйствіе, необходимо должно было раскачать... *напитковать* его, какъ выражался молодой поручикъ... Все это такъ, господа, сказалъ онъ, но смѣю васъ спросить: куда я долженъ выйти съ моимъ отрядомъ?

— Ахъ, милосердый Боже! вскричалъ нетерпѣливый Симоновъ... отправляйтесь сейчасъ... сію минуту, разсыпьте секреты, и врагъ самъ наткнется на васъ...

— А мы за себя постоимъ, добавилъ Крыловъ: клянусь вамъ моею капитанскою честью, что по первому выстрѣлу—цѣлая сотня штыковъ къ вашимъ услугамъ...

— Первый моментъ—важенъ! сказалъ Симоновъ.

— Поколоти мы измѣнниковъ на первомъ шагу — не сунутъ носа

дальше! подхватилъ Крыловъ... Воръ храбръ въ потьмахъ, но хвати его за воротъ, цѣликомъ твой!

— А мое бы мнѣніе, милостивые государи, начала Марья Ивановна: я хотя и женщина...

— Смирно, сударыня! вскричалъ Симоновъ... Понюхайте табаку... и ни слова!.. Не забудьте, что вашъ мужъ не имѣетъ носковъ... вяжите... время походное...

— Но, я хочу сказать...

— Не будемъ слушать!..

— Но я...

— Не бабье дѣло полевая и форпостная служба!.. Горшокъ, ухватъ, чулокъ, табакерка... распоряжайтесь этими недолговѣчными волонтерами...

— Такъ, наконецъ, позвольте васъ спросить, съ обиженнымъ самолюбіемъ сказала старушка... для чего же вы просили меня садиться къ вашей лежанкѣ?..

— Изъ учтивости... Только изъ учтивости—чортъ возьми...

— Хороша учтивость... въ-такомъ-случаѣ я уйду...

— И съ Богомъ!

— Забыто всякое приличіе! сквозь слезы сказала Марья Ивановна, оставляя свое мѣсто...

Симоновъ вздрогнулъ и также оставилъ свое мѣсто...

— Машенька, Машенька! вскричалъ онъ... что съ тобою...

— Охъ... дурно!..

— Дурно... голубчикъ мой... да вѣдь я такъ... я только того... Ей-Богу—ничего больше... Ахъ, пропалъ я, поблѣднѣла! продолжалъ старикъ, ударивъ себя по лбу... Экой дуракъ!.. растрогалъ женщину такую энергическую, такую благородную... Петя, отецъ родной!.. Полетоваловъ... Да что-жъ вы стоите, какъ деревянные?.. Ну... воды! спирту! уксусу... чего-нибудь... жидкаго... Все пропало! Воды, братцы, воды!

Въ эту критическую минуту, когда Марья Ивановна въ мнимомъ обморокѣ упала на стулъ — на порогѣ комнаты показался Недорѣзъ-встревоженный и облитый потомъ.

— Что новаго... говори скорѣй! вскричалъ Симоновъ, забывая обморокъ супруги.

— Злодѣевъ можно накрыть, ваше высокородіе! сказалъ казакъ.

— Накрыть? Какъ накрыть?

— Партія, которую я завелъ-теперь вся въ уметѣ «*Стараго-Маляклая*», вѣрно они перепьются съ дороги.

— Славно! вскричалъ Крыловъ... Время терять не должно. .

— Не должно, ваше высокоблагородіе, отозвался казакъ... потому, осмѣлюсь доложить, что тамъ еще остались наши и не могимъ знать, какъ отдѣлаются.

— Кто же это наши?

— Таликовъ и племянница ихъ высокородія...

— Варенька! вскричалъ поручикъ, уронивъ на полъ стклянку со спиртомъ...

— Варечка! повторила Марья Ивановна, такимъ твердымъ голосомъ, какъ-будто бы это имя совершенно возвратило ей и силу и память... Ахъ, злодѣй!.. Племянницу послалъ подъ топоръ...

— Успокойтесь! сказалъ всегда разсудительный и спокойный капитанъ...

— Успокойтесь, повторилъ Симоновъ... до умета всего семь верстъ... нашъ старшина поспѣетъ туда съ отрядомъ во-время... Къ тому же Таликовъ не изъ такихъ, чтобы влѣзъ въ петлю: развѣ онъ самъ надѣнетъ ее кому-нибудь! Не бойся, другъ мой, продолжалъ комендантъ, обращаясь къ женѣ и совершенно обрадованный тѣмъ, что представился нечаянный и скорый случай къ примиренію... Ну-съ, говорилъ онъ... Егоръ Егоровичъ... Садитесь-ка на коня, и благословясь, въ дорогу...

Мостовщиковъ, молча, взялъ свою киргизскую остроконечную шапку и вышелъ изъ столовой, за нимъ отправился и Недорѣзъ.

— Подполковникъ, сдѣлайте милость, отпустите меня съ конным отрядомъ? сказалъ Полстоваловъ, взявшись за свою маленькую трехъугольную шляпу.

— Тебя! что ты шутишь, братецъ?

— Ради Бога!

— И не говори! Успокойся... твоя Варенька будетъ здѣсь...

— Но можетъ случиться...

— Смирно! Ничего не случится... Извольте пригласить ко мнѣ господъ офицеровъ, кромѣ тѣхъ, которые выступятъ въ отрядѣ капитана Крылова... Капитанъ, продолжалъ Симоновъ... даю вамъ пятьдесятъ штыковъ, раскиньте секреты за *горками*, не растягивая цѣпи, и если Мостовщикову будетъ плохо, помогите ему стальной щетинкой... Если заслышите выстрѣлы далеко отъ города... идите только на частый выстрѣлъ... На маршѣ не дремать... Нехудо было бы прихватить съ собой пушечку, да легкой нѣтъ... Дѣлать нечего, не обзавелись!.. Ну, съ Богомъ, друзья!

Товарищи обнялись и разстались.

Марья Ивановна, встревоженная вѣстью объ опасномъ положеніи Вареньки, ушла поплакать на просторѣ, и чрезъ нѣсколько минутъ столовая, которую одѣтый теперь въ полный мундиръ старый Симоновъ мѣрялъ громадными шагами, наполнилась обществомъ офицеровъ...

— Господа, сказалъ комендантъ, встрѣтивъ своихъ сослуживцевъ, въ то время, какъ подъ окнами мелькнулъ отрядъ казаковъ, а за нимъ и отрядъ егерей,—господа, сегодня или завтра настанетъ время славной и бодрой службы... Оправдайте предъ Матушкою Царицею вашего стараго командира, будьте въ дѣлѣ молодцами, отслужите грудью, честно и совѣстливо... Такъ Богъ велѣлъ, на то мы и присягали... Старымъ служакамъ скажу только, чтобы не забывали своей славной молодости, а молодыхъ прошу поберечь рискъ и запальчивость до вылазки, гдѣ нужна отвага и бойкое молодечество... въ дѣлѣ за окопами—больше вниманія, осторожности, надсмотра за людьми и смѣтки... Съ первою дробью барабана будьте всѣ готовы или славно умереть, или славно жить!.. Прощайте... Идите по своимъ мѣстамъ! Полстоваловъ, останьтесь при мнѣ... Есть приказаніе...

Глубокая тишина водворилась въ столовой коменданта съ уходомъ изъ нея офицеровъ. Заложивъ руки въ карманы своего мундирнаго кафтана, Симоновъ, нахмуривъ брови, быстро ходилъ изъ угла въ другой, изрѣдка бросая вопросительный и испытующій взглядъ на молодаго офицера, едва скрывавшаго свою грусть и остававшагося у двери...

— Нехорошо!... Очень нехорошо! сказалъ наконецъ комендантъ, равняясь съ поручикомъ и прищелкнувъ каблуками... Не хотѣлъ я только говорить при Марьѣ Ивановнѣ, а нехорошо, братъ!..

— Вы меня пугаете, подполковникъ...

— Да, да! какъ-бы говоря самъ съ собою, продолжалъ Симоновъ... Таликовъ и она, а тамъ такая ватага буйной сволочи!.. Ахъ эти бабы, вѣчно съ ними возня... хлопоты... Хорошо, если поспѣетъ Мостовщиковъ... Хорошо, если вывернется изъ бѣды Таликовъ... А вѣдь дѣло-то пропащее... А! какъ ты думаешь?..

— Не знаю, что вамъ отвѣчать, на это, съ глубокимъ вздохомъ отозвался молодой человѣкъ... Я радъ былъ бы найти какое-нибудь утѣшеніе... Вы знаете, какъ близко моему сердцу несчастіе Вариньки...

— Знаю братъ, знаю... А, что станешь дѣлать!.. Божья воля...

— Отпустите меня, комендантъ!

— Эхъ, братецъ! вскричалъ Симоновъ: отпустите—наладилъ себѣ... Ну, куда я тебя отпущу... Что ты тамъ сдѣлаешь?..

— Я умру за нее...

— Только! Глупо родной мой... Невыносимо глупо! Умру! за что?.. для чего?... Какъ я тебя отпущу... Во-первыхъ, это безразсудно, а во-вторыхъ, противузаконно... Да! Непорядокъ, душа моя! безразсудно — потому – что одинъ своею личностію и своею шпагою ты ничего не сдѣлаешь... Не въ порядкѣ и противузаконно потому, что съ моей стороны, для частныхъ дѣлъ несправедливо жертвовать офицеромъ, въ то время, какъ здѣсь каждый изъ насъ служитъ за десятерыхъ... Нѣтъ, нѣтъ... и не говори... Господи Боже мой! съ новымъ раздумьемъ продолжалъ старикъ... Просто теряю голову... Служба, кровныя отношенія... тутъ еще любовишка... Марья Ивановна!.. Ахъ ты тяжелое время... Вотъ тутъ и поверни умомъ, не угодно-ли?..

При этомъ Симоновъ взглянулъ на Полстовалова, и замѣчая навернувшіяся на глазахъ молодаго человѣка слезы, едва не зарыдалъ самъ...

— Это что́ еще! вскричалъ онъ, дернувъ себя за усы... Чего ты рюмишь, какъ баба... Ну, ну! продолжалъ старикъ, почти выходя изъ себя... садись къ столу... садись!.. Вотъ и я сяду... Ну, реви... реви во всю глотку!.. Палкой бы насъ съ тобой обоихъ... Гунявые мы, братъ, солдаты... порохъ нюхали, а отъ первой бѣды морщимся, какъ отъ лимона, цѣликомъ проглоченнаго... Вотъ теперь только моргни глазомъ .. подъ арестъ запру... передъ фрунтомъ назову... Ей-Богу, такъ назову, что своихъ не узнаешь... Маршъ на службу!.. Постой!.. Постой, Петя! торопливо вскричалъ Симоновъ... Слышишь?

— Ничего не слышу...

— Кажется, кто-то подъѣхалъ... Да загляни братецъ въ окно-то... Фу ты пропасть, окоченѣлъ человѣкъ, да и полно!.. Ну, что́ тамъ?.. Кто?...

— Варинька! Варинька!.. съ воплемъ восторга вскричалъ Полстоваловъ, какъ сумасшедшій бросившись изъ двери...

— Ну, слава тебѣ Господи! тихо прошепталъ старикъ, набожно перекрестясь .. Помиловалъ Милосердый... Вѣрно наша взяла!.. Ахъ ты, ахъ ты родной мой! продолжалъ комендантъ, снова обращаясь къ вышедшему поручику... Вотъ вѣдь какъ ее любитъ... ужасъ какъ любитъ!.. Бѣдныя, бѣдныя ребятишки... Долго-ли... Уколотятъ молодца— и опять за плачъ... Просто—только плачь не за того, такъ за другаго... Ну, здравствуй! вскричалъ комендантъ, и съ возможною въ его лѣта скоростію бросился навстрѣчу племянницѣ, сопровождаемой обрадованнымъ поручикомъ и Таликовымъ, еще не вылезшимъ изъ своего овчиннаго футляра.

— Браво! вскричалъ Симоновъ, обнимая давно жданную гостью...

Смотри-ка, Петя! продолжалъ онъ, всплеснувъ руками... Смотри-ка, говорю я, какого храбраго и молодцоватаго воина привезъ намъ Таликовъ изъ Оренбурга...

— Да ужъ... извините, дядюшка, прошу не смѣяться надъ нами, вотъ только позвольте разцаловать тетушку, и я перечту всѣ мои подвиги и всѣ мои опасныя встрѣчи, сказала Варинька, цалуя старушку, тотчасъ же явившуюся на шумъ и радостныя восклицанія мужа...

— Извольте, сударыня, извольте! сказалъ комендантъ, повѣряйте намъ ваши путевыя впечатлѣнія... А ты, Таликовъ, продолжалъ онъ, маршъ на кухню... Марья Ивановна, накорми знахаря, да уволь ему родная за спасибо хорошую мѣру водочки. Послѣ онъ разскажетъ намъ, что́ дѣлается въ Оренбургѣ... Ну-съ, родная моя, извольте! заключилъ Симоновъ, въ то время, какъ знахарь и Марья Ивановна оставили столовую...

— Что-же ты братецъ, снова началъ комендантъ, обращаясь къ Полстовалову, стоишь, какъ пронизанный молніею... Помоги нашему витязю снять свои доспѣхи... Смотри, какъ онъ запутался въ своемъ палашищѣ! Въ-самомъ-дѣлѣ Варинька, готовая удовлетворить любопытство своего добраго дяди, старалась прежде избавиться отъ своего вооруженія, съ которымъ и разсталась неиначе, какъ при помощи поручика. Затѣмъ дѣвушка со всѣми подробностями разсказала о неожиданномъ появленіи ловкаго Таликова въ Оренбургѣ, о ночномъ съ нимъ походѣ на хуторъ, потомъ о встрѣчѣ въ степи съ Недорѣзомъ, и наконецъ перешла къ ночлегу въ уметѣ...

— Въ этой грязной каморкѣ, говорила Варинька оставались только я и какой-то проѣзжій...

— Ну-съ, проѣзжій! перебилъ нетерпѣливо Симоновъ.

— Да, молодой, красивый, ловкій...

Поручикъ судорожно отшатнулся къ стѣнѣ, комендантъ вопросительно взглянулъ на Ваpиньку...

— Гм .. гм! Ну — молодой, ловкій... красивый! сказалъ онъ... Ну и военный, вѣрно гвардейскій сержантъ, или такъ-себѣ, подъячій съ приписью...

— Ни то, ни другое...

— А ты почему знаешь, что́ онъ за звѣрь? съ какимъ-то испугомъ спросилъ старикъ.

— Ахъ, какіе вы, дядюшка!.. Да вѣдь не сидѣли-же мы съ нимъ, молча... понятно, что мы разговорились...

— Что́-о!.. Какъ это разговорились? Ахъ ты безстыдница! вскри-

чалъ комендантъ... Извольте, молоденькая дѣвочка, глазъ-на-глазъ съ кѣмъ-то — ни то, ни се и...

— Не сердитесь, дядюшка...

— Да, какъ не сердиться!.. За это вашего брата... знаешь .. за уши, хорошую натацію надо прочитать, ругнуть напорядкѣ...

— Это будетъ несправедливо... Согласитесь, что для незнакомаго проѣзжаго я не могла быть Варинькою и неизбѣжно слѣдовало мнѣ поддержать свою роль, роль наѣздника... А вамъ извѣстно, если двое молодыхъ мужчинъ встрѣчаются въ дорогѣ, на станціи, на ночлегѣ, они рады одинъ другому, какъ родной родному....

— Славно, славно! Ну, ну, дорѣзывай... Петя крѣпись!

Варинька съ плутовскою улыбкою взглянула на бѣднаго поручика, и продолжала:

— Я уже вамъ сказала, что онъ такой ловкій, милый... сейчасъ можно было замѣтить въ немъ человѣка отличнаго воспитанія; одѣтъ щегольски... такой чистенькій, руки бѣлыя, мягкія...

— Какъ мягкія! Кто тебѣ сказалъ, что мягкія! съ невыдержаннымъ ужасомъ вскричалъ старикъ.

— Никто, съ невозмутимымъ равнодушіемъ отозвалась дѣвушка... Это я узнала сама... вѣдь согласитесь, что мы должны-же были, какъ свѣтскіе люди, въ первую минуту нашего знакомства пожать другъ-другу руку... Не правда-ли?

— Неправда! Неправда! крикнули въ одинъ голосъ комендантъ и поручикъ.

— Этого я не позволю... рѣшительно не могу позволить! сказалъ первый...

— Да-съ.. это... неприлично! тихо и заикаясь, повторилъ другой...

— Эге! еще-бы... нашелъ тутъ приличіе! сказалъ старикъ... Вотъ вамъ и наряжайте нашихъ степныхъ дѣвочекъ въ казацкій кафтанъ... Не угодно-ли!.. Подъ киргизскою шапкою ихъ головы вдругъ забываютъ и скромность, и приличіе.... Варинька.... или ты все лжешь, или ты мнѣ не племянница... или... Ну, ей-Богу, я прибью этого дурака Таликова, зачѣмъ онъ нарядилъ тебя въ казацкій кафтанъ! вскричалъ наконецъ Симоновъ, закруживъ по столовой такими громадными и тяжелыми шагами, что ветхіе израсцы, бренча, запрыгали на лежанкѣ.

— Ахъ, не сердитесь, дядюшка! сказала дѣвушка, испуганная нѣсколько гнѣвомъ старика.

— Не буду, не стану сердиться... Скажи только, что ты лжешь... Ну, вѣдь лжешь?

— Нѣтъ...

— Нѣтъ! Озорница-дѣвчонка!

— Да слушайте, слушайте...

— Говори, говори... Дорѣзывай!

— Я забыла вамъ сказать, продолжала Варинька, что я уже тогда подала проѣзжему мою руку, когда мы совершенно ознакомились, объяснились...

— Часъ-отъ-часу не легче!..

— И когда я узнала, что проѣзжій... вашъ племянникъ, а мой братъ....

Поручикъ вздохнулъ свободнѣе, и до того мрачное лицо его теперь нѣсколько прояснилось, между-тѣмъ какъ старый комендантъ, при послѣднихъ словахъ племянницы, почти остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Племянникъ, говоришь ты? спросилъ онъ наконецъ, какъ бы обращаясь къ своей памяти и пересчитывая своихъ родныхъ... Племянникъ!.. Да, почести... у меня, кажется, такого нѣтъ... Не помню, право не помню... Былъ одинъ, матушкинъ сынокъ, безпутный повѣса... Но тотъ вѣрно теперь въ Парижѣ, или пляшетъ на канатѣ, или проигрываетъ отцовское золото... Да ты не шутишь, Варя?

— Нѣтъ... клянусь вамъ... Зовутъ его...

— Ну, ну!.. Какъ его зовутъ...

— Силою...

— Сила Львовичъ! Отцы и благодѣтели! вскричалъ старикъ, всплеснувъ руками... Ахъ ты нежданный гость!.. Да зачѣмъ же это онъ къ намъ пожаловалъ?

— Говоритъ, что ему надоѣлъ свѣтъ...

— Свѣтъ!.. Да развѣ у насъ тма, что онъ сюда забрался.... Ѣхалъ-бы голубчикъ къ лапландцамъ... Ну, ну! продолжалъ старикъ... Я все-таки радъ гостю... очень радъ... Запру здѣсь молодца, сперва вымою ему голову за старые грѣхи... вышколю по-свойски... научу уму-разуму... Дѣло, дѣло вздумалъ, Сила Львовичъ, милости просимъ... Да! такъ ты говоришь, Варя, что онъ молодецъ? А?.. видный дѣтина, красавецъ?

— И прибавьте къ этому, что уменъ...

— Такъ, такъ! да вѣдь и отецъ у него былъ неглупый человѣкъ... Ай-да Сила Львовичъ, подарилъ старика, спасибо родной, что вспомнилъ... Гдѣ же онъ, Варя?

— Въ уметѣ, дядюшка...

— Въ уметѣ? вскричалъ старикъ, блѣднѣя при одной мысли объ опасномъ положеніи своего дальняго родственника... Милосердый Боже!.. Варвары вы этакіе... безчеловѣчные! Да какъ же вы его оставили!..

Варинька, не скрывая своихъ опасеній и совершенно раздѣляя скоропостижную грусть добраго старика, объяснила въ короткихъ словахъ тѣ причины, которыя заставили ее и Таликова бѣжать, оставя Силу Львовича на произволъ его счастія.

— Онъ пропадетъ! печально сказалъ Симоновъ, выслушавъ разсказъ дѣвушки.

— Неужели, дядюшка нѣтъ никакихъ средствъ къ его спасенію?..

— Божья помощь только!.. только, Варинька! Хорошо, если Мостовщиковъ успѣетъ его выручить. . А то... Взбѣжать на валъ, посмотрѣть — на степь! заключилъ видимо разстроенный комендантъ, торопливо оставляя столовую...

Долгое молчаніе водворилось въ комнатѣ по уходѣ коменданта. Варинька грустила за судьбу Силы Львовича, къ которому уже чувствовала послѣ первой съ нимъ встрѣчи небольшую привязанность; поручикъ грустилъ за свое настоящее, глубоко тронутый равнодушіемъ дѣвушки..

— А мы безъ васъ здѣсь очень скучали! рѣшился наконецъ сказать онъ... Право-съ... Я ни днемъ, ни ночью не оставлялъ лѣвой батареи, съ которой постоянно смотрѣлъ на степь, думая встрѣтить васъ...

Слова эти, сказанныя робкимъ и дрожавшимъ голосомъ, вызвали дѣвушку изъ задумчивости, и отозвались въ душѣ ея давно знакомымъ и пріятнымъ отголоскомъ. Варинька была тронута печалью молодаго человѣка, которая отражалась теперь во всѣхъ чертахъ его блѣднаго лица...

— Скучали? сказала она, отвѣчая обательною улыбкою на робкій взглядъ молодаго офицера... О чемъ вы скучали?

— Ахъ, Варвара Николаевна... какъ-будто вы не знаете... что безъ васъ такъ невесело здѣсь... къ тому-же неизвѣстность вашего положенія, этотъ опасный путь...

— Но теперь я, благодаря Бога, уже внѣ опасности, а вы вотъ еще все не веселы, Петръ Владиміровичъ...

— Кто... я-съ?.. Я такъ, Варвара Николаевна! съ глубокимъ вздохомъ сказалъ поручикъ.

— Какъ же это *такъ?*.. Вѣрно мое возвращеніе немного радуетъ васъ...

Полстоваловъ горько улыбнулся и съ безотчетнымъ чувствомъ взялся за свою шляпу.

— Богъ съ вами, Варвара Николаевна, сказалъ онъ... вижу, вы мнѣ не вѣрите... вы меня не любите-съ... Пойду, добавилъ онъ... теперь такое время, что, для меня настанетъ скорый и славный конецъ...

— Петръ Владиміровичъ... Что̀ съ вами! вскричала Варинька, испуганная рѣшительнымъ видомъ поручика.... Ради-Бога... останьтесь, Петръ Владиміровичъ!.. я вѣдь пошутила... А вы!.. Ну, простите меня, если я васъ огорчила... не сердитесь... почти сквозь слезы добавила дѣвушка.

Молодой человѣкъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, маленькая шляпа его упала на полъ,—и не поднимая глазъ на Ваpиньку, поручикъ при всемъ разгарѣ своей чистой страсти скромно и осторожно поцаловалъ руку дѣвушки.

— Варинька... Варинька! прошепталъ онъ... я не сердитъ на васъ... право не сердитъ!.. Но за что́ же вы меня мучите?..

— Хорошо, хорошо... больше не буду!.. Помиримтесь... У! какой вы сердитый... Съ вами даже и пошутить нельзя... Ну-съ... извольте садиться... вотъ здѣсь, рядомъ со мною... Чудесно... Теперь разсказывайте, что́ вы безъ меня дѣлали?

— Скучалъ... думалъ о васъ... дѣлалъ патроны... ну и... Да вы будете смѣяться, Варвара Николаевна...

— Нѣтъ, нѣтъ! Даю вамъ честное слово!.. Ну... дѣлали патроны... и?

— И писалъ стихи...

— Стихи?.. Ахъ, это мило... Покажите, покажите...

— Мнѣ совѣстно, Варвара Николаевна...

— Тс! Сейчасъ подайте ваши стихи! вскричала Варинька, хмуря брови и погрозивъ своимъ хорошенькимъ пальчикомъ.

— Что́ съ вами будешь дѣлать... извольте... Только, добавилъ поручикъ, — ужъ вы меня извините, а я ихъ самъ прочту. Съ этими словами молодой человѣкъ, вынувъ изъ жилета небольшой лоскутъ бумаги, тревожно и краснѣя взглянулъ на свою собесѣдницу, и принялся за чтеніе:

«Въ минуту по сто разъ спрошу себя смущенно:
О, гдѣ ты счастіе премѣнно?..

— Тс! Постойте! быстро произнесла Варинька, оставляя свое мѣсто и подбѣгая къ окну... Кажется, кто-то пріѣхалъ... Ахъ, если это онъ? Если это Сила Львовичъ! сказала она съ неподдѣльною радостью...

— Никакъ не можетъ забыть его! прошепталъ въ отчаяніи поручикъ, судорожно сжавъ въ рукѣ исписанную бумажку и устремивъ на дверь взглядъ, полный выраженія непріязни и досады.

Вошелъ Недорѣзъ... И въ ту же минуту въ городѣ раздался набатъ.

— Ну, что? спросили въ одинъ голосъ Полстоваловъ и Варинька.

— Дѣло худо, ваше благородіе! отвѣчалъ казакъ...

— Что!.. Онъ взятъ! вскричала дѣвушка.

— Взятъ, барышня...

— Дрянной человѣкъ, подумалъ поручикъ... не умѣлъ умереть, дался въ руки разбойниковъ...

— И вы не могли отстоять, защитить его! продолжала Варинька...

— Не могли... Потому-съ, что онъ всего-то съ двѣнадцатью человѣками погнался за партіею измѣнниковъ, которая шла отъ насъ науходъ, а мы, изволите видѣть, въ это время очищали подполье, изъ котораго троихъ молодцовъ везутъ сюда...

— Да ты про кого говоришь, спросилъ поручикъ... Кто взятъ?

— Вѣстимо кто, ваше благородіе... Нашъ старшина, Мостовщиковъ!

— Мостовщиковъ *! вскричалъ Петръ Владиміровичъ.

— А... не онъ! отозвалась Варинька.

— Да кто онъ-то, барышня? спросилъ Недорѣзъ...

— Молодой человѣкъ... со слугою... Тамъ оставался въ уметѣ...

— Не могимъ знать-съ... не вѣдаю! отвѣчалъ казакъ.

Въ это время встревоженный и разстроенный комендантъ вбѣжалъ въ комнату.

— Подлые измѣнники! вскричалъ онъ...

— Что такое, подполковникъ!.. спросилъ офицеръ...

— Что?! Ты не слышишь развѣ... Слышишь — бьютъ набатъ, и ни одинъ изъ этихъ богоотступниковъ горожанъ не хочетъ исполнить своего долга**... Разбойники уже разсыпались въ степи... Картечью ихъ, звѣрей... Мои ребятушки всѣ на валу... Пета! Маршъ въ дѣло... Гдѣ моя сабля... Ахъ ты Господи, куда это дѣвался племянникъ!..

Поручикъ бросилъ прощальный и нѣжный взглядъ на Вариньку, и вышелъ изъ комнаты, за нимъ послѣдовали казакъ и комендантъ.

Варинька въ испугѣ и тоскѣ отправилась къ тетушкѣ...

—

* ...Мостовщиковъ въ семи верстахъ отъ крѣпости, разбитъ многочисленными толпами бунтовщика и взятъ въ плѣнъ. От. Зап. 1824 г. № 52, стр. 154.

** «Въ крѣпости ударили въ набатъ, но изъ жителей, по двукратномъ боѣ, никто въ оную не явился; это значило, что они приняли сторону мятежниковъ, и ретраншаментъ остался подъ защитою одной воинской команды...» Тамъ же, стр. 155.

ЧАСТЬ II.

—

I.

Сила Львовичъ удивленъ находчивостію Марки.—Марка удивленъ смѣлостію Силы Львовича.—Худо слугѣ и барину. — Бѣда—еслибы не Устинья!

Хуторъ казака Кузнецова, раскинутый въ степи, верстахъ въ шести отъ городка, имя котораго мы такъ часто упоминаемъ въ нашемъ разсказѣ, могъ назваться однимъ изъ богатыхъ хуторовъ въ окрестности. Наружный, простой видъ его не обѣщалъ путнику, съ перваго взгляда, — барскихъ хоромъ со всѣми условіями степнаго комфорта, но тѣмъ не менѣе неизысканная его постройка и расположеніе щеголяли своимъ особеннымъ удобствомъ, которое свидѣтельствовало объ умѣньи хозяина жить домкомъ... Главная жилая изба, бревенчатое зданіе, съ его зеленою крышею и бѣлыми ставнями, рѣзко отдѣлявшимися отъ сѣрой краски дома, далеко могла быть замѣченною, при выходѣ изъ лѣсу; тесовыя ворота, изукрашенныя рѣзными стрѣлами и крученными завитушками, раскидывались почти у самаго всхода на холмъ, примыкая справа и слѣва къ бѣлымъ мазанкамъ, въ которыхъ помѣщались хозяйскіе амбары, овчарни, кладовыя и конюшни. Всѣ эти строенія занимали лицевую сторону холма, обращенную къ знакомой намъ рѣчкѣ; на другихъ скатахъ возвышенности тянулись огороды, теперь занесенные снѣгомъ и обрамленные двойнымъ частоколомъ.

Къ этому-то хутору подвигались наши несчастные странники— Марка и его баринъ. Снисходительные казаки, разбитые настигшею ихъ партіею въ уметѣ, были заняты разговоромъ о минувшемъ, и дали своимъ плѣнникамъ полную свободу перемолвить между собою нѣсколько словъ:

— Ты, братецъ, великій оселъ! шепнулъ Сила Львовичъ своему слугѣ.

— Вотъ ужъ не знаю, сударь-баринъ, за что вы изволите браниться? отозвался Марка.

— За то, что не въ свои сани не садись и прежде барина не говори ни слова....

— А если, съ вашего позволенія, это слово помогу даетъ? спросилъ Марка, съ такимъ видомъ, который ясно объяснялъ Силѣ Львовичу, что въ его спутникѣ проснулись умъ и снаровка.

— Какую помогу? Вмѣсто того, чтобы избѣжать бѣды, ты накликалъ ее, назвавши меня лекаремъ.

— По чести, сударь, я распорядился какъ умный человѣкъ...

— Умный человѣкъ не лезетъ самъ въ петлю... Не скажи ты имъ этой глупости, такъ мы бы теперь преспокойно ѣхали своею дорогой, а тутъ вотъ изволь ходить на сворѣ, да еще Богъ знаетъ, чѣмъ кончится эта овратительная встрѣча! съ глубокимъ вздохомъ заключилъ баринъ.

— На все воля Божья, сударь!.. Да вѣдь и плошать-то негодится, Сила Львовичъ... Ужъ не изволите ли вы думать, что эти сорванцы такъ бы подружески и растались съ нами, пожелавъ намъ счастливаго пути - дороги?.. Нѣтъ-съ, не того поля эта ягода... Скажи-ко имъ, что мы пробираемся въ городокъ, да назови вы, грѣхомъ, коменданта своимъ дядюшкою,—торчать бы намъ на осинѣ...

— На осинѣ! съ ужасомъ прошепталъ Сила Львовичъ... какъ это на осинѣ!... Но развѣ... они смѣютъ?

— Не смѣютъ, батюшка баринъ... не смѣютъ... Да, вѣдь поди-же ты съ ними; говорятъ, что дѣлаютъ такіе скверные пассажи... Къ тому же, шепну вамъ по секрету...

— Ну, ну!.. Что еще?

— Что придраться къ намъ они имѣли полное право...

— Гдѣ же это право?..

— Вы на немъ сидите верхомъ, батюшка баринъ...

— Что ты городишь...

— Истину говорю... Лошадки-то подъ нами вѣдь казацкія, такъ-сказать ихнее добро...

— Но мало ли такихъ коней въ здѣшнемъ краю?

— Правда, да только,— не извольте гнѣваться,—трудно не отличить своего отъ чужаго... Эти лошадки изъ одной партіи, если только не изъ однаго табуна, добавилъ Марка, выразительно вытаращивъ глаза и приподнявъ брови.

— Какъ, такъ эти воры, которые остановили насъ, тѣ самые казаки, что оставались въ уметѣ во-время нашего отъѣзда? спросилъ Сила Львовичъ.

— Они, батюшка баринъ... они разбойники... три, четыре знакомыя рожи я тотчасъ узналъ между ними.

— Это ужасно!.. Этакое стеченіе обстоятельствъ!.. сказалъ взволнованный баронъ. Что-же мы будемъ дѣлать, Марка?.. На что намъ рѣшиться? Что мы будемъ отвѣчать, если насъ спросятъ, какимъ случаемъ мы завладѣли этими негодными клячами?

Марка въ раздумьи пожалъ плечами и безпокойно оглянулся на конвоировавшихъ его казаковъ.

— Больше придумать нечего, сказалъ онъ, какъ... изволите видѣть... говорить то я не мастеръ обстоятельно... такъ-сказать сочинить-бы какую нинаесть исторію...

— Да, какую же, какую? нетерпѣливо возразилъ баронъ...

— Ну... какую-нибудь... Вотъ хоть бы примѣрно... положимъ, ѣдемъ мы съ вами лѣсомъ, лошадки у насъ сытыя, бодрыя, рысца смѣлая, шерсть лоскомъ блеститъ...

— Говори короче...

— Позвольте, сударь... вѣдь не могу же я по сказанному, какъ по писанному... я, такъ-сказать, говорю, а самъ все думаю...

— Ну, ну... ѣдимъ мы лѣсомъ, на сытыхъ лошадяхъ...

— Да, на сытыхъ... Вотъ-съ ѣдимъ и разговариваемъ... вдругъ стой! говорятъ намъ...

— Хорошо, хорошо! Догадываюсь...

— Ага!.. изволили догадаться... Поглядимъ, говорю я, передъ нами два казака; лошади подъ ними такъ запарены, что хоть подковы и уздечку выжми...

— Такъ, такъ! понимаю... Эти казаки отняли нашихъ бодрыхъ лошадей и ускакали, оставивъ намъ своихъ изморенныхъ.

— По истинѣ—такъ и было, сударь...

— Хорошо... Но повѣрятъ ли этой сказкѣ?

Авось повѣрятъ! Съ этими словами Марка, какъ бы напалъ еще на новую и удачную мысль... Лицо его сверкнуло удовольствіемъ и хитрою улыбкою. Онъ бережно вынулъ изъ-запазухи два сафьянные баульчика и переложилъ ихъ въ торока...

— А ужъ если эта штука удастся, продолжалъ слуга, то намъ бояться нечего... Мы вѣдь имъ люди нужные...

— Однако мудреное ремесло ты выбралъ, Марка, какъ-то мы съ нимъ справимся? сказалъ баронъ... Сказать по совѣсти, изъ всѣхъ лекарственныхъ травъ я только и слыхалъ объ одной ромашкѣ, да еще кое-что о ревенномъ корнѣ...

— Насчетъ корешковъ, сударь, вы не безпокойтесь... Вы только извольте у больныхъ смотрѣть языки, да щупать пульсы, а мнѣ на какомъ ни есть діалектѣ болтните, что вздумается, какъ-будто приказали... я ужъ тотчасъ распоряжусь: кого потру деревяннымъ маслицомъ, кому дамъ хлебнуть зеленаго съ колганцомъ, или съ перечкомъ; повѣрьте, какъ рукой сниметъ, всякую лихорадку изъ тѣла вытрясу...

— Комедія!.. смѣшная и слезная комедія! сказалъ Сила Львовичъ,

ободренный нѣсколько простодушіемъ и находчивостію своего слуги... Все это такъ, продолжалъ баронъ: на первыхъ порахъ придумано недурно... Но, любезный мой Марка, вѣдь наши паціенты могутъ полюбопытствовать о нашей аптекѣ, о нашихъ инструментахъ...

— О какихъ инструментахъ... зачѣмъ?..

— Однакоже, согласись, что странствующій докторъ долженъ имѣть хоть шило, которымъ бы могъ отворить кровь...

— Правда, сударь, правда... Но вы забываете, что насъ ограбили, и что вмѣстѣ съ нашими лошадями пропали и аптека и инструменты, оставленные въ торокахъ...

— Да у него просто ума палата! подумалъ Сила Львовичъ, недовѣрчиво взглянувъ на своего слугу и какъ бы спрашивая: тотъ-ли это Марка, который всю жизнь былъ безъпросыпу глупъ?

Успокоенный смѣтливостію и хладнокровіемъ своего слуги, Сила Львовичъ, неимѣвшій привычки долго заниматься одною и тою же мыслію, хотя бы она даже напоминала о его невыгодахъ и опасностяхъ, обратился теперь къ своимъ воспоминаніямъ о встрѣчѣ съ Варинькою и къ мечтѣ о ней... Между-тѣмъ Марка, успокоивъ господина, не оставался въ душѣ довольнымъ своимъ настоящимъ. Его тревожила и пугала мысль, при малѣйшемъ намекѣ на которую безпечный Сила Львовичъ снова бы и надолго потерялъ свое спокойствіе:

— Отъ всѣхъ этихъ напастей, думалъ Марка, мы еще кое-какъ отдѣлаемся, а вотъ ужъ отъ иной-прочей бѣды не уйти, не уѣхать!.. Ну, какъ да нелегкая принесетъ тѣхъ молодцовъ, которыхъ я заперъ въ подполье... Бѣда! Будетъ намъ тогда докторство... Такую шпанскую муху примажутъ къ горлу, что ужъ другихъ-то лечить не придется! Хорошо, если Недорѣзъ накрылъ ихъ... Надо будетъ похитрѣе объ этомъ дѣлѣ вывѣдать...

— Потише, сударь, потише! Вотъ и ворота! громко сказалъ Марка... Видите, какъ разгорячился вашъ конь... Этакъ могутъ подумать, что мы отлытать отъ нихъ хотимъ! При этомъ слуга указалъ на казаковъ, которые въ то же время настигли своихъ плѣнниковъ и спѣшились у воротъ хутора... Сила Львовичъ при помощи Марки поспѣшилъ спрыгнуть съ сѣдла...

— Держи коней наготовѣ, не разсѣдлывай ихъ, задай только корму! сказалъ старшина, обращаясь къ своимъ казакамъ.

— А нешто мы, батюшка Симонычъ, не раздохнемъ здѣсь? спросилъ одинъ изъ казаковъ.

— Какой тебѣ еще роздыхъ? сердито отозвался Толкачевъ... Не слышишь развѣ, что въ городѣ ударили въ набатъ? Стало-быть, наши всѣ

уже на горкахъ; надо поспѣшать и намъ... вотъ только выждемъ раненныхъ, перемовлю съ хозяиномъ слова два, да и въ дорогу... Да продолжалъ онъ, взглянувъ на безмолвныхъ плѣнниковъ, ожидавшихъ своей участи... Ну-ка, сердобольные странники, сказалъ онъ: такъ откуда и куда изволите вы пробираться?

— Я ужъ доложилъ твоей милости, съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ Марка: откуда мы ѣдемъ, а куда, того и сами не могимъ знать...

— Ой-ли! Такъ вотъ и думаешь, что я тебѣ на слово повѣрилъ, соколъ залетный... Нѣтъ братъ, меня не проведешь! Знаешь старую присказку: «повинную голову и мечъ не сѣчетъ»... Ну, валяй въ ноги, да и кайся...

— Радъ бы, кормилецъ, каяться, отозвался Марка: да право-слово, противъ тебя ни на душѣ, ни на совѣсти грѣха не имѣю...

— Да и какая намъ надобность давать тебѣ отчетъ въ нашихъ дѣйствіяхъ?.. Ты искалъ нашей помощи, а мы не напрашивались на твою бесѣду! запальчиво возразилъ Сила Львовичъ, выведенный изъ терпѣнія его наглостію и властительнымъ тономъ.

— Какая надобность! вскричалъ Толкачевъ, побагровѣвъ отъ досады... Ахъ ты *ососокъ* недокормленный... Да знаешь-ли, что я тебя развѣшу на этихъ воротахъ!..

Марка, пронизанный ужасомъ отъ самаго темя до закоблучьевъ, невольно отшатнулся назадъ, бросивъ умоляющій взглядъ на господина, Но Сила Львовичъ, непривыкшій сносить обиды, совершенно забылъ свое опасное и беззащитное положеніе.

— Что-жъ, если ты въ-самомъ-дѣлѣ разбойникъ, то убить меня легко можешь! сказалъ онъ... Я одинъ—и безоруженъ... Шайка твоя пьяна и вѣроятно не труситъ, когда не видитъ направленнаго въ лобъ дула...

Послышался ропотъ въ толпѣ обиженныхъ казаковъ, и Сила Львовичъ уже стоялъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ брадатыхъ наѣздниковъ.

— Посторонись, товарищи! сказалъ старшина... Приготовь уздечку, я изъ своихъ рукъ подарю его петлей...

— Батюшка! Отецъ родной! взмилуйся! вскричалъ Марка, бросившись въ ноги Толкочеву.

— Эге! рано братъ взмолился, равнодушно замѣтилъ послѣдній, пробуя крѣпость поданнаго ремня... обожди, добавилъ онъ, дойдетъ и до тебя чередъ... Ну! принимай ребята!

Но едва только казаки съ воплемъ бросились на своихъ плѣнниковъ, какъ первый изъ нихъ, ошеломленный здоровымъ кулакомъ Марки

полетѣлъ на землю; въ ту же минуту, непотерявшійся Сила Львовичъ успѣлъ завладѣть саблею упавшаго и бросился къ мазанкѣ, принявъ оборонительную и грозную позу.

— Не сдамся! сказалъ онъ.

— Да ужъ именно—не сдадимся, лучше пусти живьемъ! Не тронь... каяться будешь! подхватилъ Марка, вооруженный дубиною, которую выдернулъ изъ частокола.

— А если мы замъ посадимъ въ лобъ по пятку добрыхъ пуль! сказалъ старшина, гнѣвъ котораго перешелъ въ удивленіе при неожиданной храбрости странствующаго доктора... Сдайся лучше!.. Можетъ-быть только поколочу, да и помилую! добавилъ Толкачевъ.

— Убей, не сдамся! отозвался Сила Львовичъ.

— Ребята, на прицѣлъ ихъ! скомандовалъ старшина, отходя въ сторону и давая дорогу казакамъ, которые въ ту же минуту выхватили винтовки изъ чахловъ.

Въ это время единственнымъ свидѣтелемъ всего происходившаго подъ горою оставалась Устинья. Дѣвушка, завидѣвъ подъѣзжающую къ хутору толпу всадниковъ, опустила на землю ведра и остановилась на порогѣ избы. Скоро въ передовыхъ всадникахъ она узнала Марку и его добраго господина, оставившаго ей на память такой драгоцѣнный подарокъ. Хорошо зная, какимъ опасностямъ и встрѣчамъ могли подвергаться въ то время беззащитные путники, Устинья тотчасъ же поняла, что знахарь, такъ скоро угадавшій тайну ея сердца, и баринъ знахаря наѣхали на шайку пугачевскихъ. Послѣдняя догадка для нея подтвердилась, когда въ толпѣ казаковъ она узнала старшину Толкачева, пребывавшаго у отца ея на хуторѣ нѣсколько дней въ минувшую осень, съ какимъ-то другимъ пожилымъ казакомъ. Теперь для Устиньи не было никакого сомнѣнія, что этотъ пожилой человѣкъ былъ Пугачевъ, и другой старшина, гость, на котораго ей намекнулъ знахарь Марка... Сообразивъ слова знахаря, дѣвушка съ какимъ-то тайнымъ и тяжелымъ предчувствіемъ обратилась къ прошедшему... Она вспомнила страстные взгляды пожилаго казака, его грубую ласку и рѣзкія прибаутки, которыми выражался съ перваго взгляда опостылѣвшій ей гость...

— Мать Царица-Небесная! Что если все это правда?.. Что если все это сбудется! въ неизъяснимомъ отчаяніи прошептала дѣвушка, забывая свои ведра, и готовая броситься въ избу, чтобы забиться въ уголъ и поплакать отъ души, отъ избытка неисходнаго горя, — какъ въ это мгновеніе у воротъ раздались шумъ и крикъ...

— Ай! Боже мой... Они убьютъ ихъ! вскричала Устинья... И съ воплемъ: Душегубцы! Злодѣи! Изверги, что вы дѣлаете? дѣвушка въ

нѣсколько отчаянныхъ скачковъ достигла воротъ и бросилась въ между казаками и плѣнниками.

— Устинья! Устюша! радостно прошепталъ догадливый Марка, предвидя въ дочери Кузнецова вѣрнаго избавителя.

— Устинья Петровна?! повторилъ оторопѣвшій старшина... Почетъ и благоденствіе дому твоему! сказалъ онъ, почтительно снявъ шапку передъ дочерью Кузнецова.

— Хороши почетъ и благоденствіе! сердито отозвалась дѣвушка, отвѣчая на слова старшины и вполнѣ понимая изъ униженнаго тона Толкачева все настоящее свое вліяніе на повѣреннаго Емельки... Хорошъ почетъ... ѣдешь къ намъ въ домъ искать пріюта, да отвѣдать нашей хлѣба-соли, а самъ накликаешь бѣду на наши головы...

— Бѣду! Какую бѣду? тревожно спросилъ Толкачевъ.

— Да какъ же, развѣ ты не знаешь, что связался съ такимъ знахаремъ... съ такимъ, что и.., ужасъ! въ полголоса сказала Устинья, указавъ на Марку. При этой неожиданной новости, суевѣрный старшина едва снова не схватился за шапку, чтобы отвѣсить поклонъ тому, котораго за минуту готовъ былъ повѣсить.

— Ага! сказалъ Марка, не проронившій ни одного слова изъ разговора старшины и Устиньи... А ты думалъ какъ! продолжалъ онъ... Покаялся бы послѣ, да ужъ было бы поздно. Вонъ посмотри, что у этого молодца, которому я раскололъ переносье, черезъ недѣлю рогъ съ добрый стволъ винтовки выростетъ!

— А что думаешь, со страхомъ замѣтилъ разбитый казакъ, толкнувъ подъ бокъ своего товарища: вѣдь, братъ, какъ онъ меня свиснулъ, такъ право — точно огнемъ всего опалило; будто нагайка вдоль лба проѣхала...

И въ то время, какъ казаки, пораженные неожиданною вѣстью, перешептываясь, снова попрятали въ чахлы свои винтовки, старшина, подозрительно взглянувъ на Марку, опять обратился къ дѣвушкѣ.

— Прости, матушка, Устинья Петровна, коли я въ чемъ передъ тобою повиненъ? сказалъ онъ... Я только хотѣлъ наказать, такъ-сказать, допросить...

— Наказать! Допросить!.. Ну, такъ и спроси — что надо, вскричалъ Марка, а не лайся!.. Ну, спрашивай, вотъ я весь тутъ...

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ старшина, что ты и твой дохторъ — оба вы были съ городскими казаками въ уметѣ *Стараго-Маяклая*, гдѣ нашихъ накрыли яикскіе...

— Эво-куда метнулъ!.. Да ты вотъ спроси ея милость, возразилъ Марка... куда мы спрашивали дорогу и отколь ѣхали?.. Ѣхали

по рѣчкѣ, а спрашивали, какъ миновать городъ... Такъ-ли дѣвица-красавица?..

— Такъ, такъ! сказала Устинья.

— Ну, понялъ, разумный ты человѣкъ... Коли мы ѣхали не отъ умета, да спрашивали о городѣ, такъ, стало-быть, въ немъ мы никого и не знаемъ...

— Толкуй, толкуй! А какъ попали къ вамъ лошади нашихъ молодцовъ, которые ночевали сегодня въ уметѣ... Ну-ка, отворожи эту бѣду!

— Не для-чего ворожить... Коли поворожу, такъ сороку высватаешь своему *набольшему*, а не дѣвицу, марьяжъ писанный! лукаво подмигнувъ, сказалъ Марка.

Толкачевъ вздрогнулъ и остановилъ изумленные глаза на мнимомъ знахарѣ.

— Однако... однако говори... какъ лошади-то... того! запикаясь, сказалъ онъ.

— Вотъ это вопросъ, а на него и отвѣтъ тебѣ... Одры ваши намъ достались нежданно-негаданно... а просто-запросто сами пришли...

— Сами! съ громкимъ смѣхомъ вскричалъ старшина.

— Ну, да, сами! Чего зубы-то скалишь... Просто... вотъ такихъ-же ватага сорванцовъ, какъ и вы, нагнала насъ у рѣчки, передъ разсвѣтомъ... Лошади подъ ними были взмылены, а наши хоть еще на край свѣта пошли бы въ скачь... Обступили насъ... Перемѣни коней, да и полно! Ну, что-жъ было дѣлать? не драться же изъ-за лошадиной шкуры... и перемѣнялись конями...

— А что думаешь? И впрямъ! И въ-самомъ-дѣлѣ! послышалось въ толпѣ казаковъ. Бываетъ! Вѣдь всяко случается въ походное время!

— Да что лошади! Лошадей не жаль! подхватилъ Сила Львовичъ.

— Вѣстимо не жаль, батюшка баринъ, перебилъ Марка, а жаль того, что разбойники увезли наши корешки, травки, мази, тряпочки, бутылки... ну и все... словомъ и шило увезли...

— То-есть, поспѣшилъ поправиться Сила Львовичъ, и ланцеты увезли... Теперь, нѣтъ средствъ лечить вашихъ раненныхъ...

— Да мы еще и не хотимъ лечить за обиду... Нашлось бы чѣмъ, да не хотимъ! сказалъ Марка.

— Нѣтъ! нѣтъ! крикнули казаки, поснимавъ шапки. Мы васъ не пустимъ, братцы... Ужъ не взыщите на облыжной обидѣ, помогите товарищамъ!

— Да, да! ласково замѣтилъ старшина, видя общее вѣрованіе въ

правоту встрѣчныхъ странниковъ. Ужъ не взыщите, сказалъ онъ... Помогите нашимъ... Наградимъ и словомъ, и деньгами.

Къ общей просьбѣ была присоединена просьба и Устиньи. Дѣлать было нечего; не зная, когда кончатся тяжкія испытанія, наши странники должны были уступить общему желанію.

Сила Львовичъ отправился вмѣстѣ съ Устиньею и Толкачевымъ къ старику Кузнецову, а Марка, осторожно выбравъ изъ торокъ свои сокровища, вмѣстѣ съ прочими казаками вошелъ въ общую избу.

II.

Старикъ Родіонычъ.—Первый рецептъ Силы Львовича.—Бесѣда старыхъ друзей.—Марка морочитъ людъ. Зубы въ стаканѣ.

Какъ всѣ старовѣры того времени Петръ Родіонычъ Кузнецовъ или, попросту Родіонычъ, основывалъ все благонолучіе своей земной жизни на сытномъ довольствѣ, заключавшемся въ множествѣ квашеной капусты, бочкахъ сусла и квасу, въ корчагахъ кулаги, въ соленыхъ курдюкахъ и въ избыткѣ пельменей и шанги *. Какъ всѣ собраты по мыслямъ, онъ не смотрѣлъ ни на людей, ни на барановъ съ особеннымъ расположеніемъ, но любилъ поглядывать на нихъ изъ-подлобья; не отгонялъ отъ своего порога байгуша, т. е. бѣдняка, нищаго, но ужъ, по неизмѣнному повѣрью—въ день голода не подпустилъ бы его съ ложкой къ *своему* туясу.** Жизнь его текла мирно, безъ тревогъ, но съ видами на что-нибудь съѣстное въ день скоромный, и въ бесѣдѣ съ весьма ветхою книгою въ день постный. Послѣ третьихъ пѣтуховъ старикъ оставлялъ свое ложе, молился, ѣлъ, и до поздняго вечера или обходилъ амбары, гдѣ мѣрялъ крупу, пробовалъ кулагу, или шаркалъ громадными туфлями по своей избѣ, и ворча, какъ некормленный полканъ, сбиралъ съ полу едва замѣтныя соринки, которыя съ плевками и наговорами тотчасъ же бросались подъ печь, откуда въ день субботній батракъ имѣлъ обыкновеніе выносить накопившуюся груду нитокъ, шерсти, иногда тутъ же попадалась дратва, корочка пирога, или тому подобные предметы, которые старикъ и провожалъ слезливымъ взглядомъ. Чистота и опрятность были главными представителями въ избѣ Кузнецова. Неровный, сучковатый полъ хотя и походилъ на безобразную физіономію пьяницы, изрытую вередами, но на физіономію если небритую, такъ умытую... Громадная печь, которая легко бы могла замѣнить не-

* *Шанга* пермская лепешка, обмазанная сметаною, смѣшанною съ мукою, родъ ватрушки.

** Посудина.

большому семейству цѣлую мазанку, постоянно была бѣла, какъ и скатерти, покрывавшія два дубовые стола, поставленные въ простѣнкахъ оконъ. На шесткѣ этой замѣчательной печки ни въ какое время года не являлось ни плошки, ни горшка; у шестка никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не искали пріюта ухватъ или другое какое кухонное оружіе... Казалось, печь въ избѣ Кузнецова служила такою же приличною мебелью, какъ мнѣ служитъ коммодъ, а вамъ бюро, или трюмо... Рядомъ съ печкою помѣщался шкафъ, совершенно одного рисунка и размѣра съ описанными воротами, у которыхъ Силу Львовича едва не схватили за воротъ, Изъ-за шкафа, по той же глухой стѣнѣ, выглядывала приземистая кровать, закутанная до верху въ китайчатыя занавѣски; отъ нея въ переднемъ углу развѣшено было множество образовъ древней иконописи, передъ которыми постоянно теплились лампады. Подъ иконами раскидывался небольшой столикъ, накрытый чистою скатертью, за нимъ постоянно, какъ и въ настоящую минуту оставался Родіонычъ. Пять-шесть высокихъ табуретовъ, обитыхъ рыжею кожею, заключали убранство избы.

Въ то время, какъ гости переступили порогъ ея, хозяинъ оставался углубленнымъ въ чтеніе книги, листы которой спорили съ достоинствомъ коричневой желтизны казацкаго лица. Просторный яргакъ, или кожанный халатъ былъ накинутъ на плечи чтеца, выказывая его бѣлоснѣжную рубаху и хотя дряхлую, но мускулистую грудь; клокъ сѣдыхъ волосъ, подстриженныхъ на тѣмени, падалъ двумя раздвинутыми концами на носъ хозяина, какъ бы готовый сжать этотъ громадный кусокъ мяса, и безъ того съ большимъ самоотверженіемъ втиснутый въ мѣдный станокъ громадныхъ очковъ... Несмотря на давно слышавшійся у воротъ шумъ и шорохъ, старикъ не измѣнялъ своего положенія и настойчиво продолжалъ чтеніе... Наконецъ, онъ кашлянулъ, набожно перекрестился, и насупивъ брови, чрезъ очки взглянулъ на гостей, такъ долго хранившихъ свое деликатное молчаніе.

— Вѣрно попрошайки, тунеядцы и дармоѣды! подумалъ подслѣповатый Родіонычъ, ненагражденный способностію, какъ и многіе, отличать съ перваго взгляда своихъ гостей отъ нищихъ.

— Кто тутъ? спросилъ онъ.

— Гости — тятя! откликнулась Устинья.

— Ну... гости!... Кто-жъ гости?... Милости прошу! сказалъ старикъ, не оставляя своего мѣста, но однакоже поворачиваясь къ двери всею своею фигурою.

— Батюшка, Петръ Родіонычъ, не изволили узнать! съ почтительнымъ поклономъ сказалъ Толкачовъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ.

— Ахъ—родной мой! проговорилъ старикъ, какъ будто бы оживая при словахъ казацкаго старшины. Да, что же это ты стоишь у предверія?.. Милости прошу... вотъ столецъ... И старикъ, несмотря на свою ветхость, съ расторопностію молодаго человѣка придвинулъ стулъ, предлагая его почетному гостю.

Толкачевъ подобралъ свою громадную саблю, спряталъ шапку въ колѣни и усѣлся на стулѣ.

— Ну, чего жъ ты не моществуешъ, Устюша! продолжалъ старикъ... Доблій гость въ избѣ... что есть въ печи—все на столъ мечи... Не скажу неправдословія — если его милости потребно отдушіе... Ходи въ поставецъ... Неси! А!.. Постой ка, постой!.. Кто жъ сей... овый-то съ тобою, Симонычъ! сказалъ казакъ, прищурясь и взглянувъ на Силу Львовича.

— Это, кормилецъ Петръ Родіоновичъ, добрый человѣкъ, скитающійся по Божьему свѣту знахарь, такъ сказать дохторъ... радъ помочь нашимъ ранейнымъ...

— О! И худогъ есть въ своемъ ремеслѣ?..

— А Богъ его знаетъ... Не извѣдалъ еще...

— Такъ, такъ!.. Свѣжествую, разумѣю... Г-м... Садись... батюшка, садись...

Сила Львовичъ, утомленный тяжелыми встрѣчами утра, готовъ былъ дѣлать все, что ему прикажутъ и что спросятъ, а потому съ большимъ удовольствіемъ воспользовался приглашеніемъ хозяина и помѣстился на первомъ попавшемся ему стулѣ.

— Вотъ, кормилецъ, продолжалъ — старикъ... Богъ тебя кстати принесъ... У меня, изволишь ты видѣть, все примозговище, такъ-сказать, затылокъ... болитъ, да хоть ты что...

— А! отозвался Сила Львовичъ.

— Да... ни дня, ни нощи покоя не имѣю... Болитъ, да хоть ты что!

— А! повторилъ баронъ.

— Не знаешь ли, родной, какого-нибудь снадобья?

— Чортъ возьми! подумалъ Сила Львовичъ... нѣтъ моего Марки, онъ бы тотчасъ сочинилъ рецептъ... Да у тебя, почтенный, спросилъ боронъ, боль эта отъ ушибу, или отъ простуды — ревматическая?

— Были ушибы, какъ же — были!.. И, я чай, и простуда могла случиться! съ особеннымъ довѣріемъ сказалъ казакъ.

— Г-м... Понимаю... это то и другое...

— То и другое, кормилецъ, должно быть то и другое!

— Ничего, пустяки! проговорилъ Сила Львовичъ, зѣвнувъ отъ чистаго сердца... Надобно къ затылку — немножко того...

— Чего это, родимый?

— Мушку...

— Слыхалъ, слыхалъ... Да взять то ее негдѣ...

— Ну такъ горчичникъ...

— И этого снадобья, нѣтъ у насъ, родимый...

— Г-мъ... Нѣтъ!.. Ну, а хрѣнъ есть?..

— Въ доволь, батюшка...

— Такъ хрѣну... Да побольше... Какъ рукой сниметъ...

— Много благодаренъ, много благодаренъ, проворчалъ старикъ... Соуслаждаюсь твоею разумною рѣчью...

— Послушай, Родіонычъ, шепнулъ старшина, потянувъ къ себѣ хозяина за рукавъ яргака... Нельзя ли этого молодца пріютить гдѣ-нибудь въ иной прочей коморкѣ... онъ здѣсь лишній... Надо съ тобою слова два перемолвить, а время коротко.

Старикъ кивнулъ головою, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по избѣ, снова обратился съ вопросомъ къ дремавшему Силѣ Львовичу.

— Изнемошествовался, родной, вѣрно? сказалъ онъ... не приличествуетъ ли тѣлу твоему всяческое отдохновеніе?..

— И очень бы, любезный... Мнѣ попался конь съ чрезвычайно тряскою иноходью... Я рѣшительно избитъ.

— Ей, Устюша! сказалъ казакъ, обрадованный податливостію гостя... Проводи ихъ милость чрезъ сѣнцы — въ твою избу... Пусть онъ вздохнетъ, родимый...

— А какъ привезутъ раненныхъ, подхватилъ Толкачевъ, мы тебя и разбудемъ.

— Хорошо, хорошо! отозвался Сила Львовичъ, оставляя свое мѣсто...

— А вотъ она, продолжалъ казакъ, указывая на Устинью и обращаясь къ уходящему, что̀ приказать твоей милости угодно будетъ... всяческую требу исполнитъ... и щербы, (уха) и пельменій... и кулаги... Съ Богомъ, родной мой — съ Богомъ! заключилъ казакъ, когда мнимый эскуланъ оставилъ избу и друзей, довольныхъ своимъ одиночествомъ.

— Ну, началъ Родіонычъ, съ очевиднымъ утомленіемъ опускаясь на стулъ и придвигая къ гостю чару съ завѣтнымъ, только-что поданнымъ дочерью... Ну такъ, для первословія, позволь спросить тебя, родной мой Симонычъ, какъ дѣла?

— Дѣла... ничего... Вотъ городокъ беремъ...

— А?!

— Да. Сегодня было на разсвѣтѣ—бѣда накрыла насъ, да стряхнули съ плечь нелегкую... оправились...

— Э! Что́-жъ бы это?.. Да пей родимый... Пригубь малую толику...

Старшина осушилъ оловянную чарку, и пристукнувъ ею по столу, продолжалъ:

— Случилось дѣло нехорошее... Казаки мои сдѣлали роздыхъ въ уметѣ *«стараго Маякла»*...

— Свѣжеству́ю, свѣжеству́ю сей уметъ! отозвался Родіонычъ.

— Вотъ сдѣлали роздыхъ, продолжалъ старшина, да и подгуляй... Только что знаешь сонъ накрылъ молодцовъ, какъ ухарцы яикскіе и нахлынули...

— Ай, ай!... Стало-быть какой ни-наесть соглядатай вѣсть подалъ въ городокъ?

— Надо думать такъ; иначе съ какой бы стати самъ Мостовщиковъ явился съ налетами?

— Самъ Мостовщиковъ!

— Самъ, вотъ какъ есть самъ!.. Изволишь ты видить и нагрянулъ... Вѣстимо, что съ просонья ребята мои оплошали, сробѣли — да и дай затылокъ... кто въ окно, кто въ дверь, а ихъ какъ мерзлыхъ мухъ... Понимаешь?...

— Ахъ ты напасть!... Ахъ ты слѣпотство, со вздохомъ произнесъ Родіонычъ, тряхнувъ сѣдою головой... Ну, ну?

— Стой! дай еще выпью на радостяхъ!...

— На радостяхъ! спросилъ изумленный старикъ.

— Ну, да! Вѣдь — голова, воронъ-то во́время клюнулъ...

— Эй!

— Тото и оно!.. Знаешь ли, какъ нашихъ-то стали забирать... я и наѣхалъ съ хутора Тюбетейкина... Ребята! говорю... въ сабли!.. Ломи! прорывай! очнись, ободрисъ! Мостовщиковъ хватилъ иныхъ прочихъ къ себѣ на сѣдла, да и на уходъ... я за нимъ... Нагналъ у лѣса... ударилъ, смялъ, прижалъ къ сугробамъ... Сдавайся!.. Вынь да положь—выходитъ, хоть матку рѣпку пой—ни съ мѣста! А?

— Ну, ну... говори — рядно. . Говори...Ну потомъ?

— А потомъ взялъ Мостовщикова...

— Живьемъ полонилъ!

— Живымъ взялъ, да съ партіею и отправилъ въ кандалахъ подъ городокъ... Жаль одного молодца... Сгинулъ да пропалъ у насъ Кондратій Голованъ...

— Какъ! Голованъ?

— Да... не знаю куда запропостился. Вѣрнѣе смерти, что передо-

вые яицкіе захватили его; онъ же, ужъ какъ хлѣбнетъ, такъ тутъ его хоть выверoти — не услышитъ...

— Жаль, жаль! повторилъ Родіонычъ.

— Но... корысть не въ этомъ дѣлѣ, продолжалъ старшина: горожане отъ насъ не отвертятся, а вотъ не угодно ли тебѣ, старина, прислушать иную прочую рѣчь...

— Говори... говори... внимаю.

— Такъ чокнемся!

— Будетъ, родимый... должно во всякомъ дѣлѣ творить облюденіе; я ужъ и отъ одной то какъ будто скатился подъ крыліе горы, такъ и зыблюсь на моемъ сѣдалищѣ...

— Ну, ладно... какъ знаешь...

Затѣмъ Толкачевъ, съ большими разстановками, какъ бы углубленный въ важную думу, выпилъ свою чарку, медленно опустилъ ее на столъ, и вперилъ оловянные глаза въ собесѣдника:

— Ты вѣдь и знать не знаешь, сказалъ онъ, что я привезъ тебѣ большой поклонъ...

— Мнѣ... отъ кого?

— Да! Растворяй, старина, ворота, вари пиво и медъ — большой корабль къ тебѣ на дворъ плыветъ...

— Не внимаю въ загадочную рѣчь твою, милостивецъ.

— Ой ли!.. Да и гдѣ смѣкнуть, вирочемъ... чай во снѣ такой радости не грезилось, на яву лукавый не морочилъ тебя такою мыслею...

— Тфу... тфу! Съ нами крестная сила! прошепталъ старикъ... Что ты, Симонычъ... Христосъ съ тобой! Али чарка одолѣла?

— Меня то? спросилъ стршина... Нѣтъ, голова, продолжалъ онъ съ самодовольною улыбкою: вотъ какъ я скажу тебѣ одно словцо, такъ такой дурманъ тебя хватитъ и въ чело и въ примозговицу, что ни какой хрѣнъ его не вытянетъ...

— Да что же это за притча такая! вскричалъ старикъ... Повѣдай... не вынимай души загадкой...

— Изволь... изволь!.. Трудная статья... вотъ только выпью... все какъ на ладонь высыплю—бери да прячь въ душу;

— Ну... ну!

— Ну... изволишь ты видѣть... примѣрно сказать, ты что насчетъ твоей Устиньи маракуешь? А?

— Я то? спросилъ старикъ поблѣднѣвъ, отъ какой то загадочной и тяжелой мысли... Ничего не думаю, родной мой... Дѣвка хорошая, ей-Богу—не облыжная какая! сказалъ онъ, запинаясь.

— Такъ-то оно такъ... Вѣстимо необлыжная... Да вѣдь красавица — она?

— А кто жъ ее знаетъ.. Свое добро — кому не мило?.. Да хвалить то его неповадно, не приличествуетъ...

— И то правда... Ну, а если бы я спросилъ — за кого ты ее прочишь?

Съ тяжелымъ вздохомъ старикъ пожалъ плечами, и надолго оставшись въ этомъ положеніи, съ тѣмъ же вздохомъ отвѣчалъ:

— Ни за кого, родимый.

— Ну, такъ я тебѣ скажу, что ни за кого и не прочь... Женихъ есть...

— Женихъ!

— Да... Родіонычъ... есть... Женихъ-то... самъ...

— Самъ! съ невыдержаннымъ ужасомъ повторилъ Кузнецовъ и голова его упала на руки... Бѣднякъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, но зарыдалъ не отъ радости, не отъ счастья...

— Ну такъ и есть, вѣдь смаху одурманилъ! проворчалъ подгулявшій старшина, снова обращаясь къ чаркѣ.

Въ эту минуту, въ избу вошелъ съ вѣстью казакъ, посланный къ Толкачеву изъ подъ города. —

Между-тѣмъ какъ за чаркою кизлярской бесѣдовали старшина и Кузнецовъ, а Сила Львовичъ бесѣдовалъ съ Устиньей,—Марка въ кругу новыхъ друзей съ большимъ тактомъ поддерживалъ свое новое ремесло. Вѣрному слугѣ Силы Львовича крѣпко хотѣлось вывѣдать отъ казаковъ объ участи Голована, для того, чтобы совершенно успокоиться за свое будущее. Нельзя сказать, чтобы обстоятельства не помогали плуту, который такъ умѣлъ на всякій случай быть и дуракомъ и умнымъ. При первомъ шагѣ за порогъ избы казаки усадили знахаря на почетное мѣсто... Чарки звякнули, языкъ развязался, и предсѣдательствующій въ попойкѣ Марка пустился въ разсказы о своихъ странствованіяхъ по нѣмецкой землѣ, о чудесахъ видѣнныхъ и слышанныхъ.

— Вездѣ, говорилъ онъ, побывали мы: и въ цыцарской землѣ, и въ виноградномъ государствѣ, на горячей горѣ, и у аглича погостилъ...

— Агличъ, агличъ!.. Это что́ за народъ? спросилъ одинъ изъ казаковъ... слыхалъ о немъ... Каковъ онъ?

— У!.. бѣдовый — наградъ, отозвался Марка, вытаращивъ глаза и подщелкнувъ языкомъ... Такой народъ, что ни дай, не вынеси... Мудреный народъ: на всѣ руки мастеръ, иголки отличныя дѣлаетъ... Мудреный народъ!

— Ой ли... Ужъ не тамъ ли ты, молодецъ и нахватался всяческой-то премудрости?

— А то гдѣ же?.. Тамъ, братъ я тебѣ скажу такимъ художествамъ научатъ, что пройди огонь и воду, не обожетъ, ни вымочитъ тебя... А ужъ моя-то наука тамъ нипочемъ... Одинъ грошъ за выучку.

— Грошъ!

— Да. Недороже... Грошъ, вотъ какъ есть мѣдный грошъ, по ихнему шиллингъ...

— Прахъ возьми! сказалъ тотъ же казакъ... Экая подумаешь дешевая сторона...

— А не трудна наука? спросилъ другой.

— Ну, несовсѣмъ и легка... Разъ пять похудѣешь, десять обомрешь, пока что-нибудь въ толкъ возьмешь!

— Такъ вотъ оно?

— Эге! А ты думалъ, вотъ отдалъ грошъ, чихнулъ да и здравствуй... Нѣтъ, братъ, случится, что неразъ погоститъ душа въ пяткахъ... Зато опосля наше вамъ наиглубочайшее... ужъ какъ перегорѣлъ, такъ изъ плевка рубль сдѣлаешь, а смѣкнуть что ни на есть, только носомъ въ водицу ткни, все какъ на ладони... Травки приворотныя, корешки-разузнайки, разныхъ сортовъ, съ дурманцемъ и безъ злыдни, все у меня на счету... Со мной, братъ, лучше ужъ и не ртачься, живъ да негоденъ будешь!

— Ой-ли!

— Чего ой-ли? Такую шутку подпущу, что ногой за ухомъ почешешь... вотъ что!

— Ахъ ты бѣсъ!.. Эва какой онъ!

— Разъ, продолжалъ Марка, наказалъ я одного озарника, да ужъ смиловался, баринъ упросилъ...

— Что жъ бы это! Ну-ка, ну! спросило нѣсколько голосовъ...

— А вотъ просто, ѣхали мы, такъ-сказать, съ бариномъ изъ Казани, вотъ и наверпись ямщикъ татаринъ... всю дорогу маячитъ насъ, да и полно!.. везетъ не везетъ, ѣдетъ не ѣдетъ... Прикрикнешь, а онъ тебя же наровитъ облаить... Стой же, думаю, гнѣдая борода! Пріѣхали на станцію, я и говорю:

— Водку, пьешь, магометъ?

Облизнулся шельма.

— Нельзя бы, говоритъ, да ужъ съ дороги почему не такъ, можно... давай.

— Изволь, говорю, а самъ и того — смараковалъ...

— Какъ это смараковалъ? спросилъ казакъ.

— Ну, то-есть, будь здоровъ, не прогнѣвайся, поподчивалъ отъ руки сластью туманною... Выпить-то онъ, знаешь, выпилъ... хочетъ крякнуть, глядь... а языкъ-то вмѣстѣ съ зубами въ стаканѣ...

Изумленные казаки со страхомъ вытаращили глаза на разсказчика; нѣкоторые даже оставили свои мѣста.

Замѣчая впечатлѣніе, какое произвели слова его на слушателей, Марка продолжалъ:

— Погляжу на обидчика: ошалѣлъ, трясетъ его какъ осину... Что думаю, хоть и магомедъ, а жаль... Ругнулъ его разъ другой, да и говорю: на! возьми свое добро назадъ...

— Ну, ну!

— Ну, что-жъ ну? Взялъ мой татаринъ зубы, положилъ за нихъ языкъ... промолвилъ: аларсынъ, или тамъ саламалыкомъ, да и давай Богъ ноги.

— Ахъ ты бѣсъ! повторилъ тотъ же казакъ, который уже однажды наградилъ Марку этимъ почтеннымъ именемъ.

— Хе! откликнулся другой, молодой и видный казакъ: такъ ужъ тебѣ, что ни на есть спознать—ни почемъ?

— Всю подноготную! съ особеннымъ достоинствомъ возразилъ Марка, только спроси...

Человѣку если что удалось разъ, другой, такъ ужъ онъ, не оглядываясь, вѣритъ, что это ему удастся и въ третій. Марка походилъ на всѣхъ смертныхъ: ободренный первыми удачами, онъ рѣшился морочить простаковъ до нельзя.., Тѣмъ болѣе, что положеніе слуги Силы Львовича было чрезвычайно сомнительно, и легко могло случиться, что какая-нибудь встрѣча, одна непризванная минута сдѣлала-бы переломъ въ его удачахъ... До-сихъ-поръ казаки еще не видали его мастерства, и Марка очень хорошо разсуждалъ: удайся мнѣ одинъ обманъ, и эти люди поставятъ меня выше Таликова, на которомъ, сказать кстати, каждый изъ нихъ, изъ суевѣрнаго страха, не рѣшился бы тронуть и волоса.... Къ-тому же, въ своемъ сомнительномъ положеніи Марка, по особенной находчивости, которая въ минуту опасности даже служитъ и дуракамъ, разсчитывалъ на вѣрное спасеніе и вѣрную удачу, если хотя пять изъ этихъ пустоголовыхъ примутъ его сторону. Правда, Марка дѣйствовалъ, какъ говорится, очертя голову, и начиная что-нибудь въ настоящемъ, безъ большаго вниманія планировалъ исходъ и результатъ своей затѣи.

— Ну, продолжалъ онъ.., спроси—все высыплемъ...

— Стóитъ толковать... Зазноба свела Гришку! насмѣшливо замѣтилъ одинъ изъ товарищей молодаго казака.

Марка на лету поймалъ эту фразу, и смѣкнулъ дѣломъ.

— Зазноба! сказалъ онъ... Эту исторію я прежде тебя зналъ...

— Врешъ? возразилъ удивленный Гришка.

— А какъ бы ты думалъ?.. Знаю, по комъ ты сохнешь, да еще какъ!.. У... ухъ! отживай душа прежде порывремени!.. Хочешь спознаю, будетъ-ли румяная твоею въ этотъ годъ?

Казакъ судорожно повернулся нѣсколько разъ на скамьѣ.

— Два серебряныхъ... спознай только! сказалъ онъ.

— Изволь... Наливай чарки.

Яндова пошла по рукамъ, и въ одну минуту чарки наполнились.

— Теперь, товарищи, продолжалъ мнимый знахарь, что́ Гриша найдетъ въ своей чаркѣ, по тому самъ и разумѣй о добрѣ или худѣ... Ставьте, братцы, чарки на полъ, а сами по угламъ, носомъ въ стѣну— и ни гугу!...

Какъ сказано, такъ и сдѣлано... Марка не упускалъ случая пользоваться общей суматохой... Вотъ настало общее молчаніе, Марка обошелъ кругъ чарокъ разъ другой, незамѣтно нагнулся къ одной изъ нихъ, и обращаясь къ Гришкѣ, сказалъ:

— Любишь-ли ты?

— Самъ знаешь, батюшка! отвѣчалъ казакъ.

— Крѣпко любишь?

— Крѣпко...

— Правду... говоришь... Такъ, такъ!.. Экъ твоя-то чарка закипѣла...

— Что́ же это!

— Добро...

— Ой-ли!..

— Право добро. Бери, товарищи. Гриша, вонъ твоя, и Марка указалъ на чарку казака.

Григорій, вмѣстѣ съ другими, залпомъ осушилъ свой оловянный стаканъ... и чуть не подавился, когда у него на зубахъ осталось золотое съ цвѣтнымъ камнемъ кольцо...

— Что́ на языкѣ? спросилъ Марка, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Кольцо... Право кольцо! отозвался Гриша, съ недоумѣніемъ разглядывая золотой подарокъ колдуна...

— Кольцо! вскричало нѣсколько голосовъ.

— Кольцо! повторилъ Марка... Ну, такъ и есть, вѣдь я правду сказлъ, что къ добру вскипѣла твоя чарка.

Дорогая находка пошла по рукамъ собесѣдниковъ, до крайности удивленныхъ такимъ пріятнымъ явленіемъ; между-тѣмъ Марка успѣлъ далеко спрятать барскій баульчикъ, нагруженный подобными предметами роскоши и удивленія.

— Пировать намъ, голова, на твоей сватьбѣ! заключилъ Марка, дружески ударивъ по плечу обрадованнаго Гришу...

Въ эту минуту, когда каждый изъ наѣздниковъ готовъ былъ стать на мѣсто своего товарища, въ избу пирующихъ друзей вошелъ казакъ—вѣстникъ, тотъ, который нарушилъ своимъ появленіемъ бесѣду Кузнева и старшины Толкачева.

— А!.. Митя, Суслик! вскрикнули казаки...

— Здорово, товарищи, отозвался пришлецъ, который у васъ тутъ докторскій слуга?.. спросилъ онъ. Наши раненные подвезены и положены въ сосѣдней мазанкѣ...

— Ладно, ладно... да что подъ городомъ?

— Горожане сдались... Только гарнизонъ съ комендантомъ заперся въ крѣпости... Гдѣ-же докторскій-то слуга?..

— Я, товарищъ! отозвался Марка.

— Ну, такъ иди, для тебя тамъ работы въ обѣ руки будетъ.

Марка, молча, схватилъ свою шапку и вышелъ изъ толпы казаковъ, почтительно разступившихся передъ нимъ.

III.

Есть надежда. — Исторія молодаго человѣка. — Еще объясненіе.

При первой тревогѣ, когда комендантъ вмѣстѣ съ молодымъ подпоручикомъ и Недорѣзомъ поспѣшили на валъ укрѣпленія, въ столовой оставалась только одна Варинька.—Дѣвушка въ эту минуту забывала свою собственную и общую опасность, встревоженная за судьбу своего далекаго родственника ... Звонъ набата мѣшался съ отдаленнымъ гуломъ выстрѣловъ, раздававшихся на посадѣ, крики и буйные вопли толпы за стѣнами укрѣпленія, суета и бѣготня гарнизона въ крѣпости, все это не могло оторвать ее отъ мысли о ловкомъ щеголѣ Силѣ Львовичѣ. Съ безотчетною тоскою и душевнымъ волненіемъ Варинька открыла форточку окна и выставила въ нее свою головку... Внутренній жаръ сжигалъ дѣвушку, и хорошенькое личико ея пылало заревомъ румянца; глаза, безъ цѣли блуждавшіе вокругъ, готовы были брызнуть слезою; дѣвушка не замѣчала даже и того, что молодой подпоручикъ, замѣнившій

на этотъ разъ артиллерійскаго офицера при орудіяхъ укрѣпленія, все свое вниманіе сосредоточилъ на завѣтной форточкѣ. Лицо его было блѣдно, выражая столько задушевной грусти, что, казалось, Полстоваловъ чрезъ минуту зарыдаетъ, какъ ребенокъ. Молодой человѣкъ глубоко былъ уязвленъ неосторожною откровенностію Вариньки... Но вотъ глаза ихъ встрѣтились, Полстоваловъ ожилъ... и съ какимъ то дѣтскимъ замѣшательствомъ обратился съ приказаніемъ къ своему фейерверкеру... На Вариньку этотъ взглядъ не произвелъ никакого впечатлѣнія; теперь все ея вниманіе было вызвано встрѣчею подъ окномъ Недорѣза и Таликова.

— Такъ ты ѣдешь за посадъ? спрашивалъ послѣдній.

— Ѣду, братъ Таликовъ, ѣду! отвѣчалъ казакъ: вотъ только и забѣжалъ перемолвить съ тобою слова два... Комендантъ велитъ развѣдать, какъ нашъ пѣхотный отрядъ, да сколько бродягъ подъ городомъ; вѣдь знаешь, меня-то яицкіе и илецкіе — всѣ за свояка считаютъ...

— Ну, съ Богомъ, голова, съ Богомъ... Смотри, не нарвись, не оплошай!

— Хе! Не оплошай! развѣ для службы матушки... а то вѣдь одна башка на плечахъ... куда ее?.. Не съ капустой про запасъ въ чанъ... Ни назади, ни впереди доли радостной нѣтъ...

— А Устинья?

— Эва—мѣтнулъ въ глазъ цѣлой тавлинкой... Что жъ Устинья, проданный товаръ: не сегодня — завтра поклонъ навсегда ей... Вотъ ты сулилъ пособить, да вѣрно ..

— Что вѣрно?.. Скажешь, на понятный пойду?..

— Не то, товарищъ... да ужъ гдѣ-жъ прати противъ рожна?

— Ой-ли! А вотъ, какъ я тебѣ дамъ травки молотой, которой какъ красавица хлебнетъ, такъ хоть рѣжь — за немилаго ни шагу...

— Право, Таликовъ!..

— Не облыжно, право не облыжно! видимо неувѣренный въ своихъ словахъ возразилъ знахарь.

— Послушай, перебилъ казакъ, не грызи души, не веди слѣпаго въ болото... Вѣдь, другъ Таликовъ... посулишь да не дашь безъ лихвы, а магарыча у меня теперь, хоть всего распластай, право-слово нѣтъ...

— Ладно, ладно! послѣ сочтемся... вотъ пойдемъ ка я тебѣ дамъ травки приворотной, зелья здобнаго... Только слушай, за службу—отвѣть службой.

— Что велишь, въ огонь и въ воду!..

— Слушай, какъ побываешь на хуторѣ у Кузнецова, не промахнись развѣдать между казачествомъ, не попался-ли имъ въ лапы молодой баринъ, тотъ, котораго вмѣстѣ съ нами ты вывелъ изъ степи... Комендантъ-то крѣпко о немъ сокрушается...

— Знаю, знаю... Изволь... Да ужъ если на то пошло... развѣдаю, да самъ его и выручу... Но, по рукамъ что-ли?

— Ладно... Пойдемъ...

— Такъ травка будетъ?

— Пойдемъ, говорю... Дамъ, благословлю, да и въ путь!

Подслушанный разговоръ не успокоилъ дѣвушку; напротивъ слова Галикова еще болѣе встревожили ее. Теперь Варинька рѣшительно начинала думать, что гость ея дядюшки взятъ казаками. Съ этою тревожною мыслію она захлопнула форточку, и уже готова была выбѣжать къ воротамъ укрѣпленія, чтобы встрѣтить Недорѣза и самой, обѣщая ему хорошую награду, повторить приказъ дяди и просьбу Таликова, какъ въ эту минуту Симоновъ, сопровождаемый Крыловымъ и Полстоваловымъ вошелъ въ столовую

— Ну-съ!.. Такъ что-же, капитанъ? спросилъ Симоновъ.

— Я ужъ вамъ доклалывалъ, что разбойники расположились на степи и горкахъ... Посадскіе, какъ сами знаете, измѣнили, и мы едва могли штыками пробиться до крѣпостныхъ воротъ... Спасибо молодцу Сапугольцову. Смотря на его удаль, солдаты шли подъ пожами и топорами, какъ зерно по бархату...

— Подлецы! съ невыдержанною досадою и сжавъ кулаки, сказалъ комендантъ... перваго горожанина измѣнника, котораго приведутъ ко мнѣ, повѣшу на валу... Такъ мы, горсть нашихъ служакъ, только и остались одни?

— Одни, комендантъ!

— Ну! Его святая воля! промолвилъ старикъ, устремивъ глаза на образъ Спасителя, висѣвшій въ переднемъ углу столовой... Благословитъ Онъ насъ грѣшныхъ, но честныхъ слугъ матушки Царицы, отстояться... Не сможемъ...

— Такъ умремъ! подхватилъ Крыловъ.

— Умремъ, товарищъ! рѣшительно отозвался комендантъ. Молитва, бодрость и отвага... Не намъ знать будущее... не надо дремать въ настоящемъ! Мой планъ, нисколько не мѣшкая, капитанъ, выбрать десятка четыре отчаянныхъ молодцовъ, сдѣлать вылазку и сжечь прилежащія къ укрѣпленію избы...

— Вы справедливы, комендантъ, а то...

— А то, перебилъ старикъ, насъ изъ этихъ лачугъ могутъ обстрѣ-

ливать такъ исправно, что и носу не покажешь! Вывести отрядъ и исполнить первое удалое дѣло я поручаю вамъ, господинъ Полстоваловъ.

Поручикъ поклонился.

— Но выждемъ еще нѣсколько минутъ, продолжалъ комендантъ... Я выслалъ десятокъ казаковъ на посадъ... посмотримъ, не одумаются-ли эти звѣри! Чай!.. Господи... просто голову теряю... Что-то моя Марья Ивановна?.. вѣрно въ обморокѣ... Сдѣлай, братъ, милость, продолжалъ Симоновъ, обращаясь къ Крылову, завернемъ къ ней, ты такой мастеръ говорить, что твое слово для нея лучшій спиртъ.

Молодой поручикъ только и выжидалъ случая, чтобы остаться глазъ на-глазъ съ Варинькою, твердо рѣшась объясниться съ нею передъ своимъ выступленіемъ изъ укрѣпленія, передъ минутою, которая, быть-можетъ, была послѣднею минутою его свиданія съ Варинькою. Но прежде, чѣмъ храбрый съ врагомъ и далеко не смѣлый съ женщинами поручикъ приступитъ къ своему тяжелому объясненію, познакомимъ читателя короче съ жизнію и личностію молодаго человѣка.

Съ веселою и плясовою пѣснею вступали драгуны въ одно изъ невзрачныхъ мѣстечекъ Орловской губерніи, тогда еще именовавшейся намѣстничествомъ. Драгуны возвращались изъ славнаго турецкаго похода на свою привольную стоянку. Бабы, ребятишки, барыни и кухарки, посадскіе и дворяне—весь людъ вышелъ на встрѣчу своимъ старымъ друзьямъ, опаленнымъ порохомъ и давно не видавшимъ ни гребня, ни русской жаркой бани. Драгуны спѣшились, и пѣсню замѣнили восклицанія радости, объятія, пожатья и поцалуи.

— На-ка, Мордашкинъ, подержи коня, сказалъ старый капитанъ, отмѣченный на щекѣ глубокимъ ударомъ сабли, обращаясь къ своему вѣстовому. Просто, братъ, душа удила закусила, такъ и просится вонъ изъ мундира, до дому хочется ей неугомонной...

— Да у кого-жъ теперь душа не забыла субординаціи, ваше высокоблагородіе, замѣтилъ солдатъ, принимая поводья... Я чай, мать командирша ждетъ не дождется вашей милости...

— Понятно, товарищъ: не въ караулъ вѣдь сходили... И то сказать: три года на родную луковицу взглянуть не довелось, а тутъ, молвить кстати, у меня больше чѣмъ у кого другаго до родной хаты сердце просится...

— Нешто оказія какая, ваше высокоблагородіе? продолжалъ солдатъ.

— Оказія, пріятель, какой еще со мною не случалось... Только-что выступили въ походъ, на четвертой дневкѣ получилъ отъ жены поклонъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣсточку, что сына Богъ далъ... Крѣпко хочется

взглянуть на мальчишку: вотъ и гостинецъ ему изъ Туречины везу... славную татарскую погайку; пусть пріучаетъ руку къ боевому дѣлу, пускай хоть мухъ бьетъ пока.

Капитанъ стянулъ съ рукъ свои громадныя перчатки съ раструбами, и почти бѣгомъ пустился на исходъ мѣстечка, къ небольшому домику, обнесенному рядомъ густыхъ ивъ и березъ.

Лохматая собака съ визгомъ, поджавъ хвостъ, бросилась навстрѣчу служакѣ, за нею выбѣжалъ хорошенькій бѣлокурый мальчикъ, и съ испугомъ готовъ уже былъ броситься назадъ, какъ маленькая его ручонка въ ту же минуту была сжата въ драгунской ладони.

— Куда, быстроглазый!.. спросилъ старый капитанъ съ задушевною нѣжностію, которая никакъ не отвѣчала вопросу... Ахъ ты маленькій волчокъ! продолжалъ онъ, съ глубокимъ вниманіемъ разглядывая лицо малютки. Да, вѣдь какъ похожъ-то на меня!.. Ну... Стой!.. Какъ тебя зовутъ?.. Экая память, вѣдь писали... Забылъ!.. Слышишь, пышка!.. какъ тебя зовутъ?..

— Петей... дяденька, пролепеталъ мальчикъ...

— Петька! Ну, такъ и есть, сынъ мой... Маршъ впередъ... Здорова мать?..

— Здорова...

— Маршъ, веди къ ней... Она, братъ, насъ съ тобою познакомитъ... На-ка, вотъ тебѣ гостинецъ...

Капитанъ сунулъ въ руку сына погайку, и отправился вслѣдъ за нимъ... На крыльцѣ съ воплемъ радости кинулась жена на шею своего дорогаго сожителя, и съ крикомъ: «Маменька, Федора Никодимовна, нашъ пріѣхалъ!» настежъ распахнула двери жилья для дорогаго гостя. Веселый и довольный своимъ семейнымъ счастіемъ, капитанъ, какъ умѣлъ обласкалъ мать, жену, собаку и наконецъ добрался до сына.

— Ну, что, спросилъ онъ, посадивъ на колѣна малютку, теперь знаешь меня?

— Знаю, отвѣчалъ мальчикъ.

— Кто же я?..

— Капитанъ Полстоваловъ.

— Ахъ ты головорѣзъ... да кто это тебѣ сказалъ? въ несказанномъ восторгѣ вскричалъ служака.

— Бабушка... бабушка говорила, что мой отецъ капитанъ Полстоваловъ; ну, а мама теперь говоритъ, что отецъ-то мой ты...

— Я, братъ... Ахъ ты умница... Поди-ка, такой сверчокъ, въ вѣникѣ спрячется—не сыщешь, а все помнитъ, что ему скажутъ...

Ну, поцѣлуй меня, мое рожденье... Потомство мое... Вотъ такъ... браво... Посмри-ка на меня!

Малютка устремилъ на отца свои чистые, голубые глазки.

— Лизавета Ивановна, продолжалъ капитанъ, не отводя взгляда отъ умнаго личика своего сына: а вѣдь глаза-то у него мои?..

— Ладно, ладно, дорогой мой, отвѣчала жена... вотъ, иди-ка лучше, закуси съ дороги, чай изморился... усталъ...

— Погоди... поспѣешь... Ну, а видишь ты, волчокъ, продолжалъ капитанъ, у отца на щекѣ трещину?..

— Вижу, что-жъ это.... прибилъ тебя кто?..

— Прибилъ, братъ, Турокъ... Вотъ, выростешь, такъ поколоти его за меня...

— Хорошо...

— Такъ будешь колотить Турокъ?..

— Буду...

— И больно?..

— Больно...

— Молодецъ! Ну, пойдемъ, отвѣдаемъ родной стряпни...

Таковъ-то былъ отецъ Петра Николаевича. Человѣкъ добрый въ душѣ, честный служака, скоротавшій всю жизнь на бивуакахъ, на сѣдлѣ и въ курныхъ избахъ стоянки. Грубый наружно, онъ не былъ черствъ душею, и несмотря на свои выходки, подкрашенныя бойкимъ словцомъ, умѣлъ выростить своего сына въ правилахъ религіи и чести. Образованіе Петра Николаевича ограничилось двухъ-годичнымъ слушаніемъ лекцій сельскаго дьячка, который, по дружбѣ къ старому капитану, даромъ передалъ всю свою премудрость его сыну... Стало-быть, Петръ Николаевичъ учился даже и *не на мѣдныя* деньги...

Четырнадцати лѣтъ онъ уже стоялъ подъ ружьемъ, порученный заботливому надзору своего командира, поручика Симонова, который былъ добрымъ сослуживцемъ и другомъ стараго Полстовалова... Ни отецъ, ни мать не могли проститься съ милымъ дѣтищемъ, когда онъ выступилъ въ походъ на первое боевое дѣло. Въ четыре года, еще можно сказать дитя—служака, молодой Полстоваловъ выровнялся молодцомъ мужчиной... Бивуачная жизнь, ломка зубовъ надъ сухаремъ и патрономъ научили его понимать жизнь со всѣми ея удобствами и неудобствами... Въ этотъ четырехъ-годичный походъ онъ окрѣпъ душой и тѣломъ. Молодецъ похорошѣлъ, возмужалъ, легкій загаръ такъ шелъ къ его благородному, открытому лицу, что часто, безъ посторонняго глаза, заглядывая въ черепокъ зеркала, Петя самъ себѣ говаривалъ: « Э братъ, да отецъ будетъ отъ тебя безъ ума».. При этомъ ему иногда приходила на

память и Олинька, съ которою онъ вмѣстѣ росъ и которая, по его разсчетамъ, теперь могла называться невѣстою... Сердце Пети, несмотря на его настоящее, обставленное всѣми условіями человѣка, который исполнилъ свой долгъ до нельзя, отслуживъ присягѣ какъ вѣрный сынъ родины, болѣло какимъ-то злымъ предчувствіемъ... Пришли.

— Отпуская на службу, сказалъ мнѣ отецъ, думалъ молодой служака: если ты будешь хорошій солдатъ, рубака, витязь, пойдешь въ первое дѣло, хватишь рану въ первой срубкѣ, я твой отецъ; отслужишь плохо, будешь якшаться по обозамъ, ловить кусты, ты меня не знай!.. Но ты этого не сдѣлаешь... Твой отецъ за честь родины пролилъ много крови... Служи и будь солдатъ, до—тѣхъ-поръ пока не сдѣлаешься начальникомъ цѣлыхъ тысячъ; тогда иди впередъ, но иди во́ время! Батюшка, батюшка! думалъ Петя: я исполнилъ завѣтъ твой! Теперь обойми меня!.. Вотъ награда, которой никто не дастъ мнѣ... Твое спасибо, какъ вѣрнаго служаки и какъ моего отца, дороже для меня и жизни...

Юный прапорщикъ, увѣнчанный лаврами и покрытый ранами, спѣшилъ на свою родину, гдѣ, по его мечтамъ, ждали его: мать, почтенный отецъ, старая, беззубая няня—гадальщица, и даже Олинька...

Будьте вы молоды, вынесите столько тревогъ скитальческой, походной жизни, столько не призванныхъ порывовъ души, когда кипитъ кровь, когда самый долгъ велитъ умирать каждый часъ, не только обстоятельства боевой жизни, и сознайтесь, что нельзя придумать хуже пытки, когда, полный надеждъ на ласку родныхъ и кровныхъ, встрѣчаешь домъ опустѣлымъ, а память о тѣхъ, для кого жилъ, чей завѣтъ исполнялъ, какъ святыню, заглохла также, какъ и трава на опустѣломъ, родномъ дворѣ!

Владиміръ Николаевичъ не напрасно болѣлъ своимъ тяжелымъ предчувствіемъ.. стучалъ онъ долго и безъотвѣтно у осиротѣлаго домика... домикъ былъ пустъ: добрый и честный служака отецъ его умеръ, мать тоже, а няня даже въ первый день разлуки съ ненаглядным Петей не могла пережить ее...

Горько зарыдалъ Володя у воротъ роднаго, опустѣлаго дома...

— Батюшка, матушка... не судилъ Богъ благословить вамъ меня!.. Отнялъ Онъ васъ... Его святая воля!

Молодой человѣкъ зарыдалъ, выплакивая этими слезами свою страшную, почти невыносимую тоску... Чрезъ день, при помощи добрыхъ людей, онъ нашелъ могилу кровныхъ, поплакалъ и надъ нею... и пошелъ къ Симонову. — Будьте отцомъ, сказалъ онъ своему доброму командиру... *ихъ* нѣтъ!

Симановъ зналъ Полстовалова, какъ отличнаго офицера и честнаго

человѣка... Съ этой минуты дружба ихъ, домашняя,—на службѣ нѣтъ дружбы,—связалась крѣпкимъ, гордіевымъ узломъ.

Назначенный въ Яикскій городокъ, Симоновъ взялъ съ собою и Полстовалова.

Здѣсь встрѣча съ Варинькою была для молодаго поручика полной перемѣной его грустной жизни. Человѣкъ, лишенный навсегда родной ласки, даже не испытавъ ее, онъ съ неистовою горячностію полюбилъ дѣвушку, отвѣтившую на его страстный взглядъ и страстное слово тѣмъ же. Любовь поручика шла въ самую математическую параллель со всякою поручичьею любовью .. Это любилъ не Полстоваловъ, не поручикъ седьмой гарнизонной команды, но дѣвушка, въ свои семнадцать лѣтъ... больше! Одно слово, одно движеніе бровей Варинькн заставили-бы бѣднаго Петю рѣшиться на все... И злая, вѣтренная Варинька знала это все, и рѣшилась воспользоваться его любовью и безотчетною преданностію...

Когда молодые люди остались одни, Варинька рѣшилась первая начать разговоръ:

— Петръ Николаевичъ, сказала она...

— Я-съ! отозвался поручикъ, въ эту минуту созерцавшій хорошенькое личико своей собесѣдницы.

— Скажите сдѣлайте милость, ужъ не боитесь-ли вы смерти?

— Это почему-съ... вы, такъ сказать... изволите...

— Да, вы чрезвычайно грустны...

— Грустенъ! съ тяжелымъ вздохомъ, отвѣтилъ молодой человѣкъ... Нѣтъ-съ... я смерти не боюсь... Теперь даже готовъ искать ее.

— Искать? съ притворнымъ изумленіемъ спросила Варинька... Это почему?..

— Такъ-съ!.. И поручикъ вытянувъ ногу, съ замѣшательствомъ устремилъ взглядъ на носокъ сапога.

— Я васъ не понимаю... Петръ Николаевичъ...

— Для васъ это все-равно... но для меня еще хуже...

— Что значитъ этотъ тонъ? Послушайте.. вы, какъ-будто чѣмъ-то обижены...

— Обиженъ-съ... утвердительно сказалъ Полстоваловъ.

— Обижены ?.. Кѣмъ?..

Полстоваловъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, губы его посинѣли, лицо было блѣдно какъ у мертвеца... Варинька даже испугалась этой перемѣны.

— Что съ вами? оставляя свое мѣсто и подходя къ поручику съ неподдѣльнымъ участіемъ спросила она. Этотъ голосъ проникъ до глу-

бины души бѣднаго молодаго человѣка. Только что зародившееся негодованіе смѣлилась въ его сердцѣ тою же ничемъ неизлечимою и никакъ невыразимою любовью.

— Что̀ съ вами, Петръ Николаевичъ? повторила Варинька, положивъ свою руку на плечо молодаго офицера...

— Ничего... такъ... со мною!

— Какъ такъ...

У Полстовалова навернулись слезы.

— Послушайте... Варвара Николаевна... вы знаете... На этомъ словѣ языкъ молодаго человѣка онѣмѣлъ; бѣднякъ глоталъ слезы...

— Ну-съ! сказала Варинька... Извольте... я знаю... что̀?

— Что̀ я...

— Я знаю только, что вы меня любите и во всемъ видите мой капризъ, мое желаніе мучитъ васъ: не такъ-ли?..

— Такъ, Варвара Николаевна?

— О!..

— Я убитъ, Варвара Николаевна... И вотъ вамъ мое благородное слово, что съ вылазки—не ворочусь сегодня... Довольно! много судьба послала на мою долю: больше — нѣтъ силъ...

— Петръ Николаевичъ!..

— Простите меня, Варинька... простите... Быть-можетъ, я высказалъ... быть-можетъ...

— Но, ради Бога объяснимтесь! перебила Варинька... Чѣмъ, какъ я виновата передъ вами?

— Вы не можете быть виноваты передо мною...

— Однако жъ, я думаю — еслибы вы были глазъ на глазъ съ дядюшкою, то вѣрно бы не сказали ему страшной фразы, что не вернетесь съ вылазки?

— Да, не сказалъ бы...

— Ну, а вѣдь мнѣ вы это сказали?

— Сказалъ...

— Стало-быть, я смѣю спросить, для чего мнѣ именно говорите вы это?

— Позвольте вамъ не отвѣчать на то, что̀ вамъ хорошо извѣстно...

— А! вы ищете ссоры.

— Я?

— Да, вы...

— Варинька! Варинька... пощадите меня! вскричалъ молодой человѣкъ, готовый упасть на колѣна передъ своимъ мучителемъ... Варинька—кромѣ васъ, въ этой жизни, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ,

ни въ будущемъ у меня нѣтъ счастья... За что же вы отравляете мои послѣднія надежды, мой послѣдній отдыхъ отъ горя, бѣдъ и золъ, которыя идутъ по пятамъ моимъ съ перваго дня моего рожденія... Зачѣмъ же этотъ видъ любви и довѣрія, когда я не стою и не заслужилъ ихъ?

Полстоваловъ прислонился къ косяку двери, и взглядъ его, полный отчаянія, остановился на образѣ Спасителя. Варинька и въ эту минуту не забывала Силу Львовича. Она знала, что по одному ея желанію, по одному ея слову Полстоваловъ готовъ на всякую жертву, и еще никогда не употребляя въ свою пользу его расположеніе, дѣвушка тѣмъ болѣе разсчитывала на вѣрный успѣхъ, еслибы спасеніе странствующаго братца ей пришлось поручить молодому офицеру. Время было такъ дорого, неизвѣстность такъ тяжела, что Варинька въ ту же минуту обдумала планъ атаки... Дѣло началось перестрѣлкою взглядовъ и потомъ цѣлымъ залпомъ нѣжнаго участія... Непріятель, обстрѣленный со всѣхъ сторонъ, положилъ оружіе и только ждалъ милости за свою рабскую покорность...

— Петръ Николаевичъ, сказала Варинька послѣ долгаго и обоюднаго молчанія... Посмотрите-ка на меня...

Полстоваловъ не поднималъ глазъ и, казалось, считалъ трещины, прорѣзавшія полъ столовой прямыми и широкими линіями.

— А!.. притворно продолжала Варинька... такъ вы ужъ даже и смотрѣть на меня не хотите!.. Вы на меня сердитесь... За что... этого я не знаю... Все-равно, будемте сердиться... разсоримтесь навсегда, навсегда!..

Дѣвушка готова была уже оставить комнату. Когда она дошла до двери, трепещущій Полстоваловъ загородилъ ей дорогу... Губы его дрожали, влажные глаза-то робко останавливались на стоящей передъ нимъ Варинькѣ, то на шляпѣ, которую онъ неистово мялъ въ рукахъ своихъ... Словомъ, поручикъ въ эту минуту представлялъ въ лицѣ своемъ жалкаго школьника, котораго учитель поймалъ за вихоръ съ украденнымъ яблокомъ.

— Позвольте... сударь! холодно сказала Варинька, подойдя такъ близко къ двери и особенно въ молодому человѣку, что послѣдній, казалось, въ туже минуту растаетъ отъ горячаго дыханія.

— Сударь!.. сударь! прошепталъ молодой человѣкъ... Варинька... Варинька, что жъ я вамъ сдѣлалъ?

— Ничего... Позвольте мнѣ пройти къ тетушкѣ.

— Такъ вы... рѣшительно... навсегда — говорите... навсегда? спросилъ онъ въ какомъ-то замѣшательствѣ.

— Рѣшительно и навсегда... Я вижу, что вы этого отъ души желаете...

— Я? Полстоваловъ горько улыбнулся, и сдѣлавъ шагъ впередъ, тихо сказалъ; идите!

Варинька не трогалась съ мѣста... Дѣвушка и молодой человѣкъ безмолвно встрѣтились глазами, въ которыхъ выражался обоюдный вопросъ и искреннее сочувствіе. Эта нѣмая, но краснорѣчивая минута длилась недолго. Молодые люди бросились навстрѣчу одинъ другому. Варинька съ улыбкою сквозь слезы подала свою руку Полстовалову.

— Варинька! простите меня! вскричалъ онъ... Право, я виноватъ... Ей-Богу... Самъ не знаю, что со мною сдѣлалось... Мнѣ такъ грустно, такъ сосетъ сердце, такъ скучно!.. простите меня...

— Злой! сказала дѣвушка... злой и настойчивый... скучно... какая благородная откровенность... Стало-быть, надо понимать, что вамъ безъ меня было веселѣе и что мой пріѣздъ нарушилъ и ваше счастіе и ваше спокойствіе...

— Правда, Варинька, правда...

— Правда? Такъ объясните ради Бога, какъ это мое появленіе принесло вамъ столько зла?.. Ну-съ, извольте обвинять меня.

— Видите, началъ Полстоваловъ... Я буду говорить откровенно...

— О! я надѣюсь...

— Видите... вы знаете, Варинька, что я... такъ сказать... если позволите... я... нѣтъ-съ не смѣю!..

— Смѣлѣе, смѣлѣе—Петръ Николаевичъ.

— Я васъ. . люблю! страстно прошепталъ поручикъ, со страхомъ осмотрѣвшись кругомъ.

— Знаю, знаю...

— То-то и есть... Варинька, а вы вотъ... любите другаго.

— Ха, Ха!.. Кого же это?

— Я не смѣю назвать его.

— Нѣтъ... ужъ если начали, такъ извольте быть смѣлымъ...

— Вы любите... да, нѣтъ—просто, душечка... родная моя Варинька—скажите мнѣ, что вы... никого не любите... Ну, ради Бога, хоть обманите!..

— Люблю... не хочу обманывать...

— Видите... О, я такъ и угадалъ! съ глубокимъ вздохомъ сказалъ молодой человѣкъ...

— Да, да! люблю, продолжала дѣвушка — очень люблю... и человѣка недостойнаго, злаго, капризнаго, подозрительнаго...

— Кого же, кого, Варинька?

— Кто-жъ надѣленъ съ избыткомъ такими драгими качествами, кромѣ... васъ! отвѣчала дипломатка, тихо и нѣжно сжавъ руку молодаго человѣка.

— Меня!.. такъ вы ей-Богу, меня любите... а не...

— Что, что такое?..

— Не сердитесь, Варинька, не сердитесь!.. Я хочу сказать: меня... а не этого братца, о которомъ вы такъ часто вспоминаете сегодня, такое принимаете въ немъ участіе...

— Ахъ вы — простакъ, простакъ! Счастье ваше, что на васъ я не могу сердиться, а то жестоко бы наказала за эти нелѣпыя подозрѣнія... Часто вспоминаю? принимаю участіе?.. Вы и того не хотѣли обдумать, что надо быть до крайности безчувственнымъ, чтобы, встрѣтивъ роднаго первый разъ въ жизни, въ туже минуту потерять его и не безпокоиться за судьбу его...

— Но помилуйте, какой же онъ вамъ родной!.. Самъ вашъ дядюшка говоритъ, что онъ пасынокъ вашей троюродной тетушки...

— Однако-жъ онъ все-таки мнѣ братъ... и братъ единственный, другихъ у меня нѣтъ...

— Ну, хорошо, хорошо!.. Такъ это... Варинька, только родственная пріязнь?..

— И ничего больше...

— Ахъ, какъ мнѣ легко теперь!..

— Въ-самомъ-дѣлѣ!..

— Никогда я не дышалъ такъ свободно!

— Вотъ мы и перемѣнились ролями.

— Опять... Что же это значитъ?

— А то, что мнѣ теперь придется грустить и за себя и за дядюшку; я увѣрена, что бѣдный старикъ плачетъ въ душѣ за несчастнаго племянника.

— Не безпокойтесь... не безпокойтесь, быстро перебилъ Полстоваловъ... мы, Богъ поможетъ, выручимъ его... Я приказалъ Недорѣзу поразвѣдать о вашемъ гостѣ, и если онъ въ рукахъ у нашихъ враговъ...

— Ну!...

— Употребимъ всѣ средства, чтобы спасти бѣдняка; только бы узнать, кто именно его заарканилъ, а это мнѣ кажется нетруднымъ... Недорѣзъ малый расторопный, ловкій, большой плутъ... онъ пройдетъ огонь и воду, а ужъ сдѣлаетъ что велятъ, и тогда въ первой вылазкѣ братецъ вашъ спасенъ!

— Ваше благородіе!.. Пожалуйте на валъ, къ орудіямъ! сказалъ вошедшій солдатъ.

— Что тамъ? спросилъ поручикъ...

— На горкахъ, ваше благородіе — видимо-невидимо врага... такое множество, что и не вымолвишь... До десяти значковъ съ ними...

— Иду... сейчасъ!.. Варинька... молитесь за насъ! съ чувствомъ добавилъ молодой человѣкъ, оставляя дѣвушку...

IV.

Недорѣзъ и Устинья. — Приворотная травка. — Счастіе въ несчастіи.

Сумрачный декабрскій вечеръ уже смѣнялся темною степною ночью. Яркое зарево цѣлымъ моремъ раскидывалось надъ горками; тамъ пылали костры, зажженны въ станѣ пугачовскомъ; густой дымъ волнистыми облаками бѣжалъ къ лѣсу, у опушки котораго осторожно и безпрестанно озираясь, или вслушиваясь въ малѣйшій шорохъ древесной вѣтки, пробирался нашъ знакомецъ Недорѣзъ. Часто онъ оставлялъ дорогу и въѣзжая въ лѣсъ, легкою рысью гналъ коня своего по такимъ тропинкамъ, на которыхъ легко было заблудиться и днемъ.

— Ну, ну, калмычокъ, промолвилъ казакъ, обращаясь къ кюю, понаберись еще силенки... вотъ переполземъ только послѣдній оврагъ, а тамъ и рѣчка, а тамъ и хуторъ, и овесъ... Выходи, выходи... вотъ такъ, такъ — старый товарищъ!

Казалось, конь хорошо понималъ слова своего хозяина: онъ поднялъ уши, повелъ сверкающими глазами, и ощупавъ оледенѣвшую закраину оврага, почти на хвостѣ сползъ въ глубь его. Казакъ, далъ нѣсколько вздохнуть коню, потомъ ослабилъ поводъ, гикнулъ, и быстрѣе молніи снова выбрался на тропинку...

— Увидимъ, братъ Таликовъ, твою удаль, продолжалъ Недорѣзъ... вотъ оно зельице-то приворотное, да и цыдулка съ наговоромъ... въ кулакѣ у насъ; съ рукой развѣ возметъ кто ихъ, а ужъ не дамъ, ни чорту, ни казаку встрѣчному... Однако, къ слову пришлось, не оставить-ли мнѣ коня въ лѣсу? подумалъ казакъ... да самому задами пробраться до окна Устиньи... Не ровенъ часъ, можетъ-статься, что Толкачевъ со свояками еще пируетъ у Кузнецова... вѣдь какъ нарвешься — не сдобровать молодцу...

Сказано сдѣлано. Казакъ спрыгнулъ съ сѣдла, выискалъ удобное и скрытое мѣсто, гдѣ могъ безопасно оставить коня; затѣмъ тщательно припряталъ пистолеты и тѣ сокровища, которыми надѣлилъ его Таликовъ, и бѣгомъ пустился черезъ рѣчку. Ловкій Недорѣзъ ползкомъ

прошелъ у плетня до главной мазанки и заглянулъ въ первое окно. Въ избѣ—подгулявшій Толкачевъ обнимался съ хозяиномъ, между-тѣмъ какъ въ другихъ зданіяхъ хутора ярко пылалъ огонь и слышались крупный говоръ смѣхъ и пѣсни наѣзниковъ.

— Эхъ-ма! сказалъ казакъ... Голубчики-то, какъ видно, разлимонную—ни дай, ни вынеси — на прелестяхъ справили... Жаль нѣтъ нашихъ — во-время бы опохмѣлили молодцовъ... Дѣлать нечего... до радостной встрѣчи, друзья!.. А ужъ ты—волчій пасынокъ—не уйдешь отъ меня! Съ этими словами, которыя видимо относились къ Толкачеву, казакъ погрозилъ на окно и перешелъ за избу. Съ этой стороны единственное окно главнаго строенія, прорѣзанное надъ самымъ обрывомъ холма, выходило на голую степь. Въ немъ, какъ и въ прочихъ окнахъ, блестѣлъ огонь. Послѣднее обстоятельство заставило на минуту призадуматься нашего рыцаря.

— Что-жъ это, прахъ возьми! подумалъ Недорѣзъ, взбираясь на завалину и прильнувъ лицомъ къ заиндивѣвшему стеклу: ужъ и у Устиньи нѣтъ-ли гостя?.. Ахъ ты косатка моя, лапушка, сласть медовая! съ чувствомъ тоски и участія прошепталъ казакъ, когда успѣлъ разглядѣть разкраснѣвшіяся отъ слезъ глаза дѣвушки, которая въ грустномъ забытьи оставалась у дубоваго стола... Да какой же это тебя злодѣй, варнакъ, разобидѣлъ такъ!.. Смотри ка, смотри, продолжалъ Недорѣзъ: слезаньки-то такъ и погоняютъ одна другую... Устя, касаточка, цыпка ты моя! въ забытьи говорилъ онъ: да не плачь, не рюми... я тутъ, твой Семенъ.... Ей, Устя! Усточка, уточка моя!.. И Недорѣзъ до того забылся въ минуту своихъ сердечныхъ изліяній, что раза три довольно неосторожно хватилъ кулакомъ по переплету окна.

Устинья вздрогнула и въ первое мгновеніе испуга бросилась было къ дверямъ... Недорѣзъ повторилъ ударъ, но уже такъ тихо и съ такою краснорѣчивою дробью, что казалось сама оконная рама нѣжно повторила слова казака: «не пугайся красавица, это я!»

Дѣвушка скоро узнала своего милаго, — въ ту же минуту огонь исчезъ въ избѣ ея, и вотъ, затаивъ дыханіе, казакъ слышитъ, какъ щелкнулъ запоръ, потомъ скрипъ снѣга подъ быстрыми шагами ненаглядной, и ненаглядная, закутанная въ отцовскій малахай, кинулась на шею Недорѣза...

— Устюша! прошепталъ казакъ...

— Охъ... Сеня, неладно, родной! сказала дѣвушка... Сгубила насъ напасть непрошеная, заѣли злые люди наши радости.

— Кто-жъ это, кто, моя ненаглядная?

— Да всѣ, Сеня, всѣ!.. Въ ногахъ у отца валялась... и видѣть не хочетъ моей сиротской слезы... отдаетъ за лихаго...

— Охъ, да, полно, не рюми Устя, не надрывай сердца.. знаю я... все знаю, да есть у насъ чѣмъ и отлытать отъ зла-горя... Нака вотъ, знахарь Таликовъ подарочекъ прислалъ...

— Подарокъ! оживая, спросила Устинья... Смотри Сеня, не порча ли какая?

— И не моги думать!.. Таликовъ со мною такой штуки не сдѣлаетъ; вѣдь не провалится же онъ сквозь землю, а ужъ отъ моихъ рукъ не уйдетъ— если пошалить вздумалъ... Да нѣтъ, съ полною увѣренностію продолжалъ Недорѣзъ, не посмѣетъ онъ... Вишь ты, вотъ эту цидулочку изволь зашить въ мѣшечикъ и носи на шеѣ... Это навожденіе такого рода, что какъ взглянетъ на тебя лихой, такъ, говоритъ Таликовъ, въ ту же минуту зеньки у него лопнутъ... Слышишь!..

— Слышу, слышу... Ну лопнутъ! .

— И довольно, чего-жъ тебѣ больше? А вотъ этотъ корень приворотный. Таликовъ сказалъ: если первая штука не удастся...

— Да, отчего-жъ она не удастся? спросила Устинья.

— Отчего?.. Ну, вѣстимо отчего... Почемъ знаешь, можетъ-быть разбойникъ-то и самъ заколдованъ...

— Охъ, заколдованъ, Сеня, вѣрно заколдованъ!..

— Ну, такъ вотъ на этотъ случай выпей съ водицей вотъ эту травку; тогда ужъ только посторонись, дай дорогу... не только глаза, самъ лопнетъ... Ладно, думалъ Недорѣзъ, какъ разберетъ тебя, моя краля, такъ авось уйдемъ отъ бѣды, да хоть бы и отъ отца дурака, на время, со мною въ укрѣпленіе.

— Какъ же это Сеня, недовѣрчиво перебила Устинья: какъ же это, я въ толкъ не возму... Я, то-есть, выпью...

— Ну да, ты!

— А... а онъ лопнетъ? Отчего-жъ не я?..

— Эхъ!.. неразумная... Ужъ это дѣло Таликова, не наше... Коли я тебѣ милъ, коли тебѣ безъ меня жизнь не въ радость, дѣлай что говорятъ...

— Ладно, ладно! слезливо отозвалась дѣвушка.

— Ну такъ, смотри же, Устя! Выпьешь?

— Выпью, Сеня, выпью!..

— Ухъ—ты мое яблочко наливанное! съ чувствомъ особенной признательности, сказалъ Недорѣзъ, ущипнувъ румяную щеку дѣвушки...

— Да, вотъ еще, молвить кстати, продолжалъ онъ, надвинувъ шапку на брови и молодецки избоченившись... Сюда пробрался я, моя

лебедка, по двумъ дѣламъ: во-первыхъ, на смерть была охота повидать тебя, а во-вторыхъ, и поразвѣдать кой-о чемъ... Изволишь ты видѣть, не слыхала ли или не видала ли чего такого, этакого... Хоть бы, примѣрно сказать, не заарканилили вотъ тѣ сорванцы, что у васъ пируютъ, двухъ молодцовъ; слугу съ бариномъ...

— Это знахаря и дохтора? спросила Устинья.

— Какого знахаря?.. какого дохтора?..

— Да, да!

При этомъ да, Устинья подробно описала и Силу Львовича и Марку.

— Такъ, такъ! вскричалъ казакъ. Ну, гдѣ жъ они?

— Охъ! тоже неладно, Сеня.

— Что ты говоришь! Какъ неладно?.. Неужто ихъ уходили...

— Нѣтъ еще, а до бѣды не вѣкъ вѣковать...

— Вотъ тебѣ бабушка и юрьевъ-день!

— Видишь ты, продолжала Устинья, имъ гдѣ-то прилучилось съ пугачевскими встрѣтиться на дорогѣ, вотъ ихъ и заарканили, какъ самъ баринъ мнѣ разсказывалъ, и приступили съ разспросами: кто, какой, да отколь?.. Ну ужъ вѣстимо дѣло...

— Ну, ну!

— Мы дохтора, говорятъ они... А! дохтора... ну намъ васъ и надо... вотъ, говоритъ Толкачевъ, сейчасъ привезутъ нашихъ раненыхъ, полечи ихъ. Хорошо, все такъ себѣ своимъ порядкомъ: барина покормили, онъ было и уснулъ сердечный; вдругъ говорятъ, иди лечи молъ, привезли... И пошелъ онъ мой голубчикъ... Только смотрю, не прошло и часу, какъ на дворѣ поднялся крикъ, шумъ, разбойники высыпали какъ тараканы... орутъ!

— Ахъ ты скверна какая?.. Что жъ это вдругъ такъ дѣло-то испортилось; вѣрно кого ни на есть залечили?

— Нѣтъ, дѣло-то свое они хорошо справили... Да Кондрашка Голованъ, котораго отбили отъ вашихъ, узналъ слугу-то дохторскаго.. Видишь ли онъ встрѣтилъ его въ уметѣ, да онъ же его и въ подпольѣ-то заперъ...

Недорѣзъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Ай да угаръ!.. Ужъ вѣрно же ухорѣзъ, коли Кондрашку въ узелъ связалъ! Ну, что жъ потомъ?

— А потомъ-то казаки было хотѣли и барина и слугу повѣсить, да я ужъ упросила Толкачева, чтобъ онъ ихъ сначала доспросилъ, можетъ-быть они и не виноваты...

— Правда, душа моя, а тѣмъ временемъ, можетъ-быть, еще и улиз-

нуть успѣютъ... Да вотъ, хоть бы и я какъ-нибудь имъ помогъ... Ты не знаешь, гдѣ они?

— Вотъ то-то и горе... Въ суматохѣ-то я не замѣтила куда ихъ упрятали...

— Дрянь дѣло... вѣдь это комендантскій племянникъ...

— Ай!

— Да... Право дрянь дѣло!..

— Да ты постой, Сеня... Завтра ужъ я какъ-нибудь спровѣдаю и дамъ знать въ крѣпость чрезъ сиротку Нелюбина, что̀ служитъ батракомъ у отца...

— Ладно, ладно!.. Спасибо...

Въ эту минуту на крыльцѣ главной избы раздался крупный говоръ.

— Тс... шепнула Устинья... Кажись отецъ провожаетъ Толкачева... Бѣжать и мнѣ въ избу, неравно навернется старикъ. . Прощай, Сеня!..

— Прощай, Устюша... Смотри же... выпей! крикнулъ казакъ вслѣдъ Устиньи.

— Славная дѣвка! Добрая дѣвка! думалъ Недорѣзъ... на все для насъ пойдетъ... Эхъ, дай на прощанье, еще разъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на нее... И казакъ сталъ уже взбираться на заваленку, какъ вдругъ, поскользнувшись упалъ на закраину обрыва, перевернулся... разъ другой, и стремглавъ, кубаремъ полетѣлъ внизъ...

Подъ самымъ окномъ Устиньи, внизу, у обрыва тянулся рядъ отдѣльныхъ землянокъ, въ которыхъ хранился хозяйственный запасъ Кузнецова. Землянки эти, изрядной глубины, закрывались плотно не совсѣмъ прочными дверьми, сплетенными изъ хвороста и лыка, но междутѣмъ, каждая изъ этихъ дверей замыкалась крѣпкимъ желѣзнымъ засовомъ...

Недорѣзъ съ вершины холма и своего счастія рухнулъ именно на одну изъ такихъ дверей, сухой хворостъ не выдержалъ казацкаго тѣла— хрустнулъ и далъ полную свободу летѣть ему еще нѣсколько аршинъ ниже.

— Ай!.. Откуда ты? раздалось въ землянкѣ.

— Съ самаго верху!.. Ухъ!.. Какъ же я себѣ перещупалъ каждую косточку! Однакожъ, нельзя ли узнать, товарищъ, гдѣ я?..

— Гдѣ?.. Разбойникъ еще спрашиваетъ!..

— Что̀ ты ругаешься?.. Я же себѣ переломалъ ребра, да меня же еще и бранятъ... Сдѣлай милость, скажи, гдѣ я, и какъ отсюда выбраться?

— Какъ выбраться... Гм... Это недурно! Говорятъ умъ хорошо,

а два лучше... Будемъ же теперь думать въ двѣ головы, какъ отсюда выйти...

— Что это сумасшедшій что ли? подумалъ казакъ... Да такъ и есть, онъ кажется на цѣпи... Э... э... братъ!.. Послушай, сказалъ Недорѣзъ, осторожно отступая въ уголъ землянки... Ты, признайся... не бѣшеный... А?..

— Нѣтъ, не бѣшеный...

— И... не того... не рехнувшись!

— Нѣтъ, но — кажется, скоро рехнусь...

— Да какой же чортъ тебя сюда занесъ... когда не знаешь, какъ отсюда выходятъ?

— Не знаю потому, что меня въ сумерки втащили сюда, украсили вотъ этими наручниками и сказали: «до завтра».

— А!.. А! вскричалъ Недорѣзъ... Батюшка, сударь вы мой... да если не ошибаюсь я кстати чуть чуть не сломалъ или своей, или вашей шеи... Вы не казакъ?..

— Нѣтъ... я...

— Да вы не племянникъ ли подполковника Симонова?

— Племянникъ, другъ мой, отвѣчалъ Сила Львовичъ: ей-Богу племянникъ!

— Ахъ мои батюшки! Вотъ счастье-то... А вѣдь я васъ ищу.

— Спасибо, отозвался Сила Львовичъ. . Въ моихъ обстоятельствахъ только съ твоею быстротою и можно спасти меня .. Ну такъ за дѣло.. Прежде всего сними съ меня эти наручники.

Казакъ повиновался, и не теряя времени принялся помогать барону. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, Недорѣзу удалось разбить цѣпь и такимъ-образомъ сдѣлать первый шагъ къ освобожденію Силы Львовича. Затѣмъ оба заключенные принялись отыскивать выходъ и скоро наткнулись на ветхую лѣстницу, которая вела вверхъ, къ проломанной двери.

— Теперь сударь, извольте подниматься, сказалъ казакъ... Я за вами... Да непрытко, непрытко, сударь! продолжалъ Недорѣзъ. Поломаете эту вѣтошь, такъ мнѣ придется волкомъ выть.

Сила Львовичъ отвѣчалъ кивкомъ, въ знакъ своего полнаго согласія— и все-таки прыгалъ по ступенямъ съ быстротою бѣлки и тяжестію добраго лося. Лѣстница дрожала, скрипѣла и такъ трещала въ иные моменты, что бѣдный Недорѣзъ, только и ждалъ конечнаго ея разрушенія. Наконецъ баронъ выбрался на чистый воздухъ... казакъ вздохнулъ свободно и въ нѣсколько прыжковъ достигъ закраины землянки.

— Ну, любезный другъ, сказалъ Сила Львовичъ, вѣроятно ты искалъ меня не для того, чтобы оставить въ этой степи, на произволъ

вѣтра, вьюги, урагана и казаковъ, которые, по совѣсти, хуже всякой непогоды...

— Недорѣзъ, господинъ честный, что́ начнетъ, то и кончитъ, отозвался казакъ...

— Недорѣзъ, произнесъ баронъ... Ба, ба!.. Да ужъ не тотъ ли молодецъ, который, назадъ тому два дня, вывелъ насъ изъ степи?..

— Это я...

— Ну, братъ... извини, я рѣшительно думалъ, что земля здѣсь не производитъ порядочныхъ и добрыхъ людей, а ты просто, голубчикъ, мой добрый геній... Послушай же, мой добрый геній, продолжалъ Сила Львовичъ, любившій иногда наивно забавляться своимъ невыгоднымъ положеніемъ... Мы поѣдемъ съ тобою въ укрѣпленіе, къ дядюшкѣ, не такъ ли?

— Точно такъ сударь, и поѣдемъ на одномъ конѣ... Дай только Богъ выбраться... Еще спасибо, что теперь ночь, а ужъ днемъ, быть-бы бычку на веревочкѣ...

— Пожалуйста, не пугай меня новыми и скверными встрѣчами... Всего будетъ лучше, если мы, добрый другъ мой, успѣемъ теперь промыслить для меня какую-нибудь шапку и хоть лоскутъ чего-нибудь чѣмъ бы я могъ закрыть мои плечи... Разбойники все оборвали... Такой, вѣрно, у нихъ проклятый обычай... побить, раздѣть, выворотить карманы, взять даже послѣдній галстухъ, и подарить вмѣсто его веревкой... Ну, какъ твое мнѣніе о шапкѣ?

— О шапкѣ-то? спросилъ Недорѣзъ, почти обрадованный мыслію, что ее добыть болѣе негдѣ, какъ у Устиньи. . Извольте съ... попытаю, отвѣчалъ онъ. Извольте обождать, я мигомъ.

— Постой! возразилъ Сила Львовичъ... все это хорошо: шапка, плащъ... и тамъ еще что́-нибудь...

— Да все, все будетъ!

— И... нѣтъ, не все!

— Да что́ же вамъ нужно, кромѣ всего нужнаго? спросилъ казакъ.

— А слуга-то мой?

— Чтб жъ, сударь, дѣлать... Гдѣ его взять?

— Надо бы пошарить...

— За это не берусь...

— Но, любезный, онъ прекрасный малый и вѣрный мой слуга.

— Слышалъ... Ухорѣзъ, говорятъ такой, что бѣда...

— Такъ, такъ! Однакожъ мнѣ его жаль оставить...

— Что́ дѣлать! повторилъ казакъ. Время дорого... надо уносить хоть свою шкуру... Обождите, сударь... я сію минуту.

Съ этими словами Недорѣзъ, желая сократить дорогу, безстрашно и ловко сталъ взбираться по крутизнѣ... Вотъ онъ выше, выше... Наконецъ исчезъ. Сила Львовичъ остался одинъ.

Вѣтеръ завывалъ въ степи и бросалъ цѣлыми пригоршнями вьюги въ лицо барона. Прошло пять минутъ, десять... Сила Львовочъ продрогъ и соскучился...

Желая поразогрѣть кровь и чѣмъ-нибудь заняться въ отсутствіи своего избавителя, баронъ напалъ на чрезвычайно оригинальную мысль.

— Что, думалъ онъ, не обревизовать ли мнѣ эти землянки... Легко быть-можетъ, что Марка и тутъ. Не предаваясь болѣе никакимъ мыслямъ, Сила Львовичъ забылъ холодъ и вьюгу ночи, и принялся сколачивать замки землянокъ одинъ за другимъ. При каждой двери онъ повторялъ однажды сдѣланный вопросъ:

— Марка, ты здѣсь... и я здѣсь, иди!.. Но никто не отзывался на голосъ барона... Быть можетъ я его и окликнулъ, думалъ баронъ, да онъ спитъ, а въ этихъ ямахъ ничего не увидишь; въ нихъ такъ темно... Наконецъ, это человѣколюбивое занятіе барона было прервано приходомъ казака, который принесъ своему товарищу теплый малахай, саблю и казацкую шапку...

Голодный конь Недорѣза былъ скоро найденъ, и Сила Львовичъ съ искреннимъ чувствомъ сожалѣнія объ участи вѣрнаго Марки, пустился въ опасный путь вмѣстѣ съ своимъ проводникомъ.

V.

Вѣсти. — Осада городка. — Незванный гость хуже татарина. — У Марки есть надежды. — Дѣйствіе приворотнаго корешка. — И волки сыты, и овцы цѣлы.

Хуторъ Кузнецова опустѣлъ. Ватага буйныхъ казаковъ съ разсвѣтомъ той ночи, въ которую бѣжалъ Сила Львовичъ изъ своего заключенія, была уже въ городѣ и осаждала крѣпость. Симоновъ съ горстью храбрыхъ ратовалъ на славу, отгрызался какъ левъ отъ своры голодныхъ псовъ, и все-таки, безъ ожиданной помощи, не видѣлъ конца своимъ лишеніямъ, потерямъ и испытаніямъ. Враги прибывали съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и скоро распространился слухъ о прибытіи изъ Оренбурга подъ городокъ самого Пугачева. — Вѣсть эта не принесла радости ни осажденнымъ, ни старому Кузнецову, котораго Толкачекъ подарилъ нежданною ласкою Емельки...

Встрѣчи съ послѣднимъ старый казакъ ждалъ, какъ непремѣнной своей гибели, какъ послѣдняго своего часа. Несмотря на свою дряхлость, на долгую привязанность и любовь къ родной хатѣ, онъ готовъ былъ бросить свое хозяйство, богатство, хуторъ, и бѣжать безъ

оглядки куда глаза глядятъ, бѣжать хоть къ старымъ врагамъ казацкихъ хуторовъ—киргизамъ. Но это спасительное желаніе было внѣ его воли. Кузнецовъ, въ ожиданіи дорогаго тестя, не смѣлъ сдѣлать шага изъ своей избы... за нимъ присматривали. Нѣсколько человѣкъ, оставленныхъ на хуторѣ, стерегли и хозяина, и знахаря Марку.

Крѣпко тосковалъ старый казакъ за себя, и за дочь, и за свое будущее. Дни и ночи просиживалъ онъ за своею ветхою книгою, постился такъ-какъ будто-бы вся недѣля вытянулась для него въ одинъ нескончаемый понедѣльникъ, трепетно прислушивался къ зловѣщему вою собакъ и стрѣльбѣ, неумолкавшей въ городѣ. Къ тому же прошло уже много времени, какъ батракъ, посланный въ городъ — на развѣдку, не являлся къ нему ни съ горькою вѣстью, ни съ утѣшительною...

Близился разсвѣтъ долгой и темной январской ночи.—Вѣтеръ сильно завывалъ въ степи и яркій свѣтъ городскаго пожара всю эту ночь горѣлъ въ окнахъ молчаливаго хутора. Какъ и всегда, въ избѣ Кузнецова, большая хрустальная лампада теплилась передъ образомъ; какъ и всегда, старикъ то тревожно перелистывалъ свою книгу, то мѣрилъ короткимъ шагомъ неровный полъ хаты, шаркая огромными туфлями.

— Напасть, злое навожденіе и посильное воздаяніе по грѣхамъ нашимъ! со вздохомъ сказалъ старикъ, останавливаясь у окна... Все горитъ огнемъ, люди мрутъ, какъ мухи... лютый врагъ пришелъ во образѣ антихриста... Покорно жду моей судьбы... Жду бѣды не исходной и неотмолимой. Недаромъ сегодня въ черепія зело мелкія разбилась моя солонка! продолжалъ казакъ, съ напряженнымъ вниманіемъ устремивъ взглядъ на рядъ частокола, который тянулся подъ его окнами.

Кузнецову показалось, какъ-будто-бы какой-то всадникъ осторожно спрыгнулъ на землю у этого частокола, перебрался чрезъ него и со страхомъ озираясь направо и налѣво, между огородными грядами подползъ къ окну...

— Кто-бы это, ворогъ или другъ? подумалъ Кузнецовъ. И въ туже минуту могъ разрѣшить свой вопросъ, когда красное, обрамленное заиндевѣвшими бородой и усами лицо батрака широкимъ носомъ прильнуло къ стеклу... Жданный гость тотчасъ-же былъ введенъ въ избу.

Когда замкнулись двери, и пріѣзжій, скинувъ свой малахай, набожно помолился на иконы, раздался неизбѣжный вопросъ:

— Ну... что, Антипъ?

— Антипъ, батюшка, окоченѣлъ и охрипъ... Плуталъ, плуталъ, радостей не видалъ, всякой болѣсти съ три короба набралъ, съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ батракъ, какъ можно замѣтить нелюбившій выражаться безъ присказки.

— Ай! отозвался старикъ... Что-же, все прахъ и тлѣніе?.. Супротивники закона божескаго и человѣческаго посѣваютъ злобѣсіе?..

— Да такъ отецъ посѣваютъ... что пшеница у нихъ самъ семъ родится...

— Неужели Симоновскихъ одолѣли?

— Не совсѣмъ... а думать отецъ надо, что свиное стадо испортитъ огородъ.

При этихъ словахъ и батракъ и хозяинъ со страхомъ осмотрѣлись.

— Не гласно, Антипъ, не гласно! прошепталъ Кузнецовъ... Брось прибаутку, не изрыгай ни хулы, ни вожденія... Ну, какъ въ городѣ?..

— Городъ почти весь вызженъ...

— Почти весь!

— Да... по краюшкамъ торчатъ хаты, а средина углемъ богата.

— Это, стало-быть, окрестъ пріюта ироевъ и поборниковъ крамола?

— Окрестъ... съ одной стороны очищено верстъ на 25, съ другой на 40, а съ третій, пожалуй и на 100 хватитъ *.

— Да зачѣмъ-же они, душегубцы, городъ-то жгутъ? вскричалъ старикъ, забывая свое правило говоритъ безъ эпитетовъ и *негласно*.

— Не они, отецъ — жгутъ... А жгутъ, да и чтобъ жечь, даже мрутъ симоновскіе...

— Для чего-же, для какого резона?

— А вотъ я тебѣ доложу, отецъ... Перво-на-перво надо тебѣ сказать, что какъ пугачевскіе обскакали крѣпость то и учни засѣсть въ окружныя избы, да оттуда такую дробь пустили по командѣ, что ни руки, ни носа не показывай изъ-за валу *. Ну, вѣстимо плохо пришлось сердечнымъ! надо было раскинуть умомъ разумомъ, вѣдь этакъ ни водицы черпнуть, ни стать, ни лечь, ни зѣвнуть, ужъ не моги! Вотъ и положили... на вылазку... Первая не удалась, вторая далась... какихъ-то трое молодцовъ—шестой команды—запалили избы и пошла писать, тушить не даютъ, картечью обдаютъ, вотъ што.

— Знатно, знатно! подсказалъ Кузнецовъ.

— Не совсѣмъ отецъ... Умудрились бѣдовые, подкопались, да и сдѣлали взрывъ...

* Цыфры эти заимствованы изъ описанія «Защиты яикскаго городка» см. От. Зап. 1824. Книжка № 52, стр. 159.

* Вотъ что говоритъ очевидецъ: «Выстрѣлы ружейные сыпались подобно дроби, битой десятью баранщиками, и тѣмъ были для насъ губительнѣе, что ретраншаментъ былъ открытъ непріятелю, разсѣявшемуся на избныхъ подволокахъ; нетолько люди, стоявшіе на виду, были имъ убиваемы, но и тѣ подвергались равной участи, которые на минуту поднимались изъ-за плота... разбойники попадали даже въ щели, изъ которыхъ стрѣляли солдаты». Тамъ-же. Стр. 156.

— Ой!

— Да... ну, да правду молвить, вредъ-то небольшой... такъ-сказать пустякомъ затѣя разсыпалась; подкопаться-то далеко не удалось имъ, только стѣнка немного осѣла... А вотъ теперь...

— Что-жъ еще?

— Пушки, отецъ, привезли изъ-подъ Оренбурга... Да, говорятъ и самъ-то... здѣсь!

— Здѣсь! блѣдный, какъ полотно, спросилъ старикъ... Здѣсь?.. Давно?

— Почитай дней съ пятокъ...

Въ эту минуту, когда испугъ и волненіе Кузнецова достигли крайнихъ предѣловъ, противъ его оконъ мелькнуло нѣсколько факеловъ и затѣмъ раздался на дворѣ громкій говоръ, бѣготня и шумъ.

— Ой... смерть моя!.. Ой, не встану! прошепталъ старикъ. Антипушка, голубчикъ, выглянь, что тамъ?

Антипъ заглянулъ въ окно и торопливо бросился къ своему малахаю, готовый, казалось, оставить избу.

— Куда-жъ ты!.. Что я теперь стану дѣлать... Куда-жъ ты?..

— Не мѣсто мнѣ здѣсь, отецъ, право не мѣсто... Пріѣхалъ... онъ самъ...

Громкій стукъ и повелительный голосъ: «Здорово хозяинъ, принимай гостей!» раздались за дверью.

Какъ электричествомъ вброшенный съ мѣста, старикъ бросился къ двери и дрожащею рукою снялъ защолку...

Огонь двухъ факеловъ ярко освѣтилъ избу Кузнецова и не видную фигуру гостя. Послѣдній былъ средняго роста, худощавъ и широкоплечъ. Черная короткая борода его начинала уже сѣдѣть. Голубая калмыцкая шапка плотно надвигалась на брови, изъ-подъ которыхъ сверкала пара неспокойныхъ сѣрыхъ глазъ. Кафтанъ малиноваго бархата перетягивалъ его сутуловатый станъ; за плечами висѣла винтовка и при бедрѣ сабля. Не снимая шапки, гость расположился въ переднемъ углу, и первый взглядъ его любопытства обратился на встревоженнаго Антипа.

— Это что за пуганая ворона? насмѣшливо спросилъ онъ... Ей, сватъ, тебя спрашиваю!

Съ низкимъ поклономъ Кузнецовъ выдвинулся впередъ...

— Который, батюшка? спросилъ онъ.

— Да вонъ, который весь спрятался за тобою,—словно сверчокъ за метлой?

— Это... это, Емельянъ...

Старикъ, казалось, онѣмѣлъ при послѣднемъ словѣ, и робко опустилъ глаза въ землю, въ то время, какъ огонь минутной досады и звѣрства сверкнулъ въ глазахъ гостя...

— Ну ладно, ладно, старикъ, тономъ принужденной ласки сказалъ гость... какъ не зови, только хлѣбомъ корми... Пусть убирается вонъ... Ей вы! всѣ за дверь .. поставить сторожевыхъ кругомъ дома, да накажи всемъ, что завтра, чѣмъ свѣтъ, собраться въ избу, *кругъ* будетъ.

Антипъ и факелы исчезли за дверью.

— Садись, сватъ, продолжалъ пріѣзжій... Водки и чарку, да и о дѣлѣ перемолвимъ...

Въ эту ночь Пугачевъ не смыкалъ глазъ; сторожевые видѣли, что о чемъ-то долго и много бесѣдовалъ онъ съ Кузнецовымъ...

Въ надворной, полуразрушенной мазанкѣ, прямо обращенной окнами на главное крыльцо большой избы и на окна Устиньи, былъ заключенъ Марка. Бѣдный знахарь еще никогда не испытывалъ столько горя, тоски и оскорбленій, какъ въ дни своего заключенія. Но не такъ своя бѣда грызла сердце вѣрнаго слуги, какъ мысль о баринѣ, объ участи котораго, со дня встрѣчи съ Голованомъ, онъ ничего не зналъ, думая, что и Сила Львовичъ, вѣроятно, также томится въ какомъ-нибудь сараѣ и ждетъ конца своей жалкой участи. Разспросить и разузнать онъ ничего не могъ... Казакъ, приносившій ему скудную пищу, былъ не разговорчивъ, грубъ и вообще на щекотливые вопросы больше любилъ отвѣчать плетью, чѣмъ языкомъ, хотя, по замѣчанію Марки, плеть и языкъ его достойнаго посѣтителя, были сдѣланы изъ одного матерьяла. Украдкой прибѣгавшій къ его окну мальчикъ, повѣренный сердобольной Устиньи, имѣлъ обыкновеніе швырнуть плѣннику какую-нибудь подачку въ-видѣ пирога, или иныхъ прочихъ объѣдковъ, и тотчасъ-же скрываться за огороднымъ колодцемъ, откуда переползалъ за плетень и скрывался за холмомъ. Марка только зналъ одно, что его держутъ до пріѣзда какого-то *набольшаго*, а потомъ къ допросу, а тамъ судъ и расправа!.. Все развлеченіе бѣдняка ограничивалось безотлучнымъ присутствіемъ у небольшаго окна, изъ котораго открывался видъ на дворъ хутора, гдѣ бродили куры, да полупьяные казаки.—Послѣднихъ Марка наблюдалъ болѣе, чѣмъ первыхъ. Эти неспокойные люди шарили по всѣмъ закоулкамъ двора,—отыскивая поживы, а у Марки было схоронено сокровище, съ которымъ теперь не разставался его глазъ... Сокровище это заключалось въ барскомъ баульчикѣ, спрятанномъ Маркою подъ крыльцо, въ тотъ вечеръ, когда онъ переходилъ изъ избы пиршества въ лазаретную мазанку...

Встревоженный ночнымъ шумомъ Марка въ это утро проснулся

ранѣе обыкновеннаго и не могъ не замѣтить увеличившагося населенія хутора и той торжественной тишины, которая царствовала окрестъ его до полнаго разсвѣта... Потомъ онъ видѣлъ, какъ на главномъ крыльцѣ собралась безмолвная, брадатая толпа казаковъ, выстроилась въ рядъ, поснимала шапки, и потупивъ головы осталась дожидать чего-то... Скоро казаки вошли въ избу... Марка призадумался и остановилъ тревожный и озабоченный взглядъ на окнахъ Устиньи.. Тамъ, въ былое время и въ такую раннюю пору, онъ только встрѣчалъ на дубовомъ столѣ, придвинутомъ къ окну, пестрый сарафанъ и пару голубыхъ лентъ, теперь ленты были въ косѣ Устиньи, сарафанъ на плечахъ ея. Дѣвушка казалась встревоженною и озабоченною. Она, то осторожно подходила къ дверямъ, долго прислушиваясь къ чему то, то усердно клала земные поклоны передъ иконою. Но Марка не успѣлъ кончить своихъ наблюденій, какъ дверь скрипнула и усатый казакъ, избоченясь, остановился при входѣ...

— Ну, сказалъ онъ, будетъ тебѣ панствовать пріятель, погостилъ ты у насъ вдоволь— пора и честь знать...

— А что, надоѣлъ видно... прогнать хотите? равнодушно спросилъ Марка.

— Да... прогнать... Видишь ты: ворона съ мѣста, соколъ на мѣсто... Большой журавль прилетѣлъ; онъ тебя клюнетъ въ голову, пойдешь не оглянешься, полемъ широкимъ—на всѣ четыре стороны...

— Куда же это?

— Гм... Куда? Вотъ и знахарь, а спознать разуму не хватаетъ. Ну-ко погадай... Хошь и водицы принесу?..

— Пожалуй...

— Ахъ ты, мошеникъ... Смотри пожалуй, и тутъ еще морочить вздумалъ... Нѣтъ, плутъ, лыкомъ строченый затылокъ, больше не проведешь... Вотъ посмотримъ, какъ-то ты не распояшешь языка, какъ потянутъ къ допросу—подъ батоги... Сегодня братъ тебѣ, ужъ кажется, сапоги-то не будутъ нужны..

— Эй!.. Это почему?

— Да зачѣмъ же... Вѣдь торчавши на воздухѣ — ногъ не заносишь?

— Вотъ что! насмѣшливо отозвался Марка, въ ту минуту, какъ сердце его облилось холодною кровью страха...

Однакоже и при этомъ незавидномъ ощущеніи, бѣднякъ собралъ всю свою твердость; онъ даже забылъ о своемъ страшномъ концѣ, который трудно было измѣнить теперь, и помнилъ только о баринѣ... Узнать что-нибудь о немъ было его единственнымъ счастіемъ и утѣшеніемъ;

но Марка зналъ, что у казака трудно вырвать слово правды, зналъ и то, что при первомъ неосторожномъ съ его стороны вопросѣ, казакъ поставитъ себѣ въ пріятную и неизмѣнную обязанность поиграть страхомъ и отчаяніемъ плѣнника.

— Эхъ! подумалъ вѣрный слуга барона... Смѣлость города беретъ, не разъ она меня выручала... Махну—на удалую...

— Послушай, сказалъ онъ... хочешь ты быть богатымъ?

Казакъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Какъ это, вскричалъ онъ... Ужъ не ваша ли честь наградитъ меня богатствомъ?

— Да... я?

Эта короткая фраза была сказана такимъ тономъ гордости, самоувѣренности, спокойствія и убѣжденія, что казакъ невольно измѣнилъ своей задушевной улыбкѣ и вперилъ въ плѣнника взглядъ вопроса.

— Да... нѣтъ! Прахъ тебя возьми! сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ раздумья и махнувъ рукою... Надуешь балагуръ!

— Нѣтъ...

— Гм... Ну ладно, поддамся еще разъ?Говори прежде, что̀ даешь, а послѣ скажешь за что̀...

— Я тебѣ укажу кладъ...

— Ой!.. Здѣсь?

— Здѣсь—на хуторѣ...

— Постой... погоди, вѣдь кто тебя вѣдаетъ, можетъ-быть и не врешь!.. Какой кладъ?

— Я его не разсматривалъ, не вынималъ изъ мѣста... Знаю только, что въ немъ найдешь и золото и камни самоцвѣтные...

— Хорошо, хорошо... Золото и камни самоцвѣтные!.. Ну, а гдѣ я его найду... мѣсто, товарищъ, мѣсто?

— Объ этомъ послѣ...

— Какъ?

— Такъ... Прежде скажи, безъ лжи, то, что̀ я спрошу...

— Эге... тебѣ скажи, а ты и въ лѣсъ...

— Въ лѣсъ! Куда-жъ я могу уйти?

— И то правда: ты въ нашихъ рукахъ; къ тому же немудрено, что я буду пытать тебя, такъ ужъ, вѣрно, тебѣ не слюбится, если приложу руку... Ну, изволь... спрашивай...

— Правду скажешь?

— Не заикнусь—скажу!

— Гдѣ баринъ? мой баринъ, дохторъ, Сила Львовичъ?

— Гм... Дѣлать не чего, сказалъ, что не заикнусь—отвѣчу, такъ ужъ и быть должно... не плачься, моя совѣсть...

— Ну, ну!

— Баринъ твой бѣжалъ, а куда—того, извини, не вѣдаю...

— Бѣжалъ! радостно вскричалъ Марка.

— Чѣмъ хочешь поклянусь, что не облыжно говорю.

— Бѣжалъ!.. Ахъ ты голубчикъ мой... Ну!.. теперь легко и умереть будетъ...

— Да, постой... Кладъ-то!..

— А куда мнѣ его? въ гробъ съ собою не возьму... владѣй наздоровье... Кладъ, о которомъ я тебѣ говорилъ, началъ Марка... но его откровенное признаніе было прервано вбѣжавшимъ въ мазанку казакомъ...

— Ты знахарь, что̀-ли? вскричалъ онъ, обращаясь къ Маркѣ.

— Я...

— Иди за мной... Живо! Минута дорога! . Бери съ собой что̀ надо...

— Да что̀ взять-то! отвѣчалъ оторопѣвшій слуга Силы Львовича, совершенно не понимая, для чего и на что̀ ему предлагается запасъ чего-то.

Казакъ почти насильно вытащилъ плѣнника изъ мазанки и бросился за двери. Марка только тогда опомнился, когда увидѣлъ себя на крильцѣ главной избы, окруженнымъ толпою казаковъ.

— Батюшка! Отецъ... милостивецъ!.. Спаси! вопилъ старикъ Кузнецовъ, валяясь почти въ ногахъ мнимаго знахаря...

— Постой, старина! сурово перебилъ его поздній гость... Зачѣмъ просить, велимъ такъ сдѣлаетъ. Слышь ты... точно ли ты знахарь и мастеръ своего дѣла?..

— Точно! отвѣчалъ безстрашный Марка.

— Ну, такъ вотъ... Въ домѣ умираетъ славная дѣвка, опоена она что ли, съ глазу ли, это ужъ тебѣ знать... вылечи, подарю деньгами, не вылечишь—мотайся и ногой не дрогни; озолочу, или кровь высосу... Иди!

— Иду!.. иду, отвѣчалъ Марка, снова входя въ свою роль знахаря и доктора... Только честь твою прошу, замѣтилъ онъ, не мѣшать мнѣ... Чтобы народу—ни души, кругомъ не гугу!..

— Ладно, ладно... Дѣлай свое дѣло, а мы свое.

Чрезъ минуту Марка уже стоялъ у постели больной.

— Что̀ съ тобой, красавица? спросилъ онъ.

Дѣвушка боязливо осмотрѣлась и приподнялась на подушку.

— Здѣсь никого нѣтъ? шопотомъ сказала она.

— Никого.

— И никто насъ не подслушаетъ?

— Никто... надѣюсь... Говори тише...

— Взмилуйся надо мной! Корешокъ не помогъ! почти съ плачемъ и въ отчаяніи сказала Устинья.

— Корешокъ! Какой корешокъ?

Устинья откровенно высказала о своемъ свиданіи съ Недорѣзомъ, бѣгство Силы Львовича, а наконецъ и о подаркѣ Таликова и его предполагаемое, но не сбывшіеся дѣйствіе.

— Но сама-то ты не больна?

Устинья съ плутовскою улыбкою утвердительно кивнула головой...

— Нѣтъ, сказала она... Но тебя я хотѣла спасти и искать твоей помощи; вотъ почему я просила, чтобы ко мнѣ прислали знахаря...

— Спасибо за милость... Что-же я могу сдѣлать?

— Слушай... Прежде, не знаешь ли ты такого корешка... Голубчикъ, помоги!

— Какъ не знать? Знаю...

— Потомъ другая бѣда... бѣда страшная... Вѣдь они убьютъ моего Сеню, убьютъ Недорѣза... да и всѣхъ съ нимъ, всѣхъ!

— Кого еще?

— Да всѣхъ—кто только отстаивается отъ нихъ въ укрѣпленіи... и Недорѣза, и коменданта... и солдатъ...

— Батюшки-свѣты! вскричалъ Марко... Да вѣдь, Устинья Петровна, и баринъ-то мой вѣрно тамъ...

— Тамъ, тамъ! я знаю, что онъ бѣжалъ съ Семеномъ.

— Что же намъ дѣлать?

— Надо извѣстить ихъ... что сегодня былъ *кругъ*, на которомъ положили взорвать крѣпость: озарники прокопались подъ пороховый магазинъ, до самой церкви...

— Извѣстить! печально отозвался знахарь... Шутку ты шутишь, Устинья Петровна... Какъ намъ это сдѣлать? Меня, сама знаешь, берегутъ здѣсь, какъ послѣдній грошъ, не выпрыгнешь изъ мѣшка...

— Постой, у меня есть вѣрный человѣкъ... онъ намъ не измѣнитъ...

— Кто же этотъ молодецъ? Говори скорѣе, Устинья Петровна!

— Маленькій Нелюбинъ, тотъ самый, который въ иную пору носилъ тебѣ пироги...

— Такъ, такъ!

— Только послать-то его въ городъ безъ тятинькинаго позволенія нельзя... не близко мѣсто... неровенъ часъ его пожалуй и спросятъ... Такъ вотъ не придумаешь ли ты какой причины?

— Причины, такъ-сказать случая, въ раздумьи отозвался Марка... Постой, Устинья Петровна, говорятъ бѣда родитъ умъ... У меня, примѣромъ будучи, ужъ есть затѣя... Видишь ли, продолжалъ знахарь, самодовольно подернувъ плечами... Ты говоришь, что корешекъ тебѣ былъ присланъ — отъ Таликова?

— Да.

— Ну, такъ стало-быть... Тутъ знахарь, понизилъ голосъ, осмотрѣлся на всѣ стороны, и пошептавъ что-то Устиньѣ, быстро пошелъ къ двери. Смотри, таинственно добавилъ онъ... до возвращенія Нелюбина, не вставай, говори, что тошнехонько, да и полно.

Пугачевъ и старый Кузнецовъ все еще оставались на дворѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая знахаря. Нахмуренныя брови Марка и его встревоженное лицо видимо не порадовали отца и жениха Устиньи.

— Ну что?.. Здорова? Жива?.. Испорчена? спросили оба.

— Испорчена, милостивцы, крѣпко на-крѣпко испорчена... Трудно совладать, кормильцы! съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ онъ.

— Опоена?

— Отравлена, что-ли?

— Съ глазу и наговоромъ, отцы благодѣтели... Врагъ-то силенъ... оченно силенъ!

— А кто этотъ врагъ?.. Подай ка его мнѣ, подай! грозно сказалъ Емелька.

— Таликовъ, вашъ городской знахарь.

— Таликовъ! Антошка Таликовъ!

— Да онъ... Ономнясь, говоритъ Устинья Петровна, онъ встрѣтился съ нею на рѣкѣ, взглянулъ, говоритъ, на меня, словно иглой пронизалъ... я бѣжать, а онъ вслѣдъ мнѣ.... то сучекъ, то хворостину подъ ноги... вотъ оно такъ и есть—сглазилъ, да еще и приговорилъ!

— Будь отецъ родной! снова завопилъ Кузнецовъ,—отворожи, выручи; отъ цѣпной собаки до послѣдняго малахая все тебѣ отдамъ!..

— И такъ на многомъ благодарны, отвѣчалъ Марка... Радъ радостью сердечной... Да вѣдь, чтобы отворожить надо знать, гдѣ теперь ворогъ-то, въ какой онъ сторонѣ...

— Въ крѣпости, разбойникъ, въ крѣпости... Обманулъ насъ, бѣжалъ туда и съ сыномъ!

— Ну, а если тамъ, то время золотаго терять нечего: еще день, красавица захирѣетъ... и тогда ужъ ни я, никто вамъ помочи не дастъ...

— Будто-бы!

— Награжу тебя, — подними мнѣ Устинью, сказалъ Пугачевъ...

Что надо — въ помогу, бери, скажи, назови, все изъ-подъ земли выростетъ, свисну — народится...

— И батюшка, многаго ненадо... благо мѣсто-то указали... отвѣчалъ плутъ, засучивая рукава и приступая къ своей опасной и наглой продѣлкѣ.

Съ послѣднимъ дѣйствіемъ Марка произнося какія-то тарабарскія фразы, обошелъ задомъ два круга подъ окнами Устиньи...

— Ну, теперь.. самое важное! продолжалъ онъ таинственно и бросивъ на землю свою шапку... Теперь, ни гугу!.. трава — невидимка золотой бурьянъ, кошичій усъ, воробьиный хвостъ—будетъ расти подъ шапкой... Пожалуйста, милостивцы — ни полслова!.. Да и шапочки-то скиньте...

— Какъ и мнѣ! съ поддѣльною гордостью и изумленіемъ спросилъ Пугачевъ.

— И вамъ, батюшка... Безъ того, ни зерна... Вотъ такъ-съ... да извольте зажмуриться. Каково, думалъ Марка, когда его приказаніе было исполнено въ точности: вотъ какіе звѣри становятся передъ нами на заднія лапы.. «Есть! есть» радостно вскрикнулъ знахарь, хватая шапку и сжавъ въ рукѣ комокъ снѣгу...

— Что, выросла? вскричалъ Кузнецовъ.

— Выросла, вотъ она, не уйдетъ...

— Можно посмотрѣть? спросилъ женихъ Устиньи.

— Да, вѣдь я ужъ докладывалъ вашей милости, что эта трава невидимка... Ладно! продолжалъ плутъ... послѣднее дѣло — и наша взяла! Надо написать наговоръ и...

— Некому, некому! кто напишетъ? въ отчаяніи спросилъ Кузнецовъ, забывая, что тѣмъ оскорбляетъ своего будущаго зятя, который не зналъ грамоты, но нерѣдко, при своихъ приверженцахъ, такихъ же невѣждахъ, какъ и самъ, маралъ бумагу *...

— Кому же больше, кромѣ меня? сказалъ Марка.

— Такъ пойдемъ, пойдемъ! отозвался обрадованный казакъ.

Чрезъ полчаса, проведенныхъ Маркою въ сильномъ раздумьѣ, небольшой клочекъ бумаги былъ исписанъ весьма некрасивыми крючками, свернутъ въ небольшую трубочку, въ которую, какъ объявилъ знахарь спрятана и травка кошичій усъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, такъ какъ порча случилась на зарѣ, то и разкручивать ее надо парню молодому, а ужъ если бить навѣрняка, такъ нельзя-ли гдѣ ни на есть взять мальчика годовъ десяти или двѣнадцати...

* Пушкинъ. Т. 9. Примѣч. Осада Оренбурга.

— Есть кормилецъ, есть такой!.. Ей-вы!.. Тащи сюда Нелюбина! крикнулъ Кузнецовъ.

Вѣрный и преданный слуга Устиньи былъ приведенъ.

— Вотъ этотъ таковскій, сказалъ Марка. Бери, молодецъ, коня, продолжалъ онъ, и скачи не оглядываясь въ городокъ. Если конь на дорогѣ споткнется первый разъ—отплюнься, какъ отплевываешься отъ всякой нечести, второй—плюнь и скажи: «не къ тебѣ Таликовъ!» а третій — тогда ужъ коня веди въ поводу — не то бѣда стрясется! Слышешь... запомнишь?

— Запомню! отвѣчалъ мальчикъ, не понимая совершенно, для чего ему дадутъ коня, разбитаго на всѣ четыре ноги.

— Пріѣдешь въ городокъ, дождись ночи...

— Какъ ночи? перебилъ Пугачевъ, прищуривъ по обыкновенію свой лѣвый глазъ... Вечеромъ мои налеты взорвутъ крѣпость.

— Обожди, батюшка, если дорога тебѣ Устинья Петровна! равнодушно возразилъ Марка.

— Да нешто нельзя днемъ?

— Никакъ!

— Ухитрись!

— Не могу... и то, молвить правду, всю силу, все умѣнье вытрясъ...

— Ну! такъ кончай! отрывисто и съ досадой сказалъ Пугачевъ... Головой отвѣтишь, если я даромъ слушался твоей пустой болтовни... Пойдемъ Кузнецовъ въ хату... Пора къ чаркѣ... Устинья утромъ будетъ здорова .. Меня не смѣютъ обмануть, сказалъ онъ, и скрылся за дверью съ Кузнецовымъ...

Марка, не теряя ни минуты, отвелъ въ сторону Нелюбина, сунулъ ему въ руку записку и успѣлъ шепнуть: «Скачи въ укрѣпленіе, конь не споткнется, не бойся! Когда будешь на мѣстѣ—привяжи къ этой цидулкѣ камень повальяжнѣе, и швырни его чрезъ валъ, въ крѣпость... Такъ надо для Устиньи Петровны, она велѣла!

— Что же, кладъ-то укажешь? шепнулъ бывшій тюремщикъ знахаря.

— Шутишь голова! насмѣшливо отозвался Марка... а если я скажу большому журавлю, вѣдь братъ придется тебѣ занять мѣсто камней самоцвѣтныхъ!..

VI.

Положеніе осажденныхъ. — Дивный баранъ. — Пропадалъ и нашелся! — Подкопъ. — Пробужденіе Таликова.

Всѣ ужасы и лишенія войны ничто въ сравненіи съ тѣми страшными и безнадежными лишеніями, какія геройски, съ необыкновеннымъ

самоотверженіемъ выносили защитники Яикской крѣпости. Горсть храбрыхъ служакъ должна была, въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ, отъ цѣлыхъ тысячъ злодѣевъ отстаивать свою честь, жизнь и свободу. Гарнизонъ уменьшался съ каждымъ днемъ, крѣпость была полна раненныхъ, которымъ не было никакой возможности подать какую-либо помощь. Фасы укрѣпленія почти обезлюдели; къ тому же подоспѣли на гибель вѣрныхъ новые, еще ужаснѣйшіе враги: заразительная болѣзнь и голодъ... Сначала были уменьшены порціи на половину; спустя нѣсколько дней онѣ ограничивались уже одною горстью муки; чрезъ недѣлю въ цѣломъ укрѣпленіи не оставалось ни зерна хлѣба. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи осажденные вспомнили о костяхъ и лошадиныхъ остовахъ, выбрасываемыхъ, въ-продолженіе осады, на ледъ Чагана... Кости, объѣденныя собаками и волками, приходилось добывать съ бою... Наконецъ, не стало и костей... Но и въ это страшное время всякій изъ воиновъ былъ далекъ отъ мысли о сдачѣ. Собственныя терзанія голода и лишенія герои выносили какъ истинные слуги присяги и, быть-можетъ, только въ тѣ минуты душа и сердце ихъ изнывали въ пыткѣ несказанной тоски, когда голодныя, обезображенныя предсмертною агоніею ихъ, жены и дѣти, нагія и истерзанныя, валяясь на площадкахъ укрѣпленія, шептали прохожему: «хлѣба! хлѣба намъ!»

А между-тѣмъ о приближеніи войскъ съ линіи, которыхъ ждали каждый часъ, каждое мгновеніе, не было и слуху. Канонада не смолкала ни днемъ, ни ночью. Враги, на выжженномъ пространствѣ, успѣли, подъ картечью, построить нѣсколько батарей, въ уровень съ валомъ, защищавшимъ крѣпость. Одно только помогало осажденнымъ... Отлично устроенная баттарея на колокольнѣ крѣпостной церкви, съ которой удачно обстрѣливалась вся окружная мѣстность на далекое пространство. Эту-то колокольню и рѣшились взорвать пугачевскіе. Подкопъ былъ конченъ и проведенъ вплоть до пороховаго магазина осажденныхъ, что́ не было открыто послѣдними.

Семейство коменданта, испытывая общія нужды, страдало одинаково со всѣми; къ тому же, изнуренный безсонницею, боевымъ трудомъ и тремя ранами, Симоновъ, былъ близокъ къ гробу... Послѣднее обстоятельство сильно убивало Марью Ивановну, Вариньку и Полстовалова. Но насталъ и для нихъ день радости. Петръ Николаевичъ, однажды позднимъ вечеромъ, возвратясь съ отчаянной вылазки, украсилъ столовую коменданта великолѣпными трофеями, заключавшимися въ четырехъ караваяхъ хлѣба, одномъ пирогѣ, нѣсколькихъ кускахъ баранины и боченкѣ квасу.

— Ай-да Петя... ай да Петичка! говорилъ старый подполковникъ,

прихрамывая около стола и потирая руки... Подарилъ, братъ, праздникомъ... Ну, Маша! продолжалъ онъ... видишь, и я помолодѣлъ при такомъ очаровательномъ зрѣлищѣ... Полно же плакать: смотри и то глаза у тебя опухли, словно подушки съ казацкаго сѣдла... Иди-ко иди!.. или ты, Варинька, извольте пластать баранину...

— Вотъ мы ее! откликнулся Крыловъ, когда блѣдная и исхудалая дѣвушка подошла къ столу.

— Вотъ мы ее! повторилъ Симоновъ, схвативъ кусокъ мяса и передавая его женѣ... Экая вкусная штука!.. На-ко, Машинька...

— Я увѣренъ, сказалъ Крыловъ, набивая ротъ лакомымъ блюдомъ, что этого барана воръ Емелька изъ своихъ рукъ кормилъ ананасами...

— Именно ананасами! подхватилъ комендантъ, иначе онъ не могъ быть такимъ сочнымъ... Благодарю покорно, поручикъ, за одолженіе.

— И я то же, отозвался Крыловъ... Налейте-ка квасу... вотъ такъ... Чокнемтесь... за ваше здоровье!

Офицеры важно раскланялись и съ тѣмъ же удовольствіемъ осушили свои стаканы, съ какимъ-бы встрѣтили ихъ наполненными добрымъ виномъ...

— Варинька, сказала Марья Ивановна! — передай Петру Николаевичу мою табакерку...

Старушка болѣе ничемъ не могла выразить своей благодарности и признательности къ молодому офицеру.

— А, что же, г. поручикъ, спросила Варинька, подаривъ нѣжнымъ взглядомъ Полстовалова: что же вы прикажите удѣлить командѣ?..

— Да, да! вскричали старые офицеры... Вотъ мы каковы... Извольте! Сами готовы за четверыхъ... а объ людяхъ и забыли...

— Да... сердце женщины не наше пробочное сердце! замѣтилъ Крыловъ.

— Успокойтесь, господа, поспѣшилъ отвѣтить Полстоваловъ... На долю господъ офицеровъ и солдать изъ-подъ топора и рогатинъ унесено довольно...

— Браво!.. Здоровье поручика!—И комендантъ въ свой чередъ опорожнилъ стаканъ квасу.

За тѣмъ въ столовой водворилось самое торжественное молчаніе, изрѣдка прерываемое отрывистыми фразами, въ родѣ: «позвольте соли!» или «еще кусочикъ, Варвара Николаевна!» Надо было видѣть эти, за минуту грустныя, а теперь веселыя и радушныя лица, съ ихъ взглядомъ, полнымъ выраженія довольства... и, вѣроятно, ни одинъ древній блюдолюбецъ не кушалъ съ такимъ львинымъ аппетитомъ соуса изъ птичьихъ мозговъ на праздникахъ Лукулла и Гордіана, съ какимъ былъ уничто-

женъ семьею коменданта баранъ, откормленный ананасами... Когда послѣдній кусочекъ, въ-слѣдствіе законнаго раздѣла, перешелъ въ руки Варинькн, передъ самыми окнами коменданта, въ мракѣ ночи, на валу, сверкнулъ выстрѣлъ, зарокоталъ другой, третій, и скоро цѣлый фасъ укрѣпленія покрылся бѣглымъ ружейнымъ огнемъ...

— Ахъ, разбойники! въ кои-то вѣки пришлось поѣсть, вскричалъ комендантъ, бросаясь къ своей саблѣ, и тутъ рвутъ изъ зубовъ лакомый кусокъ...

— Это месть за барана! сказалъ Крыловъ, оставляя свое мѣсто... На валъ, друзья!

— Тс!.. Позвольте... Что это? Все тихо? въ недоумѣніи спросилъ Симоновъ.

— Да, выстрѣлы смолкли.

— Что за глупая тревога?.. Вонъ фонарь... Сюда идетъ кто-то...

— Посмотримъ, посмотримъ, кого Богъ дастъ?

— Неожиданнаго и не гаданнаго! послышалось за дверью!..

— Онъ!.. Онъ!.. вскричала Варинька, бросаясь къ двери.

— Онъ! прошепталъ Полстовваловъ... Такъ . вотъ онъ! почти въ слухъ произнесъ молодой человѣкъ, встрѣчая непріязненымъ взглядомъ Силу Львовича, обоими руками котораго уже успѣла захватить дѣвушка.

— Вотъ, дядюшка, сказала она, вотъ онъ, братецъ—Сила Львовичъ... Живъ!.. Слава Богу живъ!

Съ оживленнымъ лицомъ, съ сверкающими отъ радости глазами, Варинька подвела барона къ Симонову.

— Здорово, братъ! сказалъ комендантъ... Ухъ, да какой же ты молодчина... Ну что, служить пріѣхалъ?.. Кстати! Обойми меня, вѣдь мы, братъ, съ твоимъ отцомъ иногда и дружно живали...

— Здравствуйте, дорогой мой дядюшка, здравствуйте! отвѣчалъ Сила Львовичъ, освобождаясь изи объятій старика... Теперь позвольте узнать, нѣтъ-ли еще здѣсь у меня тетушки?.. Да! и вы господа, продолжалъ наивный баронъ, обращаясь къ поручику и капитану, тоже не родные-ли мнѣ?.. Обнимимтесь безъ всякой церемоніи... Но прежде тетушку!..

— Вотъ, братецъ, вотъ она, возьми, цѣлуй ее! говорилъ обрадованный старикъ, указывая на Марью Ивановну.

Сила Львовичъ облобызалъ уста и руки тетушки, шаркнулъ ножкой, повернулся на каблучкѣ, отвѣсилъ учтивый поклонъ Крылову, сказавъ, что онъ совершенно теперь счастливъ, находясь подъ защитою такого героя, потомъ радушно протянулъ руку Полстовалову, прибавивъ, что

онъ его гдѣ-то встрѣчалъ, но только не припомнитъ гдѣ, и въ самыхъ изысканныхъ и бойкихъ выраженіяхъ пустился разсказывать исторію своихъ похожденій... назвалъ недорѣза Тезеемъ, Устинью Аріадною, Пугачева Минотавромъ, а себя одною изъ тысячи спасенныхъ первымъ жрецомъ.

— Хорошо, родной, хорошо, перебилъ Симоновъ, обольщенный, какъ и цѣлое общество, наивностію и поддѣльнымъ остроуміемъ племянника: да скажи ты намилость, продолжалъ онъ, гдѣ это ты и Тезей пропадали почти мѣсяцъ?

— Въ лѣсахъ, въ степяхъ, въ оврагахъ, дядюшка... Питались, представьте себѣ, какъ питались!.. Однажды нашли гнѣздо бѣлки и отняли у нея орѣхи, другой разъ встрѣтили медвѣдя, а у него въ зубахъ овцу... съѣли и перваго, и послѣднюю...

— Ахъ... страсти какія! сказала Варинька... сколько лишеній!..

— Что дѣлать... Такъ вотъ рѣшительно, что день, то встрѣча... Однажды было попались пугачевскимъ... Я говоры Тезею, ударимъ въ сабли!.. Ударили, и побѣда осталась за нами!..

— Фай, чортъ возьми, да ты молодчина, если это все правда...

— А, вотъ спросите, дядюшка! и Сила Львовичъ указалъ на Недорѣза, остававшагося при входѣ въ комнату.

— Правда, ваше высокородіе, отвѣчалъ казакъ.

— Что же ты братецъ, такъ долго училъ моего племянника молодечеству и не являлся въ укрѣпленіе?

— Трудно было пробраться, ваше высокородіе... Днемъ опасно, прямо иди въ бѣду: меня всѣ въ городѣ, а ихъ нѣкоторые изъ казаковъ знаютъ; ночью вокругъ города усиливаются сторожевые, тоже, неровенъ часъ, нарвешься; вотъ сегодня удалось, да и то было не совсѣмъ: наши приняли насъ въ перекрестный, спасибо унтеръ Сапугольцевъ опозналъ, а то лягъ да и умирай...

— Такъ, такъ... Ну, Недорѣзъ, продолжалъ Симоновъ: нѣтъ-ли какихъ-нибудь вѣстей?..

— Слышалъ, ваше высокородіе, отъ бѣглаго изъ вражьяго стана казака, что наши войска близко Оренбурга, будто-бы ужъ прошли Базулукъ, слѣдуя по Самарской дистанціи...

— Слава тебѣ Господи! въ голосъ сказали собесѣдники, набожно перекрестившись.

— О, такъ теперь можно ободриться! весело замѣтилъ Крыловъ.

— Да! и даже рискнуть сдѣлать вылазку съ порядочною партіею...

— Именно, надо сжечь эту проклятую батарею, которую разбойники выстроили, разобравъ чаганскую башню...

— Такъ, такъ... и не дальше, какъ завтра-бы, полковникъ! присоединилъ свой голосъ и Полстоваловъ, бросивъ мгновенный взглядъ на Варинькy и какъ бы ожидая какое дѣйствіе произведутъ на нее слова его.

Но Варинька, въ эту минуту, забыла даже и существованіе молодаго человѣка: мысли и душа ея были сосредоточены на любезномъ братцѣ, который дѣвушкою и былъ отвлеченъ отъ общей бесѣды.

— Полноте, сказала она, вы еще много услышите подобныхъ проектовъ, Сила Львовичъ, побесѣдуемте со мною... Скажите, вы не назвали меня предательницею въ ту минуту, когда увидѣли, что я бѣжала и... не разб.... то-есть и не предупредила васъ о близкой опасности?...

— Нисколько, моя добрая сестрица, отвѣчалъ Сила Львовичъ... Помилуйте, какой же злодѣй смѣетъ усумниться въ вашемъ великодушіи?.. Я знаю, что минута вашего спасенія была очень коротка, и спасать другихъ не было возможности...

— О, клянусь вамъ! съ чувствомъ отозвалась Варинька. Боже мой! продолжала она, воображаю, сколько вы страдали въ своемъ заключеніи. Право, сознаюсь вамъ, что до настоящей минуты я рѣшительно не знала спокойнаго мгновенія...

— Сестрица, душечка... не много ли для меня!

Молодые люди обмѣнялись выразительнымъ взглядомъ.

Полстоваловъ, вслушиваясь въ эти отрывистыя фразы, стоялъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Голова его пылала, а между-тѣмъ холодный потъ выступалъ на вискахъ...

— Богъ тебѣ судья, Варинька! прошепталъ онъ... Ты поклялась меня измучить... Но это послѣдняя насмѣшка. Завтра вылазка!.. заключилъ бѣдный поручикъ.

— Что тамъ за шумъ? вскричалъ Симоновъ, далеко не желавшій кончить своихъ предположеній о сожженіи чаганской батареи... Вѣчно помѣшаютъ, и помѣшаютъ, батиньки, вздоромъ!..

— Унтеръ-офицеръ Сапугольцевъ, доложилъ казакъ.

— А! Сапугольцевъ... иди сюда, мой исправный служака! сказалъ комендантъ.

Сапугольцевъ былъ замѣчательный солдатъ въ Яикскомъ укрѣпленіи. Исторія этого грустнаго времени даже сохранила его имя. Вездѣ первый съ Полстоваловымъ *, онъ былъ душою солдатъ, ободряя ихъ

* Пушкинъ въ исторіи Пугачевскаго бунта называетъ Полстоваловa Толстоваловымъ, но это очевидная ошибка. При описаніи осады Яикской крѣпости, покойный поэтъ пользовался статьею, помѣщенною въ Отечест. Зап. Изд. Свиньина 1824 годъ, №№ 52 и 53, что доказываютъ нѣсколько фразъ, цѣликомъ выписанныхъ изъ статьи, а въ ней историческій поручикъ вездѣ названъ «Полстоваловымъ», и названъ очевидцомъ современникомъ.

на славныя дѣла, и однажды, во-время вылазки, засѣвши въ избу, стрѣлялъ по Пугачеву, но ослабѣвшему отъ ранъ, ему измѣнила пуля.

— Ну, что скажешь?.. позволь, братъ, прежде... ѣлъ-ли ты сегодня? спросилъ Симоновъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ солдатъ.

— Такъ вотъ тебѣ, продолжалъ комендантъ, кусокъ вражьяго пирога... ничего что вражьяго! если твой желудокъ перевариваетъ ихъ свинецъ, то переработаетъ пирогъ и подавно... походному человѣку, многое извиняется: ѣшь и говори!

— Слушаю-съ... много благодарны, ваше высокоблагородіе... Имѣю честь доложить, началъ Сапугольцевъ, вполнѣ исполняя приказаніе командира, что сію минуту знахаря Таликова кто-то ударилъ по виску камнемъ.

— По дѣломъ вору и мука!

— Камень перелѣтелъ чрезъ ровъ и стѣнку...

— А!

— Камень сейчасъ же былъ найденъ мною, ваше высокоблагородіе, и я увидѣлъ привязанную къ нему записку... Вотъ она.

— Въ огонь ее, сказалъ Крыловъ: вѣрно опять требованіе сдачи?

— А вотъ посмотримъ! отозвался Симоновъ, дай сюда... Г. поручикъ, извольте читать.

Полстоваловъ неровнымъ шагомъ подошелъ къ столу, развернулъ записку, свернутую въ небольшую трубочку, и прочелъ слѣдующее:

«Богъ мнѣ помогъ узнать крѣпко злое дѣло. Пугачевскіе прорыли подкопъ до пороховаго магазина крѣпости, подъ самую церковь, а подкопъ начинили порохомъ. Братья христіане, вѣрьте слову моему, берегитесь. Взорвать хотятъ подкопъ завтра утромъ. Барину моему Силѣ Львовичу поклонъ.—Пусть за меня не боится, миловалъ бы его Господь, я отстоюсь. Недорѣзу скажите, что было рукобитье, и Устинья суженая Емельки.

Марка, по прозвищу Гунявый, а теперь важный знахарь и, прости мнѣ Господи, кафтанникъ Емелькинъ.»

Минутный ужасъ и недоумѣніе выразились на всѣхъ лицахъ по прочтеніи этой записки. Положеніе было страшно: въ случаѣ взрыва гибли всѣ. Только одинъ Недорѣзъ забывалъ свою и общую опасность, онъ едва-ли не вслухъ ругалъ Таликова такъ, что знахарю, по замѣчанію Сапугольцова, вѣрно неразъ икнулось.

Первый отъ минутнаго паническаго страха ожилъ комендантъ.

— Съ каждаго фаса—по десяти человѣкъ команды, на работу, живо! Выгрузить порохъ изъ магазина, сказалъ онъ, и перенести его

въ ровъ, что за моимъ домомъ... потомъ сдѣлаемъ контръ-мину, если Богъ благословитъ...

Въ одно мгновеніе всѣ были на ногахъ, и всѣ солдаты и офицеры, не исключая даже Силы Львовича, Марьи Ивановны и Варинькн, принялись выгружать пороховой магазинъ...

Сапугольцеву и Недорѣзу досталось работать вмѣстѣ. Усердный къ своему дѣлу унтеръ-офицеръ тотчасъ замѣтилъ разсѣянность и грусть товарища.

— Эй братъ, Сеня, побратимъ, сказалъ онъ, что эвто ты не впору больно рахманный?

— Кто я то? спросилъ казакъ.

— Да какъ-же: съ порохомъ, какъ съ соломой, вертишь и швыряешь боченки, хоть дно тресни!

— Хоть самому-бы треснуть, такъ въ пору, товарищъ... встрѣлась незванная, непрошенная, не отбиться, не отмолиться... Душу вороги вынули.

— Вынули? съ изумленіемъ спросилъ солдатъ... Да нешто это ты на счетъ Устиньи?

— А то какъ-же?

— Плевое дѣло, братецъ... Эко, клиномъ свѣтъ сталъ, ужъ поди ка другой и не сыщется?

— Нѣтъ, не сыщу, Сапугольцевъ! со вздохомъ отвѣчалъ казакъ. Отняли Устюшу, отняли душу... А все злыдень Таликовъ... говоритъ, небойсь, дескать выручимъ... Вотъ и повѣрилъ на слово облыжное, вотъ и мыкайся вѣкъ вѣковѣчный...

Нашелъ человѣка, отозвался солдатъ, помогая товарищу взвалить на плечо боченокъ... Я бы, сказать между нами, не повѣрилъ ему въ пятницу, что завтра суббота...

— Да вѣдь прахъ его вѣдалъ! Кажется, мастеръ своего дѣла!

— Плутяга!

— А ижный разъ говаривалъ и правду

— Морочилъ людей...

— Всяко случается...

— Да ужъ я тебѣ говорю, что онъ, такъ-сказать, — шельма на всѣ руки...

— Пройдоха!

— Мытарь...

— Только что не карманная выгрузка...

— Хуже!..

— Вышколить бы его...

— Отпятнать бы хоть разъ, за все про все, да и знай нашихъ. . Поди себѣ ворожи!

— А что думаешь... ужъ не попытать ли?

— Да и вѣстимо... Чего ему смотрѣть въ зубы?.. Ономнясь, на площади, съ бабами связался.

— Вотъ на!

— Да! И дивобы резонъ какой нина есть справлялъ, а то учнулъ трусоватыхъ подбивать еще на большое горе... Вишъ ты, тамъ Афросинья—знахарка, супротивъ его пошла, стала разсказывать, что скоро дескать къ намъ подмога придетъ, а онъ, чтобъ ему ни дна ни покрышки! при бабахъ, да при солдатахъ... слышь ты и говоритъ: врешь, еще долго промаячимъ, не скоро...

— Кто это говоритъ? послышалась позади разговаривающихъ.

Несмотря на совершенный мракъ, въ голосѣ сдѣлавшаго вопросъ служаки тотчасъ узнали своего коменданта.

— Таликовъ говоритъ, ваше высокородіе, отвѣчалъ Недорѣзъ.

— Только рекрутство съ панталыку сбиваетъ, ваше высокородіе, подхватилъ солдатъ.

— Вотъ какъ! съ примѣтною досадою сказалъ Симоновъ... Сапугольцевъ, продолжалъ онъ: сію минуту отправь его на вышку, на колокольню, къ орудію, а завтра мы съ нимъ раздѣлаемся.

Съ этими словами комендантъ отправился далѣе наблюдать за переноскою пороха, а Недорѣзъ и Сапугольцовъ, донеся до мѣста свой боченокъ, тотчасъ-же арестовали Таликова и отвели молодца, съ приличною нотаціею, на самую верхнюю площадку колокольни.

Антонъ Ѳедоровичъ не потерялся: съ угрозами проводилъ онъ своихъ личныхъ враговъ, улегся на соломенный тюфякъ и захрапѣлъ, не подозрѣвая скорой и близкой опасности.

Заря яркою полосою обогнула горизонтъ степи за горками, когда пороховой магазинъ былъ совершенно очищенъ. Неутомимый Симоновъ собралъ команду, здоровыхъ отдѣлилъ къ работѣ на контръ-мину, а легко раненныхъ, съ заженными фитилями, оставилъ при орудіяхъ, отдавъ приказаніе, въ случаѣ взрыва, тотчасъ же стрѣлять картечью по толпѣ мятежниковъ.

Ободряемые командирскимъ словомъ и желаніемъ наказать хитраго врага, солдаты, истомленные голодомъ и недавнимъ трудомъ, съ веселымъ говоромъ, остротами и прибаутками усердно приступили къ работѣ. Глубоко оледенѣвшая земля разсыпалась, какъ песокъ, подъ ударами лопатъ и лома... Самъ Симоновъ, Крыловъ и другіе офицеры не отставали отъ служакъ... Къ полдню былъ сдѣланъ роздыхъ, и едва только

усталые тружники оставили свои кирки и лопаты, какъ за рвомъ, прямо противу колокольни, мелькнула струйка огня, чрезъ мгновеніе другая-.. и вдругъ цѣлое облако удушливаго чернаго дыма взвилось надъ укрѣпленіемъ, оглушительный взрывъ въ долго неумолкаемыхъ разскатахъ грома зарокаталъ въ землѣ и подъ землею... камни, люди, глыбы глины и земли—всё взлетѣло на воздухъ...

Еще дождь осколковъ и обломковъ съ визгомъ крутился надъ крѣпостью, какъ за рвомъ раздался вопль нападающихъ...

— На сломъ! на сломъ! ревѣла толпа кровожадныхъ измѣнниковъ .. Но Симоновъ былъ уже на валу... .

— Пли! крикнулъ онъ .. Пли! раздалось на всѣхъ фасахъ—и картечь, урча перекрестнымъ дождемъ стегнула въ лицо враговъ...

Не ожидая такого пріема, разбойники толпой отхлынули отъ рва... Ни рогатины, ни нагайки казаковъ, гнавшихъ горожанъ на приступъ, ничто не помогало; оробѣвшіе плуты не двигались съ мѣста; самъ Пугачевъ рубилъ саблею своихъ, но они, какъ очарованные, залегли кто въ канаву, кто за камень...

Между-тѣмъ для нападающихъ и осажденныхъ готовилось, хотя всѣми ожиданное, но необыкновенное зрѣлище. Послѣ взрыва и перекрестнаго огня съ крѣпостныхъ батарей настала минута безмолвной тишины... всѣ взоры, все вниманіе было обращено на колокольню... Дрогнувъ и зашатавшись въ основаніи, она съ изумительною, мѣрною тишиною стала склоняться на сторону, такъ тихо и спокойно, что Таликовъ, не просыпаясь, какъ на коврѣ самолетѣ, на своемъ тюфякѣ, безъ всякого ушиба, перелетѣлъ черезъ ровъ и упалъ предъ толпою горожанъ и пугачевскихъ казаковъ. * Знахарь очнулся только при громѣ разсыпавшейся колокольни. Ужасъ оледенилъ его сердце, когда картечъ свиснула надъ его головою. и когда онъ замѣтилъ, что находится внѣ крѣпости....

— Таликовъ! Таликовъ! крикрунула толпа пугачевскихъ, и бѣднаго Антона Ѳедоровича волокомъ потащили къ чаганской батареѣ...

— Ну, подкузмили мы другу! сказалъ Недорѣзъ, остававшійся на валу подлѣ Сапугольцева и наблюдавшій несчастнаго знахаря.

— Ничего, безпечно отозвался солдатъ: Емелька, вѣдь, только одинъ разъ его повѣситъ....

---

* «Колокольня, зашатавшись, съ удивительною тихостію начала валиться въ ретраншементъ; на самомъ верху оной спали три человѣка; не разбудя, снесло ихъ и съ постелями на землю, чему, по высотѣ зданія, трудно даже вѣрить»... См. Оборона крѣпости Янка въ 1774 г. От. Зап. Изд. Свиньина, 1824 г. № 52, стр. 171.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. Д. Хвощинской.

—

I.

Бѣгутъ ли въ грудь сомнѣнья волны,
Тоска-ль о прошломъ въ ней встаетъ,
Но все, я вѣрю, жизнью полной
Моя душа еще живетъ.

Съ слезой, съ улыбкой—ли встрѣчаю
Въ окнѣ чуть брезжущій разсвѣтъ—
Я дню отъ сердца посылаю
Благословенье и привѣтъ.

Привѣтъ природы пробужденью,
Ея забытымъ красотамъ!
Благословеніе терпѣнью,
Благословеніе трудамъ!

И я молюсь за тѣхъ, кто мимо,
Шумя проходитъ у окна;
Мольбой, безвѣстной имъ, незримо
Забота ихъ осѣнена.

И вѣрю я: средь ихъ волненья,
Трудовъ безъ цѣли, безъ слѣда —
Взойдетъ, быть-можетъ, исполненье
Другаго, высшаго труда.

И день такъ ярко свѣтитъ нынѣ,
И міръ такъ веселъ, такъ широкъ...
И я смотрю, какъ на святыню,
На чистый пламенный востокъ.

И при одномъ воспоминаньи
О всѣхъ, кто видитъ свѣтъ зари,
Я исчезаю въ ихъ страданьи,
Ихъ счастьи, мысли и любви...

1848.

—

II.

Обычай злой остался, странный,
Преданье дряхлой старины:
Влетитъ-ли птичка, гость нежданный,
Прекрасный первенецъ весны,
Подъ кровъ, куда — дитя природы
Когда-бы знать она могла,
Ни страхъ, ни ночь, ни непогода
Ее-бъ во вѣкъ не загнала.
Влетаетъ... ей во слѣдъ, блѣднѣя,
Покуда бѣдная поетъ,
Кричатъ: убить ее скорѣе, —
Она несчастье принесетъ!
Иные тотчасъ исполняютъ
Жестокій, строгій приговоръ; —
Судьба-ль несчастье посылаетъ
Все птичкѣ ставится въ укоръ.
И видя тѣхъ людей, казалось
Мнѣ въ жалкихъ толкахъ ихъ всегда
И злая зависть выражалась,
И чувство тайнаго стыда,
Что это чистое созданье,
Узнавъ какъ жизнь для нихъ горька, —
Подслушавъ грѣшныя желанья,
Ихъ унесетъ за облака.

1848.

—

III.

Ночь холодна, темна; холмы, рѣка, поля
Все тускло, мертво и туманно;
Далеко съ тучами сливается земля;
Вблизи уродливы и странны
Всѣ образы; то ель, чернѣя, съ высоты
Какъ будто руки простираетъ
Съ мольбой отчаянной; то бѣлые кусты
На блѣдномъ мракѣ выплываютъ
И слабый очеркъ ихъ мелькаетъ и бѣжитъ...
Зачѣмъ всегда въ ночи холодной
Воображеніе намъ душу шевелитъ
Мечтой далекой и несходной
Съ тѣмъ, что̀ дѣйствительность указываетъ намъ?
Зачѣмъ не то, что̀ намъ знакомо,
Припоминаемъ мы; не къ первымъ дѣтскимъ снамъ,
Къ друзьямъ, къ любви, къ родному дому
Мы обращаемся? — но образы зовемъ
Изъ жизни міра, жизни чудной...
Зачѣмъ въ мечтахъ своихъ мы жизнь опять даемъ
Тѣмъ, кто уснулъ — и безпробудно!
Зачѣмъ такъ ясны намъ становятся вполнѣ
Земныя радости и нужды
И рады такъ тому, что мы — хоть въ полуснѣ, —
Чувствъ человѣческихъ не чужды?..

1852.

—

ПТИЧКА.

—

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый,
Въ безмятежной тишинѣ
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга,
Подъ зеленою травой.

Внемля ей, невольно стыдно,
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой.

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ.

Статья третья и послѣдняя.

Давно извѣстно, что полнаго совершенства въ человѣческихъ произведеніяхъ искать не слѣдуетъ. Опера Донъ-Жуанъ одно изъ милліонныхъ подтвержденій этой столько всѣмъ знакомой истины. Вслѣдъ за капитальною сценою, которую можно назвать «obligatissima» въ отношеніи цѣлой оперы, идетъ сцена еще болѣе «ad libitum», чѣмъ il mio tesoro; идетъ такая сцена, которую можно совершенно выпустить, безъ малѣйшаго вреда *и пьесѣ, и музыкѣ* (что иногда и дѣлаютъ);— вслѣдъ за однимъ изъ самыхъ яркихъ, безсмертныхъ чудесъ оперной сцены идетъ вялая, безцвѣтная арія примадонны, въ рамкахъ концертной музыки, бывшей въ модѣ въ 1787! Вы догадались, что я хочу говорить объ аріи Донны-Анны «Non mi dir, bel idol mio», помѣщенной до крайности некстати между дуэтомъ «o statua» и сценой ужина, т. е. началомъ финала. Эту арію иногда (и довольно часто) исполняютъ на театрѣ, вѣроятно по требованіямъ «примадоннъ» въ роли Донны-Анны, которыя, благо арія уже существуетъ въ партитурѣ, никакъ не хотятъ лишить себя случая «вознаградить» отсутствіе «концертности» всей остальной партіи своей въ этой оперѣ. Если арію исполняютъ—успѣхъ сценическій этого нумера въ прямомъ отношеніи къ голосу и къ «знаменитости» пѣвицы,—если не исполняютъ, никто на свѣтѣ, слушая оперу, не догадается, что въ этомъ мѣстѣ оперы есть еще какая-то арія. Если уже по-случаю аріи «il mio tesoro» я замѣчалъ, что весь текстъ той сцены бѣлыми нитками пришить къ цѣлому ходу оперы, то еще

съ бо́льшимъ правомъ должно то же самое сказать объ этой аріи Донны-Анны. Въ чемъ состоитъ эта сцена?

Какой-то разговоръ между Донной-Анной и ея женихомъ, (гдѣ?—въ партитурѣ не объяснено, вѣроятно, у себя дома). Онъ въ сотый разъ обѣщаетъ ей, что злодѣйство Донъ-Жуана не останется безъ отмщенія (вѣдь наконецъ пора же знать мѣру этимъ обѣщаніямъ безъ результата!), потомъ напоминаетъ ей о своей любви;—она въ сотый разъ говоритъ о своей грусти и печали; онъ упрекаетъ ее въ жестокости (crudele!); она восклицаетъ: Crudele! Ah no! mio bene,—и въ увѣреніяхъ, что она его любитъ, что они будутъ счастливы, какъ только Небо сжалится надъ нею и смягчитъ ея скорбь, — въ этихъ увѣреніяхъ весь сюжетъ этой аріи. Слишкомъ явно уже по одному тексту, что все это «придумано» либретистомъ только *для* концертной аріи примадонны.

Музыка Моцарта здѣсь конечно красива, даже очень красива въ andante, — но въ самомъ общемъ характерѣ аріи для примадоннъ съ оттѣнками грустнаго, меланхолическаго чувства. Донны-Анны ни въ одной нотѣ ни речитатива, ни andante—*не видно вовсе*,—эту же самую арію могла бы спѣть, напримѣръ, графиня, въ Nozze di Figaro (вмѣсто своей большой аріи «dove sono»), и никто бы не догадался о разницѣ лицъ. — 2-я часть аріи, allegretto (F-dur, $^4/_4$), по мысли еще безцвѣтнѣе, безхарактернѣе, нежели andante. Мотивъ allegretto, вовсе не драматическій, какъ-будто взятъ Моцартомъ изъ какой-то *его же* клавесинной сонаты (изъ той именно музыки Моцарта, которой г. Улыбышевъ не знаетъ, потому-что не любитъ, и не любитъ, потому-что не знаетъ). Въ довершеніе неудачности аріи, тотчасъ послѣ мотива начинаются длиннѣйшія рулады на слогъ «*ra*» въ стихѣ «forse un giorno sentira pieta di me»—(sentira....a...a....a...). Цѣлыхъ девять тактовъ тянутся эти фіоритуры не очень красивыя и во вкусѣ очень устарѣлой виртуозности. (Скудо говоритъ про эту арію—un air chargé de *fades* vocalises qui prouvent que les plus beaux génies sont obligés de payer un tribut au mauvais gout de l'époque».) — Окончаніе allegretto тоже не особенной красоты, и не въ характерѣ Донны-Анны, особенно въ самыхъ послѣднихъ тактахъ. Вообще, можно рѣшиться сказать прямо: *эта арія—одно изъ слабыхъ произведеній Моцарта, пятно въ роли Донны-Анны и пятно въ цѣлой партитурѣ Донъ-Жуана.*—До какой степени вся эта сцена совершенно внѣ всѣхъ условій театральной занимательности видно и изъ того, что послѣ аріи Доны-Анны *Дону-Оттавіо* дана еще одна строчка речитатива (recit. secco), гдѣ онъ, оставшись одинъ, говоритъ: «пойду вслѣдъ за нею, пойду дѣлить ея страданія; въ

моемъ присутствіи горесть ея облегчится» (!!). Какая *невѣроятная* плоскость текста и всего распорядка въ этомъ мѣстѣ оперы! И Моцартъ, великій Моцартъ нисколько не поправилъ того, чего въ наше время не допустилъ бы самый плохой изъ итальянскихъ дюжинныхъ композиторовъ! *—Отсутствіе *характера Донны-Анны* въ этой неудачной аріи такъ рѣзко замѣтно, что не могло ускользнуть даже отъ такого исключительнаго поклонника Моцарта, какъ г. Улыбышевъ. Но ревностный біографъ и панегиристъ не осмѣлился увидѣть «слабый» нумеръ—въ операхъ изъ оперъ, въ совершенствѣ изъ совершенствъ, и т. д. Во что бы то ни стало, хотя бы всѣми возможными натяжками, г. комментатору надобно было «извинить» этотъ нумеръ, «оправдать» его съ эстетической стороны. Случилось такъ, что при взглядѣ г. Улыбышева на весь характеръ Донны-Анны натяжки эти представились какъ-будто сами-собой. Вы припомните, что г. Улыбышевъ въ цѣлой операѣ видитъ Донну-Анну—главнымъ лицомъ, героиней пьесы, и какъ героиню заставляетъ ее «геройски обречь себя въ жертву адскимъ божествамъ» (стр. 165 III тома), геройскими заклинаніями призывать ихъ мщеніе на главу злодѣя (стр. 131). Это, какъ видите, и Альцеста и Армида вмѣстѣ! Если припомните, какъ я разбиралъ характеръ Донны-Анны, въ первой статьѣ, то вамъ извѣстно, въ какой мѣрѣ толкованіе г. Улыбышева согласно съ партитурой.—Но чтобы конецъ увѣнчалъ дѣло, г. Улыбышевъ отыскалъ таинственное, психологическое объясненіе и для послѣдней аріи своей Альцесты-Армиды, аріи, въ которой, по *его* мнѣнію, (а не по Моцартову)героиня пьесы *прощается съ зрителями, съ Донъ Оттавіо* и—*съ жизнію* (въ родѣ прощанія Шиллеровой Маріи Стюартъ). И одно, и другое, и третье опровергается фактами самой партитуры, какъ уже было мною доказано, значитъ, мнѣ здѣсь рѣшительно незачѣмъ входить въ подробныя доказательства, почему въ речитативѣ «crudele! ah no! mio bene» вовсе нѣтъ утомленія жизнію (?!), и т. д.;—почему въ музыкѣ цѣлой этой аріи вовсе нѣтъ *умышленнаго разнорѣчія* съ текстомъ (скажу опять: хорошъ былъ бы Моцартъ, еслибъ это была правда!);—почему, наконецъ, всѣ находимыя г. Улыбышевымъ тонкости все-таки не сглаживаютъ ни слабости, ни концертнаго стиля этой аріи. Ритурнель передъ andante, ритурнель передъ

* Когда исполняютъ эту арію Д. Анны на нашихъ нынѣшнихъ итальянскихъ сценахъ, Д. Анна одна передъ зрителями: женихъ ея съ своими приторностями остается за штатомъ,—потому-что каждый сколько-нибудь смыслящій режиссеръ почувствуетъ всю невозможность выводить человѣка на сцену для того, чтобъ онъ сказалъ два слова, прослушалъ длинную арію, сказалъ еще два слова и—ушелъ! Да еще кого-же ставить въ такое непріятное положеніе? перваго тенора! За него, поэтому отвѣчаетъ письмо въ рукахъ Д. Анны, необходимое для слова «crudele!»

*

allegretto—старомодныя рулады въ девять тактовъ, всего этого не замаскируютъ никакія «прощанія съ жизнію», будто-бы подразумѣваемыя Моцартомъ. Г. Улыбышевъ самъ сознался, что рулады здѣсь очень некстати и немножко портятъ эту «возвышенную элегію» (Т. III, стр. 183). По моему мнѣнію, эта арія никакъ не «элегія», тѣмъ менѣе «возвышенная». Извиненія же Моцарта тѣмъ, что онъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ *уступку* требованіямъ синьоры Сапорети (для которой роль Донны-Анны была написана) приведетъ къ тому результату, о которомъ сказалъ Скудо, что *всѣ геніи* иногда принуждены платить дань вѣку, и къ тому еще, что Моцартъ какъ-то слишкомъ равнодушно смотрѣлъ на «цѣлое» каждой своей оперы. Сбросьте съ Моцарта маскарадное платье «сантиментальнаго мистика», вы и здѣсь опять увидите,

что ларчикъ *просто* открывался.

Моцартъ величайшій геній, никто въ этомъ не усомнится; но на всякаго мудреца бываетъ доля «простоты».—Простота, наивность, часто одно изъ самыхъ характерныхъ свойствъ геніальной натуры; слѣдовательно, вмѣсто того, чтобъ вездѣ, при малѣйшемъ случаѣ, отыскивать разныя сокровенныя глубины въ намѣреніи художника, лучше просто видѣть въ немъ всю силу генія въ томъ, что̀ превосходно, и видѣть неровность вдохновенія, слабость, невыдержанность въ томъ, что̀ слабо и не выдержано, хотя бы это, какъ очень часто бываетъ, встрѣтилось рядомъ съ самою сильною, геніальною вещью.

Еще одно замѣчаніе, чтобъ не перетолковали «криво» моихъ словъ о виртуозныхъ аріяхъ. Рулады портятъ двѣ аріи въ Донъ-Жуанѣ («il mio tesoro» и «non mi dir»), но это нисколько не значитъ, что *всѣ* рулады на свѣтѣ, всѣ фіоритуры голоса вообще портятъ оперную, драматическую музыку. Это была бы нелѣпость, рѣшительное отсутствіе чувства красоты въ музыкѣ. Всѣ украшенія мелодической фразы въ голосѣ, всѣ колоритуры могутъ и должны встрѣчаться въ тысячѣ случаевъ драматической музыки. Припомните, въ Донъ-Жуанѣ же, арію Церлины: Batti, batti, въ allegro; превосходную арію Эльвиры: «mi tradi quell'alma ingrata, гдѣ весь мотивъ — рулада; ея же реплики въ квартетѣ non ti fidar, въ терцетѣ 2-го акта, и т. д. Никто не долженъ и думать порицать рулады, когда онѣ отвѣчаютъ данному характеру и положенію, но все дѣло въ отсутствіи, или присутствіи «концертности» оборота всей пьесы. Черту разграниченія между концертностью и не-концертностью со стороны фіоритуръ провести иногда довольно трудно, особенно, если вспомнить, напримѣръ, «Севильскаго-Цирюльника», Россини, гдѣ всѣ нумера въ руладахъ, что̀ нисколько не мѣшаетъ оперѣ быть отличною и со стороны драматизма комическаго;

тоже и въ очень многихъ случаяхъ, гдѣ идетъ дѣло о «стилѣ» всей оперы. Но такъ-какъ у насъ теперь рѣчь о Моцартѣ, то «мѣриломъ» концертности въ его аріяхъ должны быть не самыя *рулады*, а степень «драматичности» аріи вообще, и органической ея необходимости по связи пьесы. На такомъ основаніи придется окончательно «забраковать» бо́льшую часть его арій для примадоннъ въ бравурномъ стилѣ во *всѣхъ* операхъ (кромѣ Волшебной-Флейты), и нѣкоторыя теноровыя аріи въ этомъ же стилѣ. Вмѣстѣ съ бравурною концертностью всегда являются формы «устарѣлыя» (потому-что все это уступка модному вкусу виртуозовъ, измѣняющемуся такъ же часто, какъ «мода» вообще). Надо замѣтить, что эта ложная красота условнаго бравурнаго стиля,—несчастное наслѣдство отъ старинной итальянской «opera seria» еще *до* временъ Глука. Наслѣдство это по прямой линіи перешло *во всѣ* итальянскія оперы, серьозныя и полу-серьозныя (въ аріи для первыхъ сопрано и первыхъ теноровъ), оставивъ «комическую» сторону оперной музыки развиваться по особымъ, ей свойственнымъ законамъ. Вотъ почему полу-комическія и комическія оперы, и у итальянцевъ, и у французовъ, и у нѣмцевъ, такъ далеко опередили оперы серьозныя въ отношеніи свободы стиля и живой правды сценъ и характеровъ. Мнѣ придется еще не одинъ разъ возвращаться къ этому предмету, очень важному въ отношеніи историческаго развитія оперной музыки, и въ отношеніи оперная идеала.

Мы дошли до послѣднихъ сценъ Донъ-Жуана. Почти о всей музыкѣ финала 2-го акта мнѣ уже приходилось говорить, и довольно подробно. Здѣсь же мнѣ слѣдуетъ обратить вниманіе только на сценическій эфектъ всѣхъ составныхъ частей этого заключительнаго нумера. Вообще можно сказать, что второй актъ Донъ-Жуана слабѣе перваго въ отношеніи интереса сценическаго, въ отношеніи хода дѣйствія, органической связи сценъ. Нѣкоторая «расшитость» всего акта дѣйствуетъ очень невыгодно на нынѣшнихъ слушателей, болѣе взыскательныхъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ современники Моцарта. Отсутствіе логики на оперной сценѣ, правду сказать, и въ наше время не большая рѣдкость, иногда въ степени несравненно сильнѣйшей, чѣмъ всѣ такого рода промахи въ Донъ-Жуанѣ; но композиторы нынѣшніе очень щедры на всѣ возможные матеріяльные эффекты, оглушительные, ослѣпительные, и такъ далѣе, такъ-что этими вычурами для массы публики совершенно заслоняютъ существенные недостатки оперы, какъ пьесы. Моцартъ чрезвычайно далекъ отъ этой эфектной «декоративности» въ своихъ операхъ. Слѣдовательно, холодноватость сценическаго впечатлѣнія здѣсь можетъ быть выкуплена только красотами музыки и

правды драматической, — красотами, по самому свойству, характеру моцартовскихъ звуковъ, не слишкомъ доступными массѣ. Вотъ отчего, при исполненіи Донъ-Жуана, довольно рѣзко выдвигаются передъ публику слабыя стороны въ составѣ всей оперы.

Самъ восторженный панегиристъ Донъ-Жуана, г. Улыбышевъ сознается, что начало послѣдняго нумера оперы, то-есть сцена *ужина* подвергалась многимъ упрекамъ и со стороны дѣйствія сценическаго, и со стороны самой музыки. Дѣйствіе находили вялымъ, лишеннымъ занимательности, музыку слабѣе прочаго въ операѣ. Г. комментаторъ старается опровергнуть такіе упреки тѣмъ, что сцена ужина только «приготовительная» для важнѣйшей сцены со статуею, и находитъ даже внутренній поэтическій смыслъ этой приготовительной сцены удивительнымъ (admirable, стр. 184 III тома). Охотникамъ до психологическихъ тонкостей въ сантиментальномъ вкусѣ я рекомендую и эту страницу г. Улыбышева, но ни переводить, ни разбирать ее не стану, потому-что все это болѣе или менѣе уже встрѣчалось прежде, по-крайней-мѣрѣ, почти въ томъ же родѣ. Съ своей же стороны замѣчу, что хотя очень ясно для всѣхъ, кому знакомъ сюжетъ оперы (а кому же онъ не знакомъ?), что сцена ужина только «приготовительная», тѣмъ не менѣе, въ концѣ пьесы, очень близко къ ея развязкѣ, хотѣлось бы встрѣтить на оперной сценѣ что-нибудь другое. Донъ-Жуанъ «одиноко» наслаждается гастрономіей, за ярко-освѣщеннымъ столомъ, Лепорелло таскаетъ куски съ блюдъ и въ сторонкѣ набиваетъ ими себѣ полный ротъ, и только, — и все это подъ звуки старинной, довольно вялой музыки (кромѣ отрывка изъ «Фигаро», прочее все принадлежитъ здѣсь композиторамъ «модными» въ Моцартово время). Такъ тянется сцена до прихода Донны-Эльвиры — рѣшительно безъ всякой занимательности, ни сценической, ни музыкальной. Г. Улыбышевъ находитъ чрезвычайно наставительный урокъ (?) для музыкантовъ въ остроумной идеѣ Моцарта устроить эту застольную музыку изъ мотивовъ чужихъ, ему современныхъ, чтобъ рѣзче выставить красоты собственной. Мнѣ кажется, что еслибъ цѣль Моцарта была дѣйствительно назиданіе музыкальной публики (опять академія! опять профессорство, чрезвычайно далекое отъ Моцартовой натуры), то онъ не помѣстилъ бы наряду съ этою умышленно плохою музыкою аріи изъ своего «Фигаро» (Non più andrai), потому-что вѣдь нельзя же подумать вмѣстѣ съ г. Улыбышевымъ (стр. 186, Nota), что Моцартъ и на цѣлую оперу «Фигаро» смотрѣлъ будто бы какъ на «этюдъ» только для настоящаго своего дѣла — «Донъ-Жуана»! (Это теперь я замѣчаю мимоходомъ, до перваго случая). Вообще

застольная музыка для такого барина, какъ Донъ-Жуанъ, могла быть гораздо красивѣе той, которая помѣщена въ партитурѣ*.

И либреттисту слѣдовало повернуть всю сцену нѣсколько иначе. Сцена съ Эльвирой, какъ я замѣчалъ уже въ первой статьѣ, довольно занимательна, и при чудесной музыкѣ, довольно рельефна, но «пафосъ» Эльвиры скорѣе возбуждаетъ улыбку, чѣмъ слезы (таковъ *оборотъ* и текста, и музыки), и слѣдовательно, впечатлѣніе остается нѣсколько неясное, неопредѣленное. Быть-можетъ, впрочемъ, таково было и намѣреніе Моцарта, чтобы сберечь всю *силу* впечатлѣнія для явленія статуи.

Съ ухода Эльвиры начинается въ операѣ рядъ музыкальныхъ чудесъ, о которыхъ уже столько написано. Да и мнѣ въ первой статьѣ приходилось уже разбирать эти сцены (испугъ Лепорелло, явленіе Командора и разговоръ его съ Донъ-Жуаномъ, потомъ сцена мученій Донъ-Жуана и заключительный секстетъ). Здѣсь осмѣлюсь прибавить только, что все это, изумительно превосходное въ музыкѣ, со стороны сценическаго эффекта, кромѣ сцены испуга Лепорелло, по моему мнѣнію, не безукоризненно. Заранѣе чувствую, какъ этимъ замѣчаніемъ вооружаю противъ себя цѣлые легіоны исключительныхъ поклонниковъ Моцартова «Донъ-Жуана»! Я говорилъ уже, что не меньше самыхъ восторженныхъ панегиристовъ сочувствую всѣмъ красотамъ этой удивительной оперы, красотамъ, ослѣпительно-яркимъ въ финальныхъ сценахъ. Но я никакъ не могу считать энтузіазмъ къ художнику синонимомъ совершеннаго «слѣпотства критики», не могу также не дѣлать различія между красотами музыки, хотя бы въ «высшей степени драматической» (какъ въ настоящемъ случаѣ), и впечатлѣніемъ отъ этой музыки *въ театрѣ*, въ соединеніи съ очень многими «условіями» исполненія. Теперь идетъ рѣчь только объ этомъ впечатлѣніи, которое какъ-будто не совсѣмъ удовлетворительно, какъ я замѣчалъ при исполненіи въ театрѣ, и на себѣ самомъ, и на многихъ другихъ. Никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что сцена Донъ-Жуана со статуею за ужиномъ—одно изъ величайшихъ чудесъ Моцарта, и слѣдовательно, оперной музыки вообще, но забудьте о геніальной музыкѣ, и вы найдете, можетъ-быть, что статуя остается слишкомъ *долго* въ глазахъ зрителей. Впечатлѣніе страха, испуга, смертельнаго ужаса—если оно мгновенно, то очень выгодно для сцены: оно дѣйствуетъ съ силою неотразимою. Но продолжительность

* Замѣчу кстати, что хотя по смыслу сцены и по шуточному характеру инструментовки эта музыка (Tafel-Musik) и должна исполняться *на самой сценѣ*, но въ партитурѣ этого не означено. Особаго оркестра для нея не удѣлено, не удѣляется и при исполненіи. Это слѣдовало бы исправить.

ужаса притупляетъ эту силу. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Мнѣ скажутъ: «но въ этой рѣчи Командора, въ этой борьбѣ Донъ-Жуана съ голосомъ совѣсти въ послѣднія, страшныя минуты, при всей мертвой, каменной неподвижности общаго характера, Моцартъ создалъ такое «наростаніе», ведетъ слушателя по такимъ болѣе и болѣе мрачнымъ лабиринтамъ гармоніи, что самая монотонность колорита тѣмъ сильнѣе должна дѣйствовать, тѣмъ болѣе должна «оцѣпенять», «оледенять». — Кто же споритъ противъ такой правды! Я отвѣчу только, что все это наростаніе, вся эта оледеняющая сила — въ музыкѣ, а не въ сценѣ, которая у насъ передъ глазами: у насъ передъ глазами чуть не четверть-часа все одна и та же бѣлая фигура статуи, къ которой мы нетолько-что привыкаемъ «à la longue», но она дѣйствуетъ даже какъ-то досадно, она вредитъ музыкальному впечатлѣнію; хотѣлось бы *закрыть глаза*, чтобъ лучше слушать. Таковъ-ли *идеалъ* оперной красоты? Не должны-ли впечатлѣнія зрѣнія и слуха—въ идеально-совершенной оперѣ—сливаться въ *одно* поэтическое впечатлѣніе, въ одинъ аккордъ, въ одну поэзію? Вотъ съ какой стороны я нахожу, что эта удивительная сцена статуи, ни съ чѣмъ не сравнимая по музыкально-поэтическимъ красотамъ, быть-можетъ, такъ же мало свойственна театральнымъ доскамъ, какъ и длинная рѣчь тѣни Гамлетова отца, въ 1-мъ дѣйствіи Шекспировой пьесы. Все это чудесно въ книгѣ, въ партитурѣ, въ воображеніи — но *не* въ исполненіи. Впрочемъ я предлагаю эти замѣтки, какъ мое частное, индивидуальное убѣжденіе, — безъ всякаго притязанія на неопровержимость такого мнѣнія.

Съ той же точки зрѣнія я долженъ сказать тоже и о слѣдующей сценѣ, когда статуя исчезла и остались на театрѣ—Донъ-Жуанъ, терзаемый невидимымъ хоромъ фурій, и Лепорелло, въ смертельномъ страхѣ, подъ столомъ, наблюдающій (?) за движеніями Донъ-Жуана. Присутствіе труса-слуги портитъ серьозный пафосъ положенія; кромѣ-того эта сцена, безъ помощи внѣшнихъ адскихъ ужасовъ, будетъ едва-ли понятна, а мы видѣли, что партитура никакъ не допускаетъ ни «ада», ни толпы «видимыхъ» фурій, или демоновъ. Наконецъ, по чрезвычайной трудности игры Донъ-Жуана — патетическое здѣсь въ *слишкомъ* опасномъ сосѣдствѣ со смѣшнымъ...

Cela frise de trop près le ridicule

и слѣдовательно, сцена эта почти неисполнима. Это опять — идеалъ, который можетъ осуществиться на театрѣ только по какому-нибудь случайному, «феноменальному» исключенію. Еслибъ всѣ оперныя партитуры разсчитывали на такую феноменальность, не многими бы операми пришлось намъ любоваться на сценѣ.

Въ первой статьѣ я говорилъ довольно много о сценѣ, которая оканчиваетъ партитуру Моцартова «Донъ-Жуана» великолѣпнымъ *секстетомъ* (опять тѣ же лица, что и въ знаменитомъ секстетѣ Es-dur). Здѣсь, значитъ, мнѣ нечего повторять, что эта послѣдняя часть финала *непремѣнно* должна быть исполняема (вся музыка оперы этого требуетъ), но также *непремѣнно* будетъ оставлять впечатлѣніе неудовлетворительное, холодноватое. Красоты чисто-музыкальныя, изумительныя красоты, не заслонятъ отъ современной публики слишкомъ замѣтную безтолковость, прозаичность, плоскость текста въ этомъ окончаніи всей оперы, которое «пришито» къ ходу пьесы кое-какъ и очень неловко, для того только, чтобъ дать мѣсто *финалу* музыкальному.

Мнѣ удивительно, почему г. Улыбышевъ такъ крѣпко не возлюбилъ этой послѣдней сцены, откидываетъ ее, какъ совсѣмъ лишнюю въ оперѣ, тогда-какъ безподобный хоръ въ концѣ выстроенъ на текстѣ

«questo è il fin di chi fa mal»,

слѣдовательно, это совершенно согласно съ любимою мыслью г. Улыбышева—это ни больше, ни меньше, какъ «en toutes lettres» высказанная высокая цѣль пьесы.

Я указалъ въ этомъ обзорѣ оперы довольно много промаховъ противъ обдуманности цѣлаго состава пьесы, со стороны органическаго распорядка и сплетенія сценъ. Прибавьте къ этому недостатки, или слабыя стороны характеровъ, въ отношеніи полной логической въ нихъ послѣдовательности, въ отношеніи ихъ выдержанности, (съ обще-поэтической стороны, а не съ музыкальной), о чемъ я говорилъ въ первой статьѣ, и если только вы не отвергнете моихъ доводовъ, не вникая въ нихъ, вы должны будете согласиться, что Моцартовъ «Донъ-Жуанъ» вовсе не такое «солнце безъ пятенъ», какимъ старается выставить его г. Улыбышевъ (припомните хоть часть дифирамбовъ его, выписанныхъ мною въ началѣ первой статьи).

Я убѣжденъ, сверхъ-того, что именно эти недостатки оперы, какъ пьесы, въ ея цѣломъ, весьма чувствительны для пылкѣшней публики. Публика, любуясь музыкою Моцарта въ этой оперѣ, должна чувствовать, быть-можетъ не совсѣмъ ясно, безотчетно, что тутъ многое *не-такъ* на сценѣ, какъ бы должно быть, и именно эта неудовлетворительность общаго оперы, какъ пьесы производитъ какую-то холодность впечатлѣнія отъ «Донъ-Жуана» на современныхъ намъ театрахъ.

Къ этому присоединяется еще то свойство самой Моцартовой музыки, о которомъ я приводилъ слова Скудо, по-случаю «la ci darem» и «non ti fidar». Она въ высшей степени драматична, но вся состоитъ изъ оттѣнковъ столько нѣжныхъ, такъ тонко-поэтическихъ, что малѣй-

шая «невѣрность» въ передачѣ смысла Моцартова исполнителями разрушаетъ все намѣреніе музыки, искажаетъ поэзію каждаго отдѣльнаго нумера, и рѣшительно не производитъ того дѣйствія, на которое Моцартъ разсчитывалъ. «Публика, скажутъ мнѣ, не замѣчаетъ легкихъ невѣрностей противъ партитуры, не замѣчаетъ пропуска, или преувеличенія того, или другаго оттѣнка, ошибокъ въ темпѣ, недостатка страсти, теплоты въ выраженіи». Да, правда, публика всего этого не замѣтитъ, но *останется холодна къ произведенію*, не будетъ имъ *тронута*, и мысль композитора, какъ бы она ни была деликатна, граціозна, или патетична, глубока, заслоненная дурнымъ, или посредственнымъ исполненіемъ, пройдетъ незамѣтно; потому-что публика не можетъ ничего «отгадывать», публика беретъ только «предлагаемое». Это слова *Берліоза*, по-случаю произведеній Бетховена *,—но мысль эта вполнѣ примѣнима и къ Моцартовымъ операмъ. Можно сказать, примѣнима даже въ бо́льшей степени, потому-что въ операхъ Моцарта еще гораздо меньше «поразительнаго» для массы, еще гораздо меньше намѣреній, соединенныхъ съ внѣшнимъ, матеріяльнымъ эффектомъ звука, чѣмъ, напримѣръ, въ симфоніяхъ Бетховена, гдѣ иногда и матеріяльный эффектъ доведенъ до самыхъ колоссальныхъ размѣровъ, и однимъ этимъ музыка «покоряетъ» массу. Замѣтьте еще (о чемъ я тоже упоминалъ, приводя слова Скудо), что италіянскія оперы Моцарта мы не можемъ и не должны иначе слушать, какъ на италіянской сценѣ, а италіянскіе виртуозы нынѣшняго времени, кромѣ рѣдкихъ феноменальныхъ исключеній (какъ напримѣръ Віардо, Лаблашъ), воспитаны на такой музыкѣ, которая въ отношеніи Моцартовой—противуположный полюсъ. Исполнители страшно далеко расходятся съ намѣреніями Моцарта, и цѣлое впечатлѣніе оперы отъ этого сильно страдаетъ. Наконецъ, Моцартовы оперы, и преимущественно «Донъ-Жуанъ» чрезвычайно трудны для счастливой обстановки, потому-что, какъ въ пьесахъ Шекспира, здѣсь нѣтъ второстепенныхъ, третьестепенныхъ ролей, здѣсь каждая роль первая (какъ уже и было говорено). Между-тѣмъ въ «Донъ-Жуанѣ», должны быть налицо: *три* примадонны, баритонъ, теноръ и два (если не три) баса. Все это—первые сюжеты. Ясно, что *вполнѣ хорошее* исполненіе этой оперы возможно только—въ идеалѣ, и, значитъ, бо́льшую долю неудовлетворительности впечатлѣнія надобно постоянно приписывать далеко не совсѣмъ удовлетворительному исполненію со стороны пѣвцовъ. Тонкая обдуманность Моцартовыхъ поэтическихъ намѣреній, конечно распространяется и на его превосходный (хотя весьма скромный) оркестръ.

* Feuilleton du Journal des Débats. 11 Août 1852. «Critique de l'ouvrage de Lenz: Beethoven et ses trois styles».

И здѣсь, слѣдовательно, обширное поле для искаженій Моцартова смысла, искаженій, иногда едва-замѣтныхъ, но въ суммѣ очень вредныхъ для цѣлаго впечатлѣнія оперы. При случаѣ мнѣ уже приходилось замѣчать о невѣрности темповъ (въ 1-мъ финалѣ, въ хоралѣ Командора на кладбищѣ), какъ ихъ обыкновенно назначаютъ гг. капельмейстеры, не довольно глубоко вникающіе въ партитуру. Невѣрность темпа, не довольно-сильная рельефность двухъ-трехъ нотъ какого-нибудь инструмента, — тамъ, гдѣ *слово*, порученное авторомъ этому органу его мысли, очень важно,—все это подробности чуть не микроскопическія, но отъ нихъ зависитъ впечатлѣніе, дѣйствіе на слушателей, значитъ въ суммѣ—отъ такихъ оттѣнковъ зависитъ *все дѣло*.

Касательно исполненія «Донъ-Жуана» еще одно, послѣднее замѣчаніе: въ Моцартово время — не было и помину о чудовищахъ, изобрѣтенныхъ французами, въ 30-хъ годахъ нашего вѣка, подъ названіемъ: grand opéra en 5 actes (подразумѣвается, à grand bruit, à grand spectacle, à grand charlatanisme). Слѣдовательно, и сцены, и залы театровъ были далеко не такъ колоссальны, какъ потребовалось въ-послѣдствіи, для соединенія оперъ съ балетами, и для разныхъ акустическихъ и оптическихъ затѣй. Въ его время люди шли въ оперу, чтобы слушать музыку и сочувствовать положеніямъ дѣйствующихъ лицъ, а не для того, чтобъ любоваться электрическимъ солнцемъ и т. п. Но и собственно-музыкальныя, и собственно-драматическія наслажденія могутъ очень легко обойтись безъ огромныхъ внѣшнихъ средствъ. И дѣйствительно, въ партитурахъ Моцарта нѣтъ ни малѣйшаго разсчета на *огромную* сцену, на *огромную* залу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и деликатность оттѣнковъ цѣлаго сочиненія, и крайняя бережливость въ инструментовкѣ. Даже если предположить: все это у Моцарта такъ, не по убѣжденію его, что иначе оперѣ не слѣдуетъ быть, а просто по даннымъ въ его время обстоятельствамъ, по условіямъ: писать сообразно тому, что́ есть,—то тѣмъ не менѣе самъ фактъ, то-есть сама партитура—требуетъ умѣреннаго оркестра, а умѣренный оркестръ требуетъ умѣренной величины и сцены, и залы. Изъ этого выходитъ, что «Донъ-Жуана» никакъ не слѣдуетъ исполнять на тѣхъ же самыхъ громадныхъ сценахъ, которыя составляютъ условія первой необходимости для «Ломбардцевъ», для «Осадъ Гента», и т. д.

Я считалъ нужнымъ высказать всѣ эти замѣтки объ исполненіи «Донъ-Жуана» на современныхъ намъ сценахъ для того, чтобы объяснить причины, почему послѣ представленія одной изъ первѣйшихъ въ свѣтѣ оперъ выходишь изъ театра съ впечатлѣніемъ не совсѣмъ удовлетворительнымъ, даже холодноватымъ.

По въ этихъ замѣчаніяхъ я еще вовсе не касался той точки, съ которой необходимо должно смотрѣть не на одного «Донъ-Жуана» а *на всю дѣятельность* Моцарта, чтобы сколько-нибудь вѣрно судить о нѣкоторыхъ слабыхъ сторонахъ его безсмертныхъ оперъ. Вы догадались, что я хочу говорить о точкѣ зрѣнія «исторической».

Въ чемъ состояла задача для генія Моцартова и какъ онъ ее выполнилъ, объ этомъ есть цѣлое спеціальное сочиненіе—книга г. Улыбышева. Но такъ-какъ мнѣ необходимо коснуться этого взгляда на Моцарта въ связи съ тѣмъ, что было до него на оперномъ поприщѣ и что собственно ему принадлежитъ, и коснуться, не очень углубляясь въ подробности предмета, то я приведу нѣсколько страничекъ, не изъ сочиненія г. Улыбышева, а изъ новѣйшей книги Франца Бренделя, уже упомянутой мною—превосходной «Исторіи Музыки». Здѣсь все, что нужно, сказано коротко и ясно, какъ результатный выводъ.

«Въ Италіи выработалась чисто-мелодическая сторона оперной музыки, между-тѣмъ какъ Франція въ этомъ дѣлѣ склонилась къ сторонѣ декламаціонныхъ оттѣнковъ слова, а Германія, страна гармоніи, предпочитала стиль полифоническій, или, держась простаго пѣсеннаго напѣва, сосредоточивалась на выраженіи внутреннихъ сердечныхъ движеній, на выраженіи психическаго чувства (Empfindung), не заботясь о пластической формѣ, о внѣшней красотѣ мелодической мысли. Италіянская мелодія и частныя въ ней колоритуры и украшенія — прямое слѣдствіе естественнаго влеченія къ наслажденію голосомъ, естественной охоты пѣть (Lust am singen), и потому вызываетъ употребленіе голоса, не заботясь о текстѣ, такъ-что въ италіянскихъ мелодическихъ оборотахъ выражается прежде всего не внутренняя психическая жизнь, а просто—чувство красоты. Когда эта мелодія болѣе проникнута смысломъ, ближе къ тексту, тогда она служитъ выраженіемъ общей настроенности души (Seelenstimmung), безъ отношенія къ содержанію отдѣльныхъ мыслей и словъ текста; наконецъ въ полной зависимости отъ слова, отъ внутренней психической жизни, такая италіянская колоритурная мелодія становится выраженіемъ сильноволнующейся страсти».

«Употребленіе голоса во французскомъ оперномъ стилѣ, болѣе декламаціонномъ, речитативномъ, служитъ, напротивъ того, выраженіемъ ясности, разсудочной опредѣленности въ душевномъ движеніи, отчетливо передавать музыкою сознательный, выдержанный характеръ. Кромѣ-того, по нетребованію округленности, симметричности внѣшней формы, этотъ стиль способенъ выражать музыкою многое, нѣсколько приближающееся къ прозѣ вседневной жизни (такъ во многихъ современныхъ намъ французскихъ операхъ эта прозаичность доведена до пес plus ultra—замѣчу

мимоходомъ) — а съ другой стороны этотъ стиль очень свойственъ и крайнему предѣлу страсти, гдѣ уже теряется всякая мѣра, всякая симметрія формы въ поэтической мысли, гдѣ языкъ страсти высказывается коротко, отрывисто. Тогда-какъ италіянскій мелодическій стиль требуетъ остановки хода пьесы, для «промедленія» на одномъ и томъ же лирическомъ моментѣ, стиль декламаціонный, французскій, не входя въ глубины психологическаго развитія, очень способствуетъ быстротѣ хода музыкальной драмы. Въ главномъ коренномъ свойствѣ нѣмецкой школы драматической музыки лежитъ именно стремленіе къ глубокости въ живописаніи музыкою душевныхъ движеній; отъ того здѣсь мы находимъ съ одной стороны искренній, простой напѣвъ, какъ отраженіе внутренняго чувства, не вполнѣ развитаго, съ другой стороны науку сложной гармоніи для многочисленности, какъ выраженія общей настроенности многихъ лицъ, цѣлой массы людей. Эти качества нѣмецкой музыки сдѣлали изъ нея основаніе органическаго соединенія всѣхъ трехъ стилей, о которыхъ идетъ рѣчь, сдѣлали нѣмецкую школу средоточіемъ обще-европейской музыки.

«Моцартъ, въ своемъ самостоятельномъ творчествѣ, вдыхая жизнь и индивидуальное значеніе въ блѣдные эскизы своихъ либреттистовъ, чувствовалъ, что ему надобно воспользоваться преимуществами каждой изъ трехъ школъ, развившихся согласно съ національнымъ характеромъ италіянцевъ, французовъ и нѣмцевъ. Моцарту нельзя было довольствоваться ни однимъ декламаціоннымъ выраженіемъ даннаго текста, близко держась оттѣнка каждаго слова, что́ мы находимъ у Глука, — ни одною общею, безхарактерною красотою италіянской мелодіи, ни однимъ простымъ, искреннимъ напѣвомъ прежней нѣмецкой музыки. До его появленія всѣ три различные стиля порознь развивали различныя стороны мелодіи, такъ-что каждая сторона исключала характеристическія свойства другихъ сторонъ. Въ Моцартѣ находимъ органическое прониканіе каждой стороны стиля во всѣ остальныя, для произведенія *одного изящнаго цѣлаго*. Каждое изъ трехъ отдѣльныхъ направленій драматической музыки въ Моцартовыхъ операхъ выступаетъ на первый планъ, когда того требуетъ данный характеръ, данное положеніе. Но эти различные стили являются *не просто поставленными рядомъ* (механическое соединеніе, о которомъ автору этой статьи уже случилось и еще случится говорить), а такъ, что общею ихъ связью служитъ самъ стиль собственно Моцартовой музыки, органически вышедшій изъ трехъ до него существовавшихъ. Строго опредѣленный, сознательный характеръ Донны-Анны въ сильно патетическихъ минутахъ роли вызывалъ декламаціонный стиль Глука; столько же кстати страстныя женскія

натуры, какъ Царица-ночи, Донна-Эльвира поютъ въ стилѣ, изобилующемъ мелодическими украшеніями, колоритурами; — простая, наивная Церлина выражается простыми, наивными мелодіями; чувственно прекрасная роскошь, нѣга италіянской мелодіи, становятся единственно возможною драматическою правдою въ устахъ Керубино. Такимъ сліяніемъ всѣхъ мелодическихъ стилей въ одинъ, съ временнымъ преобладаніемъ то одного, то другаго въ зависимости отъ даннаго характера и положенія, Моцартъ достигъ высшаго предѣла музыкальной характеристики, достигъ возможности живописать уже не только обще-человѣческія положенія, какъ у Глука, но живописать обще-человѣческое, какъ оно проявляется въ отдѣльныхъ личностяхъ, со всѣми индивидуальными особенностями каждаго характера. — Такимъ-образомъ въ его операхъ явилась изумительная правда, живая жизнь и величайшее разнообразіе, какъ въ дѣйствительномъ мірѣ, и только въ Моцартовой музыкѣ можно изучать это органическое употребленіе самыхъ разнородныхъ средствъ для одной цѣли. Изъ сказаннаго видно, что Моцартъ снова допустилъ въ свою оперную музыку рулады, фіоритуры, которыя Глукомъ, съ его точки зрѣнія, были очень резонно изгнаны вовсе. Въ этомъ допущеніи руладъ и колоритуръ всякаго рода Моцартъ зашелъ *нѣсколько дальше чѣмъ слѣдовало,* потому-что во многихъ его операхъ (Entführung, Cosi fan tutte и др.) эти украшенія являются уже не какъ выраженія особенности данныхъ характеровъ, а съ цѣлію *чисто-виртуозною.* Этимъ Моцартъ далъ поводъ къ дальнѣйшимъ уклоненіямъ опернаго стиля отъ истиннаго пути, уклоненіямъ, которыя продолжаются и до нашего времени; но съ другой стороны должно замѣтить, что Глуковская исключительность съ точки зрѣнія Моцарта уже не годилась: онъ и оставилъ въ ее сторонѣ. Въ музыкѣ Моцартовой *каждая* изъ трехъ главныхъ по музыкѣ націй нашла отраженіе своего особаго характера и художественное оправданіе исключительности своего направленія, которое является здѣсь, какъ необходимая часть органическаго цѣлаго. Этимъ Моцартъ получилъ великое значеніе композитора, принадлежащаго уже не одной изъ трехъ школъ, а всѣмъ вмѣстѣ, композитора уже не италіянскаго, не французскаго и не нѣмецкаго, а общеевропейскаго, всесвѣтнаго (musicien universel, Weltkomponist). Въ отношеніи музыки онъ сблизилъ, примирилъ всѣ народы» *.

Вотъ какъ новѣйшая критика смотритъ на великое дѣло Моцарта. Но какъ всякая «пристрастность» взгляда чрезвычайно далека отъ серьозной критики, то и въ приведенномъ мною результатномъ сужденіи

* Brendel. Geschichte der Musik, pag. 416—419

Моцартъ не пощаженъ со стороны допущенной имъ въ операхъ «концертной виртуозности стиля» (о чемъ была рѣчь по-случаю «il mio tesoro и non mi dir»). Эта концертность нѣкоторыхъ его арій для примадоннъ и первыхъ теноровъ (никогда для баритоновъ, басовъ, и также никогда въ стилѣ комическомъ) сближаетъ его съ направленіемъ итальянскихъ композиторовъ, но положительно вредитъ самому дѣлу, то-есть драматической правдѣ и *неразлучной* съ нею — *высшей* музыкальной красотѣ. Глукъ, стремясь къ строгой выдержанности поэтической идеи въ операхъ, не допустилъ ни малѣйшей уступки виртуозамъ и ихъ антидраматическому направленію. Съ этой стороны, то-есть со стороны строгой логической послѣдовательности, со стороны серьозности намѣренія, Глукъ положительно *выше* Моцарта. Но вмѣсто моихъ собственныхъ словъ объ этомъ предметѣ, позвольте мнѣ лучше перевести вамъ замѣчательную параллель Моцарта съ Глукомъ изъ той же книги Бренделя.

«Глукъ является однимъ изъ величайшихъ въ свѣтѣ художниковъ, во всемъ, что́ касается стремленія къ цѣли, сознательно признанной за истинную, что́ касается до возвышенности намѣренія, до глубокой обдуманности, до ума въ планѣ и до послѣдовательности въ осуществленіи каждаго изъ своихъ созданій — съ этой стороны онъ недосягаемый образецъ; — если же принять во вниманіе не мысль произведеній, а сами произведенія, то пальма первенства принадлежитъ Моцарту. Но это первенство Моцарту мы должны отдать безъ ущерба величію Глука, который во многомъ, а именно въ серьозно-патетическомъ элементѣ, остается *не превзойденнымъ*, и не забывать о слабыхъ сторонахъ самого Моцарта, бывшихъ въ-послѣдствіи поводомъ отклоненія оперы отъ постоянной драматической правды, до которой довелъ ее Глукъ.

«Характеры въ Глуковыхъ операхъ созданы не столько силою творческой фантазіи, сколько разумнымъ вниканіемъ, сознаніемъ, и во всѣхъ этихъ лицахъ есть нѣкоторая степень одноцвѣтности, монотонности, недостатокъ жизненной теплоты; этимъ характерамъ недостаетъ той изумительной подвижности и того безконечнаго разнообразія, какъ въ творчествѣ Моцартовомъ. Глукова душа проникнута только строгимъ пафосомъ; отъ того на всѣхъ его лицахъ одинъ общій отпечатокъ—величіе, какъ-будто бы вызванное изъ античнаго міра; эти лица *пластичны*, какъ мраморныя изваянія, но такъ же холодны и неподвижны. Глукъ еще не вступилъ въ то волшебное царство фантазіи, которое раскрылось только передъ Моцартомъ, онъ еще не достигъ той степени въ искусствѣ, когда поэтическое произведеніе является плодомъ сліянія глубокаго художественнаго смысла съ свободной творческой фантазіею. Глуковы герои плачутъ древне-греческими слезами. Въ этихъ характе-

рахъ есть дѣвственная свѣжесть, не безъ суровости, есть нѣкоторая неразвитость, въ противуположность полному разцвѣту роскошной женственности въ произведеніяхъ Моцарта. Въ Глуковыхъ операхъ вѣетъ свѣжій утренній вѣтерокъ, не безъ холода, тогда-какъ Моцартъ — полный разгаръ полуденнаго солнца. Глукъ творитъ только въ соединеніи съ поэтомъ, Моцартъ кромѣ того черпаетъ вдохновеніе и изъ полноты своей творческой фантазіи. Глукъ былъ въ состояніи выражать только возвышенныя, трагическія чувства; онъ «пропалъ бы» съ такими текстами, какіе достались Моцарту; Моцартъ вызвалъ характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ полноты дѣйствительной жизни сердца. Лепорелло, Церлина, Осминъ, Блонда и много другихъ, которые у Моцарта стоятъ передъ нами какъ живые, были бы рѣшительно невозможны для Глука. Апогей оперы въ произведеніяхъ двухъ геніевъ: Глука и Моцарта; оба создали высшее въ своемъ родѣ. Только Глукъ часто, въ-слѣдствіе точки зрѣнія, свойственной ему какъ реформатору, въ-слѣдствіе неполной развитости музыки въ его время, не могъ осуществить своихъ намѣреній вполнѣ, и этого, при сужденіи о его произведеніяхъ, никогда не должно выпускать изъ вида. Онъ часто не удовлетворяетъ эстетическое чувство, потому-что цѣлая бездна лежитъ между тѣмъ, что онъ *хотѣлъ* сдѣлать, и что онъ могъ дѣйствительно сдѣлать въ такомъ или другомъ случаѣ. Моцартъ, напротивъ-того, выполнилъ свою задачу до конца. Но этимъ доведеніемъ до конца, этой полной замкнутостью міра своей оперной музыки, онъ приготовилъ «пониженіе опернаго горизонта» по его смерти. Въ Глукѣ преобладаетъ созданіе великости своего дѣла, художественно-критическая строгость: въ Моцартѣ не было этой строгости, этого философски-художественнаго сознанія. Очень несправедливо было бы назвать Моцарта художникомъ чисто-инстинктивнымъ: напротивъ, онъ обдумывалъ много, — превосходное равновѣсіе размышленія и непосредственнаго природнаго творчества одно изъ самыхъ очаровательныхъ качествъ его музыки; но онъ думалъ, обдумывалъ только въ сферѣ своего искусства, въ сферѣ чисто-музыкальной; и ему недоставало отдѣлившагося отъ самого искусства теоретическаго взгляда на искусство, взгляда, необходимаго, чтобъ оцѣнить всю важность художественнаго дѣла, чтобы каждому произведенію, кромѣ временныхъ его цѣлей, придать всю полноту тѣхъ свойствъ, которыя сохранятъ его для отдаленнаго потомства. Многочисленныя уступки современному модному вкусу были послѣдствіемъ этой слабой стороны Моцарта и высокій взглядъ Глука на значеніе оперы при Моцартѣ нѣсколько затемнился. Все, въ чемъ состоитъ геніальность натуры, все это было въ Моцартѣ въ сильнѣйшей степени, и въ главномъ, въ существенномъ каждаго произведе-

нія, видно у него глубокое воодушевленіе предметомъ*, но въ строгой подчиненности всего случайнаго одной, вѣчной мысли, Моцартъ уступаетъ Глуку. Если въ операхъ Глука встрѣчается много устарѣлаго, то это должно приписать его эпохѣ и, въ сравненіи съ Моцартомъ, не столь богатой натурѣ. *Если мы встрѣчаемъ устарѣлое у Моцарта, то этого нельзя такъ легко извинить, потому-что Моцартъ по своей феноменальной натурѣ могъ достичь во всемъ полнаго совершенства, — здѣсь, значитъ, замѣтны умышленныя уступки модному вкусу и не вполнѣ строгій взглядъ на самое дѣло.* Сближая нѣмецкую школу съ итальянскою музыкою, Моцартъ иногда нѣсколько отдалялся отъ разумной, интеллектуальной красоты Глука, и допустилъ слишкомъ много вліянія чувственнаго элемента, особенно во второстепенныхъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, «Clemenza di Tito». Наконецъ, перевѣсъ «музыкальности» въ Моцартовой натурѣ дозволялъ ему приниматься за такіе оперные тексты, которые хотя въ цѣломъ, въ идеѣ были превосходны, представляли богатое поле для музыки, въ частностяхъ однако много оставляли желать со стороны поэтическаго и драматическаго склада. Такимъ-образомъ Моцартъ нѣсколько нарушилъ то идеальное равновѣсіе въ оперѣ между музыкою и поэзіею, къ которому стремился Глукъ»**.

Въ этомъ мастерскомъ сравненіи двухъ великихъ художниковъ, слабыми сторонами Моцарта выставлены: 1) допущеніе концертности въ оперный стиль и 2) не довольно строгая обдуманность цѣлаго оперы, какъ пьесы, отъ перевѣса въ Моцартовой дѣятельности чисто-музыкальнаго элемента. Мы видѣли, что и въ «Донъ-Жуанѣ» есть значительные промахи, и именно въ-слѣдствіе или одной, или другой изъ этихъ двухъ слабыхъ сторонъ. Къ паралели Моцарта съ Глукомъ, по моему мнѣнію, можно бы прибавить и еще одинъ пунктъ сравненія, неуказанный Бренделемъ.

Глукъ былъ нововводитель, реформаторъ въ области музыки,—это отражается во всей его натурѣ, во всей его дѣятельности. Онъ сознадъ недостатки современнаго ему опернаго стиля; — посредствомъ размышленія и силы воли нашелъ основанія «новаго» стиля, въ которомъ главнымъ закономъ себѣ поставилъ «исключительное» стремленіе къ драматической правдѣ, и — совершилъ переворотъ въ искусствѣ.

Моцартъ родился геніальнѣйшимъ «музыкантомъ» въ тотъ самый пунктъ времени, когда по историческому ходу развитія музыкальнаго

* Это какъ-будто въ противуположность *Россини*, который всю свою жизнь писалъ оперы, но писалъ ихъ какъ-будто *нехотя*.

** Brendel, Geschichte der Musik, pag. 284 — 287.

искусства должно было совершиться сліяніе всѣхъ трехъ существующихъ стилей оперной музыки въ одинъ вполнѣ изящный.

Глукъ долженъ былъ опрокинуть бывшій до него оперный стиль, чтобъ проложить себѣ дорогу.

Моцартъ принялъ «наслѣдіе вѣковъ» въ томъ видѣ, какъ оно сложилось до его появленія; но врожденной впечатлительности, онъ, какъ олицетворенный геній «музыкальной красоты», *нашелъ эту красоту въ каждомъ* изъ трехъ до него существовавшихъ направленій. Онъ стремился къ примиренію этихъ трехъ разныхъ стилей не по разсудочному убѣжденію, что такое примиреніе будетъ чрезвычайно «полезно» для искусства, не «a priori», не «par principe», а просто *изъ желанія сохранить въ своей музыкѣ разныя стороны красоты*, которымъ всѣмъ онъ, по всеобъемлющей натурѣ своей, глубоко сочувствовалъ. Геніальный инстинктъ чисто-музыкальнаго дѣла подсказалъ ему тайну этого примиренія, и оно совершилось.

Задача Глука была — создавать оперы совсѣмъ по другимъ законамъ, нежели какъ онѣ создавались до него, *писать оперы такъ, какъ никто ихъ не писалъ прежде него*. Моцартъ не сознавалъ своего назначенія въ рѣзко-опредѣленной формулѣ. Онъ вовсе и не желалъ вступать въ открытый бой съ музыкой ему современной, въ которой находилъ много прекраснаго съ разныхъ сторонъ. Онъ стремился писать *совершенно такъ, какъ писали самые* первые композиторы до него и при немъ, только постоянно слушался внутренняго своего «идеала», которой побуждалъ его, какъ инстинктъ побуждаетъ пчелу — высасывать для своего меда лучшіе соки изъ каждаго цвѣтка.

Сообразивъ все это, даже еще нисколько не зная фактовъ, мнѣ кажется, легко можно вывести a priori, что во всѣхъ Глуковыхъ произведеніяхъ долженъ быть постоянно *одинъ*, строго-выдержанный стиль; что въ Моцартовыхъ произведеніяхъ, напротивъ-того, кромѣ общаго, лично ему принадлежащаго характера музыки, должно быть непремѣнно отраженіе тѣхъ, или другихъ образцовъ, смотря по назначенію, по роду произведенія, — должно быть вообще крайнее разнообразіе стилей.

Брендель упоминалъ объ этомъ разнообразіи по-случаю преобладанія то одного, то другаго мелодическаго направленія въ каждой отдѣльной операѣ Моцарта. Моя мысль обратить здѣсь вниманіе не на оттѣнки стиля Моцартовой музыки въ одномъ какомъ-нибудь отдѣльномъ его произведеніи, — а на типическое различіе его стилей, сообразно цѣли, назначенію разныхъ произведеній, за которыя онъ принимался бо́льшею частію не по личному, свободному выбору, а по заказу. Онъ писалъ *все на свѣтъ*, какъ ему приходилось по обстоятельствамъ. Ка-

мерную музыку (по образцу Гайдновой), симфонію (по его же примѣру), церковную музыку (въ стилѣ Генделя, обоихъ Гайдновъ, и другихъ), оперы въ стилѣ италіянскомъ и оперы въ стилѣ нѣмецкомъ, по образцу Глука, италіянцевъ и нѣмцевъ. «До двадцатичетырехъ-лѣтняго возраста», говоритъ г. Улыбышевъ (стр. 294 II тома), Моцартъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ музыкантовъ своего времени, и безъ-сомнѣнія, уже феноменальный, по чрезвычайно раннему развитію таланта, *по способности писать музыку во всѣхъ возможныхъ стиляхъ*, и по соединенію полной виртуозности съ даромъ импровизаціи и даромъ читать музыку лучше всѣхъ на свѣтѣ. Онъ уже тогда писалъ во всѣхъ возможныхъ родахъ, и во всѣхъ такъ какъ другіе».

Въ талантѣ каждаго художника высшаго разряда, художника первостепеннаго, непремѣнно должна быть достаточная доля *подражательной* способности, потому-что каждый художникъ долженъ *начинать* тѣмъ, чтобъ умѣть дѣлать точно *такъ, какъ другіе*. Какъ истинно-художническая натура, Моцартъ до конца поприща своего постоянно развивалъ въ себѣ эту драгоцѣннѣйшую для объективнаго поэта способность—оставаясь самимъ собою, умѣть подражать другимъ, умѣть поддѣлываться, въ случаѣ надобности, подъ всѣ возможные стили другихъ художниковъ. (Точно такая же способность была у Гёте). Въ самыхъ послѣднихъ твореніяхъ своихъ Моцартъ изумителенъ и съ этой стороны. Оставаясь Моцартомъ, онъ въ «Реквіемѣ» чрезвычайно близко напоминаетъ Генделя во многихъ мѣстахъ; въ другихъ мѣстахъ «Реквіема» онъ также напоминаетъ итальянскихъ церковныхъ писателей. Въ операѣ «Волшебная флейта» есть типы *почти всѣхъ* формъ драматической и даже церковной музыки. *Въ этомъ отношеніи* всеобъемлющая геніальность Моцарта еще гораздо полнѣе отражается въ «Волшебной флейтѣ», нежели въ «Донъ-Жуанѣ».

Ясно, что при такомъ *истинномъ эклектизмѣ*, врожденномъ всей его натурѣ, необходимомъ для полнаго осуществленія *идеала* драматической музыки, въ формѣ его операъ должны были повториться оперные типы, существовавшіе въ его время.

Какіе же это были типы?

Въ это время (1780 — 1790) въ Германіи на оперныхъ сценахъ давались: I) италіянскія серьозныя оперы (opera seria) съ самымъ ненатуральнымъ, условнымъ складомъ, съ длиннѣйшими речитативами (secchi), во всѣхъ сценахъ, гдѣ сильное драматическое дѣйствіе, съ обязательными бравурными аріями для кастратовъ съ отсутствіемъ басовыхъ партій, съ хорами и съ дивертисментами, или балетами, въ приличныхъ для

того мѣстахъ пьесы, или въ концѣ. 2) Итальянскія комическія оперы—opera buffa, или, какъ тогда ее называли: dramma giocoso. Здѣсь меньше условій, больше свободы формъ; для связи сценъ опять речитативы безъ оркестра, но ихъ гораздо меньше; впрочемъ чистая концертность стиля въ аріяхъ первыхъ сюжетовъ, въ остальныхъ сценахъ легкая, поверхностная и съ отсутствіемъ большихъ хоровъ и большихъ morceau d'ensemble, (при томъ же послѣдняя форма едва зарождалась въ оперной музыкѣ въ финалахъ; только Пиччини (въ своей «Cecchina») дѣлалъ попытки многоголосной сцены; такъ какъ въ области серьозной оперы финалъ перваго акта «Армиды» Глука уже есть «morceau d'ensemble.) Наконецъ въ-3-хъ, въ Германіи существовалъ еще самостоятельный родъ оперы, образовавшійся мало-по-малу изъ чисто-національной оперетки (Singspiel). Въ этомъ родѣ писали многіе изъ тогдашнихъ нѣмецкихъ композиторовъ (Georg Benda 1760 — 1780, Johann Adam Hiller еще въ 1760-хъ годахъ и современникъ Моцарта Carl Ditters von Dittersdorf.) Чисто-нѣмецкая опера, развившаяся изъ народныхъ пьесокъ въ родѣ водевиля *, сохранила главное условіе этихъ представленій, чтобы музыка была несплошная, а только въ нѣкоторыхъ, рельефныхъ мѣстахъ пьесы, и никакъ не *мѣшала* бы (!) ходу дѣйствія. Отъ этого бо́льшая часть пьесы шла въ формѣ «діалога», то-есть, самой прозаической прозой! Чѣмъ болѣе, чѣмъ шире развивалась музыкальная часть такого рода пьесъ, тѣмъ рѣзче выступала несообразность этого смѣшенія двухъ элементовъ, никакъ не сродныхъ между-собою: «музыкальной поэзіи» и «простаго прозаическаго разговора.» Однако эта несообразность устояла и пустила такіе глубокіе корни, что уцѣлѣла и до нашего времени. (Подробно объ этомъ когда-нибудь при случаѣ). Кромѣ-этого страннаго обычая, всѣ другія условія этого рода пьесъ были очень выгодны для драматической музыки, особенно совершенное отсутствіе итальянской условности, реторичности; даже и самая быстрота хода пьесы и ясность, понятность сценическаго дѣйствія очень легко мирятся съ красотою музыкальнаго развитія, какъ это доказалъ Моцартъ. Въ нѣмецкихъ операхъ для композитора было еще больше свободы, чѣмъ въ итальянской opera buffa, или dramma giocoso, свободно переходить отъ комическаго къ сантиментальному, и даже къ страстно-патетическому. Всѣ стили драматической музыки были здѣсь къ услугамъ того, кто могъ всѣми ими равно-свободно владѣть. Никакія условныя формулы и

* Какъ у насъ русскихъ, напримѣръ «Мельникъ, колдунъ и проч.» Аблесимова, а впослѣдствіи «Русалка» (въ 4-хъ частяхъ), оперы Кавоса и другихъ, въ формѣ, заимствованной преимущественно отъ нѣмцевъ, отчасти у французовъ.

рамки не стѣсняли ни употребленія разныхъ діапазоновъ голоса, ни употребленія хоровъ и morceaux d'ensemble.

Вотъ въ какомъ положеніи засталъ Моцартъ оперную сцену итальянскую и нѣмецкую.

Серьозная критика искусства давно рѣшила, что понять степень заслугъ, степень таланта, или геніальности каждаго художника нельзя иначе, какъ сравнивъ точнѣйшимъ образомъ его дѣятельность съ тѣмъ, что̀ искусство принесло ему въ наслѣдство.

Но такому подробному сравненію дѣятельности Моцарта съ дѣятельностью главныхъ его предшественниковъ въ разныхъ стиляхъ оперы здѣсь нѣтъ мѣста, потому-что это значило бы писать исторію развитія Моцартова, исторію оперной музыки до него и въ его время.

Я отклонился въ область исторіи музыки только для того, чтобъ показать, что Моцартъ,—*относительно внѣшней формы оперъ*,—не совершилъ ровно никакого переворота въ искусствѣ: всѣ типы оперъ, бывшіе до него и при немъ, повторились въ его операхъ.

Не считая произведеній его самой ранней юности, (около девяти итальянскихъ оперъ) начиная счетъ съ перваго *самостоятельнаго* произведенія: «Idomeneo», Моцартъ написалъ *семь* оперъ: двѣ въ стилѣ итальянской opera seria (Idomeneo 1781, la Clemenza di Tito 1791,) три въ стилѣ итальянской же комической (le Nozze di Figaro (1786), Don Giovanni 1787, Cosi fan tutte (1790); такъ *всѣ три* оперы и называются въ партитурахъ dramma giocoso, и наконецъ двѣ въ стилѣ нѣмецкой оперы, просто — «Oper», съ діалогомъ (Entführung aus dem Serail 1782, Die Zauberflöte 1791).

Можно сдѣлать очень занимательное сближеніе оттѣнковъ Моцартовой музыки, разности даже въ технической фактурѣ и такъ далѣе, смотря по тому, къ какой изъ *трехъ* группъ опера принадлежитъ. Но все это требуетъ чрезвычайной точности и, слѣдовательно, безконечныхъ, мельчайшихъ анатомированій и подробностей, которыми я здѣсь не имѣю никакого права надоѣдать. Здѣсь довольно будетъ замѣтить, что сходство направленія въ двухъ *героическихъ* операхъ ограничивается только внѣшними условіями *этого рода* оперъ и общимъ индивидуальнымъ характеромъ собственно Моцартова стиля (который, конечно, проявляется ясно *во всѣхъ* семи операхъ). Тѣ же несообразности, таже *условность, формалистичность всего склада оперы*, какъ въ «Идоменеѣ», такъ и въ «Титѣ», таже «умышленная» ненатуральность, реторичность, итальянская концертность и, въ слѣдствіе этого, рѣшительная «устарѣлость» многихъ частей и негодность обѣихъ оперъ къ исполненію на нынѣшнихъ сценахъ. Но разницы гораздо больше, чѣмъ сходства въ «достоинствѣ»,

въ «значеніи» одной и другой оперы. «Идоменей»—произведеніе «первой» зрѣлости, первой самостоятельности Моцартова таланта, произведеніе, со многихъ сторонъ непревзойденное самимъ Моцартомъ (какъ онъ и самъ въ этомъ сознавался), произведеніе, въ которомъ положено начало сліянію стиля Глука съ мелодичностью итальянскою и богатою контрапунктною гармоніею нѣмецкой школы; произведеніе, однимъ-словомъ, «сильное» съ чисто-музыкальной стороны, которая всегда была на первомъ планѣ для Моцарта. Напротивъ того, «La Clemenza di Tito» какъ уже было упомянуто, произведеніе хотя и позднѣйшее, но рѣшительно слабое (въ чемъ даже самый пристрастный панегиристъ Моцарта, г. Улыбышевъ, сознается, съ большими впрочемъ оговорками). Слабое и по досадному преобладанію современнаго Моцарту виртуознаго стиля, тогда какъ античный сюжетъ требовалъ строго-патетическихъ, Глуковскихъ формъ,—слабое и по безцвѣтности мелодіи, и по бѣдности оркестра. Въ «Титѣ» слишкомъ замѣтна «спѣшность» работы и даже нѣкоторая односторонность заказа, который требовалъ больше une piece d'occasion, чѣмъ настоящей оперы*.

Въ другомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ двѣ нѣмецкія оперы Моцарта. Здѣсь опять несравненно больше различія, чѣмъ сходства, только совсѣмъ по другимъ причинамъ, во-первыхъ потому, что при свободѣ формъ нѣмецкой оперы, при *неусловности* стиля, —каждая опера, въ цѣломъ складѣ своемъ, стояла въ прямой зависимости отъ сюжета, а между сюжетами «Похищенія» и «Волшебной флейты» нѣтъ ни малѣйшей родственности; во-вторыхъ потому, что создавая «Entführung», Моцартъ еще только начиналъ свободно употреблять разнообразіе стилей, вызываемое характерами и положеніями музыкальной драмы; — создавая «Волшебную флейту», Моцартъ былъ уже при концѣ своего поприща, сліяніе стилей въ его музыкѣ уже совершилось вполнѣ, и въ этой партитурѣ, какъ я замѣчалъ уже, — апогей геніальности художника со стороны полной свободы въ употребленіи *всѣхъ возможныхъ формъ* и *стилей* въ пользу «драматизма». Музыкальный интересъ доведенъ здѣсь до такой точки, что какъ-будто исчезаетъ за драматическою правдою. И это здѣсь, въ «Волшебной флейтѣ», *сплошь* — тогда какъ во всѣхъ другихъ операхъ, *не исключая и «Донъ-Жуана»*, какъ я указывалъ, есть промахи противъ драматизма.

Такимъ-образомъ въ двухъ итальянскихъ операхъ изъ античнаго міра—главное сходство въ ложности самаго типа, склада оперы, въ услов-

* Заказъ этой оперы Моцарту былъ со стороны дирекціи пражскаго опернаго театра, *по-случаю* коронованія императора Леопольда.

ности, въ несвободѣ формъ и рѣшительный перевѣсъ *молодаго* произведенія передъ позднѣйшимъ; въ двухъ нѣмецкихъ операхъ сходство — въ отсутствіи всякой условности — въ безконечномъ разнообразіи формъ и стилей. Но позднѣйшее произведеніе («Волшебная флейта») какъ полный расцвѣтъ генія, неизмѣримо выше юной оперы «Entführung», гдѣ, при всѣхъ свѣжихъ, восхитительныхъ красотахъ, многое еще не на высшей точкѣ развитія. Притомъ же въ этой операѣ очень неумѣстно допущены слишкомъ большія уступки виртуозности.

Въ группѣ трехъ итальянскихъ «комическихъ» оперъ (dramma giocoso) родство этихъ трехъ произведеній между собою, со стороны собственно-музыкальнаго стиля несравненно замѣтнѣе, чѣмъ въ двухъ прежнихъ группахъ. * Но какъ самый родъ этихъ оперъ (скорѣе mezzo carattere, чѣмъ buffo, въ «Фигаро» и «Донъ-Жуанѣ», и чистый buffo—въ Cosi fan tutti) допускалъ почти-полную свободу для композитора,—внѣшнихъ стѣснительныхъ условій тутъ почти не было,—то, несмотря на родственность стиля, въ которомъ «итальянскій» элементъ вообще весьма силенъ,—сами оперы опять въ полной зависимости отъ сюжета и, слѣдовательно, очень похожи другъ на друга въ общемъ впечатлѣніи. Иначе, при объективности Моцарта, и быть не могло. Нѣсколько невыгодная для музыки остроумно сатирическая комедія Бомарше подъ перомъ Моцарта преобразилась въ «граціозно-поэтическое» созданіе. Весь оборотъ пьесы вышелъ совсѣмъ другой, чѣмъ въ оригинальной пьесѣ, но музыка отъ этого, конечно, не проиграла. Очень ясно, что для музыки сатира недоступна, зато въ операѣ выступила на первый планъ внутренняя, душевная, сердечная жизнь дѣйствующихъ лицъ, о которой авторъ «комедіи» почти и не думалъ **.

Сюжетъ «Донъ-Жуана», по счастливому разнообразію сценъ, и трагическихъ, и комическихъ, и даже сверхъестественныхъ, вызывалъ и въ музыкѣ полнѣйшую свободу формъ; оттого—какъ я здѣсь указывалъ, и какъ уже безъ меня цѣлому свѣту извѣстно,—опера «Донъ-Жуанъ»—въ очень многихъ сценахъ—типъ идеальнаго совершенства оперы, когда сюжетъ взятъ изъ дѣйствительной жизни и полонъ шекспировской животрепещущей правды. По трагическому и сильно-страстному характеру многихъ положеній, въ операѣ этой не могло быть *много* сходства

* Такой общій взглядъ на «Фигаро», «Донъ-Жуана» и Cosi fan tutti *вмѣстѣ*, быть-можетъ инымъ, по нѣкоторой смѣлости и новости, покажется *произвольнымъ*. Но я искренно желаю, чтобы кто-нибудь полемическою статьею вызвалъ меня на защиту моего убѣжденія. Тогда я выступлю съ подробными, фактическими доводами.

** Точно тоже случилось бы, напримѣръ, съ сюжетомъ «Горе отъ ума», еслибъ кто-нибудь вздумалъ превратить эту комедію въ оперу, и еслибъ композиторъ былъ такой же объективный художникъ, какъ Моцартъ.

съ музыкою «Фигаро», — однако это сходство *есть* и, при случаѣ, уже было указано мною. Тогда какъ ни съ группою серьозныхъ героическихъ оперъ, ни съ нѣмецкими операми Моцарта въ «Донъ-Жуанѣ» нѣтъ почти никакого сходства, кромѣ нѣкотораго общаго характера Моцартовой музыки, потому-что у всякаго композитора есть свои «любимые» обороты и въ гармоніи и въ мелодіи; — это *индивидуальность* каждаго. Музыка «Донъ-Жуана» въ ея цѣломъ все-таки музыка школы итальянской.

Третья опера этой группы — «Cosi fan tutti» отличается отъ двухъ другихъ прежде всего — чрезвычайною плоскостью сюжета и самымъ незатѣйливымъ, самымъ дюжинно-итальянскимъ складомъ всего текста; потомъ отличается еще несравненно бо́льшими уступками виртуозному стилю въ партіи примадонны (Fiordiligi), чѣмъ, напримѣръ, въ партіяхъ Доны-Анны или Графини въ Фигаро. Плоскость сюжета и устарѣлость формы въ нѣкоторыхъ частяхъ давно изгнали эту оперу съ современныхъ намъ итальянскихъ сценъ, — о чемъ нельзя горько не жалѣть всякому, кому дорога́ музыка Моцарта. Въ этой операѣ есть красоты, ничѣмъ не уступающія ни красотамъ «Фигаро» ни красотамъ «Донъ-Жуана», между-тѣмъ «Cosi fan tutti» въ наше время знаютъ только записные меломаны — моцартисты, и знаютъ только по партитурѣ, что́ еще не значитъ знать ее *вполнѣ*. Но и по одной партитурѣ этой оперы можно убѣдиться достаточно, что весь ея стиль, совершенно-итальянскій (въ высокомъ значеніи этой школы), какъ нельзя болѣе родственъ всей музыкѣ «Фигаро» и многимъ сценамъ «Донъ-Жуана».

Обзоръ всѣхъ семи оперъ Моцарта я сдѣлалъ единственно съ тою цѣлію, чтобъ убѣдить читателей, что очень неправы тѣ біографы и панегиристы Моцарта, которые отдѣляютъ изъ всей его дѣятельности — *Донъ-Жуана*, какъ созданіе будто бы совершено «особенное», «аномальное», une oeuvre exceptionnelle и по идеѣ, и по ея воплощенію, и по цѣли и средствамъ, и по роду всей поэзіи, и по стилю всей музыки. Такъ какъ нигдѣ въ своей дѣятельности Моцартъ не является въ сознательной борьбѣ, враждѣ съ тѣмъ, что́ до него было; такъ какъ вообще въ дѣятельности Моцарта нельзя отыскать заранѣе принятыхъ «началъ», убѣжденій (principes), которыя бы его руководили при созданіи той, или другой вещи, такъ и въ отношеніи «Донъ Жуана» ни изъ чего не видно, чтобы Моцартъ, принимаясь за эту «оперу изъ оперъ» (?) именно *хотѣлъ сдѣлать ее* «совершенно-особеннымъ, исключительнымъ произведеніемъ, непохожимъ ни на одну изъ существовавшихъ въ его время оперъ». Видно только, что онъ съ *особеннымъ* одушевленіемъ принялся за оперу на счастливый сюжетъ и для своихъ прак-

скихъ друзей. «Донъ-Жуанъ», какъ мы видѣли, задуманъ въ рамкахъ, въ выкройкѣ итальянской «dramma giocoso». И съ точки зрѣнія *и либреттиста и композитора* (а не одного Да-Понте, какъ старается увѣрить г. Улыбышевъ въ началѣ своего разбора) — вовсе нѣтъ безмѣрнаго будтобы противорѣчія между содержаніемъ пьесы и названіемъ.

«Dramma giocoso» не нарочно придуманное «особенное» названіе для «особенной» оперы, а имя *родовое*, принадлежавшее всѣмъ *не* героическимъ итальянскимъ операмъ. Притомъ же мы видѣли, что исключая немногихъ сценъ, весь ходъ пьесы скорѣе клонится къ комическому. «Какъ», — воскликнетъ въ ужасѣ г. Улыбышевъ, — «высочайшая драма, которая начинается смертью и оканчивается смертью — опера комическая!!» Но не надо забывать, что Моцартъ смотрѣлъ на вещи просто, а не сквозь романтическую призму. Если же опера выступила далеко изъ своихъ рамокъ, перестала быть «итальянскою комическою», или полу-комическою оперою — это сдѣлалось не въ-слѣдствіе «намѣренія» Моцартова, а въ-слѣдствіе всеобщности характера его музыки, въ-слѣдствіе геніальности его, которая умѣла схватить музыкою «правду», «жизнь» *каждаго даннаго момента* (а моментовъ тутъ было много) и, какъ я замѣчалъ, заставляла художника употреблять въ дѣло *всѣ* краски съ палитры, подготовленной для него трудами его предшественниковъ.

Въ «Донъ-Жуанѣ» есть двѣ сцены, выходящія изъ естественнаго порядка (сцена на кладбищѣ и явленіе Командора на ужинѣ). Всѣмъ извѣстно, что обѣ сцены переданы Моцартомъ съ ужасающею «правдою», съ такою правдою, что невозможное перестаетъ быть невозможнымъ. И въ этомъ главный характеръ *реальной, пластической* поэзіи Моцартова генія. * Между-тѣмъ именно эти сцены послужили для гг. комментаторовъ поводомъ къ самому неправильному взгляду на общій характеръ всей оперы, характеръ будтобы «романтическій» «романтико-фантастическій!!»

Въ искусствахъ—*техника* неразлучна съ поэтическою мыслью; значитъ, техническая подробность иногда можетъ служить самымъ лучшимъ объясненіемъ поэтически-художественнаго намѣренія. При случаѣ уже было замѣчено мною, что Моцартъ, до крайности бережливый на средства, во всей инструментовкѣ «Донъ-Жуана» только въ двухъ сценахъ

* Чтобы лучше объяснить свою мысль, я напомню здѣсь «фантастическій элементъ» въ операхъ *романтика*—Вебера. Напримѣръ, «во Фрейшюцѣ» вся сцена волчьей долины—превосходна въ музыкѣ, но музыка эта, при всей своей живописной правдѣ, никакъ не заставляетъ хоть на минуту забыть, что все это фантазія, сонъ, бредъ, воображеніе. А въ сценѣ Командора—передъ вами реальность, дѣйствительность, — вы и не вспомните о «невѣроятности» этой сцены.

употребилъ *тромбоны:* именно въ тѣхъ сверхъестественныхъ сценахъ, о которыхъ только шла рѣчь. Отъ этого изумительнаго разсчета такъ неотразимо силенъ *эффектъ* пѣнія статуи. — Этому бережливому употребленію тромбоновъ можно провести параллель и въ поэтическомъ поворотѣ всего склада оперы. Въ тѣхъ двухъ сценахъ: — необыкновенное — во всемъ остальномъ: — *реальная жизнь, безъ малѣйшаго намека на эти двѣ фантастическія сцены.* Вотъ пластичность Моцартова, общая ему только съ двумя художниками: съ Гёте (особенно въ Фаустѣ) и съ Шекспиромъ.

Моцартъ никакъ не подходитъ подъ рубрику «романтиковъ». Для его объективности, для его всеобщности это вовсе не лестный титулъ. Величать его «романтикомъ» значитъ стѣснять его геніальность, значитъ придавать ему какую-то узкость взгляда, односторонность, ограниченность, — значитъ, однимъ-словомъ, извращать весь смыслъ его поэзіи. Вѣдь никто же не называетъ романтикомъ — *Гёте!* А Шекспиру прибавляли когда-то любимое нѣмцами—туманное прозвище только для контраста съ французскимъ псевдо-классицизмомъ.

Обзоръ семи оперъ Моцарта еще разъ подтвердилъ для читателей замѣчаніе новѣйшей критики, что Моцартъ отнюдь не былъ строгъ, какъ бы ему слѣдовало, въ выборѣ текстовъ для своихъ оперъ, и не былъ достаточно внимателенъ къ поэтическому складу цѣлаго каждой оперы, какъ пьесы.

Двадцати-четырехъ лѣтъ онъ написалъ большую героическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, не считая нужнымъ вооружаться противъ любимыхъ въ то время условій реторичности и концертности, которыми тогда изобиловали «серьозныя» оперы.

Такъ и черезъ десять лѣтъ,—уже *послѣ Фигаро, послѣ Донъ-Жуана,*—онъ допустилъ всѣ тѣже нелѣпыя условія во всей ихъ ложности и противудраматичности — въ другую героическую же оперу, да еще съ перевѣсомъ виртуозности!

Какъ немузыкальность многихъ сценъ въ либретто «Свадьбы Фигаро» не отклонила его отъ этого сюжета, какъ онъ допустилъ невѣроятнѣйшую плоскость въ либретто «Cosi fan tutte», и на этотъ нелѣпый текстъ создалъ очаровательную музыку, — *точно также,* воодушевляясь богатѣйшимъ полемъ для музыки въ разныхъ сценахъ *Донъ-Жуана,* онъ и неподумалъ объ исправленіи многихъ существенныхъ недостатковъ въ цѣломъ складѣ пьесы. *

* Подробный разборъ «пятенъ» въ «Донъ-Жуанѣ», мною сдѣланный, кажется, достаточно доказываетъ, въ какой мѣрѣ *безпристрастно* рѣшеніе г. Улыбышева, (на 101 стр. III тома) что въ цѣлой партитурѣ «Донъ-Жуана» нѣтъ (будтобы) *ни одного номера,* въ кото-

Указавъ читателямъ подробно, въ чемъ именно эти недостатки «Донъ-Жуана», какъ пьесы, въ чемъ, въ этой удивительной операѣ, есть нѣкоторыя слабыя стороны самой музыки, указавъ также мѣсто, которое «Донъ-Жуанъ» занимаетъ между другими шестью операми Моцарта, и разсмотрѣвъ общій характеръ Моцартовой оперной дѣятельности, я могу приступить къ окончательному, результатному выводу моей долгой бесѣды о «Донъ-Жуанѣ».

Вся цѣль этой бесѣды была — опровергнуть слишкомъ *исключительныя*, слишкомъ *гиперболическія* похвалы, расточаемыя «Донъ-Жуану» его панегиристами.

Припомните диѳирамбы г. Улыбышева, выписанные, въ началѣ моей первой статьи.

Вотъ ихъ опроверженіе, по пунктамъ:

1) «Донъ-Жуанъ» Моцартовъ въ-самомъ-ли дѣлѣ *первѣйшее поэтическое созданіе всѣхъ народовъ и вѣковъ?*

Для того, чтобъ съ этимъ согласиться, надобно, признавъ «Донъ-Жуана», *положимъ*, за высшее чудо *музыки*, забыть, что въ каждомъ искусствѣ, въ каждой его вѣтви, есть безсмертныя произведенія, которыя въ состояніи поспорить съ высшимъ чудомъ музыки. Музы — сестры; предпочтеніе одного изящнаго искусства всѣмъ другимъ обусловливается личнымъ вкусомъ, личными способностями и стремленіями, но въ глазахъ *критики* — всѣ искусства, какъ отрасли одной поэзіи, какъ разные виды служенія одной и той же идеѣ, идеѣ красоты, — *равны* между собою. Оттого самая мысль: искать въ длинномъ ряду *всѣхъ* на свѣтѣ изящныхъ произведеній такого, которое затмило бы *всѣ прочія* — мысль до крайности странная. Къ чему такое первенство одного поэтическаго произведенія передъ *всѣми* прочими? Къ чему оно, еслибъ оно было возможно? Но и вопроса этого не слѣдуетъ дѣлать, потому-что въ наше время никто не усомнится, что такое первенство рѣшительно невообразимо («undenkbar», какъ выражаются нѣмецкіе мыслители). Если даже принять мнѣніе г. Улыбышева не такъ буквально, если предположить, что выраженіе: «la plus haute crèation, la plus etonnante merveille poetique de tous les temps et de tous les peuples» относится только къ «важности», къ «глубокости» поэтической мысли въ «Донъ-Жуанѣ», такъ-какъ въ другомъ мѣстѣ г. панегиристъ называетъ эту оперу «высшимъ и существеннѣйшимъ изъ всѣхъ поэтическихъ поученій», то и тогда странность убѣжденія не

ромъ бы «драматическая правда» была пожертвована какой-нибудь второстепенной цѣли; нѣтъ (будто-бы) рѣшительно *ничего* слабаго.»

исправляется. Такъ-какъ въ сентенціи, о которой теперь идетъ рѣчь, гдѣ смѣшаны *всѣ* искусства,—кому придетъ въ голову серьозно доказывать первенство драмъ Шекспира передъ картинами Микель-Анджело, или картинъ Тиціана передъ симфоніями Бетховена, или передъ Фаустомъ Гете?

Даже въ самомъ тѣснѣйшемъ смыслѣ нельзя отыскать правды въ этой гиперболической сентенціи панегириста. Еслибъ предположить, что она относится только къ «выдержанности, къ обдуманной оконченности» поэтическаго созданія, то мы убѣдились, кажется, достаточно, что *именно съ этой стороны* въ Моцартовомъ «Донъ-Жуанѣ» есть недостатки, и весьма существенные. Отбросимъ область «пластическихъ» искусствъ, область лиризма въ музыкѣ и словесности, чтобы держаться поэзіи «объективной». И въ этой сферѣ можно ли сравнить поэтическую выдержанность оперы «Донъ-Жуана», какъ пьесы и музыки вмѣстѣ, какъ одного цѣлаго, съ выдержанностію, обдуманностію лучшихъ драмъ Шекспира (напримѣръ «Гамлета») лучшихъ романовъ Вальтеръ-Скотта (напримѣръ «Кенильвортъ»)? съ Фаустомъ Гете? Сентенція со всѣхъ сторонъ остается жестоко-гиперболическою. Правды въ ней немного.

И такъ, кажется, спорить невозможно, что Моцартовъ «Донъ-Жуанъ» вовсе *не первѣйшее поэтическое созданіе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.*

Но для того, чтобъ придти къ этому результату, я сдѣлалъ временную уступку панегиристу; взглянемъ теперь въ какой мѣрѣ справедливъ второй пунктъ, который я допустилъ въ видѣ принятой гипотезы:

2) *Донъ-Жуанъ Моцартовъ въ-самомъ-ли-дѣлѣ вѣнецъ всего музыкальнаго искусства?*

Тутъ вопросъ самъ-по-себѣ распадается на два вопроса: 1) первѣйшій ли въ свѣтѣ композиторъ безъусловно — Моцартъ? и 2) «Донъ-Жуанъ» безъусловно *первѣйшее* ли изъ Моцартовыхъ произведеній? Обратимся, по порядку, сначала къ первому вопросу. «Лѣтописи словесности и изящныхъ искусствъ не представляютъ рѣшительно ничего подобнаго, даже приблизительно. Гдѣ *поэтъ*, первѣйшій передъ всѣми поэтами, *во всѣхъ* возможныхъ родахъ поэзіи? Гдѣ живописецъ, первѣйшій *во всѣхъ* родахъ живописи?» такъ спрашиваетъ г. Улыбышевъ (стр. 212 II тома), и разрѣшаетъ въ отношеніи поэзіи положительною *невозможностью* найти первѣйшаго поэта; въ отношеніи живописи приводитъ примѣръ Рафаэля, и замѣчаетъ (очень справедливо) что первенство этого художника условно, относится только къ такъ-

называемой исторической живописи и къ той ея школѣ, гдѣ преобладаетъ «сочиненіе» картины и рисунокъ. Я употреблю противъ г. панегириста его же собственное оружіе: «Исключительные» приверженцы того или другаго художника (les exclusifs) — говоритъ самъ г. Улыбышевъ (202 стр. II Т.) всегда рѣшаютъ дѣло очень легко, потому-что видятъ, или хотятъ видѣть только *одну сторону предмета*». Отчего же г. Улыбышевъ не приложилъ этого очень вѣрнаго замѣчанія къ себѣ самому? Онъ видитъ громадное значеніе Моцарта въ цѣломъ искусствѣ музыкальномъ, но это историческая сторона, то-есть только *одна* сторона дѣла. Отчего жъ г. панегиристъ не захотѣлъ видѣть, что если Моцартъ, по феноменальному генію своему, могъ приблизиться ко всѣмъ другимъ художникамъ въ музыкѣ, могъ почти сравняться со всѣми другими первѣйшими музыкантами, каждый по своей отрасли искусства, — то это еще вовсе не значитъ, что онъ безъусловно первый во всемъ, — въ цѣломъ *обширномъ* царствѣ музыки! Такое абсолютное первенство *одного* художника передъ всѣми прочими и здѣсь также невозможно, какъ въ области поэзіи и въ области живописи; невозможно потому, что нисколько не нужно, и не нужно потому, что невозможно. У каждаго великаго художника есть *своя* область, гдѣ онъ владычествуетъ безъ соперниковъ. Такъ было и съ Моцартомъ. Онъ писалъ все, потому-что могъ писать все, болѣе или менѣе *превосходно*; но въ инструментальной музыкѣ онъ только равенъ Гайдну и далеко *уступаетъ* Бетховену; въ церковной музыкѣ *едва ли* равенъ старымъ итальянцамъ (начиная съ Палестрины и кончая Дуранте, Лео) едва ли во всемъ равенъ Генделю и Баху. Все это можетъ быть подтверждено ясными фактическими доводами. Зато въ операхъ у него соперникъ только Глукъ, и то съ одной патетической стороны. Въ оперномъ дѣлѣ, вообще, какъ уже было сказано, пальма первенства на сторонѣ Моцарта. Здѣсь полное его владычество—такое же необъятное, какъ міръ драматической поэзіи, доставшійся въ удѣлъ Шекспиру. Первому въ свѣтѣ оперному писателю было необходимо свободно владѣть всѣми стилями, всѣми формами музыки (être rompu à tous les styles). Вотъ для чего Моцарту, какъ другому великому объективисту, Гёте— былъ прирожденъ этотъ ни съ чѣмъ несравнимый даръ протеевской измѣнчивости въ искусствѣ, эта способность быть въ одномъ и томъ же произведеніи, или попеременно въ разныхъ, поэтомъ религіознымъ, поэтомъ трагическимъ, комикомъ, эпикомъ, лирикомъ, вакхическимъ, анакреонтическимъ поэтомъ, и т. д. И такъ Моцартъ не первѣйшій композиторъ въ *цѣлой* области музыки (какъ его постоянно вели-

чаетъ г. Улыбышевъ*, но *первый*, и почти безъ соперниковъ въ дѣлѣ музыки сценической, оперной, *въ музыкальной драмѣ вообще*, въ томъ видѣ, какъ она должна быть, то-есть, не исключительно ни трагедій лирической, ни комической музыкой, а и *тѣмъ* и *другимъ*, смотря по даннымъ сюжета.

Теперь остается вторая половина вопроса, которую можно поставить отдѣльнымъ пунктомъ:

3) *Донъ-Жуанъ въ-самомъ-ли-дѣлѣ первѣйшее изъ произведеній Моцарта и, слѣдовательно, первѣйшая опера на свѣтѣ?*

Мы видѣли, что изъ числа семи оперъ Моцарта далеко не всѣ сохранились на современныхъ намъ сценахъ. «Идоменей» и «Титъ» рѣшительно исчезли изъ репертуара, какъ устарѣлыя героическія оперы, очень антипатичныя нынѣшней публикѣ. Такова судьба всѣхъ произведеній «условныхъ», ложныхъ по своей основѣ. «Cosi fan tutte» не удержалась на сценѣ до нашего времени, не столько по устарѣлости нѣкоторыхъ арій, какъ по крайней пошлости текста. «Похищеніе» дается еще на нѣмецкихъ сценахъ изрѣдка, вѣроятно также по нѣкоторой устарѣлости всего склада оперы, хотя музыка восхитительна и свѣжа, какъ при жизни Моцарта (исключая виртуозныхъ арій Констанцы), да и самое либретто толково и довольно выгодно для сцены.

Для *современныхъ* произведеній судъ публики и мѣсто въ репертуарѣ не имѣютъ большой важности въ отношеніи критической оцѣнки произведенія. Но въ отношеніи Моцартовыхъ оперъ мы — потомство, и уже не самое близкое—третіе поколѣніе). Значитъ, теперь уже довольно явственно обозначилось въ глазахъ критики, что въ числѣ *семи* оперъ Моцарта только три составляютъ вполнѣ образцовыя, выдержанныя произведенія, только въ трехъ перевѣсъ элемента «непреходящаго» такъ силенъ, что время какъ-будто безсильно надъ этими операми: я разумѣю *Свадьбу Фигаро*, *Донъ-Жуана* и *Волшебную флейту*. Рѣшить вопросъ о первенствѣ между этими *тремя первѣйшими операми въ свѣтѣ* больше, нежели трудно, почти *невозможно*. Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Между «Донъ-Жуаномъ» и «Фигаро» еще возможно сравненіе, потому-что они принадлежатъ къ одной и той же группѣ, и, какъ я замѣчалъ, въ нихъ много родственности въ стилѣ музыки. Въ «Волшебной флейтѣ», напротивъ того, *всѣ* формы совершенно особенныя, новыя, вызванныя высшею драматическою правдою: новые пріемы въ фактурѣ собственно музыкальной, совершенно новая оркестровка, нисколько не похожая на другія Моцартовы оперы, новый

* Сравните стр. 214 II тома.

складъ всего цѣлаго, новая поэзія! Я говорилъ, что въ этой операѣ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ промаховъ, которые составляютъ замѣтныя пятна въ «Донъ-Жуанѣ. Вся опера выдержана вполнѣ — также выдержана, также безъукоризненна, какъ, напримѣръ, симфоніи Бетховена, при разборѣ которыхъ дѣло критики только опредѣлить характеръ, значеніе, сравнительную важность общей мысли, въ каждой симфоніи; но порицать въ нихъ нечего. Это — *полныя* чудеса искусства. Такова и *Волшебная флейта*, какъ мнѣ придется, при случаѣ, доказать во всей подробности.

«Донъ-Жуанъ» значительно выше «Фигаро» разнообразіемъ, богатствомъ сюжета, вызвавшимъ большія богатства и въ музыкѣ. «Волшебная флейта» открываетъ новый міръ, новыя роскошныя чудеса, которыхъ и тѣни нѣтъ ни въ «Фигаро», ни въ «Донъ-Жуанѣ». Съ чисто поэтической стороны сюжетъ «Волшебной флейты» не только не безтолково пошлъ, какимъ покажется, если смотрѣть только на букву текста, но весьма счастливъ для собственно музыкальной поэзіи, и заключаетъ въ себѣ много психологической правды, много идей, даже глубокихъ.

Со многихъ сторонъ, *Волшебная флейта*, на вѣсахъ строжайшей высшей критики, перетянетъ даже *Донъ-Жуана*. Но это еще не значитъ, чтобъ можно было рѣшительно сказать, что «Волшебная флейта» лучшая въ свѣтѣ опера. Каждая изъ Моцартовыхъ шести оперъ, то-есть не считая «Тита», но не исключая ни «Entführung», ни «Cosi fan tutte», ни даже «Идоменея» (въ которыхъ, во всѣхъ, есть безсмертныя мѣста), каждая изъ *шести* оперъ заключаетъ въ себѣ неисчерпаемые родники правды и красоты, изъ которыхъ никогда не перестанутъ черпать всѣ жаждущіе правды и красоты въ музыкѣ. Зачѣмъ же исключительное предпочтеніе одной операѣ передъ всѣми остальными? Такое предпочтеніе всегда также односторонне, какъ сентенція одного музыкальнаго критика, который желалъ во что бы то ни стало отыскать въ дѣятельности Бетховена *одно* произведеніе самое важное, самое оконченное и выдержанное, и остановилъ свой выборъ на Пасторальной Симфоніи! Вы съ этимъ не согласитесь; вы признаете, что такое особенно изящное созданіе Бетховена (l'ouvrage de Beethoven le plus hors deligne) вовсе не пасторальная, а, напримѣръ C moll-ная симфонія, а я, въ свою очередь, за самую высшую изъ всѣхъ симфоній въ свѣтѣ — признаю *послѣднюю*, съ хоромъ, на оду Шиллера. Между-тѣмъ, рѣшительно независимо отъ нашихъ съ вами убѣжденій, *всѣ девять* Бетховенскихъ симфоній не перестанутъ быть высшими чудесами симфонической музыки, *каждая въ своемъ родѣ*, то-есть, въ прямой зависи-

мости отъ *своей* поэтической задачи. Точно такъ и съ операми Моцарта.

Говоря гдѣ-то объ условіяхъ для исполненія какъ слѣдуетъ роли Донъ-Анны, фанатическій панегиристъ Моцарта находитъ, что исполнительница, *достойная* этой роли, должна быть: «первѣйшая въ свѣтѣ» красавица, «первѣйшая въ свѣтѣ» трагическая актриса и «первѣйшая въ свѣтѣ» пѣвица. По моему мнѣнію (вѣроятно, и по вашему), для *самаго идеальнаго* исполненія этой роли очень достаточно, чтобъ исполнительница была *превосходная* виртуозка, *превосходная* актриса и *очень красивая* женщина — первѣйшаго въ свѣтѣ совсѣмъ ненужно. Для чего эта страшная гипербола въ каждомъ требованіи? Что она прибавляетъ къ достоинству роли Доны-Анны? Для чего *такая* манера хвалить?

Точно такимъ-образомъ, Донъ-Жуанъ не «первѣйшее» поэтическое созданіе въ свѣтѣ, но «одно» изъ первыхъ, не вѣнецъ всей музыки, но *одно* изъ высшихъ чудесъ музыкальнаго искусства, не самая первая въ свѣтѣ опера, будто-бы безъ сравненія превышающая все, что было и даже «что будетъ» на оперной сценѣ,— но одна изъ трехъ самыхъ лучшихъ оперъ Моцарта, и, значитъ, *одна* изъ первѣйшихъ оперъ въ свѣтѣ.

Мнѣ кажется, что въ этомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности въ «преувеличеніи похвалъ». Дѣло слишкомъ сильно само за себя говоритъ для каждаго, въ комъ есть сочувствіе къ художественной правдѣ и къ высшей музыкальной красотѣ.

Я долго останавливался на слабыхъ сторонахъ этой безсмертной партитуры, останавливался, какъ я объяснялъ, только по необходимости. Всѣ недостатки «Донъ-Жуана», мною указанные, дѣйствительно больше ничего, какъ пятна въ солнцѣ,—такъ ярко сіяютъ красоты этой оперы. Это одинъ изъ самыхъ блестящихъ алмазовъ въ Моцартовой діадемѣ, и, какъ мы видѣли, на оперной сценѣ съ «Донъ-Жуаномъ» до-сихъ-поръ *ничто* не можетъ соперничать, кромѣ другихъ Моцартовыхъ же оперъ.

Даже самыя замѣтныя пятна во всѣхъ его операхъ (кромѣ «Волшебной флейты») очень смягчаются, сглаживаются, *извиняются* (какъ я уже говорилъ) если представить себѣ живо отношеніе Моцарта къ его современникамъ, къ его реальной жизни. Вотъ что Брендель говоритъ по этому случаю:

«Что въ Моцартѣ было сознаніе «уступокъ», сдѣланныхъ имъ модному музыкальному вкусу, это доказываютъ послѣднія слова его на смертномъ одрѣ («Я умираю теперь! когда въ состояніи писать, слушаясь только одного своего вдохновенія, не повинуясь ни *моды* и *ни-*

какимъ внѣшнимъ разсчетамъ!) Уступки виртуозамъ, уступки модѣ были въ его жизни необходимы, чтобъ его музыку «хоть сколько-нибудь слушали». Онъ могъ бы безъ малѣйшаго труда сдѣлаться любимцемъ толпы, но онъ этого *не* сдѣлалъ. Музыкальное образованіе въ публикѣ было въ его время еще на такой низкой степени, весь взглядъ на искусство еще такъ мало развитъ, что въ публикѣ не было *органа* для наслажденія такими созданіями искусства, которыя не служили никакимъ «внѣшнимъ» цѣлямъ. Надо сказать, что *даже и теперь* все это не многимъ лучше тогдашняго. Именно въ области оперы и въ наше время еще ни одному художнику не удавалось имѣть въ виду только высшія цѣли самаго искусства. Опера и до-сихъ-поръ *платитъ слишкомъ сильную дань* пошлому вкусу толпы».

Холодноватость впечатлѣнія отъ цѣлаго оперы «Донъ-Жуанъ» объяснена мною достаточно подробно. Но должно замѣтить еще, что эта холодноватость именно оттого особенно-чувствительна для насъ, что мы слишкомъ предубѣждены въ *пользу* оперы, настроены на слишкомъ высокій ладъ чрезмѣрными восхваленіями и фантастическими комментаріями. Нельзя требовать отъ художника — невозможности. Любуясь безсмертными красотами «Донъ-Жуана», не надобно забывать *совершенно*, что опера эта писана въ 1787, что въ шестдесятъ лѣтъ много воды утекло! Не столько оперная музыка сама измѣнилась, или подвинулась въ это время, сколько выработался въ насъ взглядъ на сценическое искусство вообще: требованія отъ музыкальной драмы во многомъ стали иныя, и невозможно ожидать, чтобы подъ требованія нашего «нынѣшняго идеала» (если еще не ясно сознаваемаго, то инстинктивно предчувствуемаго даже массой) не можетъ «совершенно подойти» произведеніе, писанное для нашихъ дѣдовъ. Другой вѣкъ—другіе нравы, а нравы очень ясно отражаются и въ поэзіи, и въ пластическихъ искусствахъ, и на сценахъ драматическихъ и оперныхъ, и въ направленіи, въ идеалѣ музыки.

Въ чемъ именно состоятъ и въ какой мѣрѣ основательны нынѣшнія требованія оперная идеала — это вопросъ очень серьезный, разрѣшенію котораго конечно не мѣсто въ концѣ длинной статьи.

Вотъ, однако, сужденіе о современномъ направленіи искусства, которое я заимствую у одной изъ первѣйшихъ литературныхъ знаменитостей нашего времени:

«Музыка инструментальная и вокальная, искусство актера и пѣвца достигли, какъ и все прочее въ области изящнаго, до *расточительности въ средствахъ*, которая съ самаго начала пьесы притупляетъ впечатлительность публики и ослабляетъ эффектъ цѣлаго произведенія.

Въ каждой нынѣшней операѣ авторъ текста, композиторъ, исполнители, зная заранѣе, что они имѣютъ дѣло съ публикой, которая, какъ Людовикъ XIV, не любитъ «дожидаться», спѣшатъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, съ первыхъ же сценъ «захватить» зрителя, и часто въ этомъ успѣваютъ, потому-что ушли довольно далеко въ этомъ искусствѣ захватыванья.

«Не такъ работали прежніе художники. Они и не думали *поражать, удивлять*; напротивъ они какъ-будто этого «избѣгаютъ». Они возьмутъ дѣйствительность, реальную, вседневную жизнь, *какъ она имъ попалась подъ руку*, и пересоздаютъ, идеализируютъ ее («возводятъ въ перлъ созданія», по выраженью нашего Гоголя), пересоздаютъ какъ-будто сами объ этомъ не заботясь. Довольно, кажется, чтобъ вседневная жизнь на минуту отразилась въ ихъ поэтической мысли, какъ въ зеркалѣ, чтобы получить безсмертное существованіе въ искусствѣ *».

Точно таковъ «Донъ-Жуанъ», какъ и все лучшее у Моцарта. Моцартъ, въ этомъ отношеніи, полный представитель прежней, для насъ почти исчезнувшей «наивности» творческаго дѣла.

Высокая мудрость простоты, которая у него видна въ каждой строчкѣ, которою проникнуты всѣ его оперы, право слишкомъ явно обличаетъ односторонность «толкователей», которые хотятъ отыскать въ музыкѣ Моцартовой что-то большее, нежели что намъ говоритъ Моцартъ; въ его свѣтлой, ясной, пластической музыкѣ видятъ какіе-то темные романтическіе намёки, разныя психологическія тонкости и сантиментальныя ухищренія, какія-то скрытыя, таинственныя цѣли, отъ которыхъ *каждый* истинный художникъ, а тѣмъ болѣе *такой геній*, какъ Моцартъ, также неизмѣримо далекъ, какъ господа романтическіе толкователи бываютъ иногда далеки отъ пониманья истинныхъ тайнъ и законовъ художественной дѣятельности.

А. СѢРОВЪ.

---

* *G. Sand.* Préface de werther.

II.

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БРЯНСКІЙ.

(Біографическій очеркъ.)

—

Въ исторіи театра, какъ въ исторіи литературы, бываютъ года тяжелые, отмѣченные пустотою, непроизводительностью, застоемъ, или смертью лица, дававшаго жизнь литературѣ или театру. Такимъ годомъ для нашей сцены былъ конечно истекшій театральный сезонъ 1852—1853 года. Мы лишились въ короткое время трехъ главныхъ опоръ русской сцены, изъ которыхъ двое уже никогда не вернутся на нее, а третья возвратится ли когда-нибудь на поприще, гдѣ ее ждала блестящая извѣстность? Не легко привыкнуть къ сценѣ, но отвыкнуть отъ нея легко. Публика скоро забываетъ тѣхъ, кто ее покидаетъ — и она права въ этомъ случаѣ.

Двое недавно умершихъ артистовъ почти въ одно время начали свое сценическое поприще, были одно время соперниками по ролямъ, потомъ играли почти всегда вмѣстѣ, въ однѣхъ пьесахъ, въ-теченіе болѣе четверти столѣтія, — и наконецъ сошли въ могилу одинъ вслѣдъ за другимъ. Публика, привыкнувъ видѣть ихъ вмѣстѣ на сценѣ, долгое время не раздѣляла двухъ этихъ именъ: Каратыгинъ и Брянскій! Сфера дѣятельности перваго была обширнѣе, дарованіе разнообразнѣе, репертуаръ богаче, но амплуа ихъ часто сходились, отчетливость въ обдумываніи и исполненіи ролей была одинакова; оба они наконецъ, покорившись, въ концѣ своего сценическаго поприща, господствующему вкусу публики и современной теоріи драматическаго искусства, были въ тоже время послѣдними представителями старинной школы, называемой несовсѣмъ правильно-классическою. Роль, занимаемая этими артистами въ исторіи театра—очень важна; вліяніе на драматическую литературу замѣчательно. Послѣднее мнѣніе можетъ показаться парадоксомъ. Бо́льшею частью писатель имѣетъ вліяніе на актера, а не актеръ на писателя. Таково, по-крайней-мѣрѣ, общепринятое убѣжденіе. Въ теоріи оно дѣйствительно такъ и быть должно, но на практикѣ не всегда такъ случается. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, теорія въ разладѣ съ жизнью, съ опытомъ. Мы знаемъ очень немного произведеній, создавшихъ великихъ актеровъ, и напротивъ знаемъ много актеровъ, для которыхъ создавались великія, — по своему времени, —произведенія. Драматическій писатель въ этомъ случаѣ подчиненъ актеру. Врядъ-ли кто рѣшится написать хорошую, серьозную пьесу, если знаетъ заранѣе, что ее некому сыграть. А сколько слабыхъ произведеній именно потому только и имѣли огромный успѣхъ въ свое время, что были превосходно исполнены, и, что́ еще чаще случается, потому-что были писаны именно для извѣстныхъ актеровъ. Такъ называемый классицизмъ потому долго и господствовалъ на сценѣ, что при исполненіи пьесъ такого рода главнымъ условіемъ было хорошее чтеніе стиховъ и что всѣ человѣческія страсти и характеры въ подобныхъ пьесахъ подводились подъ одинъ условный уровень, выражались въ одинаковой формѣ. Скажемъ болѣе: для исполненія такихъ пьесъ не требовалось отъ артиста особеннаго дарованія, да онъ и не могъ выказать его, скованный этими условіями и единствами. Если же являлся въ классическихъ роляхъ геніальный артистъ — онъ становился всегда выше своей роли, и нравился публикѣ оттого, что являлся въ ея глазахъ человѣкомъ, а не героемъ. Когда Тальма игралъ Ореста, Пирра, Магомета — восхищались Тальмою, а не Орестомъ, Пирромъ, Магометомъ. Когда Ра-

шель воскресила Федру, Андромаху, Ифигенію, удивлялись Рашели и тому именно, что она могла одушевить эти прекрасныя, но все-таки холодныя статуи, въ которыхъ до-тѣхъ-поръ видѣли только одну пластическую форму и которыя впервые явились женщинами, сошли со своихъ недосягаемыхъ пьедесталовъ, заговорили языкомъ простыхъ смертныхъ, подъ вдохновенною, энергическою дикціею страстной еврейки. Въ вѣкъ пудры и мушекъ пьесы были только рамами, въ которыхъ хорошенькія актрисы выказывали публикѣ всѣ свои достоинства. А сколько бульварныхъ мелодрамъ въ наше время имѣли громадный успѣхъ только потому, что главную роль въ нихъ игралъ Фредерикъ Леметръ. Кому изъ насъ не случалось слышать, что часть зрителей ходила въ александринскій театръ для того, чтобы *смотрѣть Каратыгина*, а вовсе не драмы, въ которыхъ онъ игралъ.

И между-тѣмъ, какъ трудно артисту образовать себя, приготовить къ отчетливому исполненію ролей! Хорошо, если у него есть передъ глазами образцы, которые онъ можетъ, по-крайней-мѣрѣ, изучать, сравнивать. Изъ книгъ онъ ничему не научится. Что можетъ передать актеру книга? Восторгъ современниковъ, похвалу игрѣ актера; въ рѣдкихъ мѣстахъ можетъ онъ встрѣтить указаніе, что такой-то стихъ, такое-то мѣсто было произнесено особенно хорошо; — но какимъ образомъ именно? — это навсегда потеряно для потомства. Современная наука не нашла еще средствъ положить на ноты измѣненія звука голоса, степень силы или нѣжности, интонацію произношенія извѣстныхъ словъ. Мы не думаемъ даже, чтобы это къ чему-нибудь послужило, еслибы и было возможно. Истинный артистъ не всегда одинаково играетъ одну и туже роль; если онъ долженъ тщательно обдумать общее значеніе ея, придать ей главный, опредѣленный характеръ —то въ частностяхъ, въ подробностяхъ этой роли онъ можетъ даже каждый разъ находить новые оттѣнки, выражать ихъ не одинаковымъ образомъ, — и въ этихъ-то случаяхъ мы допускаемъ въ артистѣ преобладаніе вдохновенія, натуры. Въ общихъ же чертахъ роли—актеромъ непремѣнно должно руководить искусство. Сцена не жизнь; драматическія положенія все-таки условны, подчинены необходимымъ правиламъ. Актеръ не долженъ ни на минуту забывать, что на него устремлены глаза тысячи зрителей, что одинъ неловкій жестъ, неграціозная поза могутъ нарушить эфектъ всей сцены. Если въ жизни, при постороннихъ, человѣкъ не позволяетъ себѣ предаваться безгранично, безсознательно, ни сильному горю, ни радости, ни одной изъ тѣхъ страстей, которыя выводятъ человѣка изъ его обыкно-

веннаго положенія, — то какъ же допустить увлеченіе въ актерѣ, который принимаетъ на себя только роль человѣка, волнуемаго страстями? Подобные порывы доказываютъ, конечно, что въ актерѣ много чувства, но они вредятъ сценической иллюзіи, законамъ пластической мимики, которыхъ никогда не должно забывать. Герой можетъ приходить въ отчаяніе, но изъ этого не слѣдуетъ ему сбивать шлемы у своихъ наперсниковъ, обнимая ихъ, наступать на мозоли героинямъ, сжимать имъ руки до вывиху костей, въ минуты пламеннаго признанія, или, наконецъ, заколоть злодѣя, хотя и деревяннымъ кинжаломъ, но такъ, что у несчастнаго духъ захватитъ, и потомъ будетъ три недѣли болѣть бокъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій и великій человѣкъ, да зачѣмъ же стулья-то ломать?

Брянскій никогда не увлекался подобнымъ образомъ. Его игра, всегда ровная, спокойная, обдуманная, въ минуты сильныхъ порывовъ страсти выражалась не неловкими жестами, а интонаціей голоса, измѣненіемъ лица. Онъ держалъ себя на сценѣ всегда прилично и благородно. Поэтому-то, можетъ-быть, иные приверженцы выраженія сильныхъ ощущеній на сценѣ—находили его игру холодною, разсчитанною. Признаемся, что мы предпочитаемъ излишнюю обдуманность излишнему увлеченію, и не принадлежимъ къ тому классу зрителей, который не можетъ представить себѣ выраженія страсти безъ ломанія рукъ и закатыванія глазъ подъ лобъ. Конечно и подобные актеры многими почитаются геніальными, какъ говорится въ одномъ водевильномъ куплетѣ:

Иной герой трагическій
Удавленнымъ реветъ,
А въ труппѣ драматической
За генія слыветъ, —

но мы сознаемся, что не понимаемъ искусства безъ пластики, приличія и граціи, или, по-крайней-мѣрѣ, безъ картинности. Въ балетѣ танцорка должна каждую минуту держать себя такъ, чтобы ее было можно срисовать; въ трагедіи герой долженъ держаться такъ, чтобы по немъ можно было изваять статую; даже въ комедіи—актеръ не долженъ допускать ни одного жеста, ни одного движенія, сколько-нибудь тривіальнаго, рѣзкаго, неловкаго, кромѣ тѣхъ ролей, которыя по самой концепціи должны изображать лица неловкія или тривіальныя.

Повторяемъ еще разъ, что Брянскій постоянно соблюдалъ эти усло

вія, и это было отличительнымъ качествомъ его игры. Мы не пишемъ подробной біографіи этого замѣчательнаго артиста; матеріалы для нея еще не всѣ собраны; смерть его еще слишкомъ близка къ намъ. Мы хотимъ только сохранить для читателей главныя черты его сценической дѣятельности, особенности его игры, оставить объ немъ хоть нѣсколько строкъ, которыя могли бы служить пособіемъ для будущаго историка нашего театра. Зная, какъ трудно собирать біографическіе матеріалы, мы постараемся оживить хотя нѣкоторыя стороны долголѣтняго служенія этого артиста. Утрата его еще очень свѣжа въ памяти тѣхъ лицъ, которыя могли бы сообщить объ немъ болѣе полныя свѣдѣнія. Постараемся разсказать, по-крайней-мѣрѣ, то, что мы знаемъ сами и успѣли узнать отъ лицъ, помнившихъ Брянскаго еще въ началѣ его поприща. Печатныхъ біографій его — мы не знаемъ ни одной. Самъ онъ очень мало заботился о своей извѣстности. Даже портретовъ его, въ-теченіе болѣе чѣмъ тридцатилѣтней службы его при театрѣ — мы знаемъ только два, — и одинъ изъ нихъ, самый схожій, представили читателямъ при апрѣльской книгѣ нашего журнала.

Въ то время, когда русская драматическая труппа, въ главѣ которой былъ знаменитый Яковлевъ, господствовала на нашей сценѣ, князь Шаховской составилъ изъ воспитанниковъ театральнаго училища другую молодую труппу, въ которой приготовлялись и образовывались будущіе извѣстные русскіе актеры и актрисы. Эта труппа играла на кушелевскомъ театрѣ, — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Главный Штабъ. Этотъ домъ былъ маленькимъ пале-ройялемъ своего времени: въ немъ были прекрасные магазины, богатые рестораны и кондитерскія, давались маскарады и балы. Домъ этотъ нанимался театральною дирекціею для нѣмецкой труппы. Но какъ по вторникамъ и пятницамъ нѣмцы не играли, то въ эти дни князь Шаховской заставлялъ свою молодую труппу давать русскіе спектакли. Цѣны на этомъ театрѣ были очень дешевы. Кресла стоили тогда рубль пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями. Ложа перваго яруса десять рублей ассигнаціями. Во-время нѣмецкихъ представленій дамы въ ложахъ вязали чулки, — а въ антрактахъ пили кофе. Спектакли начинались ровно въ шесть часовъ, а кончались въ девять.

Въ эту труппу вступилъ и Брянскій. Онъ назначалъ себя первоначально въ гражданскую службу, но страсть къ театру и его, какъ многихъ знаменитыхъ артистовъ, не хотѣвшихъ или не умѣвшихъ противиться своему призванію, — увлекла на это пріятное, но вмѣстѣ съ

тѣмъ и скользкое поприще. Перемѣнивъ свою фамилію (Григорьевъ) на Брянскаго, молодой артистъ несовсѣмъ смѣло вышелъ на сцену. Ему было тогда лѣтъ девятнадцать. Одна изъ первыхъ ролей его была «Видостанъ» въ Русалкѣ. Въ этой труппѣ первою любовницею была Ширяева. Брянскій и Ширяева играли всегда первыя роли во всѣхъ пьесахъ. По этому случаю долго была при театрѣ поговорка: у «меня въ глазахъ двое Брянскихъ и двѣ Ширяевы!» Первый сказалъ эту фразу извѣстный трагическій актеръ того времени, который зашелъ въ этотъ спектакль довольно веселый. «Что это значитъ! вскричалъ онъ во-время представленія: я вижу на сценѣ двухъ Брянскихъ и двухъ Ширяевыхъ!» Эта Ширяева сдѣлалась въ-послѣдствіи супругою Яковлева.

Кромѣ-того, молодыхъ любовницъ съ успѣхомъ играла тогда Ласси. Комиками труппы были: Рамазановъ, Боченковъ, Лихутинъ, Величкинъ, Пальниковъ. Всѣ эти лица вышли изъ театральной школы, и въ-послѣдствіи достигли значительной извѣстности. Но въ этой труппѣ не было молодыхъ любовниковъ. Это дѣйствительно довольно странный фактъ: училище, изъ котораго вышло столько знаменитыхъ актрисъ, актеровъ и танцовщицъ, — не дало ни одного актера на роли первыхъ молодыхъ любовниковъ. Брянскій понравился своимъ чтеніемъ и дикціею князю Шаховскому, который принялъ его въ молодую труппу, — сначала на триста рублей ассигнаціями жалованья.

Тогда оклады актеровъ вообще были весьма не значительны. Первый актеръ Яковлевъ получалъ двѣ тысячи пять сотъ рублей ассигнаціями, — и когда въ 1814 году, при главномъ директорѣ, оберъ-камергерѣ А. Л. Нарышкинѣ и вице-директорѣ князѣ П. И. Тюфякинѣ, жалованье первыхъ персонажей возвысили до четырехъ тысячъ рублей ассигнаціями, — всѣ почитали это величайшимъ счастіемъ для благосостоянія артистовъ. Еслибы тогдашніе актеры могли предвидѣть, сколько будутъ получать знаменитости нашего времени!

Года два прозябалъ Брянскій въ этой молодой труппѣ, играя самыя незначительныя пьесы, какъ напримѣръ: «Два охотника», «Русалку», «Глухой или полный трактиръ» и тому подобныя. Но мало-по-малу перешелъ онъ въ спектакли большой труппы, гдѣ главнымъ персонажемъ былъ Яковлевъ въ трагедіяхъ и драмахъ; въ комедіяхъ игралъ первыхъ любовниковъ Биркинъ, а франтовъ—Каратыгинъ (отецъ нашего извѣстнаго трагика.)

Князь Шаховской написалъ тогда одну изъ лучшихъ своихъ коме

дій «Полубарскія затѣи». Брянскій игралъ въ ней самую невидную роль любовника. И однако же это былъ первый шагъ его на настоящемъ артистическомъ поприщѣ. Тогда мало обращали вниманія на комедію. Всякій хотѣлъ видѣть трагедію, сочинять трагедіи, играть въ трагедіи. Естественный и близкій къ природѣ языкъ комедій былъ въ неуваженіи. Всѣ декламировали стихи изъ оды, или изъ трагедіи. Всѣ требовали высокаго слога. Горе тому, кто осмѣлился бы употребить въ стихахъ глаголъ *видѣть*; надобно было непремѣнно сказать —*зрѣть;* ни у кого не было глазъ и рта, у всѣхъ *очи* и *уста; грудь* превратилась тогда въ *перси;* нельзя было *говорить*, — надо было *вѣщать;* рука была *длань*; сказать *принимаю* было бы тривіально, говорили *пріемлю*, и не золото, не серебро, а *злато* и *сребро*. Любопытно было бы для исторіи нашей литературы составить лексиконъ словъ, которыхъ требовалъ нѣкогда высокій слогъ.

Слѣдуя всеобщему увлеченію, Брянскому страхъ какъ хотѣлось попасть въ трагедію, но князь Шаховской, какъ наставникъ его и начальникъ, прочилъ его для комедіи.

Липецкія воды, первая комедія въ стихахъ князя Шаховскаго, рѣшила участь Брянскаго. Онъ игралъ въ ней ролъ перваго любовника,— и хотя она не очень рельефна, но еще въ первый разъ являлся на русской сценѣ такой прекрасный любовникъ. Съ этихъ поръ Брянскій сдѣлался необходимымъ лицомъ всякой пьесы князя Шаховскаго, который, наконецъ, уступилъ настоятельнымъ просьбамъ молодаго артиста и далъ ему роль въ трагедіи, куда рвалась художническая душа Брянскаго.

Въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ ничего неблагодарнѣе амплуа любовниковъ. Вѣчныя фразы объ одномъ и томъ же, жалобы, стоны, преклоненіе колѣнъ, объятія, восторгъ. Что можетъ сдѣлать изъ такого приторнаго положенія артистъ, чувствующій въ груди какую-нибудь искру художническаго огня?

Князь Шаховскій написалъ для Брянскаго трагедію *Абуфаръ* (переводъ съ французскаго). Брянскій и Семенова играли въ ней главныя роли. Пьеса имѣла большой успѣхъ, и Брянскій въ первый разъ насладился торжествомъ трагическаго актера. Онъ обнаружилъ въ этой трагедіи много души и естественности, чего не видали до-тѣхъ-поръ въ трагедіяхъ. Только школа старинныхъ, неумолимыхъ классиковъ возстала на него за то, что онъ слишкомъ мало распѣвалъ стихи, и унижалъ ихъ въ чтеніи своемъ почти до прозы. Самъ князь Шаховской

не могъ явно противорѣчить этимъ требованіямъ и сообщилъ ихъ своему любимцу. Но тутъ едва-ли не въ первый разъ встрѣтилъ онъ сильное сопротивленіе со стороны своего ученика. Брянскій чувствовалъ всю неестественность *распѣванія* ролей, и думалъ, хорошимъ, вѣрнымъ чтеніемъ и истинною игрою побѣдить вѣковые предразсудки, перешедшіе къ намъ отъ французовъ и ихъ псевдо-классической трагедіи. Но подвигъ Брянскаго былъ слишкомъ смѣлъ для своего времени. Никто тогда не рѣшался противиться уставамъ французской школы. Все высшее общество, дѣятельно занимавшееся успѣхами литературы и театра, держало сторону классицизма, и всякое отступленіе отъ его правилъ почиталось дурнымъ вкусомъ, тривіальностію. Князь Шаховскій, принадлежавшій къ этому кругу и написавшій уже тогда: *Полубарскія затѣи, Ссора, или два сосѣда* и другія прекрасныя пьесы, не прежде сталъ считаться въ немъ писателемъ, какъ поставивъ на сцену свои *Липецкія воды*, комедію, написанную александрійскими стихами, когда перевелъ *Абуфара, Китайскую сироту*, написалъ *Пустодомы*. Но всѣ его истинно замѣчательныя и національныя пьесы: *Полубарскія затѣи, Двумужница, Ломоносовъ, Встрѣча незванныхъ, Ссора, или два сосѣда*, почитались тогда шалостью умнаго человѣка, романтизмомъ слишкомъ плодовитаго писателя.

Князь Шаховской, въ своемъ домашнемъ кругу (а всѣ ученики составляли его семью) смѣялся надъ педантизмомъ классиковъ, но совѣтовалъ однако-же всѣмъ своимъ ученикамъ не идти наперекоръ всеобщему вкусу. Всѣ повиновались, кромѣ Брянскаго. Онъ остался постоянно вѣренъ своей естественной методѣ чтенія, и это много повредило ему. Классики назвали его *холоднымъ* актеромъ за то, что онъ не хотѣлъ становиться на ходули.

Могъ-ли предвидѣть самъ Брянскій, что лѣтъ черезъ двадцать, нѣкоторая часть публики станетъ упрекать его уже совершенно въ противоположномъ недостаткѣ, въ томъ, что онъ слишкомъ много декламируетъ въ чтеніи ролей, растягиваетъ фразы, почти поетъ. Какъ съ-тѣхъ-поръ измѣнился вкусъ публики! За вѣкомъ классицизма наступилъ вѣкъ романтизма, мѣщанской драмы, преувеличенныхъ страстей. Изъ одной крайности перешли въ другую. Герой трагедіи былъ автоматомъ, герой драмы сдѣлался эпилептикомъ. Изъ напыщенности впали въ тривіальность; изъ александрійскихъ стиховъ вышла рубленая проза; прежде стихи пѣлись, теперь ихъ стали читать и писать такъ, что даже привычному уху не отличить ихъ отъ прозы. Немудрено, что Брянскій,

по своему рожденію и воспитанію все-таки принадлежащій къ школѣ классицизма, сохранилъ до конца жизни отпечатокъ своихъ первыхъ уроковъ, первыхъ дебютовъ. На сценѣ еще труднѣе, чѣмъ въ жизни, забыть свои первыя привычки...

Вторымъ трагическимъ торжествомъ Брянскаго была трагедія—*Китайская сирота*, Вольтера. Молодой артистъ явился въ ней полнымъ художникомъ, съ рельефно-очерченымъ и выдержаннымъ характеромъ главнаго лица.

Въ это время умеръ знаменитый Яковлевъ, и русская трагедія лишилась главной своей опоры. Мудрено было послѣ всеобщей любви къ этому актеру занять его роли, и однако же Брянскій рѣшился на это. И странное дѣло! самыя сильныя и блистательныя роли Яковлева, въ которыхъ, казалось, никто его не замѣнитъ, а именно: *Іодай* въ Гоѳоліи и *Отелло* (Дюсиса), сыграны были Брянскимъ такъ хорошо, что всеобщая любовь публики назвала его достойнымъ преемникомъ Яковлева. Три года игралъ онъ со славою эти роли.

Вдругъ, въ 1820 году явился В. А. Каратыгинъ въ *Фингалѣ*, и увлекъ всѣхъ замѣчательною игрою и дарованіемъ. Не будемъ дѣлать сравненій между этими артистами. Скажемъ только, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ счастливымъ соперникомъ, Брянскій занялъ въ драмахъ старшія роли, или какъ на техническомъ театральномъ языкѣ назывались вторыя роли: отцовъ, и серьозныя роли (резонеровъ) въ комедіяхъ.

Много и на этомъ амплуа было у него блестящихъ ролей. Мы помнимъ превосходное исполненіе *Филиппа* въ «Донъ-Карлосѣ» Шиллера, *Христіерна* въ «Іоаннѣ Финляндскомъ», *Яго* въ Отелло Шекспира, *Кизляръ Аги* въ «Роксоланѣ», *Франца Мора*, въ «Разбойникахъ», *Миллера* въ «Коварство и любовь», *Эдипа* въ «Эдипъ въ Аѳинахъ», *Старна* въ «Фингалѣ», *Минина* въ драмѣ «Рука Всевышняго Отечество спасла» *Шуйскаго* въ «Князѣ Скопинѣ-Шуйскомъ» и въ «Еленѣ Глинской», *Шейлока*, въ «Венеціанскомъ купцѣ», *Вагнера* въ драмѣ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», *Боярина Кручины Шалонскаго* въ «Юріѣ Милославскомъ», *Цедрика* въ «Ивангое», *Вальтера* въ драмѣ «Тереза или Женевская сирота», *Уголино*, *Кольбриджа* въ драмѣ «Отцовское проклятіе», *Квазимодо* въ Эсмеральдѣ и проч. и проч. Мы не исчислили и десятой доли лучшихъ его ролей. Какъ игралъ онъ ихъ, этого нельзя передать словами. Вмѣстѣ съ тѣмъ пробовалъ онъ играть и комическія

роли—*Фамусова* въ «Горе отъ ума», въ «Домашнемъ театрѣ» Загоскина, *Эзопа у Ксанѳа*, Шаховскаго и другія, въ которыхъ имѣлъ также большой успѣхъ.

Въ 1841 году, отслуживъ съ честью болѣе четверти столѣтія на русской сценѣ, Брянскій вздумалъ отдохнуть отъ трудовъ и оставилъ сцену, сыгравъ въ драмѣ *Святославъ* В. Р. Зотова послѣднюю роль хитраго грека *Калокира*, замышляющаго погибель Іоанна Цимисхія. Но бездѣйствіе и привычка къ сценѣ заставили его вскорѣ опять вступить въ драматическую труппу актеромъ-пансіонеромъ. Публика приняла радушно и привѣтливо своего стараго любимца. Онъ вышелъ въ первый разъ на сцену въ бенефисъ г-жи Дюръ, въ комедіи *Эзопъ у Ксанѳа*, и былъ встрѣченъ громкими, не подкупными аплодисментами. Любители театра просили его не покидать сцены, которую такъ долго оживляло его дарованіе, Дирекція благосклонно предложила ему выгодныя условія, и Брянскій принялъ снова дѣятельное участіе почти во всѣхъ серьозныхъ пьесахъ, сталъ играть въ бенефисы своихъ товарищей даже самыя незначительныя и иногда не свойственныя его амплуа роли. Въ послѣдніе годы онъ сталъ однакоже жаловаться на ослабленіе памяти и задумалъ оставить Петербургъ, для поправленія здоровья. Онъ переселился въ Самару со своею женою, актрисою, также обладавшею замѣчательнымъ дарованіемъ, но гораздо раньше мужа оставившею сценическое поприще. Не прошло и года, какъ почтенный артистъ снова возвратился въ Петербургъ, не могши перенести бездѣйствія уѣздной жизни, привыкнувъ къ дѣятельности, даже къ климату Петербурга. Сцена влекла его къ себѣ попрежнему своею разнообразною, веселою жизнью, отъ которой всегда такъ трудно отказаться истинному артисту, не разсчитывающему на то, что ему могутъ дать больше жалованья, если отсутствіе его будетъ незамѣнимо. И попрежнему не разлучныя имена Брянскаго и Каратыгина стали появляться почти во всякой сколько нибудь замѣчательной, серьозной пьесѣ. Все обѣщало и тому и другому долгіе года успѣховъ и извѣстности; оба обладали замѣчательнымъ здоровьемъ, какъ вдругъ, въ концѣ прошлаго сезона, болѣзнь почти мгновенно свела въ гробъ заслуженнаго, добросовѣстнаго артиста. Вслѣдъ за нимъ оставилъ сцену жизни и Каратыгинъ, сценическая дѣятельность котораго ждетъ еще полной и справедливой оцѣнки...

Брянскій занимался и литературою. Онъ перевелъ *Ричарда III* Шекспира, и переводъ этотъ доказываетъ артиста образованнаго и начитаннаго. Онъ не зналъ никакого иностраннаго языка, но посредствомъ

прозаическаго подстрочнаго перевода Ричарда III перевелъ всю эту пьесу. И въ наше время переводили же съ греческаго цѣлую поэму, не зная ни слова по гречески.

Для одного изъ своихъ бенефисовъ перевелъ онъ тоже французскую драму *Польдеръ*. Одинъ знакомый литераторъ и сослуживецъ прочитывалъ Брянскому каждый день по одному акту французской пьесы, переводя ее словесно во-время чтенія. На слѣдующій день все прочитанное было уже написано Брянскимъ съ сохраненіемъ эффектныхъ фразъ и дополненное тѣмъ, что онъ почиталъ нужнымъ прибавить. Это былъ замѣчательный фактъ способностей, памяти и ума Брянскаго. Черезъ три дни вся пьеса была готова, и сыграна съ успѣхомъ.

Что сказать о домашней жизни Брянскаго? Она едва-ли вполнѣ существуетъ у актеровъ. Занятый своимъ искусствомъ, онъ поутру учитъ роли или ѣздитъ на репетиціи, а ввечеру играетъ или смотритъ, какъ играютъ другіе. И однако же въ домѣ Брянскаго собирались всегда лучшіе артисты и многіе писатели. Ни одна семья артистовъ не славилась такимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, какъ семейство Брянскихъ. Самый блистательный періодъ этихъ артистическихъ вечеровъ былъ въ то время, когда Брянскій жилъ въ домѣ бывшемъ Голидая, въ Офицерской-улицѣ (гдѣ теперь Hôtel du Nord). Тутъ онъ провелъ болѣе десяти лѣтъ, и всякій вечеръ собирались у него друзья и почитатели его таланта. Трудно было найти семью, гдѣ бы съ умомъ хозяина, съ любезностію хозяйки, встрѣчалось столько добродушія, ласковости, непринужденности и хлѣбосольства. Въ этомъ отношеніи это былъ едвали не единственный домъ артистовъ истинныхъ, жившихъ весело и открыто.

Брянскій былъ отличный игрокъ на билліардѣ, стрѣлокъ и охотникъ Извѣстно, что подъ Петербургомъ больше охотниковъ, нежели птицъ, но Брянскій никогда не возвращался съ охоты съ пустымъ ягдташемъ и не покупалъ дичи на рынкѣ, чтобъ похвастать ею дома. Онъ былъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія и одаренъ необычайной силою. Много въ театрѣ разсказываютъ анекдотовъ объ опытахъ этой силы.

Огромная семья окружала этого патріарха артистовъ. Теперь члены этой семьи далеко разбросаны судьбою; многихъ давно уже нѣтъ въ живыхъ. Изъ дочерей его одна, явившись на самое короткое время на сценѣ, промѣняла ея волненія на мирное спокойствіе семейной жизни, но и здѣсь судьба не дала этой прекрасной, доброй женщинѣ долгаго счастія. Въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ она сошла въ раннюю могилу, и какъ тяжка,

не замѣнима была эта потеря, знаетъ тотъ, кто потерялъ въ ней все. Одинъ изъ сыновей Брянскаго погибъ съ честью на Кавказѣ, въ славномъ бою. Другіе три занимаютъ почетныя должности въ гражданской службѣ, и вѣрно никогда ни они, ни вдова покойнаго, ни всѣ, когда нибудь знавшіе Брянскаго, не забудутъ этого прекраснаго человѣка, этого добраго семьянина, этого даровитаго артиста.

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ,

ИЗДАННЫЯ ДИККЕНСОМЪ.

—

ГЛАВА XIX.

1816—1817.

Лордъ Байронъ. — Размолвка съ Садлервельзскою дирекціею. — Удаленіе Джона Кембля. — Торжество Гримальди въ провинціи. — Пантомима въ цирульнѣ.

Въ это время Гримальди часто встрѣчался съ лордомъ Байрономъ, какъ въ Ковентгарденскомъ театрѣ, такъ и въ обществахъ; они познакомились и стали пріятелями, несмотря на нелюдимый, раздражительный нравъ поэта. «По временамъ», пишетъ Гримальди, «на лорда Байрона находила ужасная хандра, и тогда онъ былъ самымъ полнымъ изображеніемъ отчаянія; лицо его вообще отлично принимало выраженіе глубокаго страданія; по временамъ же онъ бывалъ чрезвычайно веселъ и болталъ безъ умолку; иногда я видалъ его истиннымъ шутомъ, когда онъ съ самою смѣшною кокетливостью показывалъ свои бѣлыя ручки и зубы. Но въ какомъ бы онъ настроеніи духа ни былъ, никогда не упускалъ онъ случая сказать ѣдкое саркастическое слово». Хотя Байронъ никогда не показывалъ этой черты своего характера на Гримальди, а напротивъ былъ къ нему всегда очень хорошо расположенъ, тѣмъ не менѣе клоунъ боялся ея и держалъ себя съ знаменитымъ поэтомъ очень осторожно. Очень часто случалось, что Байронъ приходилъ за кулисы бесѣдовать съ нимъ, и если разговоръ прерывался выходомъ клоуна на сцену, онъ нерѣдко ждалъ его возвращенія, чтобы продолжать бесѣду. Гримальди рѣдко ему противорѣчилъ, и если заходила рѣчь о какомъ-нибудь новомъ предметѣ, то всегда старался вывѣдать

мнѣніе лорда, прежде чѣмъ произнести сужденіе; такъ боялся онъ сдѣлаться предметомъ его сарказмовъ, или какъ-нибудь разсердить его. Передъ послѣднимъ выѣздомъ своимъ изъ Англіи, лордъ Байронъ подарилъ Гримальди, въ знакъ своего уваженія, дорогую серебряную табакерку, съ надписью: «Джозефу Гримальди, отъ лорда Байрона». Само собою разумѣется, что клоунъ всегда хранилъ этотъ подарокъ, какъ сокровище, и показывая ее пріятелямъ, прибавлялъ всегда, что въ 1808 году, увидѣвъ его въ первый разъ, лордъ Байронъ просилъ его присылать ему билетъ въ каждый свой бенефисъ, и всегда очень исправно доставлялъ ему на слѣдующій день пять фунтовъ стерлинговъ.

«Арлекинъ Гулливеръ, или Летучій островъ» былъ въ этомъ году главною новостью Ковентгарденскаго театра, и его сыграли въ-теченіе зимы болѣе шестидесяти разъ. Другую пантомиму, подъ названіемъ «Маркизъ Карабасъ, или Котъ въ сапогахъ», постигло самое блистательное и, говорятъ, вполнѣ заслуженное паденіе.

Въ тотъ же вечеръ начался сезонъ Садлервельзскаго театра, и—безъ Гримальди, къ крайнему неудовольствію публики. Съ 1782 года до 1820 Гримальди былъ на Садлервельзскомъ театрѣ постоянно, кромѣ однаго сезона, именно 1817 года, и вотъ по какой причинѣ. Контрактъ его кончился за нѣсколько дней до заключенія сезона, и Чарльзъ Дибдинъ спросилъ его письменно, на какихъ условіяхъ онъ желалъ возобновить его. Гримальди отвѣчалъ, что будетъ доволенъ, если ему вмѣсто фунта дадутъ гинею*. Дибдинъ согласился, но прибавилъ, что впредь никому не будетъ даваться болѣе одного бенефиса въ годъ. Это значительно уменьшало доходы Гримальди, потому-что онъ никогда не выручалъ въ бенефисъ меньше 150 фунтовъ; а какъ онъ въ каждый бенефисъ платилъ за наемъ театра 60 фунтовъ, то-есть, больше обыкновеннаго сбора, то новая мѣра дирекціи казалась ему крайне несправедливою и безразсудною. Онъ написалъ Дибдину, что ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ втораго бенефиса. Дибдинъ не отвѣчалъ, но Гримальди все еще былъ убѣжденъ, что дирекція не рѣшится открыть новый сезонъ безъ него. Онъ однакоже весьма ошибся; отвѣта онъ не дождался, а узналъ скоро, что на его мѣсто былъ ангажированъ Пауло. Не менѣе его удивилась и вознегодовала публика, когда узнала изъ афиши объ ангажированіи новаго клоуна. Гримальди нѣсколько дней былъ въ Эггемѣ, и былъ очень пораженъ, когда возвратился въ Лондонъ, увидѣвъ на всѣхъ домахъ огромныя объявленія; однѣ гласили «Да здравствуетъ Гримальди!

* Въ фунтѣ 20 шиллинговъ, а въ гинеѣ 21. *Прим. Пер.*

Гримальди!» Не хотимъ Пауло!» Другія напротивъ: «Ура Пауло! Не хотимъ Гримальди! Послѣднихъ, однако, было гораздо меньше. Нѣкоторые увѣряли, будто самъ Гримальди участвовалъ въ этой продѣлкѣ; но онъ торжественно отрекался отъ этого.

Узнавъ отъ пріятелей, что въ случаѣ шума въ театрѣ, Дибдинъ намѣренъ былъ сказать рѣчь публикѣ, и прямо объявить, что ангажементъ Гримальди не возобновленъ по собственному его желанію, Гримальди рѣшился самъ отправиться въ театръ и разсказать все дѣло, какъ оно было. Однако онъ былъ избавленъ отъ этой непріятной необходимости. Публика выразила свое неудовольствіе не тѣмъ способомъ, котораго ожидалъ Дибдинъ, а другимъ, еще болѣе непріятнымъ для дирекціи,— отсутствіемъ изъ театра. Гримальди пробылъ съ четверть часа, посмотрѣлъ на пустыя ложи и галереи, на пустой партеръ, на директорскихъ пріятелей, которымъ были отданы почти всѣ занятыя мѣста, и отправился въ Ковентгарденъ.

На слѣдующій день всѣ журналы объявили, что Гримальди не ангажированъ на Садлервельзскій театръ, и предсказывали, что театръ отъ этого много потеряетъ. Они, впрочемъ, отдавали полную справедливость таланту Пауло, который дѣйствительно былъ отличный клоунъ, но являлся при весьма неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ.

Когда разнесся слухъ, что Гримальди не ангажированъ, всѣ провинціальные директоры стали наперерывъ другъ передъ другомъ приглашать его. Онъ принялъ предложеніе Муррея, директора эдинбургскаго и гласговскаго театровъ, на шесть представленій на каждомъ, по закрытіи Ковентгарденскаго театра. Условія были слѣдующія: лучшій сборъ долженъ былъ принадлежать Гримальди, второй Муррею, остальные четыре пополамъ, за вычетомъ 40 фунтовъ на расходы. Едва онъ подписалъ контрактъ, какъ явился къ нему Нойтъ, директоръ ливерпульскій и манчестерскій, и предложилъ ангажементъ на три недѣли. Онъ принялъ и это предложеніе. Затѣмъ посыпалось столько предложеній со всѣхъ сторонъ, что будь у него вмѣсто шести недѣль двѣнадцать мѣсяцевъ свободныхъ, и тутъ не хватило бы у него времени на удовлетвореніе всѣхъ. Отъ многихъ изъ нихъ жаль было отказываться, да нечего было дѣлать.

Такъ-какъ вслѣдствіе паденія «Маркиза Карабаса», ему не было занятія въ Ковентгарденѣ, то онъ поѣхалъ съ сыномъ въ Бирмингемъ, куда звалъ его директоръ Брунтонъ. Это былъ первый дебютъ его сына въ провинціи. Собравъ въ семь вечеровъ 200 фунтовъ, онъ согласился на убѣдительныя просьбы ворсестерскаго директора Криспа,

дать одно представленіе на его театрѣ. Криспъ предлагалъ ему 40 фунтовъ, или половину сбора; не ожидая большаго сбора въ такомъ незначительномъ городѣ, онъ предпочелъ первое условіе; однако сборъ оказался такъ великъ, что директоръ счелъ долгомъ, сверхъ-условленной платы, удѣлить ему еще часть своихъ барышей, увѣряя, что онъ все-таки остался въ выигрышѣ. Гримальди былъ очень доволенъ честностью директора, и далъ слово играть на его театрѣ каждый разъ, какъ случится ему быть въ этихъ странахъ. Затѣмъ онъ возвратился въ Лондонъ, гдѣ его ожидало еще множество писемъ отъ провинціальныхъ директоровъ со всѣхъ концовъ Англіи.

23 іюня этого года Джонъ Кембль явился въ послѣдній разъ передъ публикою въ «Коріоланѣ» и въ «Портретѣ Сервантеса». Онъ игралъ съ такимъ же превосходствомъ и успѣхомъ, какъ всегда, и на прощанье произнесъ краткую, но прекрасно сочиненную рѣчь. Ему бросили изъ ложъ бѣлый шарфъ и вѣнокъ; но они упали въ оркестръ; тогда знаменитый французскій трагикъ Тальма, сидѣвшій по близости, поднялъ ихъ и подалъ на сцену*.

Сыгравъ еще нѣсколько разъ на Ковентгарденскомъ театрѣ, до окончанія сезона, Гримальди отправился въ Шотландію. Въ Эдинбургѣ онъ съ удивленіемъ узналъ отъ Муррея, что ему придется играть въ Глазговѣ только три раза, потому-что туда былъ приглашенъ Эмери. Гримальди долженъ былъ, волею-неволею, согласиться на эту перемѣну, поѣхалъ въ Глазговъ, далъ тамъ три представленія, въ которыхъ участвовалъ и сынъ его, и возвратился въ Эдинбургъ. Въ томъ и другомъ городѣ его игра и комическіе куплеты возбудили всеобщій восторгъ. Кромѣ пантомимъ, «Витингтона», «Донъ-Жуана», «Валентина и Орсона», онъ игралъ въ Шериданової комедіи «Соперники». Ошибаются нѣкоторые писатели, говоря, что онъ на провинціальныхъ театрахъ игралъ Ричарда III; у него было всего три роли не пантомимныя, и тѣ только въ комедіяхъ; за трагедіи же онъ никогда не брался.

По окончаніи условленнаго числа представленій, Муррей вручилъ ему 417 фунтовъ, и пригласилъ пріѣхать опять на слѣдующее лѣто. Затѣмъ Гримальди отправился въ Бервикъ, чтобы дать тамъ два представленія. Онъ очень удивился, когда увидѣлъ театръ. Входъ былъ черезъ хлѣвъ; нужно было взбираться и опускаться по нѣсколькимъ

* Тальма былъ очень друженъ съ Кемблемъ, и часто пріѣзжалъ въ Англію затѣмъ только, чтобы повидаться съ нимъ. Послѣ своего прощальнаго представленія, Кембль далъ большой обѣдъ, и затѣмъ уѣхалъ въ помѣстье, купленное имъ во Франціи, около Тулузы. Тамъ онъ вскорѣ послѣ того и умеръ, отъ нечего дѣлать, какъ говорили шутники.

Прим. Пер.

сквернымъ лѣстницамъ, и потомъ уже проникнуть въ театръ, который внутри, противъ всѣхъ ожиданій, былъ такъ удобенъ и изященъ, какъ рѣдко бываютъ театры въ провинціи. Не менѣе удивился Гримальди публикѣ, собравшейся въ ложахъ: ему еще не случалось, кромѣ большихъ городовъ, играть въ провинціи передъ такою отборною публикою.

Давъ въ Бервикѣ два представленія и собравъ 90 фунтовъ, кромѣ подарковъ, онъ поѣхалъ въ Ливерпуль, и пробылъ тамъ три недѣли. Кромѣ содержанія, по двѣнадцати фунтовъ въ недѣлю, ему было предоставлено на выборъ полбенефиса, или цѣлый бенефисъ, съ вычетомъ 40 фунтовъ на расходы. Сначала онъ думалъ предпочесть послѣднее; но по мѣрѣ приближенія дня бенефиса, ему стало страшно: у него не было знакомыхъ въ Ливерпулѣ, и онъ боялся, что несмотря на благосклонный пріемъ, сдѣланный ему публикою, высокія цѣны испугаютъ охотниковъ и театръ будетъ пустъ. Однако, убѣжденный совѣтами друзей, Эмери, Бланчарда и Джонстона, онъ рѣшился взять весь сборъ на свой страхъ, и внесъ сорокъ фунтовъ. Прошло нѣсколько дней, объявленія были уже напечатаны и разосланы, и ничто не предвѣщало хорошаго бенефиса; въ самый день представленія, утромъ, было продано всего четырнадцать билетовъ. Вечеромъ Гримальди печально отправился въ театръ; у входа встрѣтилъ его мистръ Банксъ, директоръ, и сказалъ: — «Ну, Гримальди, отличный будетъ бенефисъ!»

— Гм! похоже! проворчалъ Гримальди, вздохнувъ.

— Да вы видѣли ли книгу? спросилъ директоръ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, да и боюсь смотрѣть!

— Боитесь! По чести, мистръ Гримальди, я не понимаю, чего вы боитесь, или чего вы требуете. Всѣ билеты разобраны, и будь ихъ вдвое, и тѣ были бы проданы.

Дѣйствительно, театръ былъ полонъ, и Гримальди выручилъ 328 фунтовъ, чего не выручали никогда даже первые любимцы публики, Эмери и миссъ О'Ниль.

Между-тѣмъ Гримальди безпрестанно получалъ новыя предложенія отъ окольныхъ директоровъ; онъ принялъ изъ нихъ только два, на два вечера, въ Престонъ, къ Говарду, и на четыре въ Гирфордъ, къ своему пріятелю Криспу.

Въѣзжая въ Престонъ, Гримальди пришелъ въ ужасъ и отчаяніе, когда увидѣлъ по улицамъ цѣлыя толпы квакеровъ. Говардъ успокоивалъ его, и дѣйствительно, въ городѣ было еще достаточно жителей не квакеровъ, чтобъ наполнить театръ на два представленія, и доставить на долю Гримальди 86 фунтовъ.

Въ Престонѣ былъ съ нимъ случай, который показался ему до того

забавнымъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться имъ для новой пантомимной сцены; это намѣреніе осталось, однакоже, безъ исполненія Онъ вошелъ въ цирюльню, чтобы выбриться, и увидѣлъ тамъ хорошенькую дѣвушку, занимавшуюся шитьемъ. Она встала и поклонилась ему, и на вопросъ его, дома ли хозяинъ, отвѣчала, что онъ вышелъ со двора, но очень скоро будетъ домой. Гримальди сказалъ, что воротится черезъ полчаса, прогулялся по городу, встрѣтился съ Говардомъ, и пришелъ съ нимъ опять въ цирюльню. Цирюльника все еще не было, и Гримальди стало досадно, что онъ во второй разъ приходилъ напрасно. А вамъ нужно видѣться съ нимъ за дѣломъ? спросилъ Говардъ.

— Я хотѣлъ выбриться, отвѣчалъ Гримальди.

— Выбриться, сэръ! вскричала дѣвушка: зачѣмъ же вы этого давно не сказали? Я брѣю почти всѣхъ посѣтителей, даже когда отецъ бываетъ дома.

Гримальди не вѣрилось, потому-что онъ никогда не слыхалъ, чтобы женщины занимались цирюльнымъ ремесломъ. Но Говардъ подтвердилъ слова дѣвушки; Гримальди сѣлъ, и хорошенькая цирюльница принялась за дѣло съ ловкостью самого опытнаго брадобрѣя. Гримальди было ужасно смѣшно, но онъ удерживался, пока дѣвушка брила ему подбородокъ; когда же она обернула ему носъ бумажкою и взяла его своими тонкими пальчиками, онъ фыркнулъ, и скорчилъ такую уморительную рожу, что у цирюльницы бритва выпала изъ рукъ, и всѣ трое принялись хохотать. Въ эту минуту вошелъ самъ цирюльникъ, и увидѣвъ господина съ половиною лица въ мылѣ, подвязаннаго полотенцемъ и дѣлающаго рожи, поджалъ себѣ бока, и повалился со смѣху въ кресла. Задыхаясь отъ хохота, онъ сказалъ прерывистымъ голосомъ, что отъ роду не видалъ такого забавника, и умолялъ Гримальди перестать, потому-что иначе уморитъ его со смѣху. Когда всѣ четверо насмѣялись досыта, цирюльникъ докончилъ дѣло, начатое дочерью, а Гримальди наградилъ хорошенькую цирюльницу шиллингомъ, и удалился съ Говардомъ.

На слѣдующій день онъ уѣхалъ въ Ливерпуль.

ГЛАВА XX.

1817.

Новые успѣхи въ провинціи — Болонья и его неудачныя экономіи.

Въ Ливерпулѣ Гримальди пробылъ только два дня, для отдыха, и отправился въ Гирфордъ, гдѣ ожидалъ его Криспъ. Осматривая театръ,

онъ съ удивленіемъ и съ досадою увидѣлъ, что это была простая квадратная зала, въ которой около одной стѣны было сколочено на живую нитку нѣчто въ родѣ маленькой сцены. Въ «Донъ-Жуанѣ» голова статуи уходила подъ подуги, такъ-что зрители должны были только воображать себѣ ея движенія, а это было тѣмъ непріятнѣе, что на киваніи головы статуи Командора основывалась одна изъ лучшихъ сценъ Скарамучья.

Гримальди сообщилъ свои замѣчанія Кристу, и они условились, что вмѣсто четырехъ представленій онъ дастъ въ Гирфордѣ только два, а остальныя два въ Ворсестерѣ, гдѣ, какъ ему было извѣстно, былъ хорошо устроенный театръ. Выручка его въ обоихъ театрахъ была очень удовлетворительна.

Исполнивъ свои провинціяльныя обязательства, доставившія ему въ нѣсколько недѣль 1425 фунтовъ, сумму, о которой онъ не смѣлъ и мечтать, пока не убѣдился въ дѣйствительности ея по счетамъ, Гримальди рѣшился отдохнуть въ Чельтенгемѣ, до половины сентября, и потомъ ѣхать назадъ въ Лондонъ. Въ Чельтенгемѣ встрѣтился онъ съ своимъ старинымъ пріятелемъ, канатнымъ танцовщикомъ Рише, который давно уже отказался отъ своего искусства, женился на богатой вдовѣ, и жилъ на большую ногу и, повидимому, очень счастливо.

По возвращеніи въ Лондонъ, Гримальди получилъ отъ мистра Гьюза печальное извѣстіе, что сезонъ для Садлервельзскаго театра былъ самый несчастный, какой можно было запомнить.

Поѣздки въ провинцію были слишкомъ заманчивы, чтобы Гримальди не воспользоваться тѣмъ, что на Ковентгарденскомъ театрѣ не было для него занятія. Эллистонъ и Брунтонъ звали его въ Бирмингемъ и Лейсестеръ, гдѣ онъ далъ съ большимъ успѣхомъ шесть представленій, и потомъ поѣхалъ на почтовыхъ въ Честеръ.

Въ одно время съ нимъ остановился передъ гостиницею лондонскій дилижансъ, и изъ него вышелъ Болонья, приглашенный для того, чтобы играть съ нимъ. Пріятели очень обрадовались этой нечаянной встрѣчѣ, взяли особенную комнату и велѣли подать обѣдъ. Гримальди давно уже зналъ скупость своего стараго друга, но тутъ эта слабость выказалась въ бо́льшей силѣ, чѣмъ когда-либо. Ужасъ изобразился во всѣхъ его чертахъ, когда сама хозяйка подала первое блюдо, — блюдо очень лакомое, — и почтительно присѣдая, сказала, что ей извѣстно, кто такіе ея гости и что она постарается, чтобы они остались довольны ея заведеніемъ. Когда она вышла, Болонья сказалъ товарищу, что ни за что не останется здѣсь, а пойдетъ искать другой гостинницы. — «Это что́ значитъ?» спросилъ Гримальди.

— А то значитъ, отвѣчалъ Болонья, что здѣсь дорого. Посмотри, какъ убраны комнаты, какъ накрыто на столъ! Вѣдь за все это мы же заплатимъ, и слупятъ съ насъ порядкомъ! Нѣтъ, я здѣсь не останусь.

— Силой я тебя держать не могу, а могу дать тебѣ благоразумный совѣтъ: оставайся здѣсь, потому-что въ самыхъ лучшихъ гостиницахъ жить всегда дешевле, чѣмъ въ плохихъ,—я это знаю по опыту. Въ скверной гостинницѣ — скверное помѣщеніе, скверно накормятъ, а сдерутъ почти столько же.

Послѣ многихъ убѣжденій, Болонья согласился наконецъ остаться въ этой гостинницѣ, но рѣшился соблюдать всевозможную экономію. Первый примѣръ онъ показалъ, когда слуга пришелъ спросить, не прикажутъ-ли господа приготовить имъ что-нибудь на ужинъ.

— На ужинъ! вскричалъ Болонья: уморить ты насъ хочешь? Ничего нѣтъ вреднѣе для здоровья, какъ обременять себѣ желудокъ на ночь; я никогда не ужинаю.

— А я такъ охотно поужинаю; пусть будетъ готово къ половинѣ двѣнадцатаго, сказалъ Гримальди.

— Чего же прикажете на ужинъ?

— Хозяйка пусть сама выберетъ; было-бы только что-нибудь хорошее.

— Посмотримъ, какое лицо ты вытянешь, когда подадутъ счетъ! сказалъ Болонья, по выходѣ слуги.

Они вышли со двора и возвратились въ двѣнадцатомъ часу. Для Гримальди была приготовлена пара жареныхъ рябчиковъ. Голодный Болонья ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ завистью поглядывая на ужинъ товарища, но утѣшаясь мыслью, что если на желудкѣ было пустовато, зато въ карманѣ полнѣе. Походивъ нѣсколько времени, онъ сѣлъ къ столу, и спросилъ Гримальди, вкусны-ли рябчики. Гримальди отвѣчалъ, что отличны, въ чемъ можно было, впрочемъ, убѣдиться по одному уже усердію, съ какимъ онъ ихъ уплеталъ. Болонья всталъ, походилъ еще по комнатѣ, потомъ съ силою дернулъ звонокъ. Явился слуга, и онъ приказалъ подать себѣ порцію поджаренаго хлѣба съ сыромъ.

— Ты думаешь ужинать каждый вечеръ? спросилъ онъ Гримальди, когда слуга принесъ хлѣбъ съ сыромъ.

— Разумѣется.

— Ну такъ и мнѣ каждый вечеръ подавать на ужинъ порцію поджаренаго хлѣба съ сыромъ; я не люблю смотрѣть, сложа руки, какъ другой ѣстъ.

Слуга вышелъ, а Гримальди захохоталъ. Болонья обидѣлся, и при-

нялся бранить глупое мотовство; Гримальди, съ своей стороны, сталъ подтрунивать надъ скряжничествомъ. Каждый, какъ обыкновенно водится, остался при своемъ мнѣніи и сдѣланныхъ распоряженіяхъ. Гримальди отлично ужиналъ, а Болонья ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ и мысленно считалъ сбереженыя денежки. Они прожили въ Честерѣ девять дней, и когда имъ подали счетъ, Гримальди нашелъ, какъ и предполагалъ, что онъ былъ весьма умѣренъ. — Ну что ты скажешь? спросилъ онъ спутника съ торжествомъ.

— Да, надо сознаться, что въ этой гостиницѣ жить не такъ дорого, какъ я думалъ, отвѣчалъ Болонья: но въ моемъ счетѣ должна быть большая ошибка. Посмотри, мнѣ поставили за девять ужиновъ то же самое, что тебѣ, тогда, какъ я ѣлъ только хлѣбъ съ сыромъ.

— Покажи слугѣ и потребуй объясненія.

Болонья позвонилъ. — Въ моемъ счетѣ есть ошибка, сказалъ онъ вошедшему слугѣ; я бралъ только порцію поджаренаго хлѣба съ сыромъ, а хозяйка насчитываетъ за ужинъ тоже, что мистру Гримальди. Вели исправить.

— Извините, сэръ, счетъ совершенно правиленъ.

— Какъ такъ?

— Да также; у насъ, какъ и во всѣхъ хорошихъ гостинницахъ по лондонской дорогѣ, принято за правило считать ужинъ въ полкрона, а что одинъ возметъ рябчиковъ, другой кусокъ хлѣба съ сыромъ, это у насъ не идетъ въ разсчетъ. Еслибъ вы потребовали что-либо другое, вы заплатили-бы тѣ же полкрона; но вы сами изволили приказать только хлѣба съ сыромъ.

Скупой старикъ прикусилъ губы до крови; но дѣлать было нечего; надо было, скрѣпя сердце, отсчитать девять полукронъ за девять порцій сыру.

Въ тотъ же вечеръ друзья наши отправились въ Лондонъ; причемъ Болонья явилъ новый примѣръ своей смѣшной бережливости. Когда дилижансъ подъѣхалъ, онъ шепнулъ Гримальди, что думаетъ взять наружное мѣсто, и тѣмъ сберечь фунтъ, или болѣе. — Отличный разсчетъ! отвѣчалъ Гримальди: будешь мерзнуть всю ночь, чтобы освѣжиться послѣ представленія; а потомъ, за сбереженный фунтъ переплатишь двадцать фунтовъ врачамъ.

— Это ужъ моя забота, возразилъ Болонья: повѣрь, что у меня будетъ мѣсто внутри, не хуже твоего. Есть еще одно мѣсто свободное, а дилижансъ принадлежитъ нашей хозяйкѣ. Я представлю ей, сколько денегъ мы оставили въ ея заведеніи, скажу, что въ непродолжитель-

номъ времени опять приѣду. Вотъ увидишь, что она позволитъ мнѣ сѣсть внутри.

Гримальди старался отговорить своего спутника отъ этой нелѣпой экономіи, но всѣ его убѣжденія и представленія были напрасны. Добрая хозяйка согласилась на желаніе чудака, но съ условіемъ, что если дорогою представится пассажиръ на мѣсто внутри кареты, Болонья отдастъ мѣсто, или приплатитъ остальныя деньги. На первой станціи, въ четыре часа ночи, нашелся пассажиръ. Кондукторъ открылъ дверцу, и вѣжливо напомнилъ Болоньѣ его обѣщаніе. Болонья сердито отвѣчалъ, что мѣста не отдастъ, и не приплатитъ денегъ. Кондукторъ сначала растерялся отъ такой наглости; потомъ разсказалъ все дѣло стоявшимъ вокругъ ямщикамъ и конюхамъ; поднялся шумъ, крикъ; Гримальди былъ внѣ себя отъ досады и стыда; Болонья же выдерживалъ нападеніе съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, и не трогался съ мѣста. Въ Ислингтонѣ Гримальди разстался съ нимъ, и далъ кондуктору и ямщику на водку вдвое больше обыкновеннаго, чтобы показать, что онъ относительно щедрости не одного приходу съ своимъ спутникомъ. Нѣсколько дней спустя, встрѣтившись съ Болоньей, онъ спросилъ, какъ обошлось дѣло на послѣдней станціи.

— Отлично, отвѣчалъ Болонья: они кричали и ругались напропалую.

— Я такъ и думалъ.

— А мнѣ того только и нужно было.

— Это какъ?

— Да вѣдь деньги-то остались въ карманѣ, пріятель! Будь они вѣжливы, мнѣ пришлось бы непремѣнно наградить кондуктора и ямщиковъ: а какъ они обошлись со мной, какъ грубіяны, я не далъ никому ни гроша; стало-быть они сами избавили меня отъ расхода.

За исключеніемъ этой несчастной слабости, Болонья былъ отличный человѣкъ, и Гримальди всегда былъ ему другомъ; но съ этого времени не хотѣлъ уже съ нимъ ѣздить.

XXI.

1817 — 1818.

Арлекинъ Элларъ и театральный работникъ. — Гримальди акціонеръ Садлервельзскаго театра. — Анекдоты. — Ньюкастльская семга.

Когда Гримальди возвратился въ Лондонъ, Садлервельзскій театръ былъ закрытъ; послѣдній сезонъ его былъ такъ несчастенъ, что почти

всѣ акціонеры старались сбыть свои доли, чтобы оградиться отъ новыхъ убытковъ. Между-тѣмъ, какъ они приходили въ отчаяніе отъ отсутствія Гримальди, для него самаго это отсутствіе было чрезвычайно выгодно; на Садлервельзскомъ театрѣ онъ получилъ бы за 180 представленій, содержаніемъ и бенефисомъ, не болѣе 660 фунтовъ; въ провинціи же 56 представленій дали ему около 1750 фунтовъ; выгода была двойная, потому-что кромѣ денежнаго барыша, онъ извлекъ огромную пользу тѣмъ, что отдохнулъ отъ своихъ многолѣтнихъ трудовъ въ столицѣ.

Къ святкамъ на Ковентгарденскомъ театрѣ была поставлена новая пантомима «Баронъ Мюнхаузенъ». Она имѣла отличный успѣхъ. Одно представленіе этой пьесы едва не кончилось смертью арлекина, по милости одного изъ театральныхъ работниковъ. Этотъ человѣкъ держалъ обыкновенно коверъ, чтобы принимать арлекина во-время его прыжковъ. Однажды, держа коверъ для Эллара, игравшаго арлекина, онъ сказалъ ему, что коверъ сухъ и надо его спрыснуть, то есть, другими словами, надо дать на водку держащему. Эллеръ почему-то былъ имъ недоволенъ и не исполнилъ его требованія; работникъ удалился, бормоча что-то про себя, а на другой день Эллара предупредили, чтобы онъ остерегался, потому-что работникъ грозилъ отплатить ему. Элларъ только посмѣялся угрозѣ; но на третій вечеръ, когда ему слѣдовало прыгнуть сквозь луну, онъ вдругъ остановился и шепнулъ стоявшему за нимъ Гримальди:— Боюсь, что эти скоты не примутъ меня; я постучалъ три раза, чтобы они приготовились, и никто мнѣ не отвѣчалъ.

— Полно, это невозможно! отвѣчалъ Гримальди: кто рѣшится на подобное дѣло. Прыгай, съ Богомъ!

Элларъ, однако, еще колебался, а Гримальди замѣтилъ ему, что публика начинала безпокоиться.—Была не была, сказалъ Элларъ, но— можетъ быть, — въ-послѣдній разъ?

Опасенія его были не совсѣмъ неосновательны. Работники держали коверъ такъ, что ему невозможно было попасть на него, и онъ грохнулся на полъ. Впрочемъ, предугадывая это, и желая лучше пожертвовать рукою, чѣмъ сломить шею, онъ приготовился и упалъ на руку; онъ ушибъ ее довольно сильно, но все-таки могъ продолжать роль. Фосетъ и Гаррисъ, узнавъ объ этомъ случаѣ, тотчасъ созвали всѣхъ работниковъ и объявили, что имъ будетъ отказано немедленно, если, по мнѣнію мистра Эллара, они сдѣлали это съ умысломъ. Элларъ не могъ сомнѣваться въ умышленности ихъ поступка, и зналъ, что упади онъ не на руку, а на голову, онъ убился-бы на мѣстѣ; несмотря на то, онъ сказалъ, что увѣренъ, что это случилось неумышленно, а только

по оплошности, и въ тоже время шепнулъ Гримальди, что у виновнаго жена и шестеро дѣтей, которыхъ надо кормить.

Если принять въ соображеніе, какому множеству опасностей подверженъ пантомимный актеръ, то надо сознаться, что Гримальди былъ въ этомъ отношеніи необыкновенно счастливъ всю жизнь. Впрочемъ, правда и то, что клоунъ, какъ онъ его понималъ, былъ очень смиренъ и остороженъ въ употребленіи, или скорѣе ломаніи членовъ; онъ избѣгалъ тѣхъ акробатическихъ фокусовъ, которые столько же непріятны для зрителя, сколько опасны для артиста. Его клоунъ былъ самостоятельное, собственное его созданіе. Комизмъ его заключался преимущественно въ игрѣ физіономіи, а не въ прыжкахъ: онъ забавлялъ и смѣшилъ публику стоя на обѣихъ ногахъ, а не на головѣ. Еслибъ нынѣшнее и возникающее поколѣніе клоуновъ благоволили поболѣе слѣдовать его примѣру, оно было-бы и для нихъ безопаснѣе, и для зрителей занимательнѣе.

Въ февралѣ 1818 года Гримальди было показано намеками, что если онъ обратится къ Садлервельзской дирекціи, ангажементъ его будетъ возобновленъ на тѣхъ условіяхъ, которыхъ онъ пожелаетъ; онъ не рѣшался, частью потому, что былъ взбѣшенъ прежнимъ отказомъ, частью-же потому, что поѣздки въ провинцію были и прибыльны и полезны для его здоровья. Но когда мистрисъ Гьюзъ, вдова его перваго друга и покровителя, сама пришла просить его, онъ не могъ отказать ей, и изъявилъ согласіе, съ тѣмъ, чтобы его приняли въ число акціонеровъ театра. Онъ думалъ этимъ средствомъ или освободиться отъ дальнѣйшихъ убѣжденій, или получать участіе въ барышахъ предпріятія, которыя въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кромѣ послѣдняго года, были довольно значительны. Послѣ долгихъ совѣщаній и переговоровъ, условіе его было принято, мистрисъ Гьюзъ сама уступила ему нѣсколько акцій, и онъ заключилъ контрактъ, выговоривъ себѣ, кромѣ прежнихъ условій, ежегодный шестинедѣльный отпускъ въ провинцію.

Первый же сезонъ показалъ, что онъ ошибся въ разсчетѣ. Сначала все шло хорошо; но въ его отсутствіе, театръ былъ постоянно пустъ, и по возвращеніи ему объявили, что вмѣсто барышей былъ убытокъ. Это подтвердилось при разсмотрѣніи книгъ въ общемъ собраніи акціонеровъ; убытку оказалось больше даже, чѣмъ предполагали, по 333 фунта на каждаго акціонера. Гримальди заплатилъ свою часть, сожалѣя о томъ, что взялъ акціи; онъ предвидѣлъ, что ему придется не разъ еще поплатиться.

Въ это время Гримальди имѣлъ честь лично познакомиться съ герцогомъ Іоркскимъ. Однажды, во-время представленія на Ковентгарден-

скомъ театрѣ «*барона Мюнхаузена*», герцогъ былъ въ своей ложѣ съ сэръ Годфреемъ Вебстеромъ и другимъ молодымъ человѣкомъ; пантомима, повидимому, очень забавляла ихъ. Когда Гримальди вышелъ за кулисы, его встрѣтилъ сэръ Годфрей.

— Утомительное занятіе, Гримальди!

— И какъ утомительно, сэръ Годфрей!

— Не прикажете ли табаку, онъ освѣжитъ васъ, продолжалъ сэръ Годфрей, подавая табакерку, такую огромную, какъ будто она была сдѣлана для употребленія на сценѣ, въ пантомимѣ. Между-тѣмъ, какъ Гримальди дивился ея росту, его вызвали на сцену, а сэръ Годфрей шепнулъ ему: — «Угостите, панталона, онъ, вѣроятно, также не откажется понюхать».

Гримальди вышелъ на сцену, приплясывая и щеголяя испанскою табакеркою. Панталонъ взглянулъ на него подозрительно.

— Откуда взялъ ты табакерку? Вѣрно опять укралъ? Клоунъ увѣрялъ, съ самыми уморительными ужимками, что онъ не укралъ табакерки, что она ему подарена; на вопросъ же панталона, кто подарилъ ему табакерку, указалъ на ложу герцога, въ которой сидѣлъ сэръ Годфрей.—«Куда же ты теперь несешь ее?» спросилъ опять клоунъ. «Туда, гдѣ ей не въ первый разъ быть; къ дядюшкѣ *,» отвѣчалъ Гримальди, указывая на верхъ. Весь театръ захохоталъ, а герцогъ всѣхъ громче. Когда Гримальди вышелъ опять за кулисы, сэръ Годфрей выбѣжалъ къ нему съ хохотомъ, и сказалъ: — «Отлично, Гримальди; вы мнѣ выиграли пари, мы должны подѣлиться выигрышемъ». Съ этими словами онъ сунулъ ему въ руку пять гиней. Въ это время къ нимъ незамѣтно подошелъ герцогъ, и сказалъ:—«Такъ вотъ оно что, господа! вы сговариваетесь, чтобы выигрывать у меня пари, и дѣлить мои деньги. На такомъ условіи, сэръ Годфрей, я думаю, что какъ не тяжела ваша табакерка, а Гримальди охотно согласится носить ее каждый вечеръ».

Послѣ того Гримальди еще нѣсколько разъ имѣлъ честь видѣть герцога и разговаривать съ нимъ; герцогъ былъ съ нимъ всегда очень ласковъ, и припоминалъ, какъ онъ съ сестрою учился танцовать у отца Гримальди.

Сезонъ Ковентгарденскаго театра кончился 17 іюля; на третій день послѣ того былъ бенефисъ Гримальди на Садлервельзскомъ театрѣ, а на слѣдующее утро онъ отправился опять въ провинцію, пробылъ двѣ недѣли въ Ливерпулѣ, потомъ далъ нѣсколько представленій въ Ланка-

* То-есть, къ ростовщику, въ залогъ.

стерѣ и въ Ньюкастлѣ. Онъ хотѣлъ посѣтить опять Эдинбургъ и Шотландію; но въ Ньюкастлѣ получилъ письмо отъ Гарриса, который извѣщалъ его, что ему нужно быть въ Лондонѣ въ началѣ сентября, къ открытію Ковентгарденскаго театра. Онъ поспѣшилъ назадъ, и очень удивился, когда явился къ Гаррису, и тотъ встрѣтилъ его восклицаніемъ: — Какъ, Гримальди, вы уже здѣсь? и я ждалъ васъ только недѣли черезъ три.

— Только недѣли черезъ три? воскликнулъ Гримальди въ недоумѣніи.

— Ну да; я думалъ, что вы поѣдете въ Шотландію.

— Я самъ думалъ ѣхать въ Шотландію; но вы писали мнѣ, чтобъ я вернулся къ первымъ числамъ сентября, и я отказался отъ поѣздки, которая доставила бы мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, пятьсотъ фунтовъ.

— А, понимаю. Вы видно выѣхали изъ Ньюкастля въ тотъ же день, какъ получили мое письмо?

— Въ тотъ же день.

— Жаль; я потомъ раздумалъ, и на другой же день написалъ вамъ, что вы можете продлить свой отпускъ до начала октября. Впрочемъ, какъ вы ужъ пріѣхали, то мы найдемъ вамъ занятіе на будущей недѣлѣ.

Гримальди молчалъ; Гаррисъ замѣтилъ, что онъ былъ не доволенъ, и сказалъ: — «Ну, не печальтесь; я ужъ найду средство вознаградить васъ за то, чего вы лишились, отказавшись отъ поѣздки въ Эдинбургъ».

Гримальди поблагодарилъ его, а Гаррисъ не забылъ своего обѣщанія.

Во-время пребыванія своего въ Ньюкастлѣ, Гримальди вспомнилъ, что этотъ городъ славился своею маринованною семгою, однимъ изъ любимыхъ лакомствъ лондонскихъ объѣдалъ. Онъ былъ не прочь отъ вкуснаго блюда, и потому велѣлъ приготовить себѣ маринованной семги на ужинъ. — «Очень хорошо, сэръ», отвѣчалъ трактирный слуга, но такимъ тономъ, какъ будто не понялъ хорошенько приказанія. Гримальди спросилъ, разслушалъ ли онъ. — «Слышалъ, сэръ, будетъ исполнено».

Вечеромъ, возвращаясь изъ театра въ гостиницу, Гримальди уже мысленно наслаждался такою вкусною семгою, какой не ѣдалъ даже въ Лондонѣ. Столъ былъ накрытъ, слуга поставилъ блюдо, снялъ съ него крышку, и взорамъ Гримальди представились бараньи котлеты.

— Я вѣдь заказалъ семгу, сказалъ Гримальди.

— Извините, сэръ, подхватилъ слуга, замявшись.

— Ты забылъ?

— Гмъ!—да,—должно быть, что забылъ.

— Ну, нечего дѣлать, буду ѣсть котлеты. Но смотри, завтра не забудь приготовить мнѣ на ужинъ семгу.

— Нѣтъ, не забуду, отвѣчалъ слуга.

На другой день, Гримальди пригласилъ на ужинъ своего директора. Приходятъ, столъ накрытъ, снимаютъ крышку съ блюда,—на блюдѣ бифстексы.—«Это что́ значитъ, вскричалъ Гримальди: семгу опять забылъ»?

— Я, сэръ, — я, — мнѣ показалось, что вы изволили приказать бифстексы. Но будьте спокойны, сэръ, завтра будетъ семга,—ужъ непремѣнно.

— Ну смотри же, не забудь въ третій разъ. Я послѣзавтра ѣду, а не желалъ бы уѣхать, не отвѣдавъ здѣшней семги.

— Ужъ будьте покойны, сэръ, непремѣнно будетъ.

На третій вечеръ былъ бенефисъ Гримальди. Театръ былъ полонъ; онъ весело возвращался въ гостинницу, съ туго-набитымъ бумажникомъ, и облизываясь на ожиданную семгу.

— Ну что́, не забылъ? спросилъ онъ слугу.

— Нѣтъ, сэръ, не забылъ.

— Хорошо. Принеси кстати и счетъ; я ѣду завтра рано утромъ.

Слуга снялъ крышку; на этотъ разъ подъ нею были телячьи котлетки. Гримальди разсердился, послалъ за хозяиномъ и пожаловался ему на неисправность слуги. Хозяинъ сначала ничего не понималъ; наконецъ, послѣ долгихъ объясненій и повтореній открылось, что маринованная семга въ Ньюкастлѣ была вовсе неизвѣстна, а только приготовлялась для отсылки въ Лондонъ. Слуга и не подозрѣвалъ, чего отъ него требовалъ Гримальди; но по примѣру трактирныхъ слугъ, не желая показать своего невѣжества, рѣшился перепробовать всѣ блюда, наиболѣе любимыя посѣтителями заведенія, въ надеждѣ, что авось-либо попадетъ на требуемое.

Гримальди воспользовался этою поѣздкою и для того, чтобы взглянуть на ломки каменнаго угля. Его посадили въ корзину и опустили въ шахту, на глубину около трехъ сотъ футовъ; едва онъ успѣлъ выдти изъ корзины и отойдти на нѣсколько шаговъ, какъ за самою спиною его, съ ужаснымъ грохотомъ обвалилась глыба угля, вѣсомъ около трехъ тоннъ.—«Боже мой, это что́ такое?» вскричалъ испуганный Гримальди.

— Ничего, отвѣчалъ проводникъ: только кусочикъ угля обвалился; это случается раза по два, по три на день.

— Какъ? вскричалъ Гримальди: нѣтъ, не хочу смотрѣть, велите меня вытащить.

Онъ поспѣшно усѣлся опять въ корзину, и его вытащили; ему вовсе не желательно было, чтобы подобный *кусочекъ* угля обвалился ему на голову.

ГЛАВА XXII.

1818—1823.

Барыши и убытки. — Сынъ Гримальди на Ковентгарденскомъ театрѣ. — Послѣдній ангажементъ въ Садлервельзѣ. — Великанъ на дублинской сценѣ. — Разстройство здоровья. — Кобургскій театръ. — Щедрость Гарриса. — Послѣднее представленіе Гримальди въ Ковентгарденѣ.—Поѣздка въ Чельтенгемъ и Бирмингемъ. — Полковникъ Беркли, Чарльзъ Кембль и Бённъ.

Шестинедѣльная поѣздка въ провинціи, въ 1818 году, доставила Гримальди около 700 фунтовъ; но плохія дѣла Садлервельзскаго театра поглотили всю эту сумму; онъ однакоже надѣялся, что слѣдующій сезонъ поправитъ обстоятельства.

Къ святкамъ на Ковентгарденскомъ театрѣ былъ поставленъ «Арлекинъ Донъ-Кихотъ», который однако не имѣлъ такого успѣха, какъ прежнія пантомимы, несмотря на то, что Гримальди игралъ въ немъ роль Санчо-Пансы. Другой пантомимѣ, «Арлекину и Ченерентолѣ», данной въ апрѣлѣ 1819 года, еще менѣе посчастливилось. Имѣя нѣсколько вечеровъ свободныхъ, Гримальди поѣхалъ въ Линъ, въ Норфолькскомъ графствѣ, и въ четыре вечера собралъ 190 фунтовъ.

Открытіе Садлервельзскаго театра сопровождалось многими затрудненіями и препятствіями. За десять дней до начала сезона, Чарльзъ Добдинъ внезапно отказался отъ званія директора, и съ трудомъ только согласился сдѣлать самыя необходимыя распоряженія на первую недѣлю. Никто не хотѣлъ принимать на себя этой тяжелой должности, и Гримальди долженъ былъ отказаться отъ своей лѣтней поѣздки въ провинцію, со всѣми ея выгодами. Онъ поставилъ пантомиму своего сочиненія, «Эвмениды», которая продержалась весь сезонъ и дала нѣкоторую пользу акціонерамъ.

Въ этомъ году Гримальди началъ ощущать въ себѣ начало того медленнаго, постепеннаго ослабленія силъ, которое принудило его сойдти со сцены въ сорокъ лѣтъ; онъ слишкомъ поздно замѣтилъ, что могъ бы миновать этой участи и совершенно поправить здоровье, еслибъ вовремя удалился на отдыхъ года на два.

Къ святкамъ 1819 года на Ковентгарденскомъ театрѣ была поставлена новая пантомима, «Арлекинъ и Бако»; Гримальди участвовалъ

въ ней вмѣстѣ съ сыномъ, который къ этому времени былъ также ангажированъ на этомъ театрѣ. За пантомимою, послѣ пятидесяти двухъ успѣшныхъ представленій, слѣдовала мелодрама Фарлея, «Ундина».

Въ Садлервельзѣ, между-тѣмъ, дѣла шли все хуже и хуже. Говардъ Пейнъ вызвался взять театръ въ свое содержаніе на одинъ сезонъ; акціонерамъ не откуда было взять директора, и они рѣшились отдать театръ въ наемъ. Говардъ Пейнъ открылъ представленія и приплатилъ значительную сумму, такъ же какъ и сами акціонеры. Гримальди почти приходилъ въ отчаяніе; но бенефисы его дали ему порядочныя деньги, провинція обѣщала еще больше, и онъ отправился въ Дублинъ, не подозрѣвая, что ему еще разъ только придется явиться на Садлервельзскомъ театрѣ,—въ свой прощальный бенефисъ.

Спутниками Гримальди въ этой поѣздкѣ были его сынъ и Элларъ. Всѣ трое получили трехмѣсячные отпуски отъ Ковентгарденскаго театра, и были ангажированы Гаррисомъ, директоромъ Дублинскаго Павильона. Этотъ театръ, передѣланный и приспособленный къ представленіямъ изъ старой бальной залы, былъ чрезвычайно круглъ, и чрезвычайно неудобенъ; сцена была такъ тѣсна, что въ «Арлекинѣ Гулливерѣ» брогдингагскіе великаны не могли проходить между кулисами; долго искали имъ мѣста, и наконецъ пришлось, передъ поднятіемъ занавѣса, одѣть ихъ на сценѣ и поставить въ темномъ углу, изъ котораго они выходили, когда нужно было показаться публикѣ, и куда опять удалялись, чтобъ простоять неподвижно до окончанія пьесы. Ужасно пыхтѣли бѣдные Бробдингаги подъ тяжестью своихъ великанскихъ нарядовъ. Жалко было на нихъ смотрѣть, и Гримальди, послѣ перваго представленія, спросилъ, рѣшатся ли они въ другой разъ подвергнуться такой пыткѣ? — «Мы уже разсуждали объ этомъ между-собою, отвѣчалъ ихъ старшой, и готовы служить вашей милости каждый вечеръ, если вашей милости,—дай вамъ Богъ многія лѣта здравствовать, — угодно будетъ положить намъ по стаканчику улеки на брата, когда занавѣсъ будетъ опущенъ.» Это желаніе было слишкомъ умѣренно, чтобы не удовлетворить его; великаны несли свою службу очень исправно, такъ-же исправно выпивали послѣ каждаго представленія по стакану улеки, и ни разу не были пьяны.

Въ семь недѣль, проведенныя въ Дублинѣ, Гримальди получилъ на свою долю 200 фунтовъ. Возвратившись въ Лондонъ, онъ опять сталъ играть на Ковентгарденскомъ театрѣ съ прежнимъ усердіемъ и съ прежнимъ успѣхомъ.

Садлервельзскій театръ между-тѣмъ былъ отданъ на три сезона въ наемъ мистру Иджертону, одному изъ извѣстнѣйшихъ актеровъ ковент-

гарденской сцены. Гримальди съ давнихъ поръ былъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ; но одна статья контракта такъ не понравилась ему, что онъ не хотѣлъ его подписать, и въ-слѣдствіе этого между ними навсегда возникла нѣкоторая холодность, хотя они не перестали уважать другъ-друга.

Слѣдующею осенью оба Гримальди и Элларъ опять поѣхали въ провинцію, и пробыли пять недѣль въ Бирмингемѣ и столько же въ Дублинѣ, и возвратились съ туго набитыми карманами; однѣ только эти выгодныя поѣздки давали Гримальди возможность выдерживать, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, убытки, упадавшіе на его долю въ Садлер-вельзскомъ театрѣ.

Въ это время Гримальди съ глубокою горестью понялъ, что здоровье его погибло окончательно, и что ему готовилась преждевременная дряхлая старость. Еще въ Дублинѣ, послѣ восемнадцати представленій, онъ почувствовалъ такое изнуреніе, что принужденъ былъ подать объявленіе о болѣзни и совѣтоваться съ врачемъ. Чрезъ недѣлю онъ достаточно поправился, чтобъ играть; но онъ чувствовалъ, что это облегченіе было только временное, и что силы его начинали истощаться съ ужасною быстротою. Предчувствіе его скоро оправдалось. Обратный путь въ Лондонъ изнурилъ его до крайности, и онъ пріѣхалъ совершенно больной. Несмотря на то, онъ взялъ роль въ новой пантомимѣ, «Желтый Карло»; онъ игралъ карла, а сынъ его мичмана.

Всю зиму и весну здоровье Гримальди было въ томъ же неутѣшительномъ положеніи; по временамъ случалось, что онъ нѣсколько дней чувствовалъ себя лучше, и въ немъ воскресала надежда. Можетъ-быть, онъ еще и могъ бы поправиться, еслибъ каникулы Ковентгарденскаго театра посвятилъ отдыху; но содержатель Кобургскаго театра (что нынче театръ Викторіи) сдѣлалъ ему предложеніе, противъ котораго онъ не могъ устоять. Шестинедѣльный ангажементъ доставилъ ему значительную сумму, и онъ могъ бы заработать еще больше, еслибъ разстройство здоровья не принудило его прервать представленія.

Ему совѣтовали пользоваться чельтенгемскими минеральными водами. Онъ отправился туда въ августѣ, и скоро такъ поправился, что могъ принять предложеніе Фарлея и Аббота, и дать двѣнадцать представленій на чельтенгемскомъ театрѣ. Затѣмъ онъ возвратился въ Лондонъ здоровѣе и веселѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Сезонъ Ковентгарденскаго театра открылся пантомимою «Арлекинъ и Змѣй-Горыничъ, или Сонная красавица», имѣвшею неслыханный успѣхъ. Правда, что Гаррисъ не щадилъ ни труда, ни издержекъ для своего театра. Онъ былъ очень снисходителенъ къ своимъ артистамъ,

и позволялъ имъ разныя прихоти, на которыя другой директоръ не согласился бы; но зато умѣлъ внушать имъ такое рвеніе къ успѣху пьесы, такое усердіе въ исполненіи обязанностей, что всегда оставался въ выигрышѣ. Всѣ костюмы для новой пантомимы были сдѣланы на счетъ дирекціи; главнымъ актерамъ на каждое представленіе отпускалось по полбутылкѣ вина, а въ день перваго представленія директоръ угостилъ всѣхъ отличнымъ обѣдомъ. Само-собою разумѣется, что все это не мало способствовало къ успѣху пьесы.

Къ пасхѣ 1823 года пантомима замѣнилась новою мелодрамою Фарлея, «Ликъ солнца, или Перуанская сиротка». Гримальди и въ этой пьесѣ взялъ одну изъ главныхъ ролей, но съ первыхъ же представленій почувствовалъ, что силы его уже не соотвѣтствовали требованіямъ; члены его одервенѣли, мускулы ослабѣли, напряженіе причиняло ему невыносимыя судороги. Зрители, хохотавшіе до упаду выходкамъ своего любимаго клоуна, не подозрѣвали, чего они ему стоили; публика не знала, что каждый разъ, какъ онъ уходилъ за кулисы, два человѣка брали его на руки и терли ему члены до слѣдующаго его выхода. Такъ прошли двадцать три представленія; въ двадцать-четвертое онъ едва доигралъ роль до конца, и по окончаніи пьесы, когда вышелъ въ уборную, почти упалъ безъ чувствъ. Когда физическое страданіе нѣсколько унялось, оно смѣнилось еще болѣе мучительными мыслями. Онъ припомнилъ, какъ началась и постепенно развивалась болѣзнь, вспомнилъ, что всѣ старанія искуснѣйшихъ врачей остались безполезны, и ясно увидѣлъ горькую истину, что ему пора отказаться отъ своего поприща. Онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ ребенокъ. На слѣдующее утро онъ объявилъ дирекціи, что по болѣзни не можетъ болѣе играть.

Сынъ его взялъ роль, и явился въ ней въ этотъ же вечеръ, съ большимъ успѣхомъ. Пьеса давалась во все продолженіе сезона; но Гримальди уже и не пытался участвовать въ ней, хотя по временамъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Прошло еще два года, прежде, чѣмъ онъ окончательно отказался отъ всякой надежды возвратиться на сцену.

Въ августѣ онъ опять поѣхалъ въ Чельтенгемъ, и минеральная вода такъ поправила и подкрѣпила его, что онъ могъ даже раза два играть для своего пріятеля, Фарлея, содержавшаго тамъ театръ. Послѣ того явился къ нему директоръ бирмингемскаго театра, и сказалъ, что Чарльзъ Кембль * даетъ у него представленія и прислалъ его въ Чель-

* Младшій братъ Джона Кембля, и отецъ знаменитой мисъ Фанни Кембль. Онъ отли-

тенгемъ сговориться насчетъ роли съ полковникомъ Беркли, обѣщавшимъ участвовать въ его бенефисѣ; и что онъ самъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ повидаться съ Гримальди, и просить его дать въ Бирмингемѣ два представленія. Гримальди сначала не хотѣлъ объ этомъ слышать; но директоръ такъ убѣдительно просилъ его, что онъ наконецъ согласился, съ тѣмъ, чтобы получить половину сбора.

Онъ пріѣхалъ въ Бирмингемъ къ бенефису Кембля, и воспользовался этою встрѣчею, чтобы устроить дѣла своего сына, пріѣхавшаго съ нимъ. Онъ въ тотъ же вечеръ объявилъ Кемблю, что Дрюриленская дирекція предлагала его сыну восемь фунтовъ въ недѣлю; но что если на Ковентгарденскомъ театрѣ дадутъ ему шесть фунтовъ въ недѣлю, онъ предпочтетъ тотъ театръ, на которомъ отецъ его столько лѣтъ пользовался благосклонностью директоровъ и публики. Кембль, разумѣется, съ признательностью принялъ предложеніе и тотчасъ подписалъ условія.

Полковникъ Беркли очень обрадовался, встрѣтивъ Гримальди. Онъ страстно любилъ драматическое искусство, и самъ игралъ не какъ простой любитель, а какъ опытный артистъ. Ему очень хотѣлось играть съ Гримальди, и именно роль Орсона въ пьесѣ «Орсонъ и Валентинъ», и Гримальди не могъ отказать ему въ этомъ удовольствіи. «Хорошо, отвѣчалъ полковникъ, я считаю это дѣломъ рѣшенымъ; когда ваши занятія здѣсь кончатся, пріѣзжайте на одинъ вечеръ въ Чельтенгемъ, а я между-тѣмъ все устрою съ Фарлеемъ; сынъ вашъ будетъ играть Зеленаго-рыцаря, и вы получите отъ меня сто фунтовъ. Посмотримъ, какъ удастся намъ вдвоемъ потѣшить поблику.»

Гримальди сначала думалъ отложить это представленіе до другаго времени и не играть уже до возвращенія своего, къ святкамъ, на Ковентгарденскій театръ; но склонился на просьбы и щедрыя обѣщанія полковника. Однако этому плану не суждено было осуществиться. Для драматическаго поприща Гримальди пробилъ послѣдній часъ. Два представленія его въ Бирмингемѣ прошли, какъ нельзя удачнѣе, тѣмъ болѣе, что Гримальди чувствовалъ себя гораздо лучше. Простившись съ директоромъ и получивъ отъ него двѣсти фунтовъ, Гримальди отправился въ Чельтенгемъ. Мистръ Бённъ искренно пожелалъ ему скораго и совершеннаго выздоровленіи, возвращенія въ Бирмингемъ, гдѣ его ждалъ опять самый лестный пріемъ публики.

Не такъ было опредѣлено судьбою. Краткое одушевленіе и возстановленіе силъ было только послѣднею ихъ вспышкою передъ оконча-

чался особенно въ роляхъ знатныхъ молодыхъ людей; лучшею его ролью считался Фоконбриджъ въ «Королѣ Іоаннѣ». *Прим. пер.*

тельнымъ истощеніемъ. Ему послѣ этого было суждено только два раза явиться на сценѣ, — въ свои прощальныя представленія.

ГЛАВА XXIII.

1823—1827.

Тѣлесныя и душевныя страданія. — Гримальди оставляетъ Ковентгарденскій театръ. — Садлервельзскій театръ; новая система, и ея послѣдствія. — Сэръ Джемсъ Скарлетъ и отраженіе его лица.

Мы дошли до той эпохи въ жизни Гримальди, съ которой начался для него непрерывный рядъ страданій и огорченій, приведшихъ его наконецъ къ могилѣ. Мы постараемся, по примѣру самого Гримальди, пройдти это время поскорѣе, потому-что подробное описаніе физическихъ и душевныхъ страданій не можетъ быть занимательно для читателя.

По возвращеніи въ Чельтенгемъ, Гримальди захворалъ, пролежалъ четыре недѣли, и всталъ съ постели калѣкою на всю жизнь.

Гримальди нѣжно любилъ своего единственнаго сына и не щадилъ ни труда, ни издержекъ на его воспитаніе. До этого времени сынъ казался вполнѣ достойнымъ любви и попеченій родителей, и обѣщалъ наслѣдовать и поддержать славу отца; но вдругъ въ немъ произошла непостижимая перемѣна, принудившая наконецъ дирекцію отказать ему. Еще въ Чельтенгемѣ узналъ отецъ объ этой горестной перемѣнѣ. Онъ только что всталъ послѣ тяжкой болѣзни, какъ явился къ нему чиновникъ городскаго управленія, и объявилъ, что сынъ его посаженъ въ тюрьму за пьянство и буйные поступки. Гримальди заплатилъ штрафъ, и сынъ его былъ освобожденъ; но во-время борьбы молодаго Гримальди съ констеблями была нанесена ему опасная рана въ голову. Полагали, что разсудокъ его пострадалъ въ-слѣдствіе этой раны, ибо съ этого времени онъ сталъ другимъ человѣкомъ, былъ подверженъ падучей болѣзни, и дѣлалъ вещи, ясно свидѣтельствовавшія о разстройствѣ его умственныхъ способностей. Въ 1828 году открылись въ немъ признаки рѣшительнаго помѣшательства, съ припадками бѣшенства.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, Гримальди совѣтовался о своей болѣзни со всѣми знаменитѣйшими врачами столицы; всѣ оказывали совершенную готовность служить ему своимъ знаніемъ и искусствомъ, но ни одинъ не давалъ надежды на полное исцѣленіе. Гримальди пришелъ въ отчаяніе, когда узналъ, что будетъ на всю жизнь лишенъ употребленія членовъ, и что ему придется совсѣмъ отказаться отъ театра, которому была посвящена вся его жизнь, съ самой колыбели. Положеніе его было

тѣмъ горестнѣе, что театръ доставлялъ ему ежегодно до полуторы тысячъ фунтовъ, а по пресѣченіи этого дохода все его состояніе ограничивалась нѣсколькими сотнями фунтовъ и его частью въ Садлервельзскомъ театрѣ. Оправившись отъ перваго пораженія, онъ послалъ въ ковентгарденскую дирекцію объявленіе о своемъ болѣзненномъ состояніи, принуждавшемъ его окончательно отказаться отъ драматическаго поприща. Акціонеры приняли это извѣщеніе съ искреннею горестью, и послѣ нѣсколькихъ засѣданій и совѣщаній рѣшились передать первыя роли клоуна на предстоящій сезонъ молодому Гримальди, который и дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ въ новой пантомимѣ «Арлекинъ и бѣдный Робинъ». Отецъ присутствовалъ при его дебютѣ и очень радовался его успѣху. Дирекція явила необыкновенную щедрость: тотчасъ увеличила содержаніе сына, и самому отцу оставила по пяти фунтовъ въ недѣлю на весь сезонъ.

По истеченіи трехъ лѣтъ, на которые Садлервельзскій театръ былъ отданъ Эджертону, прочіе акціонеры спросили Гримальди, должно ли имъ оставить театръ за собою, или продать его. Послѣ многихъ переговоровъ и споровъ было рѣшено отдать его на одинъ сезонъ въ наемъ мистру Вильямзу, содержателю Суррейскаго театра.

Нѣсколько времени спустя, мистръ Вильямзъ пришелъ къ Гримальди, поговорить о дѣлѣ; въ разговорѣ Гримальди спросилъ его, между-прочимъ, какъ онъ думаетъ справиться съ двумя театрами и имѣть отъ нихъ пользу?

— Очень просто, отвѣчалъ Вильямзъ: вы конечно согласитесь, что если на оба театра употребить одинаковыя средства, на обоихъ имѣть одинаковую, то-есть равно хорошую труппу, оба могутъ дать выгоду?

— Согласенъ, отвѣчалъ Гримальди, стараясь придумать, къ чему бы вело это разсужденіе.

— Вы согласны, и я тоже, продолжалъ Вильямзъ: вотъ я и основываю на этомъ началѣ всѣ свои мѣры. Я предполагаю держать одну труппу для обоихъ театровъ; одна часть будетъ играть сначала въ Садлервельзѣ, потомъ въ Сурреѣ, другая наоборотъ, я уже и экипажи заказалъ для перевозки актеровъ изъ одного театра въ другой.

Этотъ планъ, за который въ послѣдствіи хватались и другіе театры, былъ приведенъ въ исполненіе весною 1824 года, и оказался весьма неудачнымъ. Вильямзъ понесъ большіе убытки, и до окончанія сезона принужденъ былъ сдать театръ акціонерамъ, не доплативъ имъ за наемъ; акціонеры въ свою очередь понесли новые убытки, потому-что не были приготовлены къ предпріятію.

Домашнія обстоятельства Гримальди въ этомъ году были самыя не-

чальныя. Онъ жилъ немногими сотнями фунтовъ, которыя успѣлъ скопить, и притомъ не процентами, а капиталомъ, такъ что съ каждымъ днемъ становился бѣднѣе; съ другой стороны, сынъ его, получивъ хорошее содержаніе, вдругъ покинулъ родительскій домъ и бросился въ мотовство. Отецъ писалъ къ нему, просилъ, умолялъ его возвратиться, но сынъ не отвѣчалъ и не отставалъ отъ своихъ безразсудствъ. Въ-продолженіе четырехъ лѣтъ старикъ только изрѣдка видалъ сына на сценѣ Садлервельзскаго театра, или встрѣчалъ его на улицѣ. И во все это время онъ получилъ отъ сына только пару самыхъ прискорбныхъ для него строкъ. Онъ писалъ къ сыну о своемъ бѣдственномъ положеніи и просилъ помощи. Сынъ въ это время былъ ангажированъ на двухъ театрахъ и получалъ хорошее содержаніе; тѣмъ не менѣе онъ уклонился отъ просьбы отца, отговариваясь неимѣніемъ свободныхъ денегъ въ настоящее время, и обѣщая, какъ скоро поправится, раздѣлить съ нимъ послѣднюю копѣйку. Но помощь его ограничилась обѣщаніемъ; послѣ того, онъ уже не писалъ къ отцу, и за исключеніемъ двухъ прощальныхъ представленій старика Гримальди, въ которыхъ онъ принялъ участіе, даже не показывался ему на глаза до 1828 года, когда пришелъ просить у него убѣжища и хлѣба.

Въ 1825 году акціонеры рѣшились открыть Садлервельзскій театръ на собственный счетъ. Они пригласили Томаса Дибдина въ директоры, и рѣшили, что одинъ изъ нихъ поселится въ зданіи театра, для помощи директору и для надзора за его дѣйствіями. Какъ Гримальди нечего было дѣлать, то одинъ изъ акціонеровъ, мистръ Джонзъ, предложилъ поручить ему эту должность, назначивъ на его содержаніе по четыре фунта въ недѣлю, Само собою разумѣется, что Гримальди съ радостью и признательностью принялъ порученіе. Сезонъ начался очень дѣятельно; акціонеры не щадили денегъ, рѣшились допустить мѣру, никогда не бывалую на Садлервельзскомъ театрѣ, половинныя цѣны *, и играть, вмѣсто шести, двѣнадцать мѣсяцевъ въ году; послѣдняя мѣра была основана на томъ, что кварталъ, въ которомъ въ первые годы драматическаго поприща Гримальди всѣ дома были на перечетъ и раздѣлялись огромными пустошами, къ этому времени застроился и сталъ многолюднымъ городомъ. Несмотря, однако, на всѣ эти усилія, по окончаніи сезона оказалось убытку на 1400 фунтовъ.

Въ слѣдующемъ году дирекція признала нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя

* Въ нѣкоторыхъ лондонскихъ театрахъ заведенъ обычай послѣ втораго дѣйствія главной пьесы впускать публику за половинную цѣну. Зрители за эту половинную цѣну могутъ видѣть конецъ пьесы и дивертисиментъ (the entertaiment), который для низшихъ классовъ составляетъ лучшую часть представленія. *Прим. пер.*

измѣненія въ своемъ планѣ, сокративъ расходы по всѣмъ отраслямъ театральнаго управленія. Сверхъ-того она прибѣгла къ конным упражненіямъ, которыя вполнѣ оправдали ея ожиданія, и имѣли такой успѣхъ, что въ нѣсколько недѣль покрыли весь убытокъ предыдущаго года. Слѣдующій сезонъ былъ также довольно выгоденъ, и Гримальди началъ надѣяться, что его акціи станутъ наконецъ приносить ему пользу.

Около этого времени случилось Гримальди быть свидѣтелемъ въ одномъ тяжебномъ дѣлѣ, и удачный отвѣтъ его при этомъ случаѣ насмѣшилъ всѣхъ присутствующихъ почти столько же, сколько смѣшили его забавныя выходки на театрѣ. Какъ только онъ показался на мѣстѣ, отведенномъ для свидѣтелей, въ залѣ произошло движеніе, потому-что всѣ хотѣли посмотрѣть вблизи и послушать такаго знаменитаго человѣка. Адвокатъ, который долженъ былъ спрашивать его, сэръ Джемзъ Скарлетъ, всталъ, осмотрѣлъ его съ большимъ вниманіемъ, истиннымъ, или притворнымъ, и сказалъ: — «Позвольте спросить, сэръ, вы не знаменитый-ли мистръ Гримальди съ Ковентгарденскаго театра?»

Гримальди смѣшался, тѣмъ болѣе, что сотни любопытныхъ глазъ были устремлены на него, и нѣсколько покраснѣвъ, отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно нѣсколько лѣтъ состоялъ въ труппѣ Ковентгарденскаго театра пантомимнымъ актеромъ. «Я васъ очень хорошо помню, продолжалъ сэръ Джемзъ Скарлетъ. Вы человѣкъ съ огромнымъ талантомъ, сэръ. Гмъ! такъ вы точно тотъ самый Гримальди?»

Гримальди смѣшался еще больше прежняго, вертѣлся во всѣ стороны, а лицо его все болѣе и болѣе разгоралось. «Да полноте же краснѣть, мистръ Гримальди; пожалуйста, не краснѣйте, вамъ рѣшительно нечего краснѣть, продолжалъ сэръ Джемзъ Скарлетъ».—Онъ видно былъ охотникъ пошутить, этотъ сэръ Джемзъ Скарлетъ.—«Да я и не краснѣ», отвѣчалъ Гримальди.—«Увѣряю васъ, вамъ нечего краснѣть, мистръ Гримальди», повторилъ сэръ Джемзъ.—«Увѣряю васъ, что я и не думаю краснѣть, возразилъ Гримальди, начиная сердиться, а лицо его между-тѣмъ такъ пылало, что публика не могла удержаться отъ смѣху.—«Увѣряю васъ, мистръ Гримальди, что вы ужасно покраснѣли», продолжалъ сэръ Джемзъ, улыбаясь.—«Извините, возразилъ Гримальди: не мудрено, что вы видите на моемъ лицѣ пунсовый цвѣтъ; но повѣрьте, что это только отраженіе вашей особы.» * Всѣ присутствующіе захохотали; сэръ Джемзъ также засмѣялся, оставилъ шутки и принялся за дѣло.

* Имя этого адвоката, Scarlet, означаетъ пунсовый цвѣтъ. *Прим. пер.*

ГЛАВА XXIV.

1828.

Прощальный бенефисъ и рѣчь Гримальди на Садлервельзскомъ театрѣ. — Приготовленія къ представленію въ Ковентгарденѣ и ихъ неудача — Бенефисъ на Дрюриленскомъ театрѣ. — Послѣднее свиданіе съ Чарльзомъ Кемблемъ и Фосетомъ.

Въ февралѣ 1828 года явилась однажды къ Гримальди даровитая и всѣми уважаемая артистка, мисъ Келли, провѣдать его и узнать, оставалась-ли ему какая-либо надежда снова выступить на сцену. Онъ печально отвѣчалъ, что отказался отъ всякой надежды. «Что-жъ вы не устроите прощальнаго бенефиса? спросила мисъ Келли: или вы такъ богаты, что о нѣсколькихъ лишнихъ сотняхъ фунтовъ и хлопотать не стоитъ?»

Гримальди покачалъ головою и сказалъ, что онъ гораздо бѣднѣе, чѣмъ кто-либо полагалъ, и лишится послѣднихъ своихъ средствъ пропитанія, какъ скоро акціонерамъ Садлервельзскаго театра вздумается опять отдать свой театръ въ наемъ. Что-жъ касалось бенефиса, онъ объяснилъ, что здоровье не позволяло ему принять на себя такія хлопоты, да и денегъ у него не было лишнихъ, чтобы подвергаться опасности приплатиться.»

— Предоставьте всѣ хлопоты мнѣ, я все устрою, сказала мисъ Келли: вамъ надо непремѣнно взять два бенефиса, одинъ въ Садлервельзѣ, другой въ Ковентгарденѣ. Вы сами поговорите только съ директорами, а остальное — мое дѣло.

Увѣренность мисъ Келли придала мужества самому Гримальди. Онъ тотчасъ отправился въ Садлервельзъ и объявилъ о своемъ желаніи; директоры приняли его очень любезно, безъ всякаго затрудненія отдали ему театръ на одинъ вечеръ, не требуя платы, и назначили день; а мистръ Дибдинъ созвалъ труппу и предложилъ артистамъ доказать свое уваженіе и дружбу нуждающемуся товарищу безвозмезднымъ участіемъ въ его бенефисѣ. Всѣ съ радостью согласились на предложеніе, и на слѣдующій же день афиша Садлервельзскаго театра объявила на понедѣльникъ, 17 марта 1828 года, бенефисъ и послѣднее представленіе Гримальди. «Объявляется высокопочтенной публикѣ», возвѣщала афиша, «что мистръ Гримальди, страдая уже четвертый годъ тяжелымъ недугомъ и не имѣя никакой надежды на выздоровленіе, видитъ себя въ необходимости отказаться отъ поприща, на которомъ онъ съ самаго дѣтства пользовался постоянною и лестною милостью публики. Но онъ не можетъ оставить театра, бывшаго столько лѣтъ свидѣтелемъ его успѣховъ, не изъявивъ желанія лично выразить свою благодарность публикѣ, постоян-

но удостоивавшей его своего вниманія; хотя онъ понимаетъ, какъ трудно будетъ ему высказать достойнымъ образомъ свои чувства, тѣмъ не менѣе онъ намѣренъ изъявить свою благодарность по мѣрѣ силъ, и заключить свое поприще горестнымъ

ПОСЛѢДНИМЪ ПРОЩАНІЕМЪ.

Представленіе начнется знаменитою волшебною пьесою «Сумбуръ, или Лукавый», въ которой Гримальди исполнитъ роль Гока (пьянаго плѣнника). Потомъ будутъ даны отличная бурлеска «Гумфрей Клинкеръ», любимый публикою фарсъ «Жены и мужья», и большой маскарадъ, въ которомъ будетъ много разнообразныхъ новостей: танцованіе на свободномъ канатѣ, — исполнитъ мистъ Блекморъ; танецъ Бо́ба гуляки, — мистръ Вальборнъ; пѣсня «Корабельный юнга», — мистръ Кемпбель; танцованіе на натянутомъ канатѣ, — мистръ Серль; жонглерскіе фокусы, — мистръ Пейнъ; знаменитый танецъ Дж. Гримальди младшаго и мистра Эллара *. Затѣмъ мистръ Гримальди произнесетъ свою прощальную рѣчь, а въ заключеніе будетъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ, который изобразитъ

БЛАГОДАРНОСТЬ ГРИМАЛЬДИ.

Бенефисъ былъ самый блистательный; театръ былъ набитъ биткомъ. Гримальди взялъ только небольшую роль въ первой пьесѣ, но и ту съ трудомъ доигралъ до конца. По окончаніи представленія, онъ произнесъ слѣдущую рѣчь: «Милостивые государи и государыни! Въ послѣдній разъ видите вы меня нынче на этой сценѣ. Безъ сомнѣнія, многіе изъ присутствующихъ считаютъ меня старикомъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы исправить ошибку: я родился 18 декабря 1779 года, и слѣдовательно 18 декабря прошлаго года минуло мнѣ 48 лѣтъ. Не было мнѣ еще трехъ лѣтъ, когда отецъ представилъ меня публикѣ на этомъ театрѣ, съ которымъ я съ-тѣхъ-поръ почти не разлучался. Да, милостивые государи и государыни, я на сценѣ уже сорокъ три года. Стараніемъ, трудомъ, ревностью къ исполненію обязанностей, я дошелъ до той степени въ моемъ амплуа, на которой вы меня видѣли, и съ гордостью могу сказать, что ваше милостивое расположеніе много разъ ободряло меня. Теперь, три года уже страдаю я тяжелымъ неду-

* Этотъ пестрый спектакль совершенно во вкусѣ англійскихъ театровъ. Въ Садлервельзскомъ театрѣ, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, каждый зритель получалъ еще четверть бутылки портвейну, которой цѣна заключалась уже въ платѣ за мѣсто. Само собою разумѣется, что при подобномъ составѣ афиши, съ придачею вина, представленія были очень шумны.

Прим. пер.

гомъ; сначала я надѣялся, что здоровье мое понравится и что мнѣ можно будетъ и впредь заслуживать ваше вниманіе; но наконецъ съ прискорбіемъ долженъ сознаться, что безразсудно было бы мнѣ думать еще о возвращеніи на сцену. Однако я не могъ разстаться съ этимъ театромъ, не принесши своимъ друзьямъ, покровителямъ и всей высокопочтенной публикѣ моей искренней благодарности, и приношу ее въ твердомъ убѣжденіи, что вы не признаете ее недостойною вашего снисхожденія. Владѣльцамъ этого театра и всѣмъ членамъ его труппы и оркестра изъявляю также искреннюю благодарность за дружеское участіе ихъ въ этомъ представленіи. Затѣмъ, милостивые государи и государыни, остается мнѣ только произнести страшное для меня слово: Прощайте! Да хранитъ васъ всѣхъ Господь Богъ! да ниспошлетъ онъ на васъ и близкихъ вамъ свои драгоцѣннѣйшія блага, здоровье и счастіе! Это мое искреннее и послѣднее желаніе! Прощайте!»

Публика выслушала рѣчь со вниманіемъ и съ участіемъ. Самъ Гримальди былъ такъ растроганъ, что нѣсколько дней не могъ оправиться, и охотно отказался бы отъ повторенія этой тяжкой для него сцены въ Ковентгарденѣ, еслибъ мисъ Келли не поддерживала его мужества.

Вскорѣ послѣ того мистръ Дибдинъ отказался отъ Садлервельзскаго театра. Преемникомъ его былъ Кемпбель, управлявшій театромъ въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, къ совершенному удовольствію акціонеровъ.

25 марта Гримальди отправился въ Ковентгарденъ, гдѣ всѣ артисты встрѣтили его, какъ стараго друга и товарища. Кембль также принялъ его очень любезно.

— Надѣюсь, Гримальди, сказалъ онъ, что вы пришли обрадовать насъ вѣстью, что чувствуете себя въ силахъ возвратиться на сцену?

— Напротивъ того, отвѣчалъ Гримальди: я пришелъ подтвердить, что долженъ навсегда отказаться отъ театра.

— Очень жаль, Гримальди, я не того ожидалъ

— Много лѣтъ уже мы знакомы съ вами, началъ Гримальди послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, много, очень много лѣтъ.

— И я увѣренъ, продолжалъ Гримальди, что вы не откажете мнѣ въ услугѣ, если она въ вашей власти.

— Приказывайте, Гримальди.

Гримальди объяснилъ, что онъ думалъ дать прощальное представленіе въ Ковентгарденѣ, и для того просилъ Кембля позволить ему воспользоваться театромъ за возможно-умѣренную цѣну.

— Любезный Гримальди, отвѣчалъ Кембль, выслушавъ его со вни-

маніемъ и нѣсколько подумавъ: — еслибъ театръ принадлежалъ мнѣ одному, я отдалъ бы его въ полное ваше распоряженіе безъ всякой платы; но къ сожалѣнію между участниками производится тяжба въ судѣ, и мы ничего не можемъ сдѣлать безъ согласія другихъ. Впрочемъ, каждый вторникъ бываетъ собраніе акціонеровъ; я непремѣнно доложу имъ, и тотчасъ извѣщу васъ.

Гримальди поблагодарилъ и ушелъ. Недѣли три ждалъ онъ извѣстія отъ Кембля; наконецъ, узнавъ изъ газетъ, что онъ собирался въ Эдинбургъ, рѣшился написать ему, и на другой день получилъ записку отъ бухгалтера, въ которой извѣщался, что по случаю запутанныхъ обстоятельствъ театра, акціонеры, къ крайнему своему прискорбію, не могли исполнить его желанія. Этотъ отвѣтъ очень огорчилъ Гримальди, тѣмъ болѣе, что многолѣтняя его служба въ Ковентгарденѣ и расположеніе къ нему публики этого театра давали ему нѣкоторыя права на снисхожденіе со стороны акціонеровъ. Онъ уже думалъ, не обратиться-ли ему къ мистру Прайсу, содержателю Дрюриленскаго театра; но разсудивъ, что это будетъ безполезный трудъ, отказался отъ этой мысли. Такъ прошло еще недѣли три, какъ вдругъ онъ неожиданно получилъ записку отъ Дрюриленскаго бухгалтера, мистра Денна, который просилъ его пожаловать къ директору, желавшему поговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Гримальди явился въ назначенное время. Мистръ Прайсъ не могъ принять его, будучи занятъ дѣломъ, но поручилъ своему бухгалтеру сказать, что узнавъ о намѣреніи мистра Гримальди дать прощальное представленіе, онъ поставлялъ себѣ долгомъ отдать театръ въ его распоряженіе на 27 іюня, предпослѣдній день сезона, и жалѣлъ, что это былъ единственный свободный день; въ противномъ случаѣ онъ предоставилъ бы самому мистру Гримальди выборъ дня.

Гримальди съ признательностью принялъ предложеніе. Долго думалъ онъ, кому бы могъ быть обязанъ расположеніемъ мистра Прайса, и заключилъ, что это былъ никто иной, какъ лордъ Сигревъ *; въ этой догадкѣ утвердила его и мисъ Келли, сказавъ, что лордъ Сигревъ, узнавъ о его бѣдственномъ положеніи, обѣщалъ хлопотать за него у мистра Прайса.

Кромѣ доброй мисъ Келли, многіе другіе артисты предложили свое содѣйствіе, чтобы устроить бенефисъ.

По возвращеніи Чарльза Кембля изъ Эдинбурга, въ іюнѣ мѣсяцѣ, Гримальди пошелъ поблагодарить его за ходатайство и извѣстить его объ устроившемся бенефисѣ въ Дрюриленѣ. Помня старую дружбу

* Бывшій полковникъ Беркли, о которомъ говорено въ предыдущихъ главахъ.
Прим. пер.

Кембля, Гримальди былъ увѣренъ, что это извѣстіе порадуетъ его. Тѣмъ болѣе удивился онъ, когда увидѣлъ въ лицѣ Кембля выраженіе не радости, не удовольствія, а одного изумленія.

— Какъ, бенефисъ въ Дрюриленѣ! вскричалъ Кембль недовѣрчиво.

— Да сэръ, дѣло уже улажено, и я пришелъ сообщить вамъ о томъ, зная участіе, которое вы всегда принимали во мнѣ.

Съ этими словами онъ подалъ Кемблю афишу. Въ ней объявлялось о предстоящемъ бенефисѣ Гримальди на Дрюриленскомъ театрѣ и о намѣреніи его проститься съ публикою; вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялось сожалѣніе о томъ, что обстоятельства, въ которыхъ находился Ковентгарденскій театръ, не позволили Гримальди исполнить свое желаніе на этомъ театрѣ, и благодарность мистру Прайсу за его великодушное содѣйствіе. Кембль прочиталъ объявленіе съ начала до конца, и лицо его нахмурилось еще больше. Въ эту минуту вошелъ Фосетъ. «Прочитайте, сказалъ ему Кембль, подавая афишу. Фосетъ прочиталъ ее, и положилъ на столъ съ такимъ видомъ, какъ-будто или не понималъ, или не зналъ, что́ сказать. Наконецъ онъ спросилъ, что́ это значитъ; Кембль хотѣлъ объяснить ему, но Гримальди перебилъ его.

— Извините, сэръ, сказалъ онъ; если вы избираете мистра Фосета въ судьи, то нужно, чтобы ему были извѣстны всѣ обстоятельства.

Затѣмъ онъ объяснилъ ему, въ чемъ было дѣло; и когда онъ кончилъ, Кембль вскричалъ съ выраженіемъ досады:

— Что́-жъ вы тотчасъ не сказали, что если мы вамъ откажемъ, вы дадите свое представленіе на другомъ театрѣ? Мы лучше дали бы вамъ театръ даромъ, а не допустили бы, чтобы вы обратились къ другому.

Это неожиданное восклицаніе очень удивило Гримальди; онъ объявилъ, что онъ вовсе и не думалъ обращаться къ мистру Прайсу, но что мистръ Прайсъ самъ предложилъ ему свой театръ, въ-слѣдствіе ходатайства неизвѣстнаго ему покровителя. Затѣмъ онъ попросилъ Фосета сказать свое мнѣніе.

— Признаюсь, отвѣчалъ Фосетъ, что будь я на мѣстѣ мистра Гримальди, я поступилъ бы точно также. Впрочемъ, продолжалъ онъ, я думаю, что лучше бы не пускать въ свѣтъ этой афиши. Она обидна для нашего театра, а никакой существенной пользы принести не можетъ.

Гримальди изъявилъ готовность уничтожить объявленіе, и сказалъ Кемблю, что если онъ могъ доставить ему театръ безплатно, то отказъ его былъ вовсе невеликодушенъ, и что онъ, Гримальди, не того ждалъ отъ стараго друга. Затѣмъ онъ вышелъ, и болѣе не видался уже ни съ Кемблемъ, ни съ Фосетомъ. По болѣе спокойномъ размышленіи,

онъ разсудилъ однако, что у Кембля, въ затруднительномъ его положеніи, были, безъ сомнѣнія, очень уважительныя причины къ отказу, потому-что невозможно было предполагать, чтобы онъ желалъ повредить человѣку, которому всегда оказывалъ участіе и дружбу.

ГЛАВА XXIV.

1828 — 1836.

Прощальное представленіе Гримальди въ Друриленѣ. — Вспомогательная касса этого театра. — Смерть сына и жены Гримальди. — Возвращеніе его изъ Вульвича въ Лондонъ. — Заключеніе.

Бенефисъ Гримальди превзошелъ всѣ его ожиданія; множество любимыхъ публикою артистовъ вызвалось участвовать въ немъ. Не малую выгоду доставило бенефиціянту то, что наканунѣ кончился сезонъ Ковентгарденскаго театра. За часъ до представленія въ партерѣ и въ галереяхъ не было уже ни одного свободнаго мѣста; ложи были разобраны еще прежде. Въ послѣдней пьесѣ Гримальди сыгралъ одну небольшую сцену, но сидя, потому-что стоять ему было слишкомъ трудно. Несмотря на то, въ немъ было еще столько стараго его юмору и комизма, что театръ все время помиралъ со смѣху. Комическіе куплеты сошли также очень удачно. По окончаніи пантомимы, онъ вышелъ, уже не клоуномъ, а во фракѣ, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ. Когда шумъ утихъ, онъ произнесъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, слѣдующую рѣчь:

— Милостивые государи и государыни! Я сложилъ костюмъ клоуна, позвольте мнѣ также сложить молчаливость клоуна и сказать вамъ нѣсколько словъ на прощаніе. Рано началъ я свое сценическое поприще, и кончаю его преждевременно. Я прожилъ всего сорокъ восемь лѣтъ, а уже иду подъ гору быстрѣе моего тески, извѣстнаго вамъ Джо Андерсона *. Подобно слишкомъ нетерпѣливому честолюбцу, я перебѣжалъ за цѣпь, и теперь наказанъ преждевременною смертью. Если я сохранилъ еще способность кувыркаться, то она происходитъ отъ слабости моего тѣла, ибо я теперь стою на ногахъ не такъ твердо, какъ прежде могъ стоять на головѣ. Вотъ уже четыре года прошло послѣ того, какъ я совершилъ послѣдній прыжокъ, стянулъ послѣднюю устрицу, изжарилъ послѣднюю сосиску, — и принужденъ былъ удалиться со сцены. И я долженъ сознаться, что въ уединеніи моемъ было мнѣ далеко не такое

* Намекъ на прелестную пѣсню Бернса, «John Anderson my Jo, John», въ которой старуха жена напоминаетъ своему старику мужу счастливо прожитые вмѣстѣ года, и грустно размышляетъ о томъ, какъ быстро жизнь ихъ клонится къ концу. *Прим. пер.*

раздольное житье, какъ во времена моего клоунства, когда, какъ многимъ изъ васъ помнится, въ одномъ карманѣ торчала у меня жареная пулярдка, а въ другомъ была къ ней подливка. Сегодня еще разъ надѣлъ я пестрый нарядъ,—и онъ не хотѣлъ оторваться отъ моего тѣла, когда я сталъ раздѣваться, и гремушки на моемъ колпакѣ зазвучали такъ грустно и уныло, когда я сложилъ ихъ въ послѣдній разъ! Съ тѣмъ же чувствомъ глубокаго почтенія, какъ и всегда, предсталъ я нынче передъ васъ, мою послѣднюю публику, — передъ это благосклонное собраніе, которое своимъ милостивымъ пріемомъ опровергаетъ общее повѣрье, будто у любимцевъ не можетъ быть друзей. Примите мою искреннюю, сердечную благодарность за чувство, которое привело васъ сюда, и повѣрьте, что Джозефъ Гримальди не одними устами прощается съ вами, но и слезою на его глазахъ. Прощайте! Вашъ покорный и преданный слуга будетъ всегда искренно желать вамъ величайшаго изъ благъ на землѣ, — здоровья! Да благословитъ васъ Господь Богъ драгоцѣннѣйшимъ изъ своихъ даровъ!

Гримальди не безъ усилія достигъ конца своей рѣчи, несмотря на ободренія публики и на ея выраженія живаго участія. Давно уже замолкло его послѣднее слово, а онъ все еще неподвижно стоялъ на сценѣ; онъ былъ такъ взволнованъ, что, казалось, послѣднія скудныя силы готовы были оставить его. Наконецъ, мистръ Гарлей сжалился надъ нимъ, сдѣлалъ знакъ его сыну, и они вдвоемъ вывели бѣднаго старика. Въ знакъ своей признательности, Гримальди снялъ бывшій на немъ новый парикъ, и подалъ его Гарлею вмѣстѣ съ своею рѣчью, которую онъ держалъ еще въ рукѣ. Эти сокровища до нынѣ хранятся у нашего друга, мистра Гарлея, въ небольшомъ собраніи париковъ, автографовъ, портретовъ и другихъ предметовъ, данныхъ ему на память замѣчательнѣйшими представителями того поприща, на которомъ онъ самъ уже болѣе двадцати лѣтъ подвизается съ такимъ талантомъ и такою заслуженною славою.

Гримальди дали выпить рюмку мадеры, чтобы подкрѣпить его, потому-что ему предстояла другая не менѣе горестная обязанность,—проститься со старыми товарищами и сослуживцами. Когда онъ вышелъ, на улицѣ, вокругъ его кареты собралась толпа народу, и провожала его громкими криками. Сотни людей послѣдовали за нимъ до самой его квартиры, и удалились, только когда онъ въ послѣдній разъ поклонился имъ съ своего подъѣзда, и дверь за нимъ затворилась.

Два прощальныя представленія, съ разными денежными подарками, присланными ему отъ неизвѣстныхъ благотворителей, доставили Гримальди 900 фунтовъ стерлинговъ. Онъ зналъ однакоже, что и этою

суммою трудно будетъ ему жить, когда прекратится ему жалованіе отъ акціонеровъ Садлервельзскаго театра, и потому рѣшился обратиться къ послѣднему оставшемуся ему средству. При Дрюриленскомъ и при Ковентгарденскомъ театрахъ былъ учрежденъ особенный капиталъ для вспомоществованія нуждающимся артистамъ. Онъ самъ, въ тридцать лѣтъ своей драматической дѣятельности, не мало содѣйствовалъ къ увеличенію его. Онъ и обратился къ бухгалтеру Дрюриленскаго театра, и немедленно получилъ извѣщеніе о назначеніи ему пожизненнаго пенсіона въ сто фунтовъ, который обезпечилъ его будущность.

Между-тѣмъ сынъ его съ каждымъ днемъ причиналъ ему новыя огорченія. Два мѣсяца держалъ онъ его у себя почти въ совершенномъ помѣшательствѣ; потомъ молодой человѣкъ однажды вечеромъ отправился въ Садлервельзскій театръ, скрылся, и явился назадъ только черезъ годъ, въ томъ же состояніи. Въ слѣдующемъ году Садлервельзская дирекція отказала ему за буйство. Таже участь постигла его вскорѣ въ Дрюриленѣ, а потомъ и въ Павильонѣ, на вайтчапельской дорогѣ. Онъ возвратился къ роднымъ въ такомъ жалкомъ состояніи, что они едва могли узнать его. Отецъ опять доставилъ ему ангажементъ, и еще разъ долженъ былъ выкупить его изъ долговой тюрьмы. И это повторялось много разъ; едва его пристроивали къ какому-нибудь театру, онъ покидалъ родительскій домъ, и потомъ возвращался нищимъ.

Въ 1832 году Садлервельзскій театръ былъ отданъ въ наемъ мистрисъ Фицвильямъ и мистру Вильямзу. Гримальди предвидѣлъ, что при этомъ онъ будетъ уволенъ отъ своей должности и лишится части своего содержанія. Онъ нанялъ недорогую квартиру въ Вульвичѣ, частью изъ экономіи, частью въ надеждѣ, что загородный воздухъ благотворно подѣйствуетъ на его жену, которая съ нѣкотораго времени начала постоянно хворать. Супруги переселились въ концѣ сентября. Вскорѣ послѣ того молодой Гримальди былъ приглашенъ участвовать въ одномъ бенефисѣ; послѣдствіемъ этого представленія былъ новый ангажементъ на Кобургскомъ театрѣ. Отецъ видѣлъ его, 25 ноября, на сценѣ, а на другой день обѣдалъ съ нимъ у одного знакомаго. Молодой Гримальди былъ передъ тѣмъ очень болѣнъ, но, повидимому, уже поправлялся. Послѣ обѣда онъ скоро удалился, говоря, что ему слѣдовало играть въ первой пьесѣ, и послѣ того отецъ уже не видалъ его, а только получилъ извѣстіе, о его смерти, въ то время, какъ самъ сидѣлъ у постели больной жены. Молодой человѣкъ умеръ въ самыхъ жалкихъ и бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Старикъ Гримальди не скоро оправился отъ этого удара, а жена его и вовсе не могла оправиться; смерть свободила ее наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ неслыханныхъ страданій.

И вотъ Гримальди остался одинъ на бѣломъ свѣтѣ. Чѣмъ болѣе онъ привыкъ сосредоточивать всѣ свои радости въ семейномъ кругу, тѣмъ тягостнѣе было для него настоящее положеніе. По болѣзненному его состоянію, ему нужны были попеченія и общество; по этому онъ написалъ къ одному своему пріятелю, котораго жена была послѣднею его родственницею, остававшеюся въ-живыхъ, и просилъ его нанять ему квартирку около себя, въ Пентонвилѣ, гдѣ онъ провелъ счастливѣйшіе дни своей жизни. Многіе изъ старыхъ друзей посѣщали его тамъ; сосѣди оказывали ему самое живое участіе, а Ричардъ Гьюзъ до послѣдней минуты его жизни не забывалъ обѣщанія, даннаго умирающей сестрѣ.

Гримальди заключаетъ свои записки такимъ свѣтлымъ воззрѣніемъ на свое положеніе, котораго трудно бы ожидать отъ человѣка, одержимаго тяжкимъ недугомъ. Вотъ послѣднія слова его рукописи:

«Мои друзья и театральные товарищи часто радуютъ меня, старика, своими посѣщеніями, и мы съ ними говоримъ о счастливой старинѣ, и сравниваемъ ее съ настоящимъ. Сегодня навѣстилъ меня почтенный другъ мой, Альфредъ Бённъ, а завтра я жду моей милой покровительницы и благодѣтельницы, мисъ Келли. Въ часы одиночества, — а ихъ не мало, при всей добротѣ моихъ друзей,—мысли мои переносятся къ прошедшему, и одно обстоятельство въ немъ всегда доставляетъ мнѣ несказанную радость: это то, что я не нахожу въ немъ ни одного случая, гдѣ-бы я кого-либо умышленно огорчилъ, или обидѣлъ.

«Сегодня 18 декабря 1836 года; я родился 18 декабря 1779 года, слѣдовательно мнѣ минуло сегодня 57 лѣтъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Гримальди умеръ 31 мая 1837 года, пять мѣсяцевъ спустя послѣ, того, какъ дописалъ послѣднюю строку своихъ воспоминаній. Въ послѣднее время здоровье его стало замѣтно поправляться, хотя способности тѣлесныя и умственныя оставались въ томъ же состояніи. Но веселость его возвратилась; онъ находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ съ старыми друзьями, и если жаловался, то развѣ только на скуку въ часы одиночества. Онъ съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ ждалъ выхода въ свѣтъ своихъ воспоминаній, и заранѣе представлялъ себѣ тотъ день, когда представитъ ихъ друзьямъ въ печатной книжкѣ, счастливѣйшимъ днемъ своей жизни. Но ему не суждено было дожить до этой невинной радости.

Съ нѣкотораго времени онъ имѣлъ обыкновеніе просиживать часа полтора или два каждый вечеръ въ сосѣдней тавернѣ. Такъ-какъ онъ не владѣлъ членами, то онъ нанималъ человѣка, чтобы переносить его туда на плечахъ. Однажды, дружески простившись съ своимъ собесѣдникомъ, и обѣщавъ возвратиться на слѣдующій день, онъ велѣлъ отнести себя домой, и уложить въ постель. Нѣсколько времени спустя, служанкѣ его послышался шорохъ въ его комнатѣ, она поспѣшила туда, но все было тихо. Къ ночи она опять вошла въ комнату, и нашла его мертвымъ. Должно полагать, что онъ умеръ часа за два до ея прихода, потому-что тѣло уже остыло.

На другой день тѣло было осмотрѣно врачами, которые рѣшили, что смерть послѣдовала естественнымъ порядкомъ, волею Божіею.

Его похоронили въ слѣдующій понедѣльникъ, 6 іюня, на кладбищѣ Сентъ-Джемзской капеллы, на Пентонвильскомъ холму. Рядомъ съ нимъ покоятся бренные останки его друга, Чарльза Дибдина, автора многихъ изъ пьесъ и комическихъ куплетовъ, въ которыхъ Гримальди столько разъ возбуждалъ въ публикѣ неумолкаемый хохотъ.

Пытаться описать особенности Гримальди, какъ артиста, было бы безполезнымъ трудомъ. Многіе помнятъ его, и имъ не къ чему говорить, какъ неисчерпаемъ и полонъ жизни былъ его комизмъ; для тѣхъ же, которые не видали его въ блестящую эпоху его таланта, описать его дивную игру невозможно. Мы никого не знаемъ, съ кѣмъ бы сравнить его, на кого бы указать, какъ на образчикъ, хотя бы блѣдный, того, чѣмъ былъ онъ; его достоинства принадлежали ему одному, и ниодинъ изъ нынѣшнихъ клоуновъ не представляетъ ни малѣйшаго съ нимъ сходства.

Мы не съ тѣмъ это говоримъ, чтобы затмить заслуги многихъ достойныхъ артистовъ, занимающихъ его амплуа на разныхъ сценахъ. Между прочими, Смита и Пэйна, на Ковентгарденскомъ театрѣ, и Виланда на Дрюриленскомъ, нельзя не признать превосходными буффами; въ тѣхъ же упражненіяхъ, въ которыхъ преимущественно требуются сила, ловкость и гибкость тѣла, Броунъ, Кингъ и Гибсонъ, на театрѣ Адельфи, не найдутъ себѣ, можетъ-быть, соперниковъ. Но отдавая имъ полную справедливость, нельзя однако не сказать, что настоящій клоунъ,—клоунъ, выдѣлывающій гримасы, полныя ума и мысли, неотразимо забавный, истинно и эстетически комическій клоунъ, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ Гримальди.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

—

Лѣтніе спектакли.

Любовь артиста. Соч. *Вонлярлярскаго.*

Долгъ платежемъ красенъ. Оригинальная комедія.

Тайная страсть. Комедія *Скриба.*

Дебюты трагика *г. Яковлева*, и водевильной артистки г-жи *Акимовой.*

—

Нынѣшняя лѣтопись не будетъ богата новостями. Іюнь мѣсяцъ и хорошая погода увлекли бо́льшую часть публики въ загородныя мѣста, на дачи, къ другимъ увеселеніямъ. Театры пусты, нѣкоторые артисты уѣхали въ отпускъ, другихъ, *незамѣнимыхъ*, нѣтъ на свѣтѣ, для бенефисовъ возобновляются старыя пьесы и то въ родѣ «Кораблекрушите-

лей». Впрочемъ, въ бенефисъ г. Алекина мы увидѣли двѣ оригинальныя пьесы: драму «Любовь артиста», соч. г. Вонлярлярскаго, автора романа «Большая барыня», и комедію: «Долгъ платежемъ красенъ». Что́ касается до драмы, мы не будемъ входить въ разборъ этого замѣчательнаго произведенія; читатели сами прочтутъ его въ нынѣшней книжкѣ нашего журнала. Съ сожалѣніемъ скажемъ только, что на сценѣ ей не посчастливилось. Намъ кажется, она запоздала своими появленіемъ; въ другія времена, болѣе счастливыя, при жизни В. А. Каратыгина, мы предсказали бы ей блестящій успѣхъ.

Зато комедія: «Долгъ платежемъ красенъ» привела въ полный восторгъ всѣхъ зрителей верхнихъ ярусовъ; вызовамъ автора, актеровъ счету не было; да какъ и не восторгаться пьесой: тутъ все есть, и купчихи съ черными зубами, и коломенскіе моншеры, и чихающіе безпрестанно старики, и юноши, залпомъ выпивающіе по графину рому, и свахи, ничего не пьющія, словомъ, все, кромѣ естественности и здраваго смысла. Разскажемъ содержаніе пьесы. Небогатый молодой человѣкъ, писатель, Мухинъ нанимаетъ квартиру у вдовы Марлиной, имѣющей хорошенькую дочь Аннушку. Молодые люди влюблены другъ въ друга и мечтаютъ о будущемъ счастіи. Вмѣстѣ съ Мухинымъ квартируетъ его пріятель Склонскій, художникъ съ теплой душой и пустыми карманами. Однажды, получивъ деньги за картину, онъ пригласилъ Мухина по-пріятельски пообѣдать въ трактирѣ. Сѣли за столъ; кушанье подано; вдругъ входитъ старикъ въ нищенской одеждѣ и проситъ подаянія. Склонскій даетъ ему четвертакъ и тихонько отъ Мухина десять рублей серебромъ. Въ-послѣдствіи Склонскій какъ-то нечаянно попадаетъ въ квартиру облагодѣтельствованнаго старика, влюбляется безъ памяти въ его дочь, нанимаетъ себѣ рядомъ съ ними небольшую комнату, трудится и поддерживаетъ дневное существованіе бѣдныхъ сосѣдей. Наконецъ, задолжавши, дойдя до крайности, онъ рѣшился сыскать богатую невѣсту, чтобъ поправить свои обстоятельства. Сваха нашла богатую купчиху, схоронившую уже двухъ мужей, и Склонскій рѣшается пожертвовать собой. Думать долго некогда; вмѣстѣ съ Гавриловной (сваха) отправляется онъ къ невѣстѣ и безъ всякихъ церемоній, тутъ же объявляетъ ей, что ему для свадьбы необходимы три тысячи рублей. Не возражая ни слова, вдова поѣхала въ ломбардъ, чтобы услужить будущему мужу, а Склонскій остался дожидаться. Между-тѣмъ подали чай, къ чаю подали ромъ, и юноша чуть не залпомъ осушаетъ цѣлый графинъ и засыпаетъ на мѣстѣ. Прибѣжавшая сваха въ ужасѣ будитъ пьянаго жениха; не опомнившись, не понимая ничего, Склонскій опрометью бросается домой, въ полной увѣренно-

сти, что онъ уже женатъ. Для развязки являются на сцену старикъ съ своею дочерью. Дѣла ихъ приняли другой оборотъ; они разбогатѣли: со смертію брата досталось имъ наслѣдство: пять–сотъ тысячъ рублей!! Склонскій въ отчаяніи; онъ любитъ Людмиллу, она его любитъ, и онъ не можетъ на ней жениться! Является опять благодѣтельная сваха и объясняетъ все дѣло. Склонскій женится на Людмилѣ, устроиваетъ судьбу своего друга Мухина, женивши его на Аннушкѣ и давъ ей хорошее приданое. Какъ видитъ читатель, сюжетъ не дуренъ, и человѣкъ опытный и даровитый могъ бы удачно имъ воспользоваться. Теперь же вышло весьма слабое произведеніе: дѣйствіе растянуто, интереса въ зрителяхъ не возбуждаетъ, дѣйствующія лица говорятъ какимъ–то страннымъ языкомъ. Но все это не помѣшало пьесѣ понравиться верхнему слою публики. Артисты выполнили свое дѣло весьма добросовѣстно, въ особенности г. Волковъ 1 и г–жа Громова.

Кромѣ–того, въ бенефисъ г. Славина дана была въ первый разъ драма въ трехъ дѣйствіяхъ соч. Скриба: «Тайная страсть», не отличающаяся ни интересомъ положеній, ни ясными очерками характеровъ, сухая, натянутая, и несмотря на то, что авторъ вывелъ лицо совершенно новое: *женщину-игрока*, — пьеса прошла совершенно незамѣченною.

Сверхъ–того были два удачные дебюта: г-на *Яковлева* и г-жи *Акимовой*.

Г. Яковлевъ вышелъ въ первый разъ въ драмѣ: «Смерть или Честь», соч. Полеваго, въ роли *Гюга Бидермана*. Ему нельзя отказать въ дарованіи; онъ имѣетъ всѣ средства сдѣлаться хорошимъ драматическимъ актеромъ, какъ–то: неподдѣльное чувство, звучный голосъ и пріятную наружность. Говорятъ, что онъ игралъ четыре года на провинціальныхъ театрахъ, совсѣмъ тѣмъ опытности никакой не имѣетъ Его способности находятся въ младенчествѣ; нужно много труда и усилій, чтобъ дать имъ хорошее воспитаніе. Наша снисходительная публика приняла дебютанта гораздо ласковѣе, нежели онъ стоилъ, но мы замѣтимъ ему: успѣхъ имѣть не трудно, трудно удержать его за собою. Можно было бы доказать это примѣрами,

да чтобъ гусей не раздразнить!

какъ говоритъ нашъ знаменитый баснописецъ.

Что касается до г-жи Акимовой, игравшей въ первый разъ роль *Маріи* въ драмѣ «Материнское благословеніе» то видно, что это артистка уже опытная, владѣющая хорошимъ, довольно выработаннымъ голосомъ, съ большимъ навыкомъ къ сценѣ. Патетическія мѣста у нея нѣсколько слабы; мы хотѣли бы видѣть болѣе чувства и энергіи. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, г жа Акимова была бы очень полезной и пріятной актрисой для наивныхъ пейзанскихъ ролей.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Весна въ контрактахъ артистовъ и весна антрепренера. — Послѣдній концертъ Сеймуръ-Шифа въ Тифлисѣ и опера въ Одессѣ. — Акробаты въ Севастополѣ. — Удовольствія Владикавказа. — Труппа драматическая и балетная. — Музыка. — театръ въ Казани — По старой программѣ. — Два театра въ Кіевѣ.

Сегодня мы особенно богаты вѣстями съ юга, —и вполнѣ радуемся за нашъ зеленый, юный край... люди тамъ счастливы въ концертахъ, блаженны въ оперѣ, невыразимо довольны балетомъ и наступившею весной... Такъ какъ послѣдній предметъ чрезвычайно важенъ, если не въ сценическомъ быту, но въ быту почтенныхъ тружениковъ и жрецовъ сцены, — то мы съ него и начнемъ... Неразъ въ нашихъ сценическихъ отчетахъ мы говорили о томъ, что провинціальный актеръ и антрепнеръ перелетныя птицы, — но еще никогда не высказали подробно, что̀ такое весна въ ихъ тревожной, суетливой и переметной жизни... Для нихъ весна — въ полномъ смыслѣ слова весна отрадной жизни, — возрожденіе здоровья, молодости и благополучія. . Переходъ отъ бездѣйствія къ труду и жатвѣ; время интригъ, суеты, хлопотъ и переписки, полученія прогоновъ и милыхъ посланій, скачка въ запуски на почтовыхъ для однихъ, и дальній переходъ въ страну надеждъ для другихъ. Первые изъ этихъ счастливцевъ съ приходомъ весны ждутъ и прихода почтальона; — этотъ *вѣстникъ радостей и бѣдъ* несетъ имъ небольшой конвертъ, со вложеніемъ небольшихъ денегъ и большихъ обѣщаній... Съ полученіемъ пригласительнаго зазыва, старый антрепренеръ въ глазахъ актера дѣлается меньше самой крошечной его роли; тутъ, скажемъ откровенно, забыты всѣ нѣжныя увѣренія въ любви къ таланту антрепренера, къ его милой нисходительности, — тутъ весна и счетъ:

— Здравствуйте Карпъ Матвѣичъ...

— А батинька!.. Что у насъ новаго?.. Ужъ не опять-ли въ счетъ получаемыхъ?..

— Побольше, Карпъ Матвѣичъ!

— Какъ это больше... Развѣ вы?.. дрожа отъ маленькаго волненія, спрашиваетъ Карпъ Матвѣичъ, боясь договорить народившуюся фразу.

— Да я, говоритъ или трагикъ, или комикъ... я выписанъ...

— Выписаны?.. Да кто же это налгалъ на ваши способности? . Кому вы нужны?

— А!.. вы сердитесь... Стало-быть, я для васъ потеря... Но, не будемъ браниться .. разочтемся... За этотъ мѣсяцъ приходится мнѣ *столько-то*, да половинныхъ за время поста...

— И... нѣтъ!..

На этомъ выразительномъ нѣтъ—ставимъ точку. Хочешь-не хочешь, любишь не любишь, а денежка счета проситъ... Счетъ конченъ, артистъ забралъ свой гардеробъ, если таковой окажется, что случается весьма рѣдко... и одна душа переселилась изъ Кременчуга въ Кіевъ; за нею соколъ съ мѣста, ворона на мѣсто, и такъ далѣе. Круговая порука: выигрываютъ и содержатели труппъ, выигрываютъ и таланты, проигрываютъ также, при извѣстныхъ условіяхъ, и тѣ и другіе!

Что же дѣлаетъ содержатель труппы въ это время? Гдѣ же его треволненіе, гдѣ же его корыстолюбивая лихорадка... гдѣ же его бойкая весна *? Она въ городахъ, обѣщающихъ счастливую ярмарку, или кавалерійскую стоянку, или сборъ войскъ. Изъ такихъ городовъ особенно замѣчательны Елисаветградъ и Вознесенскъ... Бываютъ времена, что за нихъ, какъ за троянскую Елену, возраждаются раздоръ, торги и переторжки... Здѣсь выигрываетъ тотъ, кто бекъ на обѣщанія и еще бойче на расплату впередъ... Но стой наша повѣсть, стой!

Насъ ждетъ серьозный отчетъ и шесть писемъ нашихъ почтенныхъ кореспондентовъ. Начнемъ съ музыки. А чтобы начать съ нее — должно сказать нѣсколько словъ о Тифлисѣ. Музыкальныя новости послѣдняго города ограничиваются послѣднимъ концертомъ г. Сеймуръ-Шифа. Замѣчательнаго въ этомъ концертѣ немного по числительной программѣ, но много по новизнѣ и интересу... въ немъ сочеталась мелодія чисто азіатская съ напѣвомъ цивилизованной скрипки... Г. Шифъ исполнилъ свою «*Поѣздку въ Крымъ*», и всѣ мѣстныя, самобытныя достоинства

* Просимъ замѣтить, что все нами говоримое и сказанное относится только до антрепренеровъ мелкихъ труппъ...

этого музыкальнаго произведенія олицетворились въ туземныхъ пѣсняхъ извѣстнаго тифлисскаго артиста—пѣвца Сатара... Говорятъ, что пѣснь муэзина, прекрасно и находчиво введенная композиторомъ въ его сочиненіи, была исполнена съ полнымъ успѣхомъ и задушевностію г. Сатаромъ. Здѣсь же кстати извлекаемъ нѣсколько словъ изъ отчета объ оперѣ въ Одессѣ за прошлый театральный годъ *.

Театральный годъ начался здѣсь, 31 марта 1852 г. и кончился 3 марта 1853 г. Представленій въ четыре сезона, при двадцати восьми бенефисахъ — дано сто восемьдесятъ семь. Бо́льшее число представленій выпало на долю оперъ: Эрнани, соч. Верди, въ четырехъ актахъ (15) и Макбетъ его же Верди (14 р.). Мéньшее: Норма (1), Турокъ въ Италіи, и Соннамбула, (по 2).

Вообще театру доставили:

Оперы —	Верди.....	67 представленій.
	Донизетти.....	40
	Россини.....	13
	Беллини.....	9
	Пачини.....	16
	Меркаданте.....	10
		155

Особенно господствовали оперы Верди и Донизетти.

Изъ артистовъ общее вниманіе привлекли къ себѣ четыре лица: г-жи Басседжіо и Брамбилла и г-да Ронкони и Ноденъ; послѣ нихъ можно назвать: г-жъ Гвардуччи, Тилли и Рамачини и г-дъ Дзакки, Бенедетти, Спеджи, Берлендисъ и Сольери...

Мы уже сказали, что наши южные театры и наши южныя провинціи не устаютъ веселиться, и вотъ, заговоривъ въ предыдущей нашей статьѣ о Севастополѣ, мы какъ будто-бы вызвали его на откровенность... Городъ давно и очень давно бѣденъ порядочною труппою, груститъ за своихъ артистовъ—и только утѣшенъ, въ послѣднее время, акробатами, прыжками и наѣздничествомъ — труппы Гвера... Вотъ что́ о его спектакляхъ пишетъ нашъ почтенный кореспондентъ Г. С С.

ТЕАТРЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Сколько самаго разнобразнаго удовольствія привезъ намъ г-нъ Гвера! Никогда еще́ Севастополь не видалъ у себя такого множества фо-

* Одесскій Вѣстникъ 2 апрѣля 1853 г., № 73.

кусниковъ на всѣ руки! Публика наша ежедневно въ большомъ количествѣ посѣщала и театръ и циркъ; случался даже недостатокъ въ мѣстахъ. Циркъ, или, правильнѣе, балаганъ, былъ построенъ на театральномъ дворѣ, весьма необширномъ, что лишало удобства и зрителей и дѣйствующихъ; нумерованныхъ мѣстъ не было, каждый любитель вольтижированія долженъ былъ самъ выбирать для себя мѣсто; отъ этого многимъ любителямъ часто приходилось восхищаться стоя въ толпѣ, въ потемкахъ, и даже въ тискахъ. Г. Гверра обѣщалъ исправить свой циркъ, но обѣщанія не исполнилъ, несмотря на средства, которыя имѣлъ въ излишествѣ. Труппа его состояла изъ слѣдующихъ членовъ: г.г. Гверра первый, конечно, наѣздникъ, очень смѣтливый антрепренеръ и музыкантъ на флейтѣ, потомъ идутъ Александръ, Зубановскій, Лачиніо 1-й и 2-й Краузе, Антонъ, Бергъ, Якобъ, Альбертъ, Владиміръ, Вербетъ и гг-жи Гверра, Лачиніо, Жаннета, Амалія, Надежда, Марія, Аннета 1-я и 2-я, Наталія, и еще нѣсколько господъ и госпожъ, которыхъ имена я забылъ. Числительность, какъ видите, порядочная. Что же касается до качества, то... я лучше умолчу о качествѣ, потому-что хвалить безусловно нельзя, а не хвалить значитъ идти противъ большинства севастопольской публики; скажу только что г-нъ Гверра, какъ самъ говорилъ, вовсе не ожидалъ со своей труппой имѣть въ Севастополѣ такой успѣхъ, и потому очень жалѣлъ, что не посѣтилъ насъ раньше.

Въ прежніе годы иногда появлялись въ Севастополѣ труппы волтижеровъ, но никогда не случалось имъ такъ долго загоститься въ городѣ, несмотря на то, что труппы эти не уступали въ достоинствѣ труппѣ Гверра, которая ежедневно два раза давала свои представленія съ ноября и до послѣдняго дня масляницы: съ трехъ до четырехъ съ половиною часовъ пополудни въ циркѣ, а вечеромъ съ семи часовъ въ театрѣ, гдѣ показывались живыя картины, пляска на канатѣ, пантомимы и проч. Живыя картины не всегда отличались хорошимъ сюжетомъ, но зато всегда были хорошо поставлены и освѣщены, чѣмъ въ особенности восхищали зрителей; потомъ пляска на канатѣ и разныя гимнастическія упражненія также иногда приводили публику въ восторгъ, чего нельзя сказать о пантомимахъ, съ пожарами, разрушеніемъ, стрѣльбою изъ ружей, словомъ, со всѣми ужасами!..

ВЛАДИКАВКАЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Владикавказѣ нѣтъ постояннаго театра, что рѣшительно невозможно для крѣпости, гдѣ цѣнителей изящнаго такъ немного. Есть извѣ-

стное въ году время, именно августъ мѣсяцъ, когда труппа ставропольскаго антрепренера Зелинскаго, послѣ курсовыхъ представленій въ Пятигорскѣ, является и во Владикавказѣ, съ тѣмъ, чтобы до ноября не разставаться съ нимъ. Спектакли даются въ манежѣ Навагинскаго пѣхотнаго полка, и несмотря на скромность обстановки, идутъ очень порядочно. Составъ труппы, если нельзя назвать превосходнымъ, что въ провинціи, и особенно при холодности ставропольской публики къ драматическому искусству, рѣшительно невозможно;—то, по-крайней-мѣрѣ, можно смѣло назвать добросовѣстнымъ; однакоже между артистами этой труппы иногда встрѣчаются даровитые и опытные помощники Зелинскаго.

Скажемъ о каждомъ сюжетѣ здѣшней труппы нѣсколько словъ, и первое мѣсто уступимъ дамамъ.

1) *Г-жа Шумская.* Милая, и умная артистка, нравится всѣмъ и каждому именно тѣмъ, что ничьего особеннаго расположенія незаискиваетъ.... Играя, она думаетъ о роли и нисколько о своей личности... Она не ищетъ вниманія первыхъ рядовъ креселъ, ни игрой глазъ въ видѣ морганія, ни тѣми манерами, которыя насильно напрашиваются на аплодисманъ молодежи, и не имѣетъ пристрастія къ ролямъ съ переодѣваньемъ; но въ роляхъ, гдѣ женщина не преступаетъ границъ, положенныхъ ей природою, г-жа Шумская бываетъ очень хороша, потому-что передаетъ то, что чувствуетъ. Изъ ролей, въ которыхъ она особенно хороша, назовемъ роли: *Гориславской*, въ драмѣ: «Дочь Еврея», *Евдохи*, въ шут. вод.: «Малороссійскіе вареники», *Юліи*, въ ком. вод. «Волчій ротъ, лисій хвостъ», но въ особенности роль *Коры*, въ драмѣ: «Испанцы въ Перу», и Эсмеральды, въ драмѣ того же имени.

2) *Г-жа Шульцъ.* Актриса опытная, хорошо знакомая съ сценическими условіями, исполняетъ чутъ-ли не всевозможныя амплуа въ труппѣ Зелинскаго, и исполняетъ отчетливо. По ролямъ, которыя назовемъ, какъ лучшія изъ ея репертуара, вы можете судить о разнообразіи ея таланта. * Она занимаетъ роли: *Агнесы*, въ драмѣ «Отецъ и Дочь», *Марфы Ивановны*, въ вод. «Собачкины», *Маркизы*, въ вод. «Мельничиха въ Марли», *Ирины Семеновны*, въ шуткѣ: «Всякій шутъ Иванъ Иванычъ!» *Софьи*, въ драмѣ: «Смерть Потемкина», *Матрены*, въ вод. «Цыганка» *Феликса флейтщика*, въ вод. «Барабанщикъ», и *Жервезы* въ драм. «Эсмеральда». Въ послѣдней она хороша почти до совершенства.

3) *Г-жа Горская.* Преимущественно занимается ролями съ пере-

* Въ предыдущемъ отчетѣ о провинціальныхъ театрахъ и о бывшихъ помощникахъ г. Жураховскаго, мы уже высказали свое личное мнѣніе и о г-жѣ Шульцъ. *Ред.*

одѣваньемъ, при помощи которыхъ, какъ извѣстно, не одна посредственность вышла на торную дорогу, разумѣется, въ ущербъ драматическому искусству. Роли эти можно назвать самыми неблагодарными, несмотря на то, что онѣ скорѣе всѣхъ срываютъ аплодисмантъ. Въ нихъ актриса невольно привыкаетъ обращать болѣе вниманія на внѣшнія свои средства, нежели на теплоту игры, на чувство, однимъ-словомъ на то, что составляетъ душу роли. Актрисы этаго амплуа почти вездѣ и всегда имѣютъ своихъ *pro* и *contra* въ обычныхъ посѣтителяхъ театра. Г-жа Горская также не избѣгла этой участи. Одни находятъ въ ней nec plus ultra искусства, другіе просто ничего не находятъ; одни засыпаютъ ее цвѣтами и конфектами,—другіе засыпаютъ въ креслахъ подъ звуки ея пѣсни: «*Вотъ на пути село большое*», производящей страшный фуроръ въ *pro* публикѣ. Кто правъ, кто виноватъ? Вопросъ неразрѣшимый; потому-что: sur les gouts on ne dispute pas! Изъ ролей, въ которыхъ нравится собственно мнѣ игра г-жи Горской, назову роли: *Мордашевой*, въ «Водевилѣ съ переодѣваньемъ», *Катеньки*, въ «Капризы влюбленныхъ», *Розы*, въ «Графъ-Литографъ», *Денизы*, въ «Мельничиха въ Марли», но въ особенности въ роли: *Феи Золлары*, въ балетѣ: (?!) «Бѣлая фея», сочиненномъ и поставленномъ на здѣшней (то-есть ставропольской) сценѣ (какъ гласитъ афиша) г. Горскимъ, и въ роли *Ренарды*, въ драмѣ «Есмеральда».

4) *Г-жа Зелинская*, супруга антрепренера, женщина прекрасная, какъ мать театральнаго семейства, то-есть, всей труппы Зелинскаго. Она любитъ всѣхъ своихъ артистовъ, какъ собственныхъ дѣтей, и заботится о нихъ съ патріархальною нѣжностію. Играетъ теперь чрезвычайно рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ, а потому судить о ней, какъ объ актрисѣ, очень трудно. Довольно будетъ сказать, что она, не взирая на свои почтенныя лѣта, съ милою готовностію участвуетъ въ бенефисахъ артистовъ, и не роняетъ ролей, на себя принимаемыхъ. Но... вотъ и всѣ женщины.... Перейдемъ къ достойнымъ ихъ товарищамъ по искусству.

Первое мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаетъ *г. Шумскій*. Въ немъ много неподдѣльнаго комизма, въ игрѣ его много свѣтлыхъ сторонъ; онъ умѣетъ играть чертами лица, входить въ характеръ ролей, костюмироваться; однимъ-словомъ, его можно назвать артистомъ весьма талантливымъ. Но и въ солнцѣ есть пятна, и въ г. Шумскомъ есть недостатки, отъ которыхъ, если онъ постарается освободиться, то принесетъ много удовольствія людямъ, истинно уважающимъ его способности. Во-первыхъ, у него нѣтъ голоса, во-вторыхъ, нѣтъ слуха — и при этомъ, на бѣду зрителей и слушателей—есть желаніе и охота пѣть ку-

плеты, съ которыми ужъ, какъ можете судить, г. Шумскій рѣшительно не ладитъ. И въ эти пѣвучія минуты онъ забываетъ о комическомъ положеніи представляемаго имъ лица, и впадаетъ уже самъ, лично, въ комическое положеніе, а между-тѣмъ, мы иногда встрѣчали г. Шумскаго въ операхъ, и въ довольно значительныхъ партіяхъ! Да и зачѣмъ ставить здѣсь оперы, когда у всей труппы, взятой вмѣстѣ, не наберется порядочнаго полголоса. Напримѣръ, въ «Фрейшюцѣ» онъ занимаетъ мало одну,—двѣ роли, которыя вовсе не принадлежатъ къ его амплуа, и, разумѣется портитъ эти роли. Напримѣръ, въ «Запискахъ демона» мы видѣли въ *Робенѣ* (Шумскій) порой какого-то несноснаго крикуна, порой пустаго фата, а порой даже сидѣльца изъ Ножевой-линіи, но отнюдь не того *Робена*, которымъ любуемся въ лицѣ г. Максимова. Посмотрите-же на Шумскаго въ *Фанфанѣ*—«Часъ въ тюрьмѣ», въ *Мотыльковѣ*—«Барская спѣсь и Анютины глазки», въ *Гримардо*,—«Суженаго конемъ не объѣдешь», въ *Мериносовѣ*—«Отелло изъ лоскутной линіи», въ *Жано*—въ вод. «Бѣшенство», въ *Тибо*—въ «Поцѣлуѣ по векселю», въ пѣснѣ «Поѣхалъ на дровъ», и вы скажете, что Шумскій артистъ, и артистъ талантливый, какихъ немного встрѣтите на провинціальныхъ подмосткахъ.

За Шумскимъ слѣдуетъ тесть его, *г. Зелинскій*, содержатель труппы, который играетъ очень рѣдко, но играетъ очень хорошо, роли солдатъ и отлично малороссійскія роли. Превосходенъ въ роли *Чупруна* въ «Москалѣ Чаривникѣ», въ »Шельменкѣ писарѣ» и въ «Деньщикѣ».

Г. Соболевъ состоитъ на амплуа трагика, а исполняетъ свои роли черезъ чуръ комически. Выворачиваніе глазныхъ бѣлковъ, неумѣстная жестикуляція и какой-то желудочный голосъ, словомъ, намъ кажется, что Губкинъ рѣшительно говоритъ о г. Соболевѣ:

«Онъ съ претензій играетъ,
Не по-русски говоритъ:
Всѣхъ въ комедіи пугаетъ,
А въ трагедіи смѣшитъ!»

Г. Ивановъ, первый теноръ труппы, поетъ фальшиво и фистулою. У него есть талантъ, манеры и знаніе сцены, но все это у него гибнетъ отъ собственнаго невниманія и нелюбви къ своему дѣлу.

Г. Барсовъ, относится къ здѣшней сценѣ, какъ П. А. Каратыгинъ къ Александринской, и не роняетъ ни одной пьесы своею старательною игрою.

Г. Соколовъ, на амплуа первыхъ любовниковъ, имѣетъ талантъ, получилъ образованіе, довольно высокое для провинціальнаго актера,

но рѣшительно не занимается своимъ дѣломъ и играетъ такъ вяло, такъ безжизненно, что рѣшительно не показываетъ въ себѣ никакого призванія къ сценѣ и никакого уваженія къ своему патрону Зелинскому. А жаль! Соколовъ обладаетъ многими сценическими достоинствами, очень недуренъ собою, и судя по игрѣ его въ «Новичкахъ въ любви», могъ бы быть очень хорошимъ актеромъ.

Г. Монети, актеръ добросовѣстный и съ любовью занимается своимъ дѣломъ; онъ не имѣетъ никакого амплуа, но играетъ все, что̀ заблагоразсудится режиссеру (Шумскій) ему назначить. Мнѣ кажется, онъ не отказался бы и отъ Гамлета? Кстати о Гамлетѣ. Въ настоящее время носятся слухи, что ставропольскій театръ скоро пріобрѣтетъ новаго артиста, г. Павловскаго, который уже готовится къ сценѣ и будетъ дебютировать въ роли Гамлета. Видѣвшіе его на домашнихъ репетиціяхъ говорятъ, что никто еще не передавалъ такъ этой роли послѣ Каратыгина, извѣстіе о смерти котораго достигло и до насъ, его преданнѣйшихъ поклонниковъ!

Объ остальныхъ персонажахъ труппы сказать нечего, потому-что они сами очень рѣдко и очень плохо говорятъ на сценѣ. Это я говорю о г-жѣ *Галковской* (мѣняющей чуть ли не каждое представленіе свою фамилію, но не свою бездарность), дѣвицѣ *Арцыбашевой*, г. *Васильевѣ*, *Групѣ* и другихъ вольнопрактикующихся пасынкахъ Мельпомены. Балетъ состоитъ изъ двухъ братьевъ *Жбановыхъ*, г-жи *Жбановой*, дѣвицъ *Арцыбашевой* и *Зелинской*, и пяти или шести какихъ-то дѣвочекъ и мальчиковъ слишкомъ мелкаго калибра; замѣчательна фамилія одной изъ дѣвочекъ: она называется въ афишѣ: «Бѣдная». Братья Жбановы, въ особенности старшій, танцуютъ очень отчетливо, любятъ искусство и трудятся весьма добросовѣстно. Г-жа Жбанова танцуетъ отлично; въ ней много граціи, увлеченія, игривости; она очень недурна собою; владѣетъ стройною таліей и весьма хорошенькою ножкою,—однимъ-словомъ, составляетъ перлъ труппы Зелинскаго. Вотъ стихи, поднесенные ей однимъ изъ ея поклонниковъ. Выписываемъ порожденіе горской музы со всею дипломатическою точностію:

«Вы стройны, какъ тополь юга,
Какъ амуръ прелестны вы,
Вы игривы точно вьюга,—
Въ васъ все съ ногъ до головы
Идеальность, совершенство!..
Вы прелестнѣйшій цвѣтокъ.
Видѣть васъ для насъ блаженство,

Наслажденье и восторгъ.
Ваши черненькіе глазки
Въ силахъ сглазить цѣлый свѣтъ;
Вы волшебница изъ сказки, —
Срисовать васъ—кисти нѣтъ.
Какъ вы бѣшены въ *Цыганкѣ*,
Какъ въ *Качучѣ* хороши, —
Типъ красавицы испанки!..
Сколько нѣги и души
Въ вашихъ взорахъ, въ вашихъ позахъ,
Въ оборотахъ головы!
И какъ бабочка на розахъ,
На уѣздной сценѣ вы,
Такъ порхаете игриво
Подъ созвучье кастаньетъ,
Что въ васъ каждый видитъ живо
Фани Ельслеръ силуэтъ.

Дѣвица *Зелинская* мила и граціозна въ характерныхъ танцахъ и обѣщаетъ много въ будущемъ; ей еще не болѣе 12 лѣтъ. Мальчикъ *Арцыбашевъ* лихо пляшетъ цыганку. Вотъ все, что я могу сказать о труппѣ Зелинскаго, которая съ новаго-года поступила уже въ распоряженіе особо составившейся въ Ставрополѣ дирекціи, черезъ что, говорятъ, бытъ артистовъ значительно улучшился. Кромѣ театра, въ нынѣшнюю зиму (это говорится только для опредѣленія сезона, а зимы здѣсь не было), мы восхищались дивными звуками віолончеля *Христіани*, механизмомъ рукъ пьяниста-импровизатора *Сеймуръ-Шифа* и уморительными звуками голоса г-жа *Нестроа-Вендтъ*, давшихъ здѣсь, проѣздомъ въ Тифлисъ, по одному концерту. Г-жа Христіани сыграла *Серенаду Шуберта, Alpen-Horn*, арію изъ Лучіи: *fra poco me ricovero* и, если не ошибаюсь, *Болеро* — Оффенбаха. Афишъ не было, потому я и говорю о послѣдней пьесѣ съ сомнѣніемъ. Долго, очень долго не забудутъ жители Владикавказа этого чуднаго январскаго вечера, въ который мысли и души многихъ изъ нихъ витали въ небѣ, вмѣстѣ съ очаровательными звуками віолончеля Христіани. У многихъ онъ глубоко запалъ въ душу и врѣзался въ памяти!

Г. Сеймуръ-Шифъ, 16 февраля, сыгралъ *фантазію изъ* «Севильскаго цирульника», своего сочиненія; *мазурку* (b dur.) *Шопена; Causerie-польку, фантазію изъ* «Капулетти и Монтеки» и *мазурку* тоже своего сочиненія, и сыгралъ отчетливо, относительно механизма рукъ и клавіатуры. Импровизація на заданныя темы: (*Леггинка, персидская пляска* и *Ты душа ль моя*) была выполнена тоже довольно не дурно. Въ заключеніе концерта Сеймуръ-Шифъ такъ ловко

перемѣшалъ всѣ эти три такъ неладящія между-собою темы, что удачнѣе ничего невозможно было желать.

Александръ Козловъ.

КАЗАНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Корифеями казанскаго театра можно назвать двухъ сестеръ Стрѣлковыхъ, изъ которыхъ одна, старшая, по обще-принятому порядку, считается первой, а младшая— второй. Знаніе сценическаго дѣла, по всей справедливости, принадлежитъ Стрѣлковой 1-й; Стрѣлкова же младшая, или 2-я только еще начинаетъ свое поприще, но начинаетъ при такихъ успѣхахъ, что мы невольно должны сказать о ней нѣсколько словъ. Если мы скажемъ, что эта актриса родилась на сценѣ нижегородскаго театра, то немного исказимъ истину. Съ самаго малолѣтства она каждую масляницу, на ярмаркѣ и въ дни бенефисныхъ спектаклей, преусердно выплясывала то казачка, то русскую; затѣмъ, по общему закону природы, подросла, наконецъ выросла, и изъ дѣвочки-ребенка сдѣлалась дѣвушкой въ двадцать лѣтъ. Природа не одарила ее ни привлекательной наружностью, ни выразительными чертами лица, ни ростомъ, который пополамъ съ грѣхомъ назвать можно среднимъ; эта дѣвушка безъ манеры, съ длиннымъ торсомъ, съ толстыми руками, но зато глаза ея полны жизни и чувства. Съ такими-то данными Стрѣлкова 2-я, на нижегородскомъ театрѣ, въ чемъ, вѣроятно, никто не усомнится, была вовсе незамѣтна. Вдругъ въ 1851 году постигаетъ ее совсѣмъ иная судьба.

Фортуна слѣпа... истина старая... Эта несправедливая дама, бродя по помостамъ нижегородской и казанской сценъ, на послѣдней столкнулась съ г-жей Стрѣлковой, обняла ее и сказала: будь ты примадонна. Чтобы вполнѣ оправдать свое опредѣленіе, таже фортуна заставила Стрѣлкову встрѣтить г-жу Самойлову 1-ю, изучить ея игру... Вотъ какъ это случилось: Надежда Васильевна Самойлова обратнымъ путемъ изъ Казани въ Петербургъ, сыграла въ Нижнемъ-Новгородѣ нѣсколько спектаклей, и играла, какъ намъ извѣстно, въ «Материнскомъ благословеніи» въ «Дочери полка», въ «Людяхъ ангелъ не жена», въ «Водевилѣ съ переодѣваньемъ», въ «Цыганкѣ» и еще въ нѣкоторыхъ другихъ; но не мѣсто здѣсь, да и не наше дѣло разбирать игру г-жи Самойловой. Дѣло только въ томъ, что въ то самое время, какъ г-жа Самойлова плѣняла своей игрой нижегородскую публику, за кулисами молоденькая провинціальная актриса, зорко подмѣчала игру столичной

артистки, и кажется, дала себѣ слово, во что-бы то ни стало идти по стопамъ Надежды Васильевны. (?)*

Г-жа Стрѣлкова 2-я безпрестанно повторяла многія мѣста изъ пьесъ, сыгранныхъ г-жей Самойловой, стараясь вполнѣ подражать каждому звуку ея голоса, каждой ея манерѣ, однимъ-словомъ, казалось передразнивала, пародировала игру артистки, но при доброй волѣ, вмѣсто пародіи вышло счастливое подражаніе. Въ это самое время, то-есть, какъ Стрѣлкова 2-я, въ какомъ-то бреду, сама про себя изучала игру г-жи Самойловой, дирекція казанскаго театра приглашаетъ сестру ея Стрѣлкову 1-ю на свою сцену, а кстати и ее, чтобъ не разлучать съ сестрой, единственной ея покровительницей, на второстепенныя водевильныя амплуа, съ жалованьемъ въ годъ по 150 р. серебромъ. Стрѣлкова 2-я рада и этому рада потому, что не остается круглой сиротой на нижегородской сценѣ, и ѣдетъ вмѣстѣ съ сестрой; вотъ она въ Казани; въ день открытія театра, подъ управленіемъ новой дирекціи, является она на казанской сценѣ въ «Цыганкѣ» (водевиль). Публика только что не отворачивается отъ сцены; пьеса идетъ вяло; дебютантка въ своей роли невыносимо дурна, поетъ дико; оркестръ, тогда еще временно и наскоро организованный, къ несчастію, спутался, однимъ-словомъ, все не клеится; ну просто хоть плачь! Да такъ и вышло: послѣ спектакля публика пѣняла распорядителямъ, зачѣмъ пригласили такую ничтожную актрису, а бѣдная дебютантка проплакала цѣлую недѣлю. Но наконецъ насталъ день, въ который назначено «Материнское благословеніе»,—день торжества Стрѣлковой 2-й. Публика не узнала эту актрису; въ ней Надежда Васильевна повторялась во многихъ мѣстахъ; ея способность подражать не насмѣшила, а удивила публику, и еслибы Стрѣлкова 2-я, хотя бы нѣсколько походила наружно на г-жу Самойлову, то, право, можно было обмануться. Она, кажется, сосчитала всѣ шаги Надежды Васильевны на сценѣ, до нитки подражала ея костюму, манерѣ, даже ненатуральнымъ привычкамъ артистки; словомъ, ее можно было въ то время назвать типографскимъ станкомъ, который точь въ точь перепечатываетъ одно и тоже сочиненіе, но только на разной бумагѣ; и конечно, въ этомъ случаѣ бумага была свѣжая, бѣлая. Но вотъ въ чемъ состоитъ особенность Стрѣлковой 2-й, она, при такомъ слѣпомъ, безусловномъ подражаніи, въ мѣстахъ патетическихъ плачетъ на самомъ дѣлѣ! Стало-быть, кромѣ способности подражать, природа не обидѣла ее душой, въ которой

* Нашъ кореспондетъ умалчиваетъ о томъ, если у г-жи Стрѣлковой на это какія-нибудь особенныя данныя, кромѣ тѣхъ, которыя уже высказаны.

есть теплота, и она стала выше г–жи Самойловй. Жаль, что эта актриса не получила никакого образованія; она даже не знаетъ вовсе музыки, съ трудомъ читаетъ свои роли; дайте ей школу, и она, можетъ–быть, встанетъ наравнѣ съ лучшими рускимими актрисами!

Послѣ «Материнскаго благословенія», Стрѣлкова 2-я играла въ «Дочери полка», въ «Водевилѣ съ переодѣваньемъ», въ «Людяхъ ангелъ не жена», и вездѣ напоминала намъ игру г–жи Самойловой, слѣпо подражая своему оригиналу; но игру свою уже вела не такъ удачно! А почему - не знаемъ! Наконецъ, въ бенефисъ сестры своей, 15 января, она должна была явиться предъ заинтересованной публикой въ роли Эсмеральды, въ роли, которую ей надо было создать, потому-что г-жа Стрѣлкова предварительно никакой знаменитости въ этой роли не видала; и правду сказать, боялись мы за Стрѣлкову 2-ю, тѣмъ болѣе, что предъ этимъ спектаклемъ, въ нѣкоторыхъ роляхъ, ею самою созданныхъ, она показалась намъ жалкою посредственностію. Въ настоящемъ же случаѣ, отрадно было видѣть, что актриса предварительно обдумала свою роль, и исполнила ее, судя по ея силамъ, довольно удовлетворительно; жаль только, что часто она впадала въ свою всегдашнюю плаксивость, вовсе несвойственную Эсмеральдѣ, какъ дѣвушкѣ, выросшей между цыганъ. Трудная роль Жервезы Шатофлери была исполнена вѣрно и отчетливо г–жею Стрѣлковою 1-ю. Въ ея игрѣ, при исполненіи этой роли, были высокія минуты одушевленія. Сцена, въ которой несчастная мать, послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки, узнаетъ свою дочь, у многихъ вызвала слезу...

Познакомивъ читателя съ сестрами Стрѣлковыми, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о г–нѣ Милославскомъ въ роли Клода Фролло (Синдика), безъ содѣйствія котораго успѣхъ этой пьесы на казанской сценѣ могъ быть весьма сомнителенъ, и Эсмеральда далеко не произвела бы того впечатлѣнія, которое вынесла публика изъ спектакля. Г. Милославскій во многихъ мѣстахъ былъ безъ укоризны хорошъ. Вообще этотъ актеръ, можно сказать, необходимъ для казанской сцены, и гг. распорядители театра, какъ видно, хорошо понимаютъ свое дѣло, печатая на афишахъ имя Милославскаго всегда крупными литерами. Не будетъ Милославскаго, не будетъ и сбору; тогда хоть закрывай театръ. Роль Квазимидо принадлежала г ну Яковлеву. Нельзя сказать, чтобы онъ исполнилъ ее отчетливо, но многіе остались благодарны актеру и за это исполненіе, въ которомъ, какъ и всегда, проглядывало въ исполнителѣ его стараніе... Вообще г. Яковлевъ трудится добросовѣстно, и есть пьесы, какъ напримѣръ «Смерть и Честь» и «Смерть Ляпунова», гдѣ г. Яковлевъ въ роляхъ Гюго-

Бидермана и Ляпунова очень недуренъ. Объ игрѣ прочихъ актеровъ въ названной нами пьесѣ мы ничего не говоримъ, потому-что сказать объ нихъ нечего!

Въ той-же афишѣ, 15-го января, между прочимъ объявлено было о новыхъ декораціяхъ, писанныхъ для Эсмеральды г-мъ Живокини. Какъ о первыхъ, такъ и о послѣднемъ, мы скажемъ, кстати, нѣсколько словъ.

Г. Живокини, братъ извѣстнаго московскаго артиста, приглашенъ былъ въ Казань, во-время построенія театра, написать декораціи, назначенныя по смѣтѣ архитекторомъ, а именно: переднюю занавѣсъ, горизонтъ, садъ, лѣсъ свѣтлый, лѣсъ темный, горы, улицу, чертоги, русскую избу, фламандскую избу, тюрьму, рыцарскую залу въ готическомъ вкусѣ, нѣсколько комнатъ, изъ которыхъ двѣ на рамахъ, съ потолкомъ, т. е. безъ кулисъ. Этими декораціями г. Живокини дебютировалъ на казанской сценѣ. — Замѣтили мы тогда еще нѣкоторые промахи, но подумали, гдѣ же есть совершенство? Говорятъ, и въ солнцѣ есть пятна, какъ-же не встрѣтить ихъ на декораціи? При настоящемъ случаѣ, если мы и позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній художнику, то изъ одного только желанія — указать на небольшія ошибки, которые могутъ-быть легко исправлены.

Такъ напримѣръ, г-нъ Живокини, вѣроятно, забылъ, что рыцарская зала его въ готическомъ стилѣ, показавъ на сафютахъ, вмѣсто стрѣльчатыхъ острыхъ сводовъ, прямой потолокъ; это весьма рѣзкая ошибка. Затѣмъ пожалѣлъ передній занавѣсъ украсить болѣе пріятной драпировкой, и употребить на свою картину краски лучшихъ достоинствъ, пожалѣлъ также на бахрамы и кисти сусальнаго золота. — На казанской сценѣ, какъ нарочно бываютъ до утомительности длинные антракты; правда г. Поляковъ, прекрасный капельмейстеръ, и оркестръ его играетъ весьма мило, но до крайности мало и скупо; по этому иной разъ полюбовался бы на хорошую перспективную картину, но и того нѣтъ; ждеть только, скоро-ли поднимутъ занавѣсъ?

Изъ всѣхъ упомянутыхъ декорацій лучшими изъ-подъ кисти художника вышли: тюрьма, фламандская изба, городская улица и темный лѣсъ; эти декораціи такъ хороши, что рѣшительно говорятъ въ пользу г. Живокини, обвиняя его въ тоже время въ отсутствіи усердія при исполненіи другихъ предметовъ.

Что же касается до неудачныхъ декорацій, написанныхъ г. Живокини для Эсмеральды, то мы не смѣемъ обвинять въ этой неудачѣ художника. Матеріальныя средства его были весьма бѣдны, и декоратору предстоялъ трудъ, въ которомъ ничтò не помогало ему:

ни холстъ, ни люди, ни дирекція, ни даже самая мѣстность, на которой-бы онъ могъ расположить ихъ удобно... Вотъ эти декораціи — по актно:

Въ прологѣ. Театръ представляетъ поляну; мѣстоположеніе пріятное, кругомъ зелень, по обѣимъ сторонамъ видны два сельскіе дома, посрединѣ поляны дерево. Это декорація, писанная г-мъ Живокини по заказу контрагента, кромѣ пратикаблей, которые, какъ видно, написаны и принаровледы къ пьесѣ.

При открытіи занавѣса, декорація живо напомнила намъ лѣто, и возбудила желаніе погулять на лугу съ добрыми поселянами. Такое впечатлѣніе, сдѣланное на зрителя декораціей, даетъ полное право похвалить ее; и дѣйствительно, колера зелени пріятные, расположеніе древесныхъ партій правильное, не весьма кудрявое, и не сухо обрѣзанное, однимъ-словомъ все, какъ быть должно, и вообще нельзя не замѣтить, что г-нъ Живокини болѣе пейзажистъ, и, какъ видно, хорошо изучилъ этотъ родъ живописи.

Въ первомъ дѣйствіи представлена улица, съ правой стороны келья сестры Гудуллы (Жервезы Шатофлёри), а посрединѣ позорный столбъ.— Декорація эта должна представлять площадь, но по ограниченности средствъ дирекціи, писанная еще по заказу контрагента, улица, о которой мы говорили выше въ числѣ прочихъ декорацій, представлена была вмѣсто площади.

Не станемъ касаться до матеріальныхъ средствъ театра, забудемъ улица-ли это, или площадь, и разберемъ декорацію, какъ произведеніе художественное, какъ картину.

Линейная перспектива домовъ соблюдена правильно, съ знаніемъ дѣла; картина не лишена перспективнаго фокуса, и глазъ обманывается до того, что на сцену смотришь, какъ въ окно; въ-особенности обратилъ на себя общее вниманіе каменный двухъ-этажный, красивой архитектуры домъ, стоящій на углу, на поворотѣ улицы, съ пристройкой балкона, основаннаго на аркахъ; это строеніе написано до такой степени обманчиво, что нѣкоторые изъ зрителей не вѣрили, что балконъ неприставной, и послѣ акта ходили на мѣсто удостовѣриться, дѣйствительно ли оно написано на одной плоскости, т. е. на одномъ полотнѣ съ домомъ.

Во второмъ дѣйствіи театръ представляетъ туже улицу, только позорный столбъ и келья Гудуллы, какъ пратикабли, въ этомъ актѣ не нужные, были сняты. При увеличеніи средствъ дирекціи, мы надѣемся, что для котораго-нибудь дѣйствія декорація будетъ новая. Въ этомъ же дѣйствіи чистая перемѣна показала намъ бѣдную комнату Одоарды, кор-

милицы Феба. По этой декораціи можно судить, что художникъ ничего не дѣлаетъ не подумавши, и мы замѣтили въ каждой мелочи, отъ оконнаго наличника до карнизной тяги, вездѣ заботу его показать зрителямъ бѣдность; растрескавшаяся мѣстами штукатурка, полинялая на стѣнахъ краска заставляютъ невольно согласиться, что при бѣдности рѣдко можно встрѣтить чистоту, и безъ средствъ опрятность невозможна.

Въ третьемъ дѣйствіи представлена тюрьма. Это одна изъ лучшихъ декорацій, написанныхъ художникомъ еще до открытія театра, по заказу контрагента; здѣсь все исполнено вѣрно, отчетливо и для глаза чрезвычайно обманчиво. Затѣмъ чистая перемѣна показываетъ туже улицу, если хотите площадь, но поперечный домъ закрытъ только новымъ пратикаблемъ, представляющимъ Notre Dame de Paris, en face къ зрителямъ. Контуры правильны, и общее въ рисункѣ сейчасъ напоминаетъ вамъ то зданіе, которое хотѣлъ изобразить художникъ; остается только пожелать, чтобы цвѣтъ зданія сдѣланъ былъ нѣсколько сѣроватымъ; отъ этого больше будетъ античности, а то оно кажется совершенно новымъ. Ближайшую сафюту совѣтуемъ или поднять выше, или вовсе не спускать съ тѣмъ, чтобы верхъ зданія не уходилъ въ облака, чего въ натурѣ нѣтъ. Вина эта, конечно, не столько декоратора, сколько самой сцены, которая довольно низка для зданія такого размѣра; но если художникъ рѣшился показать не часть, а цѣлое зданіе и произвести картиной своей эффектъ, то, нечего дѣлать, долженъ бы былъ въ пользу эффекта пожертвовать правдой.

Въ четвертомъ дѣйствіи театръ представляетъ внутренность старой башни—жилище цыганъ. Признаемся чистосердечно, эта декорація намъ вовсе не понравилась; Задняя занавѣсь написана вновь и показываетъ зрителю руину башни, а боковыя кулисы остались отъ предшествовавшей декораціи—тюрьмы, которая представлена художникомъ совершенно новой.—Гг. распорядители, просимъ благосклонно выслушать замѣчаніе наше. Отнюдь не должно забывать, что театръ болѣе всего подверженъ критикѣ всѣхъ и каждаго. Каковъ бы судъ ни былъ, но онъ все-таки судъ! Худая слава идетъ далеко, и не все мы одни, казанскіе жители посѣщаемъ театръ, мы, готовые и на многое, зная средства, смотрѣть сквозь пальцы; но пріѣзжій посѣтитель, не вникая въ обстоятельства дѣла, скажетъ другое; онъ вѣрно обвинитъ художника. Пожалуй, вѣдь и мы непрочь отъ этаго, всякая рецензія (была бы только добросовѣстная) ведетъ непремѣнно къ улучшенію; умъ хорошо, а два еще лучше! Вотъ что́ мы замѣтили въ задней занавѣси, представляющей старую башню: декораторъ нисколько не испортитъ дѣла, если картину всю пролисируетъ легкимъ синеватымъ тономъ; этимъ убавитъ онъ излишнюю пестроту, вовсе не естествен-

ную; тогда не будетъ видно и рѣзкихъ швовъ, отдѣляющихъ камень отъ камня; глазу будетъ спокойнѣе смотрѣть на мелкую мозаику камней разныхъ формъ и колеровъ, составляющихъ стѣну и сводъ башни. Смотря на эту декорацію, еще пришло намъ на мысль, что главный станъ цыганъ помѣщается, какъ вертепъ, не столько бѣдности, сколько порока, въ полуразвалившейся башнѣ, вѣроятно на концѣ города, гдѣ-нибудь въ предмѣстьи, и обитатели ея камеру своего верховнаго судилища навѣрно старались помѣстить гдѣ-нибудь по секретнѣе, и Клопенъ Трульфо чинилъ свой судъ и расправу не въ такой большой высокой залѣ, хотя полуразрушенной, а гдѣ-нибудь чуть не въ подземельѣ. И такъ, когда средства дирекціи позволятъ декорацію башни окончить со всѣми условіями полной картины, тогда и художникъ много выиграетъ, если подзоръ передней занавѣси и всѣ сафюты опуститъ на цѣлую половину отверстія сценической арки, и картина его будетъ имѣть видъ совершеннаго подвала, гдѣ можно показать софютами перекинутыя плоскія арки чрезъ всю сцену, а между боковыми кулисами опять тѣже арки, такъ, чтобъ зритель не останавливался воображеніемъ исключительно на томъ только помѣщеніи, которое возможно показать на сценѣ.—Въ этомъ же дѣйствіи чистая перемѣна показываетъ платформу магистрата. Въ давно извѣстномъ романѣ Notre-Dame de Paris, Квазимодо сбрасываетъ синдика съ этой платформы, и по поводу впечатлѣній, сдѣланныхъ романомъ на многихъ художниковъ, дѣлано было много эскизовъ и рисунковъ, и намъ не разъ случалось видѣть то наружность башни, съ которой падаетъ несчастный синдикъ, то внутренность платформы, гдѣ Квазимодо представленъ въ тотъ моментъ, когда онъ схватываетъ синдика, съ тѣмъ чтобы сбросить его съ башни; но дѣло не въ томъ. Въ драмѣ ходъ обстоятельствъ, не знаемъ почему, измѣненъ авторомъ, и сколько ни видали мы въ этомъ родѣ картинъ и картинокъ, всѣ онѣ не такъ удачны, какъ у г. Живокини на сценѣ; натурально, что художникъ въ настоящемъ случаѣ заботился собственно о картинѣ перспективной, а тамъ художники старались преимущественно о томъ, что́ на сценѣ совершаютъ актеры. Вотъ какъ г. Живокини расположилъ картину: на лѣвой сторонѣ отъ зрителя, на заднемъ планѣ, расположена арка, изъ отверстія которой видна часть города освѣщеннаго луной;—луна также видна въ отверстіи (жаль, только что свѣча была близко подставлена къ транспаранту); струи водъ рѣки, обтекающей городъ, серебрятся отъ луннаго свѣта; внутренность башни вся въ полутонѣ, свѣтъ сюда не проникаетъ, и потому всѣ предметы едва замѣтны глазу, и рельефно выступаетъ одна только лѣстница, ведущая на дальнѣйшую высоту.

Эта декорація заслужила общую похвалу. Всѣ удивлялись, какъ живо и натурально нарисованы предметы: лѣстница точно приставная; къ отверстію арки, казалось, подойти страшно, а особливо тому, кто боится смотрѣть съ высоты внизъ, и если невольно многіе смотрѣли въ арку, то, вѣроятно, хотѣли налюбоватяся панорамой города.

Итакъ г–ну Живокини, какъ художнику, въ-послѣдствіи мы менѣе будемъ прощать его ошибки, и потребуемъ отъ него настоящаго дѣла. Любителями этой части сцены художникъ былъ вызванъ послѣ окончанія пьесы.

Много пользы г. Живокини принесетъ казанскому театру, если ангажированъ будетъ исключительно декораторомъ, и тогда намъ, вѣроятно, не придется видѣть такихъ балаганныхъ декорацій, какъ зала ассамблеи въ «Денщикѣ», или хижина Жоржа въ «Игрокѣ». Новый декораторъ, вѣроятно, постарается ихъ исправитъ, или переписать вновь, а то право жаль холста!

Г. Живокини является на судъ публики еще и въ другомъ родѣ сценическаго искусства, какъ машинистъ. Здѣсь скажемъ мы только, что машины казанскаго театра устроены, по образцу театровъ московскихъ, подъ надзоромъ г. Живокини, весьма удовлетворительно; въ двухъ только случаяхъ замѣтили мы недостатки: чистая перемѣна идетъ весьма медленно; а за тѣмъ громъ, въ которомъ ничего нѣтъ ужасающаго, поразительнаго, что̀ для эффекта необходимо.

Н. Б.....въ.

КІЕВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Вы уже знаете изъ предыдущаго отчета, что въ Кіевѣ два театра; о каждомъ изъ нихъ мы скажемъ отдѣльно.

ТЕАТРЪ ВЪ ЛИПКАХЪ.

(Съ 10 ноября 1852 года по 3-е марта 1853 г.)

Театръ г. Федецкаго устроенъ въ Липкахъ, противъ зведенія кіевскихъ искусственныхъ минеральныхъ водъ, въ домѣ насалѣдниковъ ге

нерала Бѣлоградскаго, по контракту на три года, съ платою ежегодно по 300 руб сер. Застрахованіе и передѣлку дома въ первобытный видъ г. Федецкій принялъ на себя. Внутренность театра, хотя и опрятна, но не изящна. Представьте себѣ залу длиною въ 15 и шириною въ 10 аршинъ, гдѣ помѣщается одинъ ярусъ ложъ, 104 кресла и партеръ. Такъ какъ ложи не имѣютъ бенуара, то пространство подъ бель-этажемъ служитъ проходомъ въ кресла. Освѣщеніе не совсѣмъ ярко: до 40 свѣчей (изъ коихъ 20 на аван-сценѣ, вмѣсто лампъ) и подъ потолкомъ двѣ билліардныя солнечныя лампы. Оркестръ, въ которомъ иногда играетъ шесть человѣкъ, а иногда и четыре, безъ капельмейстера, довольно не разнообразный въ выборѣ пьесъ и довольно плохой въ ихъ исполненіи. Декораціи и костюмы удовлетворительны. Полный сборъ простирается до 250 руб., сер. а со дня открытія театра до закрытія его, предъ Великимъ-постомъ, общая сумма сборовъ выражалась цифрою 3000 руб. сереб., которыми удовлетворивъ весь расходъ, г. Федецкій остался еще въ небольшой потерѣ.

Содержатель театра привезъ съ собою въ Кіевъ труппу польскую, но заставъ въ городѣ актрису г-жу Звѣреву и актеровъ г.г. Звѣрева и Семенова, то не упустилъ изъ виду и русскихъ спектаклей. Первый изъ нихъ (10 ноября) состоялъ изъ народнаго гимна «Боже Царя Храни», русскаго водевиля: «Дѣвушка-гусаръ», польскаго: «Путешественникъ и путешественница» и малороссійскаго: «Москаль-чаривникъ». Стеченіе публики было такъ многочисленно, что съ трудомъ можно было достать мѣсто. Въ этотъ вечеръ порожнія мѣста подъ ложами продавались по 1 руб. серебромъ.

Спектакли ограничивались небольшими одно-актными и двухъ-актными комедіями и водевилями на польскомъ, русскомъ и малороссійскомъ языкахъ, которыя разыгрывались весьма удовлетворительно. Съ 18 января по 3 марта были поставлены пьесы — русскія: Ревизоръ, Студентъ-артистъ, Утка и стаканъ воды, Цирюльникъ на пескахъ, М. А. Губкинъ, А. С. Бука, Принцъ съ хохломъ, Горцы на чердакѣ, Хочу быть актрисой, Остриженные львы, Сэръ-Жакъ, Дезертеръ, Школьный учитель, Улица луны, Взаимное обученіе, Жены наши пропали; польскія: Дядя и племянникъ, Петръ и Павелъ, Подъ чердакомъ, Окно во второмъ этажѣ, Фабрикантъ, Докторъ медицины *, Никто меня не знаетъ,

* Пьеса «*Докторъ медицины*» оригинальное сочиненіе даровитаго польскаго драматурга г Корженевскаго, извѣстна у насъ подъ названіемъ: «*Отсталые люди или предраз-*

Вендетта, Мужъ вдовы, Закатъ солнца, Qui pro quo, Карета, Панъ Стефанъ, Замужняя невѣста, Жиды, Мѣщане и крестьяне; малороссійскія: Козакъ-стихотворецъ, Чумакъ-чародѣй, Москаль-чаривникъ, Кумъ Мирошкинъ, Наталка Полтавка и Вечеръ на хуторѣ близъ Диканки. Кромѣ этихъ пьесъ, въ антрактахъ пѣли куплеты и г-жа Федецкая неоднократно танцовала венгерку, а г-жа Олимпія Щипанская, соревнуя благотворительной цѣли, въ пользу кіевскихъ дѣтскихъ пріютовъ протанцовала, 31 января, *Pas Andalusien*, solo венгерское и solo мазурки, восхитивъ публику своей граціей и ловкостью. Публика приняла съ энтузіазмомъ свою старую любимицу, дружно осыпавши ее громкими аплодисманами и браво, которымъ не было конца!

Теперь я намѣренъ сказать о игрѣ нѣкоторыхъ господъ актеровъ. Главныя роли въ польскихъ пьесахъ занимаетъ самъ содержатель Федецкій, актеръ съ большимъ талантомъ на амплуа молодыхъ людей, повѣсъ и такъ называемыхъ кутилъ. Репертуаръ его обширный и трудный. Нужно его видѣть въ роляхъ *барона* (Закатъ солнца) *Залевскаго* (Фабрикантъ) и другихъ не менѣе трудныхъ роляхъ, чтобъ оцѣнить неподдѣльность и развязность, искусно приспособленную къ натурѣ. Видя г. Федецкаго на сценѣ, можно забыться, что сидишь въ театрѣ, въ особенности, когда нѣтъ при немъ г.г. Стошеля, Винобера и другихъ тому подобныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Федецкій былъ-бы не дуренъ въ роляхъ русскихъ, еслибы зналъ языкъ и обращалъ вниманіе на слогоударенiе, которое въ русскомъ языкѣ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Мнѣ случалось его видѣть въ ролѣ *Городничаго* (Ревизоръ), *Глыбина* (Утка и стаканъ воды), *Роланда* (Дѣвушка гусаръ) и друг.; въ этихъ роляхъ нельзя ему отказать въ талантѣ и умѣньи понять автора; но какъ разительно для уха, если г. Федецкій, рускую фразу переверстаетъ на польскій ладъ!

Г. Закршевскаго мнѣ случалось видѣть нѣсколько разъ, но никогда онъ такъ мнѣ не нравился, какъ въ роляхъ: *Валентинъ* (Фабрикантъ) *Старосвѣтскій* (Жиды) и *Игнатій* (Замужняя невѣста); тутъ онъ выдерживаетъ характеры превосходно и не уронитъ пьесы. Его амплуа преимущественно старыхъ слугъ въ пьесахъ Корженевскаго.

Г. Шмитковъ, молодой актеръ, принимаетъ на себя всѣ роли, и польскія и русскія... но за то ни одной и не исполняетъ. Иногда

судки противъ науки и искусства»; Она переведена слово-въ-слово съ польскаго и названа *сочиненіемъ* актера П. И. Григорьева.

Прим. автора.

*

онъ дирижируетъ оркестромъ, и также безъ успѣха... Смотря на его игру, отъ души сожалѣешь, что въ этомъ театрѣ нѣтъ райка, которому-бы онъ доставилъ истинное наслажденіе! Смотря на его смычекъ, жалѣешь всѣхъ слушателей!

Изъ женскихъ персонажей первое мѣсто занимаетъ г–жа Федецкая, и должно отдать справедливость, что въ любой польской труппѣ (замѣтьте не русской) она займетъ не послѣднее мѣсто. При своей прекрасной наружности, пріятной дикціи, звонкомъ органѣ, ловкости, она знаетъ прекрасно польскій языкъ и съ успѣхомъ выполняетъ роли свѣтскихъ дамъ, молодыхъ вдовушекъ, а иногда и прихотливыхъ кокетокъ. Сестра ея, дѣвица Федецкая, награждена прекраснымъ талантомъ, но онъ еще не развитъ и требуетъ много обработки и практики. Обѣ сестры отличаются пріятною наружностію и постояннымъ знаніемъ ролей.

Г-жа Дріонъ — водевильная *трещетка*... болѣе о ней сказать нечего.

Г-жа Гончарова актриса безполезная... Она занимаетъ главное амплуа въ русскихъ пьесахъ, собственно потому, что довольно изрядно говоритъ по-русски. Вотъ составъ здѣшней труппы, и представьте, кто попалъ въ это собраніе — извѣстный провинціальный комикъ г. Зубовичъ! Отъ души жалѣемъ этого прекраснаго актера, который своей игрой восхищалъ города: Харьковъ, Полтаву, Херсонъ, Одессу, Симферополь и другіе, гдѣ публика поняла его талантъ и принимала съ восторгомъ. Не будемъ говорить о его игрѣ, о которой уже подробно сообщено въ № 11 «Пантеона» 1852 года, въ статьѣ «Театръ въ Полтавѣ »

Въ пьесахъ малороссійскихъ занималъ первое мѣсто нашъ старый любимецъ и талантливый артистъ г. Рекановскій, который, будучи вѣренъ своему амплуа, пьесы малороссійскія выносилъ на своихъ плечахъ. Публика, какъ и прежде, принимала его съ удовольствіемъ и багодарила аплодисманами.

Суфлеръ не замѣтный членъ труппы, а между-прочимъ необходимъ въ труппѣ г. Федецкаго, гдѣ никто не учитъ ролей. Не худо бы г. Федецкому искоренить это. Вотъ краткій обзоръ театра въ Лишкахъ, не желающаго назвать себя театромъ *миніатюрнымъ*, или по крайней-мѣрѣ *малымъ*.

ТЕАТРЪ НА ПОДОЛѢ.

(Съ 18 января по 3-е марта 1853 года.)

Театръ на Подолѣ, подъ управленіемъ бывшаго директора варшавскаго балета г. Мориса Піонъ, устроенъ съ разрѣшенія городскаго начальства, въ бывшемъ магазинѣ, срокомъ на шесть лѣтъ и съ тѣмъ, что по окончаніи контракта, зданіе остается въ пользу города. Наружный видъ этого театральнаго зданія не щеголеватъ, зато внутренняя его обстановка красива и удобна. Оно вмѣщаетъ въ себѣ три яруса ложъ, болѣе ста креселъ, партеръ, амфитеатръ и галлерею. Полный сборъ простирается до пятисотъ рублей серебромъ. Жители города много обязаны рачительному и дѣятельному содержателю, г. Піону, который не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ для того, чтобы удовлетворить даже взыскательному вкусу. Зданіе теплое, ложи и кресла опрятны, освѣщеніе превосходное, новыя декораціи исполнены живописцемъ Фохтомъ, и исполнены добросовѣстно, съ знаніемъ дѣла. Оркестръ князя Лопухина, состоящій изъ тридцати человѣкъ, подъ управленіемъ дѣльнаго капельмейстера, превосходно исполняетъ трудныя пьесы и увертюры извѣстныхъ композиторовъ. Разнообразіе спектаклей, состоящихъ изъ балета, польскихъ, русскихъ и малороссійскихъ пьесъ, постоянно привлекало любителей театра, и потому, начиная со дня открытія, до его закрытія (тридцать-семь спектаклей) театръ постоянно былъ полонъ, такъ-что значительные убытки, понесенные для его устройства, почти съ избыткомъ вознаградили антрепренера. Съ нетерпѣніемъ дождались мы 18 января, дня, въ который было обѣщано: «открытіе театра на Подолѣ труппою артистовъ подъ управленіемъ г. Мориса Піонъ». Афиша перваго спектакля обѣщала: исполненіе народнаго гимна: «Боже царя храни», потомъ пьесы: «Утка и стаканъ воды», водевиль въ одномъ дѣйствіи и «Акбаръ, атаманъ морскихъ разбойниковъ», большой балетъ въ двухъ дѣйствіяхъ, въ которомъ роль Клеоры для перваго дебюта занимала первая танцовщица придворнаго вѣнскаго театра, д-па Тереза Риза. Первые спектакли обыкновенно начинаются позже, нежели объявлено въ аффишѣ, а потому занавѣсъ взвился не въ шесть, а въ восемь часовъ вечера. Глазамъ публики представилась въ полномъ составѣ драматическая и балетная труппа г. Мориса, и прекрасно исполнила народный гимнъ съ акомпаниментомъ оркестра. Затѣмъ послѣдовалъ пре-

красный водевиль П. С. Федорова, отчетливо исполненный всѣми дѣйствующими лицами. Постановка балета, хорошо написанныя декораціи Фохта, щегольскіе греческіе и турецкіе костюмы, мимика, граціозныя pas и кордебалетъ,—все отвѣчало новости и успѣху. Такъ-какъ балеты, которые были поставлены на нашей сценѣ, бо́льшею частію сочиненія самого антрепренера, то непростительно было бы съ нашей стороны пройти ихъ молчаніемъ. Вотъ содержаніе «Акбара»: Дѣйствіе первое, Филодасъ, старый, заслуженный греческій воинъ и богатый вельможа, празднуетъ сватьбу своего сына Фонара съ молодой гречанкой Клеорой; управитель его замка, Арсіасъ, видя, что чрезъ этотъ союзъ онъ можетъ потерять всѣ сокровища, которыми самъ надѣялся воспользоваться послѣ смерти своего господина, рѣшается расторгнуть этотъ бракъ, и для этой цѣли проситъ Акбара чтобы онъ овладѣлъ островомъ и похитилъ Клеору. Акбаръ, получивши значительную сумму, принимаетъ предложеніе. Во-время самаго разгара увеселеній и танцевъ даютъ знать Филодасу, что шайка разбойниковъ подъ предводительствомъ Акбара ворвалась въ его замокъ. Начинается сраженіе между греками и пиратами. Побѣда остается на сторонѣ послѣднихъ; они похищаютъ Клеору съ ея подругами и увозятъ на лодкѣ. Акбаръ скрывается за вершинами горъ. Всѣ въ ужасномъ смятеніи.

Дѣйствіе второе. Акбаръ вмѣстѣ съ невольницами возвращается въ свой притонъ на турецкій островъ. Кабулъ, первый любимецъ стараго кади, прельщается невольницами и предлагаетъ атаману продать всѣхъ женщинъ его господину. Акбаръ принимаетъ предложеніе и приказываетъ явиться къ нему Клеорѣ и всѣмъ женщинамъ.

Вскорѣ приходитъ старикъ кади; будучи пораженъ красотою невольницъ, покупаетъ онъ ихъ у Акбара за семьдесять-пять тысячъ секиновъ, которые тотчасъ выдаетъ Кабулъ. Клеора, стараясь завлечь стараго кади, уговариваетъ своихъ подругъ, танцами очаровать новаго господина и завладѣть его расположеніемъ. Невольницы составляютъ дивертисментъ изъ національныхъ греческихъ танцевъ, въ которомъ Клеора исполняетъ *болеро* и еще два разнохарактерные танца, англійскій и итальянскій. Кади въ такомъ восторгѣ, такъ обвороженъ ея граціей и легкостью, что обѣщаетъ въ ту же минуту исполнить все, чего бы она отъ него не потребовала. Клеора объявляетъ, что она замужемъ и проситъ отъ него свободы. Старый турокъ съ презрѣніемъ принялъ ея просьбу. Несчастная гречанка, пораженная его хладнокровіемъ, вырываетъ изъ-за пояса Акбара кинжалъ и готова уже на самоубійство, какъ въ это время слышенъ въ

отдаленіи стукъ оружія, пушечная пальба и взрывъ Акбарова корабля. Атаманъ съ малочисленнымъ войскомъ стремится на поле битвы. Кади, видя свое положеніе, предлагаетъ невольницамъ скрыться въ его замкѣ; но онѣ не соглашаются и разбѣгаются въ разныя стороны. Въ отдаленіи показываются разбойники, преслѣдуемые греками, которыми предводительствуютъ Филодасъ и Фонаръ. Греки одерживаютъ побѣду и убиваютъ Акбара; Клеора въ объятіяхъ мужа; картина освѣщена заревомъ пожара.

Изъ этого можно заключить о вкусѣ и знаніи балетной части г. Піона, и отомъ сколько въ немъ эффектовъ, какія картины и каковъ сюжетъ этого балета. Главныя роли занимали: д-ца *Риза* (Клеора), *Адольфъ Морисъ* (Фонаръ), *Макелковскій* (Арсіасъ), *Морисъ Піонъ* (Кади), *Акбаръ* (Владиславъ Морисъ). Программа танцевъ:

1) Pas de trois, исполнили д-цы Катулинская, Станкевичъ и Гейбовичъ.
2) Большое Pas de deux, д-ца Риза и Ад. Піонъ.
3) Финалъ, всѣми лицами балета.
4) Pas de chal, д-цы Риза, Катулинская, Станкевичъ и Царева.
5) Д-ца Риза исполнила большое «Pas de seduction».

Не буду говорить о исполненіи танцевъ и ходѣ балета, считая необходимостью сперва сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о игранныхъ пьесахъ и объ актерахъ, занимавшихъ первое амплуа. Съ 18 января по 3-е марта было поставлено двадцать-три водевиля русскихъ, двадцать-одна пьеса польская и семь оперетъ малороссійскихъ. Труппу г. Піона можно раздѣлить на три разряда: драматическую русскую, драматическую польскую и балетную. Персонажъ самый полный: если считать всѣхъ лицъ, участвующихъ въ кордебалетахъ и финалахъ, — въ ней до восьмидесяти человѣкъ!.. Много надобно средствъ и сборовъ, чтобъ удовлетворить всѣхъ своихъ сотрудниковъ жалованьемъ и пріобрѣсть что-нибудь для самого-себя на будущее; — но не наше дѣло заботиться о будущемъ, если настоящее улыбается; лучше обратимъ вниманіе на артистовъ, участвовавшихъ въ русскихъ пьесахъ.

Первое мѣсто принадлежало режиссеру г. Микульскому, уже давно извѣстному намъ комику, на амплуа пожилыхъ дядюшекъ, старыхъ волокитъ и чиновниковъ; зная прекрасно малороссійскій языкъ, онъ съ успѣхомъ участвовалъ въ малороссійскихъ пьесахъ. Не буду много рас-

пространяться объ игрѣ этого талантливаго актера, уже давно извѣстнаго читающей публикѣ, скажу только то, что послѣ шести ролей: *Глыбина* (Утка и стаканъ воды), *Разумника* (Бѣда отъ сердца), *Веснушкина* (Довольно!), *Макогоненко* (Наталка Полтавка), *Чупруна* (Москаль-чаривникъ) роль *Квасова* (№470) была его послѣдняя роль! По окончаніи спектакля онъ заболѣлъ и ровно черезъ двѣ недѣли умеръ. Многіе пожалѣютъ о покойномъ Микульскомъ. Слишнимъ тридцать-шесть лѣтъ прослужилъ онъ сценѣ. Мы постараемся составить подробный о немъ некрологъ.

Г. Звѣревъ, актеръ на амплуа простаковъ, пейзановъ, прокутившихся повѣсъ и робкихъ слугъ. Онъ быстро совершенствуется, и есть надежда, что будетъ однимъ изъ лучшихъ актеровъ въ провинціи.

Г. Сазоновъ преимущественно занимаетъ роли резонёровъ, которыя требуютъ холодности и надменности. Подобное амплуа рѣдко вызываетъ аплодисманы.

Г. Степановъ, молодой актеръ, которому предстоитъ впереди обширное поле на сценическомъ поприщѣ. Его амплуа разнообразное и трудное. Мы его видѣли въ роляхъ совершенно разныхъ характеровъ, напримѣръ: *Лаверже* (Цирюльникъ стихотворецъ) *Староста* (Ямщики) *Заборскій* (Утка и стаканъ воды). Во всѣхъ этихъ роляхъ онъ былъ вѣренъ своему назначенію. Играя Лаверже, онъ долженъ быть комикомъ; роль *Старосты* требуетъ бойкаго русскаго слова; въ роли *Заборскаго* необходимы благородство и ловкость молодаго любовника. Какіе контрасты между этими ролями! Одна роль *Рогетти* (Бѣда отъ сердца) нѣсколько ему не удалась; подобные люди бо́льшею частію должны быть рѣзвые, у которыхъ все кипитъ подъ руками. Одинъ упрекъ можно сдѣлать г. Степанову: онъ весьма рѣдко знаетъ свою роль.

Г-жа Звѣрева, при хорошемъ знаніи русскаго языка, благородныхъ жестахъ, при красивой наружности и пріятномъ органѣ, съ успѣхомъ заняла первое мѣсто на амплуа молодыхъ гризетокъ, въ родѣ *Розы* (Графъ-Литографъ), молоденькихъ барышень, въ родѣ *Олиньки* №470) и хорошенькихъ кокетокъ въ родѣ *Лизы* (Бѣда отъ сердца); всѣ эти роли выдерживаются ею отъ начала до конца пьесы вѣрно и отчетливо. Публика ее принимаетъ и любитъ. Не малое достоинство въ ней то, что она хорошо знаетъ роли и сцену. Особенно она хороша въ (роляхъ: *Катерины* (Любовное зелье), *Вариньки* (Дочь русскаго ак-

тера) *Нелли* (Невѣста рѣки) *Прыткаго* (Ямщики) и друг. На это амплуа есть еще двѣ актрисы, дѣвицы Лазуковская и Скварская, но нужно сказать, что какъ онѣ хороши въ пьесахъ польскихъ, такъ невыносимы въ русскихъ.

Г–жа Сонина, занимая роли старыхъ маркитантокъ, нянюшекъ и свахъ, вѣрна своему призванію. Роль Бузу (Любовное зелье) лучшая роль изъ ея репертуара; тутъ она хороша выше ожиданія.

Кромѣ выше названныхъ актеровъ и актрисъ, есть еще нѣсколько, но они, принадлежа ко второму и третьему классу, не приносятъ пользы въ русскихъ пьесахъ. Не имѣя большаго персонажа для русскихъ пьесъ, г. Морисъ Піонъ не рѣшился ставить пьесы въ родѣ *Ревизора, Гамлета*, а ограничивался небольшими одно-актными и, много, двухъ-актными комедіями, которыя мы смотрѣли съ большимъ удовольствіемъ, нежели драмы и комедіи, которыя, кромѣ блистательной обстановки, требуютъ и хорошихъ исполнителей. Чѣмъ смотрѣть на драму, гдѣ персонажъ на афишѣ наполненъ вымышленными фамиліями (какъ это случается въ провинціи) лучше смотрѣть на водевили, которые могутъ идти плавно и хорошо.

Такъ какъ всякій спектакль состоялъ изъ водевилей польскаго, русскаго и балета, то необходимо сказать нѣсколько словъ и о труппѣ польской. Лучшіе актеры: Макелковскій, Янковскій, Добруцкій и Владиславъ Піонъ. Актрисы г-жи Зазимовичъ и дѣвицы Скварская, Катулинская, Лозуновская и Станкевичъ. При игрѣ этихъ артистовъ пьесы не могли потерять своего достоинства. Пьесы, имѣвшія блистательный успѣхъ: Одинъ часъ супружества, Воинскій списокъ, Новый годъ, Антоній и Антонина, Зоя, Проказы пажа и Уланскія шалости. Лучшія роли изъ женскихъ персонажей занимала дѣвица Скварская, молоденькая, хорошенькая актриса, одаренная прекраснымъ талантомъ. Г.г. Янковскаго, Піона третьяго и Добруцкаго оцѣнить трудно; они всѣ играютъ одно амплуа, обладаютъ талантомъ и знаніемъ сцены.

Теперь остается сказать о балетѣ, который развитъ до возможнаго совершенства. Не будемъ его сравнивать съ балетомъ въ столицѣ, потому, что и средства и помѣщеніе здѣсь вовсе не тѣ. Однако многіе жители Кіева, которые видѣли балеты въ Варшавѣ, Петербургѣ, Москвѣ, говорятъ, что нашъ балетъ весьма удовлетворителенъ, тѣмъ болѣе для провинціи. Въ-теченіе тридцати восьми спектаклей поставлены на нашей сценѣ слѣдующіе балеты: Акбаръ, Мимилли, Стахъ и Зоська

Свадьба въ Ойцовѣ *, Сраженіе подъ Мисолонги, Антикварій, Мельники, Швейцарская молочница, Солдатъ и рекрутъ, Полемонъ и Теона, Волшебная флейта, Театроманъ, Свиданіе на проселочной дорогѣ, Двѣ статуи, Розовый геній, Кабинетъ механическихъ фигуръ, Разбойники въ горахъ Карпатскихъ, Аполлонъ и девять музъ. Всѣ эти балеты были повторяемы по нѣскольку разъ и приняты публикой съ энтузіазмомъ. Аплодисманамъ, браво и вызовамъ не было конца. Наконецъ появились дорогіе букеты, украшенные прекрасными лентами, которые сыпались къ ногамъ Ризы, Катулинской и Станкевичъ. Постановка балетовъ соотвѣтствовала прекраснымъ исполнителямъ, дѣвицамъ Ризѣ, Катулинской, Станкевичъ и г.г. Морису Піонъ, Адольфу и Владиславу Піонъ. Мы давно не запомнимъ такого дружнаго вниманія публики, какъ въ этомъ году. Дѣвица Риза, танцовщица придворнаго вѣнскаго театра, произвела у насъ рѣшительный фуроръ. Ея легкость, стройность и гибкость изумительны. Природа дала ей дивную ножку, стройный станъ, грацію, ловкость... все, но жаль, что забыла подарить хорошенькимъ личикомъ.

Главный герой нашихъ балетовъ, который ни въ чемъ, кромѣ наружности, которой его щедро надѣлила природа, не отличался отъ Ризы былъ Адольфъ Піонъ. Нѣтъ словъ, нѣтъ выраженія описать его легкость, манеру, прекрасные жесты и граціи. Многіе изъ жителей Петербурга сравнивали его съ Перро; не знаю, правда-ли это. Адольфъ бо́льшею частію танцовалъ вмѣстѣ съ Ризой. Ихъ любимые танцы: Pas de deux (въ балетѣ Розовый Геній) Pas de Zephir (въ Швейцарской молочницѣ) Стирійскій (въ Мимилли) Pas de chal (въ Театроманѣ) и другіе. Надобно видѣть ихъ, чтобъ оцѣнить ихъ грацію, стройность и легкость.

Если мы скажемъ, что Г. Морисъ Піонъ учитель своего сына Адольфа Піона, то этого достаточно, чтобъ оцѣнить его талантъ. Не взирая на то, что г. Морисъ уже въ лѣтахъ, у него столько легкости, что вы его можете счесть за юношу. Не вѣроятно, чтобъ въ такія лѣта можно было выдѣлывать такіе трудные pas и обладать такой легкостію. Второй сынъ его, Владиславъ, занимаетъ какъ въ польскихъ пьесахъ, такъ равно и въ балетѣ, комическое амплуа съ большимъ успѣхомъ; въ немъ столько природнаго комисма, столько неподдѣльныхъ гримасъ, что занимая роли *Ретулярдо* (балетъ Антикваріи), *Рекрута*,

* Свадьба въ Ойцовѣ была повторяема здѣсь четырнадцать разъ и за билетами на этотъ балетъ нужно было хлопотать нѣсколькими днями впередъ. Этотъ балетъ собственное сочиненіе г. Мориса, въ чемъ удостовѣряютъ варшавскія афиши 1823 года, когда еще не было въ Варшавѣ *Турчановича*.

Ламбина (Мельники) Маргариты (Волшебная флейта) можетъ разсмѣшить самаго серьознаго человѣка. Мимика у него такъ вѣрна, что безъ малѣйшаго труда можно понимать его. Г. *Макелковскій* необходимый актеръ въ труппѣ г. Мориса Піонъ; онъ какъ въ балетѣ, такъ и въ польскихъ пьесахъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто. Его мимика, жесты, краковякъ, мазурка, все это доведено до necs plus ultra. Что-же сказать о прочихъ? Они участвуютъ въ кордебалетѣ, исключая дѣвицы Гейбовичъ, которая прекрасно танцуетъ венгерку, соло мазурку и другіе танцы; у ней замѣтенъ большой талантъ; не видавши ее почти цѣлый годъ, мы не узнали въ ней прежняго ребенка. Дѣвицы Юлія и Царева, превосходно танцуя нѣкоторые танцы, приносятъ не малую пользу нашему балету. Въ дни католической масляницы были бенефисы, 2-го марта бенефисъ Адольфа, а 4-го Владислава Піонъ и Катулинской. Оба спектакля были полны. Во-время Великаго-поста было поставлено нѣсколько живыхъ картинъ.

Альфредъ Фонъ-Юнкъ.

—

Вотъ новости, сообщенныя намъ о тѣхъ наслажденіяхъ, которыми дарилъ кіевскую публику Морисъ-Піонъ Все это совершилось до закрытія театровъ, передъ великимъ постомъ. По открытіи театровъ труппа г. Мориса Піона снова начала свои дѣйствія, и вотъ краткій обзоръ ихъ:

КІЕВСКІЙ ТЕАТРЪ г. МОРИСА ПІОНЪ.

(Отъ 30 апрѣля по 15 мая.)

29 апрѣля афиши возвѣстили, что артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ Василій Игнатьевичъ Живокини, проѣздомъ чрезъ г. Кіевъ, будетъ участвовать въ нѣсколькихъ представленіяхъ. Вслѣдствіе этой соблазнительной новости, утромъ 30 апрѣля всѣ мѣста были разобраны, и разумѣется, театръ былъ полонъ. Нетерпѣніе увидѣть дорогаго гостя было общее. Для многихъ г. Живокини былъ старымъ знакомымъ, для многихъ давно ожиданнымъ гостемъ, и потому торжественный пріемъ встрѣтилъ артиста при первомъ его появленіи

на сцену; минутъ десять публика не дала ему отъ рукоплесканій промолвить слова, наконецъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, все стихло. Говорить-ли объ его игрѣ, — тѣмъ болѣе, что г. Живокини явился предъ кіевскою публикою въ своей любимой роли Жовіаля: «Стряпчій подъ столомъ»? — Г. Живокини, разумѣется, сыгралъ ее превосходно, и самый водевиль прошелъ довольно кругло, чему много помогалъ Сенъ-Ліонъ (г. Зубовичъ). Въ-слѣдъ за водевилемъ Стряпчій подъ столомъ шелъ водевиль «А и Ф». Здѣсь г. Живокини въ роли Мордашева выказалъ вполнѣ свой талантъ. И опять тотъ же Зубовичъ, въ роли Фиша, много помогъ общему и успѣшному ходу этой пьесы. Въ-заключеніе данъ былъ балетъ «Крестьянская сватьба», съ которымъ столичные жители хорошо знакомы... Приглядѣвшись къ нему въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, я могу сказать смѣло, что и у насъ въ Кіевѣ обстановка и исполненіе этого балета не уступаютъ столичнымъ; правда, въ Петербургѣ прошлою зимою поставили его въ новомъ видѣ, но то вѣдь Петербургъ; дайте средства г. Піону, антрепренеру весьма старательному, и онъ надѣлаетъ у насъ чудесъ; а пока будемъ наслаждаться и отъ души благодарить г. Піона, что онъ воздвигъ хотя временный театръ.

3-го мая г. Живокини во второй разъ явился въ роли Шестакова, въ «Водевилѣ съ переодѣваніемъ», и въ роли Клико, въ водевилѣ «Чрезвычайное происшествіе». Въ первой пьесѣ онъ былъ хорошъ, но пальма первенства осталась за г-жею Звѣревой, исполнявшей роль Катерины Николаевны; г-жа Звѣрева, можно-сказать, совершенствуется съ каждымъ спектаклемъ. Г. Стоппели, занимавшему роль Спичкина, отъ души совѣтуемъ сперва заняться изученіемъ русскаго языка, а потомъ являться въ русскихъ пьесахъ; правда, онъ играетъ порядочно въ польскихъ, но это еще не право на то, чтобы искажать и уродовать русское слово! Роль Клико въ «Чрезвычайномъ происшествіи» г. Живокини выполнилъ прекрасно. Нельзя сказать этого объ остальныхъ актерахъ, исключая одного г. Зубовича. Второй спектакль кончился балетомъ «Сраженіе подъ Мисолонги». Г. Морисъ Піонъ, исполнившій роль греческаго полководца Азариса, былъ очень и очень хорошъ; особенно понравилась публикѣ сцена, когда онъ, раненный, защищаетъ свое знамя. Мимика, жесты, отчаяніе, прощаніе съ невѣстой были выполнены имъ превосходно. За танцы всѣ единодушно благодарили гг. Мориса и Адольфа, Піоновъ и д-цъ Катулинскую, Станкевичъ и Цареву. Костюмы и декораціи были весьма удовлетворительны.

Въ третій разъ г. Живокини явился, 7-го мая, въ роляхъ: Весельева, въ водевилѣ «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», и въ роли Кокро, въ водевилѣ «При счастіи бранятся, а при бѣдѣ мирятся. Роль Весельева онъ выполнилъ въ совершенствѣ; особенно хороша была сцена, когда онъ является, немного подгулявши. Другія лица были весьма посредственны. Въ водевилѣ «При счастіи бранятся, а при бѣдѣ мирятся» роль Кокро была исполнена г. Живокини очень хорошо; нельзя не отдать полной справедливости и г-жѣ Звѣревой за прекрасное и отчетливое исполненіе роли Жюли-Моникъ. Въ-заключеніе дана была малороссійская шутка «Вечеръ на хуторѣ, близъ Диканки», здѣсь г. Зубовичъ въ роли Елеазара былъ неподражаемъ: каждое движеніе, каждое слово сопровождались одобрительнымъ хохотомъ. Въ антрактѣ прекрасно исполнили гг. Піонъ, Адольфъ и Владиславъ, и д-ца Катулинская «Pas de trois Pastorale».

10 мая мы проводили водевилемъ: «Рецептъ для исправленія мужей», въ которомъ Живокини прекрасно исполнилъ роль Фефелова; но первенство осталось за г. Зубовичемъ, превосходно исполнившимъ роль Орелина. Г-жа Звѣрева также порадовала насъ прекраснымъ и обдуманнымъ исполненіемъ роли Орелиной. Желаемъ отъ души ей успѣха, но въ то же время просимъ, чтобы она не увлекалась аплодисменатми, которые часто губятъ дарованіе въ самомъ его развитіи. Послѣ этой пьесы г. Адольфъ Піонъ и д-ца Станкевичъ прекрасно протанцовали Pas de bouquet. Д-ца Станкевичъ легка какъ перышко, и мила какъ амуръ, но ей еще надобно много и очень много учиться, чтобы достигнуть названія la belle danseuse, какъ называютъ ее нѣкоторые записные меломаны. Учитесь, учитесь, милая артистка; съ вашимъ дарованіемъ вы можете достигнуть многаго!

Второю пьесою была шутка-водевиль, на польскомъ языкѣ, «Проказы пажа»; въ этой пьесѣ роль жида Шахермахера г. Янковскій исполнилъ неподражаемо; д-ца Скворская была очень мила въ роли пажа Виктора. Въ-заключеніе повторенъ былъ водевиль «Чрезвычайное происшествіе.

Наконецъ, 14-го мая, обѣщанный афишею бенефисъ заѣзжаго гостя, г. Живокини, подарилъ насъ лучшею пьесою изъ репертуара перваго комика московской сцены. Мы видѣли Льва Гурыча Синичкина. Пьеса шла довольно кругло, при смѣлой и бойкой игрѣ г. Зубовича и г-жи Звѣревой. Бенефиціантъ занималъ роль Синичкина. Понятно, что все живое, временное населеніе театра отъ души смѣялось проказамъ добра-

го старичка, такъ влюбленнаго въ будущее своего милаго дѣтища, все рукоплескало ему снизу до верху и сверху до низу... но не можемъ не сознаться, что удовольствіе и душевное участіе зрителей къ исполнителю роли Синичкина изрѣдка, на минуту, охладѣвало... чему, таить не будемъ, были причиною два — три, быть-можетъ и десять фарсовъ никакъ непростительныхъ артисту съ такимъ дарованіемъ, какимъ обладаетъ г. Живокини... Милый и любезный гость, мы радушно и всегда примемъ васъ съ однимъ вашимъ дарованіемъ... Пусть фарсомъ богатѣютъ ярмарки, для насъ это совершенно лишняя кладь, которою до нельзя богатъ театръ Федецкаго!..

Г. Живокини еще гоститъ въ Кіевѣ, и о дальнѣйшихъ его тріумфахъ и нашихъ удовольствіяхъ мы не забудемъ сообщить «Пантеону».

Н. Л...въ.

СМѢСЬ.

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ.

—

5. МЕДВѢЖЬЕ-УШКО.

Преданіе витебской и отчасти смоленской губерній.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридевять земель, за сто морей,—далеко, далеко — не видать отсюда, жили-были *дѣдъ* и *баба* *. Долго жили они поживали, а дѣтей не приживали: не тужили они объ томъ и горя никакого не видали, — жизнь ихъ была веселая...

Но потомъ почему-то взгрустнулось бабѣ: отчего у нея нѣтъ дѣтей; хоть бы, кажется, найти гдѣ-нибудь сына...

* *Дѣдъ* и *баба* въ бѣлорусскихъ сказкахъ значатъ мужъ и жена, но отнюдь не *старикъ* и *старуха*.

Вотъ, однажды, дѣдъ и баба пошли въ лѣсъ, грибы собирать; набрали грибовъ вдоволь, и хотѣли было идти домой... Вдругъ, откуда ни возьмись, изъ земли выскакиваетъ мальчикъ съ пальчикъ и давай ласкаться къ бабѣ.

— Ахъ, какой крошка! сказала баба, гладя мальчика по головкѣ: какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть такого мальчика... Мальчикъ съ пальчикъ! хочешь быть моимъ сынкомъ?

— Ахъ, мамочка дорогая! я безродный сирота; нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни родныхъ, ни кровныхъ; — я очень радъ быть твоимъ сыномъ... Только смотри, мамочка золотая, люби-жалуй меня, а не то я брошу тебя... Я съумѣю полюбить, да съумѣю и разлюбить, если ты огорчишь меня...

Сказавши это, мальчикъ съ пальчикъ вспрыгнулъ къ бабѣ на плечо и спрятался за пазуху...

Возвратились дѣдъ и баба домой...

Мальчикъ съ пальчикъ соскочилъ на полъ, и въ тужъ минуту вырось вдвое больше противъ прежняго...

Не налюбуется баба ненаглядным сынкомъ, не отпускаетъ его отъ себя ни на шагъ, все играетъ съ нимъ да кормитъ его разными сластями и пряничками...

Проходитъ день-другой, недѣля, мѣсяцъ—годъ: мальчикъ ростетъ не по днямъ, не по недѣлямъ, а по часамъ... ровно чрезъ годъ изъ мальчика вышелъ славный, красивый дѣтина...

Заговорили въ околицахъ про такого бабина сынка: всѣ дивились, изумлялись, гдѣ нашла баба такую находку...

Были разные люди и сосѣди... Не поладила какъ-то баба съ сосѣдкою — знахаркою, чаровницею — *вовкалаткою* (могущею превращать людей въ животныхъ, и особенно въ волка — см. Москвит. 1853 г. № 5, стат. о *вовкалакахъ*)... поссорились какъ-то онѣ съ собою... Вотъ озлилась чаровница-вовкалачка и задумала сгубить бабина сына...

Заманила она его къ себѣ на игрище;—у нея дочь красавица... напоила его *зельемъ* приворотнымъ, и думала, что превратила его въ медвѣдя. Да дѣтина, знать, былъ себѣ на умѣ, побѣжалъ въ лѣсъ, и наѣлся какихъ-то кореньевъ; не пошло въ прокъ чаровницыно зелье, да бѣда вотъ какая вышла: опоздалъ немного дѣтина — и не запилъ кореньевъ березовымъ сокомъ; вотъ и остались на немъ слѣды чаръ знахарскихъ; — вмѣсто лѣваго уха человѣческаго образовалось у него медвѣжье-ушко... да вдобавокъ, вмѣсто волосъ на головѣ, явилась какая-то щетина.

Призадумался дѣтина, и не зналъ, являться-ли къ бабѣ съ такимъ ушкомъ... Ну, да неча дѣлать, пошелъ наконецъ.

Какъ увидѣла баба ушко и щетину, взвизгнула и въ туже минуту возненавидѣла дѣтину... стала бить, гонять и ко всякимъ труднымъ работамъ приноравливать...

Съ этихъ поръ прозвала баба дѣтину Медвѣжьимъ-Ушкомъ, и такъ стали звать его всѣ сосѣди, злые и добрые люди...

Погоревалъ Медвѣжье-Ушко, — да и привыкъ къ своему горю; думалъ, что авось баба смилуется надъ нимъ и полюбитъ его попрежнему, какъ роднаго сына...

Не тутъ-то было... и любить не полюбила, а задумала, какъ бы со свѣта сжить урода... И давай приставать къ дѣду, чтобъ онъ посылалъ дѣтину на самыя тяжкія работы, въ лѣсъ дрова рубить, камни съ полей свозить и изъ дальней рѣки воду въ домъ таскать. Надивиться не могъ дѣдъ такой бабиной злости; сталъ просить, уговаривать, да куды — баба такъ уперлась ногами и руками, что, радъ не радъ, а дѣдъ пустился въ плясъ по бабиной дудкѣ...

Загоняли дѣдъ и баба совсѣмъ Медвѣжье-Ушко; терпитъ все бѣдняжка, исполняетъ самыя трудныя работы... Но наконецъ не стало у него силъ; а главное, ужъ слишкомъ баба взъѣлась противъ сиротки ушка...

Разъ какъ-то баба говоритъ дѣду: Что́ хочешь дѣлай, а Медвѣжье-Ушко сгуби со свѣту; мнѣ житье не въ житье съ тобою; не сгубишь его, такъ я сама погибну... Испугался дѣдъ, и не зналъ, какъ на душу тяжкой грѣхъ взять... Что́ тутъ дѣлать?

— Эхъ ты дѣдъ неразумный, недогадливый! Трудно тебѣ придумать... Такъ слушай же, вотъ что́ ты сдѣлай... Есть за нашею околицею, за рѣкою Бѣлорусицею, преогромное-огромнѣйшее болото; ни добраться туда, ни заѣхать туда нельзя. Въ томъ болотѣ есть мельница-самомолица, безъ воды и затворовъ, безъ жернова и безъ крыльевъ; а въ той мельницѣ живетъ старый *вѣдьмарь* (вѣдунъ, колдунъ) мельникъ; о немъ разсказываютъ страшныя были, ни придумать, ни сгадать, что́ за дива; — пошли туда Медвѣжье-Ушко, онъ тамъ положитъ свои косточки; да не посылай съ рожью, али съ другимъ какимъ зерномъ, а пошли съ камнями и пескомъ... чтобъ не пропало наше *збожье* (зерновой хлѣбъ) въ вѣдьмарскомъ болотѣ...

Исполнилъ все дѣдъ, какъ сказала баба: насыпалъ мѣшки камнями и пескомъ, запрягъ старую, негодную клячу, и отправилъ въ путь-дороженьку Медвѣжье-Ушко...

Вотъ ѣдетъ Медвѣжье-Ушко, подъѣзжаетъ къ рѣкѣ Бѣлорусицѣ,

переѣзжаетъ чрезъ рѣку, и вздумалъ отдохнуть... да и лошадкѣ-клячонкѣ нужно было дать травки поѣсть...

Лошадь щиплетъ траву, а Медвѣжье-Ушко думаетъ тяжкую думу...

Вдругъ слышитъ, подъ колесомъ его телѣги что-то пищитъ.. Ушко слѣзъ съ телѣги, смотритъ: свѣтящійся, какъ алмазъ, червячокъ силится освободиться изъ-подъ придавившаго его колеса...

— Ахъ, бѣдный алмазикъ-червячокъ!! дай-ка я тебя спасу отъ смерти...

Сказавъ это, Ушко поднялъ колесо, и червячокъ выползъ.

— Чѣмъ отблагодарить тебя, добрый дѣтина, круглый сиротина, говоритъ свѣтлякъ... Пожалѣлъ ты меня, пожалѣю и я тебя... Ты не думай, что я червячокъ не могу помочь твоему горю: твое горе мнѣ знакомо... Тебя мать пріемная сгубить хочетъ; она шлетъ тебя на вѣдьмарскую мельницу: тамъ съѣстъ тебя мельникъ злой, онъ ужъ ждетъ тебя... Брось ты эти мѣшки, въ нихъ — не зерна, а камни, не рожь, а песокъ... Отпусти лошадку на Божій свѣтъ, пусть она живится травкою... А ты вотъ лучше отправляйся въ путь-дорожку: мой совѣтъ благой, хочешь-слушайся, хочешь-нѣтъ; я червячокъ не простачокъ, помянешь меня добрымъ словомъ...

Были на Божьемъ свѣтѣ, въ разныхъ земляхъ, три княжны и три князевича: — не взлюбилъ ихъ злой человѣкъ, чаровникъ заклятой, *зачаровалъ* ихъ всѣхъ и разослалъ ихъ въ разныя мѣста... Трехъ сестеръ поселилъ въ подземныхъ царствахъ, одного брата проглотилъ, а двухъ осудилъ на горемычную жизнь... Одного превратилъ въ старика-кузнеца, а другаго — въ алмазнаго-червячка... Этотъ-то червячокъ я самъ... Если хочешь, спаси меня, моего брата и трехъ сестеръ-княжонъ, а въ награду ты одну въ жены возьмешь.

— Я готовъ послушать твоего совѣта, отвѣтилъ Медвѣжье-Ушко: не знаю, только алмазный ты червячокъ, какъ же сдѣлать мнѣ такъ, чтобъ избавить васъ всѣхъ отъ злаго колдуна...

— Мнѣ только нужна твоя охота, а тамъ я тебѣ во всемъ буду помогать... Не даромъ у тебя Медвѣжье-Ушко, въ немъ заключается вся сила... Я залезу въ это ушко, и тогда ты ступай куда глаза глядятъ... Все пойдетъ какъ нельзя лучше... Прилягъ къ землѣ..

Дѣтина прилегъ, червячокъ вползъ въ его ушко и сталъ щекотать его... Дѣтина почувствовалъ страшную дрожь: все тѣло его затряслось— дѣтина какъ-будто переродился... Откуда взялась крѣпость, сила и ловкость...

— Ну ступай теперь назадъ, сказалъ червячокъ, улегшись въ уш-

кѣ: и прямо въ дубовый лѣсъ... тамъ увидишь кузницу... вели кузнецу сдѣлать желѣзную булаву.

Медвѣжье-Ушко поворотилъ назадъ, и не успѣлъ сдѣлать два шага, какъ очутился передъ кузницею... Навстрѣчу ему вышелъ сѣдой старикъ въ лохмотьяхъ: то былъ кузнецъ...

— А, здравствуй Медвѣжье-Ушко!.. Что тебѣ нужно?..

— Да вотъ что мнѣ нужно: сдѣлай-ка мнѣ желѣзную булаву, да покрѣпче, а не то я пожалуюсь на тебя алмазному-червячку...

— А!.. ты знакомъ съ алмазнымъ-червячкомъ?.. Хорошо, изволь; садись отдохни...

Въ одно мгновеніе явилась булава... Медвѣжье-Ушко подбросилъ ее вверхъ, булава, ушавъ на камень, согнулась и нѣсколько сплюснулась...

— Ну, нѣтъ, кузнецъ ты плохой; негодится эта булава, дѣлай другую...

Кузнецъ сдѣлалъ другую, но и та оказалась негодною...

Наконецъ, сковалъ кузнецъ третью булаву; Медвѣжье-Ушко подбросилъ ее подъ облака; булава ударилась объ камень, но такъ и отскочила.

Тогда Медвѣжье-Ушко, взявъ булаву, отправился дальше...

Шелъ-то онъ, шелъ, да не чувствовалъ никакой усталости: что ступитъ, то новое царство, что шагнетъ — новое государство... Прошедши два *песчаныя* царства, Медвѣжье-Ушко встрѣтилъ какого-то великана.

— Кто ты такой? спросилъ онъ великана.

— Да я *Верни-Гора*... Во мнѣ столько силы, что могу передвигать съ мѣста на мѣсто и совершенно уничтожать горы...

— Ну хорошо! пойдемъ вмѣстѣ.

Великанъ согласился, и вотъ пошли они вмѣстѣ...

Идутъ, да идутъ, проходятъ четыре *водяныя* царства, встрѣчаютъ какого-то исполина съ деревянными ногами...

— Кто ты такой, спросилъ его Медвѣжье-Ушко, и куда идешь?

— Да я искалъ тебя, Медвѣжье-Ушко; я слышалъ, ты идешь въ подземныя царства спасать, трехъ сестеръ княженъ красавицъ. — Меня зовутъ *Верни-Дубъ*, я могу съ корнемъ вырвать всякое дерево; возьми меня съ собою, я пригожусь тебѣ и Верни-Горѣ...

Медвѣжье-Ушко охотно согласился на такое предложеніе, и вотъ — идутъ втроемъ.

Идутъ да идутъ; проходятъ восемь *лѣсныхъ* царствъ...

На концѣ восьмаго царства, въ густомъ, непроходимомъ лѣсу—видятъ, стоитъ *хатка* на куричьей ножкѣ...

Въ это время, червячокъ пошевелился въ ушкѣ дѣтины: « Отдохни, говоритъ, здѣсь; тутъ узнаешь, что́ за люди эти твои товарищи?.. Да смотри будь смѣлѣе, не жалѣй своей булавы...»

Вотъ входятъ всѣ трое въ хатку.

— Ну, говоритъ Медвѣжье-Ушко Верни-Горѣ, оставайся здѣсь, а мы съ Верни-Дубомъ пойдемъ дорогу прочищать; приготовь намъ кушать...

Медвѣжье-Ушко и Верни-Дубъ вышли, а Верни-Гора сталъ стряпать кушанье. Кушанья были готовы, и Верни-Гора, въ ожиданіи товарищей, легъ было отдохнуть... Но въ эту минуту вдругъ кто-то постучался у дверей хатки...

— Кто тамъ? спрашиваетъ Верни-Гора.

— Отвори, а нето я тебя проглочу...

Верни-Гора не отворилъ, но отъ сильнаго толчка незнакомца двери хатки сами собой распахнулись... Вошелъ маленькій старичокъ, *самъ съ ноготь, борода по локоть, а пуга съ пугавьемъ* (кнутъ съ рукоятью) *на семь сажень*...

— Давай кушать! закричалъ старичокъ; а не то я тебя самаго проглочу...

Но Верни-Гора не хотѣлъ уступить безъ борьбы приготовленныхъ кушаньевъ, и вотъ напалъ на старичка, схватилъ его за бороду; но старичокъ махнулъ пугой, щелкнулъ языкомъ, и Верни-Гора съ испугу повалился на полъ.

Тогда старичокъ содралъ полосу кожи съ носа и со спины Верни-Горы, и посыпавъ соли на больныя мѣста, бросилъ его подъ столъ; потомъ съѣлъ всѣ кушанья, и наплевавъ въ пустые горшки, пощелкивая языкомъ, вышелъ изъ хатки...

Вылезъ изъ-подъ стола Верни-Гора и давай кое-какъ стряпать новыя кушанья, но едва успѣлъ кой-что́ приготовить къ приходу товарищей...

Входятъ Медвѣжье-Ушко Верни-Дубъ; потребовали кушать; Верни-Гора, не сознаваясь въ постыдномъ оскорбленіи, нанесенномъ ему старичкомъ, подалъ кушать; но товарищи не могли ѣсть, отказываясь какимъ-то непріятнымъ запахомъ кушаньевъ...

На другой день, Медвѣжье-Ушко говоритъ Верни-Дубу: «Ну, теперь ты оставайся стряпать кушанья, а мы съ Верни-Горой пойдемъ раскапывать горы »— Тоже случилось и съ Верни-Дубомъ, что́ съ Верни-Горою...

На третій день Медвѣжье-Ушко говоритъ своимъ товарищамъ: «Ну

ступайте теперь вы, приготовьте длинный канатъ изъ лыкъ, а я останусь стряпать...»

Когда Верни-Дубъ и Верни-Гора вышли, червячокъ выскочилъ изъ уха Медвѣжьяго-Ушка и сказалъ ему: «Каковы твои товарищи?.. Вѣдь они братья родные знахарки вовкалачки, что погубить тебя хотѣла!.. А знаешь ли, отчего они не могли приготовить вкусныхъ кушаньевъ! Ахъ, ты смиренькій сиротка-дѣтина! Ты не знаешь ни объ чемъ; вѣдь всѣ варива съѣдалъ старичокъ, злой колдунъ-чаровникъ, да еще содралъ у каждаго изъ нихъ по полосѣ съ носа и со спины... Вотъ смотри, что будетъ; готовь поскорѣе кушать, да будь смѣлѣй, и булавы своей не жалѣй!»

Медвѣжье-Ушко приготовилъ кушанья, и хотѣлъ было отдохнуть; но вотъ является старичокъ и требуетъ кушать..,

— Нѣтъ, злой колдунъ, не видать тебѣ кушаньевъ моихъ, не отвѣдать тебѣ моего варива; я убью тебя, если ты не уйдешь отсюда,..

— Посмотримъ, сказалъ старичокъ-карликъ, и въ тужъ минуту превратился въ великана...

Начали бороться; борьба продолжалась долго; наконецъ Медвѣжье-Ушко какъ хватилъ старика булавою по головѣ, старикъ присѣлъ; Медвѣжье-Ушко хвать его за бороду и вытащилъ изъ хатки; потомъ расколодъ толстый дубъ и въ расчепъ вколотилъ клиномъ осиновымъ бороду колдуна...

— Ну, молодецъ ты—Медвѣжье-Ушко, сказалъ червячокъ: не трусъ, вижу я, ты; можно смѣло положиться на тебя... Отсюда ты дойдешь съ товарищами до Синяго-океана, а тамъ отправишься безъ нихъ въ подземныя царства; я съ тобою не могу отправиться; ты одинъ безъ меня пробирайся къ княжнамъ-сестрамъ... Злой колдунъ теперь догадался, что я тебя всему учу, и онъ поспѣшилъ въ свои царства укрѣпить свои силы, чтобъ сгубить и тебя и меня... Я останусь въ этой хаткѣ и пригожусь еще тебѣ; а добраться тебѣ до прохода въ подземныя царства не трудно... ты дойдешь по слѣдамъ крови колдуна; его ужъ нѣтъ здѣсь, посмотри, только клочки бороды торчатъ въ расчепѣ...

Призадумался, загоревалъ Медвѣжье-Ушко, услышавъ отъ червячка такія вѣсти.

— Не горюй, не кручинься, добрый молодецъ: тамъ въ подземныхъ царствахъ наставятъ, вразумятъ тебя сестры княжны; не плошай только, если много испытать придется горя; будетъ горе, и не одно... да забудешь всякое горе потомъ, какъ спасешь отъ чаръ колдуна красавицъ-княжонъ... Ну, будь же веселъ, ободрись... слышь—идутъ това-

рищи твои... Не говори же имъ, что ты побѣдилъ чаровника-колдуна; не попрекни ихъ въ трусости и безсиліи... будь хитрѣе, поумнѣе...

Вошли Верни-Дубъ и Верни-Гора и съ поклономъ поднесли Медвѣжьему-Ушку длинный канатъ; Ушко поблагодарилъ ихъ за вѣрную службу и угостилъ ихъ обѣдомъ на славу.

Дивились они, что Медвѣжье-Ушко такъ славно съумѣлъ приготовить обѣдъ.

Покушавши, Медвѣжье-Ушко вмѣстѣ съ товарищами отправился въ дальнѣйшій путь... Выходя изъ хатки, онъ увидѣлъ въ отверстіи дуба клочки бороды и слѣды крови...

Вотъ идутъ они, идутъ по слѣдамъ крови; вотъ проходятъ лѣсъ, перескакиваютъ чрезъ гору, спускаются въ долину, взбираются опять на гору; наконецъ, подходятъ къ синю морю...

Вотъ у берега моря засверкалъ огненный бугоръ: искры сыплются точно изъ раскаленной печи, словно изъ горящаго очага...

— Ну те, братцы, говоритъ Медвѣжье-Ушко товарищамъ: здѣсь конецъ вашему пути — вы останетесь здѣсь, не пойдете со мной... Я пойду безъ васъ; вы спустите только меня по канату туда... Да смотрите, ждите, пока я не возвращусь, я дерну за канатъ,—вы тащите канатъ поскорѣй, поспѣшнѣй... какъ возвращусь, а теперь давайте канатъ—опустите меня въ этотъ оврагъ... Путь далекой мнѣ предстоитъ одному: полечу и помчусь я спасать отъ чаръ колдуна трехъ сестеръ, непаглядныхъ красавицъ-княжонъ...

Сказавъ это, Медвѣжье-Ушко ухватился обѣими руками за канатъ и исчезъ въ оврагѣ...

Вотъ летитъ Медвѣжье-Ушко все ниже и ниже... въ пропасть страшную, въ окраину мрачную: опустился, остановился... темнота кругомъ, ни свѣту, ни огня... Тряхнулъ ушкомъ дѣтина-сиротина... темнота превратилась въ свѣтъ... Глядь, вдали какія-то птички бѣгаютъ, суетятся; дождь вдругъ ливьмя полилъ и мочитъ ихъ бѣдненькихъ...

Сжалился надъ ними добрый молодецъ, собралъ птенцовъ маленькихъ и спряталъ ихъ въ скорлупки отъ яицъ, изъ которыхъ они недавно вышли.

— Ахъ, ты добрый человѣкъ! заговорили птички: пожалѣлъ ты насъ крошекъ, спряталъ отъ дождя. Чѣмъ наградить тебя за твою добрую службу? Жаль намъ тебя. Наша мать, Птица-Большая, хищная, прелая; не пощадитъ она тебя; за твое же доброе дѣло она съѣстъ тебя. Спрячься поскорѣй вонъ въ томъ гнѣздѣ, что лежитъ въ глубокой бороздѣ...

Едва успѣлъ спрятаться въ гнѣздо Медвѣжье-Ушко, какъ съ шу-

момъ, съ вѣтромъ и страшнымъ карканьемъ влетѣла Большая-Птица; покормила дѣтей, поласкала ихъ, и полетѣла къ бороздѣ, отдохнуть въ гнѣздѣ...

— А, Медвѣжье-Ушко! ты зачѣмъ здѣсь? Да тебя ужъ ищутъ давно, разослали гонцовъ по дебрямъ, по лѣсамъ, по всѣмъ морямъ... Старичокъ съ ноготокъ поблагодаритъ меня, если я живаго доставлю ему тебя...

Тутъ птица хотѣла схватить Медвѣжье-Ушко желѣзными своими когтями; но добрый молодецъ не сробѣлъ, и не думая долго, тяпъ-ляпъ булавой по головѣ Птицы-Большой.

Птица покатилась въ борозду, и откинула назадъ голову.

— Что, птица злая! закричалъ Ушко: знать не знаешь про мою булаву, что такъ смѣло подставляешь свою голову; вотъ хвачу еще раза два, и придется тебѣ растянуться мертвой въ родномъ гнѣздѣ...

— Ахъ, Медвѣжье-Ушко! ты дѣтина-молодецъ, не губи птицы меня, не лишай птенцовъ матери родной; я награжу тебя всяческимъ добромъ, научу всему своимъ птичьимъ умомъ, только бить не бей меня; я не знала про тебя, что такая есть у Медвѣжья-Ушка самобой-булава, противъ которой не устоитъ даже Птицы-Большой голова...

— Изволь, Птица-Большая, я пощажу тебя для птенцовъ твоихъ крошекъ; да смотри, разскажи мнѣ про старичка съ ноготокъ, у котораго борода съ локотокъ; научи своимъ птичьимъ умомъ, какъ пробраться мнѣ къ злому старичку этому, какъ повидаться съ нимъ, и отнять у него трехъ сестеръ княженъ...

— Такъ и быть Медвѣжье-Ушко, слушай. Есть у насъ четыре *подземныя царства*, мѣдное, серебряное, золотое и алмазное; ими владѣютъ три брата и одна сестра; въ мѣдномъ царствѣ живетъ младшій братъ; въ серебряномъ—средній; въ золотомъ—старшій; въ алмазномъ—Баба-Яга, ихъ родная сестра... Вотъ этотъ-то старшій, что въ золотомъ царствѣ, и есть старичокъ съ ноготокъ... Ступай ты прежде въ мѣдное царство: путь къ нему лежитъ чрезъ Бѣло-море: махни булавой, и ты очутишься въ первомъ царствѣ. Что будетъ дальше, узнаешь самъ, а теперь отпусти меня на свободу, Медвѣжье-Ушко; мнѣ пора летѣть на службу къ Бабѣ-Ягѣ, костяной-ногѣ...

Полетѣла Птица-Большая къ Бабѣ-Ягѣ, а Медвѣжье-Ушко подошелъ къ Бѣлу-морю, махнулъ булавой, и очутился у неприступныхъ стѣнъ мѣднаго-царства; ударилъ въ стѣны булавой — и распались стѣны, а потомъ опять срослись...

Входитъ... куда ни посмотритъ, вездѣ все мѣдь: ходятъ люди

мѣдные, бѣгаютъ коровы мѣдныя, летаютъ птицы мѣдныя; всѣ домы изъ мѣди, всѣ дороги мѣдныя...

Идетъ дальше—площадь мѣдная; посреди стоитъ дворецъ мѣдный: ворота растворяются, двери сами распадаются. Вотъ комната большая, круглая,—все тамъ мѣдь... Сидитъ красавица молодая, жилица подземная...

Изумился Ушко, завидѣвъ такую красу...

— Что тебѣ нужно, человѣкъ ты земной? Кого ищешь ты здѣсь?... Говори скорѣй, а не то прилетитъ мой властелинъ и проглотитъ тебя.

— Не боюсь я твоего властелина; есть у меня для него булава залихватская.... Разскажи вотъ лучше, краса, кто ты такая?

— Я такая же, какъ и ты — жилица земная: я княжна съ вашего свѣта. Было насъ три сестры княжны; полюбилась одна изъ насъ чародѣю злому, Яги-Бабы брату родному; вотъ и зачаровалъ онъ насъ княженъ, и сославъ въ подземныя царства; одну взялъ себѣ, а насъ двоихъ раздалъ своимъ братьямъ. Мой властелинъ — младшій братъ.... Злой онъ колдунъ, но его братья еще злѣе.... Есть тамъ дальше, за Краснымъ-моремъ, серебряное царство; въ немъ живетъ моя вторая сестра.... а еще дальше — золотое, тамъ третья сестра....

Въ это время по комнатѣ пронесся запахъ сѣры....

— Ну, — житель земной!... вотъ летитъ мой властелинъ!... Переставь поскорѣе съ мѣста на мѣсто бочки съ водой....

Не успѣла она сказать эти слова, какъ со свистомъ, шипѣніемъ и щолканьемъ влетѣлъ — шестикрылый змѣй.

— Что это? закричалъ змѣй: здѣсь человѣчьимъ мясомъ пахнетъ... А!... Медвѣжье-Ушко! Ну, я же отплачу тебѣ за обиду брата: выходи поскорѣй, — да прежде водицы изъ второй бочки испей....

Медвѣжье-Ушко испилъ немного живительной воды, а змѣй — слабительной, безсильной....

Схватились недруги; змѣй взмахнулъ крыльями, да силъ не стало; попробовалъ еще разъ, силы измѣнили ему совершенно.... Медвѣжье-Ушко хвать булавой по головѣ чародѣя, и змѣя не стало. ..

— Ну, красавица-княжна! сказалъ побѣдитель: теперь ты моя! Ступай со мной: будешь моей женой, ненаглядной красой!...

— Нѣтъ, добрый молодецъ! Я не могу быть твоей женой; я люблю другаго; есть у меня женихъ, онъ теперь ужъ не алмазный-червячокъ, а красавецъ-князекъ! Какъ убилъ ты моего властелина, змѣя исполина, онъ пересталъ быть заколдованнымъ червячкомъ.... Будетъ твоею женою сестра моя другая; поспѣши — спаси и ее.... Вотъ тебѣ лебедь, онъ занесетъ тебя подъ облака и спуститъ въ царство серебряное.... Поспѣши же, добрый молодецъ, а нето разузнаетъ Баба-Яга,

сестра старичка-колдуна, отъ Птицы-Большой обо всемъ, и погибнемъ здѣсь вдвоемъ....

Сѣлъ Медвѣжье-Ушко на бѣла лебедя княжны, и помчался полетѣлъ поверхъ чернаго моря, поверхъ мѣднаго бора....

Наконецъ остановился.... предъ стѣнами серебрянаго царства.

Толкнулъ булавой, стѣны развалились, и простился съ бѣлоснѣжнымъ лебедемъ.

Вотъ идетъ — проходитъ межъ серебряныхъ домовъ, сквозь толпы серебряныхъ людей. На площадкѣ небольшой стоитъ замокъ весь изъ серебра. Изъ оконъ сіяютъ лучи солнца; двери настежь растворились; добрый молодецъ подивился, поглядѣлъ на всѣ стороны, махнулъ булавой и вошелъ въ палаты дивныя, полныя серебра и всякаго подземнаго добра....

На серебряной скамьѣ раскрасавица сидитъ дѣвица, бѣлолица-круглолица; изъ очей ея голубыхъ льются горькія слезы, плачетъ милая *приворожница* (привороженная): то была княжна, жилицы мѣднаго царства сестрица....

Поклонился мо́лодецъ княжнѣ.... а княжна ему улыбнулась, и обтерши горькія слезы, ласковыя рѣчи повела съ нимъ:

— Ты зачѣмъ пожаловалъ въ наше царство подземное? что́ за вѣсть принесъ мнѣ изъ нагорной стороны, въ Бѣлорусицы рѣки? Говори поскорѣй, добрый молодецъ, житель земной! Я боюсь, чтобъ тебя не засталъ у меня мой властелинъ-чародѣй....

— Не тебѣ говорить такія рѣчи; не боюсь я твоего властелина злаго; побѣдилъ я ужъ брата его роднаго. Шлетъ тебѣ поклонъ твоя сестрица, мѣднаго царства жилица; я сейчасъ отъ нея; ждетъ, не дождется, скороль увидитъ она тебя.... Укажи мнѣ только, гдѣ живительная и цѣлительная, гдѣ смертная — моровая вода....

— Благодарю тебя, земной житель, храбрый витязь-побѣдитель, за веселыя рѣчи твои, за утѣшеніе въ горѣ-скорби моей. У стѣны въ загородѣ — тамъ стоятъ двѣ серебряныя бочки, полныя живительной влаги; на одной изображеніе чародѣя колдуна, тамъ вода *живущая*, на другой — изображена смерть съ косой: вотъ тамъ-то въ ней влага смерти и погибели людей.... Прилетитъ мой властелинъ и потребуетъ воды, такъ подай ты ему воды изъ второй бочки, а напейся самъ влаги жизни и силы, и побѣдителемъ останешься; ты спасешь меня, добрый молодецъ, отъ змѣя колдуна, и — въ награлу за то ты получишь даръ большой, какъ прилично властелинцѣ подземной....

Поклонился дѣтина и исполнилъ все по совѣту княжны.

Вотъ сверкнула огненная молнія; затряслись стѣны замка, заша-тались окна; вздрогнула княжна, встрепенулся добрый молодецъ.

Прилетѣлъ змѣй властелинъ съ двѣнадцатью крыльями, съ огром-нѣйшею пастью.... По комнатѣ раздался запахъ сѣры....

— М-м-м! завизжалъ змѣй большой.... Медвѣжье-Ушко здѣсь!.... Кстати ты подоспѣлъ; я вотъ только отъ сестры Яги — ѣсть мнѣ хо-чется, съѣмъ я тебя....

— Нѣтъ! постой, отвѣчаетъ Ушко: не таковской я, чтобъ безъ бою покориться тебѣ; побѣди прежде меня; а не то, не отвѣдать тебѣ мяса моего ...

— Изволь, житель земной! Только прежде дай испить мнѣ водицы..., Медвѣжье-Ушко напился самъ живительной воды, а змѣю-колдуну подалъ смертной....

Вотъ пошла потѣха. .. Что ни взмахъ, мимо-все; Ушко бодрится, змѣй сердится; а все-таки побѣдить Ушко не хватаетъ у него силъ.... Видитъ-плохо змѣй, разинулъ пасть и хотѣлъ было дѣтину проглотить, анъ-не тутъ-то было: хвать Ушко булавой по змѣиной головѣ, и пова-лился змѣй на-земь безъ дыханья, только слышно было предсмертное щелканье....

— Ну, спаситель-побѣдитель! отозвалась княжна, увидѣвъ трупъ своего властелина: требуй платы, за свою молодецкую службу награды; все въ твоей власти!

— Если такъ, княжна-краса, такъ позволь въ награду за спасеніе твое просить у тебя руки твоей: будь женой моей! Ступай со мной въ путь!...

— Нѣтъ! добрый молодецъ. Я не могу быть твоей женой...; я люблю другаго: есть у меня женихъ на землѣ, далеко у Бѣлорусицы рѣки, князь-заклятый, кузнецъ-старичокъ; но теперь, какъ умертвилъ ты властелина моего, онъ остался молодцомъ, какъ ты, красавцемъ-князькомъ... Ждетъ теперь онъ меня.... Но еще не могу отправиться я, пока не явится ко мнѣ сестра младшая моя.... Вотъ ступай поспѣ-шни ты избавить ее отъ силы чаръ ея властелина, змѣя-исполина.... Какъ избавишь ее, ты и скажешь ей, что за герой побѣдитель ты!... Будетъ тебѣ тогда жена, только не я!... Живетъ она въ царствѣ золотомъ, за Чернымъ-моремъ, близь Великаго-океана.... Не добраться тебѣ туда самому: вотъ дарю тебѣ коня изъ Красна-моря; занесетъ онъ тебя къ младшей моей сестрѣ-княжнѣ.... Поспѣши же поскорѣе, а не то повредитъ тебѣ въ твоемъ дѣлѣ злая Баба-Яга...., и погубитъ насъ всѣхъ....

Сѣлъ Медвѣжье-Ушко на коня воронаго и поскакалъ по верхушкамъ

лѣсовъ, по окраинамъ горъ..... Остановился конь у золотыхъ стѣнъ: распростился съ конемъ молодецъ, и махнувъ булавой, царство золотое отворилъ....

Вотъ идетъ по золотому песку; золото на золотѣ лежитъ, огнемъ золотымъ горитъ;—весело было молодцу по такому царству проходить.

Но не, думалъ о томъ Медвѣжье-Ушко; не до золота ему было: ко дворцу княжны что-то тайное, недовѣдомое влекло....

Посреди, на высокой горѣ, окруженной скалами, да глубокими рвами, красовался дивный, золотой дворецъ....

Ни входу, ни проходу нѣтъ. Призадумался Ушко; взгрустнулось бѣдному дѣтинѣ-сиротинѣ....

«Эхъ! горе мое горькое! завопилъ онъ плачевно.... Что за радость мнѣ спасать княженъ для чужихъ людей, для чужихъ людей, для другихъ очей?... Не пойти ль назадъ мнѣ?... Будетъ тоже и здѣсь, что въ тѣхъ двухъ царствахъ....»

Не успѣлъ промолвить послѣднее слово, какъ предъ нимъ распались скалы золотыя, растворились двери дворца, и на грусть молодца такъ отвѣтила вышедшая изъ дворца диво-дивное-*княжна*:

— Здѣсь не скажутъ тебѣ того, что сказали въ мѣдномъ и серебряномъ царствахъ.

Какъ взглянулъ дѣтина на княжну, оторопѣлъ родной; сердце крѣпко забилось, въ головѣ все поворотилось.... Еще болѣе задумался Ушко....

Тѣ красавицы только, да и онѣ не хотѣли выбрать меня въ мужья.... Что же скажетъ раскрасавица-краса, эта чудная диво-княжна? ..

Княжна махнула платкомъ... Хороводъ дѣвицъ-красавицъ подошелъ къ молодцу и повелъ его къ княжнѣ...; а княжна проводила Ушко въ золотыя палаты... Сѣла княжна; сѣлъ Медвѣжье-Ушко...

— Что же такъ печаленъ, добрый молодецъ?.. Чѣмъ развеселить тебя?.. Знаю, знаю грусть твою... Сердце сердцу вѣсть подаетъ... Но объ этомъ послѣ... А теперь поспѣши переставить съ мѣста на мѣсто два растущія въ золотыхъ сосудахъ деревца; на одномъ ростутъ яблочки подкрѣпляющія, а на другомъ — ослабляющія силы... Тѣ и другія одинакого цвѣта... Слышу, чувствую, скоро мой старичокъ явится; спрячься поскорѣй въ раковину ту, что лежитъ — видишь—на полу... Спрятался дѣтина въ золотую скорлупу...

Вотъ двери растворились... пламя пыхнуло изъ оконъ: полна комната огня... Застонала княжна, струсилъ дѣтина. Вошелъ старичокъ съ ноготокъ...

— Кто здѣсь? бѣшено заревѣлъ онъ: слышу мясо человѣческое...

Гдѣ Медвѣжье-Ушко? Выходи сюда, врагъ ты мой! Много дерзости у тебя, что задумалъ побѣдить и меня... Выходи поскорѣй, а нето раздавлю я тебя, какъ ничтожнаго паука...

Сказавъ это, старичокъ превратился въ страшнаго великана съ огненными глазами, съ желѣзными руками...

Медвѣжье-Ушко вышелъ, съѣлъ яблочко, подкрѣпилъ силы, и опершись на булаву, храбро выступилъ противъ страшнаго великана...

Какъ хватитъ великанъ Ушко за ногу, да подброситъ подъ потолокъ дѣтину, бѣдный Ушко присѣлъ къ самому полу, и такъ струсилъ было, что со страху чуть не умеръ.

Но вотъ взглянула на него княжна, и Ушко, собравшись съ силами, замахнулся булавой и хватилъ великана по ногамъ ноги у него подкосились... Великанъ упалъ на колѣна. Ушко хватилъ его другой разъ по головѣ, великанъ повалился, но въ ту жъ минуту спохватился, что съѣсть яблочко забылъ... Подбѣжалъ, сорвалъ..., но не яблочко крѣпящее, а яблочко безсилящее...

Повторилась борьба... Но старикъ не въ силахъ былъ защищаться, а Ушко такъ хватилъ по головѣ колдуна, что вогналъ его всего въ землю по горло; старичокъ шевелился, но не могъ вылезти изъ земли... Долго билъ, колотилъ Ушко старичка-колдуна; наконецъ усталъ...

Глядь, голова старичка въ дребезги размозжена... Обрадовался дѣтина, и съ такою рѣчью къ княжнѣ обратился...

— Ну княжна золотая, ты свободна теперь, будь женой моей!

— Ахъ, бѣдный дѣтина-молодчина! Бѣги поспѣшай къ Великому-океану, къ Бабѣ-Ягѣ, костяной-ногѣ, да бей колоти ее, пока не выдастъ она тебѣ сердца старичка; а безъ того пропадемъ мы здѣсь: вѣдь ожить можетъ старичокъ опять... Вотъ тебѣ синица-птица, она занесетъ тебя въ алмазное царство, къ сестрѣ старичка, Бабѣ-Ягѣ...

...Понесла синица молодца къ Великому-океану, въ алмазное царство... Махнулъ Ушко булавой и вошелъ въ замокъ изъ алмазовъ, къ повелительницѣ Ягѣ...

Вотъ палата Яги, чародѣйки, вѣдьмы, набольшой, бабы хитрой, презлой... Полъ алмазный устланъ костьми, да человѣческими головами, у оконъ полны бочки крови.. Посреди пламя огненное пышетъ, искры сыплются отъ головней; дымъ удушливый несется по всей палатѣ. А на головняхъ горячихъ стоитъ изготь желѣзная, подпертая огненной метлой и золотой кочергой... На изготи сидитъ баба мохнатая, съ растрепанными волосами, съ огненными глазами, щеки желтыя у нея, всѣ въ морщинахъ... Сидитъ Баба-Яга и держитъ въ рукахъ костлявыхъ чародѣйскій свитокъ пергамена; вокругъ нее ползаютъ гады, змѣи всякія и прислуживаютъ чуды заморскія.

Махнулъ булавой Медвѣжье-Ушко и прямо къ Ягѣ... сталъ бить колотить ее; билъ, билъ, чуть не убилъ.

Стала Яга проситься-молиться, чтобъ не билъ ее Медвѣжье-Ушко...

— Я скажу тебѣ, говоритъ, гдѣ хранится сердце старичка, брата моего... Ступай, тамъ за моимъ замкомъ есть столбъ *золотой*, опрокинь его, тамъ лежитъ сердце старичка.

Пошелъ Ушко, опрокинулъ столбъ золотой, но сердца старичка не нашелъ... Возвратился опять молодецъ къ Ягѣ и давай еще больнѣе колотить ее, такъ-что чуть жива осталась колдунья Баба-Яга. Послала она Ушко опять къ золотой башнѣ: опять обманула...

Разсердился Ушко и ужъ до смерти хотѣлъ колотить Ягу, но Яга испугалась наконецъ и созналась, гдѣ хранится сердце старичка.

— Ступай къ Великому-океану: на томъ океанѣ будетъ островъ, а на островѣ *камень красный* преогромный; отвали этотъ камень — будетъ пропасть, а на днѣ пропасти небольшой алмазный замокъ: въ немъ найдешь огненную комнату; посреди стоитъ *ящикъ*, а въ томъ ящикѣ сто ящичковъ; въ послѣднемъ ящичкѣ, бѣломъ, найдешь уточку золотую; разорви ее на части, выпадетъ алмазное яичко: въ томъ яичкѣ хранится сердце главнаго нашего властелина, старичка съ ноготокъ...

Выслушалъ Ушко рѣчь Яги, и отправился къ Великому-океану.

Подходитъ Ушко къ Великому-океану... Вотъ плыветъ ракъ огромный, бѣлый, подплываетъ къ берегу; Ушко схватилъ его за клещи и хотѣлъ было разорвать... Сталъ проситься, молиться ракъ, чтобъ пощадилъ его Ушко.

— Свези меня, говоритъ ему Ушко, на тотъ островъ, гдѣ есть камень красный, такъ пущу тебя, а не то раздавлю...

— Свезти тебя я не могу, а вотъ я вышлю къ тебѣ изъ воды лошадь огненную съ крыльями; эта лошадь занесетъ тебя на островъ утки... Повѣрилъ Ушко раку и пустилъ его въ океанъ... Взволновалось море, заколыхались берега, тучи мрачныя пронеслись... Наконецъ засвѣтило солнце ясное, и на берегъ выскочила огненная лошадь...

— Садись, говоритъ, Медвѣжье-Ушко, да не оглядывайся назадъ... Я свезу тебя, по наказу рака.

Фыркнула лошадь ноздрями, пламя синее пыхнуло изо рта ея, взмахнула крыльями, и Медвѣжье-Ушко увидѣлъ островъ, а на немъ камень красный.

Отвалилъ камень, спустился въ пропасть, вошелъ въ замокъ, растворилъ ящикъ, и наконецъ послѣдній ящичекъ: тамъ сидѣла утка... Только что Ушко хотѣлъ ее взять, а она порхъ — и улетѣла...

— Ну, подумалъ Ушко: пропалъ я бѣдный человѣкъ; не возвратиться мнѣ на свѣтъ...

Вышелъ на островъ Ушко и плачетъ, а лошадь какъ тутъ...

— Не плачь, говоритъ, Медвѣжье-Ушко: ты избавить насъ хочешь отъ старика-колдуна, такъ помогу я тебѣ отыскать и его сердце... Садись на меня..., да не теряй своей булавы... Я свезу тебя къ морскому чуду, нашему повелителю.

Сѣлъ Ушко, и въ ту жъ минуту лошадь бросилась въ море-океанъ на дно...

Вотъ на днѣ стоитъ замокъ хрустальный, безъ оконъ, безъ дверей. Лошадь ударила копытомъ объ стѣну замка, и Ушко вошелъ въ палаты морскаго бога.

На желѣзномъ якорѣ сидитъ чудо съ сѣдыми волосами, съ серебряными усами и золотыми бровями; на усахъ мелютъ мельницы, каждая о шести колесахъ; на бровяхъ расположены маленькіе островки; въ рукахъ золотая вила.

— Здравствуй, говоритъ чудо, Медвѣжье-Ушко! Храбрый же ты дѣтина, коли попалъ ко мнѣ сюда... Ну, ужъ за одно это молодечество я помогу тебѣ отыскать утку... Да смотри не зѣвай, не то опять улетитъ она изъ-подъ рукъ твоихъ... Я велю рыбѣ-красной среброкрылой, чтобъ она занесла тебя на зеленый лужокъ... Какъ взойдешь на тотъ лужокъ, нападутъ на тебя всякія птицы хищныя, драконы крылатые, змѣи, гады шипящіе... Не пугайся, путь дорогу пролагай себѣ дальше булавой... На концѣ лужка будетъ островерхая гора, а на той горѣ другая гора стеклянная; въ ней, въ срединѣ, есть избушка алмазная: тамъ запряталась Яга и бережетъ утку. Смотри, не жалѣй булавы, убей на смерть Ягу, а не то пропадешь ты и твои княжны, да и намъ всѣмъ плохо будетъ изъ-за тебя... Ну, прощай, Медвѣжье-Ушко: вонъ ужъ ждетъ тебя красная-рыба...

Вышелъ Ушко изъ палатъ морскаго чуда и вскочилъ въ раскрытую пасть красной-рыбы...

Поплыла рыба по океану, разсѣкаетъ крыльями волны, вода пѣнится подъ нею... вотъ приплыла къ лужку и выпустила изъ пасти Медвѣжье-Ушко.

Не успѣлъ ступить на лужокъ Ушко, какъ со всѣхъ сторонъ слетѣлись хищныя птицы, крылатые драконы, и стали кусать, терзать бѣднаго дѣтину; откуда взялись гады и змѣи и давай жалить храбраго молодца. Отогналъ Ушко и гадовъ и змѣй и птицъ и драконовъ волшебной своей булавой, и пробрался къ островерхой горѣ, а по ней на стеклянную гору, и наконецъ въ алмазную избушку...

Сгорбившись, скорчившись сидѣла Баба-Яга и ласкала утку въ золотой клѣткѣ.

— А! злая вѣдьма! Такъ-то ты сдержала свое слово? Обманула меня въ третій разъ... Не проси жъ теперь пощады: пришелъ тебѣ конецъ...

Баба-Яга бросилась въ ноги Ушку и стала молить-просить, чтобъ пощадилъ онъ ее...

Но пощады не было... Придавилъ Ушко Ягу булавой, истолокъ чародѣйку въ порошокъ, и развѣялъ по Великому-океану.

А потомъ разломалъ золотую клѣтку, разорвалъ утку на двѣ части, и доставъ алмазное яичко, въ той же рыбѣ красной переплылъ къ замку морскаго чуда, а оттуда на огненной лошади добрался до острова, а съ острова въ алмазное царство... Взялъ алмазовъ, сколько могъ и на ворономъ конѣ поспѣшилъ къ княжнѣ-красѣ въ золотое царство.

Какъ вошелъ въ палаты къ княжнѣ, раздавилъ яичко, и старичокъ съ ноготокъ превратился въ сѣрный порошокъ...

Исчезла щетина на головѣ у дѣтины, осталось лишь медвѣжье-ухо.

Обрадовалась княжна и объявила Ушку, что она будетъ жена его...

— Вотъ награда тебѣ, добрый молодецъ за твою храбрую удаль, за геройство великое... Я люблю тебя, витязь храбрый мой!..

Поклонился Ушко княжнѣ и ушамъ своимъ не вѣрилъ, что княжна, раскрасавица будетъ женой его...

Вотъ собрали они все добро золотое, и на огненной колесницѣ полетѣли въ царство серебряное. Сестры обнялись и отъ радости заплакали.

Забралъ Ушко и изъ серебрянаго царства пропасть всякаго добра, и отправился съ двумя сестрами княжнами въ мѣдное царство, а оттуда вчетверомъ полѣтели поверхъ лѣсу, поверхъ чернаго бору, и очутились на томъ мѣстѣ, гдѣ спустился въ подземныя царства Медвѣжье-Ушко...

Вотъ привязываетъ онъ къ канату одну колесницу съ старшею княжною и со всѣмъ ея мѣднымъ добромъ: покачнулся канатъ, и очутилась старшая княжна на землѣ, межъ Верни-Горой и Верни-Дубомъ..., привязываетъ другую колесницу съ среднею сестрою, Верни-Дубъ и Верни-Гора высадили и ихъ на землю.

Наконецъ, привязываетъ третью колесницу, садится самъ съ младшою княжною, ненаглядною своею женою; трогаетъ канатъ, канатъ не поднимается, трогаетъ другой разъ, тоже; наконецъ въ третій разъ— канатъ оборвался. Но не самъ оборвался канатъ: Верни-Дубъ и Верни-Гора перерѣзали его...

— А! въ изступленіи закричалъ Медвѣжье-Ушко! вотъ каковы

мои товарищи! Теперь-то я припоминаю, что говорилъ алмазный червячокъ... Постой же, я васъ накажу...

Сказавъ это, Ушко махнулъ булавой и предъ нимъ явилась Птица-Большая...

— Чѣмъ служить прикажешь, храбрый молодецъ? Ты избавилъ насъ отъ злаго-чародѣя, такъ готова я и тебѣ помочь...

— А вотъ что: перенеси меня съ княжной туда, откуда я пришелъ...

— Изволь! Садись, дѣтина-молодецъ, садись и ты, княжна; а колесницу вашу и все добро золотое я въ когтяхъ потащу...

Вотъ сѣли Ушко и княжна на Большую-Птицу, и неслыханно, негаданно увидѣли Божій свѣтъ, родную землю...

Простились съ птицей, поблагодарили ее за службу вѣрную и пошли отыскивать червячка въ хаткѣ на куричьей лапкѣ...

А червячекъ алмазный самъ ползетъ на встрѣчу къ нимъ, и завидѣвъ Ушко и княжну, въ ту жъ минуту превратился въ дивнаго молодца, красавчика князя-князевича...

Приходятъ въ хатку: ихъ встрѣчаетъ кузнецъ-старичекъ, и при видѣ княжны, сталъ и онъ молодцомъ-богатыремъ...

Стали совѣщаться, гдѣ найти княженъ, женъ червячка и кузнеца Вдругъ, откуда ни возьмись, летитъ Птица-Большая, а съ нею княжны двѣ въ колесницахъ своихъ съ подземнымъ добромъ...

Вслѣдъ за ними появились съ повинной головой Верни-Дубъ и Верни-Гора...

Но Ушко простить ихъ не могъ за такую измѣну, и тотчасъ велѣлъ птицѣ проглотить ихъ обоихъ...

А Ушко и князевичи-князья поженились на красавицахъ-княжнахъ... и поселились въ новыхъ княжествахъ своихъ со всѣмъ своимъ добромъ. .

Вотъ задали пиръ, пиръ неслыханный, невиданный; на тотъ пиръ созвали весь міръ.

И меня приглашали, но... мнѣ нѣкогда было...

Я отправился къ Бѣлорусицѣ рѣкѣ, заглянуть въ Бѣлоруссію родную, на обряды поселянъ при уборкѣ хлѣба съ полей, на ихъ игрища и мѣстные фесты...

6. ОБРЯДЫ ПОСЕЛЯНЪ ВИТЕБСКОЙ И МИНСКОЙ ГУБЕРНІЙ ПРИ УБОРКѢ ХЛѢБА СЪ ПОЛЕЙ.

Уборка хлѣба съ полей составляетъ въ Бѣлоруссіи одно изъ важнѣйшихъ событій.

Воздѣлывая, такъ-сказать, въ потѣ лица, участокъ земли своей, бѣлорусскій крестьянинъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ урожая, какъ вознагражденія за труды свои; и потому, дождавшись, наконецъ, времени созрѣванія хлѣба на воздѣланной и удобренной имъ почвѣ, на радостяхъ, старается, по силѣ своего разумѣнія, согласно съ преданіемъ отцовъ и дѣдовъ, ознаменовать такое событіе торжественными обрядностями. Обрядности эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что въ нихъ, равно какъ и въ пѣсняхъ и прибауткахъ, сопровождающихъ ихъ, ярко проглядываетъ старина предковъ нашихъ, русскихъ славянъ.

При уборкѣ хлѣба съ полей сохраняются слѣдующіе обряды: 1) *Покрываніе поля*, 2) *Зажинки* и 3) *Дожинки*.

Первый и второй обрядъ обыкновенно совершаются при началѣ жатвы, у каждаго поселянина, богатаго и бѣднаго, потому—что не соединены съ большими издержками; третій назначается при окончательной уборкѣ съ поля ржи (а у нѣкоторыхъ этотъ же обрядъ празднуется по совершенной уборкѣ всего хлѣба съ полей) и совершается только у богатыхъ поселянъ, и по преимуществу на барскомъ дворѣ, такъ-какъ подобный обрядъ требуетъ немалыхъ расходовъ для угощенія значительнаго количества жницъ.

1. *Покрываніе поля*. Въ Бѣлоруссіи рожь обыкновенно созрѣваетъ въ началѣ мѣсяца іюля, и всякій поселянинъ старается какъ можно скорѣе начать жатву, чтобъ не перезрѣла рожь. Начинаютъ даже жать нѣсколько зеленоватую рожь, думая, что изъ такой ржи бѣлѣе бываетъ мука; пусть лучше, говорятъ, рожь дозрѣетъ въ снопахъ, чѣмъ перезрѣетъ въ колосьяхъ.

Жнутъ обыкновенно женщины и дѣвицы (а не мужчины, какъ это бываетъ въ великороссійскихъ губерніяхъ), а потому и въ обрядахъ жатвы участвуютъ исключительно онѣ однѣ; даже при угощеніи, вечеромъ, почти не бываетъ мужчинъ.

Утромъ, до восхода солнца, отправляется на поле *молодица*, по преимуществу недавно вышедшая замужъ, и въ присутствіи нѣсколькихъ дѣвицъ нажинаетъ небольшой снопикъ ржи, и обвивъ его *наметкою* (головной уборъ замужней женщины), или просто полотенцемъ, и даже кускомъ полотна новаго, подбрасываетъ вверхъ, приговаривая:

Пакрыла нивку
На добрую спаживку;
Парадзи, Божа,
Наша збожжа!..

(Покрыла я поле, для благого употребленія: пошли, Господи, урожай на наше поле).

Затѣмъ, дѣвицы поютъ, хлопая въ ладоши и кружась:

Пашли, Божа, много збожжа!
Нарадзи хлѣба при дарозѣ:
Штобъ было усимъ гожа,
И не пуста на каждымъ возѣ.
Крыта, крыта!
Повна сыта!
Божа памажи,
Хлѣба урадзи!..

(Пошли, Боже, много хлѣба; пошли урожай, чтобъ было всѣмъ довольно, и полны были хлѣба возы... Мы покрыли поле: будетъ хлѣба вдоволь. Пошли, Господи, урожай...)

Потомъ молодица и дѣвицы отправляются домой, т. е. къ тому семьянину, чье поле покрывали.

При входѣ въ хату, всѣ вмѣстѣ поютъ:

Крыта, крыта!
Повна сыта!
Божа, памажи,
Хлѣба урадзи!

Молодица подаетъ снопикъ хозяйкѣ, которая даритъ ее деньгами и кускомъ полотна; потомъ вмѣстѣ съ дѣвицами подходитъ къ хозяину съ поклономъ... Хозяинъ потчуетъ ихъ водкою... и приглашаетъ на дожинки... Тѣмъ и оканчивается покрываніе поля.

Покрываніе поля совершается почти у каждаго поселянина витебской и минской губерній; думаютъ, что въ случаѣ несовершенія этого обряда, уборка хлѣба будетъ не удачна...

2. *Зажинки.* Чрезъ два дня послѣ покрыванія поля слѣдуютъ зажинки. Вечеромъ, на закатѣ солнца, дочь хозяина, вмѣстѣ съ подругами, отправляется на поле. Выходя изъ дому, онѣ поютъ.

Выправляютца малажайки
На справляньня зажинакъ;
Паглядзѣть на добро́ гаспадарки,
Да принесьць повны жита абиракъ...
Да гатовъ жа, гатовъ, гаспадыня
Сустрѣчаньня имъ щирае;
Расчиняй, кали естъ, скрыня,
Да бери, неси медъ зъ выраи...

Отправляются дѣвицы на зажинки, взглянуть на хозяйское добро, да принесть небольшой снопъ ржи.

Хозяйка даетъ имъ яичницу, сыръ и водку, съ чѣмъ дѣвицы и отправляются на поле.*

Пришедши на мѣсто жатвы, дѣвицы, покушавъ, снимаютъ по колоску, и связываютъ небольшой снопикъ, который извѣстенъ подъ именемъ *Гаспадара́-снопка*; потомъ окропляютъ его водкою и съ нимъ отправляются въ домъ хозяина, припѣвая:

Галубокъ
Снапокъ!
Нажали малажайки,
Да ихъ бѣлыя ручайки.
Мѣсяцъ, мѣсячку!
Свящижъ намъ дарожачку;
Штобъ мы не зблудзили,
Снапочка не згубили.
Ба нашъ снапокъ красны,
Якъ мѣсячикъ ясны;
Еще выжшій адъ плота,
Еще дарожшій адъ злота,
Еще выжшій адъ гары,
Ясьнѣй адъ зары.

(Голубчикъ снопикъ, тебя жали дѣвицы бѣлыми ручками... Свѣти жъ, луна, освѣщай нашъ путь, чтобъ мы съ дороги не сбились, снопика не потеряли: нашъ снопикъ красивъ, какъ свѣтлая луна; выше забора, дороже золота, выше горы, яснѣе зари).

* Чего не съѣдятъ и не выпьютъ, то закапываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ сжата рожь для снопика.

Вошедши въ хату, дочь хозяина съ поклономъ подноситъ отцу снопокъ-гаспадарокъ. Хозяинъ, подбросивъ снопикъ вверхъ, ставитъ его на *покуць* (см. выше это слово) подъ образами; подъ снопикъ кладетъ *четыре* монеты мѣдныя и кланяется.

Поставивъ гаспадаръ-снопикъ, хозяинъ потчуетъ дѣвицъ водкою, а хозяйка даритъ ихъ пшеничными булочками; дѣвицы поютъ:

Славъся, гаспадарку, славъся,
Што малажаякъ ня стыжався,
Якъ яны ня стыжали,
Нивку тваю зажинали...

(Благодаримъ тебя, хозяинъ, благодаримъ, что ты дѣвицъ не чуждаешься: вѣдь онѣ не погнушались сдѣлать зажинки на твоемъ полѣ...)

Затѣмъ, дѣвицы расходятся.

При прощаньи, хозяева приглашаютъ ихъ на дожинки.

Зажиночный снопикъ хранится въ углу хаты, подъ образами, до *пречистой* (Преображенія Господня); наканунѣ пречистой, снопикъ обмолачиваютъ, и зерна приносятъ, 6 августа, въ церковь, для освященія: этими-то освященными зернами засѣваютъ ново-вспаханное для озимоваго хлѣба поле, — нѣкоторые въ день Преображенія, а нѣкоторые, на другой или на третій день послѣ освященія; при засѣвкѣ, звенятъ монетами, которыя положены были подъ снопикомъ...

3) *Дожинки*. На другой день послѣ зажинокъ бываютъ дожинки... Дожинки бываютъ различныя, — богатыя и не богатыя. Для лучшаго уясненія этого обряда, я опишу дожинки зажиточнаго поселянина, которыя отличаются отъ барскихъ дожинокъ тѣмъ, что при первыхъ сохраняется болѣе народности и простоты, чѣмъ при вторыхъ. Барскія дожинки не рѣдко превращаютъ въ какую-то пирушку, такъ-сказать, европейскую; тамъ бываетъ музыка дворская, болѣе или менѣе хорошо добранная, съ претензіями на щегольство и изящность; танцы далеко не народные русскіе, но больше — вальсы и даже польки. Напротивъ, дожинки у поселянъ имѣютъ физіономію древне-славянскаго быта, и замѣчательны свободною развязностью жницъ, особаго рода плясками ихъ и музыкою-самоучкою...

Обыкновенно, въ тотъ день, когда назначается окончательная уборка ржи, собирается на поле извѣстнаго поселянина (по приглашенію его дочери или жены наканунѣ дожинокъ) множество жницъ, бо́льшею частью безплатно пожать, единственно ради того, чтобъ повеселиться у госте-

пріимнаго, радушнаго хозяина. Число жницъ зависитъ отъ радушія хозяина, или расположенія къ нему сосѣдей... Нѣкоторыя жницы приходятъ даже непріглашенныя и изъ другихъ деревень... Хозяинъ очень-радъ такимъ жницамъ, и ихъ усердіе болѣе цѣнитъ, чѣмъ готовность приглашенныхъ работницъ. Я сказалъ, что на дожинки собираются бо́льшею частью безплатно; платныхъ же жницъ собираютъ въ такомъ случаѣ, если въ одинъ и тотъ же день назначаются дожинки у нѣсколькихъ хозяевъ, а между-тѣмъ почему-нибудь извѣстному хозяину нужно непремѣнно окончить уборку ржи въ этотъ же день.

Собираются на поле съ разсвѣтомъ дня, и если жницъ много сравнительно съ небольшимъ участкомъ посѣва ржи, жнутъ исподоволь, не спѣша; если же мало жницъ, жнутъ какъ можно поспѣшнѣе, чтобъ къ закату солнца непремѣнно дожать всю рожь.

Старшая между жницами распредѣляетъ мѣста, кому гдѣ жать; всѣ повинуются и охотно исполняютъ ея распоряженія... Старшую называютъ *начинальницею* (то-есть начинающею жать), а прочихъ — *памагальницами* (то-есть помощницами).

Приступая къ жатвѣ, начинальница запѣваетъ:

Наша нивка залатая,
Наши серпы вострые —
Пашъ панъ гаспадаръ налягáя,
Штобъ мы не были чорствые...

(Наше поле золотое, наши серпы остры; насъ хозяинъ упрашиваетъ, чтобъ мы не были черствыми, то-есть чтобъ, не лѣнились жать).

Памагальницы продолжаютъ:

«Ой чіё жъ-та поле,
Зажавцѣлае стаиць?
— Н Н (такого-го) поле
Зажавцѣлае стаиць!
Жнейки маладыя
Серпы залатыя...
Да зялёнъ боръ, зялёны,
Надъ усими барами;
Да славёнъ нашъ гаспадаръ
Надъ усими гаспадарами.
У нашаго гаспадара

Куна па дварѣ играе,
Собалѝ вызывае:
Со́балю, со́балю! пагуляямъ зъ табо́ю,
Развясялимъ свойго гаспадара
И гаспадыню мала́дую
И челядку вясёлую.

(Ой, чья это рожь такъ хорошо созрѣла? Н Н (такого-то) рожь такъ хорошо созрѣла!.. Рожь его жнутъ молодыя жницы золотыми серпами. Охъ, зеленый боръ, зеленый, самый лучшій, изъ всѣхъ боровъ! Нашъ хозяинъ лучше всѣхъ хозяевъ! Унашего хозяина по двору куница играетъ, соболя зоветъ: «Соболь! соболь! поиграемъ съ тобою, развеселимъ своего хозяина, и молодую хозяйку, и челядь веселую).

Если же жнутъ на барскомъ полѣ, поютъ слѣдующую пѣсню:

Золата маé, золато, на таку малачона,
На сталѣ насыпана. Хто золата паличиць,
Той на чужу сторану не паѣдзець...
Да нашъ панъ маладзеньки
На чужку не паѣдзець, пашлець служку
Маладога и каня варанога;
Коникъ будзя гарцаваци, служка паганяци,
А нашъ панъ панаваци.
Нашъ панъ маладзеньки —
Падъ имъ конь вараненьки,
Выѣхавъ на ни́вачку,
У счасьливую гадзиначку,
Ставъ жнеякъ (жницъ) личиць,
Ставъ Бога хвалиць:
«Слава табѣ, Боже,
Маé жи́тка (рожь) будзе у стозѣ.»

Пѣсни составляютъ главное условіе дожинокъ... ни одинъ обрядъ небогатъ такъ пѣснями, какъ обрядъ дожинокъ... и всѣ эти пѣсни болѣе или менѣе имѣютъ отношеніе къ тому случаю, по какому поютъ ихъ. Такъ вотъ, спустя нѣсколько времени (не болѣе двухъ часовъ), нажавъ по десятку сноповъ, жницы поютъ слѣдующую пѣсню, въ которой говорится, что онѣ уже сто копенъ нажали:

Добрая нивка была,
Сто копъ жита зрадзила,
И еще хвалитца,
Што на копу калосься валитца...
Запрагайце валы,
Паѣдземъ да дубровы,
Хвойки выцинаць,
Копки падбираць.

(Хороши наши поля, — сто копенъ ржи на нихъ мы собрали; — да вдобавокъ еще съ копну наберется, если подберемъ валяющіеся колосья. Запрягайте воловъ, поѣдемъ въ темный лѣсъ, сосновыя деревья рубить (на телѣгу), чтобъ было на чемъ свозить нажатую рожь).

Когда наступаетъ время обѣда (10 или 11 часовъ утра), хозяева привозятъ всякаго кушанья и питья вдоволь: на этотъ разъ ничего не жалѣютъ; да и правду сказать, можно не жалѣть, потому-что къ этому времени, въ Бѣлоруссіи, въ огородахъ почти всѣ овощи созрѣваютъ, и поселяне не затрудняются, чѣмъ кормиться.

Обѣдъ продолжается часа два: веселый, шумный говоръ, звонкій хохотъ, пѣсни, шутки, хлопанье въ ладоши не умолкаютъ въ-продолженіе цѣлаго обѣда... Обѣденныя или такъ-сказать застольныя пѣсни не имѣютъ особаго значенія, и потому я пропускаю ихъ. Привожу одну для образчика:

Ой, послала мяне маци.
Спѣлае жита жаци,
Ой нуце жнейки,
Не будтьце санейки!
Ой, я житка не жала
Въ бараздочкѣ лежала...
Ой нуце жнейки и т. д...
Наѣхали чужія жнейки,
Нашли мяне въ бараздзейки.
Ой нуце...
Зажурилася Кацярина,
Што не зжата жицина.
Ой нуце...
Черазъ твое русы волосы
Выкасили усѣ пакосы,
Ой нуце...

Черазъ твоѐ чорны бровы
Выкасили усѣ дубровы,
Черазъ твое бѣлы руки
Выкасили усѣ палуки.
И жицину выжали,
И Кацярину палюбили.
Ой, нуце жнейки
Не будзьце санейки,
Не рана пачали,
Треба, штобъ багацька уцяли...

(Послала меня мать — рожь жать: ой, жницы поскорѣе!.. не лѣнитесь! — Ой, я ржи не жала, въ бороздѣ пролежала; пріѣхали чужія жницы, отыскали меня въ бороздѣ. Загоревала Катерина, что ржи не сжала. . Ты не слышала, какъ твоихъ волосъ, чорныхъ бровей и бѣлыхъ рукъ касались косы косарей, когда они косили на полѣ.... Выкосили они рожь и полюбили Катерину. Ой, жницы, поскорѣй! не лѣнитесь! Поздно начали жать, смотрите, еще много остается дожинать).

Послѣ обѣда принимаются опять жать, и опять съ пѣснями.

Часу въ третьемъ пополудни, хозяева привозятъ полдникъ, или *подвечорокъ* изъ холодныхъ кушаньевъ и закусокъ; какъ за обѣдомъ, такъ и за полдникомъ хозяева потчуютъ жницъ водкою.

Подъ вечеръ, жницы дружно принимаются за работу, и подгоняя одна другую разными прибаутками и пословицами, поютъ вдобавокъ пѣсню:

Ой, милы Боже!
Намъ да паможе?
Ци ня выжнемъ?
Сонейка низка,
Вечерайка блиска.
Ай, ня выжнемъ!
Пташачки злетайце,
Снапочки знашайце.
Ой, милы Боже!
Намъ да паможе?
Ци не зносимъ?
Саколики злетайце,
Копачки складайце.

Ой, милы Боже, —
Намъ да паможе?
Загуляйка кукуя,
Копачки рахуя,
Не зли́чиць!
Ой, милы Боже,
Намъ да паможе?
Сонейка низка
Вечерайка блиска
Не зли́чиць!..

(Ой, милый Боже! Кто намъ поможетъ дожать? Солнце низко, вечеръ близокъ: охъ, не дожнемъ! Слетайтесь птички, сносите въ копны снопы! Ой, милый Боже! помоги намъ! Слетайтесь соколы, складывайте копны! Ой, милый Боже! помоги намъ!—Кукушка кукуетъ, копны считаетъ и не пересчитаетъ. Ой, милый Боже! помоги намъ! Солнце низко, вечеръ близокъ: — не пересчитаетъ!)

Наконецъ, когда дожинаютъ уже послѣдній *загонъ* (маленькій участокъ), каждая изъ жницъ откладываетъ по колоску, для одного общаго снопа, такъ-называемаго *дожиночнаго*. Собравъ такимъ-образомъ достаточное количество колосьевъ и связавъ дожиночный снопъ, жницы раздѣляются на двѣ половины: старыя и замужнія женщины сносятъ и складываютъ въ копны снопы, а дѣвицы, собравшись въ кружокъ, долго совѣщаются, кого избрать *богинею**. Избравъ въ богини красивую подругу, жницы-дѣвицы дожинаютъ оставленный клочокъ ржи и изъ этой ржи сплетаютъ большой вѣнокъ, и украшаютъ его разными цвѣтами, лентами.

Старыя жницы.

У насъ сягодня вайна была,
Усё поля зваевали.
Змяли поля мяцёлками,
Идзёмъ дамовъ вяселками.
Нивка наша, нивка!
Аддай нашу силку.
Мы свайму гаспада́ру

* *Богиня* — т. е. та, которая должна несть на головѣ вѣнокъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избранная для этого дѣвица называется *Талакою* (см. Журн. Мин. Нар. Просв. Прибав. Кн. 4, 1846 г Статья: Бѣлорусск. Народ. Повѣрья, слово Талака).

Да зрабили славу:
Житачка пажали,
У снапы павязали,
У копы паклали,
Мы свайму гаспадару
Да зрабили славу:
Ой, гаспадарачку нашъ!
Дажиначкавъ часъ!..

(У насъ сегодня много было работы: мы всю рожь съ поля сняли; подмели поле вѣничками, идемъ домой веселыми. Охъ, ты поле наше, поле! Ты возврати наши силы. Мы сдѣлали честь своему хозяину, рожь сняли, сноповъ навязали, въ копны сложили. Мы сдѣлали честь своему хозяину: ой, хозяинъ ты нашъ! пора справить намъ дожинки).

Въ тоже самое время, дѣвицы-жницы, дожиная рожь для вѣнка, поютъ:

Канецъ нивцѣ, канецъ!
Упляцёмъ гаспадару вянецъ,
Да ужо жнива у канца,
Нуце, дзѣвачки, да вѣнца!!
Кружилися, кружилися,
Уже мы житка дажалися;
Дажалися дзѣвайки;
За яснаго соняйки.

(Конецъ жатвѣ, конецъ! сплетемъ хозяину вѣнокъ... Жатва кончена! Нутка, дѣвочки, возьмемся за вѣнокъ... Вертѣлись мы долго, пока сжали всю рожь, но зато сжали до заката солнца).

Сдѣлавши вѣнокъ, дѣвицы кладутъ его на голову богини, а въ руки даютъ дожиночный снопъ, покрытый длиннымъ бѣлымъ покрываломъ. Потомъ дѣвицы окружаютъ ее цѣпью и пляшутъ, припѣвая:

Кружкомъ, дзѣвачки, кружкомъ
Къ гаспадару зъ паклонамъ;
Не сами мы идзёмъ,
Мы вяночакъ нясёмъ.
У нашай гаспадыни
Повна хлѣба у адрыни (въ амбарахъ);

Треба пакланитца,
Штобъ къ ёй дабытца.

Въ это время къ дѣвицамъ присоединяются старыя и замужнія жницы, и предводительствуемыя богинею, всѣ вмѣстѣ отправляются въ домъ къ хозяину, — и поютъ:

Да гудзець поля, гудзець;
Багиня зъ поля идзець.
Гаспадарка! не улекайся,
У свѣтличку не схавайся.
Выкаци бочку пива,
А другую гарелки...
Мы жнейки не жавнерки,
Не паньёмъ усéй гарелки.
Наша гаспадыня мила,
Дасьць намъ бѣлага сыра.
Сива пава летала,
Крылами дворъ митала,
Спадзѣвалася вѣнца,
Да свайго гуменца!

(Раздаются по полю звонкія пѣсни, богиня съ поля идетъ. Не пугайся, хозяинъ, не прячься въ свѣтелку; выкати бочку пива и водки: мы жницы не солдаты, не выпьемъ всей водки. Наша хозяйка мила, угоститъ насъ бѣлымъ сыромъ. Сѣрая пава летала, крыльями дворъ заметала, ждетъ, не дождется вѣнка для своего гумна).

Пѣсни не умолкаютъ чрезъ всю дорогу.

Проходя чрезъ деревню, жницы-дѣвицы приплясываютъ, — старухи поютъ:

Будзь сяло вясело́,
Ба мы вянокъ нясемо:
Зъ добраго жита
Вéльми красавíта...

(Веселись деревня наша! мы вѣнокъ несемъ, вѣнокъ изъ хорошей, вполнѣ созрѣвшей ржи).

За тѣмъ всѣ вмѣстѣ поютъ:

Адчиняй, гаспадару, свой дворъ,
Ба ведземъ весь жнивный зборъ;
Ай, нажали, навязали капочакъ,
Якъ на небѣ звяздочакъ...
Справъжа намъ, гаспадáру, дажинки,
Ба мы страцили для цябе сваѐ силки;
Адчини намъ хатку
Упусьци багиню-матку!
Забій намъ, гаспадáру, барана,
Забій намъ вяликаго быка;
Забій намъ свае гуски,
Не пажалуй цялушки!..
Ня крыйся жъ, гаспадáру, передъ нами,
Ба мы видзимъ цябé вакнами.
Выйдзи да насъ,
Выкупи вянокъ у насъ!!...

(Отворяй, хозяинъ, дворъ, потому-что къ тебѣ идутъ жницы; ой, нажали онѣ, наскладали столько копенъ, сколько на небѣ звѣздъ. Справь же намъ дожинки, въ награду за то, что мы для тебя не щадили своихъ силъ; отвори комнату, пропусти богиню-матку! Зарѣжь намъ, хозяинъ, барана, зарѣжь большаго вола, нарѣжь гусей, не пожалѣй теленка... Не прячься, хозяинъ, отъ насъ: вѣдь мы видимъ тебя сквозь окна... Выйди къ намъ, выкупи вѣнокъ у насъ).

Хозяева, заслышавъ пѣсни жницъ, выходятъ изъ хаты и встрѣчаютъ ихъ на дворѣ съ хлѣбомъ-солью. Богиня выступаетъ впередъ, и поклонившись хозяину, кладетъ у ногъ его дожиночный снопъ, который хозяйка окропляетъ святою водою, а вѣнокъ передаютъ ему въ руки, приговаривая:

— Паздаровъ Божа гаспадáру! Принясли табѣ вянокъ, зъ широкага поля, зъ ядранога жита. Гаспадáръ свойго гаспадарства не страциць, намъ за вянокъ заплациць, хоць чирвоные боты для нашей охоты, — житу на урожай, а гаспадáру на долги вѣкъ. Гаспадáру вянокъ, а намъ гарелки збанокъ!»

(Привѣтствуемъ тебя, хозяинъ! Да будетъ съ тобою Богъ! Мы принесли тебѣ вѣнокъ съ большаго поля, сплели изъ зернистыхъ колосьевъ. Ты не обѣднѣешь, если заплатишь намъ за этотъ вѣнокъ хоть

красными сапогами, чтобъ заохотить насъ на другой разъ. Пошли, Господи урожай твоимъ полямъ, а тебѣ долгой вѣкъ. Вотъ тебѣ, хозяинъ, вѣнокъ, а ты намъ поставь кувшинъ водки!..)

Хозяинъ беретъ вѣнокъ съ поклономъ — богинѣ, а хозяйка даритъ ее деньгами и сапогами *...

Въ то время, какъ богиня привѣтствуетъ хозяевъ, всѣ жницы поютъ:

Принесли вамъ плонъ
За всихъ четырехъ старонъ,
Принесли вамъ зборъ
Съ-падъ зелёныхъ горъ;
Изъ горы, съ-падъ гары
На гаспадарскіе двары;
Съ падваровъ да каморы
На уселякіе заборы...

(Мы принесли вамъ снопъ ржи со всѣхъ четырехъ концевъ (поля); принесли вамъ рожь изъ-подъ зеленыхъ горъ, несли чрезъ горы, пригорки, принесли въ вашъ хозяйскій дворъ; изъ двора — понесемъ въ домъ на всякое благое употребленіе).

Является музыка, и хозяева, при звукахъ доморощеннаго артиста и приплясываніи дѣвицъ, ведутъ богиню въ хату; вѣнокъ и дожиночный снопъ несетъ какая-нибудь дѣвица. Вошедши въ хату, хозяева ставятъ дожиночный снопъ на покуцѣ, подъ образами, вмѣстѣ съ зажиночнымъ, гдѣ онъ стоитъ нерѣдко цѣлый годъ, а вѣнокъ вѣшаютъ на кіоту; затѣмъ, садятъ богиню на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ нею садится хозяинъ и прочія жницы. Музыка играетъ...

Хозяйка кланяется богинѣ. Богиня, не трогаясь съ мѣста, говоритъ:

* Изъ того, что въ пѣсняхъ говорится о заплатѣ за вѣнокъ и что хозяйка даритъ богиню деньгами и сапогами, не слѣдуетъ, будто этимъ выражается корыстолюбіе и домогательство денегъ за труды, какъ думаютъ нѣкоторые польскіе изслѣдователи славянской старины (Jucewicz, H. Str. 311), на основаніи вышеприведенной пѣсни и привѣтствія богини. Этимъ только доказывается наивная откровенность жницъ и свободное обращеніе ихъ съ тѣмъ хозяиномъ, которому они работали и въ добротѣ котораго онѣ вполнѣ увѣрены... Кто сколько-нибудь изучалъ духъ подобныхъ обрядовъ, славянскихъ вообще, и въ особенности славяно-русскихъ, тотъ могъ замѣтить, что подарки (нерѣдко самые ничтожные, какъ напримѣръ при свадебныхъ обрядахъ, — пояски) составляютъ главное условіе и принадлежность этихъ обрядовъ, какъ выраженіе гостепріимства и дружеской общительности славянской...

Гасподынячка, нутка!
Звивайся намъ хутка;
Такъ-якъ мы звивалися,
Кала нивки напажиналися!..

(Поспѣши, хозяюшка, угостить насъ, какъ мы спѣшили дожать рожь на твоемъ участкѣ поля).

Жницы тутъ же поютъ:

Гаспадыньцѣ сорамъ,
Што сѣдзяць такъ жнейки за сто́ламъ.
Силы усѣ яны разтрасли,
Шипки на рукахъ нарасли:
Треба намъ гарелки,
Штобъ разогнуць касьцельки...
Дайцежъ намъ гарелки
Зъ новой барелайки!..
Казала намъ нивка:
Есьць у камори гарелайка,
У камори на палицы,
Въ малёванай шкляницы...

(Стыдно хозяикѣ, что жницы такъ сидятъ за столомъ: вѣдь онѣ всѣ силы свои истощили, нажали мозолей на рукахъ; нужно угостить водкой, чтобъ расправить больные суставы; дайте жъ намъ водочки изъ новаго боченка. Говорило намъ поле, что въ каморкѣ на пристѣнкѣ, въ раскрашенной стклянйцѣ стойтъ водка)...

Послѣ такой просьбы богини и жницъ, хозяйка приноситъ въ ведрѣ водку, и хозяинъ угощаетъ ею работницъ; первая рюмка предлагается богинѣ... Затѣмъ подаютъ горячія кушанья...

Во все время угощенія, музыка, сидя въ отдаленіи, играетъ разныя *пьесы своей композиціи*...

По временамъ, въ промежуткахъ перемѣны кушанья, нѣкоторыя охотницы поютъ, но эти припѣвы ничто́ иное, какъ отрывки или даже нѣсколько словъ изъ цѣлыхъ пѣсень. .

Послѣ ужина старухи остаются въ хатѣ вмѣстѣ съ хозяевами, а дѣвицы и молодицы, вмѣстѣ съ дочерью и прочими родственницами хо-

зяина, выходятъ на дворъ, гдѣ, упросивъ музыку играть, начинаютъ плясать народныя, мѣстныя пляски... И плясками и музыкой распоряжается богиня: музыка не смѣетъ отказать ей ни въ какой просьбѣ...

Любимыя пляски, во-время дожинокъ, разнообразны, но особенно чаще всѣхъ повторяются: *талакуха, журавель, мяцелица* и *скакуха*. Всѣ онѣ болѣе или менѣе похожи одна на другую. Одна талакуха нѣсколько отличается отъ прочихъ плясокъ. Особенность ея та, что сначала, впереди вертится богиня, а прочія дѣвицы, стоя полукругомъ, топаютъ ногами и подпрыгиваютъ, не сходя съ своего мѣста и размахивая платками... потомъ всѣ дѣвицы догоняютъ богиню, и окруживъ ее, кланяются ей, а она, сидя на землѣ, поетъ:

Да играла совнейка,
Ня багата играла,
У хмурку схавалася,
Дажджу баялася...
Камарóчки маé,
Ня кусайце вы мяне,
А кусайце вы жнеякъ,
Што мнѣ устаць неякъ...

(Играло солнышко, не наигралось, спряталось за тучами, испугалось дождика... Комары мои, комарики! не кусайте вы меня; вы кусайте этихъ жницъ, что изъ-за нихъ мнѣ нельзя встать съ земли).

Послѣ этого дѣвицы садятся всѣ вмѣстѣ возлѣ богини...

Между-тѣмъ хозяйка не забываетъ дѣвицъ и по временамъ выноситъ имъ водку и закуски. Замѣчательно, что при подобныхъ обрядахъ никогда не бываетъ пьянства: пьютъ немного для веселія, но ничуть не для того, чтобъ сбиться съ ногъ.

Пляски продолжаются до поздней ночи... Богиня первая напоминаетъ жницамъ, что пора идти домой и — вотъ все общество старыхъ и молодыхъ начинаетъ прощаться съ хозяевами...

На прощаньи, хозяева еще разъ потчуютъ всѣхъ жницъ водкою, закусками, и благодарятъ за оказанную имъ услугу, прося не отказать въ своей помощи и на слѣдующее лѣто. Жницы благодарятъ хозяевъ за угощеніе, при чемъ богиня, обращаясь къ хозяину, говоритъ:

Дай Боже
Табѣ, нябоже, (хозяинъ)
Абсѣваць, насѣваць,
А намъ жаць, дажинаць!

Тутъ хозяинъ набрасываетъ на голову богини покрывало съ дожиночнаго снопа, и даритъ ее пшеничнымъ хлѣбомъ...

Общество жницъ расходится по домамъ съ пѣснями и въ сопровожденіи музыки... Несмотря на то, что музыкантъ измученъ до-нѣльзя, богиня все-таки требуетъ, чтобъ онъ проводилъ ее до самого дома, вмѣстѣ съ прочими дѣвицами — жницами ..

Нерѣдко случается, что жницы возвращаются домой съ разсвѣтомъ дня, и чрезъ часъ отправляются на барскую, или на свою работу...

ПАВЕЛЪ ШПИЛЕВСКІЙ.

КАЛУЛА.

АФРИКАНСКІЯ СЦЕНЫ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Американецъ на разбитомъ суднѣ опять выброшенъ на африканскій берегъ. — Онъ и матросъ Томпсонъ достаются арабу Гаметъ-Аскену. — Женщины и ребятишки едва не побиваютъ ихъ каменьями. — Странствованіе по пустынѣ. — Агедскіе колодцы. — Американецъ проданъ арабу Могаммеду. — Онъ смотритъ за верблюдами и учится писать чары. — Находка дромадера или гери. — Американецъ съ негритенкомъ Шуншу отправляются въ ущелье, для скрытія находки. — Американецъ бросаетъ негритенка и пускается на гери въ великую пустыню. — Странствованіе по Сагарѣ. — Картины великой пустыни. — Гери исчезаетъ. — Американецъ находитъ его въ оврагѣ у колодца. Караванъ, погребенный въ пескахъ пустыни. — Прибытіе американца къ шейку Али. — Замѣчательный сонъ. — Таинственная покровительница открываетъ американцу угрожающую ему опасность. — Экспедиція къ каравану, засыпанному пескомъ. — Булагскіе колодцы. — Арабы нападаютъ на караванъ, идущій изъ Томбукту. — Американецъ находитъ Калулу. — Сефна, младшая изъ женъ Али, помогаетъ имъ бѣжать. — Песчаные смерчи. — Фата-моргана. — Встрѣча съ караваномъ. — Ирландецъ Гугъ Доиль. — Возвращеніе Жака Томпсона. — Новый товарищъ Гассанъ. — Городъ Сокотаъ. — Владѣтель его, старецъ Мачамъ. — Отряды киптиловъ и кимбусовъ присоединяются къ путешественникамъ. — Сраженіе съ футасами и пораженіе ихъ. — Городъ Гарига — Встрѣча съ Енфадде. — Живописный видъ на равнину, гдѣ столица Фрамацугды Килоамъ и озеро Вооло. — Волшебный дворецъ султана Шунде. — Фолдеффосы. — Американецъ и Калула едва не дѣлаются добычею огромнаго льва. — Канунъ свадьбы американца съ Калулою.

I.

Сцена разставанья, которую я кратко описалъ, хотя на минуту и поколебала меня, однакожъ намѣреніе мое осталось неизмѣннымъ.— Кромѣ свойственнаго намъ, американцамъ, упрямства (хотя я родился и въ англійской Канадѣ, но принадлежу къ гражданамъ Сѣверной Америки), судьба влекла меня къ странствованію по морямъ, между-тѣмъ какъ море всегда мнѣ не благопріятствовало... Я опять выброшенъ былъ на африканскій берегъ, между мысами Бланко и Боядоромъ, на днищѣ

разбитаго купеческаго судна Сентъ-Винцентъ, шедшаго въ Ливерпуль. Я не буду утомлять читателей подробностями этого кораблекрушенія, при которомъ спаслась только самая малая часть изъ нашего экипажа. Насъ не пощадили ни бедуины, ни арабы, ни волны, и мы были раздѣлены, равно какъ и наши пожитки. Я достался на часть грубому и жестокому хозяину Гаметъ-Аскену, съ товарищемъ моимъ Жакомъ Томпсономъ. Этотъ бѣднякъ сгибался подъ тяжестію своей ноши, и искрещенъ былъ во-время нашего пути ударами. Напослѣдокъ, мы настигли пять или шесть верблюдовъ, у которыхъ передния ноги были спутаны. Насъ освободили отъ тяжестей и навьючили ихъ на одного изъ этихъ добрыхъ, сильныхъ и терпѣливыхъ животныхъ, на котораго сѣлъ арабъ, и мы пустились въ дорогу по направленію многочисленныхъ холмовъ, видиѣвшихся къ юговостоку.

Часа три шли мы подъ раскаленнымъ небомъ, чрезъ холмы сыпучаго песка, въ которомъ вязли до половины колѣна,—наконецъ достигли до каменистой равнины, окайменной утесами вышиною отъ ста до двухъ-сотъ футовъ. У подошвы этихъ скалъ разбросаны были хижины, сложенныя съ трехъ сторонъ изъ каменьевъ одинъ на другомъ, вышиною до четырехъ футовъ, и покрытыхъ кожами или грубою, толстою черною тканью. Женщины и ребятишки столпились вокругъ насъ, и сначала молча смотрѣли на насъ, а потомъ уже стали обращаться безъ всякой церемоніи съ невѣрными собаками. Они разсматривали и ощупывали наше тѣло, дергали за волоса и за уши, дивились нашей одеждѣ, и особенно панталонамъ. По словамъ Жака Томпсона, немного разумѣвшаго ихъ языкъ, потому-что онъ и прежде уже находился въ плѣну у африканцевъ, они не могли понять, какъ я могъ влѣзть въ мои панталоны, и рѣшили тѣмъ, что вѣрно ихъ вокругъ меня пришили. Многія мегеры плевали на насъ, бросали въ лицо песокъ и осыпали проклятіями.

Мы условились съ Жакомъ, чтобъ онъ притворился сначала непонимающимъ ихъ языка; но я не имѣлъ такого, какъ онъ терпѣнія, и раздраженный грубымъ съ нами обращеніемъ, закричалъ имъ: «Sere! sere!—оставьте насъ въ покоѣ!» Отъ этого крика женщины и ребятишки разбѣжались, какъ-будто бы я произнесъ слова магическія; но вскорѣ воротились съ каменьями въ рукахъ, для нападенія, и еслибъ Гаметъ, для своей выгоды, не защитилъ насъ, то конечно бы насъ побили камнями.

При захожденіи солнца пришли и остальные верблюды, навьюченные всѣмъ, что только уцѣлѣло отъ нашего кораблекрушенія. Снявъ съ верблюдовъ тяжести, пустили ихъ глодать кустарники, а между-тѣмъ женщины стали приготовлять ужинъ, состоящій изъ смѣшенія верблюжьяго

молока съ водою, куда всыпали муки. Поужинавъ, арабы стали разсуждать между-собою. Большой огонь, разведенный изъ хвороста и обломковъ нашего судна, изъ которыхъ хотѣли достать желѣзные болты, скобы и гвозди, освѣтилъ тридцать черныхъ фигуръ, сидѣвшихъ кружкомъ, поджавши ноги. Переходящія отъ одного къ другому трубки напомнили мнѣ калюме * природныхъ американцевъ. Вообще эта сцена имѣла нѣкоторое сходство съ совѣщаніями старшинъ американскихъ, но не во всемъ. Здѣшніе арабы не имѣли той степенности, той важности, которыми отличаются начальники американскіе. Еще менѣе было сходства между песчаною степью и дремучими лѣсами, или зеленѣющими равнинами Америки.

Насъ съ Жакомъ посадили въ средину кружка. Тогда, съ общаго нашего согласія, онъ сталъ говорить, хотя и съ трудомъ его понимали. Онъ предложилъ—отвести насъ въ Свейрахъ, такъ арабы называютъ Могадоръ, обѣщая, что американскій консулъ дастъ за насъ хорошій выкупъ. Арабы не приняли этого предложенія, и удивились, что намъ извѣстенъ Свейрахъ. Показывая его направленіе, давали намъ разумѣть о непреодолимыхъ препятствіяхъ насъ туда доставить. Гаметъ, вынувъ свой кинжалъ и обративъ острее его къ своей груди, показывалъ этой выразительной пантомимой, какая угрожаетъ ему опасность предпринять подобное путешествіе. Я заключилъ, что онъ долженъ быть въ непріязни съ нѣкоторыми племенами на сѣверѣ. Впрочемъ путешествіе въ Могадоръ мнѣ и самому не очень нравилось. Безразсудное, но непреодолимое желаніе овладѣло мною опять встрѣтиться съ Калулой, и для того пройти пустыню. Жакъ, которому я сообщилъ мое намѣреніе, не говорилъ ни да, ни нѣтъ; но я увѣренъ былъ, что онъ на все рѣшится для полученія свободы.

На другой день, оставя скалы, мы шли по песчаной степи, усѣянной голышами и лишенной всякой растительности; кое-гдѣ попадался только колючій кустарникъ, да корень солянки. Скелетъ верблюда былъ единственный предметъ, который мы встрѣтили, и въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ замѣтны были слѣды большаго звѣря. Мы прошли, по-крайней-мѣрѣ, двадцать пять миль по направленію къ юго-востоку. Жакъ, тучный и уже пожилой, очень терпѣлъ отъ этого путешествія, и едва могъ слѣдовать за караваномъ, хотя его и не щадили ударами.

Предъ захожденіемъ солнца мы расположились на ночлегъ въ открытой степи, не имѣя въ виду ничего, кромѣ небеснаго шатра, да сыпучихъ песковъ, похожихъ на морскія волны. Верблюдовъ развьючили,

* Трубка мира.

поставили двѣ-три палатки, и послѣ вечерней молитвы, каждый получилъ свою порцію мукй, разведенной водою. Мнѣ съ Томпсономъ досталось никакъ не болѣе полукружки. Жакъ попросилъ себѣ прибавки, но ему отвѣчали, что для невѣрной собаки и этого много. Жена Гамета, сострадательная женщина, тихонько сунула намъ въ руку сухихъ и жесткихъ, какъ камень, финиковъ. Томпсонъ совѣтовалъ мнѣ глотать ихъ цѣликомъ, увѣряя, что такимъ манеромъ дольше будемъ сыти. И въ-самомъ-дѣлѣ, мы были въ странѣ страусовъ, которые глотаютъ же камушки.

Окончивъ вечернюю молитву и сдѣлавъ омовенія, наши хозяева принялись курить и болтать. Принесли табачный кисетъ, набили и закурили трубку, которая и пошла ходить изъ рукъ въ руки.

На слѣдующій день, еще до восхожденія солнца, нашъ маленькій караванъ пустился въ путь. Страна, по которой мы шли, мало различалась отъ вчерашней, только почва земли была болѣе каменистая. Обувь наша сильно пострадала, и мы почти босикомъ достигли до ночлега. Не очень хорошая перспектива на завтрашній день! Дневной жаръ и острые кремни, вонзавшіеся въ наши подошвы, затрудняли наше слѣдованіе за караваномъ. Бедуины, принужденные для насъ замедлять ходъ каравана, обращались съ нами жестокимъ образомъ: камни и удары такъ на насъ и сыпались. Наконецъ Томпсонъ не могъ сносить долѣе усталости и боли, его распухшія ноги отказывались ему служить. — Лучше умереть, сказалъ онъ мнѣ, и вѣроятно повторилъ то же самое бедуинамъ, потому-что они посадили его на верблюда, гдѣ онъ едва держался за шерсть на горбѣ. Морщинистая кожа, выдавшіяся кости и неровные шаги животнаго мало облегчали путешествіе Жака. Нѣсколько разъ онъ обрекалъ себя на смерть, и хотѣлъ упасть на землю; но я, сколько могъ, поддерживалъ его бодрость увѣщаніями.

Ночью хозяева много о насъ разсуждали. Кажется, они намѣревались вести насъ на Квале. Было ли это Вале—Мунго-Парка, или Квале—Каллія, или же совсѣмъ другое мѣсто? — не знаю. Я крѣпко заснулъ до самаго разсвѣта. На слѣдующій день, мы продолжали идти по степи, покрытой песчаными холмами. На шестой день сцена перемѣнилась. Большіе куски краснаго гранита разбросаны были повсюду, такъ, что во многихъ мѣстахъ, верблюды съ трудомъ могли пролагать себѣ дорогу.

Выйдя изъ этого каменистаго океана, мы ночевали на рубежѣ равнины, покрытой желтымъ пескомъ; между невысокими песчаными холмами, пріятно проглядывала кое-гдѣ зелень. Я замѣтилъ тутъ раз-

ныхъ породъ акацію; ночлегъ нашъ, на этотъ разъ, былъ между кустарниками.

Въ-продолженіе слѣдующаго дня намъ встрѣчалось много навьюченныхъ верблюдовъ, за которыми слѣдовали ихъ хозяева; другіе верблюды ходили по волѣ и глодали кустарникъ. Къ ночи два всадника показались вдали на горизонтѣ. Воздухъ такъ былъ прозраченъ, что можно было видѣть ихъ длинныя копья, рисовавшіяся черными полосками на небѣ. Жена Гамета сказала намъ, что это были охотники на страусовъ.

Съ разсвѣтомъ опять пустились въ путь. Караванъ бо́льшую часть дня ускорялъ свой ходъ. Судя по движеніямъ верблюдовъ, надо было полагать, что приближаемся къ водѣ. Бѣдныя животныя теперь шли бодро и не останавливались глодать изрѣдка попадавшійся имъ кустарникъ; вытянувъ шею, они прибавляли шагу, такъ-что несмотря на мою худобу, на крѣпость мускулъ и привычку къ гимнастическимъ движеніямъ, я съ трудомъ могъ слѣдовать за ними.

Группа бѣловатыхъ холмовъ показывала намъ направленіе къ колодцамъ; тонкое обоняніе верблюдовъ почуяло воду на разстояніи десяти или пятнадцати миль.

Около трехъ часовъ пополудни, мы достигли до обрыва футовъ въ пятьдесятъ надъ неправильнымъ бассейномъ, занимающимъ пространство около двадцати акровъ. На днѣ оврага было много колодцевъ, надъ которыми столпилось сотни три верблюдовъ, также нѣсколько лошадей и муловъ, которыхъ сопровождали мужчины и женщины, числомъ до пятидесяти человѣкъ. Гаметъ, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, сказалъ намъ, что эти колодцы зовутся агедскими, и что другихъ въ этой сторонѣ нѣтъ на пять дней хода. Городъ Квале, лежащій на полсутки далѣе, получаетъ также отсюда воду. Отойдя немного въ сторону, мы нашли натуральную каменную лѣстницу, по которой и спустились на самое дно бассейна.

Напоивъ верблюдовъ, наши хозяева рѣшились ночевать у этихъ колодцевъ. Развели огонь, и послѣ вечерней молитвы, приготовили кускуссу *, котораго и на мою долю досталось немного; я нашелъ его превосходнымъ.

Еслибъ не горькая наша участь, эту ночь можно было бы причислить къ пріятнѣйшимъ. Погода была чудная! Высокіе берега оврага защищали насъ отъ вѣтра. Далеко за полночь, арабы сидѣли группами и слушали своихъ сказочниковъ. Забавники разсказывали съ жаромъ, подражали иногда голосу говорящихъ въ исторіи ихъ лицъ, сопровождая

* Кушанье въ родѣ похлёбки, приготовляемое изъ катышковъ протертаго тѣста и изрѣзанной въ мелкіе кусочки части козленка.

все это жестами, гримасами и ударами въ тамбуринъ. По словамъ Жака Томпсона, самая длинная сказка состояла изъ варіантовъ персидской легенды о сорока разбойникахъ.

На слѣдующій день мы сбирались отправиться въ Квале, какъ вдругъ прискакали во весь опоръ къ берегу оврага три или четыре всадника, крича: гдѣ бѣлые?

Насъ показали.—Соскочивъ съ лошадей, они начали въ подробности насъ осматривать. Наружность ихъ была еще суровѣе, нежели нашихъ хозяевъ и даже всѣхъ бедуиновъ, которыхъ доселѣ мнѣ случилось видѣть. На нихъ были гаики и родъ рубахъ съ капишонами, изъ грубой шерстяной матеріи. Лошади ихъ, съ перваго взгляда, походили на дрянныхъ клячонокъ; но всматриваясь хорошенько въ ихъ тонкіе члены, маленькія головы, широкія ноздри, нельзя было не замѣтить происхожденія ихъ отъ знаменитой породы «Sh'ruḃach Er'rech»—вихрей степи; это метафорическое названіе, конечно, дано имъ по чудесной быстротѣ ихъ бѣга.

Между-тѣмъ какъ новые пришельцы осматривали товаръ, я думалъ о Калулѣ и Енфадде. Они въ первый разъ проданы были въ Ембомма, а теперь, отправясь въ свою землю, можетъ-быть, попались въ руки жестокосердныхъ хозяевъ. Впрочемъ я не унывалъ, а имѣлъ, не знаю почему, несомнѣнную надежду соединиться съ той, которую не долженъ былъ бы покидать. Теперь я разставался съ Томпсономъ,—его не хотѣли купить, говоря, что онъ годится только развѣ въ работу на соляныхъ копяхъ. Бѣдняжка въ отчаяніи ломалъ себѣ руки, слѣдуя за верблюдами Гамета, отправившагося въ Квале.

Мой новый хозяинъ назывался Сиди-Могаммедъ-бенъ-Алумъ. Онъ взялъ направленіе, съ однимъ своимъ товарищемъ и мною, на сѣверъ; остальная же часть его людей поскакала къ юго-востоку.

Ноги мои были въ самомъ жалкомъ состояніи, несмотря что я ихъ обернулъ въ лоскутья сукна, оторваннаго отъ моего платья. Могаммедъ верхомъ на степномъ вихрѣ не могъ требовать, чтобъ я за нимъ бѣжалъ, и потому рѣшился посадить меня за собою.

Мы послѣдовательно проскакали большую равнину, покрытую обломками гранита точно какъ кустарникомъ, длинную и узкую долину, поросшую терновникомъ, и большое пространство зыблющихся песковъ, за которыми опять началась цѣпь каменистыхъ холмовъ. У подошвы ихъ лежала деревня, состоящая примѣрно изъ тридцати хижинъ, вытянутыхъ въ двѣ параллельныя линіи.

Лишь-только насъ замѣтили, множество невольниковъ выбѣжало къ намъ навстрѣчу изъ деревни. Они цаловали края одежды Могаммеда и засыпали его поздравленіями. Женщины, вытянувшись въ рядъ и скре-

стя руки на груди, кланялись ему. Могаммедъ подошелъ къ нимъ и протянулъ руку, до которой всѣ онѣ дотронулись, — потомъ прикладывали собственныя свои руки къ устамъ, головѣ и груди. По всей этой церемоніи, можно бы подумать, что Магоммедъ былъ добрый мужъ, добрый отецъ, человѣколюбивый господинъ, словомъ, образецъ древнихъ патріарховъ; но я уже имѣлъ довольно опытности, чтобъ не судить по одной наружности, и дѣйствительно: едва-ли во всей Сагарѣ было человѣческое существо, равняющееся въ злости съ Могаммедомъ!

Разсказъ плѣна моего, въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, былъ бы для читателей утомителенъ; притомъ онъ не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Обязанности мои состояли въ томъ, чтобъ пасти верблюдовъ, водить ихъ на холмы глодать кустарникъ, и набирать коренья, годные въ пищу. Что́ касается до правъ и привиллегій, онѣ ограничивались тѣмъ, что я могъ спать внѣ палатокъ, подвергаться песчаному вѣтру и холоднымъ ночнымъ росамъ, употреблять въ пищу, однажды въ день, отвратительные остатки отъ обѣда черныхъ невольниковъ, которыхъ, натурально, предпочитали каффиру.

По счастливому моему характеру, я терпѣливо переносилъ всѣ страданія и лишенія. Правда, что я очень исхудалъ; но зато мои мускулы, казалось, еще болѣе окрѣпли. Я могъ легко сносить усталость, голодъ и жажду. Успѣхи мои въ туземномъ языкѣ были также очень быстры.

Недоставало только случая осуществить давно роившіеся въ головѣ моей планы. Часто случалось мнѣ уводить верблюдовъ на два дня ходу, гдѣ бѣдныя животныя питались кустарникомъ. Бродячая, степная жизнь верблюдника дозволяла мнѣ на свободѣ обдумывать, какимъ путемъ должна была слѣдовать Калула, и какъ я могъ съ нею соединиться. Прислушиваясь иногда къ разговорамъ арабовъ, я собралъ много полезныхъ свѣдѣній о великой песчаной пустынѣ.

Одно изъ важныхъ, по вліянію своему, знаній, которое я хотѣлъ себѣ усвоить, заключалось въ искусствѣ писать чары, для излеченія болѣзней и предохраненія носящаго ихъ отъ всякой напасти. Эти чары, или арабскіе талисманы, нисколько не походили на фетиши конгскихъ негровъ. Они состояли изъ стиховъ корана, написанныхъ на лоскуткахъ бумаги, или начертанныхъ мѣломъ на маленькихъ дощечкахъ, которыя на себѣ носятъ. Въ случаѣ болѣзни, смываютъ начертанное, и паціентъ пьетъ эту самую воду, съ вѣрою въ пророка.

Такъ-какъ я не зналъ ни читать, ни писать по-арабски, то принялся просто копировать эти чары, затверживая въ памяти изображенія буквъ, которыя по первому востребованію могъ написать, разумѣется, безъ всякаго смысла, что́ придавало имъ впрочемъ еще болѣе цѣны. Между-

тѣмъ, въ ожиданіи, я старался какъ можно менѣе быть полезенъ арабамъ, чтобы кромѣ должности верблюдника, они ничего болѣе отъ меня не требовали. Эта тактика была однакожъ не безъ опасности; однажды я подслушалъ, что Могаммедъ, недовольный моею службою, проговаривалъ о продажѣ меня на соляныя копи, близъ Квале, гдѣ, вѣроятно, находился и бѣднякъ Томпсонъ. Это предположеніе одобрено было многими изъ друзей его, и въ особенности старымъ дервишемъ, который не могъ простить мнѣ тщетныхъ усилій своихъ къ обращенію меня въ мусульманство. Этотъ человѣкъ ни къ чему не годенъ, говорилъ онъ, — у него дурной глазъ!

Я воспользовался этимъ предувѣдомленіемъ, твердо рѣшась избѣгнуть работы на соляныхъ копяхъ, откуда, при строгомъ надзорѣ, убѣжать было невозможно.

II.

Однажды, вечеромъ, находясь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нашего стана, я замѣтилъ на горизонтѣ черную точку, въ которой зоркій глазъ мой тотчасъ узналъ верблюда. Я сначала подумалъ, что на немъ есть всадникъ, и что это долженъ быть передовой, за которымъ слѣдуютъ къ намъ гости; но всматриваясь хорошенько, удостовѣрился, что верблюдъ былъ одинъ безъ всадника. Я тотчасъ побѣжалъ къ нему изъ всей мочи; верблюдъ меня поджидалъ, всталъ на колѣни и я вскочилъ къ нему на спину. Бѣдное животное казалось очень уставшимъ и терпѣло отъ жажды, однакожъ скорость, съ которою, по данному знаку, верблюдъ побѣжалъ ровнымъ, длиннымъ и совершенно спокойнымъ шагомъ въ сравненіи съ неправильнымъ качаніемъ и тряскою обыкновеннаго верблюда, показывало, что это животное принадлежитъ къ породѣ дромадеровъ чистой крови, которые такъ цѣнятся арабами.

Прежде чѣмъ возвратился въ нашъ станъ, я имѣлъ предосторожность остановить дромадера и спрятать мѣшокъ съ финиками, висѣвшій на лукѣ сѣдла, въ мѣсто, гдѣ уже хранились у меня разныя вещи, которыя въ скорости могли мнѣ понадобиться, какъ-напримѣръ, кожанный мѣхъ, деревянная чаша, мѣшокъ съ мукой, и т. п.

Было уже темно, когда я воротился въ станъ и соскочилъ съ верблюда. Бо́льшая часть арабовъ отправилась въ какую-то экспедицію, остальные, въ томъ числѣ и Могаммедъ, тотчасъ меня окружили.

— Ты хорошо сдѣлалъ, Рума! сказалъ мнѣ Могаммедъ, что привелъ къ намъ этого бѣднаго верблюда, потерявшаго своего хозяина, мы

побережемъ его: потеря одного составляетъ выгоду другаго! Но посмотримъ нашу находку.

Обозрѣніе моей находки началось при свѣтѣ факеловъ. Множество голосовъ тотчасъ воскликнуло: это гери! гери! Могаммедъ впервые показалъ, что мною доволенъ. Но не мѣшаетъ здѣсь изъяснить, что гери, или мегари есть родъ дромадеровъ, знаменитѣйшихъ во всей пустынѣ по изумительной быстротѣ ихъ бѣга и перенесенію усталости. Такой породы дромадеръ на столько разнится отъ обыкновеннаго верблюда, на сколько скаковая лошадь отъ извозной. Но и между этими избранными животными существуетъ большая разность, смотря по ихъ породѣ и по особенностямъ сложенія. Низшей степени гери, называемые «Talayeh», въ одинъ день проходятъ втрое болѣе противъ обыкновеннаго верблюда, и именно до шестидесяти миль въ сутки, и притомъ могутъ такъ идти нѣсколько дней сряду. Второй степени, называемые «Sebay», могутъ въ сутки пройти до ста-двадцати миль. Наконецъ, самые превосходнѣйшіе, къ которымъ принадлежалъ и мой гери, могутъ пробѣжать въ день до ста-шестидесяти миль! Такіе дромадеры, натурально, очень рѣдки и стоятъ въ двадцать разъ дороже обыкновеннаго верблюда. Можно представить себѣ радость Могаммеда!

Хозяева столь драгоцѣннаго животнаго конечно будутъ искать его, почему и стали разсуждать о средствахъ къ скрытію находки. Совѣщаніе не было еще кончено, какъ двое изъ нашихъ всадниковъ прискакали отъ колодцевъ агедскихъ. Они не очень удивились, видя новаго дромадера, потому-что встрѣтили хозяина его въ сопровожденіи большой толпы пріятелей у колодцевъ, гдѣ онъ объявилъ о своей потерѣ и рѣшился искать своего гери во всѣхъ закоулкахъ оазиса Квале.

— Да изострить Господь его зрѣніе! сказалъ Могаммедъ, и позвалъ своихъ женъ: — Сельма! Фатима! принесите финиковъ и кожаный мѣхъ съ водою; живѣе! Сюда, Рума! сюда, Шуншу! Садитесь на дромадера и ступайте въ то ущелье, гдѣ мы намедни отыскали потеряннаго верблюда, а я вслѣдъ за вами туда буду.

Гери сталъ на колѣни, и мы на него сѣли. Такъ-какъ я долженъ былъ имъ управлять, то и занялъ почетное мѣсто, положивъ ноги на его шею, а Шуншу, маленькій, черный, кривой невольникъ, сѣлъ позади горба, ухватясь за его хохолъ.

Приближась къ тому мѣсту, гдѣ скрыты были мои вещи и провизія, я вынулъ ихъ оттуда, къ крайнему удивленію Шуншу.

— А! Рума! закричалъ онъ,—какой-же ты знатный воръ! Но зачѣмъ все это тебѣ нужно?

— Увидишь, негритенокъ! отвѣчалъ я, привязывая къ сѣдлу ма

ленькій мѣшокъ съ мукой, мѣшокъ съ финиками и мѣхъ изъ козлиной кожи. Ну, садись же, пострѣлъ. Видишь-ли тамъ верблюжьихъ самокъ; сторожъ ихъ вѣрно спитъ за какимъ-нибудь колючимъ кустарникомъ, не надо пропускать случая ихъ подоить.

Я далъ Шуншу деревянную чашу, а самъ принялся доить верблюжьихъ самокъ въ кожаный мѣхъ. Негритенокъ думалъ, что все это дѣлается единственно для прохлажденія насъ; но когда его чаша наполнилась молокомъ, я вылилъ его въ мой кожаный мѣхъ, и велѣлъ ему снова начинать. — Что скажетъ Могаммедъ? вскричалъ Шуншу: — да онъ переломаетъ намъ кости!

— Объ этомъ не безпокойся, отвѣчалъ я.

Черезъ часъ, благодаря скорости гери, мы достигли ущелья, между невысокими скалами, составляющаго какъ бы преддверіе къ пространной степи сыпучихъ песковъ.

Когда мы проѣхали ущелье, Шуншу закричалъ изъ всей мочи:

— Остановись, Рума! мы должны тутъ остаться. Остановись же невѣрная собака! остановись, каффиръ! остановись, сынъ сатаны! Развѣ ты хочешь скакать чрезъ пустыню?

Видя, что я никакого не обращаю вниманія на крикъ его, негритенокъ соскочилъ на землю; но въ ту же минуту я заставилъ дромадера преклонить колѣни, и велѣлъ Шуншу сѣсть на прежнее мѣсто, махая надъ его головою палкою, которую взялъ на случай надобности погонять гери.

— Могаммедъ все узнаетъ, сынъ сатаны!

— Ты обманываешься, негритенокъ, я самъ сатана. Ну, садись же скорѣе, иначе будетъ худо. И не ожидая отвѣта, схватилъ его за шею, и посадилъ на старое мѣсто. Теперь, смотри, ни гугу, а нето такъ на тебя взгляну, что сейчасъ оборотишься въ обезьяну.

Шуншу при такомъ превращеніи проигралъ бы немного, однако очень струсилъ.

Отъѣхавъ миль двѣнадцать отъ ущелья, я остановился, соскочилъ съ гери, и велѣлъ сдѣлать то же Шуншу. Я налилъ въ деревянную чашу до самаго края воды съ молокомъ, всего кружки полторы, и бросивъ туда горсть мукй заставилъ пить негритенка. Но, видно, трусость превышала обычное его прожорство, онъ глотнулъ раза два, и отдалъ назадъ чашу.

— Пей все, сказалъ я,—дѣлай и теперь такъ же, какъ ты дѣлалъ прежде, когда давали намъ что-нибудь вмѣстѣ. Пей все, тебѣ предстоитъ длинная дорога!

— Именемъ пророка, отвѣчалъ Шуншу, скажи мнѣ Рума, куда

ведешь меня? Вернемся назадъ, передъ нами пустыня на сорокъ дней ходу; мы пропали, если пустимся далѣе: я не скажу ни слова Могаммеду, увѣряю тебя.

— Можешь говорить Могаммеду все, что тебѣ угодно; но возьми еще вотъ эти финики, и заверни ихъ во что-нибудь. Теперь я сдѣлалъ все, что могъ, выпутывайся далѣе самъ, какъ знаешь. Чтобъ достигнуть до ущелья, ступай все прямо. Натурально, дойдешь туда очень усталый; но въ ущельи можешь, свернувшись, выспаться досыта. На слѣдующій день, ты отправишься въ станъ и достигнешь его, если будешь идти не лѣнясь, къ ночи; поклонись отъ меня Могаммеду, и скажи ему, что если хочетъ меня видѣть, то найдетъ въ Свейрахѣ, что отказавшись меня туда доставить, онъ лишился порядочнаго выкупа. Прощай же, черный дружокъ Шуншу!

Сдѣлавъ еще разъ прощальный знакъ рукою черному уродцу, окаменѣлому отъ удивленія, и поправившись на сѣдлѣ, я сказалъ только одно слово лихому моему гери, и онъ пустился такимъ шагомъ, что самый лучшій рысакъ не могъ бы полчаса за нимъ слѣдовать. Вмѣсто того, чтобъ продолжать мой путь на сѣверъ, лишь-только я потерялъ Шуншу совсѣмъ изъ виду, повернулъ на востокъ. Я хотѣлъ увѣрить негритенка, а съ нимъ вмѣстѣ и Могаммеда, что бѣгство мое направлено въ Свейрахъ, или Могадоръ, то-есть къ южной границѣ Марокко, и такимъ-образомъ скрыть мои слѣды отъ погони. Я намѣревался пуститься въ средину пустыни, отдаваясь на волю Провидѣнія. Если въ книгѣ судебъ написано было встрѣтиться мнѣ съ Калулой, электрическій токъ возстановится между нами, и мы, несмотря ни на какія препятствія, соединимся. Теперь я могъ воспользоваться географическими свѣдѣніями о внутренности Африки, которыя удалось мнѣ почерпнуть и запомнить изъ чтенія разныхъ утешествій, и въ особенности совершенныхъ моими соотечественниками, пускавшимися, въ эту таинственную землю. Но болѣе всего я боялся попасть опять въ руки моихъ хозяевъ Гамета и Могаммеда. Въ самой пустынѣ, я могъ встрѣтиться съ большими караванами, и еслибъ не возможно мнѣ было исполнить даннаго слова—достигнуть Фрамацугды, я могъ съ караванами дойти до Алжира, Туниса, Триполи, или даже до Каира.

Но душа моя все рвалась въ пустыню. Мнѣ кажется, что я выросъ на нѣсколько локтей, когда, подобно героямъ Гомера, сказалъ маленькую привѣтственную рѣчь моему дромадеру. Находясь среди пустыни, чувствуешь какое-то упоеніе.... Меня отвсюду окружала пустыня, подобно тому, какъ бывало море, по которому нѣсколько дней я носился одинъ на разбитомъ днищѣ. Но какая разность между двумя стихіями!

Тамъ я былъ игралищемъ океана, рабомъ случая; здѣсь, напротивъ, я вызывалъ на бой пустыню, самъ готовъ былъ съ ней сразиться.

Быстрота бѣга моего гери воспламеняла мое воображеніе. Проскакавъ десять миль на дромадерѣ, невольно стремятся мысли къ безпредѣльному до такой степени, что рѣдко случается испытывать подобное человѣку среди обыкновенной его жизни! На лошади можно скакать быстрѣе, но только недолго; скоро начинаешь чувствовать сожалѣніе къ усталости и истощенію бѣднаго животнаго. На пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ гораздо скорѣе путешествуютъ, но только по прямымъ, напередъ опредѣленнымъ линіямъ; путешественникъ чувствуетъ себя какъ бы плѣнникомъ, не господиномъ, а рабомъ слѣпой, грубой силы. На гери, среди великой пустыни, подобныя ощущенія для васъ недоступны; вамъ нечего бояться за своего бѣгуна, лишь бы сами были его достойны. «Я могу назвать себя человѣкомъ», говорилъ одинъ хвастливый бедуинъ, «потому-что могу недѣлю не сходить со спины гери». Въ свою очередь, и я думалъ попытаться сдѣлать то же. Стянувъ подпруги, закрывъ лицо складками гаика, чтобъ защитить себя отъ песчанаго вѣтра, я пустилъ моего гери летѣть по его волѣ.

Къ ночи мы достигли до одной котловины, гдѣ росло немного кустарника: это былъ самый дальній выступъ оазиса. Я рѣшился тутъ ночевать и дать товарищу моему поглодать послѣднія листья, которыхъ онъ не найдетъ, конечно, въ-теченіе многихъ дней.

Когда стало разсвѣтать, мы давно уже были въ дорогѣ, и покрайней-мѣрѣ на цѣлый часъ пути отъ песчаной котловины, гдѣ, наканунѣ, ночевали съ гери.

Скоро сумерки уступили мѣсто полному сіянію солнца; оно взошло не какъ радостный женихъ, которому уподобляютъ его иногда поэты, а скорѣе походило на стараго кутилу, съ пылающимъ лицомъ отъ ночной оргіи.

Съ восходомъ солнца поднялся и вѣтеръ; онъ засыпалъ мое лицо острыми песчинками. Я утѣшалъ себя тѣмъ, что по-крайней-мѣрѣ онъ скроетъ слѣды мои, если Могаммедъ вздумаетъ пуститься въ погоню. Песокъ хлесталъ меня не только отъ вѣтра, но и отъ быстроты бѣга, почему я и долженъ былъ нѣсколько разъ умѣрять скорость моего гери, и даже иногда останавливать его и оборачиваться назадъ, чтобъ избѣгнуть настоящихъ песчаныхъ шкваловъ.

По-мѣрѣ того, какъ день подвигался впередъ, скопленіе солнечныхъ лучей превращало обнаженную степь и песчаную атмосферу какъ бы въ раскаленную печь. Не знаю почему, я въ это время мечталъ о льдахъ и снѣгахъ Сѣверной-Америки!

Въ эту минуту что́-то хрустнуло подъ ногами гери: это былъ скелетъ верблюда, почти занесенный пескомъ. Бѣдное животное, вѣроятно, погибло, можетъ-быть и съ всадникомъ, отъ жара, жажды и истощенія.— Печальное предзнаменованіе, скажутъ мнѣ.... правда, но жребій мой былъ брошенъ, вернуться назадъ было невозможно.

Къ ночи вѣтеръ совсѣмъ утихъ; но несмотря на совершенное безвѣтріе, воздухъ напитанъ былъ песчинками, столь тонкими, что онѣ могли, по закону тяжести, не падать. Небо надъ нашими головами имѣло необычайный пурпуровый цвѣтъ; воздухъ, насъ окружавшій, близъ поверхности земли, по странному явленію, принималъ фантастическіе виды, свойственные странамъ туманнымъ. Солнце продолжало спускаться къ горизонту, и прежде захожденія слилось какъ бы со стѣною изъ красной мѣди, которая со всѣхъ сторонъ ограничивала наше зрѣніе.

Мы провели вторую ночь, подобно первой, на гладкой равнинѣ, если можно такъ назвать Великую-Сагару. Я не дозволилъ себѣ употребить и половины кружки воды съ молокомъ, но не могъ удержаться, чтобъ не обмыть водою ноздрей гери, и не дать ему немного проглотить этой живительной влаги. По моему разсчету, мы пробѣжали въ этотъ день девяносто миль, могли бы, не смотря на вѣтеръ, сдѣлать еще двадцать или тридцать миль, но удалясь довольно далеко уже отъ оазиса, я сберегалъ силы моего товарища, чтобъ онъ могъ сохранить свой бѣгъ надолжайшее время.

Съ ранняго утра мы пустились опять въ путь. Время походило на вчерашнее, только вѣтеръ былъ не такъ силенъ; по-временамъ была даже совершенная тишь. Видъ солнца также разнился отъ вчерашняго. Песчаные холмы были пониже, кремни и каменные обломки попадались чаще. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на поверхности почвы сталъ показываться темный гранитъ, иногда ровными пластами, а иногда въ видѣ неправильныхъ остроконечностей и зубчатыхъ гребней, вышиною отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ. Я встрѣтилъ также нѣсколько скелетовъ верблюдовъ и другихъ звѣрей ; видѣлъ огромную змѣю, ползущую чрезъ скалы, къ которой не заблагоразсудилъ однакожъ приближаться;— она, казалось, еще болѣе меня боялась.

Ночь опять провели въ пустынѣ. Въ этотъ день пробѣжали около ста миль. Вѣтеръ задувалъ только по-временамъ, въ воздухѣ была тяжесть, которую скорѣе надо было приписать находящемуся въ немъ электричеству, нежели перемѣнѣ погоды. Нѣсколько часовъ гремѣлъ громъ; можно было подумать, что пойдетъ дождь; но прежде разсвѣта всѣ признаки дождя исчезли.

Четвертый день прошелъ, не представляя ничего замѣчательнаго. Но

нельзя было безъ особаго уныніи смотрѣть на небо въ минуту захожденія солнца, скрывшагося за песчаными холмами на западѣ. Невозможно найти словъ къ описанію этой сцены и моихъ чувствованій! Пусть читатель представитъ себѣ состояніе человѣка, заключеннаго подъ огромнѣйшимъ колоколомъ до красна раскаленной мѣди. Мой бѣдный гери, кажется, также чувствовалъ вліяніе атмосферы. Когда мы остановились для отдыха, пробѣжавъ еще сто миль, я испугался, замѣтивъ въ немъ нетерпѣніе и небывалую раздражительность.

По моему исчисленію, я уже удалился отъ селенія Сиди-Могаммеда почти на восемьсотъ миль, былъ недалеко отъ дороги, по которой обыкновенно слѣдуютъ караваны изъ Томбукту въ Таффалетъ марокскій, и на три дня обыкновеннаго ходу, или на шестьдесятъ миль отъ города Тудене, близъ котораго существуютъ соляныя копи и знаменитые колодцы телегскіе. Къ югу долженъ былъ находиться городъ Ель-Аруанъ, на пять или шесть дней ходу. Къ востоку, на такомъ же разстояніи, оазисъ Мабева и къ сѣверо-западу Ель-Кабла. Изъ этого видно, что я довольно хорошо зналъ географію Великой Пустыни; по-крайней-мѣрѣ, въ настоящемъ положеніи, я былъ убѣжденъ, что въ окружности, отстоящей отъ меня на радіусъ пятидесяти миль, должны были находиться подобныя мнѣ существа.

Однакожъ ни въ пятый, ни въ шестой день, я никого и ничего не встрѣтилъ.

Седьмой день начался съ самыми мрачными, угрожающими предзнаменованіями! Вскорѣ послѣ восхожденія солнца насталъ сильный вѣтеръ, поднимая песокъ и крутя его вихремъ по пустынѣ. Но мы все еще держались съ отважнымъ гери. Спустя нѣсколько часовъ, солнце совсѣмъ скрылось, горизонтъ также сдѣлался невидимъ. Необыкновенныя движенія гери показывали, что и онъ чувствуетъ надобность въ остановкѣ. Такъ-какъ я теперь ѣхалъ впередъ единственно для того, чтобъ встрѣтиться съ путешественниками; но въ такое время нельзя ихъ было замѣтить и въ десяти шагахъ, то я и рѣшился остановиться, Не было ни холмика, ни камня, ни кустарника для нашего пріюта, и такъ мы оба легли на песокъ. Я свернулся, какъ могъ, имѣя въ бѣдномъ гери единственную защиту отъ вѣтра.

Между-тѣмъ вѣтеръ не унимался, песчаныя тучи болѣе и болѣе сгущались. Въ короткое время, возлѣ насъ, насыпался песчаный холмъ въ нѣсколько футовъ вышины; чтобъ не задохнуться, мы съ трудомъ изъ него выбрались. Прижавшись къ гери и не выпуская изъ рукъ повода, я только дернулъ его, какъ гери всталъ, качаясь подобно кораблю, зали-

ваемому волнами; сбросивъ съ себя песчаную массу, онъ опять легъ на землю.

Слабый, едва замѣтный дневный свѣтъ потухъ, наступила темная ночь; ураганъ все не унимался. Напослѣдокъ стало разсвѣтать; песокъ попрежнему крутился вихремъ, вѣтеръ ревѣлъ — какъ рыкающій левъ! Цѣлыя сутки у меня не было во рту капли воды! Съ зажмуренными, поневолѣ, глазами, я ощупью сыскалъ мой мѣхъ, открылъ его и выпилъ полкружки съ моимъ гери, которому обмылъ ноздри. Вода видимо испарялась отъ чрезвычайно разгоряченнаго воздуха!... и я шепталъ: Господи! Ты въ десницѣ Своей держишь вѣтры! Спаси меня! спаси меня!

Не смотря на порцію воды, которую я дозволилъ себѣ выпить, жажда все болѣе и болѣе меня мучила; я чувствовалъ совершенный упадокъ силъ ... почти задыхался. Глухой стонъ товарища моего увеличивалъ мои страданія, я страшился потерять моего гери, а съ нимъ и послѣднее средство къ спасенію.

Наконецъ направленіе вѣтра перемѣнилось, но до половины утра, сила его не ослабѣвала. Къ полудню вѣтеръ сдѣлался полегче, и вскорѣ потомъ настала совершенная тишь. Читатель пойметъ, въ какомъ я былъ положеніи, когда выйдя изъ моей подвижной могилы, могъ снова смотрѣть на небо и горизонтъ. Я протеръ себѣ глаза и уши, выпилъ порядочную порцію воды съ молокомъ, и нѣсколько разъ вдохнулъ въ себя сравнительно чистаго воздуха! Товарищъ мой тоже ослабъ, несмотря на рѣдкую его терпѣливость; оказавъ ему такія же услуги, и давъ выпить кружку воды, я съ удовольствіемъ видѣлъ, что гери мой ободрился и готовъ былъ пуститься въ дальнѣйшій путь.

Къ сѣверу начали показываться небольшія возвышенія. Я направилъ, было, туда нашъ путь, но гери упорно обращалъ свою голову къ юго-востоку. Вспомнивъ разсказы арабовъ о чудномъ инстинктѣ верблюдовъ открывать воду на далекомъ разстояніи, я предоставилъ ему идти по волѣ. Часа три гери бѣжалъ по песчанымъ холмамъ, не быстрымъ, но ровнымъ шагомъ; кромѣ разорваннаго и разбросаннаго вѣтромъ терновника, мнѣ ничего не встрѣчалось. Оставался часъ до захожденія солнца; я совершенно изнемогъ и не могъ долѣе держаться на сѣдлѣ.

Выбравъ мѣстечко для отдыха, я соскочилъ на землю. Вообразите мое отчаяніе, когда гери, выдернувъ изъ рукъ моихъ поводъ, бросился бѣжать во всю рысь. Съ нимъ улетѣла и послѣдняя надежда, поддерживавшая меня при всѣхъ испытаніяхъ въ этомъ путешествіи! Съ отчаяніемъ, собравъ послѣднія силы, я бросился бѣжать за гери. Но вдругъ онъ исчезъ; между-тѣмъ ничто не могло его заслонить, гори-

зонтъ былъ чистъ отвсюду. Я не могъ понять, куда онъ могъ скрыться; но въ ту же минуту очутился я на берегу оврага глубиною футовъ на тридцать и пространствомъ, примѣрно, въ десять акровъ. Гери медленно шелъ по дну врага, протянувши шею и нюхая землю. Въ мгновеніе ока, я былъ подлѣ него; поймавъ поводъ, я для осторожности спуталъ имъ переднія его ноги. Потомъ, сѣвши на землю, чтобъ перевести духъ, старался разгадать шалость благороднаго гери. Вѣрно тутъ вода, подумалъ я; наконецъ свѣжіе слѣды верблюдовъ совершенно меня въ этомъ убѣдили.

По нѣкоторымъ признакамъ, въ особенности по движеніямъ умнаго животнаго, вода должна была находиться подъ невысокимъ сводомъ скалъ. Солнце еще было надъ горизонтомъ; хотя косвенные лучи его и не достигали до дна оврага, но все еще довольно было свѣтло. Я сталъ розыскивать, и вмѣсто лопатки употребилъ въ дѣло деревянную чашу. Лишь только я разрылъ песокъ на полтора фута въ глубину, вдругъ брызнула вода и стала бить ключомъ.

Вполнѣ освѣжившись съ моимъ гери, мы заснули глубокимъ сномъ подлѣ воды — настоящаго сокровища пустыни!

III.

На другой день всѣ скорби были забыты. Куда же пойдемъ теперь? говорилъ я моему гери, привыкнувъ подобно арабу разговаривать съ своимъ бѣгуномъ. Куда пойдемъ теперь, любимое дитя пустыни, легчайшее птицы? — Избирай самъ путь. Твои быстрыя ноги уничтожаютъ время и пространство! Впередъ! впередъ, мой гери!

Прошло три часа. Я безпрестанно смотрѣлъ въ даль; на горизонтѣ ничего не было видно, рѣшительно ничего. Только появленіе терновника, да кустарниковъ развлекали моего товарища. Послѣ многихъ колебаній, не знаю по какому инстинкту, я направилъ нашъ путь къ востоку, несмотря на зловѣщихъ вороновъ, которые надъ нашими головами неслись въ ту же сторону. Эти странные путеводители не замедлили открыть мнѣ ужасное зрѣлище, цѣлый караванъ засыпанъ былъ глыбами песку, отъ котораго мы, какъ бы чудомъ какимъ, избавились.

Подобно ворону, и я воспользовался этой добычей. Одинъ изъ верблюдовъ навьюченъ былъ разными матеріями, фесками и гаиками изъ тончайшихъ тканей, которыми такъ славятся марокканцы. Я взялъ также нѣсколько связокъ коралловыхъ ожерельевъ, амбру, стеклянныя вещицы, два зеркальца, ящичекъ съ испанскими ножами и маленькій мѣшочекъ, на-

полненный дублонами. Но самая лучшая для меня находка состояла въ шести парахъ пистолетовъ, двухствольномъ ружьѣ, порохѣ, дроби и пуляхъ; владѣтель ихъ, можетъ-быть, такой же, какъ и я, искатель приключеній, похороненъ былъ въ сугробахъ песку, изъ котораго показывалась одна только нога. Казалось, что это бѣдствіе случилось недавно. Я вспомнилъ поговорку моего послѣдняго хозяина: «несчастіе одного составляетъ счастіе другаго!» Въ эгоизмѣ моемъ, я принялъ все это за добрый для себя признакъ, и не сомнѣвался болѣе въ успѣхѣ рыцарскаго моего предпріятія.

Къ вечеру мы достигли до подошвы хребта скалистыхъ высотъ, на которыя я и взошелъ, чтобъ разсмотрѣть окружающую меня мѣстность. Подъ защитою этихъ скалъ простиралась обширная, волнообразная равнина, покрытая терновникомъ и колючимъ кустарникомъ. Кое-гдѣ росли акаціи и тощія финиковыя пальмы, и междутѣмъ, эта равнина представлялась мнѣ живописнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ! Я такъ восхищенъ былъ всѣмъ, что̀ видѣлъ, что̀ сначала не замѣтилъ лежащаго почти подъ ногами моими селенія, состоящаго изъ дюжины палатокъ. Въ то же время я увидѣлъ много верблюдовъ и стадо пасущихся козъ.

Я поспѣшилъ къ моему гери, и зарывъ у подошвы одной примѣтной скалы болѣе цѣнныя изъ моей находки вещи, кромѣ, однакожъ, двухствольнаго ружья, которое оставилъ для своей защиты, я спустился поузкому между скалами проходу на равнину, и очутился передъ деревней, стараясь придать себѣ сколь можно болѣе важный видъ.

Соблюдая обычаи арабовъ, я остановился шагахъ во ста отъ селенія, и сойдя съ гери, ожидалъ, пока не замѣтитъ меня шейкъ деревни. Я недолго ждалъ: старецъ съ бѣлою бородою, покрытый зеленымъ гаикомъ, подошелъ ко мнѣ,—шагахъ въ двухъ онъ, въ свою очередь, остановился, и внимательно осмотрѣвъ меня, привѣтствовалъ: «Salam aileikum?» Я отвѣчалъ ему: «Aileeum essalam!»—Есть-ли миръ между-нами?—Да, между нами есть миръ!

Мы поздоровались, какъ водится въ пустынѣ, и приближась другъ къ другу, хотѣли поцѣловать одинъ у другаго руку, которую каждый успѣлъ отдернуть, какъ того требовала утонченная учтивость. Вѣроятно, мой новый гаикъ и ружье много способствовали такому почетному пріему. Наконецъ мнѣ удалось схватить край его гаика и поднести къ моимъ губамъ, чѣмъ и кончилась эта церемонія.

Послѣ сего начались обыкновенныя между арабами вступленія къ разговору. Какъ вы поживаете? Что̀ подѣлываютъ западные люди? Какъ здравствуетъ господинъ нашъ Мулей-Абдергаманъ? этого комплимента

арабъ пустыни никогда не забываетъ въ отношеніи къ повелителю Марокко; но это и составляетъ единственную дань, которую онъ ему платитъ.

Али-бенъ-Гаммедъ,—имя шейка,—повелъ меня въ деревню, и представилъ своимъ сыновьямъ, которыхъ насчиталъ я съ дюжину. Исторія, которую я имъ разсказалъ про себя, была очень краткая. Я принадлежалъ къ племени Бени-Зебисъ, сосѣдственному къ мысу Баядору, и остался почти одинъ въ живыхъ изъ цѣлаго семейства, истребленнаго другимъ, враждебнымъ нашему, изъ племени Бени-Зошъ. Вендетта, какъ извѣстно, есть одно изъ самыхъ ядовитыхъ растеній, процвѣтающихъ въ пустынѣ, и я блистательно отмстилъ за смерть своихъ, убивъ моего непріятеля, его женъ, дѣтей, верблюдовъ, и проч., и проч., что и заставило меня бѣжать.

Али похвалилъ предъ всѣми своими мое мужество и мщеніе. Онъ просилъ меня считать его палатку моею, и сказалъ, что эта страна называется Уадди-Мессисъ, что въ ней довольно деревень, въ которыхъ живетъ его поколѣніе. Я узналъ еще, что мой хозяинъ былъ шерифъ и гаджи, другими словами, потомокъ пророка и поклонникъ Мекки. Вообще наружность старика была по мнѣ, но многіе изъ его сыновей и родныхъ имѣли видъ звѣрскій.

Вечеромъ жены Али приготовили намъ большое блюдо кускуссу, въ которое и я не изъ послѣднихъ опускалъ руку. Чрезъ нѣсколько минутъ глаза мои, также какъ у Али и у многихъ его сыновей, сомкнулись, мы всѣ заснули въ палаткѣ. Я видѣлъ во снѣ Калулу, видѣлъ мою мать, которая, по смерти своей, всегда являлась мнѣ во снѣ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ моей жизни. Я проснулся разстроганнымъ, но сонъ опять овладѣлъ мною; я опять видѣлъ Калулу, и въ ту минуту, какъ бралъ ее за руку, еще разъ проснулся. Такое волненіе было необыкновенно, и не могло происходить отъ кускуссу, тѣмъ болѣе, что въ пустынѣ я пріучилъ желудокъ свой ко всему не хуже страуса. Не было-ли это предчувствіемъ какого-нибудь большаго счастія или несчастія?

— Положимъ, скорѣе несчастія, говорилъ я самъ себѣ, и удостовѣрился, что оружіе подлѣ меня цѣло. Я старался держать себя поодаль отъ другихъ, къ сторонѣ палатки, несмотря на вѣру мою въ арабское гостепріимство; палатка эта была раздѣлена на двѣ половины большою занавѣсью, за которою помѣщались женщины.

Вдругъ я слышу легкій шумъ, шелестъ; вижу, какъ только можно видѣть въ неполной темнотѣ, что кто-то ползкомъ крадется ко мнѣ.

Видѣлъ или слышалъ, не могу сказать утвердительно, — идеи мои были смутны, усталость потемнила чувства. Можно представить себѣ

мое смущеніе. Ужъ не попался-ли я въ шайку усыпителей, арабскихъ туговъ? Кричать — значило показать себя трусомъ, значило — погибнуть. Я рѣшился ждать, и взялъ въ правую руку кинжалъ, который успѣлъ обнажить, чтобъ быть готовымъ отразить нападеніе... какъ почувствовалъ прикосновеніе нѣжной руки къ лѣвому плечу моему, рука скользила по моей, и тихонько пожала своими маленькими пухленькими пальчиками мою руку. Не сбылся-ли мой сонъ? Не Калула-ли это? Нѣтъ, она произнесла бы мое или свое имя. Разувѣренный въ этой мечтѣ, я подумалъ о младшей женѣ Али, которой черные глаза не покидали меня во весь вечеръ.

Я отвѣчалъ на легкое пожатіе руки, которымъ хотѣли удостовѣриться, что я не сплю, и послѣ арабскаго—тсъ... тише... нѣсколько разъ повторенныхъ, мнѣ сказано было шепотомъ на ухо:

— Странникъ, Гассанъ съ братьями рѣшились тебя убить. Остаются два средства къ спасенію... Отдай Али—твоего гери и Гассану—ружье; или пользуйся минутой, когда я постараюсь ихъ отъ тебя отвлечь, садись на твоего гери, и бѣги на ту сторону горъ. Я дамъ тебѣ знакъ...

Послѣ этого совѣта, невидимая покровительница скрылась, оставя меня въ сомнѣніи, на яву или во снѣ все это было.

Когда насталъ день, мы обмѣнялись взорами съ молодой женой Али. Я понялъ, что мнѣ угрожаетъ опасность; но въ то же время видѣлъ и обѣщаніе на великодушную помощь.

Моя покровительница указала мнѣ два средства къ спасенію, я нашелъ третье—отвлечь отъ себя жадность арабовъ, давъ ей другое направленіе. Погребенный въ пескахъ караванъ могъ, какъ нельзя лучше, служить для этого; я согласился даже быть ихъ проводникомъ. Экспедиція продолжалась десять дней и увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; мы возвратились, обремененные добычею на двѣнадцати верблюдахъ и двадцати клячахъ, дѣлавшихъ однако жъ чудеса. Къ счастію, подобныя кораблекрушенія въ Сагарѣ случаются рѣже, чѣмъ на негостепріимныхъ ея берегахъ.

Пребываніе мое въ деревнѣ Али-бенъ-Гаммеда, шерифа и гаджи, продлилось долѣе, нежели я могъ предполагать. Хотя глаза моей покровительницы и не заставили меня позабыть Калулу, но я сталъ привыкать къ вольной жизни арабовъ. Сопровождая моего хозяина въ его однодневныхъ и двухдневныхъ поѣздкахъ, я хорошо ознакомился съ страною. Между-тѣмъ я пріобрѣталъ уваженіе, какъ тибиб, или медикъ; я даже начиналъ быть извѣстенъ, какъ разсказчикъ, что было однако жъ для меня труднѣе, хотя и зналъ на память Тысячу и одну ночь.

Но постоянная мысль все влекла меня на югъ; мнѣ хотѣлось по-

бывать въ земляхъ негровъ, перейти хребетъ Джебель-Курми, арабское названіе Лунныхъ-горъ, и тамъ, на таинственныхъ возвышенностяхъ, искать родную землю Калулы. Бѣдное дитя! Достигла-ли она туда съ братомъ Енфадде? Достигнетъ-ли когда-нибудь? Соединенные Штаты Америки также приходили мнѣ на память; но сожалѣніе о родинѣ не сильно было потушить жажду мою къ новымъ приключеніямъ, желаніе мое увидѣть Калулу, и давнишнее, постоянное стремленіе идти по слѣдамъ моихъ соотечественниковъ, для изслѣдованія внутренности Африки! Можетъ-быть, и мнѣ удалось бы разрѣшить какую-нибудь изъ географическихъ проблемъ, надъ которыми такъ ломаютъ головы ученые люди.

Нѣсколько уже дней мы были у булагскихъ колодцевъ съ семействомъ Али и нѣкоторыми другими арабскими семействами. Наше сборище сдѣлалось довольно сильнымъ, и состояло изъ двухсотъ мужчинъ и женщинъ, и соразмѣрнаго числа дѣтей, пятисотъ верблюдовъ и сотни лошадей, не говоря уже о многочисленныхъ стадахъ козъ. Булагъ есть сборное мѣсто и главнѣйшій рынокъ оазиса. Тамъ существуетъ и школа, гдѣ учатъ дѣтей читать коранъ. Система ученія состоитъ въ повторительномъ произношеніи въ одинъ голосъ, какъ можно громче, какого-нибудь стиха изъ корана, написаннаго на доскѣ. Забавно было смотрѣть на пятьдесятъ или шестьдесятъ мальчиковъ, сидѣвшихъ на землѣ, поджавши ноги, съ дощечками въ рукахъ, качавшихся взадъ и впередъ, какъ будто бы наилучшее произношеніе слова зависѣло отъ бо́льшей или ме́ньшей гибкости спины.

Не менѣе я былъ удивленъ, найдя въ Булагѣ много ремесленниковъ. Ткачи дѣлали тонкія ткани изъ верблюжьей и козьей шерсти, которую пряли женщины. Кузнецы, безъ всякаго снаряда, съ маленькою жаровнею, наполненною углями, и маленькимъ раздувальнымъ мѣхомъ изъ двухъ пузырей, проворно и ловко ковали удила и разное желѣзо. Были также мастера, занимавшіеся изготовленіемъ золотыхъ и серебряныхъ вещицъ для женщинъ и украшенія уздечекъ.

Али-бенъ-Гаммедъ отрекомендовалъ меня всѣмъ арабамъ, собраннымъ въ Булагѣ, какъ искуснаго тибя, и дѣйствительно, я дѣлалъ чудесныя исцѣленія, посредствомъ моихъ чаръ, о которыхъ говорилъ выше, и состоявшихъ изъ стиховъ корана, которые зналъ наизустъ.

Но вотъ пришла къ Булагу важная новость. Одинъ караванъ отправился изъ Томбукту на сѣверъ, безъ предварительныхъ сношеній съ начальниками сосѣднихъ племенъ. На коня! на коня! раздавалось отъ одного конца оазиса до другаго. Всѣ всадники, на разстояніи ста миль, какъ истинные исмаильтяне, мигомъ слетѣлись на сборное мѣсто, чи-

сломъ до трехсотъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ, подъ начальствомъ Махмуда-Ебенъ-Дуда, старѣйшаго изъ всѣхъ шеиковъ этого племени.

Махмудъ считалъ себѣ болѣе девяноста лѣтъ отъ роду, а сидѣлъ на конѣ молодцомъ, какъ человѣкъ въ силѣ и цвѣтѣ лѣтъ; я не разъ удивлялся, какъ гарцовалъ онъ на своей лошади. Другіе шеики хотя и пользовались такою-же, какъ онъ, властію, но ему принадлежала честь давнишняго начальствованія.

Сборы наши скоро кончились, и послѣ трехдневнаго похода, въ продолженіе котораго мы хорошо знали, чрезъ своихъ лазутчиковъ, о направленіи каравана, мы достигли до береговъ одного оврага, гдѣ должны были скрыться.

На другой день, мы дѣйствительно тутъ остановились за песчаными холмами, отдѣлявшими насъ отъ каменистой равнины, простирающейся на нѣсколько миль. Солнце жгло насъ своими лучами, вихрь тончайшей пыли мѣшалъ намъ дышать, между-тѣмъ для меня чистый воздухъ составляетъ необходимѣйшую потребность! Нѣсколько фиников, справедливо между нами раздѣленныхъ, да глотка два воды, достаточны были для моихъ закаленныхъ, привычныхъ ко всякимъ лишеніямъ товарищей; то же самое и я волею—неволею раздѣлялъ съ ними. Впрочемъ, слишкомъ занятый предстоящимъ дѣломъ, въ которомъ долженъ былъ играть дѣйствующую роль, я и не думалъ о пищѣ. Вдругъ конные ведеты присоединились къ намъ; по данному знаку, мы сѣли на коней, и пошли косвеннымъ путемъ къ равнинѣ, отдѣлявшейся отъ насъ песчаными холмами, между коими наше войско извивалось. Шеикъ Махмудъ старался, сколь можно, скрыть наше движеніе, и гдѣ холмы были невысоки, всадники сходили съ лошадей и вели ихъ подъ узду.

Длинный песчанистый хребетъ съ выдавшимися скалами все еще прикрывалъ насъ, какъ завѣсою, когда мы подошли къ самой равнинѣ, протянувъ шею, можно уже было ее видѣть до самыхъ предѣловъ горизонта. Я взглянулъ налѣво, къ другимъ песчанымъ холмамъ, и увидѣлъ, что изъ-за нихъ выходитъ множество людей и верблюдовъ. Они не наблюдали въ своемъ ходѣ никакого порядка, и цѣлая колонна «кораблей пустыни» растянулась въ длину на двѣ и въ ширину на четверть мили. Опытный глазъ Махмуда тотчасъ угадалъ, что тутъ было тысячи полторы верблюдовъ и сотъ пять человѣкъ. Они шли медленно, и казалось, располагали на этой равнинѣ ночевать, хотя и слышно было монотонное пѣніе верблюдниковъ, ободрявшихъ усталыхъ животныхъ.

Въ эту минуту Махмудъ далъ сигналъ, и мы, бросясь густою массою на равнину, развернулись съ быстротою молніи въ колонну по два

человѣка въ шеренгѣ. Этотъ маневръ исполненъ былъ съ большою точностію и искусствомъ; сто-пятьдесятъ человѣкъ, вооруженные длинными ружьями, составляли переднюю шеренгу; прочіе имѣли только пики, которыми махая надъ своимъ головами, кричали изъ всей мочи «Аллахъ! Акбахъ! Ги! ги! ги! Послѣднимъ крикомъ возбуждали они лошадей. Но всѣ эти возбужденія подтверждали старинную пословицу: «тише ѣдешь, дальше будешь». Наши лошади, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, кружились на одномъ мѣстѣ. Впрочемъ это входило въ тактику нашего главнокомандующаго, который хотѣлъ дать время распространиться паническому страху, и возможность бѣжать всякому, кто хотѣлъ, для избѣжанія отчаянной битвы; тѣмъ болѣе, что мы добивались преимущественно добычи въ товарахъ и верблюдахъ.

Лишь-только воинственные крики раздались въ пустынѣ, весь караванъ остановился, какъ громомъ пораженный. Обманутые своими проводниками, они думали, что идутъ по странѣ мирной. Вопли женщинъ и дѣтей смѣшивались съ крикомъ верблюдниковъ; хотѣвшихъ повернуть назадъ своихъ верблюдовъ и искать защиты позади тѣхъ холмовъ, откуда вышли. Другіе, слишкомъ далеко зашедшіе, бросали верблюдовъ и спасались бѣгствомъ по равнинѣ. Только малая часть рѣшилась на сопротивленіе; но прежде нежели удалось имъ выстроиться и употребить въ дѣло свои ружья, наши всадники на нихъ налетѣли... Пораженіе было полное...

Послѣдніе проблески вечерней зари, столь краткой въ малыхъ широтахъ, озарили жалкую картину! Арабы столпились для дѣлежа добычи, оставя половину каравана при наступающей темнотѣ спасаться бѣгствомъ. Махмудъ рѣшилъ ночевать на полѣ сраженія и отложить раздѣлъ до слѣдующаго дня. Невольники, женщины и дѣти, помѣщены были въ среди ну кружка; за ними стояли навьюченные верблюды; далѣе расположились побѣдители возлѣ своихъ лошадей и оружія. Къ плѣннымъ, которыхъ можно было наиболѣе опасаться, приставили особую стражу для наблюденія за ними. Сверхъ-того, по границѣ степи разставлены были вездѣ особые часовые, чтобъ обезпечить себя отъ ночнаго нападенія, котораго, впрочемъ, и ожидать было трудно. Нечувствительно одинъ за другимъ арабы заснули, закрывая свои лица гаиками.

Дѣти и женщины мало-по-малу перестали плакать и кричать, видя, что побѣдители не такіе жестокіе демоны, какими ихъ прежде имъ описали.

Звѣзды, какъ очи ангеловъ, смотрѣли на насъ изъ безпредѣльнаго пространства. Въ пустынѣ небеса повѣдаютъ славу Божію! Что значитъ наша земная пылинка! говорилъ я самъ себѣ, дивясь свѣтиламъ небес-

нымъ, гдѣ, можетъ-быть, витаютъ души тѣхъ, которые заслужили небо своими добродѣтелями! Ахъ! если уже не суждено намъ встрѣтиться на этой землѣ съ тѣми, которыхъ считали своими ангелами-хранителями, по-крайней-мѣрѣ, не соединимся ли мы съ ними тамъ, въ селеніяхъ горнихъ! Эти слова, вылившіяся изъ сердца моего, могутъ показаться странными въ устахъ человѣка, участвовавшаго въ грабежѣ каравана. Ахъ! я имѣлъ болѣе, чѣмъ когда-либо, нужду обращаться къ драгоцѣннѣйшимъ для меня тѣнямъ!

Вдругъ я почувствовалъ въ себѣ настоящее электрическое сотрясеніе. Не во снѣ ли я опять вижу Калулу, какъ въ палаткѣ Али? Нѣтъ, это былъ не сонъ! Кто-то, въ бѣломъ покрывалѣ, наклонясь ко мнѣ, шепталъ мелодическимъ голосомъ на ухо:

— Іонафанъ Ромеръ!

— Ты ли это, Калула, или твой призракъ?

Нѣжная рука вывела меня изъ сомнѣнія. Это была она! Боже мой! это была точно Калула!.

Описаніе ея приключеній, со-вермени оставленія Сіерра-Леоны, не будутъ такъ интересны, для читателя, какъ они были интересны, для меня. Я не могъ наслушаться, какъ послѣ множества различныхъ происшествій, разлученная съ своимъ братомъ, который, по ея мнѣнію, долженъ былъ достигнуть ихъ родины, и продаваемая разнымъ африканскимъ хозяевамъ, она наконецъ была отвезена въ городъ Томбукту. Купецъ аттаковаинаго нами каравана хотѣлъ перепродать ее въ Таффалетѣ...

Я выпросилъ на часть свою Калулу. Если я равнялъ ее въ цѣнѣ съ двадцатью гери, для товарищей моихъ она не стоила и одного обыкновеннаго верблюда; но боясь чтобъ Махмудъ не заспорилъ, или не захотѣлъ извлечь выгоды, исполняя мое желаніе, я предупредилъ его, подаривъ ему одинъ пистолетъ.

Али, въ свою очередь, казалось, завидовалъ этому подарку, и я благоразумно поступилъ, сдѣлавъ съ нимъ одну мѣну, которую онъ считалъ для себя очень выгодною. Между двадцатью верблюдами, доставшимися на часть его семейству, я замѣтилъ одного, достоинствомъ хотя и ниже моего гери, но который въ сравненіи съ обыкновеннымъ «кораблемъ пустыни» все еще былъ отличнѣйшій бѣгунъ. Али считалъ его стоящимъ менѣе моего другаго пистолета: я предложилъ ему эту мѣну, и онъ былъ въ восхищеніи.

Скоро хозяева мои догадались, какъ я высоко цѣню мое сокровище. Требованія ихъ алчнаго гостепріимства должны были по необходимости увеличиться; притомъ если я и могъ на время отклонить посягательство ихъ на мою жизнь, можно ли было думать, что они совершенно

его оставятъ? Молодая жена Али скоро поняла меня, и настоятельно повторяла совѣтъ свой—бѣжать! Я говорю—поняла меня, потому-что она ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что я не захочу бѣжать одинъ, и предвидѣла новыя для меня затрудненія, когда возьму съ собою Калулу.

Здѣсь, можетъ-быть, мои читательницы подумаютъ, что я избѣгаю щекотливаго объясненія: онѣ будутъ сомнѣваться, чтобъ Сефна, молодая жена Али, могла оказывать страннику безкорыстное покровительство; въ-особенности усумнятся, чтобъ покровительство ея могло въ то же время распространяться и на Калулу? Можетъ-быть, онѣ спросятъ меня: что съ моей стороны, въ продолженіе пребыванія моего въ этомъ селеніи признательность моя къ молодой покровительницѣ не поколебала ли мою вѣрность къ невинной африканской дѣвушкѣ, къ которой я питалъ не такую любовь, какую можетъ имѣть братъ къ своей сестрѣ.

Признаюсь, еслибъ я писалъ романъ, то поступилъ бы вопреки правилъ, не сдѣлавъ изъ Сефны подобія жены Пентефрія. Но я пишу не романъ. Можетъ-быть, я поступилъ самъ слишкомъ романически въ этомъ случаѣ, вѣря въ добродѣтель женщинъ пустыни... Можетъ-быть, я долженъ просить прощенія у женщинъ образованныхъ за мое простодушіе? Вотъ оправданіе мое и Сефны.

Хотя при современной цивилизаціи гордость мужская считаетъ женщину существомъ низшимъ и по умственнымъ способностямъ, и по физической силѣ; но въ древности были народы, приписывавшіе женщинѣ высшее нравственное достоинство... Женщина должна царствовать въ нашемъ сердцѣ, а не въ законахъ. Но я былъ бы неблагодарнымъ, еслибъ сталъ отрицать благородныя стремленія женщины даже и тамъ, гдѣ она находится въ состояніи уничиженія. Все свидѣтельствуетъ и тамъ о ея высокомъ назначеніи, и тамъ она утѣшитъ печальнаго, пособитъ несчастному, прольетъ бальзамъ на рану, разорветъ оковы, явится нѣжною, преданною сестрою плѣннику, изгнаннику! Любовь къ ближнему есть конечно добродѣтель христіанская, но всѣ вообще женщины, не исключая язычницъ и мусульманокъ, родятся съ этою добродѣтелью. Жена Али повиновалась природнымъ чувствамъ женщины, придя ко мнѣ на помощь, и ставъ между мною и измѣной, угрожавшей моей жизни .. Моя признательность уважила въ ней чистоту этого чувства. Но была-ли она хороша собою? Да, она была прекрасна... Жалѣю о тѣхъ, которые, спрашивая меня, хороша ли была моя избавительница, ожидаютъ читать главу въ подражаніе лорду Байрону или другому какому поэту... Жалѣю о ихъ дурныхъ мысляхъ... Однакожъ, желая обезоружить критиковъ, которые непремѣнно хотятъ, чтобъ и самая истина была правдо-

подобною, я долженъ еще прибавить, что избавительница моя была матерью... Я не думаю, чтобъ Гюльнара, отворивъ темницу Конраду, предложила ему за собою слѣдовать, еслибъ у него были дѣти!

Теперь, надѣюсь, поймутъ, почему этотъ эпизодъ моей жизни могъ быть такъ коротко разсказанъ. Сефна до послѣдней минуты была полезной соучастницей въ приготовленіи нашего бѣгства, помогая собирать намъ жизненные припасы. Калула и я тайно оставили селеніе, пользуясь вечернимъ сумракомъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи поставлены были мною два наши дромадера, хорошо навьюченные частію добычи отъ каравана, засыпаннаго пескомъ, которую, какъ помнятъ, я имѣлъ осторожность зарыть во-время прибытія моего къ Али.

Наши гери какъ бы съ нетерпѣніемъ ждали показать легкость своего бѣга, послѣ столь долгаго отдохновенія, когда ночью, при сіяніи звѣздномъ, мы наконецъ пустились на югъ. Я хорошо помнилъ географическіе уроки Енфадде, но какъ настоящій американецъ, чтобы достигнуть Фрамацугды, болѣе имѣлъ вѣры въ девизъ моихъ соотечественниковъ: «go a head!» впередъ!

Калула, съ своей стороны, время отъ времени поднимала глаза свои къ небу, не для того однакожъ, чтобъ изучать созвѣздія, она больше надѣялась на добрую звѣзду, насъ соединившую; слезы радости и надежды блистали на ея длинныхъ черныхъ ресницахъ. Однакожъ она молчала... Я также нѣсколько минутъ безмолвствовалъ, сердце мое было полно ощущеній!..

IV.

Но пора было съ звѣзднаго неба спуститься на землю. Теперь, подумалъ я, путешествую какъ герой Сервантеса, чтобъ завоевать обратно престолъ странствующей и угнетенной принцессы. Вмѣсто сраженій съ великанами и волшебниками, мнѣ предстоятъ другія не менѣе грозныя опасности. Но что за дѣло! съ отвагою и полнымъ кошелькомъ можно идти на край вселенной. Почему же и мнѣ не проникнуть въ средину эфіопскаго міра? Правда, что разстояніе велико, но зато наши гери бѣгутъ чудно. И такъ впередъ въ Фрамацугду!

— Впередъ въ Фрамацугду! повторила Калула.

— О еслибъ туда пріѣхать!

— Пріѣдемъ, я увѣрена въ этомъ. Съ тобою, Іонафанъ, я ничего не боюсь. Полуденное солнце не бросаетъ тѣни; ты мое солнце, твой взглядъ отгоняетъ всѣ опасности, какъ огонь, разведенный путникомъ, отгоняетъ лютыхъ звѣрей.

Ничто не придаетъ человѣку болѣе бодрости, какъ внушаемая имъ довѣренность. Африканская метафора—сравненіе бѣдной моей ничтожности съ солнцемъ, не вызвала съ моей стороны отвѣта ложной скромности, но взглядъ мой показалъ Калулѣ, что для нея я готовъ отважиться на всѣ опасности! Два дня и двѣ ночи прошли безъ всякаго замѣчательнаго случая. Гери, на которомъ я сидѣлъ, и за которымъ послушно слѣдовалъ гери Калулы, избиралъ самъ, какъ намъ казалось, лучшій путь. Когда мы колебались, онъ никогда не колебался: это было изумительно.

Въ-теченіе первыхъ двухъ дней, мы встрѣтили скелетъ верблюда, летѣвшихъ вороновъ, двухъ страусовъ и кое-гдѣ рѣдкій кустарникъ. Одинъ изъ этихъ кустарниковъ, какъ слабое брошенное дитя царства прозябаемаго, росъ одинъ одинехонекъ въ безмолвной пустынѣ, на пространствѣ многихъ миль. Я опустилъ поводья моего гери, чтобъ онъ поглодалъ листья этого кустарника.

— О! пощадите этотъ кустарникъ! вскричала Калула. Вѣтеръ и песокъ Сахары его пощадили, не будемъ и мы для него жестоки!

— Уважаю твою чувствительность, Калула, и согласенъ пощадить этотъ бѣдный кустарникъ, какъ подобіе моего одиночества въ африканскомъ мірѣ, пока опять я не встрѣтилъ тебя; но наше состраданіе едва ли понравится гери.

Разговоръ нашъ вдругъ прерванъ былъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ явленій въ пустынѣ. Мы увидѣли съ лѣвой стороны нѣсколько столбовъ; я насчиталъ ихъ до двѣнадцати. Иногда казались они неподвижными,— вертясь только около осей своихъ; иногда обращались они, одинъ около другаго, описывая всевозможныя кривыя линіи: это была точно пляска великановъ. По мѣрѣ того, какъ солнце возвышалось, движеніе вертящихся столбовъ уменьшалось; потомъ они вовсе исчезли, чтобъ уступить мѣсто другому болѣе любопытному явленію — миражу.

Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не возмущало совершенной тишины пустыни; но въ высшихъ слояхъ атмосферы медленно плавали небольшія, прозрачныя облака. Вокругъ насъ царствовало какое-то чудное безмолвіе, безмолвіе пустыни, безмолвіе, которое какъ бы слышишь. Это совсѣмъ не парадоксъ; слуховые нервы, будучи напряжены, пріобрѣтаютъ удивительную чувствительность; ощущеніе это похоже на то, когда человѣкъ, ожидающій ужаснаго грома, готоваго сію минуту разразиться, надъ нимъ, какъ будто напередъ его слышитъ.

Въ одну минуту сдѣлалась настоящая перемѣна декораціи.

— О! какое чудное озеро! вскричала Калула. Какое счастіе для насъ и для нашихъ гери! Вотъ и награда имъ за то, что мы пощадили бѣдный

кустарникъ. Мы найдемъ здѣсь траву, тростникъ, кустарникъ и, можетъ-быть, лотусъ съ лазуревыми листьями, который растетъ на поверхности Вооло, большаго озера, о которомъ я столько говорила.

Можно вообразить, какъ непріятно было для Калулы узнать, что это все только игра свѣта; но когда обманчивое озеро исчезло, новое восклицаніе моей подруги, заставило меня обратить вниманіе на нѣсколько черноватыхъ на небѣ пятенъ, виднѣвшихся къ западу отъ нашего пути. Эти пятна на высотѣ, примѣрно, 45 градусовъ, двигались одни къ другимъ и сверхъ-того, имѣли одно общее всѣмъ имъ движеніе. Вскорѣ я удостовѣрился, что это было опрокинутое и очень растянутое изображеніе группы верблюдовъ, которыхъ насчиталъ я до шестнадцати.

Часа черезъ два, небольшой купеческій караванъ, настоящая причина фата-морганы въ пустынѣ, показался на горизонтѣ; мы скоро его догнали. Караванъ этотъ слѣдовалъ одинакимъ съ нами путемъ, отъ сѣвера на югъ; но недостатокъ въ водѣ заставилъ его уклониться не много къ западу, въ надеждѣ открыть тамъ старинные, нынѣ заброшенные колодцы.

— Гдѣ же остальные ваши товарищи? спросилъ я купцевъ:—васъ должно быть шестнадцать. По этому вопросу, они приняли меня за чародѣя. Дѣйствительно, двое изъ купцевъ отдѣлились для открытія колодцевъ. Они вскорѣ возвратились и привезли добрыя вѣсти. Еще до наступленія ночи, мы достигли колодцевъ, и разчистивъ ихъ, получили въ изобиліи чистую, прозрачную воду. Напоивъ верблюдовъ, развели изъ терноваго кустарника огонь, вскипятили большой кувшинъ воды, въ который старѣйшій изъ купцевъ съ важнымъ видомъ бросилъ крохотную щепотку зеленаго чаю.

— Попробуйте, сказалъ онъ мнѣ, подавая ложечку этого безцвѣтнаго, безвкуснаго пойла; это драгоцѣнное лекарство бѣлыхъ людей; оно идетъ изъ того края, гдѣ солнце не свѣтитъ, и люди отыскиваютъ его, ползая на рукахъ и колѣняхъ съ фонаремъ на шеѣ.

— О Ганеманъ! подумалъ я, какъ забавно ученіе твое о безконечно-малыхъ пріемахъ. Чего бы не далъ я теперь за прозаическую чашку ароматическаго чаю!

— Ель-Гарванъ! Ель-Гарванъ! вскричали на другой день наши спутники, когда мы увидѣли множество хижинъ и земляныхъ мазанокъ. Городъ, въ которомъ и слѣда нѣтъ зелени, не очень привлекателенъ; онъ былъ несравненно мрачнѣе подвижныхъ деревень бедуиновъ, а между-тѣмъ и тутъ гнѣздятся полуобразованные городскіе арабы съ береговъ Средиземнаго-моря, и чтобъ нажить деньги погребаютъ себя въ

такія трущобы! Бедуинская пословица недаромъ говоритъ: бросьте талеръ въ печку, арабъ будетъ доставать его, пока самъ не изжарится.

Главнѣйшій промыселъ этого города состоитъ въ добываніи каменной соли, которую ломаютъ большими глыбами на глубинѣ не болѣе пяти или шести футовъ отъ поверхности земли. На этихъ кускахъ неправильной формы, работающіе негры выводятъ грубые узоры. Куски соли такъ крѣпки и воздухъ такъ сухъ, что сложенныя изъ нихъ хижины не уступаютъ въ прочности домамъ кирпичнымъ.

У меня было предчувствіе, что въ Ель-Гарванѣ, между невольниками, найдутся христіане, а можетъ-быть и бѣднякъ Жакъ Томпсонъ, о которомъ я очень часто думалъ.

— Есть ли здѣсь христіане? былъ первый мой вопросъ, когда я пришелъ къ соляным копямъ.

— Въ настоящее время нѣтъ ни одного, отвѣчалъ мнѣ тотъ, къ кому я обратился съ вопросомъ:—случается имѣть ихъ и много, да мало въ нихъ проку, не могутъ выносить жара.

— Справедливо, отвѣчалъ я:—для работы они безполезны, но можно получить за нихъ хорошій выкупъ въ Свейрахѣ. Если у васъ есть такіе невольники, я бы охотно ихъ купилъ, чтобы доставить въ Свейрахъ, для спекуляціи.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете получить одного на соляныхъ копяхъ Марбаха, отсюда дня на три ходу. Назадъ тому меньше одной луны, я былъ тамъ и видѣлъ на работѣ одного христіанина.

— Молодаго, или старика?

— Голова у него совершенно бѣлая.

— Великъ или малъ онъ ростомъ?

— Невеликъ, но плотенъ.

Это могъ быть и Жакъ; но въ пустынѣ такъ много христіанскихъ невольниковъ! Во всякомъ случаѣ, я желалъ сдѣлать возможные поиски, чтобъ не имѣть ничего на совѣсти.

Возвращаясь по сальнымъ и узкимъ улицамъ къ хижинѣ, которую мы заняли съ Калулою, я былъ остановленъ нищимъ въ рубищѣ, похожимъ на скелета. Голова его обвязана была черной тряпицей, кончики которой были спущены напередъ, чтобъ защищать отъ свѣта больны глаза. Подобныя явленія довольно часты въ городахъ магометанскихъ, но я не знаю почему почувствовалъ къ этому бѣдняку особенную жалость и всунулъ ему въ руку три или четыре фелоса, мелкой мѣдной монеты.

Спустя четверть часа, я вздрогнулъ, услышавъ два или три стиха,

пропѣтые на улицѣ изъ извѣстной пѣсни: «l'Exilé d'Erin.» Смотрю: это цѣлъ мой нищій.

— Ты ирландецъ?

— Такъ точно, клянусь святымъ Патрикіемъ, а вы?

— Американецъ. Но что ты здѣсь подѣлываешь?

— Видите, страдаю, какъ бѣдный Лазарь.

— Войди ко мнѣ и разскажи свою исторію.

Не заставляя себя упрашивать, онъ началъ разсказывать мнѣ въ подробности свои приключенія съ болтливостью, свойственною его соотчичамъ.

Между-тѣмъ вся его исторія могла заключаться въ немногихъ словахъ. Онъ назывался Гугъ Дойль, родился въ графствѣ каванскомъ, и получивъ тамъ кое-какое образованіе, поступилъ въ морской полкъ; претерпѣвъ потомъ кораблекрушеніе, выброшенъ былъ на берегъ Сагары. Онъ принялъ магометанство. Хотя этимъ онъ спасъ свою жизнь, но арабы довели его до ужаснаго положенія; онъ шатался изъ Марбаха въ Ель-Гарванъ и изъ Ель-Гарвана въ Марбахъ.

— Такъ ты знаешь Марбахъ?

— Я былъ тамъ назадъ тому восемь дней.

— Есть-ли тамъ христіанскіе невольники?

— Есть одинъ.

— А какъ зовутъ его? спросилъ я съ трепетомъ.

— Жакъ Томпсонъ.

Предчувствіе меня не обмануло: я отыскалъ моего бѣднаго Жака. Боясь, чтобъ съ меня не взяли слишкомъ большаго выкупа за бѣднаго моего товарища, я упросилъ одного изъ нашихъ купцевъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, на что онъ и согласился за нѣкоторое вознагражденіе.

— Господинъ Ромеръ вскричалъ Жакъ, когда я бросился обнимать его.

— Боже милосердый! Неужели и ты сдѣлался магометаниномъ?

— Сохрани Боже! нѣтъ, клянусь святымъ Георгіемъ.

— А я было, право, испугался. Вотъ Гугъ Дойль забылъ святаго Патрикія.

— Не упрекайте меня, господинъ Ромеръ, въ душѣ я остался христіаниномъ.

— Ахъ! Господинъ Ромеръ, прервалъ Жакъ,—какая радость васъ увидѣть! Повѣрите-ли, что я никогда не сомнѣвался, что опять васъ увижу; со времени моего плѣна, я разъ двадцать видѣлъ васъ во снѣ.

Отправясь рано по утру изъ Ель-Гарвана, мы ночевали въ пустынѣ. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, я снабдилъ моихъ новыхъ товарищей

болѣе приличною для нихъ одеждою. Они оба сидѣли на одномъ обыкновенномъ верблюдѣ; я только одного и нашелъ продажнаго, и нарочно долго его торговалъ, чтобъ не подозрѣвали моего богатства. Я далъ Жаку и Гугу по новой чалмѣ и по парѣ пистолетовъ.

Сверхъ-того снабдилъ ихъ кораллами, амброю, стеклянными вещицами: все это легко сбывалось и могло замѣнять деньги, еслибъ по какому-нибудь случаю пришлось намъ разлучиться.

Надѣливъ ихъ этимъ, я нашелъ нужнымъ сказать имъ маленькую рѣчь.

— Мое непремѣнное намѣреніе, говорилъ я имъ, состоитъ въ томъ чтобъ отвести эту молодую женщину въ Фрамацугду, гдѣ царствуетъ ея отецъ; изъ этого вы поймете, какая ожидаетъ насъ награда, если удастся намъ туда достигнуть, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Мы должны идти на югъ, чрезъ земли, обитаемыя неграми, болѣе или менѣе дикими, болѣе или менѣе воинственными. Не хочу скрывать отъ васъ опасностей этого предпріятія. Но я никого не веду насильно: еще есть время вамъ подумать и возвратиться назадъ. По моимъ вычисленіямъ, мы недалеко отъ южныхъ границъ пустыни: семь сотъ миль отдѣляютъ насъ отъ береговъ Атлантическаго-океана. Я оставлю вамъ верблюда, на котораго вы сядете, и если хотите достигнуть до Могадора чрезъ Сагару,—добрый вамъ путь.

— Какъ можно! вскричалъ Жакъ Томпсонъ: — вы мой капитанъ; пока не придемъ въ портъ, я васъ не оставлю.

— А я послѣдую за вами хоть на луну, сказалъ Гугъ Дойль, стараясь превзойти Жака ирландскимъ краснорѣчіемъ.

— Намъ именно и нужно перешагнуть чрезъ Лунныя-горы, отвѣчалъ я хвастуну. Я радъ, друзья, что могу на васъ полагаться, и откровенно скажу, что вамъ всего лучше слѣдовать за мною.

Видъ страны замѣтно измѣнялся. Песчаные холмы были ниже и отложе, кустарникъ показывался чаще. Встрѣчалось много акацій и новыя для меня деревья, съ кистями красныхъ плодовъ, до которыхъ мы не дотрогивались, почитая ихъ ядовитыми; наши бѣгуны также отворачивали отъ нихъ свои головы. Я замѣтилъ слѣды шакаловъ и барсовъ. Вдалекѣ показывались стада газелей. Мой гери рѣшительно оправдывалъ данное ему Жакомъ прозвище «Лоцманъ.» Онъ былъ настоящимъ нашимъ вожатымъ; одинъ только Гугъ Дойль не довѣрялъ ему и предлагалъ перемѣнить путь, избираемый умнымъ животнымъ.

— Повѣрьте, говорилъ онъ, — этотъ гери привезетъ насъ къ туарисамъ, самому звѣрскому народу; если молва арабовъ о немъ справедлива, намъ не избавиться отъ его когтей.

— Бабьи сказки, возразилъ я: — ты жилъ между арабами, дружекъ Доиль, и долженъ хорошо ихъ знать. Это гасконцы, чтобъ не назвать ихъ ирландцами пустыни. Но намъ конечно придется встрѣчать много всякаго народа, пока не достигнемъ Фрамацугды. Въ ожиданіи, мнѣ хочется угостить васъ хорошей дичиной. Вѣрно, ни въ одномъ ирландскомъ паркѣ не найдется такой богатой дичи, какъ въ Африкѣ!

— Конечно, да только эта дичь сама бѣжитъ на охотника, отвѣчалъ Гугъ Доиль. Я готовъ отказаться отъ кушанья изъ львовъ и тигровъ, и довольствоваться немногими финиками, которыя мнѣ попадутся.

— До льва дойдетъ очередь, а на нынѣшній ужинъ, полагаю, вы удовольствуетесь частью газели, которую я вамъ обѣщаю. Видите-ли вы ихъ тамъ?

Не дожидаясь одобренія Калулы, я отправился одинъ въ ту сторону, гдѣ видны были стада этихъ ловкихъ и красивыхъ животныхъ, столпившихся подъ тѣнію акацій. Чтобъ приблизиться къ бѣднымъ животнымъ на ружейный выстрѣлъ, я долженъ былъ ползти къ нимъ подъ прикрытіемъ кустарника. Прицѣлясь въ одну, которая казалась мнѣ пожирнѣе, я разомъ ее подстрѣлилъ. Мы задали славнѣйшій пиръ, послѣ такого воздержанья!

Калула занялась приготовленіемъ ужина, не утративъ ничего изъ своего достоинства и врожденной граціи, дѣлавшихъ ее настоящею принцессою Тысячи-одной-ночи.

Окончивъ ужинъ, Гугъ Доиль пропѣлъ намъ нѣсколько ирландскихъ пѣсень; ночной вѣтерокъ разносилъ звуки, и еслибъ довелось въ эту пору какому-нибудь новому Клашертону или Лангу проѣзжать этимъ мѣстомъ, воображаю его удивленіе.

Утромъ слѣдующаго дня, мой гери, вдругъ ускоривъ свой бѣгъ, привелъ насъ къ озеру, на берегу котораго росла только одна пальма; — широкіе ея листья образовали чудную бесѣдку. Озеро въ этомъ мѣстѣ было не глубоко и вода такъ чиста, что трудно было воздержаться отъ купанья. Я назначилъ каждому свое мѣсто. Калулѣ — подъ пальмою, Гугу и Жаку — далѣе шаговъ на двѣсти, съ тѣмъ чтобъ они по-очереди стерегли верблюдовъ; для себя — середину между этими мѣстами. Уходя отъ Калулы, я предупреждалъ ее какъ можно остерегаться крокодиловъ, если тутъ они водятся.

Не прошло пяти минутъ какъ раздался пронзительный крикъ. Калула бѣжала ко мнѣ какъ легкая серна.

У самой пальмы увидѣлъ я крокодила, длиною въ пять или шесть футовъ. Алчное животное вышло изъ воды въ ту минуту, когда Калула начала одѣваться, и не успѣвъ ее схватить, бросилось на ея гаикъ и

унесло его въ зубахъ. Зная, что крокодилы не очень страшны, когда на нихъ нападаютъ, и особенно сзади, я не колеблясь схватилъ его за хвостъ, чтобъ онъ выпустилъ свою добычу. Жакъ прибѣжалъ ко мнѣ въ пору на помощь, и это сраженіе, сначала испугавшее Калулу, кончилось громкимъ смѣхомъ, когда похититель долженъ былъ бросить добычу. Я содрогнулся при видѣ гаика, разтерзаннаго острыми зубами земноводнаго животнаго, которое легко могло вонзить ихъ и въ тѣло Калулы. Лишь только мы сѣли на нашихъ верблюдовъ, какъ мой гери, одаренный, по словамъ Гуга Доиля, двойнымъ зрѣніемъ, отыскалъ бродъ по срединѣ озера, и не задумавшись перешелъ его,—подвигъ, очень удивительный для животнаго этой породы! Бродъ привелъ къ дорожкѣ, протоптанной многими верблюдами, которые ходили пить воду въ озерѣ. Но всего удивительнѣе было, что мой гери, вдругъ оставивъ эту дорогу, устремился, какъ я его ни удерживалъ, на крутую высоту, у подошвы которой остановились другіе два верблюда. На верху утеса была площадка; — одинъ нагой негръ, обвязанный только голубымъ поясомъ, пахалъ землю какимъ-то допотопнымъ плугомъ, въ который запряжены были двѣ крошечныя горбатыя коровы. Борозды, или лучше сказать, царапины на землѣ, отъ этого орудія, составленнаго изъ двухъ сучьевъ дерева одинъ поперегъ другаго, не были глубже одного дюйма. Тогда какъ новость этого зрѣлища, послѣ долгаго пребыванія въ пустынѣ, приковывала все мое вниманіе, гери лизалъ лицо негра, который кончилъ тѣмъ, что повисъ къ нему на шею. Вотъ уже третья находка послѣ встрѣчи моей съ Калулою и, можетъ-быть, не менѣе трогательная! Черный земледѣлецъ худо говорилъ по арабски, однако-жъ давалъ мнѣ разумѣть о правахъ своихъ на гери. Разумѣется, я былъ глухъ къ словамъ его и возвращался къ нашему маленькому каравану, между-тѣмъ, какъ негръ бѣжалъ за мною и говорилъ что-то съ большимъ жаромъ и жестами.

Есть повѣрье, сдѣлавшееся простонароднымъ, по причинѣ, можетъ-быть своей справедливости, что счастіе или несчастіе всегда повторяются. Съ-тѣхъ-поръ, какъ встрѣтилъ я Калулу, мнѣ во всемъ пошла удача. Какъ скоро негръ ее увидѣлъ, то бросился цѣловать ея ноги и началъ говорить съ ней на языкѣ Фрамацугды. Нѣсколько разъ посѣщалъ онъ ихъ землю, съ богатымъ купцомъ, которому принадлежалъ гери Однажды свирѣпые футасы взяли ихъ въ плѣнъ съ благороднымъ животнымъ и убили хозяина. Ему удалось убѣжать отъ нихъ на гери; но потомъ, онъ попался въ руки туарисовъ, и для нихъ-то пахалъ землю. Гери, по какому-то инстинкту, лучше всякаго компаса, при первой возможности, отыскалъ своего прежняго товарища. Это заставило нашего стараго Жака сдѣлать слѣдующее глубоко-философское заключеніе: —

хорошо бы было, еслибъ и люди, подобно нѣкоторымъ животнымъ, имѣли компасъ въ своемъ сердцѣ!

V.

Теперь у насъ было вмѣсто одного, два вожатыхъ. Узнавъ имя негра, я сказалъ ему: — Гассанъ, мы тебя избавимъ отъ плѣна. Если не хочешь разлучаться съ гери прежняго твоего хозяина, садись къ ему на спину и слѣдуй за нами. Казалось, онъ колебался. Калула присоединила свои убѣжденія къ моимъ. Наконецъ онъ сказалъ: — нѣтъ, я не могу разстаться съ гери, котораго такъ давно знаю, да и онъ не захочетъ со мною разлучиться; мнѣ только трудно оставить коровъ, подругъ моего плѣна.

Такая чрезмѣрная чувствительность заставила разсмѣяться Жака и въ особенности Гуга Доиля.

— Однако, надо на что-нибудь рѣшиться, Гассанъ.

Не сказавъ ни слова, онъ пошелъ на крутизну, выпрячь, по словамъ Калулы, коровъ изъ плуга, чтобъ онѣ могли легче воротиться въ въ деревню туарисовъ; въ-самомъ-дѣлѣ, онъ скоро явился къ намъ и сѣлъ позади меня на гери.

— Теперь куда намъ ѣхать? спросилъ я Гассана, чтобъ достигнуть Фрамацугды.

— Предоставьте это гери, отвѣчалъ Гассанъ, и онъ сталъ говорить животному на языкѣ, котораго никто изъ насъ не понималъ, исключая гери.

— Онъ довезетъ насъ прямехонько до Соконала, сказалъ Гассанъ дурно по-арабски.

— А что такое Соконалъ?

Калула объяснила, что это городъ, близкій къ границамъ Фрамацугды.

Благодаря совершенному знанію Гассаномъ этой страны, мы избѣгнули селеній туарисовъ и должны были преодолѣвать только препятствія, какія представляла намъ мѣстность. Дикіе звѣри попадались намъ чаще, и заставляли насъ быть всегда на сторожѣ. Достигнувъ небольшаго городка Диркима, я купилъ лошадей для Жака, Гуга и для себя, полагая, что на нихъ, мы лучше можемъ защищаться, если нападутъ на насъ футасы. Въ Диркимѣ я купилъ также негритянку Клефену, которая сдѣлалась временной камерфрау Калулы.

Прошло только двѣнадцать дней, какъ мы вышли изъ Великой-пустыни, и нашъ маленькій караванъ достигъ до Сакато. По нашему исчисленію, мы проѣхали въ это время болѣе четырехъ сотъ миль.

Сакато́ столица Феллатовъ, какъ это извѣстно изъ повѣствованія Клаппертона. По его описанію, это многочисленнѣйшій изъ городовъ Африки. Расположенный на склонѣ каменистаго холма, онъ обнесенъ высокими стѣнами. Надъ главнѣйшими домами возвышаются терасы въ мавританскомъ стилѣ. Я не буду всего здѣсь описывать. Помѣщу также въ другомъ сочиненіи, если когда-нибудь оно выйдетъ въ свѣтъ, всѣ географическія и этнографическія наблюденія, которыя успѣлъ сдѣлать въ моемъ путешествіи. Сакато́ составляетъ центръ торговли, пунктъ отправленія и прихода важнѣйшихъ каравановъ.

Оставивъ Сакато́, мы прибыли въ Кано́, въ сообществѣ многихъ купцевъ. Изъ Кано́ мы пошли, или, правильнѣе сказать, Гассанъ и гери направили нашъ путь къ юговостоку, чрезъ многочисленныя племена и народы, именъ которыхъ никогда не слыхали европейцы, и которые незамѣтно проскользнули въ моихъ ушахъ. Путешественники старой Европы, вѣрно, будутъ негодовать на это. Какъ, скажутъ они, можно путешествовать, не запасясь тетрадками бумаги, полдюжиною альбомовъ, дагерротипомъ, чайникомъ и проч. Конечно, это очень легко говорить, но посмотрѣлъ бы я на этихъ туристовъ, еслибъ довелось имъ, какъ мнѣ, быть брошеннымъ на африканскій берегъ, перейти Великую-Сагару, для возвращенія принцессы въ царство ея родителей на Лунныхъ-горахъ. Между-тѣмъ именно въ этомъ и состояло мое предпріятіе; чтобъ не отказаться отъ него, не довольно было сдѣлаться Допъ-Кихотомъ, надо было имѣть еще упрямство Англо-Саксонца.

Наконецъ, почти черезъ три мѣсяца послѣ оставленія Сакато́, мы достигли земли Кердре, лежащей на югъ отъ Дагъ-Колла. По совѣту Гуга Доиля, я назвался посланникомъ марокскаго императора къ царю Фрамацугды. Это пышное названіе произвело особенно большое впечатлѣніе на народы, которые никогда не слыхивали объ этихъ властителяхъ.

Пріятная перемѣна оказалась въ мѣстности, которую мы проходили. Растенія были сильнѣе и роскошнѣе, ручьи быстрѣе и чище, виды живописнѣе. Отдаленныя вершины и пики Джебель-Кумри, или Лунныхъ-горъ возвышались одни надъ другими къ юго-востоку; очевидно, что мы всходили по наклонной, но весьма отлогой плоскости. Народы, между которыми проходилъ нашъ караванъ, были каффиры или керди, то-есть язычники, жившіе въ землянкахъ, или очень низкихъ хижинахъ, обыкновенно расположенныхъ на возвышенностяхъ. Когда они удостовѣрялись, что мы не преслѣдуемъ негровъ, то принимали насъ радушно. Гассанъ не разъ проходилъ по этой дорогѣ, и останавливался почти въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Достигнувъ до берега одной широкой и глу-

бокой рѣки, мы принуждены были, за неимѣніемъ инженеровъ и матеріала для постройки моста, соорудить довольно большой и крѣпкій плотъ, на который можно было поставить трехъ верблюдовъ и трехъ лошадей, не считая всадниковъ и багажа. Туземные жители помогали намъ въ этой работѣ.

За рѣкой Яхъ-Ниль-Неббе, казалось, природа умножила свои произведенія. Иногда мы были окружены, на пространствѣ, какое только можно обнять взоромъ, стадами антилопъ разной породы. Ежеминутно показывались буйволы, кабаны, жирафы, страусы и слоны. Не разъ, при нашемъ приближеніи, выходили изъ разщелинъ известковыхъ скалъ или изъ густаго тростника леопарды, гіены, и даже львы, но они не нападали на насъ, а сами скрывались. Три ружья, направленныя на звѣрей, защищали насъ отъ ихъ нападенія днемъ, а ночью мы разводили огонь.

Гугъ Доиль упорствовалъ принимать за шалаши гигантскія въ этой странѣ муравьиныя гнѣзда. Въ многочисленныхъ орангутангахъ онъ видѣлъ людей, стоящихъ на гребнѣ горъ и наблюдающихъ наше шествіе.

Иногда долина расширялась, и между рѣчками, впадающими въ Яхъ-Ниль-Неббе, образовались плодоносныя равнины, гдѣ расли пальмовыя и банановыя деревья.

Однажды вечеромъ, когда мы приготовлялись на ночлегъ въ степи, Гугъ Доиль, бывши на этотъ разъ передовымъ, возвѣстилъ намъ, что за деревьями, на склонѣ холма видитъ укрѣпленный городъ.

Въ-теченіе дня мы встрѣчали много деревень; но жители, вѣроятно, принимая насъ за преслѣдователей негровъ, скрывались при нашемъ приближеніи. Пришпоривъ лошадь и выѣхавъ изъ лѣса, я дѣйствительно увидѣлъ, въ разстояніи одной мили за равниною, покрытою высокой травою, городъ, обнесенный стѣнами и расположенный на возвышенности.

Только что нашъ караванъ вошелъ на равнину, какъ нѣсколько всадниковъ спустились съ высоты, какъ будто для обозрѣнія насъ. Въ тоже время на террасахъ домовъ появилось множество людей; по-крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось.

Приближась къ подошвѣ высоты, я увидѣлъ прямую и очень крутую тропинку, ведущую къ городскимъ, деревяннымъ, затвореннымъ воротамъ, которыя защищались двумя башнями. Эти башни, равно какъ и городскія стѣны унизаны были мужчинами и женщинами, вооруженными луками и копьями, которыми они махали надъ головами, съ бѣшенымъ крикомъ и кривляньями, вѣроятно для устрашенія насъ, или для ободренія себя.

Я приказалъ Гассану сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, съ шестомъ, на которой привязали шарфъ Калулы вмѣсто знамени. Крикъ и кривлянья возобновились съ бо́льшею силою; затѣмъ пущено было нѣсколько стрѣлъ. Гассанъ поспѣшилъ къ намъ отретироваться. Жакъ, въ свою очередь, предложилъ намъ сходить парламентеромъ. Въ доказательство миролюбивыхъ нашихъ намѣреній, онъ протанцовалъ имъ матросскую жигу; дикіе американцы приняли бы эту пляску за вызовъ къ бою, но жители африканскаго города, повидимому, были ею успокоены. Послѣ совѣщанія, продолжавшагося около четверти часа, одинъ парламентеръ спустился со стѣны по веревочной лѣсницѣ и мѣрными шагами пошелъ къ намъ. Увидѣвъ Калулу, у которой покрывало отброшено было назадъ, онъ радостно вскричалъ: Фрамацугдъ! Фрамацугдъ!

Между ними завязался одушевленный разговоръ, и потомъ парламентеръ поспѣшно возвратился въ городъ.

— Отецъ мой живъ! вскричала Калула.

— Неужели мы въ Фрамацугдѣ? спросилъ Гугъ Доиль, сдѣлавъ длинное лицо, при видѣ маленькаго укрѣпленнаго городишка вмѣсто хваленой столицы.

— Нѣтъ, отвѣчала Калула: мы еще не при концѣ нашего странствованія, а только къ нему приближаемся. Жители этого города находятся въ сношеніи съ нашею столицею.

Гассанъ, успокоясь, объяснилъ намъ, что мы находимся не болѣе какъ на десять дней ходу отъ Фрамацугды. Если съ перваго взгляда онъ не узналъ этого города, то потому, что Сокоталъ недавно только перенесенъ былъ на эту высоту и окруженъ стѣнами, для защиты отъ футасовъ.

Жители города вышли къ намъ навстрѣчу. Два должностныя лица, вооруженныя длинными буйволовыми бичами, съ трудомъ очищали намъ дорогу между столпившимся изъ любопытства народомъ. Третій сановникъ болѣе почтеннаго и важнаго вида, привѣтствовалъ насъ отъ имени мачама, или царя, и предлагалъ гостепріимство. Мы нашли этого властителя сидящимъ на каменной скамейкѣ внутри воротъ. Два или три старика, вѣроятно его министры, стояли близъ него. Человѣкъ двѣнадцать дюжихъ молодцевъ, съ копьями и круглыми изъ буйволовой кожи щитами, составляли его стражу. Мачамъ, столѣтній старецъ, отличался отъ своихъ подданныхъ необыкновенною толщиною. При наступившей ночи, насъ повели, при свѣтѣ факеловъ, чрезъ большую улицу, къ загороженному мѣсту, въ срединѣ котораго находился большой каменный одноэтажный домъ. Мачамъ самъ проводилъ насъ въ него и велѣлъ

угостить превосходнымъ ужиномъ, по-крайней-мѣрѣ въ сравненіи съ нашею скромною пищею во все время путешествія, исключая, однакожъ, отличной газели. Мы узнали отъ самаго властителя, что онъ былъ наслѣдственный начальникъ, не только этого города, но и многихъ другихъ, лежащихъ къ югу. Вся страна между его владѣніями и Фрамацугдой была обитаема разными народами одного и того же племени. Они вовсе не похожи на негровъ. Цвѣтъ лица у нихъ бронзовый, волосы гладкіе, носъ орлиный, одежда состоитъ изъ льняной туники и шерстянаго пояса; на ногахъ сандаліи изъ невыдѣланной кожи. У иныхъ были повязки на головѣ и шеѣ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ.

Всѣ эти народы зависятъ болѣе или менѣе отъ великаго султана Шунде, который, по несчастію, теперь недовольно силенъ, чтобъ защитить ихъ противъ бѣлаго варварскаго народа, именуемаго Ялласы, ни противъ сѣверныхъ негровъ, еще болѣе страшныхъ, потому-что они владѣютъ огненными стрѣлами и молніей. — Еще недавно, говорилъ намъ мачамъ, мой бѣдный народъ покрывалъ цвѣтущими деревнями и многочисленными стадами всѣ равнины, орошаемыя Яхъ-Ниль-Неббомъ. Но футасы все раззорили и отвели въ плѣнъ цѣлыя селенія. Мы не могли устоять противъ бросаемой на насъ молніи, и принуждены были запереться въ стѣнахъ на высотѣ.

— На юговостокѣ, продолжалъ мачамъ, жилъ нѣкогда добрый народъ изъ негровъ, но онъ истребленъ, или обращенъ въ невольничество другимъ чернымъ народомъ, также владѣющимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, распространившимъ свои завоеванія до предѣловъ Фрамацугды, такъ-что мы теперь граничимъ: къ востоку съ ялласами, къ сѣверу съ мандасами и куласами, къ западу съ фоллосами и футасъ-ялсами, и только къ югу съ дружелюбнымъ намъ народомъ фрамацугдскимъ.

Оказавъ мачаму искреннее сожалѣніе о неблагопріятныхъ его обстоятельствахъ, я обѣщалъ не забыть его, когда достигну Килоама, столицы Фрамацугды.

— Потерпите немного, увидите, что я приду къ вамъ съ Лунныхъ-горъ съ войскомъ, вооруженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Если нужно будетъ, то мы сдѣлаемъ ружья по образцу моихъ, только бы уничтожить тиранство негровъ, которые васъ держатъ какъ бы въ осадѣ.

Добрый мачамъ отвѣчалъ мнѣ, что хотя онъ и столѣтній старецъ, но надѣется еще дожить до этого счастливаго дня.

На другой день, у южныхъ городскихъ воротъ мы встрѣтили конный конвой изъ двѣнадцати киптиловъ, на маленькихъ черныхъ, какъ крыло ворона, лошадкахъ. Кромѣ этихъ всадниковъ, вооруженныхъ луками и копьями, мачамъ далъ намъ еще двухъ проводниковъ, также

верхами, и трехъ пѣшеходовъ, изъ которыхъ каждый велъ буйвола за веревку, продѣтую сквозь ноздри животнаго. Цѣлыя пирамиды разной провизіи, нагруженной на спину этихъ сильныхъ животныхъ, доказывали, что почтенный властитель не хотѣлъ уморить насъ съ голоду въ дорогѣ.

Послѣ восьмидневнаго ходу, въ-продолженіе котораго мы останавливались въ разныхъ городахъ киптиловъ, также обнесенныхъ стѣнами, мы безъ всякихъ приключеній достигли до подошвы высокой цѣпи горъ, составляющихъ одинъ изъ югозападныхъ отроговъ Джебель-ель-Кумри, или Лунныхъ-горъ. Множество пиковъ, покрытыхъ снѣгомъ, возвышалось по обѣимъ сторонамъ; но въ срединѣ эти остроконечныя горы, у подошвы которыхъ шла наша дорога, были гораздо ниже. Необозримая равнина тянулась по направленію къ югозападу. Тутъ извивалось множество ручьевъ, а вдали солнце отражалось въ серебристой поверхности большаго озера. Эта равнина, прежде очень населенная, представляла теперь пустыню: футасы истребили всѣхъ ея жителей.

Пройдя нѣсколько по берегу широкой рѣки, текущей къ сѣверу, мы поворотили на югъ и углубились въ горы. Нѣсколько пріятныхъ долинъ облегчали путь какъ намъ, такъ и нашимъ лошадямъ, верблюдамъ и буйволамъ. Гассанъ, на своемъ гери, ѣхалъ всегда передовымъ, и казалось, зналъ эту страну лучше самихъ киптиловъ.

Послѣ полудни, мы пріѣхали въ одну недавно выженную деревню. Множество вороновъ оспаривали одинъ у другаго съ дюжину труповъ. Это печальное зрѣлище подтверждало слышанное нами повсюду, что футасъ-ялсы отправились въ большую экспедицію въ горы и что мы неминуемо должны встрѣтиться съ этими разбойниками, если будемъ слѣдовать по прямой дорогѣ въ Фрамацугдъ.

Мнѣ стоило большаго труда, чтобъ хотя нѣсколько успокоить нашъ конвой изъ киптиловъ.

— Насъ возьмутъ въ плѣнъ, или убьютъ! говорилъ Фаръ-Сулу, начальникъ конвоя.

— Молчать! вскричалъ я такимъ голосомъ, что Сулу подпрыгнулъ на своемъ сѣдлѣ. Что ты? мужчина или баба? Да посмотри и на женщинъ нашихъ, боятся ли онѣ?

И въ-самомъ-дѣлѣ Калула, величаво сидѣвшая на гери, около котораго я гарцовалъ на своей лошади, обнаруживала не страхъ, а глубокое состраданіе къ несчастнымъ жертвамъ футасовъ.

— Развѣ насъ не двадцать, хорошо вооруженныхъ человѣкъ? прибавилъ я.

— Но у нихъ есть ружья! возразилъ Сулу съ смущеннымъ видомъ.

— А наши ты ужъ ни во что̀ не ставишь?

Надлежало остерегаться, чтобъ на насъ не напали въ расплохъ. Жакъ съ однимъ проводникомъ и двумя киптилами составляли авангардъ; Гугъ и другіе два киптила арріергардъ.

Я находился въ срединѣ арміи, вмѣстѣ съ Гассаномъ, Калулою и буйволами. Наши фланги были также не безъ прикрытія: съ правой стороны, одинъ изъ нашихъ конвойныхъ слѣдовалъ по каменистому берегу рѣки; другой, съ лѣвой стороны, шелъ вровень съ нами, по гребню горнаго хребта.

Вдругъ горный нашъ ведетъ остановился, и вмѣсто сигнала, поднялъ къ верху руки. Я бросился къ нему, и взлетѣвъ на неустрашимомъ конѣ, очутился возлѣ предмета, надъ которымъ остановился нашъ конвойный. Это былъ бѣднякъ, скорчившійся въ разсѣлинѣ одного утеса. По одеждѣ его и цвѣту кожи, мы тотчасъ узнали въ немъ киптила. Онъ сказалъ намъ, что жилъ въ одной изъ деревень, разграбленныхъ и вызженныхъ футасами. Эти разбойники убили всѣхъ стариковъ, всѣхъ взрослыхъ людей и увели въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Я старался получить отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о числѣ и направленіи непріятеля. Футасы, истреблявшіе всю окрестность, были числомъ до трехсотъ человѣкъ на коняхъ. Третья часть изъ нихъ имѣла ружья.

— Одинъ-ли ты спасся? спросилъ я чрезъ конвойнаго, служившаго мнѣ переводчикомъ.

— Нѣтъ, пятьдесятъ нашихъ воиновъ скрываются въ ущельяхъ.

— Хороши воины, которые скрываются въ ущельяхъ, вмѣсто того чтобъ мстить непріятелю!

При словѣ мстить, глаза киптила засверкали, какъ у тигра.

— У насъ есть луки, отвѣчалъ онъ, стрѣлы, копья и щиты, но что̀ они значатъ противъ ихъ огненной молніи!

— Слушай, я расположусь на ночь лагеремъ на этой равнинѣ. Приведи ко мнѣ сколь можно больше вашихъ воиновъ съ оружіемъ и лошадьми. Я обѣщаю отмстить футасамъ!

Прежде наступленія ночи, десятка четыре киптиловъ, вооруженныхъ пиками и изъ которыхъ третья часть была на лошадяхъ, присоединились къ нашему биваку. Какъ видно, я не упадалъ духомъ въ настоящемъ случаѣ. Обстоятельства заставляли меня сдѣлаться главнокомандующимъ арміи. Мое положеніе въ срединѣ Африки было столь же опасное, столь же драматическое, какъ Кортеца или Пизарро въ Новомъ-свѣтѣ. Только роль моя была безкорыстнѣе. Не алчность къ золоту привела

меня сюда; я пришелъ не угнетать, а избавить народъ отъ жестокихъ его сосѣдей.

По показаніямъ нашихъ новыхъ союзниковъ, надлежало ожидать появленія футасовъ на слѣдующій день. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, говорилъ Жакъ, мой храбрый помощникъ.

При первыхъ проблескахъ утренней зари, наша маленькая армія была уже на ногахъ. Я сдѣлалъ ей смотръ и насчиталъ шестьдесятъ пять человѣкъ. Наши новые друзья, которыхъ буду называть, по ихъ племени, кимбуссами, вызвались быть передовыми. Я слѣдовалъ за ними съ отрядомъ киптиловъ; за мной тянулась главная часть нашей инфантеріи и кавалеріи съ багажемъ. Гугъ прикрывалъ шествіе съ взводомъ изъ киптиловъ и кимбуссовъ.

Часа два по всхожденіи солнца, мы вступили на равнину, орошаемую многими потоками, огражденную скалами и имѣющую видъ пространнаго элипсиса, покрытаго густою зеленью. Зато не было ни одного деревца, чтобъ защитить насъ отъ солнца, или прикрыть отъ непріятеля.

Я было сначала поколебался идти съ моею арміею по этой равнинѣ; но кимбуссы удостовѣрили меня, что дорога горами непроходима; по этому намъ не оставалось ничего болѣе, какъ слѣдовать вдоль берега рѣки и ускорить ходъ, чтобъ успѣть ранѣе непріятеля занять дефилеи.

Но и это уже было поздно. Вскорѣ наши ведеты во весь галопъ къ намъ присоединились. Они открыли въ отдаленіи корпусъ кавалеріи, несущійся во всю рысь; только небольшая долина отдѣляла ихъ отъ высотъ, съ которыхъ можно было обстрѣливать спускъ на равнину.

Не теряя времени, я расположилъ мою маленькую армію на полуостровѣ, образовавшемся отъ сліянія одного потока съ рѣкою. Этотъ потокъ имѣлъ высокіе берега, которые прикрывали нашъ лѣвый флангъ, а рѣка закрывала правый. Намъ оставалось защищать только отверзтіе угла, обращенное къ дефилеямъ. Я помѣстилъ Калулу, Клефену, веролюдовъ и багажъ въ вершинѣ угла, въ отверзтіи котораго, спѣшивъ конныхъ, выстроилъ всю армію, въ двѣ шеренги; изъ нихъ первая стала на колѣни, и всѣ воины скрестили свои копья, по моему указанію. — Теперь, держитесь крѣпко въ этой позиціи, сказалъ я имъ:—никто не трогайся съ мѣста, я буду позади васъ съ пистолетами и первому, кто попятится назадъ, размозжу голову. При томъ же и рѣка препятствуетъ бѣгству.

Я помѣстился съ моими тремя товарищами, также вооруженными

ружьями, и съ стрѣльцами киптильскими, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ первой шеренги.

— Лишь-бы только не перемѣнили они своего фронта! сказалъ Жакъ.—Посмотрите, какой безпорядочной массой они несутся? Двумя залпами сколькихъ мы снимемъ!

Футасы дѣйствительно неслись ураганомъ. Я боялся, чтобъ налетѣвъ на насъ, они не опрокинули нашу инфантерію, конечно съ потерею нѣсколькихъ своихъ всадниковъ. Къ счастію, опасенія мои были напрасны. Приближась къ намъ на разстояніе полутораста шаговъ, они приложили приклады длинныхъ своихъ ружей къ груди, и не прицѣлясь— выстрѣлили на удачу.

Большая часть выстрѣловъ пошла на воздухъ; нѣсколько пуль просвистѣло надъ нашими головами, но никто не былъ раненъ.

— Вы видите, закричалъ я нашимъ воинамъ, что ихъ ружья не вредятъ намъ. Держите крѣпко ваши копья, между-тѣмъ мы дадимъ залпъ, и побѣда наша! Но если будемъ побѣждены, васъ бросятъ въ рѣку!

Футасы, вмѣсто того, чтобъ совсѣмъ остановиться, только уменьшили бѣгъ лошадей своихъ для выстрѣла. Разсчитывая на паническій страхъ, обыкновенно производимый ихъ залпомъ, они понеслись опять впередъ; но шагахъ въ десяти отъ нашихъ копій, передняя линія ихъ всадниковъ поколебалась какъ-будто наскочивъ на каменный утёсъ. Наше молчаніе и неподвижность еще болѣе увеличили ихъ смятеніе. Они бы охотно и во всю прыть вернулись назадъ; но задніе, съ крикомъ и воплемъ, махая оружіемъ, тѣснили переднихъ и произвели общее замѣшательство. Между-тѣмъ нельзя было пренебрегать этой кавалеріей. Всадники были сильны, хороши собою и славно ѣздили на маленькихъ, быстрыхъ лошадкахъ съ высокими сѣдлами и алыми чепраками. Кольца, золотыя и серебряныя украшенія блистали на ихъ черныхъ, какъ смоль, лицахъ и тѣлѣ.

— Теперь, наша очередь! закричалъ я моимъ стрѣлкамъ. Смотри Жакъ, цѣлься хорошенько, сидя на твоей леопардовой кожѣ! Капитанъ Сулу-Фаръ, готовы-ли ваши луки? Слушать команду!

— Пли!

Я поберегъ свои два выстрѣла, чтобъ прежде видѣть, какое дѣйствіе произведетъ нашъ первый залпъ; онъ былъ гибеленъ для непріятеля. Въ свою очередь, и я выстрѣлилъ и свалилъ двухъ всадниковъ, которыхъ головы были украшены страусовыми перьями. Мы продолжали безпрерывно стрѣлять по бѣгущимъ.

— Теперь, на коня, на коня! вскричалъ я, и помчался впереди

всѣхъ, какъ-будто война была моимъ обыкновеннымъ занятіемъ. Калула и Клефена остались подъ защитою Гуга-Доиля.

Побѣда превратила моихъ киптиловъ и кимбуссовъ въ настоящихъ хищныхъ птицъ.

— Если они сядутъ на страусовъ, говорилъ Сулу-Фаръ, сдѣлавшись наконецъ достойнымъ капитанскаго званія, которымъ я такъ щедро его наградилъ, — и тогда ни одинъ изъ нихъ не спасется.

И въ-самомъ-дѣлѣ ни одинъ не спасся.

VI.

Съ вершины высокаго утеса, въ зрительную трубу, которую я нашелъ вмѣстѣ съ другими сокровищами въ караванѣ европейскаго путешественника, занесеннаго пескомъ, я могъ уже четыре дня видѣть Фрамацугду и ея столицу. Наконецъ мы достигли до границъ царя Шунде. Границы эти съ сѣвера защищены были широкою рѣкою Нурвалломъ. На маленькомъ каменистомъ островѣ, отстоящемъ на сто сажень отъ берега, виднѣлось нѣсколько рыбачьихъ хижинъ, хорошо выстроенныхъ изъ камня. Человѣкъ двѣнадцать въ красныхъ рубашкахъ сушили невода и грѣлись на солнцѣ, съ беззаботностію, свойственною людямъ, занимающимся этимъ промысломъ. Внезапное наше появленіе было для нихъ гальваническимъ ударомъ. Въ минуту все на островѣ стало верхъ-дномъ; женщины и дѣти выходили изъ хижинъ и въ ужасѣ опрометью бросались назадъ.

По другую сторону рѣки, ширина которой могла быть въ пятьсотъ сажень и которой противоположный берегъ былъ очень крутъ, на нѣсколькихъ уступахъ возвышались каменныя зубчатыя стѣны съ башнями въ феодальномъ стилѣ среднихъ-вѣковъ. Входъ, на которомъ не росло ни одного деревца, уподоблялся гласису новѣйшихъ крѣпостей; самый-же городъ, называемый Гарига, закрывался высокимъ берегомъ и укрѣпленіями.

Послѣ многихъ переговоровъ, одинъ рыбакъ согласился быть нашимъ посланнымъ къ губернатору Гариги, объявивъ напередъ, что намъ придется довольно долго ждать, потому-что доступъ во владѣнія Села-Шунде весьма затруднителенъ. Спустя часъ времени, мы увидѣли, что зубчатыя стѣны крѣпости покрылись множествомъ зрителей и въ тоже время отъ берега отвалила лодка съ двадцатью гребцами; они сидѣли въ два ряда, въ красныхъ рубашкахъ и въ остроконечныхъ съ широкими полями шляпахъ изъ пальмовыхъ листьевъ. На кормѣ, подъ небольшимъ балдахиномъ изъ красной ткани, небрежно лежалъ старецъ,

съ бѣлою какъ снѣгъ бородою; цвѣтъ лица его, равно какъ и гребцовъ, имѣлъ сходство съ цвѣтомъ лица Калулы. На немъ было широкое изъ бѣлой и голубой матеріи платье и шапочка, блиставшая разноцвѣтными перьями, какъ хвостъ павлина, распущенный на солнцѣ.

Я призналъ за лучшее сначала не говорить о томъ, что съ нами возвращается похищенная принцесса Фрамацугды. Мы не знали, все ли у нихъ было благополучно со времени отсутствія Калулы и не имѣли доселѣ на этотъ счетъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Должностное лицо, пріѣхавшее къ намъ изъ города, имѣло порученіе узнать только, что мы за люди, откуда и зачѣмъ пришли.

Дагашъ, или губернаторъ обѣщалъ посѣтить насъ завтрашній день; но, во всякомъ случаѣ, не могъ дозволить намъ переѣхать черезъ рѣку, до полученія на то точнаго и яснаго разрѣшенія отъ султана Села-Шунде.

— Такъ насъ хотятъ держать здѣсь какъ въ карантинѣ! сказалъ Жакъ. Пусть же дадутъ и помѣщеніе. Вонъ тамъ видѣнъ островокъ съ развалинами, онъ будетъ лучше для нашего лазарета, чѣмъ этотъ пустырь, въ которомъ, можетъ-быть, водятся львы и носороги, не говоря уже объ амфибіяхъ.

— Сохрани васъ Богъ! отвѣчало должностное лицо.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что тутъ обитаетъ Вамба Донга. Калула объяснила мнѣ, что этимъ именемъ въ Фрамацугдѣ зовется нечистая сила.

— Назадъ тому тысяча лѣтъ, продолжало должностное лицо, жители Гарига хотѣли построить на этомъ островкѣ крѣпость, которая командовала-бы рѣкою; но каждую ночь, всѣ инструменты для работъ и весь матеріялъ, невидимая сила переносила на другой берегъ рѣки, за цѣлую милю. Несмотря на это, успѣли возвести до трехъ четвертей эту башню, которая вамъ кажется въ развалинахъ; но она никогда не была достроена, потому-что въ ней поселился Вамба Донга и разогналъ всѣхъ работниковъ, грозя задушить ихъ. Такая же участь постигнетъ всякаго, кто отважится вступить на этотъ островъ.

— Я не боюсь Вамба Донга! и мы временно займемъ эту башню, если нѣтъ другихъ къ тому препятствій.

Едва я произнесъ эти слова, какъ Калула поблѣднѣла; это можно было изъяснить дѣйствіемъ суевѣрія, общаго всему народу; но меня очень удивило, что Гугъ Допль и даже Жакъ Томпсонъ сдѣлали кислыя лица. Что касается до киптиловъ и кимбусовъ, то они видимо намѣревались въ этомъ случаѣ, дать отъ насъ тягу.

— Теперь я вижу, что долженъ объявить вамъ, кто именно мы,

продолжалъ я, обращаясь къ губернаторскому посланнику. Скажите его превосходительству дагашу, что его превосходительство Іонафанъ Ромеръ, одинъ изъ важныхъ людей великой Америки желаетъ съ нимъ видѣться! Прибавьте къ этому, что знаменитая принцесса Калула, дочь властителя его Села Шунде находится съ нами и повелѣваетъ ему прислать лодки, чтобъ переѣхать на нихъ съ ея тѣлохранителями на ту сторону рѣки.

Старикъ фрамацудгскій, вполовину убѣжденный моими словами, бросился къ ногамъ Калулы, и не говоря ни слова, возвратился на другой берегъ.

Черезъ часъ цѣлая флотилія перевезла насъ на ту сторону Нурвалла. Я умолчу о подробностяхъ сдѣланнаго пріема, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ городахъ, до Килоама

Съ свойственною женщинамъ гибкостію, бѣдная невольница эмбомская прекрасно разыгрывала роль принцессы. Правда, что это была первоначальная, настоящая ея роль. Она оставалась все тою же, но не знаю какой-то блескъ величія окружалъ ее съ-тѣхъ-поръ, какъ она вступила во владѣнія своего отца.

Памятники Фрамацугды часто заставляли меня вспоминать о памятникахъ, погребенныхъ въ первобытныхъ лѣсахъ Америки, принадлежавшихъ государствамъ, древнѣйшимъ тѣхъ, которыя управлялись Инками. Жаль, что я не такъ силенъ въ археологіи и высшей этнографіи; но если пребываніе мое въ этой странѣ продолжится, оно не будетъ потеряно для науки, хотя бы даже я обрекъ себя на дѣятельную жизнь солдата. Но, скажутъ мнѣ: какое дѣло Европѣ до того, что происходитъ въ неизвѣстномъ центрѣ Африки? Килоамъ меньше насъ интересуетъ, чѣмъ мертвые города Геркуланумъ и Помпея. Совершенная правда, и я ничего не могу противъ этого сказать. Между-тѣмъ долженъ признаться, что несмотря на мои недавніе подвиги противъ футасовъ, я чувствовалъ что въ Африкѣ значеніе мое уменьшалось, по мѣрѣ того какъ возвышалась Калула. Я могъ сдѣлаться для нея просто авантюристомъ. Однажды я намекнулъ ей объ этомъ, когда мы стояли съ ней на террасѣ одного дворца, въ которомъ остановились и любовались милой ея сестрицей, — такъ часто называлъ я ночную небесную лампаду.

— Да, многое измѣнилось, отвѣчала она мнѣ: можетъ-быть и я нѣсколько, но ничего не перемѣнилось вотъ тутъ. И она положила мою руку на свое сердце. Гордость моя немного этимъ утѣшилась.

Въ-теченіе трехъ дней, чѣмъ далѣе мы шли, тѣмъ болѣе и болѣе казалась земля воздѣланною и населенною. Дорога была по сторонамъ

усажена фруктовыми деревьями; нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ были извѣстны, какъ напримѣръ, масличное, фиговое, миндальное; на послѣднее Калула, по нѣскольку разъ въ день указывала мнѣ съ торжествующей улыбкой.

Бо́льшая часть домовъ въ городѣ построена изъ камня въ родѣ бѣлаго мрамора съ желтымъ отливомъ. Камень этотъ такъ мало цѣнится, что обыкновенно покрываютъ стѣны домовъ зеленью и вьющимися цвѣтами. Больше всего я удивлялся водопроводамъ, и вспоминая о чудесныхъ въ этомъ родѣ сооруженіяхъ Римлянъ и Инковъ, принужденъ былъ сравнивать ихъ съ послѣдними, а не съ нашими бѣдными постройками. На пятый день къ вечеру нашего истинно торжественнаго шествія, мы увидѣли группу скачущихъ навстрѣчу къ намъ всадниковъ. На нихъ пестрѣли разноцвѣтныя перья, которымъ такъ удивлялись въ свое время Карлъ V и испанскій дворъ по завоеваніи Мексики. Но это зрѣлище заняло насъ на минуту. Вообразите восторгъ нашъ съ Калулою. Енфадде прижималъ насъ въ своихъ объятіяхъ. Енфадде, болѣе счастливый, чѣмъ сестра его, успѣлъ пробраться въ Фрамацугду, и узнавъ о нашемъ приближеніи бросился къ намъ навстрѣчу, лишь только получилъ на то позволеніе отъ престарѣлаго своего отца. Села-Шунде далъ себѣ обѣщаніе не разлучаться съ единственнымъ своимъ сыномъ, который такъ чудесно былъ ему возвращенъ. Есть радости, которыхъ человѣческое слово передать не можетъ, радости всѣхъ странъ и вѣковъ, радости скромныя, но неизъяснимыя—святыя радости семейства! Къ нимъ никакое земное величіе ничего прибавить не можетъ.

Я опасался, чтобъ Калула не лишилась чувствъ въ объятіяхъ своего брата, но потоки слезъ подѣйствовали на нее также спасительно, какъ и въ Сіерра-Леонѣ, хотя были слѣдствіемъ чувствъ другаго рода. Енфадде, равно какъ и сестра его, надѣленный всѣми благами природы, между которыми не боюсь включить и цвѣта его лица, котораго не сожгло тропическое солнце, а только, какъ бы выразились нынѣшніе романисты, дало ему особый блескъ и колоритъ, былъ въ тоже время однимъ изъ достойнѣйшихъ принцевъ; онъ повторялъ, что обязанъ мнѣ болѣе чѣмъ жизнію, потому-что я возвратилъ ему сестру его.

— Теперь, продолжалъ Енфадде, между-тѣмъ какъ мои всадники давали вздохнуть лошадямъ своимъ,—мнѣ хочется показать вамъ панораму нашей столицы. Я не забылъ Сіерра-Леоне, но сравните сами и скажите, что́ лучше!

Мы вошли, Енфадде, Калула, и я на одну возвышенность, откуда взоръ могъ обнимать обширную и самую живописную равнину въ свѣтѣ. Въ срединѣ ея было большое озеро Вооло, о которомъ такъ часто говорила

Калула. Эта зеркальная пелена водъ покрывалась въ одномъ мѣстѣ снѣговою пѣною отъ падающихъ въ озеро съ Лунныхъ-горъ каскадовъ, которые указывали на направленіе рѣки, называемой также Воолою. Тамъ, гдѣ эта рѣка, столь же величественная, какъ и рѣка св. Лаврентія, вытекаетъ изъ озера, возвышается большой городъ Килоамъ, окруженный другими городами на той же самой равнинѣ, пространство которой примѣрно простирается до пятидесяти квадратныхъ миль. Вообще эта равнина, покрытая изумрудною зеленью, окаймленная пурпуровыми, отъ захожденія солнца, горами и перерѣзанная многими серебристыми рѣчками, данницами большой рѣки, представляла дѣйствительно самую очаровательную картину!

Мой вѣрный адъютантъ, Жакъ Томпсонъ, послѣдовалъ за нами на высоту. Между тѣмъ какъ Енфадде съ сестрою разговаривали объ ихъ отцѣ, я погруженъ былъ въ созерцаніе чудныхъ красотъ.

— Жаль, сказалъ мнѣ Томпсонъ, что мы не можемъ остановить солнца. Сегодня мы не успѣемъ пріѣхать въ Килоамъ, и потому надо подумать о ночлегѣ.

Я сообщилъ объ этомъ замѣчаніи Енфадде.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ онъ, дорога, по которой мы будемъ спускаться, приведетъ насъ чрезъ два часа во второй городъ государства—Желабобъ.

Въ назначенное время мы вступили въ городъ, при звукѣ трубъ, при свѣтѣ факеловъ и безчисленномъ множествѣ фонарей на манеръ китайскихъ. Такъ праздновали жители наше прибытіе! По всему было видно, что насъ ожидали, и сдѣланный намъ пріемъ заранѣе былъ приготовленъ. Мы шли подъ гирляндами свѣжихъ цвѣтовъ, какъ подъ балдахиномъ, отъ самыхъ городскихъ воротъ до дворца, гдѣ должны были провести ночь. Улицы усыпаны были благовонными травами; мы дышали ароматическимъ воздухомъ, о которомъ и понятія не имѣютъ въ городахъ европейскихъ. Группы молодыхъ дѣвушекъ, въ прелестной одеждѣ, пѣли въ честь своей принцессы, акомпанируя тамбуринами. Судя по этому образцу, я не скажу, чтобъ эта нація одарена была музыкальнымъ ухомъ. Когда народъ повторялъ хоромъ припѣвъ, уши мои подвергнуты были жесточайшему испытанію. Это тѣмъ болѣе меня удивляло, что Калула имѣла пріятный голосъ и пѣла съ большимъ чувствомъ. Я долженъ однакожъ сказать, что знаніе музыки, равно какъ и всѣхъ изящныхъ искусствъ, составляетъ вездѣ принадлежность только образованнѣйшаго класса общества.

— Іонафанъ, сказала мнѣ Калула, когда мы вошли во дворецъ:—

у меня есть къ тебѣ большая просьба; сдѣлай милость, исполни ее, прежде прибытія нашего въ Килоамъ.

— Какъ просьба? Теперь, Калула, ты моя повелительница!

— Отецъ мой желаетъ, чтобъ ты явился ко двору въ одеждѣ нашихъ первыхъ чиновъ. Мнѣ хочется самой повязать тебѣ чалму. Ты можешь на свое платье надѣть эту бѣлую съ голубымъ тунику, украшенную разноцвѣтными перьями.

— Чтобы сдѣлать тебѣ угодное, Калула, я готовъ нарядиться во что хочешь, но думаю, что такой костюмъ не очень удобенъ для верховой ѣзды?

— Да ты и не поѣдешь верхомъ, а будешь сидѣть въ паланкинѣ.

— Вмѣстѣ съ тобою?

— Нѣтъ, Іонафанъ, сказала она, улыбаясь, но я буду недалеко.

Въ тотъ же вечеръ я примѣрилъ мой новый костюмъ. Жакъ-Томсонъ и Гугъ Доиль также позволили очалмить себя и одѣлись въ длинныя развивающіяся туники.

Я не могъ смотрѣть на нихъ безъ смѣха; но, кажется, мой костюмъ внушалъ имъ уваженіе; впрочемъ они больше заняты были собою, чѣмъ моею важною персоною.

Послѣ пиршества играла музыка, не раздиравшая такъ ушей моихъ какъ вчерашняя. Танцовщицы,—по счастію танцовщиковъ не было,—не уступали въ искусствѣ никакому кор-де-балегу. Между-тѣмъ мнѣ не легко было понравиться, потому-что я аплодировалъ Фанни Эльслеръ въ Нью-Іоркѣ. Что касается до фокусниковъ, то Гугъ Доиль и Жакъ Томсонъ и теперь еще вѣрятъ, что это были настоящіе колдуны. Они превращали человѣка въ дерево, на которомъ, тутъ же, предъ вами, выростали плоды. У одного вдругъ исчезла осѣдланная лошадь, другой проглотилъ четырехъ змѣй, надулся какъ воздушный шаръ, лопнулъ и исчезъ въ огнѣ. Остались только четыре ползущія змѣи, да другой фокусникъ, который нанизалъ ихъ на свои руки, какъ браслеты. Всѣ эти очарованія не поколебали моего американскаго невѣрія, но я далъ себѣ обѣщаніе узнать отъ фокусниковъ тайну ихъ превращеній.

VII.

Я принимаюсь опять за повѣствованіе, прервавшееся среди моста перекинутаго чрезъ большую рѣку на двѣнадцати гигантскихъ аркахъ. Тутъ мы были привѣтствуемы депутаціей отъ жителей Килоама. Отъ моста дорога тянулась между двумя стѣнами, которыя связывали городъ съ рѣкою, какъ Пирей съ Аѳинами. Мы прошли чрезъ нѣсколько тріумфальныхъ воротъ, которыхъ не стану описывать; наконецъ, нашъ

поѣздъ въѣхалъ на обширную площадь, окруженную высокими зданіями длинными коллонадами и орошаемую монументальными фонтанами. Многія улицы выходили на эту площадь; нашъ поѣздъ направился по самой широкой, вымощенной большими плитами. Она простиралась въ длину, по-крайней-мѣрѣ, на двѣ мили, и привела насъ къ отвѣсной каменной скалѣ, на вершинѣ которой возвышался акрополисъ, или укрѣпленный дворецъ султана.

У подошвы горы, на которой находится акрополисъ, улица обращается въ двѣ гигантскія лѣстницы, изсѣченныя въ каменномъ утесѣ и описывающія двѣ длинныя спирали. Народъ толпился на нихъ въ разноцвѣтной, блестящей одеждѣ и походилъ на двухъ чудовищныхъ бо́а.

Высокая арка привела насъ въ тоннель, также просѣченный въ утесѣ; входъ въ него воспрещенъ былъ народу, потому-что онъ велъ въ воздушный дворецъ султановъ или царей Фрамацугды и въ подземные ихъ склепы. Меня и Калулу несли въ особыхъ паланкинахъ, въ третьемъ помѣщались Жакъ Томпсонъ и Гугъ Доиль. За ними слѣдовалъ Гассанъ на нашемъ вѣрномъ гери. Всадники Енфадде заключали шествіе. Прочіе наши воины и весь багажъ оставлены были въ Желлабобѣ.

Появленіе наше на вершинѣ привѣтствовано было оглушительнымъ ревомъ трубъ. Трубы фрамацугдскія далеко оставляютъ за собой наши мѣдные духовые инструменты. Ихъ трубы имѣютъ видъ длинныхъ змѣй, свернутыхъ въ кольца, съ широкимъ, какъ пасть, отверзтіемъ. Рѣшительно у этого народа барабанная перепонка въ ушахъ должна быть самая нечувствительная. Правда, что эта музыка исполнена была на открытомъ мѣстѣ, на одной изъ главныхъ возвышенностей Лунныхъ-горъ, на которой стоялъ акрополисъ. Звуки, вмѣсто того, чтобъ по отраженіи опять соединиться, разносились въ воздухѣ.

Фасадъ дворца представляетъ странное смѣшеніе архитектуръ индійской, египетской и арабской. Колоннъ до чрезвычайности много. Великолѣпная лѣстница привела насъ въ огромный залъ, наполненный разнаго рода чиновными людьми, которые при видѣ Енфадде, Калулы и меня въ почтительномъ молчаніи падали на колѣни. Этотъ залъ, посреди котораго былъ огромный бассейнъ, наполненный благовонною водою, разливалъ повсюду пріятную прохладу и благоуханіе. По данному принцомъ Енфадде знаку, двѣ пальмовыя, украшенныя золотомъ и серебромъ двери сами собою растворились, и мы вошли въ галлерею, поддерживаемую двумя рядами высокихъ колоннъ. Каждая изъ колоннъ изображала двухъ свитыхъ между собою змѣй. По словамъ Енфадде,— Калула съ самаго входа въ Килоамъ, отъ избытка чувствъ, или для

поддержанія своего достоинства молчала,—колонны, сдѣланныя изъ рѣзнаго дерева, покрыты были настоящею змѣиною кожею, такъ-что всѣ эти блестящія пресмыкающіяся казались живыми. Выгнутыя ихъ шеи поддерживали легкій карнизъ, фризы котораго покрыты были фресками, изображающими разные плоды и цвѣты изъ чистаго золота и серебра. Я думалъ, что очутился во дворцѣ Монтецумы.

Галлерея могла имѣть въ въ длину 400 и въ ширину между колоннами 50 футовъ. Отъ колоннъ до стѣнъ пространство, около 15 футовъ, занято было широкими диванами, на которыхъ сидѣли военные и гражданскіе чиновники въ великолѣпной одеждѣ. Полъ между колоннами покрытъ былъ мозаикою, изображающею всевозможныя тропическія растенія. На сучьяхъ деревьевъ и въ кустахъ ліанъ играли и прыгали разнаго рода обезьяны, иныя съ крыльями. Были также крылатыя змѣи и ящерицы.

— Господинъ Ромеръ, сказалъ мнѣ потихоньку Гугъ Доиль, который слѣдовалъ за мною съ Жакомъ,—Енфадде и Калула шли впереди, — господинъ Ромеръ, ужъ не въ замкѣ ли мы Вамба Донга?

— Молчи, глупецъ!

Жакъ Томпсонъ былъ также суевѣренъ какъ, Гугъ и Доиль. Но въ эту минуту я не могъ разсѣять ихъ сомнѣнія. Откровенно долженъ сказать, что я и самъ не зналъ, гдѣ нахожусь. Войдя въ залъ, который звали заломъ фонтановъ, я былъ совершенно ослѣпленъ. Причину этого мнѣ тотчасъ объяснили. По обѣимъ сторонамъ галлереи тысячи водопадовъ описывали параллельныя, параболическія линіи, и образовали надъ нашими головами колеблющійся водяной сводъ. Волны свѣта отъ множества люстръ надъ этимъ сводомъ превращали водяныя брызги въ миріады драгоцѣнныхъ камней и алмазовъ.

Я выведенъ былъ изъ восхищенія, которому предавался невольно, при видѣ всѣхъ этихъ чудесъ, глупымъ замѣчаніемъ Гуга Доиля; онъ сказалъ потихоньку Жаку: кажется всѣ эти змѣи живыя, мнѣ страшно?

Наконецъ мы вошли въ тронный залъ, посреди котораго было возвышеніе изъ полированной слоновой кости, также какъ и ступени, къ нему ведущія. На возвышеніи стоялъ тронъ, спинка котораго, изъ чистаго золота, имѣла видъ щита съ изображеніемъ солнца, и поддерживалась двумя серебряными львами. Шесть крылатыхъ змѣй, которыхъ хвосты обвивались около золотыхъ колецъ на сводѣ зала, спускались спиральными изгибами къ трону и осѣняли его широкими разноцвѣтными крыльями, превосходящими своимъ блескомъ всѣхъ тропическихъ бабочекъ.

Каждая змѣя держала въ своей пасти букетъ золотыхъ и серебряныхъ цвѣтовъ, блиставшихъ рубинами, изумрудами, опалами и бриллiантами, какъ блистаютъ живые цвѣты отъ росинокъ.

При звукахъ усладительной музыки, величественный старецъ, въ простой развѣвающейся мантiи, бѣлой, какъ его снѣжные волосы, приблизился къ трону и сѣлъ на него Тогда Енфадде, который еще прежде отвелъ Калулу во внутреннiя комнаты, гдѣ султанъ Шунде, безъ свидѣтелей, могъ обнять дочь свою и провести съ нею первыя минуты свиданья въ обмѣнѣ чувствъ, которыя можно понимать, но не описывать, Енфадде представилъ меня своему отцу. Благородный старецъ самъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ навстрѣчу; когда я хотѣлъ войти на возвышенiе и броситься на колѣни, онъ простеръ свою руку, которую я поцаловалъ.

— Спаситель дѣтей моихъ, сказалъ онъ мнѣ: добро пожаловать въ царство отцевъ моихъ! Ближе, молодой человѣкъ, сюда, къ моему сердцу! Я имѣлъ двухъ дѣтей, теперь у меня ихъ трое! Да будетъ благословенно верховное существо! Благородные, мудрые мужи Фрамацугды, этотъ иностранецъ отселѣ — сынъ вашего султана...

— Все это хорошо и прекрасно, сказалъ мнѣ вечеромъ Жакъ, и я, конечно, не сталъ-бы жаловаться на то, что невѣста ваша слишкомъ прелестна; но за чѣмъ, скажите, такое множество змѣй? Змѣя всегда была непримиримымъ врагомъ человѣческаго рода. Меня пронимаетъ дрожь, когда я слушаю этого труса Гуга Доиля, который увѣряетъ, что здѣсь откармливаютъ человѣческимъ мясомъ всякаго рода гремучихъ и негремучихъ змѣй!

— Жакъ, ты не трусъ и съ разсудкомъ. Какъ же ты можешь вѣрить такому вздору?

— Я не прочь жить въ этой землѣ господиномъ, еслибъ только достать табаку; пожалуй, помирюсь и на гаванскiя сигары. Но долго не забыть мнѣ портера старой Англiи, хотя и говоритъ Гугъ Доиль, что здѣсь нѣтъ недостатка въ напиткахъ, имѣющихъ пріятное броженiе...

— Я надѣюсь на тебя, Жакъ, что ты не допустишь Гуга Доиля впасть въ старые грѣхи. Онъ представитель здѣсь зеленаго Ерина, какъ ты представитель старой Англiи, а я Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

— Какъ вы думаете, господинъ Ромеръ, продолжалъ Жакъ: можно ли найти здѣсь библiю, чтобъ обратить ихъ въ христiанство, если они язычники и поклоняются, подъ видомъ змѣй, нечистой силѣ?

— Ты опять въ совершенномъ заблужденiи, Жакъ. Они поклоняются солнцу, какъ представителю верховнаго существа, и слѣдуютъ

религіи Зороастра. Конечно, желательно было бы обратить ихъ въ христіанство, но для этого нужно нѣкоторое время.

Одинъ изъ находящихся собственно при мнѣ придворныхъ чиновниковъ былъ замѣчательнѣйшимъ въ этой странѣ политикомъ. Онъ разсказалъ мнѣ все устройство ихъ управленія. Власть султана была монархическая, неограниченная, наслѣдственная въ мужескомъ поколѣніи.

— Но, спросилъ я моего политика, по имени Сейвадъ Даль-Гука, не водятся-ли у васъ идеологи, смущающіе людей блестящими, но въ сущности пустыми, глупѣйшими теоріями?

Мнѣ стоило нѣкотораго труда объяснить ему значеніе слова идеологъ. Напослѣдокъ, онъ меня, какъ кажется, понялъ и сказалъ: — У насъ старинный обычай положилъ спасительную преграду нововведеніямъ и въ особенности новымъ идеямъ, отъ которыхъ можно ожидать пагубныхъ волненій. Вы, вѣрно, замѣтили на дорогѣ и даже на городскихъ площадяхъ памятники, состоящіе изъ положенныхъ одинъ на другой шаровъ, величина которыхъ къ-верху все уменьшается и на самомъ послѣднемъ находится изъ волканической лавы кубикъ, изъ средины котораго каждую ночь свѣтитъ бѣлый или зеленый огонекъ. Это мавзолеи, воздвигнутые въ память фольдефоосовъ, или «искателей мудрости». Эти энтузіасты отрекаются отъ всѣхъ мірскихъ радостей и посвящаютъ себя глубокому изученію нравственности, или политики.

— Не составляютъ-ли они въ государствѣ особой корпораціи?

Слово корпорація также для него было непонятно, какъ и слово идеологъ. Въ Фрамацугдѣ не существуетъ корпорацій.

— У насъ, продолжалъ онъ, истинный талантъ и заслуги открываютъ каждому дорогу для занятія самыхъ почетныхъ должноей въ Фрамацугдѣ. Кто же пожелаетъ быть фольдефоосомъ, тотъ обязанъ прежде доказать достаточную для того способность. Что касается до дѣйствительнаго къ тому призванія, то самая развязка, какъ увидите, покажетъ, имѣлъ-ли онъ его.

— Нужно, чтобъ вступающій въ это званіе имѣлъ не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Съ этого времени правительство назначаетъ ему пенсіонъ, чтобъ избавить его отъ нуждъ житейскихъ. Онъ объѣзжаетъ города и деревни, изучаетъ исторію, древности, законы и проч. Послѣ своихъ путешествій, онъ удаляется въ уединенное мѣсто, чтобъ углубиться въ размышленія, для открытія какой-нибудь полезной истины, которая будетъ стоить ему жизни, но обезсмертитъ его въ потомствѣ.

— Какъ, будетъ стоить жизни вскричалъ я, удивленный такимъ результатомъ открытія полезной истины, тогда какъ наши умники стараго и новаго свѣта хвастаются ежедневнымъ открытіемъ новыхъ истинъ.

— Но какой же признательности отъ будущихъ поколѣній можетъ ожидать, отвѣчалъ Сейвадъ-Даль-Гукъ, ложный мудрецъ, который не пожертвуетъ временной жизнію для вѣчной истины? Когда исполнится фольдефоосу ровно сорокъ лѣтъ отъ рожденья, онъ является въ этотъ день предъ собраніе восьмидесятилѣтнихъ старцевъ Фрамацугды, и объявляетъ имъ, открылъ или нѣтъ истину, достойную для принесенія себя самого въ жертву. Въ этомъ дѣлѣ онъ самъ себѣ судья. Ему предстоитъ сознаться въ неуспѣхѣ и смѣшать себя съ толпою, или войти на огромный костеръ, убранный цвѣтами. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ облекается въ блистательной бѣлизны тунику; одна изъ прелестнѣйшихъ во всей странѣ дѣвъ надѣваетъ на его голову вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ; шесть другихъ дѣвушекъ поютъ въ честь героевъ, которые жертвуютъ своею жизнію для истины. Но вдругъ, пѣніе умолкаетъ; фольдефоосъ съ высоты костра, какъ съ пьедестала, объявляетъ во всеуслышаніе истину, или нравственное правило, за которое приноситъ себя въ жертву. Эта истина переходитъ отъ одного къ другому, повторяется всѣми присутствующими, и по данному знаку общее восклицаніе раздается въ воздухѣ. Но и въ эту минуту, фольдефоосъ можетъ еще отречься отъ найденной имъ истины и сойти съ вершины костра по лѣстницѣ. Ему достаточно снять съ головы вѣнокъ изъ розъ и возвратить его молодой дѣвушкѣ, которая подаетъ ему зажженный факелъ. Если онъ остается непоколебимъ, то беретъ факелъ и напечатлѣваетъ чистый, символическій поцѣлуй на челѣ непорочной дѣвушки; тогда она сходитъ съ лѣстницы. Опять раздаются восклицанія. Трижды фольдефоосъ поднимаетъ надъ своею головою горящій факелъ и потомъ вонзаетъ въ средину горючаго матеріяла собраннаго предъ костромъ. Въ мгновеніе ока все изчезаетъ въ облакахъ дыма.

— Вы видите, сказалъ я Сейвадъ-Даль-Гуку, что я исполненъ удивленія къ этимъ мученикамъ мудрости. Какъ не позавидовать подобнымъ учрежденіямъ! Сколько въ Европѣ пролито было крови за идеи, далекія отъ истины, между-тѣмъ, какъ распространители ихъ величали себя безкорыстными подвижниками, пока не добились власти, или богатства! Какъ ваши фольдефоосы выше мнимыхъ нашихъ мудрецовъ!

— Въ самый день смерти искателя истины, продолжалъ Сейвадъ-Даль-Гукъ: воздвигаютъ ему одинъ изъ извѣстныхъ вамъ памятниковъ, на которомъ начертываютъ открытую имъ истину.

— Въ ожиданіи срока, назначеннаго для свадьбы моей съ принцессой, я желалъ бы обозрѣть эти памятники, для прочтенія на нихъ истинъ, открытыхъ фольдефоосами. Но отъ чего одни памятники выше другихъ?

— Высокіе памятники, отвѣчалъ Сейвадъ, вновь воздвигнуты въ честь великихъ истинъ, которыя устояли въ-теченіе многихъ вѣковъ. По прошествіи пяти сотъ лѣтъ прочіе памятники уничтожаются. Мы имѣемъ одинъ, котораго не поколебали тысячелѣтія.

— Что-же гласитъ его истина?

— Люби Бога, который любитъ людей!

— Господь, умершій на крестѣ, далъ намъ подобную заповѣдь: Люби Бога! люби ближняго! Если эта истина чтится вами болѣе другихъ и если вы ее исполняете, то вы не далеки отъ христіанства! Но неужели вы боготворите солнце?

— Нѣтъ, мы вѣруемъ въ Существо Высшее, а солнцу поклоняемся только какъ проявленію его благости, потому-что оно свѣтитъ для всѣхъ, отвѣчалъ мудрецъ фрамацугдскій.

Между-тѣмъ, свадьба моя должна была совершиться по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Въ-продолженіе всего этого времени, по обычаю страны, женихъ долженъ жить въ совершенномъ уединеніи. Конечно старинные обычаи заслуживаютъ всякаго уваженія, но подобное испытаніе, несмотря на дружбу Енфадде, превышало мои силы. Мы втайнѣ условились съ Калулой, чрезъ каждые десять дней, въ лѣсу, на горѣ, гдѣ стоитъ акрополисъ, хотя по нѣскольку минутъ разговаривать. Я не могъ дождаться перваго изъ этихъ невинныхъ свиданій. У меня только и было развлеченія смотрѣть, какъ учится гвардія султана Шунде, да гулять въ чудныхъ его садахъ. Иногда я посѣщалъ его звѣринцы, и разговаривалъ съ укротителями звѣрей и заговаривателями змѣй.

Наконецъ насталъ часъ свиданія! Изъ дворцоваго сада я пробрался въ лѣсъ, гдѣ недолго ждалъ Калулу.

Лѣсъ этотъ, по своей сильной и роскошной растительности, уподоблялся дѣвственнымъ лѣсамъ экватора. Наше присутствіе нисколько не возмутило обезьянъ и попугаевъ, въ немъ обитающихъ. Тѣ и другіе надоѣли мнѣ своимъ скаканьемъ и болтаньемъ. Они какъ-будто насмѣхались надъ моими нѣжностями и передразнивали меня.

— Еслибъ у меня было ружье! сказалъ я Калулѣ, въ минуту нетерпѣнія.

— За что жъ ихъ убивать, Іонафанъ? пусть веселятся! Въ моихъ комнатахъ много есть попугаевъ и одна прекрасная, легче перышка, обезьяна; увидишь, какъ она забавна.

— Хоть я и не жалую обезьянъ, но твоя любимица, Калула, будетъ и моею. Но что это значитъ? Всѣ попугаи вдругъ умолкли и обезьяны скрылись!

— Ты этого желалъ, Іонафанъ.

Глубокая тишина замѣнила шумъ, совершенное спокойствіе — рѣзвость обезьянъ; вѣтеръ совсѣмъ утихъ, листья не шевелились.

— Что́ это значитъ, Калула? Неужели эти животныя тебѣ повинуются?

— У насъ есть усмирители звѣрей и заговариватели змѣй, но кто можетъ остановить рѣзвость обезьянъ и болтанье попугаевъ? Нѣтъ, Іонафанъ, я не имѣю этой власти и боюсь, чтобъ эта страшная тишина не была предвѣстницею бури. Онѣ бываютъ слишкомъ жестоки въ Фрамацугдѣ и потому намъ надо скорѣе разстаться.

— Какъ это можно, Калула? отказаться отъ такихъ рѣдкихъ, сладостныхъ минутъ! отказаться отъ счастія...

Слова мои были прерваны ужаснымъ ревомъ.

— Развѣ мы подлѣ звѣринца? сказалъ я Калулѣ.

— Бѣжимъ! бѣжимъ! было единственнымъ ея отвѣтомъ. Но бѣжать было поздно. Страшной величины левъ вышелъ изъ чащи лѣса и однимъ скачкомъ очутился на прогалинѣ, гдѣ мы находились. По его щетинистой гривѣ, по его сверкающимъ, какъ молнія, глазамъ было видно, что онъ не бывалъ въ рукахъ укротителя звѣрей.

— И у меня нѣтъ оружія! сказалъ я Калулѣ, прижимая ее въ свои объятія, и стараясь закрыть собою отъ звѣря.

Мы оставались нѣсколько секундъ въ положеніи несчастныхъ, которыхъ обрекали римляне на разтерзаніе дикими звѣрями въ колизеѣ. Это воспоминаніе мгновенно пробудилось въ душѣ моей, при нашей неминуемой гибели.

— Калула, если мы должны умереть вмѣстѣ, умри христіанкою!

— Согласна, Іонафанъ, но это страшное чудовище не сводитъ съ насъ глазъ, и сію секунду на насъ бросится...

— Спасайся, Калула, еще есть время, я одинъ умру...

— Нѣтъ, я тебя не оставлю. Онъ не двигается съ мѣста, но пожираетъ насъ страшными глазами! О! еслибъ пришли на нашу помощь змѣи! Онъ отвращаетъ глаза; вѣрно услышалъ шумъ. Смотри, смотри вокругъ огромнаго боабаба,—это бо́а! мы спасены! И она упала безъ чувствъ въ мои объятія. Въ ту же секунду, я увидѣлъ длинную, зеленоватую, чудовищную змѣю, обвивающуюся около льва. Не дожидаясь конца борьбы ихъ, я схватилъ Калулу на руки и помчался съ нею въ ближайшую ко дворцу рощу, гдѣ она скоро пришла въ чувство.

— Теперь, спѣши, Калула въ свои комнаты, кто знаетъ, чѣмъ кончится ихъ борьба.

— О! не бойся ничего, отвѣчала она. Левъ умервщленъ. Бо́а пріі-

учены къ такой охотѣ. Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ, левъ осмѣлился войти въ этотъ лѣсъ.

— Вотъ видишь! сказалъ я Жаку, когда онъ по обыкновенію пришелъ ко мнѣ вечеромъ, — и змѣи на что-нибудь годятся!

— Зачѣмъ не пошлютъ ихъ на футасовъ! вскричалъ Жакъ.

— На футасовъ я замышляю экспедицію. У насъ есть съ полсотни ружей, считая тѣ, которыя подняли съ поля сраженія; жаль только, что нѣтъ пуль и пороха.

— За неимѣніемъ свинца, продолжалъ Жакъ, можно вылить пули изъ серебра и золота.

— А гдѣ взять порохъ?

— Вы докторъ и слѣдовательно химикъ, господинъ Іонафанъ. Гугъ-Доиль сказывалъ мнѣ, что работалъ прежде на пороховыхъ заводахъ. Втроемъ мы можемъ надѣлать пороху и на вашей свадьбѣ дадимъ блистательный фейерверкъ!.. Ихъ фокусники, несмотря на ихъ колдовство, вѣрно, ничего подобнаго никогда не видали.

— Вотъ это дѣльно, Жакъ. Примемся за работу. Но ненужно-ли тебѣ чего послать къ твоей матери?

— Вы шутите, господинъ Іонафанъ. Развѣ вы имѣете какой-нибудь къ этому случай?

— Гассанъ на будущей недѣлѣ отправляется на нашемъ гери. Онъ обѣщаетъ пріѣхать безъ затрудненія въ Могадоръ или Тунисъ, съ какимъ-нибудь караваномъ, направленія которыхъ ему хорошо извѣстны. Я посылаю съ нимъ письма въ тотъ и другой городъ къ нашимъ консуламъ, и заказываю въ Бирмингамѣ тысячу ружей, которыя будутъ пока храниться въ Могадорѣ, а когда очистимъ границы Фрамацугды, то получимъ ихъ съ караванами. Съ этими ружьями, когда они будутъ у меня въ рукахъ, я сдѣлаю въ срединѣ Африки такія же завоеванія, какія сдѣлалъ Сезострисъ и Киръ въ Азіи. По тебѣ ли это, Жакъ?

— Совершенно! только не забудьте, чтобъ прислали и табаку. Я пошлю кое-что моей доброй старушкѣ, которая, вѣрно, вспоминаетъ меня всякій разъ, когда читаетъ свою библію. Добрая матушка! Повѣрите-ли, господинъ Іонафанъ, какъ ни хорошо здѣсь, но я не могу привыкнуть къ мысли умереть, не повидавшись съ нею.

Между-тѣмъ какъ Гассанъ приготовлялся къ путешествію, я воспользовался свободнымъ временемъ, которымъ наградилъ меня обычай этой страны, чтобъ описать мои приключенія. Я останавливаюсь предъ развязкою. Завтра кончится срокъ моему испытанію. Завтра, если не случится чего непредвидѣннаго, я сдѣлаюсь мужемъ Калулы, зятемъ царя Килоама. Можетъ-быть, когда-нибудь, опять возьмусь за перо, и

мои соотечественники узнаютъ, успѣлъ-ли я осуществить мои планы о просвѣщеніи этой страны, которыми такъ усердно занимался въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ. Между-тѣмъ, пока еще не дошли до меня ружья и военные снаряды, я займусь окончательнымъ соображеніемъ моихъ плановъ, потому-что не начну войны, не исчисливъ прежде всѣхъ ея случайностей. Въ мои лѣта не должно рисковать благополучіемъ, которымъ я могу наслаждаться. Принцессъ, подобныхъ Калулѣ, немного въ Африкѣ! Я дружески предваряю тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые вздумали бы попытаться ко мнѣ пріѣхать, что они могутъ разсчитывать на хорошій здѣсь пріемъ, но не должны надѣяться, что съ перваго раза сдѣлаются принцами въ Фрамацугдѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Хотя въ описаніи Фрамацугды нашъ америко-африканскій принцъ, вѣроятно увлекся, подражаніемъ утопіи Томаса Морюса, но я могу ручаться за справедливость остальнаго въ этой географической одиссеѣ.

Я получилъ изъ Могадора записки моего стариннаго собрата и друга Іонафана Ромера... Осуществилъ ли онъ планы завоеваній? или призналъ за лучшее продлить свой медовой мѣсяцъ, не знаю; но я его слишкомъ люблю, чтобъ не пожелать ему, несмотря на его пылкое воображеніе, и каково бы ни было дѣйствительное значеніе султана килоамскаго, чтобъ онъ кончилъ, какъ кончаютъ многіе герои въ романахъ, то-есть сдѣлался бы счастливымъ супругомъ принцессы и счастливымъ отцемъ дочери, которая, вѣрно, превзойдетъ красотою свою мать. *.

---

* Издатель осмѣлился выкинуть изъ манускрипта г. Ромера нѣсколько географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о центральной Африкѣ, которыя, конечно, имѣютъ свое достоинство, но мало прибавляютъ новаго къ тому, что уже знаемъ изъ описаній Клаппертона, Ланга, Денмана, Сиддія и Ландера. Г. Роммеръ, кажется, полагаетъ, что жители Фрамацугды происходятъ отъ карѳагенскихъ выходцевъ; но нѣкоторое сходство арабскаго языка съ языкомъ фрамацугдскимъ заставляетъ думать, что предки ихъ скорѣе выходцы изъ Іемена или Гадрамата, то-есть, съ южнаго берега полуострова аравійскаго. Во всякомъ случаѣ, мы воздержимся отъ окончательнаго заключенія до полученія новыхъ свѣдѣній.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ГОСТЬ У В. А. КАРАТЫГИНА.

—

Послѣ славнаго перехода чрезъ Сулакъ пятаго пѣхотнаго корпуса, батальонъ нашъ, возвращаясь на квартиры, былъ не надолго расположенъ въ С. Умолчу о роскошныхъ данныхъ города, гдѣ, въ то время, желудочная прихоть сибарита ограничивалась бараньимъ супомъ, бараньимъ шашлыкомъ и пирожками съ бараниною, а удовольствія скачкою въ запуски на татарскомъ конѣ и театромъ. Хорошо извѣдавъ тѣ наслажденія, какими вообще дарятъ своихъ посѣтителей провинціальныя труппы, мы, не торопились въ кассу с-го театра... Но исходивъ вдоль и поперегъ городъ, мы не нашли въ немъ ничего, кромѣ духановъ, или кофеенъ, въ которыхъ много табачнаго дыма, черезъ чуръ много полыннаго вина (виноградnаго замѣтьте!) и еще болѣе евреевъ и татаръ, забавляющихся игрою въ лото, или сальнымъ семействомъ валетовъ всѣхъ четырехъ мастей... Обратясь къ другимъ удовольствіямъ, многіе изъ насъ нашли, что шашлыкъ такое жирное кушанье, отъ котораго можно отказаться на другой день, во вторую трапезу; къ тому же оказалось, что пирожки с-ія и его лошади имѣютъ какое-то родственное сходство... и потому, забывая уже о бараньей лапшѣ потомковъ Керимъ-Гирея, мы неизбѣжно должны были обратиться къ театру..

Быть-можетъ... чего не случается!.. теперь въ С. воздвиглось красивое театральное зданіе, въ три этажа съ пристройками, съ роскошной залой, съ илюминованныи подъѣздами... быть-можетъ, этотъ некарточный домъ вмѣщаетъ въ себѣ обширную сцену, кладовую для костюмовъ, даже библіотеку самаго антрепренера и семью разнокалиберныхъ актрисъ, при порядочномъ запасѣ статистовъ... Но въ наше время довольно мрачное, ветхое, одноэтажное зданіе вмѣщало въ себѣ все то, что мы предполагаемъ помѣстить въ домѣ, построенномъ нашимъ воображеніемъ... Длинный, узкій и слабо освѣщенный корридоръ, потомъ дверь налѣво, потомъ дверь направо.

Тутъ, противу всякаго желанія, посѣтитель идетъ на сцену, гдѣ утромъ встѣчаются артисты, разучивающіе пьесу; въ полдень, толстый котъ, раздѣляющій вмѣстѣ со старымъ инвалидомъ надзоръ за цѣлостью театральнаго скарба и вечеромъ тѣже артисты, тотъ-же котъ,

тотъ-же инвалидъ и иногда—небольшое число посѣтителей, т. е. въ тѣ дни, которые антрепренеръ не называлъ черными. Намъ именно удалось познакомиться съ с—мъ театромъ и его артистами въ черный день, въ такой черный, что по оказавшейся пустотѣ въ кассѣ, сцена, къ 7 часамъ вечера, освѣщалась только—однимъ сальнымъ огаркомъ, поставленнымъ на табуретъ у суфлерской будки. Мрачно было на этой крошечной сценѣ, съ которой, какъ въ темную пропасть,—открывался видъ въ пустототу партера и ложъ. Старикъ суфлеръ, надвинувъ на глаза гороховый картузъ, сидѣлъ на тубаретѣ и съ безотчетно-грустною миною переминалъ табакъ въ своей тавлинкѣ;—у ногъ его лежала мелко-исписанная тетрадь, на ней—знакомый намъ котъ. Справа, у боковой декораціи, закостюмированные статисты, расположась на полу, играли дынными сѣмечками въ четъ и нечетъ; рядомъ съ ними помѣщался сѣдой инвалидъ, внимательно строчившій подметку. Вѣроятно, онъ потому только не оставлялъ теперь сцены, что могъ пользоваться даровымъ свѣтомъ огарка. Самъ антрепренеръ (онъ же и первый трагикъ) сбосивъ на глаза густой пукъ волосъ и скрестивъ на груди руки, мрачно посматривалъ то на стараго суфлера, то на статистовъ, такъ щедро награжденныхъ отважною безпечностію и такъ мало—талантомъ...

Эта печальная, нѣмая сцена длилась нескончаемо долго... Со стороны было грустно глядѣть на жалкую семью усердныхъ жрецовъ искуства...

Но вотъ дрогнули тяжелыя подмостки сцены, и антрепренеръ двинулся съ мѣста. Мрачное выраженіе его лица перешло почти въ звѣрское, когда онъ поравнялся съ статистами и инвалидомъ.

Всѣ подняли головы; даже котъ, разбуженный скрипомъ пола, мурлыча, потянулся на стараго сосѣда, и принялся драть своими ногтями длинную полу его старомоднаго пальто.

— Бадягинъ! грозно сказалъ трагикъ, обращаясь къ инвалиду... ты это что!

— Да, вотъ, батюшка Владиміръ Иванычъ, отвѣчалъ старикъ—моему Васюткѣ подметку прилаживаю...

— Подметку!.. А развѣ здѣсь мѣсто подметки строчить?

— Да, вѣдь, кормилецъ—преставлять не изволите... вѣдь я, такъ сказать, приличный уголочекъ занялъ, съ вашего позволенія... Вѣдь преставлять не изволите, публики нѣтъ... Перфильевъ говоритъ, что въ цѣлый день—приходилъ только одинъ чей-то деньщикъ за билетомъ, да и тотъ сказалъ... если ваша милость играть изволите, то билета брать неприказано...

Этотъ простодушный отвѣтъ стараго сторожа, казалось, отнялъ языкъ у свирѣпаго антрепренера.

Быстрымъ движеніемъ руки онъ указалъ на дверь, и задыхаясь, прошепталъ: вонъ!

— Какъ это, батюшка Владиміръ Иванычъ, хладнокровно отозвался старикъ... совсѣмъ вонъ прикажете?..

— Да, да!

— Такъ не благоволите ли вы разсчетецъ со мной учинить? Вотъ ужъ седьмой мѣсяцъ, какъ я отъ васъ копѣйкой не пользовался, да и харчито, правда матку молвить—невсегда у васъ были исправны: день сытъ, а два дня зубы на полку... А дѣла, примѣрно сказать, на обѣ руки довольно... Я и машинистъ, и ламповщикъ, и сторожъ: подмети, да вычисти... Бадягинъ, заштопай декорацію, Бадягинъ — пристегни пуговицу къ курткѣ, Бадягинъ—разнеси афиши. А тутъ еще обругаетъ кто нанаесть: пошелъ ты, говоритъ, съ афишкой... обманщики, говоритъ, тутъ понапишете чудесъ съ три короба, заплатишь деньги, смотришь—самому бы еще пришлось съ васъ взять... Право!.. Я не лгу.. Мнѣ что... А вы вотъ разсчетецъ учините... Такъ-то!

Предвидя близкую грозу, миролюбивый суфлеръ поспѣшилъ принять посредничество въ ссорѣ машиниста и антрепренера...

— Э-эхъ, старина! сказалъ онъ, обращаясь къ первому... полно тебѣ... Ну изъ чего расходился...

— Да я, Мелентій Егорычъ...

— Да полно же, говорю... чего обижаться... Самъ видишь, Владиміръ Иванычъ не во своей, какъ говорится; ну извѣстное дѣло... не ладится... Эхъ, братъ, полно... уходи, шепнулъ онъ, выразительно подмигнувъ...

Инвалидъ махнулъ рукою и принялся сбирать свою дратву...

— А вы, золотой мой Владиміръ Ивановичъ, продолжалъ суфлеръ—ужъ и обезкуражились... Что за важное дѣло! не въ первый разъ намъ достается разучить пьесу для удовольствія нашего кота... Что дѣлать! не наша воля... Посидимъ, подождемъ у моря погоды, авось и повѣетъ вѣтерокъ...

— Что *авось*, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ,—его не осѣдлаешь... тутъ пить, ѣсть надо.. а на зубы положить нечего! добавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ... Извѣрилась публика...

— Извѣрилась, и я думаю...

— Пропащее дѣло!.. Представлялся карьерецъ, огребательный процесъ... да теперь лопнетъ...

— Какъ лопнетъ? Это Елизаветградъ?

— Ну-да!.. Ужъ и задатокъ далъ, перебилъ у Жураховскаго, перебилъ у Коломбы, у Соколова... а добраться не на что... Нуженъ сборъ

— Развѣ штуку выкинуть?..

— Какую...

— Да, вотъ-какую... Ну, подумаемъ...

— Эхъ, братъ, Мелентій Егорычъ, на голодный желудокъ—только думать о хлѣбѣ, а тутъ и его нѣтъ... Хоть бы кто нибудь поддержалъ... Хоть бы какой-нибудь петербуржской назвался...

— Не время... этихъ гостей еще мѣсяцъ прождемъ... У всякой перелетной птицы свое время.

— Правда.

Суфлеръ и антрепренеръ преглянулись и задумались. Въ эту минуту, мимо насъ, внимательно наблюдавшихъ импровизированную и интересную сцену, торопливо прошелъ молодой человѣкъ, напѣвая какой-то водевиль...

— Ага! вскричалъ онъ, подходя къ Владиміру Ивановичу,—насилу васъ нашелъ... Здорово, друзья.

— Василій Матвѣичъ! хоромъ крикнули всѣ, не исключая даже и статистовъ, которые въ это время забыли о своихъ тыквенныхъ сѣмянахъ...

— Откуда Богъ принесъ? вскричалъ суфлеръ.

— Да ты ли это? Шесть лѣтъ ни слуху, ни духу о тебѣ? радостно проговорилъ антрепренеръ. Гдѣ пропадалъ?

— Длинна исторія, друзья... Ну, какъ живется, какъ можется?..

— Охъ... плохо!

— А сборовъ нѣтъ?

Ни гроша! Чисто въ кассѣ, чисто въ карманахъ...

— Плохо...

— Помоги!

— Чѣмъ?.. Деньгами? У меня ихъ вдвое меньше, чѣмъ у васъ...

— Не деньги нужны... Сыграй что-нибудь.

— Не могу.

— Отчего?

— Закаялся.. Я ужъ, товарищи, не актеръ .. я докторъ..

— Докторъ! вскричало общество артистовъ... И надо было видѣть, съ какимъ удивленіемъ толпа отхлынула отъ пришельца..

— Да, докторъ, повторилъ онъ... Шесть лѣтъ труда и мое будущее и настоящее упрочено...

— Ну, хорошо, — перебилъ Владиміръ Ивановичъ, чѣмъ бы ты тамъ ни былъ... помочь старымъ собратамъ не грѣхъ, Василій Матвѣевичъ... Спаси! пропадаемъ... Ты можешь намъ дать сборъ: тебя здѣсь всѣ помнятъ, и всѣ будутъ рады твоей встрѣчѣ...

— Не могу... Заклялся выходитъ на сцену, съ-тѣхъ-поръ, какъ встрѣтился съ...

— Съ кѣмъ... Что́ за страшная встрѣча?..

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ слышалъ Василья Андреича Каратыгина...

— Эва... куда метнулъ... да гдѣ жъ тебѣ удалось его встрѣтить?..

— Гдѣ?.. Ну, такъ слушайте... Накормлю васъ моимъ разсказомъ... Какъ теперь помню, шесть лѣтъ тому назадъ, на послѣднихъ дняхъ Великаго-поста, я бросилъ труппу Млатковскаго, и безъ гроша въ карманѣ, на легкѣ, въ одномъ пальто, отправился по московской дорогѣ, съ непремѣнною цѣлію добраться до Петербурга... На вторыя сутки желаніе мое начело исчезать, потому-что, какъ вамъ извѣстно, голодъ такая плохая пища, которую не варитъ желудокъ артиста, а я былъ голоденъ, какъ удавъ... Съ головною болью и съ признаками тошноты я добрался до какой-то деревни и стукнулъ въ окно первый избы, прося хлѣба... Случилось такъ, что я обратился къ жиду, содержателю шинка, и стало-быть неудивительно, если сердобольный Ицка Шмуль прикинулся глухимъ... Злое, голодное раздумье взяло меня... Я началъ рыться въ моихъ карманахъ, но пальцы насквозь проскакивали въ нихъ, и только въ одномъ нашлось—что́-то... Это *что́-то* было весьма нецѣнно, и жидъ за роль «*Басенка*», которую я обрѣлъ въ моемъ карманѣ, право не далъ-бы мнѣ даже и рюмки огуречнаго разсола .. Какъ быть.... Скучно, холодно, голодно... Я задумался, перевернулъ листы тетради разъ, другой, перевернулъ третій, и заревѣлъ что́ было мочи...

Еврей выглянулъ изъ окна, взялъ меня за плечо, и шепнувъ: тише, панъ, жинка хвора, снова исчезъ за рамою... Я продолжалъ... Жидъ снова рванулъ меня за воротъ...

— Что́ тебѣ? спросилъ я, не спуская глазъ съ моего монолога и все еще оставаясь въ трагической позѣ.

— Потише?.. сказалъ онъ...

— Ладно! И я продолжалъ. Казалось, на этотъ разъ всѣ мои силы перешли въ грудь и горло... Я ревѣлъ какъ левъ.

— Да тебѣ — хлѣба? наконецъ рѣшился спросить неосторожный Еврей.

— Хлѣба и огурцовъ! отвѣчалъ я.

— На тебѣ хлѣба и огурецъ... Уйди!..

— Давай... Спасибо.. Награди тебя Богъ... Сытый при помощи моей тетради, я пошелъ дальше... Въ Харьковѣ сыгралъ—и заработалъ копейку... потомъ дальше... попалъ на ярмарку, опять заработалъ нѣсколько рублей, и чрезъ полтора мѣсяца былъ въ Петербургѣ.

Петербургскіе театры лѣтомъ почти пусты.. Въ первые дни моего пріѣзда, сколько я ни старался видѣть на сценѣ знаменитаго трагика — мнѣ не удавалось... Наконецъ я набрался столько храбрости, что рѣ-

шился сдѣлать ему визитъ... мнѣ хотѣлось хоть только взглянуть на него, хотя слышать нѣсколько словъ, имъ сказанныхъ... Рѣшился и пошелъ.

Помню мой первый выходъ на сцену, помню это страшное треволненіе крови, когда въ глазахъ темно, по тѣлу бѣгутъ несказанно щекотливыя мурашки, а въ глазахъ изъ сотни зрителей дѣлается едвали не сто тысячъ... Но все это неловкое, жестокое положеніе ничто было для меня въ сравненіи съ тѣми ощущеніями, какія я испыталъ подойдя на Невскомъ-проспектѣ, къ дому Мѣняева, поднимаясь по широкой лѣстницѣ и тронувъ колокольчикъ у квартиры Василья Андреевича... И увѣренъ, что по неровному и трепетному звуку колокольчика, самый лакей могъ подумать, что звонитъ или нищій, или просто мошенникъ... Мнѣ отворили.

— Могу я видѣть Василья Андреича? спросилъ я, запинаясь....

— Дома-съ... Какъ сказать объ васъ?

— Актеръ Лебедевъ.

— Обождите... Сейчасъ.

Чрезъ минуту, меркурій, далеко лучше меня одѣтый, возвратился и сказалъ: пожалуйте...

Только въ эту минуту невыразимый страхъ овладѣлъ моимъ языкомъ, руками и ногами. Я осмотрѣлся... Пальто мое было сально и ветхо, сапоги въ пыли, фуражка, которую я сжалъ между лѣвою рукою и біющимся сердцемъ,—чрезвычайно походила на ржавую, давно заброшенную вьюшку; руки были безъ перчатокъ; лицо, какъ полагаю, сильно вытянулось и не уступало контуромъ головѣ мерзлаго сига... Неровнымъ шагомъ я вступилъ въ обширную залу и изъ нея вошелъ въ небольшой кабинетъ, гдѣ изъ предметовъ, особенно меблировавшихъ комнату, могъ остановить мимолетное вниманіе на шкафахъ съ книгами. Думаю, что мой поклонъ былъ до крайности смѣшонъ, потому-что, сдѣлавъ шагъ впередъ съ акробатическимъ искусствомъ—я невольно попятился къ двери.

— Здравствуйте... Что скажете? спросилъ Василій Андреевичъ, въ полуоборотъ повернувшись ко мнѣ на своихъ креслахъ...

— Простите меня... началъ я... я рѣшился, я смѣлъ... то-есть... позволилъ... я актеръ... провинціальный... Мое призваніе... такъ сказать... назначеніе... драма...

Василій Андреевичъ улыбнулся... Но въ этой улыбкѣ не было ни злой насмѣшки, ни презрѣнія... Нѣтъ!.. въ ней я подмѣтилъ маленькое состраданіе... въ его глазахъ какъ-будто просвѣчивалось участіе къ бѣдному, жалкому пришлецу...

— Гдѣ-же вы играли? спросилъ онъ.

— Въ Севастополѣ, Симферополѣ, Ставрополѣ, Харьковѣ, Курскѣ... и много гдѣ...

— Ваша фамилія?

— Лебедевъ.

— Не объ васъ-ли такъ много говорилъ кореспондентъ «Пантеона», въ прошломъ году, въ іюльской книжкѣ.

— Обо мнѣ, Василій Андреевичъ...

— Очень радъ, васъ видѣть... Благодарю... вы, вѣрно, проѣздомъ здѣсь...

— Нѣтъ-съ... я... желалъ васъ видѣть...

— Видѣть, меня!

Василій Андреевичъ оставилъ свое мѣсто и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, не спуская съ меня своего, могу сказать, страшнаго непреклоннаго взгляда..

— Давно вы на сценѣ? вдругъ спросилъ онъ

— Девять лѣтъ...

— А что́ пріобрѣли?..

— Ничего... Маленькую извѣстность въ провинціи.

— Вы желаете дебютировать на нашей сценѣ?

— Нѣтъ... не смѣю...

— Почему?

Я не находилъ отвѣта, или лучше не хотѣлъ высказать его.

— Прочтите что́-нибудь? сказалъ Василій Андреевичъ. Я поклонился... поправилъ свой галстухъ, откашлялся; но языкъ мой, въ эту минуту, кажется, былъ нѣмъ.

— Я слушаю, добавилъ Василій Андреевичъ... Будьте смѣлѣе... Знакомому со сценой девять лѣтъ робѣть въ глазахъ одного человѣка..

— Одинъ да сотни стоятъ... подумалъ я... и собравъ всю свою храбрость, началъ читать «*Клеветникамъ Россіи*» Пушкина.

Не спуская взгляда съ великаго артиста, глаза котораго съ каждымъ моимъ словомъ бросали искру одушевленія, я чувствовалъ, что голосъ мой слабъ, какъ порванная струна, что въ словѣ нѣтъ ни силы, ни выраженія...

Василій Андреевичъ приподнялся... картинно тряхнулъ своею головою и положилъ мнѣ на плечо свою руку; въ эту минуту мнѣ казалось, что передо мной выросъ гигантъ, до того мочный въ своемъ взглядѣ, что холодный потъ выступилъ у миня на лбу. Не измѣняя своей позы, онъ продолжалъ читать:

...Оставьте... это споръ славянъ между собою...
Давнишній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою..

Словомъ... онъ кончилъ мой монологъ... Но какъ! Каждое слово, каждый звукъ залегли мнѣ въ душу... Въ его лицѣ видѣлся и грозный судья и вдохновенный поэтъ; патріотическое чувство рвалось изъ души въ мощныхъ, глубокихъ звукахъ... Я совершенно обезумѣлъ, и готовъ былъ поцѣловать руку у великаго артиста. Я сознавалъ въ душѣ, что если немогу играть такъ, какъ онъ, то лучше вовсе не браться за дѣло. Пошаривъ въ глубинѣ души своей, я нашелъ, что во мнѣ нѣтъ призванія къ драматическому выполненію сильныхъ ощущеній, и откровенно въ томъ сознался Каратыгину. Видя мою грусть, онъ старался меня утѣшить, указывая на многіе благородные пути, кромѣ помостовъ сцены, и даже обѣщалъ мнѣ помочь при избраніи новой дороги въ жизни. Съ-тѣхъ-поръ я читаю патріотическую тираду изъ стихотворенія Пушкина... такъ, какъ еще никто не читалъ ее въ провинціи... но за то, я больше не игралъ на театрѣ. Чрезъ недѣлю, при содѣйствіи В. А. я поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію, навсегда отказавшись отъ драмы воображаемой...

— Браво! вскричалъ старый суфлеръ... А ну-ка, Василій Матвѣичъ, прочти старымъ друзьямъ твою лебединую пѣсню...

— Изволь... И Лебедевъ съ невыразимымъ одушевленіемъ, сильно и выразительно высказалъ прекрасную мысль поэта...

— Браво! раздалось между артистами.

— Браво! крикнули и мы...

— Отецъ! спаси! вскричалъ антрепренеръ, падая чуть не въ ноги Лебедеву, прочти предъ нашею публикою только два раза «Клеветникамъ Россіи», и твои собраты съ хлѣбомъ...

— Батюшка! Голубчикъ... Родной нашъ, Василій Матвѣичъ, хоромъ подхватили артисты: выручи!

— Ну!.. быть такъ... Пишите афишу! отозвался Василій Матвѣичъ.

Чрезъ пять дней, въ которые у театральной кассы, какъ говориться, не было додору — труппа, восхищенная своимъ успѣхомъ и всѣмъ обязанная гостю, ученику Каратыгина, отправилась въ Елисаветградъ.

А гость, такъ счастливо выручившій ихъ, оставилъ навсегда тогу и сандаліи, и бѣжавъ изъ-подъ знаменъ Мельпомены, сдѣлался вѣрнымъ служителемъ Эскулапа, и на огромномъ простанствѣ черноморскаго берега долго слылъ отличнымъ врачемъ и добрымъ, милымъ собесѣдникомъ.

В. САВИНОВЪ.

ПРОГУЛКА ПО РОССІИ.

ПИСЬМО ИЗЪ АСТРАБАДА.

—

Поѣздка въ Астрабадъ. — Астрабадскій заливъ. — Тарки. — Дербентъ. — Его стѣны, водопроводы, гавань и климатъ. — Болѣзнь и смертность. — Петръ I и возлѣлываніе винограда. — Дагъ-бары. — Аравитяне и хазары. — Сорокъ тѣлъ. — Баку, его крѣпость и рейдъ. — Видъ города. — Легенда о Дѣвичьей-башнѣ. — Али-Гуссейнъ. — Нефтяные огни и гебры. — Ленкорань. — Энзили. — Ашуръ-Адъ.

Вотъ я наконецъ и въ Астрабадѣ, или правильнѣе сказать въ Астрабадскомъ-заливѣ, потому-что до самаго города отъ берегу верстъ сорокъ. Удивительные скачки я дѣлаю! Побывавши не такъ давно въ широтѣ 72°, т. е. сѣвернаго Нордкана, гдѣ нѣсколько дней сряду видѣлъ не заходящее солнце, я теперь попалъ на три минуты южнѣе Алжира, подъ широту 36° 45′.

Астрабадскій заливъ занимаетъ самую юго-восточную часть Каспійскаго-моря; на островѣ Ашуръ-Адѣ, составляющемъ сѣверную границу этого залива, находится наша военная станція, для защиты персидской торговли отъ нападенія туркменъ, кочующихъ въ сосѣдствѣ съ Персіей по восточному берегу моря. Самый Астрабадъ находится подъ 36° 50 сѣв. широты и 54° 35′ зап. долготы отъ Гринича. Онъ основанъ въ половинѣ перваго столѣтія Гиджры арабскимъ полководцемъ Эзидъ-Ибнъ-Маглубомъ. Теперь въ городѣ нѣтъ ни одного замѣчательнаго зданія. Въ пяти верстахъ сѣвернѣе отъ него лежитъ озеро, которое долгое время считалось заливомъ Каспійскаго-моря, но теперь открыто,

что оно не имѣетъ съ нимъ никакого сообщенія, хотя въ древнія времена, можетъ-быть, море и доходило до этого озера. Теперь вода, не имѣя никакого истока, портится въ лѣтнее время и заражаетъ воздухъ, отчего происходитъ много болѣзней.

Плаваніе наше было какъ нельзя больше благополучное, даже ни разу хорошенько не покачало. Выйдя 1-го апрѣля изъ Астрахани, мы 3-го были уже въ Таркахъ, прежней резиденціи шамхала Тарковскаго. Этотъ городъ, краснорѣчиво воспѣтый Марлинскимъвъ его Амалатъ-Бекѣ. жилище прекрасной Салтанеты (которая, какъ говорятъ нѣкоторые изъ жителей, еще теперь жива), прежде радовалъ путника обширными садами и каравансераями, которыхъ теперь и слѣда нѣтъ; около крѣпости все голый камень, вовсе не привлекательный; развѣ можно только заглядѣться на горы, обступающія амфитеатромъ этотъ дикій уголокъ Кавказа. Между-тѣмъ и тамъ люди живутъ весело.

Оставивъ Тарки, мы, 4-го числа, прибыли въ Дербентъ. Этотъ городъ лежитъ на западномъ берегу Каспійскаго-моря, въ 750 верстахъ отъ Тифлиса, если ѣхать черезъ Кубу; но по прямому направленію, мѣстами преграждаемому враждебными горцами, не болѣе 420 верстъ. Дербентъ стоитъ на скатѣ горы. Съ трехъ сторонъ окруженъ онъ стѣнами, которыя на нѣсколько сажень продолжаются въ море и поднимаются на юго-западѣ высокимъ утесомъ въ 160 сажень, который соединяется съ цитаделью Нарынъ-Кале. Въ прежнія времена жили въ этой цитадели властители Дербента. Теперь занимаютъ ее комендантъ и мѣстное управленіе. Наружная одежда стѣнъ состоитъ изъ камней, имѣющихъ до $1^1/_2$ аршина въ квадратѣ, при $1^1/_2$ аршинѣ толщины. Внутренность стѣнъ наполнена булыжникомъ и мелкими известковыми камнями; высота стѣнъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 6, въ другихъ только до $4^1/_2$ сажень. Въ южной стѣнѣ 5 воротъ, въ сѣверной три.

Дербентъ, несмотря на неправильность и тѣсноту улицъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ за Кавказомъ. Домы построены изъ ноздреватаго камня, который, по мягкости своей, легко принимаетъ всякія формы; крыши плоскія; во внутреннемъ расположеніи замѣтно нѣкоторое удобство. Водою городъ пользуется изъ ключей сосѣдственныхъ горъ; она посредствомъ водопроводовъ собирается въ водохранилищахъ. Приморская часть города, называемая Дубары, не заселена, а занята садами и огородами. Для поливанія садовъ и огородовъ и для проведенія воды на мельницы, устроенъ большой резервуаръ, снабжаемый водою, посредствомъ канала, который проведенъ изъ рѣки Рубаса.

Дербентская гавань никогда не замерзаетъ, хотя часто покрывается льдомъ, пригоняемымъ отъ Астрахани. Климатъ и другія естественныя причины производятъ нервическія и желчныя болѣзни, которыя въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ свирѣпствуютъ съ необыкновенною силою; въ послѣднемъ мѣсяцѣ бываетъ переломъ болѣзней.

Въ Дербентѣ, съ его форштатомъ и причисленною къ городу деревнею Сабнова считается 1795 домовъ, заключающихъ 5,139 душъ.

Въ числѣ 17 мечетей, главная мечеть обращаетъ на себя вниманіе огромностію и величіемъ; зданіе это воздвигнуто въ отдаленныя времена, и какъ нѣкоторые полагаютъ было сначала христіанскимъ храмомъ. Армяне имѣютъ въ городѣ одну церковь, евреи синагогу.

Жители Дербента мало занимаются хлѣбопашествомъ, находя несравненно выгоднѣйшимъ воздѣлывать марену; засѣянная мареною десятина даетъ ежегоднаго дохода отъ 148 до 195 рублей серебромъ; и туземцы, говоря о посѣвахъ марены, выражаются, что они сѣютъ золото. Сторона, прилегающая къ южной стѣнѣ крѣпости, покрыта виноградными садами на четыре или пять верстъ; какъ тамъ, такъ и на сѣверной сторонѣ считается 860 садовъ. Но по неумѣнію обращаться съ лозами, виноградъ получаетъ водянистое свойство и не весь дозрѣваетъ въ одно время; оттого вино здѣшнее ниже посредственнаго. Однакоже совсѣмъ тѣмъ армяне изъ собственнаго винограда выдѣлываютъ до 30;000 ведръ вина и до 4,000 ведръ водки. Дербентское вино и водка отправляются только въ Кубу. Петръ I въ короткое пребываніе свое въ Дербентѣ не оставилъ этой промышлености безъ вниманія и далъ Дербентцамъ винодѣла, для улучшенія выдѣлки вина, но, къ сожалѣнію, жители не воспользовались попеченіями объ нихъ великаго Монарха.

Пристань дербентская, со всѣхъ сторонъ открытая для вѣтровъ, которые свирѣпствуютъ тамъ особенно осенью, одна изъ опаснѣйшихъ пристаней на Каспійскомъ-морѣ. Суда становятся въ зимнее время на девяти, а въ лѣтнее на семи саженяхъ глубины, въ разстояніи 1½ и даже 2 верстъ отъ берега.

Дербентъ, извѣстный въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Желѣзныхъ-Воротъ, находился до семнадцатаго столѣтія во власти персіанъ, но въ 1806 году совершенно присоединенъ къ Россіи.

Близь Дербента, у деревни Джелганъ, начинается знаменитая Дагъ-бары (горная стѣна), усиленная башнями и бастіонами, отстоящими одинъ отъ другаго на 150 и 200 сажень; она направляется къ западной подошвѣ дербентскаго хребта, и сначала въ половину разрушена,

но чѣмъ далѣе уходитъ она въ горы, тѣмъ лучше сохранилась. Наружные камни, имѣющіе $1^1/_2$ аршина въ квадратѣ и $^1/_2$ четверти толщины, обтесаны весьма хорошо; внутренность же стѣны состоитъ изъ небольшихъ необдѣланныхъ камней, но хорошо сложенныхъ. Высота стѣны доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до трехъ сажень; толщина стѣны не менѣе одной сажени. Значительной величины деревья укоренились въ стѣнѣ съ такою силою, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздвинули ее, а въ другихъ и совсѣмъ разрушили. Отъ начала своего она сохранилась въ цѣлости на протяженіи 10 верстъ. Далѣе она поднимается на огромный горный хребетъ Табассеранскій, и потому еще не удостовѣрились, сохранилась-ли она и тамъ; въ 36 верстахъ отъ Дербента, въ деревнѣ Лиджили, сохранились одни ворота совершенно. Полагаютъ, что стѣна Дагъ-бары доходила до Чернаго-моря, но это еще не подтвердилось, а достовѣрно извѣстно только, что остатки ея встрѣчаются невдалекѣ отъ рѣки Алазани, на границѣ Кахетіи и Лезгинскихъ владѣній. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣны остались укрѣпленія; изъ нихъ укрѣпленіе Кеджели-Кале сохранилось въ цѣлости, съ угловыми бастіонами.

Самое слово *дербендъ* значитъ крѣпость, застава, особенно крѣпость, замыкающая ущеліе въ горахъ, и часто употребляется въ значеніи самого ущелія; оно составлено изъ двухъ словъ, *деръ*, дверь, и *бендъ*, то, чѣмъ дверь завязывается Исторія этого города дѣлается извѣстною съ пятаго столѣтія. Персы содержали здѣсь значительный гарнизонъ, но въ сороковомъ году гиджры, во-время перваго нападенія аравитянъ, Дербентъ уже занятъ былъ хазарами. Незначительный отрядъ храбрыхъ арабскихъ наѣздниковъ напалъ на Дербентъ въ это время, подъ предводительствомъ Сельма-эль-Багели. По словамъ Дербендъ-наме, кровопролитное сраженіе продолжалось четыре дня, и аравитяне убили пятьдесять тысячъ невѣрныхъ; но въ концѣ этой борьбы ихъ самихъ оставалось только сорокъ человѣкъ, которые были истреблены хазарами. Тѣла ихъ, говорятъ, зарыты въ томъ мѣстѣ, которое понынѣ называется кыркларъ или чегель-тенанъ, то-есть сорокъ тѣлъ. Мусульмане почитаютъ святымъ это кладбище, на которомъ находятся нѣсколько древнихъ гробовыхъ камней цилиндрической формы. Въ царствованіе халифа Велида, сына Абдель-Мелика, братъ его Муасеме, знаменитый полководецъ арабскій, взялъ Дербентъ въ 46 году гиджры. Съ того времени это мѣсто, вновь укрѣпленное аравитянами, прославилось у ихъ писателей подъ названіемъ Бабъ-эль-Абуадъ, что значитъ «Ворота воротъ» или «Главныя ворота», такъ какъ въ горной стѣнѣ было нѣсколько проходовъ, запертыхъ желѣзными воротами и желѣзными цѣпями, а дербентскій проходъ былъ главный. Аравитяне перевели сюда нѣсколь

ко поколѣній своихъ соотечественниковъ, чтобы противопоставить эту кавалерію толпамъ хазарскихъ всадниковъ. Въ-послѣдствіи Дербентъ занятъ былъ сельджуками, которые поселили здѣсь турковъ. Потомъ онъ перешелъ къ грузинамъ, отъ нихъ къ монголамъ и наконецъ къ персіанамъ.

Долго будетъ памятенъ этотъ городъ въ русской исторіи. Осада его Петромъ Великимъ и потомъ долгое пребываніе въ немъ нашего перваго Императора составляютъ эпоху для дербентцовъ. И теперь съ уваженіемъ показываютъ въ одной изъ крѣпостныхъ башень окно, у котораго Петръ постоянно сидѣлъ и ждалъ своего запоздавшаго флота.

Въ литературѣ Дербентъ тоже играетъ не послѣднюю роль: онъ, также какъ и Тарки, нашелъ въ Марлинскомъ своего барда. Мулла-Нуръ, Искендеръ-Бекъ, и Хаджи-Юсуфъ долго еще будутъ занимать досугъ охотниковъ и охотницъ до восточной поэзіи Около Дербента природа нѣсколько веселѣе, чѣмъ у Тарковъ. Кой-гдѣ видны по скатамъ горъ сады и огороды; самыя горы одѣты зеленью и не такъ мрачны и безжизненны, какъ тѣ, на которыя, мы любовались третьяго и четвертаго числа. Въ Дербентѣ, несмотря на раннее время года, мы начали уже чувствовать всю силу солнечныхъ лучей; что же будетъ въ іюлѣ и августѣ? Страшно подумать; вѣрно въ Римѣ не такъ жарко, хотя эти два города почти на одной широтѣ. Отсюда нашъ курсъ лежалъ въ Апшеронскій-проливъ, пройдя который и обогнувъ Шахову-косу, мы направились прямо въ Баку, гдѣ намъ предстояла первая долговременная остановка.

Баку лежитъ у западнаго берега Каспійскаго-моря. Этотъ городъ замѣчателенъ по крѣпости, которая первоначально построена прежде владычества турецкаго; потомъ главная стѣна воздвигнута турками, и возобновлена русскими. Въ сѣверозападной части города возвышается древній дворецъ шаха; хотя онъ находится въ полуразрушенномъ видѣ, однакожъ даетъ понятіе о прежнемъ величіи. Кромѣ-того заслуживаетъ вниманія огромная круглая башня, въ девятнадцать съ половиной сажень вышины и шести сажень въ діаметрѣ. Баку одинъ изъ лучшихъ рейдовъ на Каспійскомъ-морѣ. Онъ довольно обширенъ и образуетъ губу, составляющуюся изъ прилежащихъ горъ; суда становятся на глубинѣ отъ двухъ съ половиной и трехъ съ половиной сажень; самая большая глубина въ губѣ — шесть сажень. Рейдъ бакинскій весьма хорошъ, однако же не совершенно безопасенъ: во-время сѣверныхъ вѣтровъ, которые здѣсь зимою и осенью свирѣпствуютъ съ чрезвычайною силою, суда едва отстаиваются на трехъ якоряхъ.

Весьма замѣчательно, что въ разстояніи полуверсты отъ крѣпост-

ныхъ стѣнъ, видны въ морѣ остатки строенія, имѣющаго фигуру каравань-серая. Должно полагать, что эта часть затоплена моремъ въ недавнія времена; однакожъ объ этомъ явленіи нѣтъ даже и преданій между народомъ. Основаніе Баку теряется во мракѣ сказочныхъ преданій. Легенда туземцевъ приписываетъ это Искендеру, то-есть, Александру Македонскому. Думаютъ, что Баку основанъ во-время движенія въ Азіи монголовъ (въ началѣ XIII вѣка) монгольскимъ военачальникомъ Баку; но надобно вспомнить Массуди, который говоритъ, что Баку въ 300 году гиджры назывался Нефата. Въ Бакѣ, такъ же какъ и въ Астрабадѣ, содержится военный постъ. Самый же городъ совершенно въ родѣ Тарки и Дербента. Кто видѣлъ хоть одинъ азіятскій городъ, тотъ имѣетъ понятіе обо всѣхъ; страшная запутанность улицъ, нечистота и какой-то особенный запахъ, скрипъ арбъ, крикъ и перебранка погонщиковъ, составляютъ концертъ въ родѣ симфоній нѣкоторыхъ учениковъ Паганини. Многія улицы вдругъ оканчиваются обрывомъ сажени въ двѣ, другія упираются въ глухую стѣну, или идутъ непостижимыми зигзаками во всѣ стороны, внизъ и вверхъ. Но несмотря на всѣ эти маленькія непріятности и на 30 градусные жары, (Баку южнѣе Неаполя) этотъ городъ считается однимъ изъ лучшихъ въ закавказскомъ краѣ. Въ немъ есть даже клубъ, въ которомъ иногда танцуютъ; въ крѣпостныхъ рвахъ начали разводить сады, въ которыхъ, не говоря уже про виноградъ, хорошо принимаются оливковыя и померанцовыя деревья. *Инжиру*, или, какъ ихъ называютъ у насъ на сѣверѣ, винныхъ ягодъ въ окрестностяхъ Баку чрезвычайно много. Изъ здѣшнихъ достопримѣчательностей можно указать на Дѣвичью-башню, стоящую теперь далеко въ чертѣ города, саженяхъ во ста отъ берега, тогда какъ прежде, опираясь на легенду объ ней, она выходила на такое же разстояніе въ море. Впрочемъ, повсемѣстное усыханіе Каспія давно замѣчено; даже нынѣшніе жители Астрахани помнятъ, какъ строились въ ней суда, сидѣвшія до 8 футъ въ водѣ и безпрепятственно проходившія чрезъ мелководныя устья Волги; теперь же и съ 5 футами углубленія приходится иногда по мѣсяцу ждать прибыли воды, которая прибываетъ только при одномъ юговосточномъ вѣтрѣ.

Самое же преданіе про эту башню разсказываютъ неодинаково; передаю его такъ, какъ я слышалъ отъ одного старожила бакинскаго, занимающагося исторіей этого города.

Во времена, когда русскія границы далеко не достигали до цѣпи Кавказскихъ-горъ, когда въ Арменіи и Грузіи царствовали еще потомки Вахтанговъ и Ираклиевъ, сѣверный и южный Дагестанъ трепета-

ли предъ именемъ разбойника Али-Гуссейна. Награбивъ несмѣтныя сокровища и не находя себѣ въ горахъ безопаснаго мѣста для ихъ храненія, онъ принялся строить башню далеко въ морѣ, на одной скалѣ, выдающейся изъ волнъ Каспія. Послѣ неимовѣрныхъ усилій обуздать эти волны, онъ воздвигъ стройную башню изъ дикаго камня, и въ нее перенесъ всѣ свои сокровища, зная твердо, что когда-нибудь истощится терпѣніе мирныхъ жителей, и они уничтожатъ разбойника.

Но великъ былъ страхъ, наведенный его именемъ на весь Кавказъ, и спокойно бы дожилъ свой вѣкъ Гуссейнъ, еслибы послѣдняя продѣлка не вооружила противъ него оба Дагестана.

Наскучивъ жить одинъ въ своей башнѣ, Али-Гуссейнъ рѣшился добыть себѣ жену; но такъ-какъ по своей охотѣ никто бы не согласился отдать за него ни дочь, ни сестру, то Гуссейнъ и не посылая калыма, просто укралъ у одного изъ князей дочь-красавицу, обожаемую всѣми горцами; засадивъ ее въ свою башню, онъ подсмѣивался надъ угрозами родныхъ и защитниковъ дѣвушки. Цѣлые мѣсяцы толпы дѣлали нападенія на грозную башню, но всѣ ихъ усилія были напрасны; крѣпокъ былъ дикій камень, но еще крѣпче камня былъ суровый разбойникъ. Каждый день выходила бѣдная дѣвушка на платформу башни и знаками ободряла своихъ братьевъ и друзей; каждый день сотни плотовъ и лодокъ обступали башню, и каждый разъ, послѣ потери сотни храбрецовъ, остальные принуждены были возвращаться къ берегу и сознаваться въ своемъ безсиліи.

Наконецъ, въ одинъ изъ жаркихъ и душныхъ іюльскихъ дней, былъ назначенъ рѣшительный и послѣдній приступъ. Сама природа готовилась къ чему-то необыкновенному. Въ горахъ слышенъ былъ подземный громъ; море безъ малѣйшаго вѣтра пришло въ движеніе; съ самаго утра, громадныя волны то вдругъ затопляли весь берегъ, то, отхлынувъ, оставляли обнаженнымъ самое дно моря. Ровно въ полдень двинулись къ башнѣ изнуренные, но храбрые и смѣлые защитники бѣдной княжны. Четыре часа продолжалась страшная битва съ невидимымъ непріятелемъ, который громилъ и топилъ плоты и лодки, самъ оставаясь невредимымъ за толстыми стѣнами своей крѣпости. Потерявъ почти половину воиновъ, осаждающіе опять должны были отступить, и начали уже собираться въ обратный путь. Грустно было видѣть княжнѣ безполезныя усилія своихъ защитниковъ, но еще грустнѣе стало, когда она замѣтила въ ихъ станѣ приготовленія не къ бою, но въ обратный путь. Обливаясь слезами, прощалась она со всѣми родными и близкими сердцу; бѣлая чадра развѣвалась надъ ея головой. Уже послѣдніе изъ дагестан-

цевъ начали скрываться въ горахъ, предоставя Аллаху отмстить за бѣдствія ихъ края; уже слышала княжна шаги подходящаго къ ней Гуссейна; все казалось кончено... тогда вспомнила бѣдная затворница, что она дочь князя, что ея позоръ и безчестіе принесутъ позоръ и безчестіе цѣлому племени; въ ней зажглась кровь азіатки, и предпочтя смерть поруганію, взглянула она въ послѣдній разъ на свои родныя горы и лѣса, и бросилась съ башни въ волны Каспійскаго-моря. Съ ужасомъ остановился Гуссейнъ, только что поднявшійся на платформу; съ грустью и вмѣстѣ съ восторгомъ, видя подобное самоотверженіе, глядѣли на нее отступающіе дагестанцы. Но смерть плѣнницы не осталась безъ отмщенія. Видя безполезность человѣческихъ усилій, казалось, сама природа вооружилась на злодѣя. Небо покрылось тучами, земля потряслась, и волны, закипѣвъ съ яростію, отступили отъ башни, оставивъ ее совершенно на сухомъ берегу и унеся съ собой только тѣло прекрасной княжны. Съ криками радости бросились опять къ башнѣ толпы горцевъ, взяли ее и повѣсили на ея зубцахъ Гуссейна. Съ тѣхъ-поръ эта башня получила названіе *Дѣвичей* и съ-тѣхъ-поръ море никогда уже не приближалось къ ея основанію.

Вотъ легенда, которая ходитъ по городу Баку и вообще по всему Кавказу, о построеніи и причинѣ названія этой башни. Каждый конечно разскажетъ вамъ преданіе на свой ладъ, съ прибавленіемъ или сокращеніемъ, но сущность легенды все-таки будетъ одна и таже.

Другую замѣчательность Баку составляютъ нефтяные огни. Верстахъ въ четырнадцати отъ города на Апшеронскомъ полуостровѣ, въ горахъ прячется монастырь, если можно только такъ назвать полуразрушенное зданіе, не принадлежащее ни къ какой архитектурѣ, гдѣ поселились человѣкъ около десяти индусовъ, потомковъ гебровъ, или огнепоклонниковъ; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ зданія находятся нефтяные колодцы, изъ которыхъ выходящій газъ горитъ вѣчнымъ, неугасаемымъ огнемъ. По пріѣздѣ къ гебрамъ, если вы дадите имъ одинъ или два тумака (червонца) то можете вполнѣ познакомиться съ ихъ языческимъ обрядамъ, который состоитъ въ томъ, что человѣкъ шесть гебровъ усядется около огня, и начинается отвратительное пѣніе, съ тѣлодвиженіями, продолжающееся около десяти минутъ; за этимъ слѣдуетъ пляска около огня, а въ заключеніе подадутъ вамъ кусочекъ леденца, какъ бы для того, чтобы закусить всѣ ихъ продѣлки чѣмъ-нибудь сладкимъ; потомъ, для совершеннаго вашего удовольствія, они бросаютъ пукъ зажженной соломы въ колодезь, изъ котораго вдругъ съ громомъ вылетаетъ громадный гоненной столбъ, на минуту освѣщаетъ лица огнепоклонниковъ, суровую

панораму горъ и лѣсовъ, и въ ту же минуту опять погружаетъ васъ въ непреодѣленную темноту, едва освѣщаемую краснымъ пламенемъ горящаго нефтянаго газа. Всякій пріѣзжающій въ Баку почитаетъ своею обязанностію непремѣнно посѣтить эти огни, и хотя каждый потомъ раскаявается въ даромъ брошенныхъ деньгахъ, но никто не хочетъ сознаться, что вся занимательность и прелесть этого спектакля теряется отъ самихъ исполнителей. Таковы-ли были первые гебры, которые поклонялись одному солнцу, какъ символу чистѣйшаго огня!... Теперешніе потомки ихъ не возбуждаютъ никакого чувства, кромѣ отвращенія. Достоинъ также замѣчанія дворецъ шаха, о которомъ, впрочемъ, къ сожалѣнію, я не успѣлъ собрать никакихъ свѣдѣній и даже вовсе не видалъ его.

Хотя жителей въ Баку и считаютъ до семи тысячъ, но $^{9}/_{10}$ этого числа составляютъ персы, армяне и разная смѣсь другихъ азіатскихъ народовъ, и потому общества здѣсь почти нѣтъ. Зимой здѣсь составляется клубъ, число членовъ котораго доходило даже до пятидесяти человѣкъ, но обыкновенно въ немъ бываетъ около половины этого числа.

Изъ Баку нашъ пароходъ пошелъ въ Ленкорань, рѣзко отличающійся отъ прежде пройденныхъ нами городовъ. Какъ Тарки, Дербентъ и Баку безжизненны и мертвы съ моря, такъ Ленкорань радуетъ своей веселой наружностію; между густой зеленью едва видишь бѣленькіе дома, бо́льшею частію съ плоскими кровлями. Хотя съѣхавъ на берегъ, конечно немного разочаруешься и увидишь, что тѣнь совсѣмъ не такъ густа, какъ кажется съ моря, что бѣленькіе домики вблизи вовсе не привлекательной наружности, но по-крайней-мѣрѣ, здѣсь все-таки есть мѣста, гдѣ можно вполнѣ предаться восточному кейфу.

Прежде въ Ленкорани помѣщалась наша главная таможня, но теперь переведена въ Астару, то-есть на пятдесятъ верстъ южнѣе, на самую границу нашу съ Персіей.

Изъ Ленкорани, миновавъ Астару, мы прямо взяли курсъ къ персидской крѣпости Энзили; отсалютовавъ ей приличнымъ числомъ выстрѣловъ, мы получили такой же отвѣтъ, и черезъ десять минутъ были уже окружены цѣлымъ флотомъ лодокъ; на однѣхъ привезли намъ товаръ, другія были наполнены пассажирами, но бо́льшая часть явилась съ предложеніемъ услугъ. Навезено было столько лимоновъ и сушеныхъ фруктовъ, что мы не знали куда съ ними дѣваться; за сто лимоновъ просили два саибкоранъ (не много болѣе двухъ рублей ассигнаціями) тогда какъ въ Астрахани за одинъ лимонъ приходилось платить двадцать и двадцать-пять копѣекъ серебромъ. Въ Энзили мы простояли всего два часа, и потому я не успѣлъ ни съѣхать на берегъ, ни хоро-

шенько узнать что-нибудь объ этомъ городѣ; съ моря же онъ довольно не интересенъ.

Выйдя изъ Энзили, мы черезъ полторы сутки были уже на якорѣ у нашей станціи на островѣ Ашуръ-Адѣ, или, какъ прежде назывался онъ, у Ашира. Объ этомъ крайнемъ пунктѣ нашего плаванія больше того, что я написалъ въ началѣ письма, и писать нечего.

ПЕТРЪ МОРЯКОВСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА. — Очеркъ исторіи легкой литературы во Франціи, въ XVIII столѣтіи. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Зенефельдеръ, изобрѣтатель литографіи. — Джіованни Рикорди. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Мнѣніе полковника Роулинсона о скиескомъ характерѣ бо́льшей части гвоздеобразныхъ надписей. — Исчисленіе различныхъ скоростей въ-теченіе одной секунды — Электрическій свѣтъ для освѣщенія улицъ. — Гремучая хлопчатая бумага. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Защита женскихъ корсетовъ. — Коммерческій банкъ въ Китаѣ. — Цингалійскія судилища. — Сцены изъ путешествія по Индіи. — Какъ возвращаются изъ Калифорніи.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Очеркъ исторіи легкой литературы во Франціи, въ XVIII столѣтіи. — Монтескьё собралъ множество томовъ легкихъ стихотвореній, и назвалъ это собраніе *библіотекою французскаго ума*. Неизвѣстно серьозное-ли это названіе, или ироническое. Можетъ-быть, Монтескьё хотѣлъ посмѣяться надъ своимъ временемъ, которое въ-самомъ-дѣлѣ употребляло весь умъ и остроту на пѣсни и мадригалы,—или XVIII вѣкъ имѣлъ вліяніе на геній Монтескьё, до того, что онъ почиталъ пѣсню самымъ высокимъ выраженіемъ французскаго ума. Точно подъ такимъ же названіемъ выходитъ и въ наше время собраніе писателей XVIII вѣка, относящееся къ такъ-называемой легкой литературѣ. Эта коллекція начинается съ Буфлера, и содержитъ всѣ легкія произведенія французскихъ писателей. Разумѣется, что громкое названіе *Библіотеки фран-*

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Génève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Erheiterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Litterary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

цузскаго ума заставляетъ думать, что въ ней собраны всѣ образцовыя произведенія національнаго генія; но разбирая всѣ вышедшіе томы, убѣждаемся напротивъ, что это горькая иронія на наше время и на прошедшій вѣкъ. Одно въ ней только серьозно: кажется, что издатели хотятъ основать свою школу и увлечь какъ можно больше послѣдователей, объявляя въ великолѣпной программѣ, что этотъ родъ литературы живетъ и будетъ жить, потому-что предки его были представителями французскаго ума, и передали его въ наслѣдство потомкамъ.

Школа эта проповѣдуетъ, что весь французскій умъ заключается въ XVIII вѣкѣ, что въ немъ надобно искать истинныхъ образцовъ, высокихъ вдохновеній. Странно слышать эти литературныя похвалы прошлому вѣку, хотя мы думаемъ, что литература его еще не достаточно оцѣнена и изслѣдована. Постараемся опредѣлить историческое значеніе эпохи, которую превозноситъ новая школа.

Въ XVI вѣкѣ національный геній французской литературы умеръ окончательно, потому-что новая риторика одержала побѣду. Она замѣнила воображеніе—рутиною, частное—общимъ и слѣдовательно, вмѣсто натуры, наблюдательности, истины, ввела регулярность, мелочную отдѣлку, изысканное приличіе и соблюденіе ложныхъ теорій.

Во времена регентства литература совершенно пришла въ упадокъ, что̀ должно было предвидѣть съ XVI вѣка. Преувеличенное подражаніе древнимъ направляло ее къ схоластическому классицизму, заставляя пренебрегать наблюденіями и вымысломъ; отчего она скоро стала непонятна для бо̀льшей части французовъ и неприступна для вдохновеній живительнаго національнаго генія. Она отстранила массу читателей отъ участія въ умственномъ прогресѣ, и сдѣлавшись ложною и стѣснительною, превратилась въ реторику для избранныхъ. При томъ же все ускоряло печальную агонію этой литературы: преувеличенное употребленіе миѳологическихъ аллегорій у христіанскаго народа, введеніе древнихъ формулъ и правилъ старой цивилизаціи въ націю, которая сама способна изобрѣтать. И всѣ эти правила насильно навязывались такому нетерпѣливому, насмѣшливому, живому народу! При всемъ этомъ литература возрожденія была очень замѣчательна. Въ XVI вѣкѣ она была весела и наивна, какъ молодость. Ронсаръ изобрѣлъ для нея музыку стиха, и подобной гармоніи никогда еще не слышали французы. Въ XVII вѣкѣ литература входитъ въ зрѣлый возрастъ, и представляетъ рядъ великихъ людей и умовъ. И несмотря на это, все-таки въ ней былъ зародышъ порчи. Въ это время Нинона покровительствовала Расину, вдохновляла Паскаля, говорила эпиграмы Боссюэту и собирала въ рощахъ Пафоса всѣхъ Котеновъ, Кольте и Сент-Амановъ своего вѣка. Подобное покровительство не имѣло ни величія, ни власти, ни ума, и потому ласкало только легкую поэзію, восхищалось остротами и прославляло съ восторженною идеализаціею качества Жанны Вобернье.

Къ вліянію г-жи Помпадуръ на литературу присоединилась еще другая разрушительная причина упадка этой литературы,—*остроуміе.*

Дѣйствительно, остроуміе замѣнило умъ, сдѣлалось единственною цѣлію писателей, и наконецъ завладѣло всей литературой Франціи.

Слѣдовательно, легкая литература имѣла свою молодость въ XVI вѣкѣ, зрѣлость въ XVII, и достигла до старости въ XVIII вѣкѣ. Всѣмъ извѣстно, что̀ сдѣлалось тогда съ поэзіею: весь Олимпъ праздновалъ Сатурналіи; всѣ божества, изображающія великія, благородныя идеи, были изгнаны и замѣнены легковѣрными и легкомысленными богинями. Киприда, Ирида и Флора смѣло вошли на Пиндъ и начали пѣть эротическія пѣсни; весь Олиммъ перенесся въ кулисы оперы и балета. Вотъ куда привела миѳологическая поэзія! Однако не надобно полагать, что нравы цѣлаго народа были испорчены и что вся литература была ничтожна. Даже англичанинъ Боркъ, неблаговолившій къ Франціи, замѣчаетъ въ своихъ *Письмахъ*, что и въ это время испорченность не тронула въ провинціяхъ ни дворянства, ни гражданъ, ни народа. Точно также и посреди упадка литературы были геніальные люди, которые хотя не избѣжали вліянія времени, но сохранили величіе и силу таланта.

Французскую литературу XVIII вѣка можно назвать *женской*, и олицетворить въ костюмѣ, съ манерами и характеромъ женщины того вѣка. Въ-особенности не надо забывать румянъ. Вуазенонъ говоритъ въ своихъ сказкахъ, что у женщинъ всего одна идея, которую онѣ разбиваютъ на маленькія блестящія мысли, и что все ихъ исскуство состоитъ только въ томъ, чтобъ казаться остроумными. Вуазенонъ не замѣчаетъ, что онъ въ этихъ словахъ изображаетъ не только портретъ свѣтской женщины, но свой собственный слогъ и исторію всей легкой литературы, которую стараются теперь снова ввести въ моду.

Въ-самомъ-дѣлѣ, эта литература получила женское образованіе; она обязана своимъ происхожденіемъ женщинѣ, находилась подъ покровительствомъ женщины, и имѣла тѣже вкусы. Главная цѣль ея состояла въ томъ, чтобъ нравиться, и всѣ ея качества и недостатки принадлежатъ женскому характеру. Это объясняетъ ея необыкновенную дѣятельность и то, что вся литература XVIII вѣка можетъ назваться разговоромъ: легкою болтовнею въ будуарахъ, сплетнями, новостями, эпиграмами и клеветами въ серьозномъ кругу, нецеремонными разсказами за кулисами и неприличными бесѣдами на ужинахъ, но всегда и вездѣ литература эта только разговоръ. Вотъ почему она не оставила прочнаго памятника, и хотя собиратели старинныхъ остротъ стараются ее возстановить, но все-таки она производитъ на насъ такое же впечатлѣніе, какъ каламбуры прошедшей оргіи, повторяемые трезвому.

Эта литература часто мѣняла костюмы, и въ этомъ состояло почти единственное ея занятіе;—иногда измѣняла она свое лицо и переставала румяниться, но никогда не забывала фалбалы и свою заученую грацію. Подъ грубой одеждой Фавара, подъ маской Шанфора слышны благоуханія будуара. Въ первую эпоху своей молодости, при регентствѣ, литература была жеманною кокеткою. Испуганная строгостію г-жи Ментенонъ, она лицемѣрила и прятала свои пороки подъ вѣеромъ и жеманствомъ. Она усыновила барашка г-жи Дезульеръ и напу-

тала на него множество лептъ; изъ одного барана сдѣлалось цѣлое стадо, а изъ будуара — овчарня. Это была настоящая весна легкой поэзіи. Свирѣли были въ большой модѣ, и на нихъ воспѣвали легкими стихами Иріду и Климену, радости, игры и напудренныхъ граціи, прыгающихъ наивно по будуару. Всѣ восхищались Веръ-Веромъ и мадригаломъ г. Сентъ-Олера, признаннымъ лучшимъ произведеніемъ французской литературы. Г-жа Креки не переставала восхищаться имъ и въ 1801 году, когда Академія отворила свои двери такому геніальному человѣку. Лафаръ, Шолье и Рошеморъ, покровительствуемые г-жею дю-Мень, считались въ замкѣ Со великими поэтами, но не могли достигнуть славы этого мадригала, и довольствовались тѣмъ, что наводняли городъ и дворъ восхитительными тріолетами и мадригалами, которыми прославился кардиналъ Берни.

Скоро однако легкой поэзіи наскучили эти нѣжности, и она перешла на роли полныхъ кокетокъ. Собранія новостей и пѣсни прогнали скромный мадригалъ; любовь и литература сбросили всякое принужденіе, и будуаръ былъ замѣненъ чуть-ли не клубомъ. Отсюда произошла литература, которой покровительствовали женщины до конца вѣка. Страсть покровительствовать авторамъ превратилась въ болѣзнь, потому-что этимъ женщины пріобрѣтали значеніе, похвалы, и были окружены всегдашнимъ шумомъ, который онѣ такъ любятъ. Онѣ отыскивали талантъ и умъ, чтобъ поддерживать его, покровительствовать ему, руководить имъ, и литература XVIII вѣка была очень рада, что ее заперли въ теплицы. Она производила скоро и много, но все легкія, мелкія вещи, которыя давали ей жизнь и блескъ. Можно было предвидѣть, какое направленіе примутъ подъ подобнымъ покровительствомъ театръ, поэзія, сказки и новости, составлявшія всю изящную литературу XVIII вѣка.

Однимъ изъ результатовъ этаго направленія было то, что молодые люди высшаго общества бросили сперва охоту, чтобъ предаться игрѣ въ мячъ, потомъ пристрастились къ шашкамъ, и наконецъ начали дѣлать банты и вышивать. Легкомысліе и безразсудность произвели иронію, которая объявила жестокую войну всему, что уважалось въ свѣтской жизни, а главное, истребили уваженіе къ женщинамъ. Во всей этой литературѣ нѣтъ ни одного слова, которое-бы вылилось прямо изъ сердца, ни одного чувства...

Литературное развитіе этой легкой поэзіи было также ничтожно, какъ и ея моральное вліяніе. Она прошла всѣ ступени упадка; отъ сказки перешла къ пѣснѣ, потомъ къ эпиграммѣ, и наконецъ къ бу-риме. Потомъ начались различные литературные фокусы, явились стихи въ одинъ слогъ или только съ двумя риѳмами. Двустишія, шарады, логогрифы завладѣли поэзіей, и поэты, не надѣявшіеся достигнуть до высоты логогрифа, осмѣливались возвыситься до загадки. Ниверне, писавшій коротенькія пѣсенки служилъ примѣромъ, Лувуа и Шансене, аббатъ Оберъ, грубый эпиграмматистъ, и Робе де-Бовезе, грязный поэтъ, оспаривали славу у Пезе и Ла-Луптьера, которые хвалились тѣмъ, что были подражателями Дора. Послѣдній представляетъ полный типъ этой литературы; онъ олицетворяетъ *пріятную поэзію*; онъ писалъ въ этомъ пріят-

номъ родѣ до того, что самъ принужденъ былъ повторять одно и тоже, и все-таки у него нашлись подражатели, ученики, послѣ его смерти, выливше цѣлую рѣку риѳмъ на его могилу. Буфлеръ тоже можетъ быть представителемъ легкой поэзіи. Онъ былъ простосердеченъ, добръ, благороденъ и великодушенъ, и цѣлую жизнь острился въ стихахъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что самъ сдѣлался смѣшнымъ, и нажилъ репутацію пустаго, безполезнаго человѣка. Шарады, загадки, бу-риме, безпрестанные каламбуры убили въ немъ здравый смыслъ; наблюдательность его остановилась на будуарахъ, и онъ не хотѣлъ знать другихъ чувствъ, кромѣ тѣхъ, которыя изображены были на вѣерахъ того времени, въ видѣ амуровъ. Онъ увлекся подражаніемъ и самъ подражалъ Грамону и Вольтеру. Никогда не могъ онъ дойти до глубокаго чувства, точно также какъ и всѣ послѣдователи его школы, но достигалъ только глубины реторики. Его чувствительность, превращенная въ чувственность, выражаетъ только иронію уваженія, потому-что его вѣкъ былъ до того чуждъ истинныхъ чувствъ, что даже безъ намѣренія оскорблялъ женщинъ, оказывая имъ почтительный восторгъ.

Въ своихъ сказкахъ Буфлеръ можетъ возвыситься только до *мариводажнаго кребилльонизма*, какъ говоритъ г-жа Креки. Иногда онъ хочетъ показать себя строгимъ и моральнымъ писателемъ; но это стоитъ ему такихъ усилій, онъ начинаетъ такъ путаться во фразахъ, что дѣлается смѣшнымъ. Литература эта была наказана тѣмъ, что не умѣла изображать великихъ и благородныхъ чувствъ иначе, какъ въ тяжелой декламаціи, скучномъ резонерствѣ.

Мариво, Буасси, Дора вывели на комическую сцену только мадригалы въ разговорахъ, изысканные обороты мыслей и афектацію въ выраженіяхъ. Это мнѣніе самого Жозефа Шенье. Театръ, въ свою очередь, сдѣлался будуаромъ и изображалъ офиціяльное общество, комическую дѣятельность, заключенную въ тѣсномъ пространствѣ, искусственныя чувства подъ старыми хитростями и новыми гримасами. На сценѣ было не человѣческое сердце, но пошлое и невѣрное изображеніе жизни, въ которой не было ничего высокаго и похвальнаго; театръ XVIII вѣка— это комедія въ комедіи: все въ немъ холодно и безсильно; употребленіе во зло остроумія убило веселость. Чтобъ оживить комическое искусство, надобно было прибавить къ нему нѣсколько грубой веселости, взятой изъ ярмарочныхъ театровъ, точно также какъ для возбужденія избитаго остроумія, надобно было прибѣгнуть къ двусмысленностямъ. Бомарше понялъ это очень хорошо.

Эта испорченность, которую искали на сценѣ, даетъ понять, отчего актрисы имѣли болѣе вліянія на свой вѣкъ, чѣмъ комедія. Пьесы составляли только рамку для богинь того времени, для настоящихъ музъ этой поэзіи. Клеронъ была также знаменита, какъ Вольтеръ, и если писателю поставили статую, то въ память актрисы ея почитатели носили при себѣ *медальонъ*. Кажется, что трагедія могла-бы служить убѣжищемъ для послѣднихъ высокихъ мыслей, послѣднихъ изученій человѣческаго сердца, но и она сдѣлалась ничтожна, какъ легкая поэзія, и служила только предлогомъ для эпиграмъ. Она имѣла

успѣхъ не потому, что заключала въ себѣ красоты, о которыхъ никто не заботился, но по сравненіямъ съ настоящимъ временемъ, которыя извлекала изъ нее публика. Это не было искусство или литература, но частная исторія настоящаго времени, со всѣми ненавистями, предразсудками, партіями, часто даже исторія вражды и соперничества двухъ актрисъ.

Подлѣ умирающей комедіи и трагедіи театральное искусство сохранило еще родъ сочиненій, изображающій французскій характеръ. Комическая опера произошла отъ соединенія водевиля и рыночнаго театра. Она одна сохранила всѣ національныя стремленія въ XVIII вѣкѣ, всѣ качества народнаго ума, простоту, наблюдательность, наивность, натуру; но къ несчастію, она попала въ руки, Фавара. Это былъ добрый, простой человѣкъ, который, дѣлая пирожное, почувствовалъ вдохновеніе и написалъ до дюжины комическихъ оперъ, стоившихъ, какъ онъ говоритъ самъ, чтобы ихъ отправили туда же, куда онъ сажалъ свои пироги, то-есть въ печку. Его жена, извѣстная актриса, замѣнила на сценѣ наивность хитростью, веселость гримасами, природу искусствомъ, и всѣми этими качествами она обязана мужу. Другъ ея, г. Вуазенонъ, знаменитый разсказчикъ своего времени, служилъ оракуломъ для Фавара, который слушался его во всемъ, скоро началъ стыдиться своей простоты и изъ природнаго умнаго и талантливаго человѣка сдѣлался натянутымъ и искусственнымъ. Онъ хотѣлъ доказать, что способенъ понимать всѣ тонкости поэзіи, и заслужилъ названіе *продолжателя Анакреона* и достойнаго *сына Аполлона*. Однако «*Искательница ума*» Фавара почитается образцовымъ произведеніемъ, хотя наивность крестьянокъ очень похожа въ ней на закулисную наивность. Одна мать совѣтуетъ своей дочери искать ума, и дочь употребляетъ для этой цѣли самое лучшее средство, которое приведено въ сказкахъ Лафонтена. Это образцовое произведеніе написано съ такою-же ловкостью, какою отличался Буфлеръ, то-есть: легкія мысли искусно скрыты подъ приличными словами. Натура пьесы заключается только въ болтовнѣ остроумныхъ людей, одѣтыхъ крестьянами; наивность ихъ до того искусственна, что можетъ составить особый родъ реторическихъ сочиненій.

Остроуміе, которое Буфлеръ и его предшественники расточали въ поэзіи, Фонтенель внесъ въ науки и философію. Онъ ввелъ въ прозу такую же изысканность, какая господствовала въ поэзіи въ началѣ XVIII вѣка. Фонтенель жилъ сто лѣтъ, съ 1657 до 1757, и въ XVII вѣкѣ приготовлялъ литературу XVIII. Онъ служитъ соединеніемъ между двумя вѣками, и его талантъ похожъ на разнообразныя цвѣта сумерекъ, когда день уже прошелъ, но ночь еще не наступила.

Сочиненія Фонтенеля можно объяснить его характеромъ. Эгоистъ, холодный и благоразумный, честный и добрый, онъ боялся всякаго вдохновенія, всякаго чувства, и тщательно избѣгалъ всякаго сильнаго волненія. Онъ никогда не смѣялся и не плакалъ, но улыбался всегда для общей пользы и спокойствія, и эта улыбка оставила свою печать на каждомъ изъ его сочиненій. Его печальныя трагедіи давно забыты,

точно также какъ комедіи и комическія оперы, какъ его пасторальная поэзія и *Разговоры мертвыхъ*, гдѣ пастухи очень хитры, а знаменитые мертвецы искусно играютъ каламбурами и перебрасываются антитезами. Мы охотно забыли бы и его легкую поэзію, еслибы онъ самъ могъ забыть о ней: но это произведенія его молодости, воспоминаніе о первой любви, къ чему человѣкъ бываетъ всегда привязанъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ его, почитаемыхъ образцовыми, сквозь философію, болтовню *Разговоровъ о множествѣ міровъ*, иронію *Исторіи Оракуловъ*, и остроты *Похвалъ*, сквозь всю эту афектацію, жеманность и изысканность, видѣнъ все-таки талантъ, который не хотѣлъ только разстаться съ легкой поэзіей. Фонтенеля можно назвать пріятнымъ ученымъ, то-есть такимъ, который изображаетъ въ пріятной формѣ безполезную философію, и видитъ въ наукѣ только предлогъ для забавныхъ декламацій, а въ поэзіи одно искусство хорошо выражаться. Мы видѣли въ восточной имперіи много подобныхъ великихъ людей, которые изображали въ напыщенныхъ періодахъ тоже самое, что Фонтенель въ легкихъ формахъ. Онъ дѣлалъ мораль пріятною, поэзію пріятною, точно также какъ д'Юрфе и Скюдери дѣлали Кира и Александра любезными кавалерами. Онъ заставлялъ философію кокетничать, науку и мораль жеманиться, и остался въ исторіи литературы блистательною знаменитостію, которая ничего не изобрѣтаетъ, но передаетъ только въ новой формѣ чужія мысли.

Единственными качествами французскаго языка XVIII вѣка остались ясность и тонкость; но эта ясность не была уже глубокая и обширная, какую развили великіе мыслители Паскаль и Боссюэтъ; это была ясность, происходящая часто отъ недостатка мыслей и отъ блестящей пошлости идей. Какъ во всѣ эпохи паденія, болѣе всего заботились о слогѣ, хотя языкъ бѣднѣлъ; смѣялись надъ словами самыми простыми и нужными, но которыя сдѣлались невозможными для употребленія въ настоящемъ смыслѣ, потому-что начали означать вовсе не то, что прежде, и сдѣлались двусмысленными. Вообще главный характеръ этого вѣка заключаетъ въ себѣ что-то лихорадочное, конвульсивное, какъ-будто даже умъ сдѣлался болѣнъ, раздражителенъ, капризенъ и дерзокъ; его нельзя иначе представить себѣ, какъ худощавымъ, сердитымъ и почти эпилептическимъ. Кажется, что во всѣхъ лихорадочныхъ головахъ того времени всякая новая литературная форма являлась со всѣми признаками эпидеміи. Можетъ-быть умъ дѣйствительно имѣетъ странное эпидемическое вліяніе, замѣтное и въ тѣлесныхъ болѣзняхъ. По-крайней-мѣрѣ извѣстно, что въ первой половинѣ XVIII вѣка умъ былъ прилипчивъ, остроуміе заразительно.

Въ началѣ вѣка говорили о мелочахъ съ важнымъ видомъ; въ концѣ толковали о важныхъ предметахъ легкомысленно, не понимая ихъ. Тяжелое и поддѣльное остроуміе замѣнило легкое и блестящее. Ла-Луптьеръ и Дора сдѣлались Риваролемъ и Шанфоромъ. Философія побѣдила мариводажи; занимательная химія замѣнила ленты, переводы англійскихъ романовъ заступили мѣсто легкой поэзіи. Франція начала копировать Англію, ея одежду, идеи, литературу, и эта лихорадка ума и вообра-

женія, это заблужденіе разсудка увлекли всѣ пылкія сердца и наполнили ихъ страстью къ таинственному, чрезвычайному, сверхъестественному. Начиная съ чудесъ янсенистовъ и безумія конвульсіонеровъ, до шарлатанства Каліостро, Месмера и Казановы, XVIII вѣкъ испыталъ всѣ фокусы. Волшебство и магія объявляли громко свои приговоры и странныя обѣщанія. Всѣ безумные призраки, созданные человѣческою гордостію, всѣ привидѣнія, ворожба, предсказанія вошли въ моду и имѣли большое вліяніе. Вмѣстѣ съ этимъ страннымъ вѣкомъ умерла и его странная литература...

—

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Зенефельдеръ, изобрѣтатель литографіи. — Есть изобрѣтатели, которые съ перваго шага на пути открытій пользуются извѣстностью, славою, безсмертіемъ. Есть другіе, которые осуждены проводить всю жизнь между надеждами, мечтами и голодною смертію. Къ этому послѣднему разряду принадлежалъ и Алоизій Зенефельдеръ.

Вся жизнь его была безпрестанною борьбою съ обстоятельствами, и хотя онъ наконецъ дожилъ до того, что открытіе его было принято и вездѣ распространилось, но извѣстность его отъ этого нисколько не увеличилась, и онъ умеръ почти въ совершенной нищетѣ.

Нынѣшніе изобрѣтатели поступаютъ гораздо умнѣе. Они, какъ вывѣску, привѣшиваютъ имена свои къ сдѣланнымъ ими открытіямъ. Теперь вы не надѣнете непромокаемаго пальто, чтобы не вспомнить о изобрѣтателѣ его, Мекинтошѣ. Теперь всякій фотографическій портретъ твердитъ вамъ о Дагеррѣ, хотя настоящимъ изобрѣтателемъ фотографіи и былъ Ніепсъ. Даже въ подземныхъ угольныхъ копяхъ удивитесь вы уму Деви, видя его лампу. Но бѣдный изобрѣтатель литографіи не назвалъ своего открытія *зенефельдографіею*, и умеръ въ неизвѣстности.

У всякаго изобрѣтенія и открытія есть свои легенды, какъ яблоко, упавшее у ногъ Ньютона, бумажный змѣй Франклина и проч. Веніаминъ Вестъ изобрѣлъ камеръ-обскуру, не зная того, что за четыре тысячи миль другой открылъ уже ее за два года предъ тѣмъ. Изобрѣтеніе гравированія также любопытно. Связка мокраго бѣлья, брошенная нечаянно на стальной панцырь съ оттисками чернью, и получившая слабый отпечатокъ этой черни, была поводомъ къ гравировкѣ. Такъ же любопытно изобрѣтеніе литографіи Зенефельдеромъ.

Онъ былъ, какъ говорится, *человѣкъ на всѣ руки*. Онъ зналъ все, и не успѣвалъ особенно ни въ чемъ. Онъ рисовалъ, гравировалъ, игралъ на скрипкѣ, переписывалъ музыку, сочинялъ стихи. Но во всѣхъ этихъ занятіяхъ постоянно ни въ чемъ не имѣлъ успѣха. Ему хотѣлось напечатать свои сочиненія, но ни одинъ издатель не брался за это. Директоры театровъ отказывались отъ его оперъ; любители живописи не покупали его картинъ; пѣвцы не брались пѣть его аріи, и

никто не хотѣлъ слушать игру его на скрипкѣ. Самъ онъ не могъ приступить къ печатанію своихъ сочиненій на свой счетъ: у него не было денегъ. Онъ сталъ придумывать: нельзя ли вырѣзать на мѣди манускриптъ и напечатать его потомъ. Ему пришло въ голову писать на мѣди особеннымъ составомъ изъ воска и смолы, противящимся дѣйствію кислоты. Потомъ дѣйствіемъ той же кислоты вытравить остальныя части доски, такъ чтобы буквы сдѣлались рельефными. Но, во-первыхъ, ему очень трудно было писать навыворотъ, а потомъ еще труднѣе вытравлять написанное. Онъ обжегъ пальцы крѣпкою водкою, которая притомъ вытравляла доску только мѣстами, и дѣлала въ ней дыры. Къ довершенію бѣдъ, мѣдникъ, снабжавшій его до-тѣхъ поръ досками, отказался вѣрить ему долѣе въ долгъ. Это былъ жестокій ударъ для изобрѣтателя. Мать всякій день бранила его за всѣ эти *пачканья*. Всѣ ея одѣяла были прожжены крѣпкою водкою, полъ забрызганъ воскомъ и смолою, скатерти въ сажѣ, а лучшіе чулки служили для вытиранія досокъ.

Не получая новыхъ досокъ, Зенефельдеръ вздумалъ смывать старыя и снова полировать ихъ. Но оказалось, что кирпичъ и наждакъ, употребляемые имъ, слишкомъ крѣпки, и вмѣсто полировки производили на доскѣ царапины. Тогда вспомнилъ онъ, что на берегахъ Изера есть мягкій известковый камень, который съ пользою могъ быть употребленъ для этого. Сперва доставалъ онъ маленькіе камни этого рода, потомъ получилъ и большіе. Но по мѣрѣ, какъ запасъ камней увеличивался, уменьшалось число мѣдныхъ досокъ: нечего было чистить этими камнями. Они столько же приносили ему пользы, какъ манжеты человѣку, у котораго нѣтъ рубашки, или сковорода тому, кому нечего на ней жарить.

Онъ попробовалъ гравировать на этихъ самыхъ камняхъ. Но крѣпкая водка разъѣдала камень, а не вытравляла его, для удержанія типографскихъ чернилъ. Зенефельдеръ былъ въ отчаяніи. Онъ хотѣлъ было бросить всѣ попытки, и предаться изученію законовъ, которыми занялся было передъ смертію отца. Но чтобъ вступить опять въ ингольштатскій университетъ, нужно было денегъ, слѣдовательно, и этотъ планъ не могъ быть исполненъ.

Съ отчаянія рѣшился онъ писать для театра; но сочиненную имъ комедію вездѣ отвергали, и онъ воротился къ матери ни съ чѣмъ. Какъ и чѣмъ онъ жилъ? Богъ вѣсть... Вдругъ пришла ему въ голову счастливая мысль, и вотъ какъ онъ разсказываетъ самъ объ этомъ: «Въ 1819 году, я отполировалъ одинъ камень, и хотѣлъ пріучиться писать на немъ на оборотъ. Вдругъ вошла ко мнѣ мать и поручила мнѣ написать счетъ нашей прачки. Въ эту минуту у меня не было ни перьевъ, ни чернилъ, и потому я рѣшился написать что было нужно, на приготовленномъ камнѣ, моими собственными чернилами изъ воску, масла и сажи. Этотъ счетъ отпечатался потомъ на лоскуткѣ бумаги. Тогда мнѣ пришло въ голову вытравить камень крѣпкою водкою, оставя написанное. Вытравка была сдѣлана до $^1/_{100}$ дюйма, и я увидѣлъ, что теперь легко типографскими чернилами провести по напи-

санному и оттиснуть сколько угодно экземпляровъ. Такимъ-образомъ открылъ я новое искусство.»

Продолжая опыты, Зенефельдеръ убѣдился, что буквы и рисунокъ не имѣютъ надобности быть рельефными и что химическіе законы, препятствующіе смѣшенію жирныхъ веществъ съ водою, достаточны для достиженія той же цѣли. Дѣйствительно, весь секретъ литографическаго искусства основанъ на отвращеніи воды отъ жира. Но известковый камень, который употребляется для литографіи, равно любитъ воду и жиръ, и съ жадностію поглощаетъ даже послѣдній. Поэтому, сперва рисуютъ что-нибудь, или пишутъ на камнѣ жирнымъ карандашемъ, потомъ обмываютъ доску водою, поглощаемою всѣми частями доски, не покрытыми рисункомъ. Потомъ намазываютъ, посредствомъ цилиндра, камень типографскими чернилами, которыя пристаютъ только къ рисунку, но не дѣйствуютъ на прочія части камня, защищенныя водою.

Неудачи Зенефельдера при опытахъ были безчисленны, но онъ преодолѣвалъ всѣ препятствія, покуда придумалъ литографическій карандашъ и чернила со всѣми пріемами для печатанія на камнѣ. Онъ принялся даже за особый родъ литографіи, называемой нынѣ *хромолитографіею*. Онъ изобрѣлъ также искуство печатать золотомъ и серебромъ, и пробовалъ литографировать *на бумагѣ* въ подражаніе рисункамъ тушью. Онъ успѣлъ наконецъ дойти до подражанія разнаго рода гравюрамъ.

Въ 1819 году напечаталъ онъ, съ добродушною простотою, всѣ подробности, обстоятельства своего открытія, и сообщилъ всему свѣту всѣ свои секреты, не требуя никакого вознагражденія. Надъ нимъ вездѣ стали смѣяться, но онъ не смотрѣлъ ни на брань, ни на клеветы. Самое сильное его возраженіе состояло однажды въ слѣдующихъ словахъ: «Если г. Раппъ, изъ Штутгарда, думаетъ, что онъ изобрѣлъ литографію, то очень ошибается.»

Долго никто не хотѣлъ принимать этого изобрѣтенія. Нѣкто Рудольфъ Аккерманъ первый рѣшился на это. Всѣ возстали на него; во всѣхъ газетахъ опровергали полезность этого искуства. Любопытно теперь взглянуть на колоссальное литографическое заведеніе въ Лондонѣ, въ Great-Queen-Street, въ которомъ работаютъ болѣе семисотъ человѣкъ, и изъ котораго выходятъ лучшіе современные литографическіе рисунки, сдѣлавшіеся доступными самымъ бѣднымъ классамъ общества.

—

Джіованни Риккорди. — На дняхъ умеръ въ Миланѣ богатѣйшій издатель музыки въ Европѣ г. Риккорди. Онъ оставилъ по себѣ всѣ манускрипты оперъ Россини, Беллини, Доницзетти, Верди и другіе, которыми онъ обогатился. Извѣстно, что одна каватина Верди изъ Эрнани доставила ему 100,000 фр. Въ благодарность за это прозвалъ онъ волшебную свою виллу на Комскомъ-озерѣ *Виллою Эрнани*. Первый

основный камень богатства его былъ Россини, который, какъ извѣстно, былъ самый лѣнивый композиторъ. Однажды Риккорди приставалъ къ нему настойчивѣе обыкновеннаго, чтобъ онъ написалъ ему что-нибудь новое. Россини наконецъ разсердился и сказалъ: «Хорошо! я уѣзжаю завтра и оставлю тебѣ увертюру, достойную тебя. Оркеструй ее послѣ меня, и ты вѣрно будешь доволенъ.» На другое утро Россини дѣйствительно уѣхалъ, и Риккорди нашелъ у него свертокъ на свое имя. Это были шесть страницъ, исписанныхъ музыкою собственноручно самимъ Россини. Надпись на тетради гласила: «Застольная увертюра для стакановъ, тарелокъ, бутылокъ и сковородъ, съ акомпаниментомъ кларнета obligato.» Всѣ присутствующіе почитали это шуткою, мистификаціею разсерженнаго Россини; одинъ Риккорди сказалъ:

— Быть не можетъ! гдѣ есть кларнетъ, тамъ должна быть и мелодія. Мы ее отъищемъ!»

Онъ напечаталъ это соло кларнета подъ названіемъ: «Изъ неизданной увертюры Россини для необыкновенныхъ инструментовъ». Это соло имѣло огромный успѣхъ, и извѣстно всему музыкальному міру.

—

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

Мнѣніе полковника Роулисона о скиѳскомъ характерѣ большей части гвоздеобразныхъ надписей. — Роулисонъ открылъ множество надписей на скиѳскихъ языкахъ, болѣе или менѣе сродныхъ съ мидійскими языками ахеменедскихъ надписей. Самый же мидійскій языкъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу арійскихъ. Всѣ эти надписи древнѣе составленныхъ при ахеменидской династіи, и вообще древнѣе династіи Навуходоносора. Роулисонъ находитъ, что всѣ надписи южной части Персіи до временъ Навуходоносора, включая кирпичи и надписи Ниффера, Сенкереха, Варка, Сузы и Элимаиса написаны на этомъ же скиѳскомъ языкѣ. Открытіе этого первоначальнаго діалекта составляетъ важное указаніе къ этнологическимъ изысканіямъ. Роулисонъ убѣжденъ, что народы: кушъ, мисраимъ, нимрудъ и ханаане — были скиѳы. Первые два были смѣшаны съ семитическими племенами. Впрочемъ, онъ полагаетъ, что въ эпоху составленія этихъ надписей, а именно около VIII вѣка до Р. Х., скиѳы были такъ смѣшаны съ этими народами, что нельзя было ихъ различить. Сперва поселились въ этихъ странахъ скиѳы, а потомъ уже, долго спустя, семитическія поколѣнія. Это объясняетъ во многомъ запутанность греческихъ преданій.

Скиѳское племя Кушъ распространено было по Сѣверной Африкѣ и Аравіи. Древнія надписи въ Сизіанѣ, Элимаисѣ, можетъ-быть даже въ Вавилонѣ и другихъ мѣстахъ были, по мнѣнію Роулисона, писаны на арійскомъ діалектѣ, сходномъ съ мидійскимъ, но это не служитъ еще доказательствомъ, чтобъ масса народонаселенія принадлежала къ

этому же племени. Есть опредѣлительныя указанія, что въ Вавилонѣ и другихъ мѣстахъ *владычествующее* племя было иноземное, вѣроятно арійское. Но къ какому народу принадлежало оно? Можно ли, судя по этимъ надписямъ, считать, что народъ *краснаго племени*, владычествовавшій въ Аравіи, Египтѣ и Нубіи, былъ арійскаго происхожденія. Очень естественно, что скиѳы и семитическія племена слились до такой степени, что ихъ теперь нельзя отличить, потому-что они произошли сами отъ смѣси воинственнаго арійскаго племени съ покореннымъ имъ краснымъ племенемъ, жившимъ въ Месопотаміи.

До-сихъ-поръ открытіе Роулисона ведетъ только къ заключенію, что владычествующее племя въ большихъ городахъ Месопотаміи было издревле арійское. Другихъ результатовъ надо еще ожидать отъ послѣдующихъ открытій.

—

Исчисленіе различныхъ скоростей въ-теченіе одной секунды.

Черепаха проходитъ въ секунду	0,005	футъ.
Теченіе рѣки въ секунду же	3—4	фута.
Муха	5	—
Пѣшеходъ	5,3	—
Верблюдъ	6,3	—
Тихій вѣтеръ	10	—
Быстрыя рѣки	12	—
Лошадь галопомъ	12	—
Китъ	12,3	—
Сильный ходъ паруснаго судна	14	—
Олень, запряженный въ сани	25	—
Паровозъ	29	—
На конькахъ пробѣгаютъ по	36	—
Англійскій скакунъ	43,3	—
Буря	50	—
Возушный шаръ	50	—
Сильно брошенный камень	50	—
Борзая собака	78	—
Орелъ	95,2	—
Ураганъ	120	—
Почтовый голубь	141	—
Звукъ при 1° Р.	1012,2	—
Ружейная пуля	1599	—
Двадцати-четырехъ фунтовое ядро	2399	—
Солнечный лучъ	41,000	миль.

—

Электрическій свѣтъ для освѣщенія улицъ. — Въ Лондонѣ сдѣлано недавно новое открытіе въ примѣненіи электрическаго свѣта къ освѣ-

щенію улицъ. До-сихъ-поръ затрудненіе состояло въ томъ, что истребленія металловъ, производящихъ это электричество, дѣлало этотъ способъ освѣщенія слишкомъ дорогимъ, а сверхъ-того недоставало хорошей методы къ правильному управленію этимъ свѣтомъ. Оба затрудненія отвращены теперь по словамъ англійскихъ газетъ. Средство къ регулированію свѣта найдено, а дороговизна отвращена открытіемъ, что растворяющіеся металлы даютъ превосходное красильное вещество (а именно, берлинскую лазурь и искуственный ультрамаринъ) посредствомъ прибавленіи въ батареи синероднаго калія. Эти красильныя вещества продаются по такой цѣнѣ, что весь расходъ на растворенные металлы покрывается, и свѣтъ получается даромъ. Въ Лондонѣ составилось уже общество капиталистовъ на акціяхъ, для практическаго исполненія этого открытія. Капиталъ собрали въ 280,000 фунт. стер. Свѣтъ, получаемый такимъ образомъ, превосходитъ всѣ прочіе, и можетъ только сравниться съ солнечнымъ. При немъ легко отличить синій цвѣтъ отъ зеленаго, какъ днемъ. Лучи его простираются до предѣловъ шарообразной выпуклости земли. Говорятъ, что онъ видѣнъ на разстояніи шести нѣмецкихъ миль. Для него не нужно атмосферическаго воздуха. Онъ равно хорошо горитъ подъ водою и въ безвоздушномъ пространствѣ.

—

Гремучая хлопчатая бумага. — Изобрѣтенная нѣкогда Шенфельдомъ, какъ средство разрушенія, эта бумага перемѣнила теперь цѣль свою и названіе: подъ именемъ *коллодіума* служитъ она для дѣланія фотографическихъ портретовъ, и употребленіе ея распространяется съ каждымъ годомъ.

—

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Защита женскихъ корсетовъ. — До-сихъ-поръ медики бо́льшею частію осуждали женскіе корсеты, и почитали ихъ причиною множества болѣзней прекраснаго пола. Даже полагали, что перерожденіе породы людей въ слабое и болѣзненное поколѣніе происходитъ отъ обычая носить корсеты. Наконецъ отыскался одинъ защитникъ корсетовъ. Онъ читалъ объ этомъ диссертацію въ парижской медицинской Академіи. Въ этой диссертаціи описываетъ онъ всю древнюю исторію корсета, начиная съ fasciæ, которыми гречанки и римлянки обвивали свой станъ. Онъ осуждаетъ только панцырь изъ китовыхъ усовъ, введенный Катериною Медичи и бывшій въ модѣ съ XVI до конца XVIII вѣка, «Исторія доказываетъ говоритъ онъ, что люди съ древнѣйшихъ временъ находили нужнымъ болѣе или менѣе связывать тѣло женщины. Злоупотребленіе этихъ средствъ столь же было часто въ древности, какъ

и въ нынѣшнія времена. Но если бы запрещать все то, что люди доводятъ до злоупотребленія, то не надобно было бы ни пить, ни ѣсть». Этотъ защитникъ корсетовъ опровергаетъ всѣ доводы прежнихъ медиковъ, и доказываетъ, что всѣ дѣвушки и женщины по эстетическому чувству должны носить корсеты и стараться только не слишкомъ стягивать свое тѣло.

—

Комерческій Банкъ въ Китаѣ. — Въ Китаѣ найдены уже многіе прототипы нашихъ художествъ, изобрѣтеній и обычаевъ; поэтому никто не удивится, узнавъ, что китайцы употребляли ассигнаціонную монету за два вѣка до Р. Х. Ходячая монета ихъ была тогда огромнѣе и тяжелѣе нынѣшней. Понятно, что этотъ изобрѣтательный народъ придумалъ средство избавлять себя отъ затрудненій носить съ собою подобную тяжесть. Чтобъ отвратить это неудобство, придумали ассигнаціи, или облигаціи казначейства, которыя, повидимому, представляли всѣ возможныя ручательства. Это обстоятельство и удобство пересылокъ распространили повсюду этотъ новый родъ монеты.

Но вскорѣ произошли въ Китаѣ междоусобныя войны, ниспровергшія одну за другою нѣсколько династій. Правительство побѣдившей династіи всегда отвергало ассигнаціи предшествовавшей,—и эта недобросовѣстность имѣла гибельныя, но неизбѣжныя послѣдствія. Послѣ пяти-сотъ лѣтняго кругообращенія ассигнаціи окончательно исчезли.

Это случилось во-время династіи Мингъ. Манджуры, вступившіе послѣ нихъ на престолъ, не старались о возстановленіи ассигнацій. За это взялись негоціанты, и когда татары завоеватели окончательно утвердили власть свою въ Китаѣ, купцы имѣли уже свои собственныя ассигнаціи. Они слишкомъ хорошо понимали выгоды этого учрежденія, чтобъ оставить его въ забвеніи. Съ-тѣхъ-поръ развивали они эту вѣтвь финансовыхъ оборотовъ безъ малѣйшаго содѣйствія правительства.

Одинъ изъ пяти портовъ, открытыхъ европейской торговлѣ, Фу-чанъ, можетъ представить примѣръ китайской системы ассигнацій. Употребленіе ихъ было тамъ, какъ и вездѣ, введено частными людьми. Сперва это были векселя, уплачиваемыя по предъявленію. Увидѣвъ же потомъ всѣ удобства этого способа для размѣна, старались дать ему бо́льшее развитіе. Открыты были особыя конторы для выпуска этихъ облигацій. Но какъ обезпеченіе ихъ состояло только въ честности выпускавшихъ лицъ, то сперва кругъ дѣйствія и былъ очень ограниченъ, покуда кредитъ выпускателей облигацій былъ упроченъ и признанъ. Только въ первомъ двадцатилѣтіи нынѣшняго вѣка употребленіе ассигнацій сдѣлались всеобщимъ, и теперь въ Фу-чанѣ всѣ предпочитаютъ ассигнаціи звонкой монетѣ.

Всякій купецъ въ Китаѣ можетъ основать свой банкъ. Эта свобода имѣла сперва важныя неудобства. Спекуляторы, выпустивъ въ обращеніе большое количество ассигнацій, были потомъ сами въ затруд-

неніи при платежахъ, и вводили въ затруднительное положеніе всѣхъ имѣющихъ съ ними дѣло.

Впрочемъ, китайскіе банки не любятъ принимать закладовъ, или суммы для храненія и приращенія. Отъ этого банкрутства ихъ не влекутъ за собою, какъ въ Европѣ, совершенное раззореніе многихъ семействъ, въ случаѣ несостоятельности банкира. При банкрутствѣ всякій теряетъ только ту сумму, на какую у него въ ту минуту накопилось векселей Съ другой стороны польза самаго банка въ этомъ весьма ограничена. Они дѣйствуютъ только въ своемъ городѣ, никогда не переходя въ другую провинцію.

Банки служатъ въ Китаѣ посредникомъ между правительствомъ и негоціантами. Казна не принимаетъ золота и серебра низкихъ пробъ. При сборѣ податей, банкиры берутъ на себя взвѣшивать и очищать металлы, выдавая потомъ квитанцію сборщикамъ податей въ томъ, что у нихъ хранится извѣстное количество чистаго металла въ слиткахъ, которые могутъ быть взяты когда угодно.

Небольшіе банки имѣютъ весьма ограниченный кругъ дѣйствій. При началѣ учрежденія своего, билеты ихъ едва нѣсколько часовъ остаются въ кругообращеніи. По всеобщей недовѣрчивости, всѣ тотчасъ же требуютъ выдачи звонкой монеты. Въ этомъ-то періодѣ существованія, банкрутства банка всего чаще случаются, особливо къ концу года, когда больше всего требуется звонкой монеты.

Эти же небольшіе банки часто примѣшиваютъ фальшивую монету къ связкамъ мѣдныхъ денегъ, выдаваемымъ ими въ уплату. Эту фальшивую монету нарочно дѣлаютъ съ этой цѣлью, и ею больше всего платится акцизный сборъ на заставахъ. Извѣстная подъ названіемъ *Ли* или *Цинъ* (поанглійски *cash*) представляетъ маленькій мѣдный кругъ безъ всякаго изображенія, или чекана. Она стоитъ около $^{5}/_{1000}$ частей франка. Въ срединѣ монеты четвероугольная дыра, сквозь которую продѣваютъ бамбукъ, собирая по сту штукъ такихъ монетъ въ одну связку. Фальшивая монета вмѣсто мѣди дѣлается изъ смѣси песку и желѣзныхъ опилокъ. Правительство долго старалось истребить эту поддѣлку, но напрасно, и цѣнность этой монеты упала оттого чрезвычайно. Въ Китаѣ ходятъ испанскіе піастры и американскіе доллары, особливо въ приморскихъ городахъ, но ихъ не почитаютъ законными монетами, и поддѣлка ихъ производится здѣсь въ большомъ размѣрѣ. Самая же употребительная здѣсь монета *си—сей*, въ видѣ слитковъ изъ самаго чистаго металла.

Впрочемъ, выгода учрежденія банковъ въ Китаѣ весьма незначительна; иные получаютъ въ день барыша не болѣе полудоллара. Зато ихъ въ одномъ предмѣстьи Фу-чана нѣсколько сотъ, и каждый выпускаетъ свои ассигнаціи, которыя въ другомъ городѣ уже не ходятъ. А потому эти маленькіе банки вовсе безполезны для торговли. Большихъ же банковъ здѣсь, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ предмѣстьяхъ до тридцати, и капиталъ ихъ въ обращеніи простирается отъ 500,000 до милліона долларовъ.

Эти послѣдніе банки пользуются большимъ кредитомъ, и билеты

ихъ приняты вездѣ и всѣми. Всѣ они между собою дѣйствуютъ единодушно, чувствуя, что въ согласіи этомъ заключается всеобщая польза.

Всякій день эти банки должны представлять главному городовому начальству донесеніе о цѣнности денегъ, которая безпрестанно измѣняется. За двадцать лѣтъ тому назадъ жаловались, что серебро, стоившее прежде 1000 кашъ за унцію, дошло до 1500; теперь оно стоитъ болѣе 2000, потому-что драгоцѣнные металлы съ каждымъ годомъ исчезаютъ изъ Китая.

И однакожъ, несмотря на всѣ недостатки этой системы, банкрутства здѣсь чрезвычайно рѣдки. Маленькіе банки, больше подверженные несостоятельности, миролюбиво оканчиваютъ между собою дѣла. Все имѣніе обанкрутившихся продается на удовлетвореніе заимодавцевъ, и дивидендъ всегда получается не менѣе 50—60%. Злоумышленныя банкрутства здѣсь очень рѣдко бываютъ. Только одинъ разъ было однородное на 70,000 долларовъ, а въ пять лѣтъ (съ 1843 по 1848) было всего четыре, изъ которыхъ три менѣе нежели на 6000 долларовъ. Виновные впрочемъ всегда спасаются отъ законнаго наказанія, потому-что производство суда надъ ними слишкомъ дорого.

Большіе банки вообще не подвержены банкрутствамъ, но иногда враги ихъ распускаютъ вдругъ злонамѣренно неблагопріятные о нихъ слухи, и тысячи людей бросаются тотчасъ же въ конторы ихъ, требуя платы по ассигнаціямъ. При этомъ дѣло не обходится безъ шумныхъ явленій, насильства и грабежа со стороны черни; городовыя начальства тотчасъ же стараются прекратить ихъ, но къ сожалѣнію почти всегда опаздываютъ.

Фальшивыя ассигнація здѣсь очень рѣдки, и поддѣлка ихъ наказывается ссылкою за 3000 ли (1200 верстъ), тюремнымъ заключеніемъ или тѣлеснымъ наказаніемъ, смотря по обстоятельствамъ. Но вотъ случай, который, вѣроятно, нигдѣ не встрѣчался, кромѣ Китая. Одинъ искусный поддѣлыватель ассигнацій не однократно попадался подъ судъ но всякій разъ оправдывался, благодаря *снисхожденію* судей, и продолжалъ потомъ свое ремесло. Всѣ банкиры условились между собою взять этого человѣка къ себѣ на жалованье, съ тѣмъ, чтобъ онъ впредь не дѣлалъ уже ассигнацій. Онъ согласился, и до-сихъ-поръ получаетъ свое жалованье, оказывая банкирамъ важныя услуги открытіемъ всѣхъ прочихъ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій.

Большая часть китайскихъ ассигнацій печатается мѣдными досками. Только въ нѣкоторыхъ мелочныхъ банкахъ употребляютъ еще деревянныя. Эти банковые билеты длиннѣе и уже нашихъ. Они окружены богатою бордюрою, представляющею изрѣченія въ похвалу дарованіямъ и доброму имени банкира. Ассигнаціи бываютъ трехъ родовъ: однѣ представляютъ *Кашъ*, другія доллары, третьи *си—сеи;* первыя бываютъ отъ 400 кашъ (2 франка) до нѣсколькихъ сотъ тысячъ и употребляются при мелочныхъ платежахъ. Долларовые билеты дѣлаются на сумму отъ 500 до 1000, и цѣнность ихъ безпрестанно измѣняется. Ассигнаціи *си—сеи* дѣлаются на сумму отъ одного до нѣсколькихъ сотъ *таэ-*

лей (унцій), и болѣе всего употребляются для платы податей правительству.

При предъявленіи банковой облигаціи, банкъ платитъ всю сумму безъ учета, который дѣлается при выдачѣ билета. Если кто потеряетъ билетъ, то объявляетъ объ этомъ, и вскорѣ находятъ къ кому онъ попалъ въ руки. За случайно истребленные билеты банкъ не отвѣчаетъ и не платитъ.

Плата процентовъ здѣсь очень значительна. Съ недвижимыхъ имуществъ платится 10—15%; застрахованіе кораблей и грузовъ отъ 20 до 30; подъ ручные залоги по 2% въ мѣсяцъ, или 20 въ годъ. Если заложенныя вещи болѣе трехъ лѣтъ не выкуплены, то продаются въ пользу заимодавца, съ выдачею 20% хозяину.

Заведенія для приношенія ручныхъ залоговъ здѣсь весьма многочисленны, и народъ охотно отдаетъ въ нихъ все свое имущество. Даже въ нѣкоторыхъ банкахъ учреждены подобныя заведенія. У главнаго банкира въ Фу-чанѣ пять такихъ заведеній. Главнымъ основаніемъ ихъ служатъ большіе проценты, платимые лицами, отдающими вещи подъ закладъ.

—

Цингалійскія судилища. — Англичане всегда хвалятся, что вездѣ, гдѣ власть ихъ распространяется, приносятъ они съ собою свои законы. Всѣ фразы англичанъ очень звучны въ теоріяхъ и на бумагѣ, но на практикѣ оказываются онѣ часто очень забавны, — если нехуже.

Одинъ путешественникъ разсказываетъ объ островѣ Цейланѣ слѣдующее. Суды открыты тамъ для всѣхъ, — и англичане ввели своихъ адвокатовъ и присяжныхъ. Но цингалійцы до того пристрастны ко всякаго рода тяжбамъ и спорамъ, что это сдѣлалось ихъ любимымъ занятіемъ въ жизни. Самолюбію ихъ очень лестно, что *европейскіе господа*,— такъ называютъ они судей,—по цѣлымъ днямъ занимаются разбирательствомъ ихъ споровъ, которые иногда не дороже половины кокосоваго орѣха.

Но это еще не самая дурная сторона этой странной склонности. Страсть къ тяжбамъ рождаетъ множество другихъ страстей, которыя часто ведутъ къ насиліямъ и кровопролитіямъ. Эта страсть развела также цѣлое племя адвокатовъ, которые, какъ піявки, высасываютъ послѣднее имущество тяжущихся, раздувая малѣйшую искру въ спорахъ.

Изъ всѣхъ явленій здѣшняго края самое любопытное—цингалійскій судъ. Эта такая смѣшная смѣсь восточной жизни съ европейскою, такое забавное столкновеніе формъ образованнаго міра съ обычаями полудикарей, что съ перваго взгляда не узнаешь, куда попалъ: на азіятскій ли рынокъ, или въ европейскій клубъ.

Самыя постановленія составляютъ здѣсь запутанную сѣть, сквозь которую не пробьется и искуснѣйшій законовѣдецъ. Здѣсь часто судьи сами не знаютъ, по какому кодексу должны они судить такое-то дѣло.

Говорятъ, что когда Цейланъ былъ подъ владычествомъ голландцевъ и верховный судъ имѣлъ свои засѣданія въ самой крѣпости Коломбо, то одинъ губернаторъ, котораго тяжебное дѣло разсматривалъ судъ, вздумалъ попугать судей своею властію, если они не рѣшатъ дѣла въ его пользу. Но тѣ исходатайствовали отъ правительства дозволеніе перенести судебныя засѣданія за городъ,—и этотъ обычай сохраняется съ тѣхъ поръ.

«Поѣздка въ Гюльфсдорпъ—говоритъ этотъ путешественникъ,—откуда видѣнъ весь городъ Коломбо, весьма непріятная задача въ жаркій день и въ сухое время года. Красноватая, жгучая пыль жжетъ и ослѣпляетъ глаза, какъ негашеная известь. Зловоніе пересохшихъ рвовъ, съ испареніями отъ базара, гдѣ рыба и мясо чернѣютъ и гніютъ отъ огненныхъ лучей солнца, — составляютъ очень невыгодную атмосферу для путешественника. Сверхъ-того туземные жители, лежащіе на кучахъ навоза, прибавляютъ еще къ этимъ испареніямъ свою собственную неблаговонную атмосферу.

Домы стоятъ плотно прижавшись одинъ къ другому. Вездѣ кучи навоза и грязные ребята; вездѣ кочующіе продавцы, выкрикивающіе свой товаръ. Кое-какъ достигъ я до Гюльфсдорна, который послѣ грязныхъ городскихъ улицъ показался мнѣ настоящимъ Эльдорадо. Когда вѣтерокъ освѣжаетъ эту страну, въ этой деревнѣ можно еще пользоваться имъ. Въ городскихъ улицахъ онъ никогда не вѣетъ.

Зданіе верховнаго суда составляетъ большой четвероугольникъ. Около него расположены сотни домовъ разной величины, въ которыхъ живутъ адвокаты. Злые языки говорятъ, что это племя дано острову въ наказаніе за пороки жителей. По-крайней-мѣрѣ, адвокаты все дѣлаютъ, чтобы оправдать это повѣрье.

Каждая дверь, ведущая въ судъ, осаждена толпами просителей. Другіе, порасторопнѣе, проникли во внутренніе дворы, и пережевывая свой бетель, сговаривались со своими свидѣтелями, купленными по піастру за человѣка. Званіе свидѣтеля составляетъ здѣсь особенное ремесло, имѣющее свой тарифъ. Свидѣтель по дѣлу о убійствѣ стоитъ пять піастровъ; по тяжбѣ о землѣ можно купить свидѣтелей по два піастра. За кражу со взломомъ можно достать и дешевле,—а именно по піастру. Процесы за словесныя оскорбленія даютъ свидѣтелямъ только по нѣскольку мѣдныхъ монетъ.

Самая зала, гдѣ засѣдалъ верховный судья съ товарищами, похожа была на сарай, покрытый крышею и вымощенный кирпичемъ. Когда я проникъ во внутренность залы, она была полна людьми всѣхъ націй. Всѣ они были чрезвычайно обезпокоены жаромъ. А какъ судьи сидѣли на площадкѣ, то я и замѣтилъ, что у многихъ одежда требовала сильной починки, а у другихъ и вовсе недоставало подъ плащемъ нѣкоторой необходимой части платья.

По одной сторонѣ площадки сидѣли присяжные. Это была смѣсь бѣлыхъ, темнокожихъ и желтокожихъ жителей. У самой площадки помѣщалась скамья свидѣтелей. Мое порядочное платье и званіе путе-

шественника доставили мнѣ вскорѣ честь быть приглашеннымъ на площадку, гдѣ меня посадили подлѣ главнаго судьи.

Дѣло, которое при мнѣ разсматривали, было самое обыкновенное, но послѣдствія его открыли мнѣ характеристику жителей больше и яснѣе, нежели многотомныя книги. Одинъ житель жаловался, что сосѣдъ ему не платитъ 122 фунт. стерлинговъ, которыя давно уже долженъ, а сосѣдъ произносилъ тысячу клятвъ, что недолженъ ни пенса. Наконецъ, первый, для убѣжденія должника, вынулъ изъ кармана и представилъ судьѣ вексель, говоря, что можетъ двѣнадцатью свидѣтелями подтвердить, что это подпись должника.

— Мы сперва спросимъ его, — сказалъ судья, — и подалъ вексель обвиненному.

Тотъ съ недоумѣніемъ повертѣлъ вексель въ своихъ рукахъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ, — и наконецъ объявилъ, что подпись дѣйствительно его.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ судья, — нечего допрашивать свидѣтелей. Вы сознаетесь — и должны слѣдовательно заплатить.

— Виноватъ, господинъ судья,—продолжалъ обвиненный. Есть еще одно небольшое препятствіе къ этому. Неугодно ли взглянуть на эту бумажку...

При этомъ подалъ онъ ему росписку, въ полученіи *всей должной суммы*, подписанную кредиторомъ, объявя, что можетъ также подтвердить его подпись *двадцатью* свидѣтелями.

Никогда я не забуду яростнаго взгляда обвинителя. Онъ едва взглянулъ на росписку, пожалъ плечами и проворчалъ сквозь зубы:

— Онъ правъ!...

Судъ тотчасъ рѣшилъ дѣло въ пользу обвиненнаго, сдѣлалъ строгій выговоръ кредитору за подложное его требованіе, и присудилъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

Дѣло казалось конченнымъ. Но чрезъ два дня зашелъ я нечаянно къ одному адвокату, съ которымъ познакомился черезъ привезенныя мною рекомендательныя письма. Онъ напомнилъ мнѣ о засѣданіи суда, въ которомъ я былъ, и объявилъ, что по долгу званія своего взялся хлопотать за обвиненнаго.

— Дѣло его право и ясно, сказалъ я; вы выбрали справедливую сторону.

— Не думаю. Вотъ видите ли, на другой день мой кліентъ явился ко мнѣ и благодарилъ меня за мое участіе въ его тяжбѣ; я тоже, какъ вы, сказалъ ему, что дѣло его было право и что онъ умно поступилъ, сохранивъ квитанцію. Каково же было мое удивленіе, когда мнимый должникъ, оглянувшись вокругъ, въ полголоса сказалъ мнѣ, что отъ роду не платилъ кредитору ни одного пенса.

— Но какъ же квитанція? — вскричалъ я.

— Кліентъ мой съ довольно циническимъ хладнокровіемъ открылъ мнѣ, что никогда не былъ долженъ просителю и не давалъ ему векселя, и сказалъ:

— Узнавъ, что меня требуютъ къ суду по долговому иску этого

бездѣльника, я догадался, что онъ написалъ фальшивый вексель, и подписавшись подъ мою руку, представитъ съ дюжину такихъ-же плутовъ свидѣтелей. Напрасно сталъ бы я отпираться, меня бы осудили; я придумалъ лучше: я заготовилъ квитанцію, подписался подъ его руку и подкупилъ двадцать свидѣтелей, что рука подписи принадлежитъ ему. Плутъ понялъ въ минуту, что онъ побѣжденъ и что ему нельзя бороться со мною. Но теперь, прибавилъ адвокатъ, правительство узнало продѣлки истца и отвѣтчика, и ихъ будутъ опять судить. Кто изъ нихъ болѣе виноватъ?

Я ничего не отвѣчалъ на этотъ затруднительный вопросъ, и уѣхавъ на другой день изъ Цейлана, не узнавъ окончанія этого любопытнаго процеса.

—

Сцены изъ путешествія по Индіи. — Когда вы вышли на берегъ въ какомъ бы то ни было приморскомъ городѣ Остъ-Индіи, васъ уже ждетъ паланкинъ и переводчикъ приглашаетъ васъ занять мѣсто,—вотъ современная Индія, какою сдѣлали ее англійскія завоеванія и пароходы, перерѣзывающіе море въ разныхъ направленіяхъ. Въ этой странѣ все удивляетъ путешественника, но ему никто не удивляется. Въ то время, когда васъ несутъ въ паланкинѣ, какъ римскаго патриція, къ вамъ подбѣгаетъ нищій и проситъ милостыни во имя Аллаха,—вотъ Индія среднихъ вѣковъ, Индія монголовъ, наводненная исламизмомъ какъ бурнымъ потокомъ. Вдругъ носильщики бросаются въ сторону и даютъ дорогу быку съ золочеными рогами, котораго кормятъ старые брамины свѣжей травой, и молодыя дѣвушки гладятъ его горбатую спину. Этотъ быкъ эмблема сиваизма, — это древняя Индія, языкъ которой и исторія теряются во мракѣ временъ. Три эпохи, три цивилизаціи, три вѣры основались въ этой мистической странѣ, и надъ пестрою толпою жителей возвышаются колокольни, минареты и пагоды. Шпиль христіанскаго храма врѣзывается прямо въ небо, и при звукѣ колокола вы чувствуете сладостное волненіе и воспоминаніе дѣтства. Съ высокихъ балконовъ минаретовъ слѣпой муэдзинъ зоветъ правовѣрныхъ къ молитвѣ — это слабое эхо призывнаго гласа Магомета. Подъ портиками пагодъ и вокругъ священныхъ озеръ ходятъ и отдыхаютъ животные, которыхъ индусы почитаютъ за боговъ, и когда браминъ трубитъ въ раковину на порогѣ храма, надувая щеки какъ Тритонъ, вы невольно вспомните о древней, языческой Греціи.

Въ Индіи, точно также какъ въ Отоманской Имперіи и въ Персіи, много различныхъ народовъ, которые только издали кажутся одной націи, потому-что всѣ носятъ длинное и широкое платье. Вблизи замѣтны всѣ оттѣнки, особенности и характеръ, свойственный каждому племени. Надобно много искусства, ловкости и даже вкуса, чтобъ обернуть вокругъ головы кусокъ грубой матеріи, или тонкой кисеи. Жители Коромандельскаго-берега, менѣе просвѣщенные нежели обитатели Индостана, обвязываютъ чалму гладко на вискахъ; бенгальцы, болѣе

утонченные, носятъ ее свернутою правильно и красиво. Въ Аудѣ, который считался центромъ древняго индѣйскаго просвѣщенія, широкая чалма граціозно отгибается назадъ. Чалма сейковъ, воинственныхъ и гордыхъ, остроконечная и напоминаетъ фригійскій, колпакъ или древнюю каску. Раджпуты, рыцарское племя, съ феодальными преданіями, носятъ чалму въ видѣ короны. Храбрые мараты, которые такъ далеко распространили свои завоеванія, любятъ украшать смуглую голову яркими матеріями и носятъ бѣлыя кисейныя чалмы, шитыя золотомъ. Мусульмане вообще приняли чалму монголовъ, то-есть свертываютъ ее въ правильную спираль, не соединяющуюся на верху. Индусъ язычникъ замѣтенъ во всякой одеждѣ и даже безъ костюма. У него непремѣнно на лбу, на груди, или на рукахъ есть какіе-нибудь символическіе знаки. Онъ также часто подъ жгучимъ солнцемъ распускаетъ свои длинные волосы, намазанные кокосовымъ масломъ; мусульманинъ всегда прячетъ свою бритую голову подъ складками чалмы, или подъ бѣлой шапочкой.

Всѣ возможныя ремесла и занятія, принадлежащія къ поздней образованности, имѣютъ представителей въ Индіи. Раздѣленіе этого народа на касты дѣлаетъ занятіе ремеслами наслѣдственнымъ. Однако есть классъ людей, которые не принадлежатъ ни къ владѣтелямъ, ни къ купцамъ, ни къ ремесленникамъ, ни къ земледѣльцамъ, ни къ носильщикамъ, и эти люди составляютъ двѣ категоріи—*сипаевъ* и *мунчи*,—то-есть военныхъ людей и писателей. Первые носятъ оружіе, копье, булаву. Они занимаютъ должность привратника у какого-нибудь дворца, или составляютъ почетную стражу раджи. Вторые, вмѣсто оружія носятъ только *каламданъ*, то-есть чернилицу за поясомъ, какъ египетскіе копты. Мунчи драгоцѣнный человѣкъ для путешественника. Если вы захотите написать письмо на персидскомъ языкѣ, съ обычными метафорами и безконечными желаніями,—тонкое тростниковое перо мунчи тотчасъ же нарисуетъ вамъ все, что̀ угодно. Не хотите ли вы выучиться туземному языку? Мунчи съ восторгомъ возмется быть вашимъ учителемъ. Онъ надѣнетъ очки, возьметъ бумагу и придетъ къ вамъ съ скромнымъ видомъ великаго ученаго. Онъ сядетъ на вашъ стулъ неловко, какъ должно ожидать отъ человѣка, привыкшаго складывать подъ себя ноги, и надвинувъ чалму на глаза, начинаетъ урокъ. Разумѣется, что Мунчи очень богатъ свѣдѣніями; онъ говоритъ и пишетъ на трехъ, или четырехъ языкахъ, но такъ какъ онъ всѣмъ имъ выучился самоучкой, начиная съ своего собственнаго, то ему трудно принять какую-нибудь методу для преподаванія. Къ счастію, урокъ всегда превращается въ разговоръ; учитель позволяетъ себя разспрашивать обо всемъ, и отвѣчаетъ умно и добросовѣстно, такъ что если уроки продолжаются нѣсколько мѣсяцевъ, то вы можете понимать, что говорятъ служители... англичане. Притомъ же Мунчи разскажетъ вамъ много новаго, о чемъ вы не узнали бы изъ книгъ. Напримѣръ, онъ скажетъ, что правленіе почтенной индѣйской-компаніи очень нравится туземцамъ, кромѣ четырехъ новыхъ постановленій а именно: штемпельной бумаги, вмѣшательства правительства въ обращеніе мужей съ

женами, таксы на всѣ земли и употребленія персидскаго языка въ судебныхъ дѣлахъ. Индусъ любитъ деньги, и такъ какъ онъ не знаетъ чѣмъ кончится въ судѣ его процесъ, то не хочетъ купить штемпельной бумаги за огромную цѣну, *одинъ франкъ и шестьдесятъ сантимовъ*.

Мунчи исполняетъ, кромѣ должности учителя и публичнаго писца, должность секретаря у мусульманскихъ принцевъ, потому-что самъ принадлежитъ къ ихъ вѣрѣ. Въ обществѣ индусовъ-язычниковъ эту должность занимаетъ *пандитъ*. Онъ браминъ и выучилъ священныя книги, религіозныя легенды, философическіе трактаты. Мы обязаны пандитамъ тѣмъ, что они своимъ камышевымъ перомъ начертали много драгоцѣнныхъ рукописей на пальмовыхъ листкахъ и оставили замѣчательные литературные памятники, которые древнее греческихъ.

Въ индусахъ нѣтъ почти совсѣмъ чувства національности. Они замѣнили любовь къ отчизнѣ уваженіемъ къ нѣкоторымъ мѣстамъ, освященнымъ преданіями. *Святая земля*, по ихъ мнѣнію, простирается отъ Цейлана, прославленнаго подвигами Рамы, до вершинъ Гималая, гдѣ скрываются источники большихъ рѣкъ, которымъ они молятся. На этомъ огромномъ пространствѣ находятся священныя мѣста, воспѣтыя поэтами; на нихъ толпятся безчисленные богомольцы. Какой индусъ не мечталъ хоть разъ въ жизни въ выкупаться волнахъ Ганга въ Бенаресѣ? Въ тотъ часъ, когда пагоды на берегу покрываются тѣнью, тысячи людей всякаго возраста съ восторгомъ входятъ въ воду, которая омываетъ всѣ грѣхи. Счастливъ тотъ, который при концѣ жизни успѣетъ добраться до священной рѣки и вымазать себѣ лицо иломъ, придающимъ плодородіе сосѣднимъ полямъ. Богомолецъ, придя въ Бенаресъ, забываетъ свои несчастія и бѣдность; онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ, забылъ все прошедшее. Вотъ какимъ способомъ цѣлое народонаселеніе уничтожаетъ свои несчастія, оставляя ихъ на днѣ рѣки. Пилигримъ никогда не забываетъ взять съ собою немного священной воды Ганга, которая омываетъ Бенаресъ. Есть богатые владѣльцы, которые заставляютъ всякій день привозить себѣ эту воду.

Основаніе мела, или большой ярмарки въ Гардварѣ тоже началось религіознымъ обыкновеніемъ. Праздникъ этотъ бываетъ разъ въ двѣнадцать лѣтъ, въ эпоху, когда солнце входитъ въ знакъ овна. Въ Гардварѣ Гангъ, подъ видомъ чистаго ручейка, бѣжитъ по долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ высокими холмами. Набожные индусы сдѣлали длинныя лѣстницы, чтобы сходить къ рѣкѣ, построили надъ ней маленькія башни, павильоны съ фантастическими украшеніями. Мѣсто, гдѣ купаются, находится у скалы, выдавшейся въ рѣку. Только четыре человѣка могутъ пройти рядомъ къ купанью, и для избѣжанія несчастій, у сходовъ въ рѣку стоятъ сипаи и не позволяютъ богомольцамъ тѣсниться и душить другъ-друга въ порывѣ фанатизма. Несмотря на эти благоразумныя распоряженія, въ 1819 году случилось ужасное происшествіе, которое долго останется въ памяти народа. Фанатики почувствовали непреодолимое влеченіе къ святой рѣкѣ и бросились всѣ въ нее съ такою силою, что сбили первые ряды, смяли ихъ, потомъ

сами были смяты, задушены, потоплены. Вся эта масса мужчинъ, женщинъ и дѣтей была сдавлена въ узкомъ проходѣ, и скоро началась отчаянная борьба, страшные крики, стоны. Наконецъ толпа немного отхлынула, оставя на мѣстѣ до пятисотъ убитыхъ, въ томъ числѣ и сипаевъ, которые напрасно старались удержать фанатиковъ. Но никто даже не пожалѣлъ о несчастныхъ жертвахъ. Напротивъ завидовали тѣмъ, которые умерли, совершая священный обрядъ. Индусы не дорожатъ жизнію. Они надѣются возродиться послѣ смерти въ новомъ, и разумѣется, лучшемъ положеніи, которое стараются заслужить здѣсь примѣрною жизнью и набожностью.

Нѣкоторые изъ богомольцевъ натираются пепломъ съ головы до ногъ, что̀ не очень красиво и дѣлаетъ ихъ похожими на «кошекъ, переночевавшихъ въ трубѣ», какъ выразился одинъ китайскій путешественникъ VII вѣка. Сверху видъ на эту пеструю толпу очень любопытенъ. Эти безчисленныя головы, косматыя, бритыя, покрытыя лохмотьями или блестящими чалмами и покрывалами, похожи на поле, усѣянное тысячами цвѣтовъ, изъ которыхъ одни только что распустились, а другіе уже завяли подъ жгучимъ солнцемъ и сильнымъ вѣтромъ. Ярмарка продолжается пятнадцать дней сряду, и въ это время богомольцы не принимаютъ никакого участія въ мірскихъ дѣлахъ, но вокругъ ихъ, *банianы*, купцы, мусульмане, сейки и жиды торгуютъ и обманываютъ ихъ, сколько можно.

Что̀ дѣлаютъ и какъ живутъ въ настоящее время раджи этого народа? Нѣкоторые раджи получаютъ богатое содержаніе, но живутъ скупо и отказываютъ себѣ въ необходимомъ. Другіе разсуждаютъ съ своими астрологами о вліяніи звѣздъ на человѣческую судьбу. Есть даже такіе, которые находятъ удовольствіе въ томъ, что смотрятъ на представленія маріонетокъ и автоматовъ, присылаемыхъ изъ Европы, и въ которыхъ они не узнаютъ самихъ-себя. Нѣкоторые живутъ довольно счастливо и покойно въ своихъ маленькихъ владѣніяхъ, или въ Бенаресѣ, и занимаются чтеніемъ и религіозными обрядами. Послѣдній владѣтель, который игралъ въ Индіи значительную роль, былъ Ренджитъ-Сингъ. Всѣ пороки востока были олицетворены въ немъ, и безъ всякой добродѣтели, только съ смѣлостью и настойчивостью, Ренджитъ-Сингъ основалъ свою эфемерную монархію, исчезнувшую послѣ него. Про знаменитаго магараджу сейковъ разсказываютъ много анекдотовъ, но мы приведемъ только одинъ, еще неизвѣстный, и доказывающій хорошую сторону въ *старомъ львѣ*. Во-время войны съ Афганами, Ренджитъ-Сингъ осаждалъ маленькій городъ, близъ Аттока, и съ двумя *сардарами* (генералами) шелъ вслѣдъ за войскомъ, ушедшимъ впередъ. Три воина устали, вечеромъ легли отдохнуть на берегу рѣки, и заснули. Ночью, рѣка выступила изъ береговъ, и Ренджитъ почувствовалъ, что постель его дѣлается мокра. Не думая долго, онъ легъ на своихъ товарищей, и тѣ не смѣли подъ нимъ пошевельнуться, потому-что магараджа былъ не изъ тѣхъ людей, съ которыми можно разсуждать. Утромъ, путешественники пошли дальше, но почувствовали голодъ и не знали, гдѣ найти хлѣба. Ренджитъ послалъ сардаровъ въ разныя сто-

роны, достать пищи въ селеніяхъ, занятыхъ непріятелемъ. Одинъ изъ нихъ встрѣтилъ женщину, которая несла продавать хлѣбъ, и сказалъ ей: «Здѣсь близко Ренджитъ-Сингъ; онъ голоденъ, снеси ему этотъ хлѣбъ». Женщина съ радостію повиновалась, и побѣжала къ голодному повелителю сейковъ. Тотъ сказалъ ей только: «Завтра я возьму городъ и поблагодарю тебя». Скоро Ренджитъ догналъ свое войско, взялъ городъ, отыскалъ женщину, которая дала ему хлѣба, и подарилъ ей завоеванный городъ, и еще одно селеніе. Позже, когда онъ былъ уже самовластенъ, онъ не переставалъ еще покровительствовать правителямъ маленькаго государства, которое стоило кусокъ хлѣба, и теперь изъ всѣхъ владѣній Ренджитъ-Синга, пріобрѣтенныхъ преступленіями и насильствами, уцѣлѣло одно только маленькое владѣніе, подаренное магараджею въ минуту великодушія.

Всѣ эти раджи безъ власти окружены многочисленнымъ дворомъ, визирями, придворными, служителями. Вокругъ ихъ дворцовъ стоятъ слоны, напоминающіе о прошедшей славѣ. Въ героическія времена воспѣтая поэтами столица монголовъ называлась Гастинапура, городъ слоновъ. Бардъ Тшандъ, который воспѣвалъ подвиги послѣдняго индусскаго короля, называетъ своего повелителя *царемъ слоновъ*. Это величественное животное въ-самомъ-дѣлѣ служитъ символомъ власти Индіи. Нѣкоторые правители изображали слона на знаменахъ; въ буддистскихъ храмахъ изваяны великолѣпные слоны подъ сводами портиковъ. Однако настоящее отечество слона это южная Индія, Цейланъ, болота полуострова и низменныя страны между Гангомъ и Иравати.

Индусы всегда страстно любили охоту. Въ туземныхъ рисункахъ часто изображаются принцы съ кречетомъ на рукѣ. Охота съ кречетами извѣстна была въ древнія времена у Татаръ, и потомъ перешла въ Индію съ Монголами изъ Персіи, такъ-что и теперь на улицахъ Калькутты, Агры и Дели продаютъ ученыхъ кречетовъ. Раджи не только употребляютъ птицъ для охоты, но также и четвероногихъ. Пріучаютъ къ охотѣ въ иныхъ мѣстахъ Индіи *гепара*, красивое животное изъ породы дикихъ собакъ. Гепара однако такъ же трудно пріучить слушаться, какъ и дикихъ птицъ, и вообще если онъ дѣйствуетъ на охотѣ, то работаетъ больше для себя, а не для своего хозяина, котораго не любитъ. Его везутъ на охоту въ клѣткѣ, съ завязанными глазами. Когда охотники нашли мѣсто, гдѣ должна быть дичь, они начинаютъ скакать вокругъ, чтобъ пригнать сайгу къ клѣткѣ гепара. Потомъ развязываютъ животному глаза и выпускаютъ его на волю. Гепаръ тотчасъ же чутьемъ нападаетъ на слѣдъ сайги. Онъ скачетъ легко, и прячется при малѣйшемъ шумѣ; но когда увидитъ сайгу, однимъ скачкомъ бросается на нее. Подоспѣвшіе охотники стараются оттащить его отъ бѣдной жертвы, но дикое животное вцѣпится въ сайгу такъ крѣпко, что невозможно оторвать его. Тогда одинъ изъ охотниковъ убиваетъ сайгу, и кровью ея мочитъ морду гепара. Тотъ начинаетъ облизываться, потому-что очень любитъ теплую кровь, и въ это время отнимаютъ у него сайгу. Гепаръ имѣетъ сходство съ соколомъ въ томъ, что если съ перваго разу не настигнетъ свою жертву,

то сердится на хозяина, и уходитъ отъ него, покуда тотъ не найдетъ опять слѣда сайги, за которой это дикое животное снова гонится. Эта охота бываетъ всегда въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ Индіи, особенно въ Раджастанѣ. По всему можно заключить, что собака со всѣми ея породами никогда не была въ Индіи другомъ и товарищемъ человѣка, какимъ привыкли считать ее западные народы. Въ индѣйскихъ пѣсняхъ часто упоминается съ отвращеніемъ о шакалѣ, дикой собакѣ, и вотъ причина нелюбви Индусовъ даже къ домашнимъ собакамъ.

По отлогости Гиммалая, близъ Кашемира, встрѣчаются лани, которыя даютъ мускусъ, и медвѣди разныхъ породъ. Въ Европѣ меньше всего знаютъ чернаго медвѣдя, величиною съ американскаго и съ бѣлымъ пятномъ на шеѣ. Это животное очень опасно, и на него нельзя охотиться безъ большихъ приготовленій. Но чѣмъ питается это страшное чудовище, которое рычитъ такъ, что горы трясутся? Саранчою. Вѣроятно-ли это? Правда, что въ горахъ и на снѣжныхъ вершинахъ находятъ огромную черную саранчу, какая встрѣчается въ Персіи и въ Африкѣ. Можетъ-ли саранча долетать до такой высоты, или вѣтеръ приноситъ ее на вершину горы? Трудно рѣшить этотъ вопросъ. Только на этой высотѣ крылья отказываются служить насѣкомому, и оно падаетъ на снѣгъ въ изнеможеніи, покуда солнце не согрѣетъ его и не возвратитъ силы и жизнь. Вечеромъ саранча опять падаетъ, и въ эти-то минуты летаргіи черный медвѣдь отыскиваетъ ее и съѣдаетъ. Какъ не удивляться заботливой природѣ, которая переноситъ легкихъ насѣкомыхъ въ снѣга на горы, чтобы служить пищею огромнымъ животнымъ, или скорѣе не сказка ли это, чтобъ позабавиться надъ довѣрчивостью легковѣрнаго путешественника. Впрочемъ туземцы не преслѣдуютъ медвѣдей и не безпокоятъ ихъ въ уединенныхъ жилищахъ.

Недавно еще въ Индіи торговали невольниками, которыхъ увозили изъ семействъ силою. Вооруженные злодѣи отправлялись въ провинцію Кумаонъ (на сѣверѣ Индостана), и похищали дѣтей, и особенно молодыхъ дѣвушекъ, которыя славятся своею красотою. Брамины, живущіе въ пагодахъ и занимающіеся астрологіей, продавали часто по 12-ти и 15,000 франковъ танцорокъ, которыя посвятили себя служенію въ пагодахъ.

Горы Гиммалайскія уважаются индусами точно такъ же, какъ Олимпъ греками. Они тоже помѣщаютъ своихъ боговъ въ мѣстахъ близкихъ къ небу, гдѣ человѣкъ не можетъ жить. Они почитаютъ эти горы источниками великихъ рѣкъ, которыя орошаютъ и плодотворятъ весь материкъ.

При подошвѣ этихъ суровыхъ и мрачныхъ горъ разстилается счастливая долина Кашемира. Тамъ климатъ самый пріятный и растутъ тѣ же плоды, какъ въ Ломбардіи и Провансѣ. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія афганы и сейки опустошали Кашемиръ, который перенесъ много несчастій и потерялъ свою независимость въ первое нашествіе мусульманъ. Это общая судьба странъ, награжденныхъ при-

родою прекраснымъ климатомъ и богатою растительностію. Житель Кашемира, высокій, гордый и храбрый, удалялся въ горы, когда побѣдитель овладѣвалъ городами, но въ-послѣдствіи принужденъ былъ сойти въ долину. И теперь, когда онъ могъ уже привыкнуть къ владычеству чужеземцевъ, онъ все-таки не покидаетъ своего оружія и сохраняетъ воинственную наружность, отчего путешественникъ никакъ не можетъ почитать кашемирскую долину счастливою и покойною страною. Послѣдніе дни счастія для Кашемира окончились съ царствованіемъ Джегангира (1605—1628). Каждый годъ императоръ Дели проводилъ здѣсь нѣсколько дней со всѣмъ своимъ дворомъ. Его пріѣздъ праздновался нѣсколько дней сряду, и разливалъ довольство въ странѣ. Иллюминаціи, танцы, фейерверки смѣнялись, какъ въ Тысячѣ и одной ночи. Въ концѣ XVII вѣка Ауренгзебъ посѣщалъ Кашемиръ, любимый всѣми султанами Дели, и съ нимъ былъ Бернье, первый европеецъ, который видѣлъ и описалъ эту роскошную страну.

Вообще хотя Индія пользуется просвѣщеніемъ въ-продолженіе тридцати вѣковъ, но въ ней сохранилось что-то первобытное, и она все еще живетъ особою, странною жизнью, несмотря на тяжкія испытанія.

Въ Индіи много новыхъ городовъ съ многочисленнымъ народонаселеніемъ, но еще больше старинныхъ памятниковъ, сохраненныхъ отъ разрушенія времени, хотя есть много и развалинъ. Индію можно олицетворить лотусомъ, красивымъ цвѣткомъ, который раскрываетъ свою душистую чашечку вездѣ, гдѣ находитъ немного воды для своего корня. Иногда вѣтеръ поднимаетъ волны, качаетъ лотусъ, и вода заливаетъ его, но онъ опять, въ тихую погоду, является на поверхности, свѣжій и полный жизни.

—

Какъ возвращаются изъ Калифорніи. (*Изъ записокъ переселенца*). Я прожилъ болѣе года въ городѣ Санъ-Франциско, который поминутно уничтожается пожарами и опять выстраивается, и потомъ отправился на южныя розсыпи, гдѣ скоро захворалъ лихорадкою, и увѣрился что не въ состояніи больше работать на золотыхъ пріискахъ.

Еслибы еще эта работа ограничивалась тѣмъ, чтобъ копать ямы и разбивать камни, но необходимо было промывать землю подъ жгучимъ солнцемъ, по поясъ въ холодной водѣ. Это стоило жизни уже многимъ искателямъ золота, и я былъ увѣренъ, что мнѣ также будетъ смертельна эта жизнь амфибіи.

Отказавшись отъ моихъ надеждъ на скорое обогащеніе, я пошелъ опять въ Франциско, мечтая уже не о милліонахъ, а о средствахъ къ пропитанію. Я уже не составлялъ блистательныхъ плановъ въ будущемъ, а думалъ только о возможности поскорѣе уѣхать изъ этой печальной страны, гдѣ потерялъ надежды, время и здоровье. Твердость

оставила меня, и я готовъ былъ писать во Францію, однако разсудилъ, что письмо мое дойдетъ черезъ пять мѣсяцевъ, и отвѣтъ черезъ столько же времени, а покамѣстъ я успѣю или умереть съ голоду, или обогатиться. Притомъ меня остановила другая мысль. Мнѣ показалось странно и смѣшно писать изъ страны золота о томъ, чтобъ мнѣ прислали денегъ. Поэтому я рѣшился самъ какъ-нибудь выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Разумѣется, я не думалъ, принимая это намѣреніе, сколько трудовъ и заботъ ожидали меня, но надобно же было какъ-нибудь выбраться изъ Калифорніи, и я думалъ только объ одномъ, гдѣ мнѣ достать три тысячи франковъ, необходимыхъ на проѣздъ въ Европу. Я бродилъ по городу, отыскивая какое-нибудь занятіе, и остановился передъ телегой, на которой лежалъ огромный убитый медвѣдь. Отъ нечего дѣлать, я началъ разговаривать съ хозяиномъ звѣря.

— Гдѣ это ты встрѣтилъ такого медвѣдя? спросилъ я.

— Въ пяти миляхъ отъ Санъ-Хозе.

— А за сколько ты продашь его?

— Думаю, что дадутъ тысячу пятьсотъ франковъ.

— Тысячу пятьсотъ франковъ! вскричалъ я. Я спасенъ! Я убью двухъ такихъ медвѣдей, и на вырученныя деньги отправлюсь изъ Калифорніи. Тѣмъ хуже для медвѣдей, но я не намѣренъ щадить ихъ и оставаться долѣе въ проклятой странѣ.

Не думая долго, я досталъ карабинъ, охотничій ножъ, койку, и пошелъ охотиться за шестью стами піастрами.

Я вышелъ изъ города и пошелъ по такой песчаной дорогѣ, что ноги мои тонули на каждомъ шагу. Послѣ двухъ-часовой подобной пріятной прогулки я дошелъ до миссіи Санъ-Франциска и хотѣлъ, было, остановиться и устроить себѣ ходули, но къ счастію земля сдѣлалась тверже, и я пересталъ проваливаться каждую минуту. Скоро дошелъ я до поля, на которомъ паслось до двухъ тысячъ быковъ. Мнѣ надобно было непремѣнно пройти посреди этихъ животныхъ, и признаюсь, что еслибы можно было выбрать другую дорогу, я сдѣлалъ бы это охотно, но такъ-какъ мнѣ надобно было торопиться, то я пошелъ смѣло, стараясь идти какъ можно ближе къ деревьямъ, чтобъ въ случаѣ опасности можно было спастись куда-нибудь. Быки замѣтили меня; нѣкоторые изъ нихъ кивнули рогатыми головами, и начали подходить ко мнѣ довольно близко. Чтобъ избавиться отъ этого непріятнаго сосѣдства, я выстрѣлилъ изъ ружья на воздухъ, и рогатыя животныя разсыпались во всѣ стороны, оставя мнѣ свободную дорогу. Однако не успѣлъ я пробѣжать и половины поля, какъ разсерженные быки опять начали тѣснить меня со всѣхъ сторонъ мыча, и косясь на мою красную шерстяную рубашку. Мнѣ становилось очень неловко и я готовъ былъ сбросить съ себя рубашку, но подумалъ, что ночи еще холодны, что гардеробъ мой весь на мнѣ, и рѣшился прибѣгнуть опять къ моему ружью. Я во второй разъ выстрѣлилъ, и когда дорога очистилась передо мной, побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ фермѣ Санхеса.

Добрый мексиканецъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу, и сказалъ мнѣ ласково:

— Богъ прислалъ васъ, будьте какъ дома, располагайте всѣмъ!

Это испанское гостепріимство исполнялось здѣсь въ точномъ смыслѣ словъ. Хозяинъ представилъ меня семейству, которое обрадовалось мнѣ какъ родному.

Послѣ обѣда мы помѣстились вокругъ камина; одна изъ дочерей Санхеса пропѣла нѣсколько романсовъ, акомпанируя себѣ на гитарѣ, и одинъ изъ нихъ до того поразилъ меня, что я запомнилъ мотивъ и слова, и часто вспоминаю его, хотя нахожусь въ трехъ тысячахъ миляхъ отъ гостепріимнаго семейства.

На другое утро я всталъ рано, помня, что мнѣ непремѣнно надобно убить двухъ медвѣдей, и простясь съ хозяевами, отправился въ дорогу.

Я шелъ все по одному направленію отъ Санъ Франциско, и удаляясь отъ него, замѣтилъ, что растительность становится все сильнѣе и сильнѣе. Деревья, сначала рѣдкія, дѣлались гуще, по сторонамъ были поля, засѣянныя горчицей, овсомъ, и по временамъ, когда вѣтеръ разрывалъ туманъ, я могъ любоваться живописнымъ пейзажемъ. Скоро солнце разсѣяло всѣ пары, и я увидѣлъ два города, соединенные между собою прекрасною густою аллеею. Это Санта-Клара и Пуэбло Санъ-Хозе.

Я вошелъ въ послѣдній изъ городовъ, и тотчасъ же освѣдомился о медвѣжьей охотѣ, потому-что не имѣлъ объ ней никакого понятія. Къ моему удивленію, я узналъ, что мексиканцы ловятъ медвѣдей, точно также какъ оленей и быковъ, своими арканами (лассо). Эти смѣлые охотники отправляются на своихъ сильныхъ лошадяхъ по слѣдамъ страшнаго звѣря, и когда увидятъ его, то каждый бросаетъ на него петлю своего лассо, прикрѣпленнаго къ сѣдлу. Медвѣдь, опутанный и сдавленный безчисленными ремнями, не можетъ сопротивляться и скоро издыхаетъ. Случается однако, что онъ притянетъ къ себѣ одну изъ веревокъ, которыя его душатъ, потому-что сила этого звѣря необычайная, и притащивъ къ себѣ вмѣстѣ съ нею охотника съ лошадью, онъ ломаетъ ихъ своими огромными лапами и терзаетъ на части...

Охотятся на медвѣдей тоже съ карабиномъ, что̀ не такъ опасно, и я, разумѣется, выбралъ этотъ способъ. Въ этомъ случаѣ надобно убить дикую козу, потомъ влезть на дерево, выбравъ такое, чтобъ было крѣпко, сдержало охотника, и между-тѣмъ было бы тонко, чтобъ медвѣдь не смѣлъ на него влезть. Когда вы съ своей воздушной обсерваторіи увидите, что животное приближается, то стрѣляйте смѣло, и ничего не бойтесь. Вотъ что̀ мнѣ сказали, и я былъ такъ простъ, что повѣрилъ всему. Я даже не сомнѣвался, что скоро убью половину шести-сотъ пластровъ, и потому позаботился даже о телегѣ, которая перевезла бы меня съ моею жертвою въ Санъ-Франсиско.

Собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, я отправился на охоту. Послѣ трехъ часовой ходьбы, я вошелъ въ густой лѣсъ, гдѣ, по разсказамъ, водились медвѣди. Шаговъ черезъ сто я услышалъ шумъ въ кустахъ, и не

разсудивъ хорошенько, выстрѣлилъ въ нихъ, не зная даже, что̀ за звѣрь скрывался за ними. Еслибы это былъ въ-самомъ-дѣлѣ медвѣдь, то моя одиссея кончилась бы при самомъ началѣ, потому-что звѣрь успѣлъ бы растерзать меня прежде, чѣмъ я могъ зарядить карабинъ, или влезть на дерево. Къ счастію, это была дикая коза, смертельно раненая моею пулею. Однимъ удара ножа я прекратилъ ея предсмертныя страданія, потомъ разрѣзалъ ее пополамъ, потому-что не могъ стащить съ мѣста всего животнаго, и увидѣвъ дерево, какое мнѣ было нужно, рѣшился приготовить все къ моей охотѣ за медвѣдемъ.

Было уже восемь часовъ вечера; ночь приближалась, и вдали слышался очень непріятный ревъ дикихъ звѣрей. Я поспѣшилъ развести большой огонь, потомъ повѣсилъ часть козы повыше на дерево, чтобъ ее не достали ночные гости, и прикрѣпилъ мою койку на двѣнадцати или пятнадцати футахъ отъ земли, отложа охоту до другаго дня.

Только что я свернулся въ моей воздушной постели, какъ начался самый отвратительный концертъ, какой только можно себѣ представить. Это было рычаніе, блеянье, крикъ, ревъ, смѣшанные въ страшный хоръ. Я боялся пошевельнуться, и съ ужасомъ выглядывалъ изъ койки. При свѣтѣ моего костра, я увидѣлъ волковъ, шакаловъ и гіеннъ, которые собрались вокругъ убитой мною козы. Какая-то непреодолимая сила заставляла меня смотрѣть на то, что̀ происходило вокругъ меня. Нѣсколько минутъ пламя держало ихъ въ почтительномъ отдаленіи, но когда огонь потухъ, всѣ звѣри подвинулись къ моему ночлегу. Увидѣвъ, что коза висѣла очень высоко, волки, шакалы и гіены начали скакать такъ высоко, что я видѣлъ передъ собою ихъ блестящіе глаза и бѣлые острые зубы. Этотъ ужасный танецъ приводилъ меня въ трепетъ. Я висѣлъ на тоненькихъ веревкахъ надъ самыми головами чудовищъ, и еслибы вдругъ развязался узелъ, я полетѣлъ бы внизъ, и мои гости не дали бы мнѣ даже упасть на землю, а расхватали бы меня на лету. Мнѣ даже казалось, что веревки трещатъ, что сучья ломаются... Такое ужасное положеніе было нестерпимо. Я приготовилъ ружье, и началъ стрѣлять внизъ. При первомъ выстрѣлѣ дикіе гости перестали скакать и жалобно завыли, при второмъ всѣ отошли отъ моего дерева, а послѣ третьяго, я не могъ уже разглядѣть движущихся массъ, и потому пересталъ тратить порохъ. Скоро кругомъ меня все утихло, и я уснулъ спокойно.

Проснувшись на другой день, я прежде всего замѣтилъ огромное животное, которое сходило съ горы и приближалось ко мнѣ. Посмотрѣвъ внимательнѣе, я увидѣлъ, что это сѣрый медвѣдь. Въ одну минуту я отвязалъ часть козы, перенесъ ее на двадцать шаговъ отъ дерева, опять влезъ на него, и ждалъ, что̀ будетъ.

Чутье привело страшное четвероногое прямо къ мясу. Я видѣлъ, какъ медвѣдь началъ обнюхивать приготовленный завтракъ, и въ эту самую минуту выстрѣлилъ въ него. Мой противникъ только почесался, будто бы его укусилъ комаръ, и преспокойно началъ кушать.

Это безчувственность удивила меня и привела въ ужасъ, такъ что

я долго не рѣшался сдѣлать другой выстрѣлъ. Наконецъ я прицѣлился, и пуля вѣрно попала звѣрю въ чувствительное мѣсто, потому-что онъ страшно заревѣлъ и прямо пошелъ къ моему дереву. Однако онъ, вѣроятно разсудилъ, что оно не въ состояніи сдержать его огромной массы, и потому началъ его толкать и качать съ такою силою, что мнѣ показалось, будто онъ въ одну минуту вырветъ молодой дубъ съ корнемъ, и унесетъ его какъ тросточку. Не ожидая такого скораго нападенія, я успѣлъ только ухватиться обѣими руками за вѣтви, но къ несчастію при этомъ движеніи у меня выпало ружье. Медвѣдь бросился на него, сломалъ въ нѣсколько кусковъ какъ соломенку, и потомъ опять принялся раскачивать дубъ, такъ что я слышалъ, какъ трещали корни. Наконецъ, вѣрно это занятіе наскучило ему или онъ пожалѣлъ о неоконченномъ завтракѣ, только, къ моему счастію, онъ подошелъ къ мясу, взялъ его въ зубы и началъ тихо удаляться.

Я не смѣлъ еще вѣрить своему спасенію, и боясь хитрости со стороны звѣря, долго не рѣшался сойти съ моей обсерваторіи и осматривалъ окрестности. Наконецъ я увидѣлъ моего страшнаго противника далеко на горѣ, и обрадовавшись этому, спустился съ дерева, бросилъ мою койку и мѣшокъ съ провизіею и побѣжалъ изо всей силы такъ скоро, что черезъ четверть часа былъ уже въ долинѣ. Но и тамъ я боялся, что медвѣдь будетъ меня преслѣдовать. Я пугался шелеста листьевъ, шума моихъ шаговъ, моей тѣни, и остановился въ изнеможеніи и усталости.

Когда я былъ въ состояніи думать и понимать, эта новая неудача оскорбила меня. Я припомнилъ, что ничего еще не удавалось мнѣ въ этой проклятой землѣ, что я встрѣчалъ въ ней одни непріятности и болѣзни; я начиналъ уже приходить въ отчаяніе, которое привело бы меня не знаю къ чему, но въ эту минуту ко мнѣ подошелъ индѣецъ и увидя у меня за поясомъ фляжку, попросилъ немного водки, довольно чистымъ кастильскимъ нарѣчіемъ. Я подалъ ему фляжку и спросилъ, гдѣ онъ могъ выучиться такъ хорошо по-испански. Онъ отвѣчалъ, что долго жилъ съ миссіонерами, и потомъ не забылъ этого языка, когда ушелъ на родину.

— Теперь же я часто хожу въ Санъ-Хозе за покупками, прибавилъ дикарь.

— А чѣмъ ты платишь за покупки? спросилъ я.

— Золотомъ, которое у насъ находятъ въ расщелинахъ горъ.

— Какъ! закричалъ я, у васъ въ горахъ золото и никто этого не знаетъ. Гдѣ эти счастливыя горы?

— Недалеко отъ того мѣста, гдѣ я живу. Если ты хочешь, я сведу тебя и покажу.

— Пойдемъ, пойдемъ... только скажи мнѣ, твои пріятели и соотечественники не ѣдятъ ли человѣческаго мяса? Не достаетъ только, чтобъ меня съѣли въ этой золотой землѣ.

Дикій засмѣялся и мы пошли вмѣстѣ къ Санъ-Хозе.

Встрѣча эта возобновила мои силы и придала мнѣ твердости. Я началъ мечтать о горахъ, полныхъ золота, о которыхъ никто еще не зналъ, и радуясь, что проводникъ можетъ понимать меня, не уставалъ его разспрашивать. Признаюсь, что мнѣ въ первый разъ попался еще такой необыкновенный дикарь. Всѣ прочіе, которыхъ я встрѣчалъ, казались мнѣ глухонѣмыми идіотами, а этотъ не только отвѣчалъ охотно на всѣ мои вопросы, но даже разсказалъ свою жизнь, полную приключеній.

Въ этихъ разговорахъ мы дошли до города, и сговорившись сойтись на другой день, разошлись въ разныя стороны, по своимъ дѣламъ.

Я пошелъ къ мексиканцу, съ которымъ совѣтовался о медвѣжьей охотѣ, и разсказалъ ему мое печальное происшествіе.

— Вы потеряли ружье, сказалъ онъ, такъ возьмите мое и ступайте опять въ лѣсъ. Не надобно отчаяваться послѣ первой неудачи.

Признаюсь, что я вовсе не раздѣлялъ мнѣнія мексиканца, и еслибы рѣшился идти въ лѣсъ, то замаскировался бы такъ, чтобъ меня не узналъ мой знакомый медвѣдь. Да и стоило ли думать теперь о какихънибудь тысячѣ пятистахъ франкахъ и для этого знакомиться съ медвѣдями, когда чрезъ три дня я буду посреди горъ, полныхъ золотомъ! Скоро ли пройдетъ эта безконечная ночь!...

При первыхъ лучахъ солнца я поспѣшилъ въ палатку моего вчерашняго товарища, но меня встрѣтила печальная картина. Мой дикарь былъ мертвецки пьянъ. Напрасно я употреблялъ всѣ средства, чтобъ привести его въ чувства. Въ немъ не было уже ничего человѣческаго; онъ лежалъ окруженный цѣлымъ баталіономъ бутылокъ водки, и если на минуту приходилъ въ себя, то только для того, чтобъ опять пить. Еще новая неудача! Я рѣшился было дождаться, когда мой товарищъ окончитъ всю свою провизію водки и самъ хорошенько выспится, но въ палатку вошли два индѣйца, которые тоже говорили по испански. Я началъ ихъ разспрашивать, и они объявили мнѣ, что принадлежатъ къ тому же племени, какъ и пьяница. На мои вопросы о золотѣ, дикіе отвѣчали, что товарищъ ихъ, вѣрно, хотѣлъ похвастать или пошутить, потому-что у нихъ если находятъ иногда золото въ горахъ, то такъ мало, что для этого не стоитъ подвергать себя опасности и отдаваться во власть индѣйцевъ, которые воспользуются первымъ случаемъ, чтобъ скальпировать меня. Это извѣстіе заставило меня отказаться отъ золотыхъ промысловъ, и я опять пошелъ къ доброму мексиканцу, который предлагалъ мнѣ свое ружье. Я объявилъ ему, что снова отправляюсь на охоту, только не за медвѣдемъ, а просто за дичью, которой было очень много въ окрестныхъ лѣсахъ и которая продавалась очень дорого въ городѣ.

Въ первый разъ еще съ моего пріѣзда въ Калифорнію мои надежды были не напрасны. Въ шесть недѣль я выработалъ триста піастровъ. Я приходилъ въ городъ только для того, чтобъ продавать мою добычу, а остальное время проводилъ въ лѣсу, гдѣ жилъ въ койкѣ.

Часто во-время моей охоты я встрѣчалъ медвѣдей, иногда трехъ, или четырехъ разомъ, и всегда прятался боясь быть ими замѣченнымъ. Въ-послѣдствіи я убѣдился, что медвѣди опасны только, когда ихъ раздражаютъ или ранятъ, но сами никогда первые не нападаютъ, такъ что я скоро не обращалъ на нихъ никакого вниманія, точно также какъ и они на меня.

При томъ же жизнь охотника нравилась мнѣ чрезвычайно. Засыпая вечеромъ, я, разумѣется, слышалъ серенаду звѣрей, которая прежде привела меня въ ужасъ, но теперь я такъ привыкъ къ ней, что засыпалъ при этой адской музыкѣ также спокойно, какъ-будто былъ въ лучшей кровати иного покойнаго дома улицы Мира, а не въ воздушной холстинной койкѣ. Съ восходомъ солнца я вставалъ и начиналъ охоту, которая продолжалась до десяти часовъ утра. Въ это время жаръ дѣлался нестерпимымъ и я отдыхалъ до четырехъ часовъ по полудни въ сосѣдней фермѣ, а потомъ опять охотился до семи часовъ вечера. Жизнь эта была слишкомъ счастлива, чтобъ продолжиться. Только что узнали въ городѣ, что я ружьемъ выработываю отъ десяти до двѣнадцати піастровъ въ день, какъ явились толпы охотниковъ, и скоро рынокъ былъ заваленъ дичью. Эта конкуренція раззорила меня, и я отказался отъ спекуляціи, сдѣлавшейся невыгодною. Купивъ пистолеты, чтобъ защищать мои тысячу пятьсотъ франковъ, я отправился въ Санъ-Франциско.

По дорогѣ однако я перемѣнилъ намѣреніе. Съ золотомъ въ карманѣ я забылъ всѣ несчастія и неудачи и думалъ только о новыхъ предпріятіяхъ и средствахъ къ обогащенію.

Случай представился скорѣе, нежели я думалъ. При самомъ входѣ въ Санъ-Франциско, я встрѣтилъ двухъ знакомыхъ музыкантовъ, которые объявили мнѣ, что намѣрены открыть ресторанъ съ музыкою и предложили мнѣ быть съ ними въ долѣ. Я согласился, потому-то увеселительныя заведенія обогащаются здѣсь въ нѣсколько дней, и мои деньги не могли пропасть, а напротивъ удвоиться и удесятериться. У моихъ компаніоновъ было фортепіано, и одинъ изъ нихъ былъ отличный піанистъ. Наши три кошелька составили сумму, необходимую для открытія заведенія. Оставалось только найти пѣвицу, потому-что безъ примадонны нельзя было разсчитывать на успѣхъ.

Мы продолжали толковать на улицѣ о нашемъ предпріятіи, какъ вдругъ услышали прекрасный сопрано, напѣвавшій какую-то пѣсенку. Въ Калифорніи не откладываютъ рѣшеній, и всѣ мы, съ мыслію, что нашли примадонну, бросились въ домъ, изъ котораго выходили звуки, нашли пѣвицу и предложили ей по унціи золота за вечеръ, если она согласится пѣть въ нашемъ заведеніи.

Молодая женщина недавно еще пріѣхала въ Калифорнію, и потому охотно согласилась на наше предложеніе. Оставалось только найти домъ, удобный для помѣщенія музыкальнаго ресторана, и это было сдѣлано также скоро, какъ ангажированіе пѣвицы. Хозяинъ потребовалъ полтораста франковъ за вечеръ, и мы не торгуясь принялись дѣ-

лать необходимыя приготовленія. Надобно было устроить эстраду для артистовъ, купить игорные столы, стулья, картины, люстры, провизію,— и въ три дни все это было готово.

Къ несчастію, наша примадонна была совсѣмъ не готова. Бѣдные мои товарищи музыканты приходили въ отчаяніе отъ непонятливости и неспособности пѣвицы. Съ прекраснымъ голосомъ молодая женщина не имѣла понятія о музыкѣ и не могла выучить ни одного романса. Она смѣшивала всѣ мотивы, которые ей напѣвали артисты, и даже путала слова такъ, что выходило что-то очень дикое. При всемъ этомъ примадонна выговаривала очень дурно. Но это было еще спасеніемъ, точно также какъ ея хладнокровіе и смѣлость. При томъ-же нельзя было бросить начатое, и мы рѣшились предстать предъ судомъ образованной публики съ слѣдующею афишею.

«Дуэтъ изъ «Фаворитки» будутъ пѣть гг. Оскаръ и Адольфъ.

Дуэтъ изъ «Королевы Кипрской» . . . Тѣже.

Г-жа Альбертини, получившая первую премію въ миланской консерваторіи, будетъ пѣть нѣсколько романсовъ своего сочиненія.

Акомпанировать на фортепіано будетъ знаменитый Бандини.»

Если моя жизнь будетъ продолжительна какъ жизнь носорога, я и тогда не забуду этого перваго представленія!

При звукахъ музыки ресторанъ нашъ наполнился французами, мексиканцами, американцами, которые скоро напились и начали прерывать нашъ концертъ криками, стукомъ стакановъ и бутылокъ, звономъ золота, которое падало на игорные столы. Игроки разгорячались все болѣе, и ссоры дошли до того, что надобно было ожидать пистолетныхъ выстрѣловъ.

Дуэты мужчинъ не произвели никаго впечатлѣнія на публику, но когда на эстрадѣ показалась примадонна, всѣ затихли, взоры всѣхъ устремились на молодую женщину съ такимъ восторгомъ, что я началъ бояться другой исторіи. Мнѣ теперь только пришло въ голову, что необходимо было отдѣлить нашу пѣвицу желѣзною рѣшеткою отъ этихъ пьяницъ и игроковъ.

Однако это дерзкое вниманіе присутствующихъ нисколько не смутило г-жу Альбертини. Она выждала, пока піанистъ окончитъ ритурнель и начала пѣть романсъ съ такою смѣлостью, что никто не замѣтилъ, какъ она запѣла не въ томъ тонѣ. Потомъ, перемѣня голосъ и слова, она перешла къ другому романсу, наконецъ къ третьему. Знаменитый Бандини дѣлалъ въ это время чудеса, потому-что своими безконечными модуляціями поддѣлывался подъ капризы пѣвицы, и когда та не могла уже ничего болѣе припомнить изъ выученаго, они кончили почти въ одно время, и были награждены оглушительными аплодисментами.—Одинъ американецъ, восхищенный талантомъ ученицы миланской консерваторіи, положилъ къ ногамъ ея мѣшокъ съ золотомъ. Этому примѣру послѣдовали многіе золотопромышленники, но примадонна съ достоинствомъ отказалась отъ этихъ подарковъ.

Только что Альбертини скрылась, какъ шумъ возобновился съ но-

вою силою, и скоро раздался выстрѣлъ. Наши пѣвцы отъ страха сфальшивили, но когда въ дуэтѣ баритонъ пѣлъ слова:

....Oui, je te donne ici
La foi d'un chevalier et la main d'un ami,

то по какому предчувствію не подалъ своей руки тенору и это спасло его, потому-что въ эту самую минуту пуля пролетѣла между пѣвцами и разбила сзади ихъ зеркало Еслибы онъ сдѣлалъ полъ-шага къ своему товарищу то былъ бы непремѣнно убитъ. Г-жа Альбертини вскрикнула отъ страху, какъ-будто бы ее ранили, знаменитый Бандини упалъ подъ инструментъ, и артисты, соскочивъ съ эстрады, объявили, что ресторанъ запирается.

Только-что публика разошлась, мы начали считать сборъ, и вычтя всѣ расходы, мнѣ, какъ акціонеру, пришлось двѣнадцать піастровъ, а артистамъ по двѣ унціи. Стало-быть предпріятіе наше было очень выгодно, потому-что еслибы это продолжилось, я бы могъ ничего не дѣлая, откладывать каждый мѣсяцъ по полторы тысячи франковъ.

Но мечты эти были слишкомъ великолѣпны и не могли осуществиться. Испуганные артисты объявили, что не намѣрены служить цѣлью для выстрѣловъ и требовали уничтоженія игорныхъ столовъ. Я предчувствовалъ, что это раззоритъ насъ и предложилъ сдѣлать объявленіе, чтобъ игроки оставляли свое оружіе въ передней. Но мнѣ доказали, что невѣроятно, чтобъ калифорнскій золотопромышленникъ согласился оставить на минуту свои пистолеты. И такъ рѣшено было изгнать карты изъ храма искусства.

На другой день уничтоженіе игорныхъ столовъ произвело ожидаемое мною дѣйствіе. Правда, что во-время концерта не шумѣли, но зато и слушателей было очень мало. На слѣдующіе дни повторилось тоже самое.

Черезъ мѣсяцъ, въ-продолженіе котораго не случалось ничего примѣчательнаго, у меня было въ барышахъ только шесть унцій золота, но мы надѣялись, что слѣдующій мѣсяцъ будетъ счастливѣе. Г-жа Альбертини дѣлала огромные успѣхи, и могла уже почти вѣрно пѣть романсъ Feuilles mortes, не примѣшивая къ нему другихъ куплетовъ. При томъ же публика начинала привыкать къ нашимъ музыкальнымъ вечерамъ, и мы могли надѣяться на будущее, какъ вдругъ въ одинъ вечеръ концертъ былъ прерванъ криками: Пожаръ! пожаръ!

Въ одну минуту ночь исчезла, какъ-будто съ приближеніемъ солнца, и огонь быстро охватывалъ все, что встрѣчалъ на своемъ пути. — Мы успѣли только вынести фортепіяно и наши чемоданы, и удалились на гору, съ которой смотрѣли на истребленіе нашего бѣднаго музыкальнаго ресторана.

Я уже не въ первый разъ видѣлъ подобную печальную картину и потому, не отчаяваясь и не сожалѣя, завернулся въ шерстяное одѣяло и старался заснуть Но и тутъ меня разбудило пѣніе птицъ, которые приняли свѣтъ пожара за солнце и встрѣчали его обыкновенными пѣ-

снями. Признаюсь, что я почувствовалъ странное удовольствіе, когда увѣрился, что инстинктъ птицъ можетъ ошибиться точно также, какъ и мы ошибаемся въ нашихъ разсчетахъ и планахъ. Я покорился моей несчастной судьбѣ, и твердо рѣшился не подвергаться больше пожару. Такъ какъ я не могъ вернуться въ рудники и работать на золотыхъ пріискахъ, то вздумалъ сдѣлаться лодочникомъ, чтобъ въ случаѣ пожара быть на водѣ.

Это новое ремесло показалось мнѣ довольно выгоднымъ, потому-что каждый пассажиръ платилъ по піастру за проѣздъ отъ корабля до берега. Можетъ-быть въ день случится мнѣ перевести до двадцати человѣкъ, и я соберу въ короткое время порядочную сумму. Утѣшая себя этими золотыми мечтами я уснулъ спокойно, и на другой день купилъ лодку и принялся прилежно за новое ремесло.

Но и тутъ я разсчитывалъ не сообразя, что мысль сдѣлаться лодочникомъ могла придти не одному мнѣ, и потому вмѣсто пятнадцати піастровъ въ день, я насилу собиралъ столько, чтобъ платить за пищу и ночлегъ. Послѣ всѣхъ трудовъ и усилій, я могъ только жить, работая какъ поденщикъ. Вотъ чѣмъ окончились мои золотыя мечты, мои надежды. Я начиналъ раскаяваться, что не написалъ во Францію; теперь опять надобно было ждать пять мѣсяцевъ отвѣта, а я чувствовалъ, что у меня не станетъ ни силъ, ни терпѣнія продолжать такую жизнь.

Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, который я безъ преувеличенія могу назвать однимъ изъ лучшихъ въ моей жизни, золотопромышленникъ изъ Стоктона вскочилъ въ мою лодку и приказалъ ѣхать къ одному изъ кораблей. По дорогѣ мы начали разговаривать.

— Давно-ли вы въ Калифорніи? спросилъ меня пассажиръ.

— Скоро годъ, къ моему несчастію, отвѣчалъ я.

— Не знаете-ли вы г. Жомара?

— Какъ не знать—это я самъ.

— Неужели? Ахъ какъ я радъ. Я ищу васъ цѣлые четыре мѣсяца по всей Калифорніи. Вашъ другъ Г*** умеръ въ Мокелемнѣ, въ рудникахъ, и поручилъ мнѣ отдать вамъ три тысячи франковъ, которые былъ вамъ долженъ.

Я хотѣлъ отвѣчать, но волненіе и радость отняли у меня голосъ, и я готовъ былъ упасть въ обморокъ. Это была минута, которую невозможно описать. Я обнималъ честнаго пассажира, потомъ, получивъ отъ него деньги, побѣжалъ какъ сумасшедшій за моими пожитками, тотчасъ-же взялъ мѣсто на пароходѣ, ѣдущемъ въ Панаму, и вздохнулъ свободно и счастливо. Наконецъ, я вырвусь изъ этой прославляемой страны!

Даже въ послѣднія минуты, проведенныя на берегу, Калифорнія угостила меня сценой, которая заставила меня содрогнуться и оцѣнить еще болѣе счастливую встрѣчу съ золотопромышленникомъ.

Одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ продавалъ пирожное въ маленькой лавкѣ на берегу. Американецъ подошелъ къ нему, проглотилъ огромное количество пироговъ, и ушелъ не заплатя за нихъ. Пирожникъ побѣжалъ за нимъ и потребовалъ денегъ. Вмѣсто отвѣта, аме-

риканецъ вынулъ пистолетъ, и выстрѣливъ въ упоръ въ сердце несчастнаго, убилъ его на мѣстѣ.

Въ эту самую минуту пароходъ мой тронулся и выпустилъ густую струю дыма, какъ-будто желая закрыть отъ меня всѣ преступленія и изгладить все прошедшее. Черезъ часъ Калифорнія скрылась изъ глазъ моихъ, и оставила одно воспоминаніе. Теперь я стараюсь какъ можно рѣже даже воспоминать объ этой странѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Майскія книги журналовъ. — Отчего интересъ журналовъ ослабѣваетъ въ лѣтнее время. — Вторичное появленіе Иногороднаго Подписчика. — Какъ зовутъ по имени и отчеству нашихъ писателей — Иногородный Подписчикъ увѣряетъ, что онъ вовсе не Александръ Васильичъ Дружининъ, *блистательный* писатель *прекрасныхъ* повѣстей. — Содержаніе послѣдняго письма его и высокій слогъ — Остальныя статьи майской книги «Библіотеки для Чтенія». — *Рыбаки* г. Григоровича. — Промахи противъ языка и превосходныя картины этого романа. — Способъ разгонять статью на безчисленное множество страницъ. — *Дельвигъ* — статья г. Гаевскаго. — *Богатая невѣста* — разсказъ молодаго человѣка, написанный госпожею Надеждою Б. — Повѣсть, передѣланная изъ водевиля и написанная высокимъ слогомъ. — Статья изъ англійской книги, переведенная съ французскаго. — Смѣсь «Современника». — «Отечественныя Записки». — *Кто-жъ остался доволенъ*, романъ В. Крестовскаго. — Гомеръ и господинъ Ордынскій. — Послѣдній примѣръ гомерическихъ выраженій. — Статья г. Ковалевскаго. — Разборъ *Повѣстей и разсказовъ для дѣтей*. — Петербургскія замѣтки и ихъ остроуміе. — Различіе Москвы отъ Петербурга. — Московскія вывѣски.

Въ этотъ мѣсяцъ бесѣда наша о петербургской журналистикѣ будетъ очень коротка. Намъ надо разобрать майскіе журналы наши, а лѣтомъ періодическая литература наша... не то, чтобы прямо маялась, но во всякомъ случаѣ не такъ дѣятельна, какъ зимою. Это уже заведенный обычай, хотя и основанный на совершенно несправедливомъ предположеніи, будто бы лѣтомъ меньше читаютъ. Мы сами лично убѣдились въ этомъ, бывши лѣтомъ въ провинціи. Развѣ въ Петербургѣ поступаютъ наоборотъ? Не думаемъ, потому-что и зимою въ Петербургѣ читаютъ столько, что нельзя меньше читать лѣтомъ. Мы думаемъ, что-

лѣтній застой въ журналахъ происходитъ отъ того, что мало читаютъ—сами редакторы. И то сказать: если такъ трудно читать по обязанности въ жаркое время, то какъ должно быть трудно писать, въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя должны каждой мѣсяцъ бесѣдовать печатно съ читателями, — и въ такіе дни, когда все зоветъ — dahin! dahin! гдѣ цвѣтутъ хотя не лимоны, то, по-крайней-мѣрѣ, земляника со сливками... Въ прошломъ году нашъ журнальный «Вѣстникъ» храбро выдержалъ всѣ лѣтнія приглашенія къ лѣни, и ни на одинъ мѣсяцъ не прекращалъ свою бесѣду съ читателями. Нынче—увы! онъ, кажется, не въ состояніи будетъ выдержать, и долженъ будетъ на время отдохнуть, — если не отъ трудовъ, то во всякомъ случаѣ и не отъ очень легкой обязанности. Читатели отъ этого, конечно, потеряютъ не много, но зато мы лично много выграемъ нѣсколькими недѣлями отдыха.

Какъ, однако же, заразителенъ примѣръ! Мы сейчасъ только прочли письмо Иногороднаго Подписчика, разсуждающаго о субъективности всѣхъ русскихъ фельетонистовъ — и заговорили о себѣ... Онъ возвратился однако же — этотъ Подписчикъ, и прекратилъ свое долговременное молчаніе. Мы долгое время не вѣрили этому молчанію, все ожидая, что Иногородный Подписчикъ совершитъ третіе переселеніе и явится съ новыми силами, новыми остротами и старой англоманіей въ третьемъ журналѣ. Подписчикъ пересталъ писать въ такіе мѣсяцы, когда не время пить нарзанъ, и слѣдовательно, молчаніе его непремѣнно должно было интриговать его почитателей, которыхъ у него такъ много — въ этомъ, по-крайней-мѣрѣ, убѣжденъ самъ Подписчикъ. Можетъ-быть, онъ просто хотѣлъ испытать—въ какой мѣрѣ отсутствіе его будетъ незамѣнимо для русской журналистики.—Онъ снова появился въ «Библіотекѣ для Чтенія», рѣшившись, можетъ-быть, пожертвовать многимъ, лишь бы только не лишать себя удовольствія писать, а насъ — читать письма о русской журналистикѣ. Впрочемъ, майское письмо Подписчика, явившееся такъ неожиданно, не объясняетъ, вѣроятно изъ скромности, причинъ его молчанія, и въ концѣ письма Подписчикъ прощается опять съ публикою, не говоря однакоже на сколько времени. Въ-самомъ-дѣлѣ: стоило-ли являться на одинъ мѣсяцъ, для того только, чтобы опять замолкнуть?..

О чемъ же пишетъ Подписчикъ? Да какъ всегда: обо всемъ и въ тоже время ни о чемъ; по-крайней-мѣрѣ о литературѣ меньше всего. Зато, по поводу литературы, говорится объ очень интересныхъ для публики вещахъ, о томъ, что одного писателя зовутъ Викторъ Павлычъ, другаго Дмитрій Васильичъ, третьяго Александръ Васильичъ, и что все это пріятели Иногороднаго Подписчика, собиравшіеся

у него въ прошломъ году по понедѣльникамъ. Тутъ, разумѣется, кстати приплетается и Боснель, idea fiха Подписчика, вдохновенный добрякъ съ пламенной душею и золотымъ сердцемъ, по словамъ Подписчика—и самый скучный педантъ и невыносимый болтунъ, по мнѣнію всякаго безпристрастнаго читателя, знакомаго съ англійской литературой немножко поболѣе Подписчика. Далѣе разсказывается, что Иногороднаго Подписчика вовсе напрасно смѣшиваютъ съ Александромъ Васильичемъ Дружининымъ, «молодымъ, *блистательнымъ* писателемъ, существомъ ребячески веселымъ», и послѣ разныхъ похвалъ этому автору «многихъ *прелестныхъ* повѣстей», разсказывается, какъ этотъ мнимый Иногородный Подписчикъ упалъ на кушетку въ обморокъ отъ хохота, при разсказѣ Дмитрія Васильича Григоровича, «этого современнаго Улисса, много извѣдавшаго въ жизни». По счастью для читателей, этотъ обморокъ Подписчика былъ непродолжителенъ «всего минуту времени», и доказалъ только его мягкую, впечатлительную натуру. Разсказъ этотъ убѣдилъ впрочемъ насъ въ томъ, что Иногородный Подписчикъ дѣйствительно не Александръ Васильичъ Дружининъ, потому–что называть самого–себя *блистательнымъ* писателемъ *прекрасныхъ* повѣстей, конечно, никто не станетъ, хотя бы изъ литературнаго приличія.

Потомъ Подписчикъ... но намъ рѣшительно неловко называть его этимъ прозвищемъ, и при такомъ множествѣ именъ и отчествъ, разсѣянныхъ въ его статьѣ, насъ беретъ сильное желаніе назвать также по имени и отчеству Иногороднаго Подписчика.

Великимъ сладко подражанье...

Для этого есть, конечно, небольшое затрудненіе: мы не знаемъ, какъ зовутъ Подписчика и потому должны назвать его вымышленнымъ именемъ, первымъ, какое намъ попадется. Пусть будетъ онъ, если не Александръ Васильичъ, то хоть Иванъ Иванычъ, или Петръ Иванычъ. По-крайней-мѣрѣ, мы не уступимъ въ учтивости Подписчику и будемъ писать также субъективно.

И такъ, Иванъ Иванычъ продолжаетъ говорить далѣе такія же любопытныя вещи, какъ напримѣръ, что половины романовъ Санда нынче нѣтъ средства читать безъ хохоту, что публика зарвалась и перечла съизнова первую часть романа Дмитрія Васильича (откуда узналъ это Иванъ Иванычъ?) По поводу того, что публика зарвалась, Иванъ Иванычъ зарвался и самъ и начинаетъ сравнивать романъ Дмитрія Васильича съ картинами фламандской школы (похожи очень наши рыбаки на фламандцевъ!), «надъ которыми чуть вздумается застоятьсяся зрителю, ясная дума слетаетъ на его голову.» Подобныхъ ри–

торически-неправильныхъ фразъ у подписчика не мало. Такъ у него «Россія держала свой смертный поединокъ съ французскимъ императоромъ.» На какомъ это языкѣ говорится: *держать поединокъ*, и еще *смертный*? Что значитъ также: «незаконно жалѣя о бойкомъ языкѣ», или «могъ окрѣпнуть этотъ истинный представитель своего вѣка и нѣсколькихъ вѣковъ сряду», или «голова закружится, всѣ тоны и ключи улетятъ изъ вашего мозга», или «для *уразумѣнія* его *потребенъ* коментарій» этихъ *или* мы могли бы найти очень много. Думая говорить высокимъ слогомъ, Иванъ Иванычъ становится на такія ходули, что дѣйствительно голова можетъ закружиться и всѣ тоны и ключи могутъ улетѣть изъ мозга. Вотъ, напримѣръ, какими фразами говоритъ онъ объ Данте: «сумрачный человѣкъ съ лавровымъ вѣнкомъ на изрытомъ челѣ, съ проклятіемъ въ устахъ всей Италіи, *что* (о риторика!) ворочается подобно безнадежному больному на своей *горячей* постели. Дѣйствительно Иванъ Иванычъ, *что* пишетъ подъ именемъ Иногороднаго Подписчика, хорошій риторъ.

Кромѣ этого письма, остальныя статьи майской «Библіотеки для Чтенія» мало интересны: продолженіе Сосѣда, окончаніе Натали, біографическій очеркъ «Шарденъ» неизвѣстно почему попавшій изъ Отдѣла Наукъ или Смѣси въ Иностранную Словесность, окончаніе статьи о Карлѣ Вильгельмѣ Гумбольдтѣ, статья о Московской выставкѣ и даже критическая статья на книгу г. Березина. «Путешествіе по Сѣверной Персіи», хотя статья эта и подписана буквами О. С. Въ ней нѣтъ ничего, кромѣ длинныхъ выписокъ изъ книги и разсказа о драматическомъ представленіи въ память смерти Гуссейна.

На разборъ въ «Литературной Лѣтописи» никогда не выходившей книги о движеніи столовъ сильно возсталъ фельетонистъ одной газеты, самъ впрочемъ расказывающій нерѣдко въ своихъ фельетонахъ еще болѣе диковинныя вещи о химіи и астрономіи, въ которыхъ онъ, какъ извѣстно, большой знатокъ. Статья эта плоха не потому, что Литературная Лѣтопись поострилась немного надъ новоизобрѣтеннымъ занятіемъ и надъ литературою, но потому что остроуміе статьи черезъ чуръ натянуто.

Смѣсь этого нумера какъ-то особенно неинтересна; музыкальныя извѣстія г. Мелодина заключаются въ восторженныхъ похвалахъ Аполинарію Контскому, этому *ученику*, но однакоже не *выученику* Паганини, какъ говоритъ одинъ очень удачный провинціализмъ.

Въ «Современникѣ» первое мѣсто принадлежитъ продолженію *Рыбаковъ* г. Григоровича. Съ каждой частію романъ этотъ дѣлается занимательнѣе. Мы оставили семью Глѣба Савинова въ ту минуту, когда

къ нему пріѣзжаетъ сотскій повѣстить о выдачѣ рекрута. Какъ и можно было предвидѣть, младшій сынъ рыбака, Иванъ, жертвуетъ собою, и охотой идетъ въ рекруты вмѣсто Гришки, чтобы не мѣшать любви его. Другіе два сына рыбака также оставляютъ его и уходятъ на заработку на фабрику. Старикъ остается одинъ и отправляется въ сосѣднее село, Комарево, отыскивать себѣ батрака. Батракъ этотъ, Захаръ, превосходно очерченный типъ гуляки и забубенной головы, художнически обрисованный авторомъ, поселяется въ домѣ Глѣба и совершенно сбиваетъ съ пути и безъ того испорченную натуру Гришки. Эта часть романа оканчивается грустно-тяжелою сценою, въ которой дѣдушка Кондратій, придя къ Глѣбу, объявляетъ ему, что его Дуню и Гришку «надыть женить.» Повторяемъ еще разъ, что вся эта часть—рядъ превосходныхъ картинъ, выхваченныхъ изъ самой натуры и совершенно вѣрныхъ дѣйствительности, какъ сцена прощанія съ сыномъ, наемъ батрака и въ особенности ярмарка въ Комаревѣ, верхъ совершенства, наблюдательности и истины, хотя варіанты камаринской, приводимой г. Григоровичемъ заставляютъ поневолѣ разсмѣяться, особенно въ первомъ стихѣ, гдѣ онъ называетъ камаринскаго мужика «милымъ другомъ.»

И въ этой части Рыбаковъ есть нѣсколько неудачныхъ, изысканныхъ и неправильныхъ выраженій, которыя мы не можемъ не замѣтить, изъ уваженія къ таланту автора. Такъ, напримѣръ, авторъ говоритъ отъ своего лица... «онъ и *безъ куражу* не побоялся бы отцовскаго гнѣва.» Не совершенно ли излишняя здѣсь тривіальность выраженія? «Первый разъ *осмыслилъ* Глѣбъ старческіе годы свои.» Что-бы значилъ здѣсь это не кстати-изысканный глаголъ? «Стада *безмолвствуютъ*, какъ бы опьяненныя крѣпкимъ *куреніемъ* распускающихся растеній.» «Комарево слегка *прикасается* къ нашему разсказу.» (Далѣе у него и цѣловальникъ тоже *прикасается* къ разсказу.) «*Вскосмаченныя* головы ребятъ». Это прилагательное не вдругъ выговоришь. «Солнце, подобравъ росистую, алмазную скатерть, покрывавшую луга, *катило* высоко въ небѣ.» Что это за выраженіе? У Тредіаковскаго есть, конечно, подобное въ слѣдующихъ стихахъ:

Надъ тобой солнце по небу катаетъ
Ярко, и лучше нигдѣ не сіяетъ;

но неужели г. Григоровичъ находитъ нужнымъ подражать Тредіаковскому? «Захара можно было назвать *дитею*.» Гдѣ же грамматика? Также не весьма удачны мѣстами и сравненія г. Григоровича, хотя онъ, можетъ-быть, и думаетъ, что слѣдующее, напримѣръ, очень остроумно: «лицо татарина приняло такое выраженіе, какъ-будто въ ухо ему за-

лезъ комаръ.» Есть также одна странная ариѳметическая ошибка, которую могъ бы исправить и корректоръ. Авторъ говоритъ: «Средняя плата батракамъ, въ мѣсяцъ—восемь цѣлковыхъ (двугривенный въ день).» Не надо быть большимъ знатокомъ въ ариѳметикѣ, чтобы сосчитать, что двугривенный въ день составитъ въ мѣсяцъ шесть цѣлковыхъ, а никакъ не восемь.

Остальныя статьи въ отдѣлѣ словесности: Литературный характеръ или исторія генія—*д'Израели*, и Мой романъ Больвера—весьма не интересны. О недостаткахъ въ сатьтѣ «*Карлъ V* мы уже говорили; продолженіе ея ничѣмъ не лучше начала. Статья: «*Кавказскія минеральныя воды* очень спеціальна; настоящее мѣсто ея въ медицинской газетѣ. Статья очень велика, но могла бы занять еще болѣе страницъ, если бы названія всѣхъ грибовъ, деревьевъ, кустарниковъ, хлѣбныхъ и огородныхъ растеній были напечатаны также, какъ названія растеній лекарственныхъ:

Althaea officinalis
Achillea millifolion
Angelica archangelica

и такъ далѣе, сорокъ подобныхъ интересныхъ прозвищъ, составляющихъ посреди бѣлыхъ страницъ очень красивые столбцы въ видѣ двухстопно-ямбическихъ стиховъ.

Послѣ подобныхъ не интересныхъ статей съ удовольствіемъ останавливаемся на продолженіи статьи г. Гаевскаго о *Дельвигѣ*. Это такая превосходная и полная критическая біографія лицейскаго поэта, какихъ не много въ русской литературѣ, и которыми литература будетъ всегда дорожить и гордиться.

Въ Смѣси помѣщенъ разсказъ Надежды В. — *Богатая невѣста*, вѣроятно pendant къ *Бѣдной Невѣстѣ*. Исторія эта напоминаетъ намъ множество александрійскихъ водевилей. Молодому человѣку сватаютъ въ деревнѣ богатую невѣсту, но онъ, зная, что «злато мечтанье пустое» и дорожа одними душевными качествами, влюбляется въ гувернантку богатой невѣсты и предлагаетъ свою руку дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Оказывается, что для испытанія высокой души жениха, невѣста и гувернантка обмѣнялись ролями и именами,—и слѣдовательно, высокія качества жениха награждаются, кромѣ личности невѣсты и ея наличностью. Этого каламбура нѣтъ въ разсказѣ, но онъ самъ-собою выходитъ изъ такого интереснаго повѣствованія. Любопытно также, что всю эту исторію разсказываетъ отъ своего лица самъ молодой женихъ, а между-тѣмъ исторія подписана дамскимъ именемъ. Написана

она слогомъ тоже, если не высокимъ, то никакъ уже и не простымъ. Такъ авторъ или авторша говоритъ: «въ Турціи,—*въ противность* образованнымъ землямъ, женщины скрываются отъ мужчинъ». «Маша мила и *благонравна*». «*Намедни* жена разсказывала мнѣ». «Скажи своей супругѣ, что всѣ ваши усилія будутъ *тщетны*». «Гувернантки, *стоя на ряду наемницъ*, принуждены сносить всѣ капризы своихъ патроновъ». «Алексѣй *расхвастался* моими талантами». «Пѣніе ея соотвѣтствовало прочимъ качествамъ». «Если мои угожденія вамъ непротивны». Мы бы не кончили, еслибы вздумали перечислять всѣ промахи противъ языка, въ этомъ разсказѣ, гдѣ при первомъ свиданіи съ молодымъ человѣкомъ молодая дѣвица выражается такими изящными фразами: «Ваша откровенность такъ удивила меня, что я не знаю, что отвѣчать вамъ. Конечно, я не измѣню вашей довѣренности, тѣмъ больше, что я слыхала будто вы, messieurs, довольно часто мѣняете ваши мнѣнія.» А этотъ monsieur отвѣчаетъ тѣмъ, что схватываетъ ручку у mademoiselle и цѣлуетъ ее.—Очень правдоподобно, точно такъ-же какъ и водевильное бѣгство настоящей гувернантки съ какимъ-то французомъ, который, убѣжавши, обвѣнчается съ нею, принимая ее за богатую невѣсту. Какъ-будто у насъ можно обвѣнчаться безъ согласія родныхъ, безъ свидѣтелей, оклички и другихъ обрядовъ! Если изъ повѣстей часто дѣлаютъ плохіе водевили, зачѣмъ-же плохіе водевили передѣлывать въ повѣсти?

За этой *оригинальной* статьей слѣдуетъ переводная: *Томасъ Муръ*. Объ этомъ поэтѣ было уже недавно нѣсколько статей въ «Современникѣ» же, но это нисколько не мѣшаетъ помѣстить еще одну статью, «свѣденія для которой заимствованы изъ книги, недавно изданной въ Англіи.» Это говоритъ примѣчаніе на первой страницѣ, а на послѣдней этой же статьи подписано: Revue des deux mondes. Вѣрьте чему угодно. «Танцмейстеръ», разсказъ Теккерея, очень не дуренъ.

Замѣтки «Новаго Поэта» начинаются тѣмъ, что Поэтъ увѣряетъ будто на него страшно возстаютъ затронутыя имъ самолюбія. Потомъ, отъ лица благоразумнаго читателя, совѣтуетъ онъ всѣмъ фельетонистамъ оставить въ покоѣ свои собственныя личности. Вотъ, это, пожалуй, справедливо въ нѣкоторой степени, также какъ сужденія Новаго Поэта о французскихъ стихахъ г-жи Улыбышевой; но все это не руская литература и не критика. Петербургскія и ученыя новости этой книги, очень бѣдны, иностранныя довольно интересны, хотя и не слѣдовало-бы вводить новое словое *готика* вмѣсто готическаго стиля.

Майская книга «Отечественныхъ Записокъ» не похожа на лѣтнюю занимательностью статей. Въ ней помѣщено окончаніе романа *В. Кре-*

стовскаго. Кто же остался доволенъ? По первымъ страницамъ этого романа, приведеннымъ нами въ Вѣстникѣ, читатели могли видѣть, въ какомъ родѣ это новое произведеніе даровитаго автора. Содержаніе романа можно разсказать въ двухъ словахъ. Одна провинціальная барыня, женщина хитрая и умная по своему, старается выдать своего сына, пустаго и безхарактернаго, за богатую невѣсту, но сына другая провинціальная кокетка опутываетъ до того, что онъ женится на ней, противъ желанія матери. Богатая невѣста тоже любитъ другаго, но по слабости характера не смѣетъ признаться въ этомъ своему отцу, и ея свадьба расходится вдвойнѣ. Въ этой немногосложной рамкѣ заключены такія вѣрныя, занимательныя картины, такіе, глубокіе очерки провинціальной жизни, такіе новые, сильные характеры, что романъ этотъ ставитъ автора его въ число замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей.

Точто также, какъ въ жизни за пріятнымъ впечатлѣніемъ слѣдуетъ часто непріятное, такъ и за романомъ г. Крестовскаго слѣдуетъ переводъ Иліады, г-на Ордынскаго. Вотъ начало десятой рапсодіи:

«Прочіе витязи Панахеевъ спали всю ночь у кораблей, сномъ покойнымъ *издоленные*, а Агамемнона Атреича, пастыря людей, не бралъ сладкій сонъ; о многомъ онъ въ душѣ размышлялъ. Какъ часто блистаетъ молніею супругъ Геры прекраснокудрой, готовя либо ливень великій, несказанный, либо градъ, либо снѣгъ, и покрываетъ тогда снѣгъ поля, либо войну горькую: такъ часто стоналъ Агамемнонъ изъ глубины души, и трепетало сердце его.»

Если это не настоящій звучный стихъ Гомера, то, право, не знаемъ, какъ ужъ и переводить Иліаду. А вотъ, для примѣра, и еще нѣсколько гомеровскихъ выраженій: «*Клалъ* тотъ на плечи доспѣхи прекрасные; шерсть *усилась*; что ты цѣлу ночь *дрыхнешь*; ему дадутъ по овцѣ черной съ сосуномъ; двое, когда идутъ, другъ *передъ* другомъ примѣчаютъ, гдѣ *корыстиье*, а одинъ и придумаешь что, да бодрости той нѣтъ, и душа-то слабѣе; изъ огня палящетаго выйдемъ; гораздъ онъ на всякія хитрости, сказалъ ему многотерпѣвшій свѣтъ—Одиссей; далъ войнолюбивый Ѳрасимедъ мечь *обоюдный*; охраняетъ голову молодыхъ *парней*; *умаяли* ихъ ужъ руки наши; *нудятъ* меня сердце и душа смѣлая; въ ловлю *обыкшіе*, мчатся они впередъ за *неблюемъ*; желѣзо *многотрудное*; наломалъ зеленыхъ вѣтвей *гребенщика*; поднялся стонъ *неподобный*; (послѣ этого можно сказать и переводъ неподобный?) люди въ мукахъ душу *избываютъ*; топъ коней *разитъ* уши мои; завсегда съ Троянами *толкаюсь*; посылали его Трояне *почестные дозорщикомъ*; встала заря съ ложа знатнаго Тиѳона, чтобы принести свѣтъ безсмертнымъ и смертнымъ, а Зевесъ послалъ *вражду-пагубницу*; *зычно*

взгремѣла богиня; поднялся *крикъ негасимый*; поднялъ Кроновичъ *сутолоку* страшную; всѣ *озвѣрились*, что волки; взяла его *выть* (въ выноскѣ сказано, что слово это значитъ аппетитъ; на какомъ языкѣ?); *засовались* вожди; покатился Ипполохъ по *толпищу*, словно *ступа;* обагрены сукровицей руки *неборныя;* пока будетъ Агамемнонъ *бушевать* между передовыми, *потуда* пусть Гекторъ отступаетъ; *сухопутьемъ* пришелъ въ Илій; вздохнули Ахеи *избывъ* Гектора-свѣта; какъ кидаются *мужики* изъ загона; оселъ *издомилъ* мальчиковъ; Трояне *пинали* копьями въ средину щита; *правилъ пеню* съ нихъ; *забижали* насъ; Зевесъ *дождилъ безперемежъ;* въ *узи* такой насъ, чаю, всѣхъ пересколятъ; пока кто копьемъ не *умѣтитъ;* тотъ *ничь* въ землю *уткнулся;* быки *комолые; опровѣдать* овецъ... Силы нѣтъ выписывать дальше!... Только позвольте намъ уже не упоминать болѣе объ этомъ искаженіи Иліады, дѣлающемся съ каждой рапсодіей нецеремоннѣе и невыносимѣе. Дальнѣйшія замѣчанія г. Ордынскому будутъ, конечно, напрасны. Намъ остается только сказать, измѣнивъ немного извѣстные стихи Пушкина:

Слышу паролію я умолкнувшей эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь всей я жалѣю душой!

Третья статья о Китаѣ въ 1849 и 1850 годахъ, къ сожалѣнію послѣдняя, также интересна, какъ первыя. Только въ весьма немногихъ мѣстахъ встрѣтили мы небольшія обмолвки противъ языка, также какъ и въ прежнихъ статьяхъ. Что значитъ напримѣръ: Китай все и всѣхъ перевариваетъ въ своей *варѣ?* Что это за вещь *варя?* Хороши ли также выраженія: травы *сшибло* вѣтромъ; многихъ ужъ я *раскидалъ* на пути жизни, (это говорится о лицахъ, знакомыхъ автору и умершихъ прежде его) Или наконецъ, гдѣ же грамматика въ слѣдующей фразѣ: сотрудники (?) моихъ экспедицій помогали и облегчали меня своими совѣтами. Какъ же это они *помогали меня?*

Критическая статья о планѣ статистическаго описанія губерній кіевскаго учебнаго округа нѣсколько суха. Въ Біографической Хроникѣ очень вѣрно разобраны *Повѣсти и разсказы для дѣтей, съ шестью картинками*, самая пустая изо всѣхъ дѣтскихъ книгъ, вышедшихъ въ нынѣшнемъ году, начиненная самыми приторными анекдотами и написанная самымъ неправильнымъ русскимъ языкомъ, наполненнымъ полонизмами и барбаризмами всякаго рода. Нашлись, конечно, фельетонисты, которые увѣряли, что они *плакали* про чтеніи этихъ повѣстей, переведенныхъ съ французскаго не русскимъ языкомъ; этотъ плачъ до-

казываетъ только ихъ чувствительное сердце, если они плакали не о самомъ составителѣ этихъ повѣстей.

Иностранная Литература и Разсказы Проѣзжаго въ этой книгѣ также занимательны, но Новости Наукъ Искусствъ и Литературы очень сухи и коротки. Петербургскія Замѣтки пишутся легко и очень интересны. Въ фельетонистѣ много остроумія и наблюдательности: въ особенности очень метко описалъ онъ, какимъ образомъ ухитряются нѣкоторые фельетонисты, чтобъ похвалить, напримѣръ, знакомаго цирюльника и какъ эти фельетонисты ходятъ въ вечерніе концерты въ толстомъ коричневомъ пальто, похожемъ на фуфайку, и въ шерстяныхъ перчаткахъ. Въ началѣ фельетона, гдѣ сравнивается Петербургъ съ Москвою и потомъ говорится объ ихъ различіи, фельетонистъ забылъ упомянуть объ одномъ рѣдкомъ отличіи Москвы, бросающемся въ глаза всякому, кто видитъ ее въ первый разъ, и состоящемъ въ огромности и оригинальности ея вывѣсокъ. Высокихъ трехъэтажныхъ домовъ въ Москвѣ немного (кромѣ казенныхъ зданій), а буквы на вывѣскахъ гораздо больше, чѣмъ въ Петербургѣ; поэтому-то они и поражаютъ такъ пріѣзжаго. Въ ожиданіи того, что какой-нибудь составитель физіологіи Москвы обратитъ вниманіе на эту любопытную сторону московскаго быта, приводимъ нѣсколько любопытныхъ вывѣсокъ, замѣченныхъ нами въ прошломъ году, когда намъ въ первый разъ привелось увидѣть Москву.

Рояльныхъ и фортепіанныхъ дѣлъ мастеръ.—L'artiste en cheveux.—Magasin des bonbons (то-есть кондитерская).—Драпировальный и мягкій мебельный мастеръ.—Женскій портной изъ Петербурга Авъ дотья Иванова.—Магазинъ итальянскихъ вещей. — Librairie (надъ которой вывѣшена огромная золотая человѣческая фигура, съ бородой, въ остроконечной шапкѣ, съ жезломъ и книгою). — Остерлицкій выученникъ Дубицкаго.—Переплетное заведеніе книгъ Зотова.

—

II. НОВЫЯ КНИГИ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА. Повѣсти Николая М. Петербургъ, 1853 г. Въ типографіи Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. 166 стран.*

АЛЕКСѢЙ ОДНОРОГЪ. Историческій романъ. Спб., 1853 г. Въ той же типографіи. Въ 8-ю д. л. 214 стран.**

Открывая минувшей осенью библіографію «Пантеона», мы напомнили читателямъ, что современная литература русская, въ послѣднее пятнадцатилѣтіе, главнѣйше сосредоточивается въ журналахъ, и замѣтили, между-прочимъ, что, «за исключеніемъ учебниковъ, или сочиненій спеціальныхъ, книга, отдѣльно изданная, по части, такъ-называемой, изящной словесности, составляетъ явленіе довольно рѣдкое. А если и показывается порою собраніе какихъ-нибудь повѣстей, или два, три томика романа, то это, бо́льшей-частью, перепечатка изъ тѣхъ же журналовъ» (октябрь 1852 г., «Петербургскій Вѣстникъ», стран. 18). И какъ-бы въ подтвержденіе этого положенія, намъ, въ концѣ прошедшаго и въ первой половинѣ текущаго года, не разъ приходилось говорить о такихъ перепечаткахъ изъ журналовъ... «Тамаринъ», г. Авдѣева; «Дочь булочнаго мастера», соч. К. Г-на; «Повѣсти и разсказы» г. Писемскаго; «Давидъ-Копперфильдъ», Диккенса, въ переводѣ г. Веденскаго, явившіеся первоначально въ изданіяхъ періодическихъ, а потомъ отдѣльными, самобытными твореніями, разсмотрѣны нами со всею внимательностью и подробностью.

И въ нынѣшнюю книжную лѣтопись свою приходится намъ включить перепечатки же, съ извѣстнымъ, разумѣется, количествомъ опечатокъ.

Узнаете-ли этотъ знакомый шрифтъ, форматъ, эту примелькавшуюся вамъ лиловую обертку, короче всю наружность, живо напоминающую «Современникъ»? Такъ точно — и внутренность оттуда же заимствована. Выставленныя въ заглавіи нашей статьи два произведенія незнакомаго еще вамъ пера г. Николая М. были, въ концѣ прошедшаго года, помѣщены въ названномъ журналѣ, и теперь показались отдѣльными оттисками, требуя отдѣльной, отчетливой критики. Исполняемъ это требованіе тѣмъ охотнѣе, что, при напечатаніи обоихъ произведеній въ «Современникѣ», отдѣлъ «Журналистики» Пантеона сказалъ о нихъ, мимоходомъ, лишь нѣсколько словъ, такъ какъ о журнальныхъ новостяхъ, обыкновенно многочисленныхъ, нѣтъ мѣста распространяться...

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и у книгопродавца Ю. А. Юнгмейстера: 75 коп., съ пересылкою 1 руб. сер.

** Тамъ же: *одинъ рубль*, съ пересылкою 1 руб. 25 коп. сер.

Историческому роману своему г. Николай М. почелъ приличнымъ предпослать *Воспоминанія* собственнаго *дѣтства*, облекаемыя имъ также въ форму и важность исторіи. Съ другой стороны, дѣйствительно, взрослому человѣку ничто такъ не любо припоминать, какъ эту заманчивую пору синей курточки и отложнаго воротничка, безотчетной радости и скоро высыхающихъ слезъ, полевыхъ цвѣтовъ и городскихъ игрушекъ. Природа, на тысячу ладовъ воспѣваемая съ глубочайшей древности и безконечно юная, никогда не старѣющая, предлагаетъ обильный запасъ первой обстановкѣ этихъ воспоминаній. Родительскій домъ съ густымъ, тѣнистымъ садомъ; уютная комнатка, въ которой вы крѣпко почивали по десяти часовъ въ сутки, и въ которой васъ сѣкли не больше раза въ недѣлю, — сѣкли не крѣпко, нѣжною, дрожащею рукою отца или матери; извивистая рѣка, зеркальное озеро, вѣковая роща, дремучіе лѣса, горы или холмы, окружающіе родимое пепелище; красивая кормилица, толстая нянюшка, серьёзный наставникъ и несносныя ученическія тетради, украшенныя чернильными пятнами... истертый букварь съ вырваннымъ азомъ и поврежденною ѳитою, сокращенная грамматика, изъ которой улетѣли важнѣйшія правила, и таковая же географія, гдѣ не осталось ни одного живаго мѣста, интересные сосѣди, прекрасныя сосѣдки — все это, вмѣстѣ и порознь, вообще и въ особенности, составляетъ раму и матеріялъ для поэмы безпечнаго и неопытнаго возраста. На этой-то общеизвѣстной, общедоступной, очень старой и еще болѣе тонкой основѣ построилъ намъ новый авторъ и свои «Воспоминанія дѣтства»; но этой-то ветхой ткани вышиваетъ онъ, мелкимъ и пестрымъ бисеромъ, прихотливые фантастическіе узоры... Но чѣмъ, повидимому, предметъ доступнѣе, легче, натуральнѣе, тѣмъ осторожнѣе съ нимъ надобно обходиться, чтобы доступное или близкое не отдалилось за тридевять земель, легкое не обратилось въ трудное, а натуральное въ неестественное, неправдоподобное, невѣроятное или изысканное. Нѣчто въ этомъ родѣ и въ нѣкоторой степени случилось и съ предлежащими «Воспоминаніями»: они получили видъ не всегда удачнаго вымысла, *сочиненія*. Пусть бы и въ самомъ-дѣлѣ были они не дѣйствительныя воспоминанія, а вымыселъ, сочиненіе,—но въ томъ-то и сила, въ томъ то и штука, задача искусства, чтобы вымышленное не казалось вымышленнымъ, игра воображенія пріобрѣтала права жизни, и увлеченный читатель вѣрилъ вамъ на слово. Еще обязательнѣе условіе это для писателя, который разсказываетъ отъ своего лица, о самомъ себѣ, со всѣми признаками автобіографіи. Предполагали, что Диккенсъ, въ вышеупомянутомъ своемъ «Копперфильдѣ», изобразилъ себя; но романистъ англійскій, ни однимъ даже полуявственнымъ намекомъ, не про-

говорился на этотъ счетъ, и сверхъ-того, какъ плѣнительны, какъ вѣрны его изображенія, не входя въ разсужденіе о томъ, на сколько въ «Копперфильдѣ» личности авторской и личности идеальной. Въ «Воспоминаніяхъ» г. Николая М. нельзя не замѣтить вліянія Диккенсова, частію Гоголева и вообще анализа современной школы, смягченнаго однакожъ новѣйшимъ ея направленіемъ, гораздо болѣе эстетическимъ, болѣе близкимъ къ истиннымъ началамъ искусства, нежели прежде, въ былые, опрометчивые годы. Но главное, повторяемъ, дѣло въ томъ, что г. Николай М., въ романической формѣ, описываетъ собственное «дѣтство», такъ и называя себя *Николашей М.* Стало-быть, герой разсказа—самъ авторъ непосредственно,—тѣмъ интереснѣе, тѣмъ привлекательнѣе для публики, хотя онъ доселѣ и вовсе не былъ извѣстенъ ей, собственно этими «Воспоминаніями» своего «дѣтства» выступая на литературное поприще и снискивая право на ея вниманіе или благосклонность...

«Воспоминанія» дѣлятся на два, связанные, впрочемъ, между-собою разсказа: *Яковъ Яковлевичъ* и *Ульяна Терентьевна*. Время дѣйствія обоихъ, какъ значится на первой страницѣ, относится за полвѣка предъ симъ (если это не мистификація, то авторъ долженъ быть очень не молодъ теперь, при появленіи въ свѣтъ перваго своего литературнаго опыта). Яковъ Яковлевичъ — старинный школьный учитель, добрѣйшее, благороднѣйшее существо, но невообразимый чудакъ, удивительнѣйшій оригиналъ. — «Ничего подобнаго не увидишь этой осторожно касающейся земли фигуры (т. е., не увидишь ничего подобнаго этой и т. д.), въ неизносимой зеленой байковой шинели, въ ботфортахъ, колошахъ и шляпѣ» (стран. 32), изъ коихъ ботфорты покрыты множествомъ заплатокъ, колоши прикрѣпляются къ ботфортамъ веревочками и въ комнатѣ не снимаются, а въ шляпѣ—отверстія, залитыя чернымъ сургучемъ... отъ бѣдности? спросите вы. Нѣтъ, частью отъ скупости, частью отъ необъяснимаго чудачества. У Якова Яковлевича очень хорошее состояньице, тщательно имъ скрываемое, не вѣсть для чего, и онъ живетъ скрягою, одѣвается шутомъ, надъ которымъ всѣ смѣются, котораго всѣ дразнятъ. Фигура забавная, особенно въ школѣ, гдѣ учениковъ своихъ Яковъ Яковлевичъ называетъ то *молодцами*, то *капустяными червяками*, обыкновенно открывая ариѳметическую лекцію свою слѣдующимъ торжественнымъ возгласомъ: «Молодцы! остановитесь и послушайте учительскаго объясненія!» (стран. 4) На этой и подобныхъ странныхъ фразахъ вертится почти весь юморъ или комизмъ разсказа.

Въ чемъ же состоитъ — желаете знать — его басня, интрига или

драма? Прекурьёзная вещь! Любимый ученикъ Якова Яковлевича, милый и добрый Николаша, нечаянно сосваталъ своего почтеннаго, сѣдовласаго или безвласаго наставника на прехорошенькой и молоденькой дѣвушкѣ, которая душевно полюбила чудака за его отмѣнную доброту, и рѣшилась выйти за него, тогда какъ у нея былъ молодой, красивый женихъ, влюбленный въ нее безъ памяти и ей самой нравившійся!!!... Но бракъ престарѣлаго Якова Яковлевича съ этой великодушною дѣвицей, къ утѣшенію здраваго смысла, не состоялся, по случаю внезапной кончины злополучнаго оригинала: голова его не выдержала нежданнаго, негаданнаго счастья...

Подробности этого разсказа не лишены занимательности; основаніе же его и особенно роль въ немъ малолѣтнаго свата, — нѣсколько эксцентричны. Но это, какъ утверждаетъ заглавіе, не вымыселъ, а *воспоминаніе* — и баста! Всякая критика безмолвствуетъ передъ свидѣтельствомъ истины, сколько бы ни была она неправдоподобна и казусна. Критика можетъ только замѣтить, что авторъ, въ извѣстной степени владѣющій ловкостью разсказа, не всегда заботится о правильности и окончательной отдѣлкѣ его. Выше мы уже видѣли примѣръ неумѣстной разстановки словъ; вотъ еще другой: «Послѣ я узналъ прямую и главнѣйшую причину расположенія къ суворовскому солдату Марфуши и щедрости къ нему Якова Яковлевича» (стран. 34). По грамматикѣ и логикѣ строки эти слѣдовало бы измѣнить такъ... «причину расположенія Марфуши и щедрости Якова Яковлевича къ суворовскому солдату». Въ другихъ случаяхъ авторъ не заботится устранять повторенія сходныхъ выраженій, какъ напримѣръ на страницѣ 10-й: «отворенная дверь послужила для меня такимъ *убѣжищемъ*, куда Яковъ Яковлевичъ не рѣшился за мной *бѣжать*»...

А между-тѣмъ, въ романахъ и повѣстяхъ правильность, изящество слога составляютъ бо́льшую половину успѣха. Самая малоудачность вымысла, незанимательность или неправдоподобіе самаго содержанія какъ-бы изчезаютъ подъ перомъ искуснымъ и опытнымъ въ оборотахъ мысли и фразъ, при обдуманномъ, мастерскомъ изложеніи. Послѣ Карамзинскаго періода у насъ перехитрили. «Мыслей! мыслей давайте намъ, господа!» важно кричала критика—и всѣ стали *мыслить*, дурно, однакожъ, выражая свои мысли, да и мысли-то, бо́льшею-частью, выходили такія блѣдненькія, бѣдненькія, ничтожныя!

«Исторія Ульяны Терентьевны» (точно *исторія*!) значительно многосложнѣе быстрой и рѣшительной катастрофы съ достопочтеннымъ Яковомъ Яковлевичемъ, порядкомъ запутана, отчасти сомнительна и таинственна, а главное — безъ начала и безъ конца, которые обѣ-

щаютъ *никогда* въ отдѣльномъ сочиненіи, покорнѣйше прося довольствоваться, на первый случай, предлагаемой серединой, поколику въ ней, впредь до обѣщаемаго исполненія, обрѣтается смысла, занимательности и поэзіи...

До поступленія въ городскую школу, гдѣ незабвенный Яковъ Яковлевичъ говаривалъ: «Остановитесь, молодцы, и послушайте учительскаго объясненія, капустяные червяки!», до поступленія въ эту школу, герой обѣихъ повѣстей, все тотъ-же милый Николаша, возрасталъ въ деревнѣ отца своего, зажиточнаго помѣщика, Карпа Ивановича М., «въ страшной глуши, въ одной изъ отдаленныхъ отъ столицъ губерній», говоритъ авторъ.— «Случилось какъ-то такъ, что на пятьдесятъ верстъ кругомъ нашей деревни не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ-бы знакомъ съ жизнію большихъ городовъ и перенесъ бы ея отраженіе въ свой уголокъ. Я долго не видалъ ничего похожаго на англійскій комфортъ, на французскую роскошь и даже на нѣмецкую опрятность, ни у себя въ домѣ, ни въ околоткѣ. Сосѣди моего отца были прямые потомки тѣхъ господъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность танцовать минуэтъ. Они какъ-будто еще только вчера обрили бороды и скинули патріархальную старинную одежду. Добрый народъ былъ, но мало образованный, скучный, и слѣдовательно такой, между которымъ я не хотѣлъ бы въ другой разъ поселиться. Отецъ мой, знавшій четыре правила ариѳметики и всего Державина наизустъ, былъ между сосѣдями Аристотелемъ. Но не къ тому рѣчь. Рѣчь къ тому, что въ околоткѣ вдругъ заговорили о какой-то Ульянѣ Терентьевнѣ, или, лучше сказать, о томъ, какъ помѣщикъ Дубининъ продалъ Ульянѣ Терентьевнѣ часть своего имѣнія... Трудно дать себѣ отчетъ, почему въ воображеніи дѣтей одно имя человѣка поселяетъ множество представленій» (стр. 1—2*).

Вы, можетъ-быть, полагаете, что женщина, которую звали Ульяной Терентьевной, была существо самое непоэтическое? О, совершенно напротивъ! Имена нерѣдко бываютъ далеко несоотвѣтственны характерамъ, или, пожалуй, личности, какъ нынче выражаются; да сверхъ-того новѣйшіе наши повѣствователи убѣждены, кажется, что чѣмъ проще, или даже простонароднѣе назвать героя или героиню разсказа, тѣмъ будетъ естественнѣе.

«Мнѣ казалось», продолжаетъ авторъ, «что Ульяна Терентьевна непремѣнно должна быть въ темномъ клѣтчатомъ платьѣ, которое сильно

* Каждая повѣсть имѣетъ особую нумерацію страницъ, вѣроятно потому, что обѣ были напечатаны въ журналѣ въ разное время.

шелеститъ, когда она идетъ или опускается въ кресла; что на ногахъ у нея новые, слегка скрипящіе башмаки; что у нея въ рукахъ связка хорошенькихъ ключей, которыми она часто отпираетъ то одну, то другую шкатулку и безпрестанно побрякиваетъ; что у нея громкій, но не пискливый и не басистый голосъ, немного дребезжащій, но очень пріятный, и что Дубининъ не продалъ бы ей земли, еслибъ у нея не было такого голоса. Удивительныя вещи развивало въ дѣтствѣ мое воображеніе изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ. Все, что я слышалъ, облекалось для меня въ картины; часто одно слово становилось для меня завязкою цѣлой исторіи; довольно мнѣ было провести одну черту въ характерѣ человѣка, уже я самъ себѣ его дорисовывалъ. Но ничто, никогда до такой степени не занимало меня, какъ Ульяна Терентьевна. Она, можно сказать, съ перваго звука своего имени (т. е. имени своего) была уже для меня лицомъ охарактеризованнымъ» (стран. 2).

И воспріимчивое воображеніе Николаши съ изумительною точностью и подробностью угадало всѣ особенности Ульяны Терентьевны, отъ дребезжащаго голоса до скрипящихъ башмаковъ, или какъ говорится, отъ шеи до пятокъ. Но долго онъ томился пламеннымъ желаніемъ быть ей представленнымъ, увидѣть ея заново перестроенную усадьбу, войти въ ея домъ, со вкусомъ и комфортабельно убранный, узнать лично идеалъ, созданный его волшебной фантазіей. — «И еслибы я въ-самомъ-дѣлѣ», поясняетъ онъ, «замѣтилъ вдали что-нибудь похожее на предметъ моихъ ожиданій, мнѣ кажется, я бы побѣжалъ навстрѣчу, я бы остановилъ лошадей и наговорилъ Ульянѣ Терентьевнѣ тысячу нѣжностей. Въ *сознаніи моей личности я чувствовалъ себя равнымъ ей* (личности?) *Я казался самъ себѣ такимъ привлекательнымъ мальчикомъ, я такъ любилъ себя, что мнѣ и въ голову не приходило, какъ могутъ быть равнодушны ко мнѣ другіе.* Міръ представлялся мнѣ свѣтлою духовною областью, въ которой все родное, все одинаково прекрасное тотчасъ взаимно чуетъ себя и спѣшитъ сблизиться. Душа моя (т. е. душа ребенка) была тогда открыта довѣрчиво любви и дружбѣ (любовь и дружба тринадцатилѣтняго мальчика!), какъ цвѣтокъ солнечному сіянію. Я не *вѣдалъ* тогда этой тягостной осторожности, которая связываетъ намъ языкъ въ самомъ восторженномъ нашемъ состояніи; я не умѣлъ покрываться спокойною оболочкою; я не зналъ еще, что притворство въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми есть не послѣднее условіе нашего спокойствія и безопасности: я былъ тогда весь дружба, весь откровенность. Боже, какъ я непохожъ теперь на того цвѣтущаго всѣми своими силами ре-

бенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе!» (Стран. 7.)

Когда, наконецъ, Николаша и Ульяна Терентьевна встрѣтились (и встрѣтились такъ поэтически, на дорогѣ), послѣдняя равномѣрно пришла въ восхищеніе отъ этого прелестнаго малютки, отняла его у отца, который везъ Николашу изъ города домой, на вакаціи, и между ними произошелъ слѣдующій интересный разговоръ:

— Да, Ульяна Терентьевна, *сказалъ* Николаша, вы часто снились мнѣ во снѣ, и никогда еще никто не *жаждалъ* такъ видѣть васъ, какъ я.

— Да *былъ* ли ты увѣренъ, что я тебѣ понравлюсь? *сказала* она, засмѣявшись, и смѣхъ ея *былъ* необыкновенно пріятенъ.

— Увѣренъ? отвѣчалъ Николаша: да мнѣ никогда и въ голову не приходило, чтобъ вы были не тѣмъ, чѣмъ я воображалъ васъ.

— А чѣмъ же ты воображалъ меня?

— Я воображалъ васъ такою женщиною, какой я никогда еще не видѣлъ.

— Что-жъ это значитъ?

— Это значитъ, что у васъ все лучше другихъ, и рѣчь, и жизнь, и обращеніе съ людьми, — однимъ-словомъ все.

— Боже мой! сказала Ульяна Терентьевна: да ты разсуждаешь какъ старикъ. Который тебѣ годъ?

— Четырнадцатый, отвѣчалъ Николаша, «а въ-самомъ-дѣлѣ, прибавляетъ онъ, я не зналъ, сколько оставилъ позади себя лѣтъ, и очень рѣдко объ этомъ думалъ».

— Такъ я не ошибся? не правда-ли? спросилъ потомъ Николаша, глядя въ глаза Ульянѣ Терентьевнѣ. Вѣдь у васъ все лучше другихъ? Я видѣлъ вашу усадьбу. Боже мой! какою чудною женщиною вы мнѣ тогда представились. Вѣдь вы купили дикое мѣсто и сдѣлали изъ него такую картину. Нѣтъ, я не ошибся въ васъ!

— А какъ ты думаешь, милый философъ мой: счастлива ли я?

Это лишь отрывочекъ изъ продолжительнаго «интимнаго» объясненія между дамою среднихъ лѣтъ и тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, которое читатель можетъ найти вполнѣ на страницахъ 19—27 разсматриваемой повѣсти. Безспорно, бываютъ умные мальчики... намъ самимъ довелось когда-то, очень давно, лѣтъ около двадцати тому, разсказать въ одномъ журналѣ исторію ранней любви; но философствовать-то зачѣмъ въ дѣтскомъ почти возрастѣ?

Смѣшонъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный!

Бесѣдуя такимъ-образомъ, Ульяна Терентьевна привозитъ своего маленькаго дружка къ себѣ въ Каратаевку, гдѣ онъ, съ согласія отца, разумѣется, долженъ прогостить у нея всѣ вакаціи. Первою мѣрою перевоспитанія мальчика, за которое взялась эта новая Минерва, если не Калипса, было переодѣть Николашу... Въ затѣйливомъ нарядѣ представляетъ его Ульяна Терентьевна своимъ домашнимъ, какой-то Наденькѣ и какому-то Сенѣ, состоящимъ въ какомъ-то неопредѣленномъ родствѣ или семейномъ соотношеніи съ хозяйкою. По словамъ автора Наденька «*сидѣла между двухъ свѣчъ*, и на лицѣ ея какъ будто не было никакой тѣни». «По-крайней-мѣрѣ, продолжаетъ онъ, *внутри у меня* было такъ ясно, что все представлялось мнѣ въ видѣ свѣтлыхъ созданій фантазіи. Надинька была вся въ бѣломъ и очень походила на Ульяну Терентьевну; только черты ея были, такъ-сказать, *стушованы*... Сеня сидѣлъ спиною къ зеркалу, а въ зеркалѣ видѣнъ былъ я и за мной Ульяна Терентьевна, которой бѣлая рука *покоилась* на моемъ плечѣ. Я взглянулъ (въ зеркало, вѣроятно) и самъ удивился, какой я былъ хорошенькій мальчикъ, въ малиновой курткѣ и въ бѣлыхъ воротничкахъ. Ульяна Терентьевна какъ-будто *осѣнила* меня *свѣтомъ* красоты своей.» (стр. 30—31) Бойкій, смѣлый Николаша такъ же быстро знакомится и съ домашними Ульяны Терентьевны, мгновенно пріобрѣтаетъ благорасположеніе усатаго Сени и кокетливой Наденьки, которая, въ выраженіе своего удовольствія, называетъ Николашу, «милымъ барашкомъ, хорошенькимъ кудлашкой, прелестной мопочкой» (стр. 34). За чаемъ Николаша превосходно декламируетъ «Эолову арфу», Жуковскаго, и когда доходитъ до изображенія «младой Минваны», то внимательно созерцаетъ Наденьку «какъ-будто *ища* въ ней красокъ для поэзіи» (37), за что Наденька цѣлуетъ его «отъ всей души»... Съ наступленіемъ ночи для Николаши приготовили постель въ залѣ, на кушеткѣ, «которая, прибавляетъ герой разсказа, какъ-будто была сдѣлана по моему росту. Ульяна Терентьевна велѣла мнѣ тотчасъ раздѣваться и спать; потомъ прижала къ груди мою голову, нѣжно поцѣловала меня, наказала мнѣ не позабыть погасить свѣчу, и удалилась, пріятно шелестя платьемъ и слегка скрипя башмаками... Долго я спалъ или коротко, не знаю, только меня вдругъ разбудилъ голосъ Наденьки. Я очень ясно слышалъ, какъ она вскрикнула у меня за стѣною. Вслѣдъ за тѣмъ хлопнула дверь, щелкнулъ ключъ въ замкѣ, и все опять утихло. Я былъ сильно этимъ встревоженъ. Въ голосѣ Наденьки не было и тѣни веселости, которая оживляла каждое ея слово. Напротивъ, въ немъ высажалось страшное негодованіе, къ какому я не считалъ ее даже способною» (39, 41). Безъ сомнѣнія, впечатлительному ребенку пригрези-

лось, ему же въ ту ночь снилась разная небывальщина; по-крайней-мѣрѣ, странное обстоятельство это остается необъяснимымъ до конца повѣсти, и объяснится развѣ въ обѣщаемомъ продолженіи...

Далѣе разсказывается, какъ Ульяна Терентьевна давала Николашѣ уроки въ греческой исторіи, и какъ Наденька симпатически играла на фортепіано «*подмывающими* сердце нотами» (60). Пылкій мальчикъ до такой степени очаровался Наденькой, что Катя, то-есть дѣвушка, на которой хотѣлъ жениться старикашка Яковъ Яковлевичъ, «должна была», говоритъ онъ, «остаться на заднемъ планѣ въ моемъ сердцѣ» (65)... «я былъ *огреченъ* совершенно, и съ этого времени уже все эллинское начало интересовать меня живѣйшимъ образомъ» (66)... «я очень жалѣлъ, что такъ молодъ, а то бы я рѣшился, за неимѣніемъ лучшаго мужа, предложить Наденькѣ мою руку» (69). Все это и многое тому подобное, въ этой невѣроятной повѣсти, очень забавно...

Сеня и Наденька сначала какъ будто-бы походятъ на жениха и невѣсту, но читатель скоро разувѣряется: для «возвышенной» натуры Наденьки не годится Сеня, любящій плотно покушать, вдоволь поохотиться, далеко не склонный къ обаяніямъ искусства или науки; его *огречить* невозможно, и онъ, простодушный, находитъ подругу по себѣ — дочь Дубинина, которую Наденька зло критикуетъ, конечно, если не изъ ревности, то съ маленькой досады за оказанное другой предпочтеніе. Дочь Дубинина не глупа, однакожъ не мечтательница: она меньше восхищается цвѣтами и вообще роскошною усадьбою Ульяны Терентьевны, нежели строевымъ лѣсомъ, пахатною землею, сѣнокосомъ и другими угодьями, принадлежащими Сенѣ... она себѣ на умѣ: всѣ эти доходныя угодья будутъ ея собственностью, вмѣстѣ съ красивымъ, добрымъ супругомъ...

Волею, неволею соглашается Ульяна Терентьевна на этотъ бракъ, разрушающій давнюю ея мечту, сочетаніе Сени съ Наденькой, потому-что Сеня тоже ея любимецъ и питомецъ, какъ узнаётъ читатель изъ слѣдующаго разговора между Ульяной Терентьевной и Николашей.

— Онъ былъ жалкимъ, заброшеннымъ мальчишкой, воспитанникомъ лакеевъ, которые составляли всегдашнее его общество. Я рѣшилась обратить этого мальчика въ человѣка, и это стоило мнѣ большихъ трудовъ и самоотверженія; но за то я въ первый разъ испытала чувство нѣжной привязанности. Все, что въ этомъ мальчикѣ показывалось добраго, всякое его знаніе, всякое правило поведенія,—все это было мое. Я полюбила его нѣжно, какъ мать, и до сихъ-поръ такъ люблю его.

— Я удивляюсь, что вы могли полюбить сына Богъ знаетъ чьего? важно возразилъ Николаша.

— Какое мнѣ до того дѣло, чей онъ сынъ? Я родила его въ глубинѣ моего сердца, я создала его вновь, создала изъ ничего; онъ мой, потому-что безъ меня онъ не былъ бы самимъ собою. Развѣ я тебѣ мать или родственница? однакоже ты въ одни сутки сдѣлался мнѣ ближе всѣхъ.

— И самой Наденьки?

— И самой Наденьки; потому-что она—*исполненіе*, а ты—*возможность;* а во сколько разъ возможность выше исполненія? во столько, во сколько *безконечное* выше *конечнаго* (стр. 75)...

Вотъ какимъ туманнымъ, мнимо-ученымъ языкомъ, особенно замѣчательнымъ въ устахъ женскихъ, объяснялась Ульяна Терентьевна съ своимъ новымъ воспитанникомъ, тринадцатилѣтнимъ Телемакомъ. Отъ ней же, безъ сомнѣнія, и выспренняя Наденька переняла подобный способъ выраженія, возгласивъ однажды, что «близкость и далекость знакомства не зависятъ ни отъ *времени*, ни отъ *пространства*» (79).

Но кто же сама эта велемудрая обладательница Каратаевки, которую авторъ старается представить образцомъ всѣхъ женскихъ добродѣтелей и совершенствъ? Довольно подробный, хотя и мало удовлетворительный отвѣтъ читатель обрѣтетъ на страницахъ 72—75, и опять таки въ «интимной» бесѣдѣ ея съ Николашей, которому она повѣряетъ свои «жалобы на судьбу». Въ одинъ вечеръ Ульяна Терентьевна вошла въ комнату къ своему питомцу... Нѣтъ, пусть лучше онъ лично разскажетъ... «Войдя ко мнѣ, она поставила на столикъ, у моего изголовья, свѣчу, и опустилась колѣнями на коверъ, передъ моей кушеткой, *облокотясь* на мою постель *локтями* (ужъ если сказано, что *облокотилась*, то не для чего прибавлять *локтями*), поддерживая обѣими ладонями свою голову и прямо глядя мнѣ въ глаза. Зачѣмъ она избрала такую *позицію?* Право, мнѣ кажется, что ей въ это время хотѣлось быть маленькой дѣвочкой, моей ровесницей...»

Въ этой-то *позиціи* Ульяна Терентьевна разсказала Николашѣ, что она «никогда не была въ ладу со своимъ мужемъ», что ее будто бы не любили родители, кровные отецъ и мать; что мужъ ея былъ старикъ, человѣкъ *благоразумный* и *спокойный*» (чего же болѣе?), и она надѣялась, что онъ будетъ ее «любить и беречь какъ дочь», но что «вышло напротивъ», и она была «жестоко и безпрестанно оскорбляема»— и т. п., во вкусѣ потерявшихъ кредитъ французскихъ романовъ.

Николаша, ничего, всеконечно, не взявши въ толкъ, прочиталъ своей покровительницѣ какой-то «*панегирикъ*». «Не перемѣняя своего положенія, она наклонила впередъ голову и сдѣлала губами движеніе, *что* хочетъ поцѣловать меня, и я — говоритъ Николаша — поцѣловалъ

ее такъ, какъ будто моя меньшая сестра пришла пожелать мнѣ спокойной ночи» (76)... «Отчегожъ именно теперь ей нужно было *пожаловаться мнѣ на судьбу свою* (курсивъ въ подлинникѣ)? спрашивалъ я самъ себя, когда она, поправивъ на мнѣ одѣяло, удалилась, *прекрасно* скрипя башмаками». Въ заключеніе этой оригинальной сцены, Николаша «уснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ, какимъ никогда не засыпаетъ юноша, волнуемый любовью, или поэтическими грезами, и какимъ никогда не спитъ человѣкъ въ среднихъ лѣтахъ, когда онъ позади видитъ несбывшіяся надежды, впереди безсиліе, а въ настоящемъ чувствуетъ только вычетъ изъ жизни» (77). Послѣднія строки умны, потому-что вѣрны, и подобныхъ дѣльныхъ замѣтокъ въ книгѣ попадается не мало, изъ чего слѣдуетъ заключать, что за Николашу часто думаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ не ребенокъ, а человѣкъ взрослый, смѣшавшій свои дѣтскія и настоящія понятія, что и произвело въ разсказѣ слишкомъ видимые читателю анахронизмы и несообразности; другими словами, къ *воспоминаніямъ* своего *дѣтства* авторъ, не довольно искусно, присоединилъ вымыселъ, невѣроятный въ сущности и очень неловкій въ исполненіи.

Длинно было бы разсказывать другія бесѣды Ульяны Терентьевны, Наденьки и Николаши. Вторая съ тѣхъ поръ, какъ потеряла жениха, Сеню, впала въ какую-то мрачную философію и увѣряетъ свою *тётю*, что Марья Антоновна, то-есть мамзель Дубинина, новая его невѣста, «получила въ наслѣдство отъ отца всю его грубость, всю эту *тенденцію* къ *веществу* и *апатію* къ тому, что собственно составляетъ *человѣка*; но что она, Наденька, отнюдь не эгоистка, потому-что не «*замкнута* въ самой себѣ» (стр. 90).

Трудно было, въ этомъ ученомъ домѣ, не заразиться странностью выраженія и бѣдненькому Николашѣ, который о родномъ отцѣ своемъ говоритъ: «батюшка былъ очень *приличный* и даже красивый мужчина» (91)... *Приличный* мужчина!!!.. Перетонили вы, господа, вашею *разговорностью* и *натуральностью* слога!.. На слѣдующихъ страницахъ можно встрѣтить, между прочимъ, и «крынки для молока изъ можжевеловаго дерева» (94), и «мастера на деревянныя работы» (95), недоумѣвая, что это за молоко изъ можжевельника, и какіе это деревянныя работы, о чемъ и не было бы вопроса, еслибъ автору угодно было просто сказать по-русски: «крынки изъ можжевеловаго дерева для молока» и «работы изъ дерева»...

«Исторія Ульяны Терентьевны» заключается покамѣсть тѣмъ, что Дубининъ, выдавъ дочь за Сеню, выживаетъ Калипсу нашу изъ ея украшенной и раскрашенной Каратаевки и, на какихъ-то неудобопонят-

ныхъ основаніяхъ, пускаетъ ученую госпожу чуть не по міру, съ ея «замкнутою въ самой себѣ» Наденькою. Прекрасныя особы эти спасаются отъ голодной смерти только преданностью вѣрнаго слуги, садовника, нѣмца Готфрида, который, умирая медленной чахоткою, краснорѣчивѣйше признается въ любви къ Ульянѣ Терентьевнѣ и завѣщаетъ ей *двадцать тысячъ рублей серебромъ*, увѣсистый плодъ его долговременныхъ трудовъ, бережливости и остатковъ отъ щедраго жалованья. Чудеса!

Сеня и Дубининъ съ дочерью — созданія живыя, удавшіяся автору; но что́ касается Ульяны Терентьевны, Наденьки, Николаши и садовника Готфрида, который почивалъ лѣтомъ въ какой-то висячей комнаткѣ, устроенной между деревьями сада, и безпрестанно бредилъ Шиллеромъ, едва ли его понимая, то это лица, невозможныя въ дѣйствительности, какъ и вся «исторія Ульяны Терентьевны, похожая на безсвязныя, нелогическія видѣнія сна, изчезающія въ первую минуту пробужденія и яснаго бодрствованія. Призраки, или невѣрныя дѣтища разгоряченной фантазіи не могутъ относиться къ несомнѣннымъ «воспоминаніямъ», и должно наконецъ придти къ заключенію, что это не автобіографія настоящая, а подражаніе модной теперь въ Европѣ формѣ романическихъ разсказовъ... но съ этой формой надобно обращаться очень осторожно, чтобы не выходило невѣроятной сказки изъ того, что́ хотимъ выдать за сущую быль...

Что́ сказать объ историческомъ романѣ г. Николая М., и вообще объ историческомъ романѣ въ наше время, когда онъ вышелъ изъ моды и появляется очень рѣдко? Этотъ родъ сочиненій, несмотря на свое странное сочетаніе дѣйствительно-происходившаго съ вымышленнымъ, — подъ рукою первокласныхъ художниковъ, каковы Вальтеръ-Скоттъ, Куперъ, графъ Альфредъ-де-Виньи, безспорно, можетъ возвыситься до степени произведеній истинно-прекрасныхъ и занимательныхъ. Самый упадокъ его въ новѣйшее время произошелъ не отъ трудности-ли условій выполненія, требующаго, во-первыхъ, точнаго и, если возможно, даже личнаго, непосредственнаго изученія *мѣстности* страны, избираемой для повѣствованія; во-вторыхъ, полнаго, подробнаго знанія исторической *эпохи*, къ которой повѣствованіе относится, не только въ отношеніи ея событій, ихъ виновниковъ или представителей, но и въ отношеніи къ духу или характеру и отличительнымъ ея свойствамъ; и, въ-третьихъ, *творчества*, которое оживило бы давно-минувшее силою поэтическаго вдохновенія, и при неистощимой занимательности разсказа, придало бы вѣроятіе, истину вымышленной части, искусно соеди-

ненной съ историческою? Немногіе, подобно автору Веверлея, удовлетворяли совершенно этимъ и еще другимъ, неисчисляемымъ здѣсь условіямъ. Ни геніальный Гюго, въ своихъ Ганѣ-Исландцѣ, Бюгъ-Жаргалѣ и Notre-Dame de Paris; ни итальянецъ Манзони, мастеръ рисовать картины нѣжныя и страстныя, ни умные и даровитые нѣмцы: Шпиндлеръ, Герингъ, Мейснеръ, съ своею увлекательною впрочемъ «Біанкой-Капеллою», рыцарскій Фанъ-деръ-Фельде, Цшокке, пытавшійся слить съ исторіей фантастическую идиллію, Вейтъ-Веберъ, изображавшій суровыя времена феодализма,—всѣ они не могли достаточно приблизиться къ достоинствамъ британскаго романиста, подъ перомъ котораго чудесно воскресали протекшія столѣтія, съ ихъ обычаями, вѣрованіями, заблужденіями, предразсудками, который одинаково заботился и объ описаніяхъ внутренняго быта, и о представленіяхъ внѣшнихъ (костюмы, архитектура, мебель, убранство — современныя взятой эпохѣ).

— Во всѣхъ европейскихъ литературахъ остались слѣды подражанія Вальтеръ-Скотту, болѣе или менѣе самостоятельнаго, болѣе или менѣе удачнаго, и у насъ на этомъ поприщѣ снискали себѣ общую извѣстность нѣсколько писателей...

Въ новѣйшіе годы, если исключить довольно слабое произведеніе покойнаго Загоскина: «Русскіе въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія», у насъ не показывалось ни одного мало-мальски сноснаго историческаго романа, и поэтому критика не должна ни пройти молчаніемъ, ни слишкомъ строго осудить первый въ томъ же родѣ опытъ новаго писателя, хотя и не очень удачный, однакожъ добросовѣстный и видимо-старательный...

Г. Николай М. избралъ эпоху и событія, издавна питающія воображеніе и любознательность повѣствователей — исходъ царствованія Бориса Годунова, или появленіе Лжедимитрія, и потому сталкивается съ соперниками болѣе счастливыми—но не на одной, въ буквальномъ смыслѣ, *дорогѣ:* онъ предпочелъ *мѣстность* менѣе извѣстную, вышивая свои фантастическо-историческіе узоры на берегахъ Десны, въ пустыняхъ *Сѣверіи, Сѣверной земли,* или *Литовской Украйны,* какъ называлась тогда область, заключавшаяся въ предѣлахъ нынѣшней Черниговской и частью Курской и Орловской губерній. Она служила пограничьемъ московскаго государства со стороны Литвы, и населялась малороссами, бѣлорусцами, станичными казаками, выходцами изъ внутреннихъ городовъ, разнымъ сбродомъ, между-прочимъ людьми, ускользнувшими отъ заслуженныхъ наказаній, непокорными холопьями, бѣжавшими отъ господъ своихъ, бродягами разнаго рода, грабителями и полуразбойниками. Та-

кое разнохарактерное, кочевое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воинственное населеніе Сѣверіи значительно способствовало къ поддержанію и развитію смутъ, порожденныхъ съ первою въ народѣ вѣстію, будто-бы живъ сынъ царя Іоанна IV и идетъ съ войскомъ отнять у Годунова похищенный имъ престолъ... Это поле, ткань, или канва романа...

По старинному заведенію, онъ открывается двумя путниками, или вершниками, въ осенній вечеръ пробирающимися темнымъ лѣсомъ. То были возвращавшіеся изъ чужеземщины, герой романа, Алексѣй Одноrогъ, «одинъ изъ осьмнадцати молодыхъ людей, отправленныхъ царемъ Борисомъ въ нѣмецкія земли, для науки всему полезному. На щекахъ его игралъ здоровый румянецъ, потемнѣвшій отъ южнаго солнца; пріятно *очертанныя* губы оживлены были почти всегда легкою улыбкою... ни его *слабо-голубые*, почти сѣрые глаза, ни носъ, *очертанный* грубовато, ни лобъ, довольно низкій и гладкій, безъ *живописныхъ* выпуклостей, ничто (у него) не создано было какъ у красавцевъ» (стр. 5—7). Рядомъ съ нимъ ѣхалъ старый слуга, дядька и конюхъ его, *Добрыня*, трусъ, вовсе непохожій на своего сказочнаго тёску. Они, разумѣется, разговариваютъ путемъ-дорогою...

«*Но*, чу? что это?» восклицаетъ вдругъ новый Пансо, перемѣнясь въ лицѣ.

— Чего ты испугался? спрашиваетъ новый Донъ-Кихотъ. Это пѣсня...

— *Да* пѣсня—то, я слышу, *да* напѣвъ какой! словно сова завываетъ!

«Изъ глубины лѣса (,) съ лѣвой стороны, кто-то звонкимъ и дикимъ голосомъ пропѣлъ, или, лучше сказать, прокричалъ что-то похожее на пѣсню:

Гой, ты боръ-борина!

«Эхо звучно пошло по высокимъ деревьямъ, на которыхъ мало оставалось листьевъ, и когда умолкнуло, съ правой стороны другой голосъ отвѣчалъ:

Ты, чужая сторона!

— Господи! проговорилъ тихо Добрыня: — сердце такъ и заходило: быть бѣдѣ!

— Эхъ, ты, Добрыня! сказалъ Алексѣй: — порочишь только богатырское имя!

— Слушай, слушай! шепталъ тотъ, весь въ трепетѣ.

«Съ лѣвой стороны лѣса понесся новый стихъ пѣсни:

Пріюти ты молодца,

«и въ отвѣтъ ему съ лѣвой:

Безъ матери, безъ отца.

«На этотъ разъ голоса послышались явственнѣе. Ихъ выраженіе неизвѣстно какимъ показалось Алексѣю, но Добрыня охотнѣе услышалъ бы въ полночь на кладбищѣ голоса покойниковъ, когда они, какъ онъ, бывало, самъ разсказывалъ, качаются при свѣтѣ мѣсяца... Было, однакожъ, поздно бѣжать, потому-что голоса раздались впереди очень близко:

Ты, тоска-кручина, прочь!
Разгуляйся, молодецъ!

«И въ нѣсколькихъ шагахъ показалось съ обѣихъ сторонъ на дорогѣ по человѣческой фигурѣ: одна, на конѣ, другая, какъ говорилось въ старину, сама о себѣ» (стр. 11—12). Фигуры страшныя! Одна—вооруженный великанъ «съ черною окладистою бородою»; другая—худощавая, одноглазая, рыжебородая, «со взглядомъ сѣверскаго медвѣдя» и почти безъ одежды...

Послѣ этой сцены, представленной здѣсь въ отрывкѣ и лучшей въ романѣ, читатель ожидаетъ цѣлаго ряда заманчивыхъ мрачно-лѣсныхъ сценъ, встрѣчъ, приключеній съ двумя путниками,—и нѣсколько ошибается... Ночныя сцены, встрѣчи, приключенія съ разными «сѣверскими» бродягами, шайками и партіями, вызванными междуусобицей приверженцевъ Бориса и тѣхъ, которые приняли сторону Самозванца, въ-слѣдствіе ошибочнаго убѣжденія или изъ видовъ поживы, длятся безпрерывно на двухъ-стахъ страницахъ романа; но эпитетъ «заманчивыхъ» можетъ быть приложенъ далеко не ко всѣмъ. Похожденія «Алексѣя Однорога» и «Добрыни» довольно однообразны и нерѣдко скучноваты въ чтеніи. Сначала вершники наши увлечены обманомъ въ тайный пріютъ атамана одной изъ подобныхъ шаекъ, какого-то ловкаго и отважнаго пройдохи «Мулюхи» (онъ-то и есть великанъ), который стоитъ за Лжедмитрія, а пуще всего за собственную корысть. Выдавая себя воеводой, онъ напрасно старается склонить на свою сторону Алексѣя Однорога, успѣвающаго ускользнуть отъ него и попадающаго къ нѣкоему «Проклу Проклычу», стодесятилѣтнему старцу, у котораго на 99-мъ году выпали всѣ зубы и потомъ выросли новые (см. стран. 71), и

который, согласно своему патріархальному возрасту, выражается преважно, славянско-книжнымъ языкомъ. У этого Прокла Проклыча, герой нашъ случайно видитъ отъѣздъ неизвѣстно гдѣ бывшей таинственной и прелестной «незнакомки», всеконечно, его обворожающей, и потомъ неожиданно обрѣтаетъ тутъ-же, въ Сѣверіи, своего отца, боярина, безвинно попавшаго въ опалу, но вѣрнаго Годунову. Старый Однорогъ, учинивъ сыну надлежащее испытаніе, на тотъ счетъ, не повредился-ли онъ въ иноземщинѣ, и убѣдясь, что молодой человѣкъ не въ конецъ испорченъ, отверзаетъ ему свои родительскія объятія, а за тѣмъ немедленно отправляетъ его къ другому боярину, Берендѣю, съ которымъ, еще до отъѣзда Алексѣя за море, послѣдовало рукобитье касательно соединенія его и дочери Берендѣевой узами брака. Но у этого боярина ученый витязь нашъ встрѣчаетъ не тестинъ пріемъ—времена перемѣнились: бѣднаго юношу гонятъ со двора и хитро спроваживаютъ въ станъ Басманова; тамъ его сперва неласково принимаютъ воеводы Плещеевъ и князь Звенигородскій,—лица не дурно очерченныя, особенно князь, который все шепчетъ товарищу на ушко, съ таинственнымъ видомъ, и соглашается съ каждымъ послѣ перваго возраженія,—а потомъ представляютъ самому Басманову. Это было уже въ тѣ дни, когда Самозванецъ взялъ Черниговъ, Путивль, и все кругомъ Новгорода-Сѣверскаго было во власти мнимаго царевича. Двусмысленныя рѣчи, тонкіе намеки какъ-бы слышатся въ устахъ бойкаго военачальника, выжидающаго, кажется, рѣшительной минуты, чтобъ оставить дѣло несчастнаго Бориса, хотя, какъ и авторъ прибавляетъ, мысль объ измѣнѣ тогда еще не блуждала, можетъ-быть, въ умѣ Басманова. Что́ касается нашего безцвѣтнаго авантюриста, Алексѣя Однорога, Басмановъ не только не вѣритъ выдумкѣ Берендѣя, который извѣстилъ, будто бы дочь его внезапно исчезла, то-есть, похищена ея бывшимъ женихомъ, но даже беретъ въ немъ особенное участіе и обѣщаетъ выхлопотать отцу его прощеніе царское. Однорогъ, въ свою очередь, старается быть полезнымъ Басманову артиллерійскимъ искусствомъ, которое изучилъ въ иноземщинѣ, и удачнымъ дѣйствіемъ орудій разрушаетъ опасное гнѣздо Мулюхи. Вскорѣ Басмановъ и Однорогъ тѣсно сближаются, дружатся, хотя, повидимому, не важный ни характеромъ, ни значеніемъ, молодой человѣкъ едва ли пара умному, проницательному начальнику дружины. Тѣмъ не менѣе послѣдній, во-время извѣстнаго двухъ-недѣльнаго перемирія, возлагаетъ на своего пріятеля нешуточное порученіе—схватить Лжедмитрія, живаго или мертваго, не то известь его какимъ-то ни было способомъ. Герой нашъ съ восторгомъ берется за эту роль, и съ нѣсколькими сподручниками начинаетъ бродить по лѣ-

самъ, въ чаяніи встрѣтить и подстеречь Самозванца одного, на охотѣ... Сказано, сдѣлано. На ловца и звѣрь бѣжитъ... Надъ пропастью кто-то борется съ медвѣдемъ, погибаетъ въ когтяхъ его. Сострадательный Алексѣй спасаетъ, разумѣется, человѣка, который сперва оказывается лукаво притворившимся бортникомъ съ ближайшаго погоста, а потомъ—потомъ... самимъ Самозванцемъ—двукратно, значитъ, самозванцемъ. Противникъ Бориса окруженъ многочисленною свитою, но нашъ витязь этимъ не смущается и силится поразить человѣка, присвоившаго себѣ имя царевича... послѣдній великодушно вступается за того, кто хотѣлъ убить его, приближаетъ къ себѣ Однорога, ласкаетъ и честитъ всякимъ почетомъ своего врага и рьянаго приверженца Бориса, сватаетъ за Алексѣя дочь Берендѣеву (она же и «таинственная незнакомка»), наконецъ терпѣливо сноситъ дерзости этого храбреца, который за глаза и въ глаза называетъ его самозванцемъ, и все еще пребываетъ вѣренъ царю, хотя, обезоруженный милостями совмѣстника Годунова, какъ будто бы уже колеблется, сознавая необыкновенный умъ, таланты и образованіе Лжедмитрія....

Мы разсказывали по роману, не примѣшивая ни собственныхъ разсужденій, ни указаній чисто-историческихъ, и предоставляя самому читателю разсудить, въ какой мѣрѣ замысловата и занимательна вымышленная часть романа, искусно ли и незамѣтно сливается она съ дѣйствительными происшествіями. Вопросъ о занимательности его смѣло позволяетъ себѣ рѣшить самъ авторъ, говоря въ одномъ мѣстѣ: тутъ исторія приключеній Алексѣя Однорогв *получаетъ новую занимательность* (стран. 177). Не споря, мы охотно согласимся съ другимъ мѣстомъ (164), гдѣ авторъ говоритъ про своего героя, что Добрыня, «надо сказать правду, крѣпко надоѣлъ ему», своею глупою, часто неумѣстною преданностью, неотвязчивымъ усердіемъ и безтолковостью. Мнѣніе это совершенно раздѣлитъ и читатель, потому-что новый Пансо точно не можетъ похвалиться умомъ или смѣтливостью напарника Донъ-Кихотова, и вовсе не забавенъ, хотя и введенъ какъ лицо комическое. Намъ же пріятно заключить похвалою топографическимъ достоинствамъ книги: видно, что авторъ внимательно, а, можетъ-быть, и на мѣстѣ изучилъ природу прежней «Сѣверіи»; описаніе костюмовъ, яствъ, питій, и вообще частнаго быта того времени также показываетъ свѣдѣнія автора, и къ числу болѣе удачныхъ мѣстъ могутъ быть отнесены, между-прочимъ, сцены подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, въ станѣ Самозванца. А изображеніе самого Самозванца?.. Но Самозванецъ, Годуновъ и Басмановъ лица очень трудныя и нелегко объяснимыя даже для пера опытнаго, для дарованія сильнаго и ума глубокомысленнаго, строго изы-

скательнаго. Тревожить эти тѣни въ сказкѣ—работа не всегда благодарная!

Ну, а сказка-то чѣмъ же кончилась? Женился-ли Алексѣй Однорогъ на прелестной своей Берендѣевнѣ? Погодите! «Что потомъ съ нимъ было», говоритъ авторъ: «извѣстно мнѣ такъ же хорошо, какъ и предъидущая его исторія. Но *тутъ* мѣсто дѣйствія перемѣняется и, вмѣсто неправильной кутерьмы сѣверской, выступаетъ уже на сцену гражданская жизнь Московскаго государства; поэтому, не желая разрушать цѣлости впечатлѣнія моего разсказа (т. е. разсказа моего) на воображеніе читателя, я останавливаюсь*...

Стало-быть, окончаніе исторіи Алексѣя Однорога услышимъ мы вмѣстѣ съ окончаніемъ вышеприведенной исторіи Ульяны Терентьевны, то-есть, вѣроятно, не услышимъ никогда, если только это сомнѣніе не вызоветъ автора на новый тяжелый трудъ.

—

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Удовольствія круглый годъ, за деньги и даромъ, или искусство опытнаго фланёра. — Развлеченія зимою и лѣтомъ, прошедшія, настоящія и будущія.

Характеръ общественной жизни петербургской съ каждымъ годомъ становится любопытнѣе и разнообразнѣе, между-тѣмъ какъ самый городъ годъ-отъ-году хорошѣетъ болѣе и болѣе, принаряжается пышнѣе и роскошнѣе. Вычурный поэтъ или исписавшійся фельетонистъ сравнилъ бы сѣверную столицу нашу съ модною богачихой, которой уборы и затѣи неистощимы, въ раззолоченомъ чертогѣ которой всѣмъ любо и привольно—молодымъ и старымъ, здоровымъ и больнымъ, бѣднымъ и богатымъ...

Это не изысканный парадоксъ, не фальшивая игра словъ, а истина безъ лести и прикрасы...

* См. послѣднюю 214 страницу. Эти 214 страницъ, переплетенныя въ одну нетолстую книжку, внутренно раздѣляются, однакожъ, на *шесть* частей. Положимъ, что подобное раздѣленіе требовалось при помѣщеніи повѣсти въ нѣсколькихъ нумерахъ журнала, но въ отдѣльномъ изданіи едва-ли умѣстны такія *частички*, которыя скорѣе слѣдовало бы назвать *главами*.

Молодые и здоровые могутъ веселиться здѣсь, сколько душѣ угодно, сколько тѣло вынесетъ, а старые молодѣть, при обязательномъ содѣйствіи художниковъ портныхъ, парикмахеровъ и дантистовъ, надѣляющихъ зубами, бѣлыми, какъ слоновая кость, и острыми, какъ языкъ зоила. Самое тупоуміе (если за кѣмъ оно водится, не по волѣ его и не къ несчастію) уничтожается лоскомъ паркетной свѣтскости, и за этими утонченными пріемами и привлекательными «манерами» весьма удобно скрываются и отрицательныя природныя свойства мозговой системы...

Къ услугамъ больныхъ—лучшіе врачи, превосходныя аптеки, цѣлебный ключъ Полюстрова съ танцовальною залою въ видѣ балагана, искусственныя минеральныя воды въ Новой-деревнѣ, гдѣ отмѣнно пользуетъ—Иванъ Ивановичъ Излеръ, и наконецъ гимнастическое заведеніе г-на де-Рона, гдѣ пріобрѣтается гибкость членовъ и спиннаго хребта, въ развитіи несравненно совершеннѣйшемъ, нежели на олимпійскихъ играхъ древнихъ Грековъ...

Богатымъ—все подъ рукою, какъ на безсмѣнной всемірной выставкѣ, а бѣднымъ сыплетъ пособіе щедрая рука благотворенія, и сверхъ-того—это уже неоспоримый фактъ—они легко добываютъ себѣ здѣсь честный кусокъ хлѣба, нерѣдко дѣлаютъ карьеру, въ свою очередь становятся богатыми. Для первыхъ Петербургъ Эльдорадо, для вторыхъ—Калифорнія или новѣйшіе австралійскіе пріиски...

Во дни оны, Парижъ блисталъ своими зимними сезонами, туманный Лондонъ донынѣ знаменитъ лѣтними: на берегахъ Невы сезонъ непрерывный, не стѣсняемый временами года, были бы лишь время и охота пользоваться безпрестанными развлеченіями. Послѣдній морозъ и первый весенній лучъ неуступчиво спорятъ другъ съ другомъ. Столичный франтъ

Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

«стремитъ» новый Онѣгинъ, Онѣгинъ 1853 года, еще не имѣвшій, кажется, своего біографа, какъ странные потомки русскаго Донъ-Жуана, сумрачный «Печоринъ», апатическій «Тамаринъ» и тривіальный «Батмановъ», герой одной изъ повѣстей г-на Писемскаго, о которыхъ мы говорили недавно.

По всей вѣроятности, современный, нынѣшняго года Онѣгинъ «стремилъ» свой бѣгъ на остальной зимній пикникъ. Можетъ-быть, за при-

хотливымъ обѣдомъ по подпискѣ, онъ приторговалъ у промотавшагося пріятеля живописную верховую лошадь, которая, спустя мѣсяцъ или полтора, послушно и граціозно галопировала подъ нимъ въ крайнихъ аллеяхъ Лѣтняго-сада, гдѣ тогда не было еще тѣни отъ безлиственныхъ столѣтнихъ липъ, гдѣ впрочемъ никто и не хотѣлъ быть въ тѣни, ни щеголихи въ новомодныхъ весеннихъ нарядахъ, ни юные ихъ спутники, въ широкихъ пальто и узкихъ брюкахъ...

Еще мѣсяцъ—и городъ опустѣлъ. Мѣньшая часть, для поправленія дѣлъ, разстроенныхъ бездѣльемъ, то-есть столичною праздностью и столичными издержками,—для возстановленія здоровья, ослабленнаго неугомонными днями и безсонными ночами, или, пожалуй, для сладостныхъ поэтическихъ мечтаній въ тихомъ пріютѣ родной деревни,—мѣньшая часть временно оставляетъ столицу. Большинство сплошною массою переселяется за городъ, на дачи, окаймленныя прямыми линіями подстриженныхъ акацій, пестрѣющія группами красивыхъ, пышныхъ георгинъ, которыя, не разливая вокругъ себя живительнаго, отраднаго благоуханія, словно изображаютъ собою прелестныхъ, но бездушныхъ кокетокъ...

Въ послѣднее десятилѣтіе, шумное загородье петербургское, Павловскъ, острова, измѣнивъ свою прежнюю скромную физіономію, приманивали уже не одними быстро вянущими цвѣтами и свѣжимъ воздухомъ, который подчасъ свѣжѣетъ у насъ не по-лѣтнему, смѣшавшись съ рѣзкимъ приморскимъ вѣтромъ. Потребовались услады искусственныя, декораціи, для украшенія бѣдной и блѣдной природы ингерманландской. Догадливые учредители дачныхъ забавъ и увеселеній истощались въ курьёзнѣйшихъ изобрѣтеніяхъ и выдумкахъ къ привлеченію публики на свои разнообразныя и пестрыя «зрѣлища», при звукахъ выписныхъ оркестровъ, при блескѣ разноцвѣтныхъ иллюминацій и трескѣ невообразимыхъ фейерверковъ. Фельетоны нѣкоторыхъ мѣстныхъ газетъ и журналовъ давно уже отпечатали полную эпопею этихъ дивъ и чудесъ, такъ-что новому описателю негдѣ приткнуть ни остроумнаго словечка, ни тупой эпиграммы. Безъ всякаго сомнѣнія, въ наступившее новое лѣто, эти дива-дивныя повторятся еще обильнѣе, заставятъ фельетонистовъ призадуматься...

Четыре лѣтніе мѣсяца, начинаясь екатерингофскимъ, 1-го мая, гуляньемъ въ шубахъ, и оканчиваясь согрѣвающими балами въ павловскомъ воксалѣ, тянутся довольно медленно: иллюминаціи мало-по-малу тухнутъ подъ непрошеннымъ дождемъ, фейерверки терпятъ отъ сырости въ вечернемъ туманѣ, струны рвутся на скрипкахъ, нѣмецкіе музыканты устаютъ разыгрывать польки—публика морщится, ёжится, скучаетъ,

ждетъ перемѣны. Угодливая природа поспѣшаетъ придвинуть новую декорацію—одну изъ своихъ вѣчныхъ, неизносимыхъ декорацій...

Сурово пахнетъ осенью, зашумитъ октябрскій вѣтеръ, сгоняя пожелтѣлый листъ съ деревьевъ, ломая нѣжные стебельки засохшихъ цвѣтовъ, — и городъ снова наполняется, оживаетъ въ дыханіи приближающихся бореевъ, подъ свинцовыми облаками, которыя разрѣшаются то крупнымъ, безъисходнымъ ливнемъ, то хлопьями мягкаго, пушистаго снѣга, тающаго на улицахъ подъ колесами экипажей и подъ ногами пѣшеходовъ, облеченными въ глубокія резинковыя колоши...

Все это ѣдетъ, пробирается — кто въ итальянскую оперу или въ Циркъ, кто въ Михайловскій или Александринскій театръ, кто просто въ какую-нибудь кондитерскую, или кафе-ресторанъ, заглянуть въ газеты и журналы, сыграть нѣсколько партій на билліардѣ, такъ, *на партію* или на бутылку плохаго портера, который не разстроиваетъ крѣпкаго желудка и не кружитъ привычной головы...

Въ числѣ этихъ странниковъ-пѣшеходовъ, случаются равнодушные, «разочарованные» господа, холодные люди, отжившіе умомъ и сердцемъ. Они ни куда не идутъ, ни куда не «стремятъ» своего «бѣга», не направляютъ шаговъ своихъ къ извѣстному, опредѣленному пункту. Ихъ уже не прельщаетъ ни заморская примадонна, при громѣ оглушительныхъ рукоплесканій и браво, роняющая послѣднія блестки прославленнаго голоса, ни увлекательная драматическая артистка-француженка, ни самобытные «перлы», дорогія «жемчужины» русской сцены, никакія зрѣлища и пѣсни. Они, эти усталые господа, прошли свою сцену, разыграли—вѣроятно неудачно — свою грустную комедію, для нихъ отзвучали былыя пѣсни радости и горя, драма ихъ кончилась безъ отрадной развязки, потому-что завязка и ходъ ихъ жизненной пьесы ведены были безъ толка, неискусно или, по-крайней-мѣрѣ, несчастливо, неуспѣшно...

Иногда это бываютъ собственно пресыщенные, не въ мѣру вкусившіе жизни въ короткій срокъ, или рано постигшіе суету суетъ и всяческую суету. Благоразумно отказались они отъ всякихъ лишнихъ, пустыхъ притязаній, докучливыхъ желаній и обманчивыхъ надеждъ. Они берегутъ недешево купленное спокойствіе. Ихъ единственныя блага заключаются въ умѣренномъ обѣдѣ, безтревожномъ снѣ, избранномъ чтеніи и необходимой, для *моціона*, прогулкѣ. Выбравъ сухой вечеръ— сухой, какъ ихъ отцвѣтшая душа, они надѣваютъ теплый сюртукъ, берутъ въ руки зонтикъ и отправляются фланёрствовать...

Умный, опытный человѣкъ *умѣетъ* фланёрствовать не безъ наслажденія. Это своего рода наука, искусство, пріобрѣтаемое практическими

соображеніями. Фланеру должно быть не менѣе тридцати-пяти лѣтъ и не болѣе шестидесяти, когда перестаютъ служить ноги, и всего предпочтительнѣе опуститься въ глубокое вольтеровское кресло — предвѣстіе гробовой неподвижности. Разумѣется, что истинное фланёрство возможно только въ большомъ городѣ, въ столицѣ, гдѣ много любопытнаго, разнообразнаго, гдѣ чаще или рѣже встрѣчается новое, и гдѣ въ старомъ безпрестанно открывается новое, интересное, не чуждое вниманія и участія даже охолодѣвшаго или притупленнаго ума... *Сухой* вечеръ петербургскаго фланера не лишенъ занимательности...

Фланеръ (flaneur), въ буквальномъ, тѣсномъ смыслѣ, значитъ «ротозѣй»; въ обширномъ же, отвлеченномъ понятіи слова — тонкій наблюдатель, которому не кладутъ пальца въ ротъ, рѣдко впрочемъ раскрываемый, потому-что это существо молчаливое, тихое, кроткое, избѣгающее всякихъ исторій, сценъ, столкновеній, миролюбивое въ высшей степени, уступчивое, при неограниченной добротѣ — злое только своею саркастическою улыбкою и едва замѣтнымъ пожатіемъ плечъ...

Фланёръ живетъ обыкновенно въ центрѣ города, и почти каждый разъ, во избѣжаніе однообразія и монотонности, выбираетъ для прогулки своей другія улицы, другое поприще. Сегодня видите его въ Гороховой, завтра на Вознесенскомъ-проспектѣ, послѣ-завтра въ первой линіи Васильевскаго-острова; иногда пробирается онъ и на Петербургскую-сторону, или на Пески, въ Измайловскій или Семеновскій полки, и изъ Большой-Морской попадаетъ въ Малую-Коломну. Онъ вездѣ находитъ пищу своему зоркому уму, своей изыскательной, ровной впечатлительности; топографію Петербурга изучилъ онъ не хуже лихача-извозчика...

Фланёръ ходитъ медленно, осторожно, всѣмъ и каждому даетъ дорогу, въ-особенности дамамъ, бросая на хорошенькихъ тотъ любознательный, вкрадчивый взглядъ, который невольно заставляетъ ихъ покраснѣть и опустить глаза. Иногда на этотъ ястребиный взглядъ отвѣчаютъ легкою улыбкою... платокъ падаетъ изъ задрожавшей руки, его поднимаетъ вѣжливый кавалеръ, благодарятъ незнакомца за внимательность — и завязывается знакомство; но это уже переходитъ въ отдѣлъ повѣсти...

Фланёръ нерѣдко останавливается у оконъ магазиновъ, разсматривая вывѣшенныя и разложенныя за зеркальнымъ стекломъ вещицы; вдругъ между ними заколеблется живой, темный локонъ и мелькнетъ въ окнѣ пригожее личико модистки. Фланёръ вспоминаетъ, что надобно сдѣлать подарокъ кузинѣ или племянницѣ: отворяетъ дверь лавки, заказываетъ какую-нибудь бездѣлицу, не споритъ о цѣнѣ, и за излишекъ ея, при выходѣ, беретъ руку покорной продавицы. Тронутая его сговорчивостью,

она, какъ-будто нечаянно, прикоснется своимъ мизинцемъ къ пальцамъ, которые къ ней «дружески» протянуты; но такая заманчивая «взаимность» достается на долю фланёровъ еще безъ просѣди и широкихъ морщинъ... счастливится, порою, и старикамъ, такъ-какъ не всѣ модистки обладаютъ одинаковыми понятіями о различіи возрастовъ.

Въ исходѣ одиннадцатаго фланёръ уже дома и пьетъ чай у камина. Двойная теплота разогрѣваетъ его кровь; то красноватое, то сизое пламечко, принимающее всѣ измѣнчивые и блестящія цвѣта фольги, точно вызываетъ передъ глаза его калейдоскопическіе, вертящіеся призраки прошедшаго. Онъ то уступаетъ ихъ обаянію, то гонитъ ихъ прочь... «А... тамъ теперь хлопаютъ, вызываютъ, бросаютъ букеты!.. Нѣтъ, слуга покорный! — я здѣсь спокойнѣе, счастливѣе. Занавѣсъ мой давно опущенъ». Онъ беретъ серьозную книгу, и черезъ полчаса засыпаетъ. Утромъ у него есть обязанности, работа: онъ не тунеядецъ, не праздношатающійся.

Фланёръ, бо́льшею-частью, холостякъ или бездѣтный вдовецъ; дома онъ не имѣетъ сердечной заботы, не держитъ ни собаки, ни кошки, ни канарейки, чтобъ двѣ первыя не дрались между-собою, а вторая не съѣла послѣдней. Но дни и вечера истаго фланёра—это цѣлая физіологія, которую можно издать съ иллюстраціей, политипажами, и изъ которой здѣсь непослѣдовательно заимствуются лишь три-четыре блѣдныя черты...

Чаще всего вы встрѣтите фланёра въ гостиномъ-дворѣ, гдѣ обильное поле ротозѣйству, и на Невскомъ-проспектѣ — средоточіи движенія и наблюдательности. Эстампы, картины, бронза и мраморъ, фарфоръ и хрусталь, статуэтки и неисчислимая «галантерейность» необходимы его взору, ищущему разсѣянія и забвенія. Изъ англійскаго-магазина, купивъ въ немъ черныя перчатки, бредетъ онъ въ «магазинъ русскихъ издѣлій», для пріобрѣтенія нѣсколькихъ аршинъ сукна, а главное для лѣнивой прогулки по этимъ великолѣпнымъ заламъ — свидѣтельницамъ его отлетѣвшей молодости, давнихъ баловъ и маскарадовъ, на которыхъ онъ красовался нѣкогда, неотступно интригуемый таинственными масками. Одна изъ этихъ интрижекъ, одна изъ этихъ сбросившихъ напослѣдокъ маску особъ глубже заронилась въ его забывчивой памяти — и, о случай! въ той самой залѣ, гдѣ когда-то они впервые узнали другъ-друга, въ той самой залѣ—*она* не кто другая, какъ *она*, неоспоримо, торгуетъ шелковую матерію — на платье дочери-подросточку... Они размѣниваются, не безъ нѣкотораго смущенія, безмолвнымъ поклономъ. Сдерживаемое волненіе заграждаетъ имъ уста и вызываетъ краску на

ихъ обоюдно поблекшія лица. Выведенный изъ обычнаго равнодушія своего, фланёръ быстро обѣгаетъ коммерческія залы: ему слышатся, его преслѣдуютъ давно умолкшіе въ нихъ звуки бальной музыки, и онъ нетерпѣливо выходитъ на улицу...

На улицѣ, откуда ни взялись—вихрь, мятелица, вьюга, дождь, снѣгъ. Всѣ торопятся, прячутся въ дома; фланёру далеко до дому, а въ трактиры и кондитерскія онъ не охотникъ заходить. Развернутый зонтикъ колышется, ломается, рвется въ его рукахъ. Силъ нѣтъ «застигнутому бурею страннику»! Но слѣва выбиваются волны газоваго свѣта, толпа, какъ приливъ, стремится подъ высокую стеклянную кровлю; фланёръ увлеченъ толпою и входитъ въ *Пассажъ*...

У самыхъ дверей предлагаютъ ему, за пятиалтынный, поэму, изображающую величіе и славу этой роскошной галлереи, посредствомъ сквознаго вѣтра соединяющей Италіянскую съ Невскимъ-проспектомъ, и, за гривенникъ, банку «блистательнѣйшей» ваксы. Фланёръ отказывается отъ того и отъ другаго, смиренно садится на скамейку, погружается сначала въ созерцаніе, а потомъ въ дремоту...

Осенью и зимою, съ утра до вечера, особенно въ ненастную и холодную погоду, пассажъ полнёхонекъ. Въ шесть лѣтъ своего существованія онъ стяжалъ громкую популярность; въ безконечной здѣсь прогулкѣ принимаютъ иногда участіе и мѣстные торговцы, ничѣмъ не занятые, такъ-какъ сбытъ ихъ слишкомъ «цѣнныхъ» товаровъ идетъ не шибче распродажи сказанныхъ поэмы и ваксы. Въ такъ-называемой концертной залѣ Пассажа, съ октября по май, кипѣли, бывало «представленія»—очевидное подражаніе программѣ увеселеній на «Искусственныхъ минеральныхъ водахъ»... Представленія эти были особенно затѣйливы въ зиму 1850—1851 г.—Мы случайно владѣемъ копіей съ шаловливаго разсказа объ этихъ курьёзностяхъ. Нѣкій молодой человѣкъ такъ изображалъ ихъ въ письмѣ къ отцу своему, въ деревню:

«Любезный батюшка! Вы недовольны, что я рѣдко и мало пишу къ вамъ; приказываете, чтобъ я подробно увѣдомилъ васъ о томъ, какъ провожу время, и не случилось ли со мною чего-нибудь чрезвычайнаго, то-есть, не влюбленъ-ли я, или, что̀ еще хуже, не *замотался*-ли, не закутилъ-ли? Спѣшу успокоить васъ, милый батюшка, откровеннымъ во всемъ сознаніемъ. Я дѣйствительно былъ влюбленъ, въ-теченіе минувшей зимы, три раза, но теперь эти припадки совершенно прошли. Въ настоящую минуту сердце мое свободно и пусто, какъ карманъ. Не скрываю послѣдняго обстоятельства, потому-что виною его вовсе не кутежъ. Пріятели какъ-то заставили меня выпить лишній бокалъ ша-и

панскаго. Была гололедица. Я оступился на тротуарѣ, и вывихнулъ ногу. Батюшка, кто не оступался въ молодости, и притомъ на скользкомъ пути? Леченіе стало въ копѣечку. Хромая, я не могъ и не хотѣлъ являться на балы, ни ѣздить въ оперу, боясь въ мнѣніи большаго свѣта потерять сорокъ процентовъ. Кромѣ-того, будучи плохимъ стихотворцемъ, я опасался насмѣшливаго сравненія съ Байрономъ, который тоже хромалъ, но писалъ удивительные стихи. Въ такомъ прискорбномъ положеніи мнѣ оставался одинъ «свѣтскій» выходъ—въ Пассажъ. Его концертная зала, конечно, не замѣняла для меня залы Большаго-театра... но нѣтъ худа безъ добра — изъ поэта я сдѣлался мыслителемъ...

«Я размышлялъ, слушая, или, точнѣе, не слушая громкихъ пѣсенъ Цыганъ, — размышлялъ, какъ у многихъ разборчивъ слухъ, и сколько поэзіи они находятъ въ этомъ залихватскомъ пѣніи, въ его тонахъ и либрето! Представьте, батюшка, поютъ, напримѣръ:

Антипка балалайку
Нечаянно сломалъ;
Антонъ свою хозяйку
Не-за-что отвалялъ —

и раздаются шумныя рукоплесканія, усердные возгласы одобренія!...

«Еще удобнѣе размышлялъ я, о чемъ приходило въ голову, когда начиналось тихое пѣніе «братьевъ» Мальчугиныхъ, съ ихъ сестрицею, которая также долго слыла братцемъ. Но тихое и—нѣжное, мелодическое, не одно и то же, и я удивлялся, какъ у многихъ хорошъ и тонокъ слухъ,—до моего не доходило ни словъ, ни звуковъ... можетъ-быть, потому, что въ это время я разсматривалъ лица, физіономіи внимательныхъ слушателей...

«Цыгане раскидывали свой искусственный таборъ, и дикая картина, нарисованная нѣкогда Пушкинымъ, становилась въ глазахъ моихъ ѣдкою пародіей, надъ которою, впрочемъ, смѣялись сами лицедѣи и лицедѣйки, имѣющія своихъ восторженныхъ поклонниковъ. Они слѣдятъ за наемною каретою цыганскихъ примадоннъ, проводятъ у нихъ остатокъ вечера, снова слушаютъ ихъ пѣсни, однѣ и тѣ же, не наслушаются, и за это приватное пѣніе платятъ щедро, сотнями... Батюшка... вы безъ-сомнѣнія, похвалите вашего сына—я никогда не бросалъ денегъ за такія или на такія непонятныя вещи... Виноватъ, разъ бездѣлицу бросилъ! Два года тому, близъ Новгорода, остановила меня молоденькая цыганка, лѣтъ шестнадцати или семнадцати... Она была въ рубищѣ;

на полуобнаженныя плечи ея накинутъ былъ какой-то красный, шерстяной обрывокъ; въ смуглыхъ щекахъ ея игралъ живой румянецъ, большіе черные глаза сверкали. Босая, она просила руки моей погадать, и запѣла въ-самомъ-дѣлѣ дикую пѣсню. Я далъ ей десять рублей. Она плакала и смѣялась отъ радости, съ-полчаса бѣжала за моимъ тарантасомъ, и все пѣла. Это была настоящая цыганка...

«Кочевой таборъ снялся съ эстрады, и на ней, въ полусвѣтѣ, кто-то располагаетъ химическія реторты, физическіе аппараты и механическіе снаряды. Этотъ кто-то одѣтъ весьма неизысканно, почти цинически, неповоротливъ, медленъ въ движеніяхъ; круглое, полное и добродушное лицо его обведено густыми бакенбардами, толстыя губы осѣняются черными усами. Зрители предполагаютъ въ немъ помощника или даже прислужника того великаго искусника, который черезъ нѣсколько минутъ долженъ явиться передъ ними. Но—вотъ приготовленія кончились, на простыхъ столахъ съ означенными принадлежностями зажжено пять-шесть свѣчей, мнимый помощникъ кланяется публикѣ... всѣ сомнѣнія исчезли: этотъ «кто-то» — самъ знаменитый синьоръ Тобіасъ Квальярди, называвшій себя въ афишахъ «профессоромъ физики и механики». Прежде онъ показывалъ свои штуки на театрахъ, въ Москвѣ, Петербургѣ, затѣмъ въ Новой-деревнѣ, наконецъ явился въ Пассажѣ; но и здѣсь не удержался. Напрасно знатоки утверждали, что «нерѣдко подъ скромною наружностью таятся истинные таланты»; напрасно медлительный Тобіасъ расходовалъ весь свой хладнокровный юморъ, всѣ свои «опыты натуральной магіи», изъ которыхъ главнѣйшій состоялъ въ томъ, что похищаемая свѣча постоянно каждый разъ оказывалась въ рукавѣ одного и того же посѣтителя... по справедливому заключенію зрителей, вѣроятно приносившаго ее съ собою... Напрасно! Соревнованіе и зависть положили предѣлъ успѣхамъ г. Квальярди.

«Его смѣнилъ другой «физико-механикъ», называвшійся «славнымъ» именемъ Молдуано, молодой человѣкъ, красивой наружности, хорошо одѣтый и ловкій. Онъ объяснялся довольно бойко, имѣлъ пріятный голосъ, и сначала очень было расположилъ къ себѣ публику фразою, которая , сколько припомню, заключалось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Милостивые государи! въ нашъ просвѣщенный вѣкъ никто, конечно, не повѣритъ невозможному. Слѣдственно, все, что вы изволите увидѣть, не болѣе, какъ дѣло проворства рукъ, невинный обманъ...» И Молдуано сталъ проворить руками, представляя «портнаго въ превратномъ свѣтѣ», превращая «часы въ крупу», заставляя «говорить монеты», и, «волшебнымъ выстрѣломъ», отправляя на хоры «летящія

портупеи». Однажды «невинный обманъ» грубо открылся: узрѣли чью-то неволшебную руку, которая весьма просто вѣшала портупею на гвоздикъ, заранѣе вколоченный. Находившійся въ числѣ зрителей, смиренный Тобіасъ лукаво усмѣхнулся и сказалъ: «Пустяки! Онъ только болтаетъ лучше меня, а *физики* не знаетъ...»

«Въ новое представленіе Молдуано повторилъ стереотипную фразу, и скоро убѣдились, что всѣ рѣчи его и приговорки заучены. Иногда онъ покушался на импровизацію, но путался въ словахъ и не выходило ничего ни остраго, ни забавнаго. Звѣзда Молдуано быстро погасла, онъ сошелъ со сцены, и на ней утвердился было вертлявый «Луи *де* Троа», настоящій чудесникъ, одѣтый въ бархатный кафтанъ, въ шелковые чулки и башмаки съ блестящими пряжками. Онъ поразилъ, ослѣпилъ великолѣпіемъ и пестротою внѣшней обстановки — эстрада горѣла безчисленными огнями, въ разноцвѣтномъ, яркомъ убранствѣ, всѣми блестками мишуры и «волшебными» приборами. Г. *де* Троа началъ «новою мотодою исцѣленія», еще неизвѣстною въ медицинѣ, продолжалъ «явленіемъ купидона изъ цвѣтовъ», кончилъ «цыганскою кухнею и гастрономическимъ ужиномъ», возбуждавшимъ аппетитъ въ зрителяхъ;—въ заключеніе же разъяснилъ имъ секретъ многихъ своихъ штукъ...

«О батюшка! я безмолвно смотрѣлъ на всѣ эти штуки, и размышлялъ... размышлялъ о томъ, что и въ искусствахъ, болѣе благородныхъ, не обходится иногда безъ фокусъ-покусовъ и шарлатанства, съ тою лишь разницею, что въ послѣднихъ «секреты» никогда не разглашаются...

«Я не кончилъ-бы на двухъ листахъ, еслибъ вздумалъ подробно описывать всѣ «увеселенія» концертной залы Пассажа: оптическіе виды Гейнрихсена, эквилибристику и «воздушные скачки» братьевъ Вейнертовъ; жонглерство Мартини, подножіемъ которому служилъ стекляный графинъ; гимнастику «итальянскаго комика-буфа Каромати», удивительныя «восхожденія» Дикарева по 9-ти аршинной, неукрѣпленной лѣстницѣ: добравшись зыблящейся вершины ея и рискуя сломать голову, онъ жалобно игралъ на флейтѣ... мнѣ, въ свою очередь, жаль было людей, которые, для потѣхи другихъ, ломались, кривлялись, лазили, какъ бѣлки и обезьяны—и все-таки были не слишкомъ забавны...

«Эквилибристику, жонглерство и гимнастику смѣнила галерея статуй и группъ, поставленныхъ г. Бергомъ «по образцамъ древнихъ и новѣйшихъ ваятелей». Въ ней являлись Аполлонъ и Музы, Геркулесъ и Геба, Марсъ съ Венерою, Аяксъ и Кассандра, Эскуланъ съ Амазонкой, Па-

рисъ съ Граціями, Ермакъ съ Мегметомъ-Куломъ, Минерва съ Терпсихорой и Нептунъ съ своимъ трезубцемъ.

«Въ первую выставку этихъ неподвижныхъ статуй и группъ, большинство зрителей полагало, что онѣ, по словамъ афиши, дѣйствительно мраморныя; но однажды Марсъ пошевелился, грудь Венеры заколыхалась, палица затряслась въ рукѣ Геркулеса, и Нептунъ, забывшись, взмахнулъ трезубцемъ. Тогда убѣдились, что Бергъ мастерски превратилъ въ мраморъ и поставилъ на деревянные пьедесталы живыхъ людей, отъ головы до ногъ выбѣленныхъ или обтянутыхъ въ полотно. Рукоплесканія наградили изобрѣтателя. Ободренный успѣхомъ, онъ сформировалъ новыя группы, изображавшія событія 1812—1814 г., по извѣстнымъ медалямъ графа Ѳ. П. Толстаго; четыре аллегорическія картины попеременно представляли: народное ополченіе, освобожденіе Москвы, бой при Красномъ, сраженіе при Арпсъ-Сюръ-Обѣ и покореніе Парижа. Приличная музыка и освѣщеніе бенгальскимъ огнемъ должны были придавать эфектъ зрѣлищу...

«Кому становилось жарко или душно въ залѣ, тотъ выходилъ въ галерею втораго яруса, гдѣ опять зрѣлища: діорамы, косморамы, панорамы, *живыя картины*, уже не подъ мраморъ, а въ натуральномъ видѣ, кабинеты *рѣдкостей природы* и *восковыхъ фигуръ*. Въ послѣднемъ, между прочимъ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Кузьмою Рощинымъ и Вольтеромъ, на которомъ очень дурно сидѣлъ фракъ, и котораго можно было узнать только по надписи. Гораздо удачнѣе была группа греческихъ пиратовъ, но отъ нея становилось страшно...

«Наконецъ я пересталъ хромать, и съ-тѣхъ поръ въ Пассажъ ни ногой. Весеннее солнце свѣтитъ на небѣ, скоро деревья опушатся зеленью, и я полечу въ деревню, лишь только вы, милый батюшка, вышлете денегъ на дорогу. Здорова-ли сосѣдка наша, Наташа? Скажите ей, что я ее не забылъ и скучаю по ней въ веселомъ Петербургѣ. Одинъ мой пріятель, наслаждавшійся лучшими зрѣлищами, въ балетѣ и операхъ, тоже скучаетъ; говоритъ, что все это ему смертельно надоѣло, и что онъ, подобно мнѣ, жаждетъ скорѣе броситься въ объятія матери-природы...»

Въ слѣдующую зиму, когда пассажными увеселеніями завѣдывалъ армянинъ Баберовъ (такъ неудачно, въ прошедшее лѣто, перенесшій къ Финскому-заливу испанскую Алгамбру), они естественно должны были принять оттѣнокъ восточный; въ силу чего на первомъ планѣ все-таки остались московскіе хитаны, продолжавшіе распѣвать знамени-

тую «Коровушку» и популярную мелодію «Ванька-Танька», между-тѣмъ какъ малороссійскій пѣвецъ Степанъ-Паливодъ-Карпенко, подвизавшійся потомъ и на «Водахъ», и въ «Алгамбрѣ», потѣшалъ извѣстнаго разряда меломановъ шаловливыми и замысловатыми пѣснями Украйны, въ родѣ, напримѣръ: «Ой, нэ ходы, Грыцю, на ту вэчэрныцю!» или «Была соби Катрюся, полюбыла Петруся». Для тѣхъ, которые находили, что все это недовольно восточно, въ первый вечеръ новаго 1852 года эстрада концертной залы украсилась *«египетскими»*, какъ гласила афиша, пирамидами изъ картона, блиставшаго серебристою и золотистою краскою, а въ самыхъ галереяхъ Пассажа, оглашаемыхъ звуками двухъ оркестровъ, повѣшены были, какъ тогда съострилъ нѣкто, двѣ тысячи китайцевъ,—то-есть китайскихъ фонарей, принимавшихъ всевозможные формы—вазъ, корзинъ, лодокъ съ рыбами, птицами, животными и мандаринами... Въ заключеніе, Луи-де-Троа нарядился дервишемъ и показалъ удивительную штуку со шляпою, предложенною однимъ услужливымъ посѣтителемъ.... шляпа была, разумѣется, пустая, и что-же? — въ этой пустой шляпѣ чародѣй сперва мгновенно возрастилъ цѣлый неистощимый садъ цвѣтовъ, которые разбросалъ на публику обоего пола, къ великому ея удовольствію, а потомъ какой-то невѣдомый цвѣтокъ, магическимъ прутикомъ, обратилъ въ бѣлокураго амура. Но что оказалось всего изумительнѣе въ сей достопамятный, въ недавней, но уже исполненной событіями, исторіи Пассажа, день,— это было странное приключеніе съ джентльменомъ, одолжавшимъ фокусника шляпою... Не довѣряя ей болѣе, онъ, при выходѣ изъ Пассажа, безпрестанно ее ощупывалъ, то надѣвалъ, то снималъ, боясь, чтобъ, вмѣсто пепла, она не посыпала главы его камеліями, или, еще хуже, чтобы на плеча его не соскочилъ внезапно какой-нибудь плутишка-купидонъ, пожалуй, одинъ изъ тѣхъ карликовъ, которыхъ тогда показывали въ Пассажѣ... Держа, такимъ образомъ, сомнительную шляпу въ рукѣ, онъ добрался наконецъ до тротуара, и вдругъ на почтенную лысину его падаетъ крупная капля, другая, третья... Въ испугѣ онъ поднимаетъ взоры къ темнымъ облакамъ, и на самый кончикъ длиннаго носа его упадаетъ четвертая капля, тяжелая какъ свинецъ и неожиданная какъ яблоко, свалившееся на носъ спящаго Ньютона... онъ думалъ, что это еще фокусъ Луи, но вскорѣ убѣдился, что на дворѣ, въ нѣсколько часовъ, образовалось восточная теплота, и перваго января, обычное время «лютыхъ» сѣверныхъ морозовъ, льётъ дождь, словно среди лѣта — фактъ, конечно записанный петербургскими метеорологами...

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданье старины глубокой!

Какъ мы быстро живемъ, и какъ все переходчиво, отъ мелочей до важнаго и отъ важнаго до мелочей. Тобіасъ, Луи, оба Молдуано, молодой и старый, показывавшій фокусъ «отсѣченія головы», которая оставалась однакожъ цѣла, и даже новый Пинетти, Германъ, долго забавлявшій Петербуръ неистощимою бутылкою и заключившій тріумфы свои въ томъ же пресловутомъ Пассажѣ — все это уже древняя исторія! Въ минувшую зиму, 1852 — 1853, концертная зала его отличалась лишь учеными обезьянами Казановы; въ другой залѣ, выходящей на Невскій-проспектъ, бѣгло катались шары по билліардамъ Ремона; мѣстный кафе-ресторанъ угощалъ желающихъ дешевыми обѣдами; въ музыкальномъ магазинѣ продавались польки послѣднихъ лѣтъ и, между-прочими, гармоническій «Стёпка-Растрёпка»; въ тоннелѣ блуждало досужее простонародье, а въ праздничные дни плохая музыка не привлекала въ галереи пресыщенныхъ диллетантовъ; отдыхая до новаго лѣта, наступившаго по календарю лишь 11 сего іюня, они терпѣливо ожидали любимыхъ оркестровъ Іосифа и Іогана Гунглей...

Искусный, но серьозный и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, будто-бы холодноватый нѣсколько смычокъ перваго открылъ 9 мая, въ Павловскѣ, петербургскій сезонъ лѣта 1853, и царскосельская желѣзная дорога помчала туда, какъ многочисленныхъ поклонниковъ неоспоримаго дарованія этого соперника или преемника Штрауса и Ланнера, такъ, и если не болѣе, любителей тамошняго прелестнаго сада съ паркомъ... Правда, еще ранѣе павловскаго оркестра зазвучала музыка въ двухъ малозамѣтныхъ точкахъ загородья: на Петровскомъ-островѣ, у гостинницы Любекъ, куда, впрочемъ, не заглядываютъ франты «лучшаго тона», и въ «Монплезирѣ», за Нарвскою-заставою, гдѣ собирается лишь мѣстная публика, то-есть лѣтніе обитатели Екатерингофа, Тентелевой-деревни, Емельяновки, Волынки и дачъ по Петергофской-дорогѣ... но найдутся, безъ сомнѣнія, и такіе условные хронологи, которые, не безъ уважительнаго основанія, дѣйствительное начало увеселеній настоящаго сезона отнесутъ къ вечеру 17 числа прошедшаго мѣсяца, когда широко растворились двери знаменитаго «Заведенія искусственныхъ минеральныхъ водъ», гдѣ бываютъ всѣ, или почти всѣ, стекаясь со всѣхъ сторонъ, изъ города, съ дачъ,—гдѣ посѣтители считаются не десятками, не сотнями, а тысячами...

Длинныя синія афиши, разсылаемыя при театральныхъ и совершенно схожія съ послѣдними цвѣтомъ бумаги и печатью, ежедневно издѣщаютъ о «большихъ музыкальныхъ и увеселительныхъ вечерахъ», или

«*праздникахъ*» въ этомъ веселомъ заведеніи, гдѣ въ ходу не столько минеральныя воды, сколько хересъ, шампанское и коньякъ, употребляемый какъ противохолерное средство. Составъ этихъ вечеровъ, или праздниковъ очень многосложенъ. Тутъ все есть, и всего вдругъ не перечесть... Оркестръ Іогана Гунгля и еще два какіе-то оркестра; два квартета германскихъ пѣвцовъ; тирольцы, которыхъ пѣніе многихъ привлекаетъ; пѣсенники военные и военный оркестръ, и еще особые пѣвцы: гг. Кренъ и Генрихъ (баритонъ и теноръ), изъ которыхъ, если не ошибаемся, второй поетъ по-нѣмецки что-то очень смѣшное для русскихъ, да г-жа Ланковъ (сопрано), весьма собою видная особа, съ бѣлыми зубами, подражающая артисткамъ итальянской оперы—эти три лица поютъ поодиночкѣ, съ нотами въ рукахъ, не всегда вѣрными и сладкозвучными голосами... далѣе: тріо для скрипки, віолончели и фортепьяно, исполняемое гг. Жанъ-Майеромъ, Германомъ (солистами стокгольмскаго двора) и Мертке; соло на концертинѣ г. Онгери; акробатическія представленія Коннора; труппа арабовъ-кабиловъ, съ своими удивительными скачками, сальто-мортале и живыми пирамидами, доказывающими необыкновенную силу и ловкость; театръ маріонетокъ; «гимнастическія и атлетическія упражненія труппы профессора Беккера» и живыя картины «профессорши» Беккеръ; извѣстная панорама или движущаяся картина «Миссисипи»... наконецъ, г. Замъ съ своимъ звѣринцемъ (на особомъ островкѣ въ саду) и г-жа Гебгардтъ съ своими нестарѣющими, какъ сама она, вафлями — въ дополненіе къ двумъ буфетамъ и обширной кухнѣ, способной угостить три тысячи посѣтителей. Дрожки, пролетки, коляски, кареты, дилижансы и легкіе невскіе пароходы безпрестанно скачутъ и плывутъ на разстояніи между городомъ и Новою-деревнею, какъ иначе называютъ сіи шумныя, волнующіяся «Воды». Учредитель новодеревенскихъ забавъ, г. Излеръ, и дирижеръ тамошняго главнаго оркестра, г. Іоганъ Гунгль, уже давали тамъ себѣ «первые» свои бенефисы, а Общество Посѣщенія Бѣдныхъ 31 мая разыгрывало, въ залахъ и на балконѣ этого заведенія, лотерею-аллегри, состоявшую изъ 370 вещей, большею частью заграничныхъ; главными выигрышами были: коляска на плоскихъ рессорахъ работы Лоренца; пьяно-имперіаль, новой, трехъ-ярусной конструкціи, изобрѣтенія и работы Шредера; столовые: серебряный приборъ, англійскій и хрустальный сервизы; большіе стѣнные часы; дорожный несессеръ, серебряный, и фарфоровая ваза рококо съ двумя канделабрами въ бронзѣ. Выставка и драпировка красивыхъ вещей отличалась изяществомъ и вкусомъ, свойственными гг. членамъ Общества; которые богато умѣютъ благотворить бѣднымъ; но лотерея съ разу не разыгра

лась; афиши увѣдомляли о продолженіи ея 9 іюня, въ бенефисъ Антуана Совле (соло-флейтистъ короля нидерландскаго), не привлекшій однакожъ достаточно публики, почему окончаніе аллегри и отложено было до другаго, болѣе счастливаго дня...

Такимъ-образомъ въ Новой-деревнѣ не доставало лишь цыганскаго хора; но и онъ не замедлилъ явиться, къ великой радости тосковавшихъ о немъ меломановъ, и даже понравился одному фельетонисту; въ хорѣ дѣйствительно оказались не дурные въ своемъ родѣ пѣвцы и особенно пѣвицы... Другой же фельетонистъ, подсмѣиваясь надъ увеселеніями въ Новой-деревнѣ, говоритъ, будто бы они нѣсколько лѣтъ уже вдохновляютъ описателей современной петербургской жизни, прибавляя, что это вдохновеніе дешевое, стоющее только рубль серебромъ. Вдохновеніе всегда безцѣнно, хотя бы и не въ кастальскомъ ключѣ почерпалось, а рубль серебромъ—цѣна за входъ на «Воды», и остроты тутъ, извините, не выходитъ; да, сколько помнится, никто изъ фельетонистовъ и не вдохновлялся серьёзно загородными потѣхами — разсказывали иронически, шутливою прозою, или шаловливыми стихами, съ неумѣстною желчью не порицая того, что въ-самомъ-дѣлѣ было удачно. Всѣ мы, какъ умѣемъ и какъ придется, описываемъ то, что есть, ни болѣе ни менѣе, и самъ насмѣшливый фельетонистъ всю статейку свою написалъ не о тѣхъ же ли увеселеніяхъ въ Новой-деревнѣ? Не будемъ свысока смотрѣть на міръ и слишкомъ взыскательны къ невиннымъ мелочамъ, въ которыхъ, впрочемъ, наблюдательное перо легко отыщетъ и отраженіе современныхъ нравовъ, и пищу для кой-какихъ мыслей. Общественная жизнь столицы разнообразна — но лѣтомъ главнѣйше все сосредоточивается за городомъ, и посмотрите, какъ тамъ распотѣшатъ васъ въ іюлѣ и августѣ, въ темные вечера, удобные для затѣйливыхъ иллюминацій и фейерверковъ... Между-прочимъ носится слухъ, что извѣстный машинистъ и декораторъ, г. Вальцъ, къ-сожалѣнію, не участвующій въ нынѣшнее лѣто на «Водахъ», готовитъ какія-то диковинки въ Павловскомъ воксалѣ... Безспорно, что нельзя всего этого предпочесть ни тихому, поэтическому пріюту въ какой-нибудь удаленной отъ городскаго шума и волненія усадьбѣ, на милой вамъ родинѣ, ни Михайловскому театру или Итальянской-оперѣ съ прославленными примадоннами и увлекательнымъ Маріо, вмѣсто котораго, на зимній сезонъ 1853 — 1854, сказать мимоходомъ, ангажированъ другой молодой пѣвецъ, съ большимъ, говорятъ, дарованіемъ, именно г. Ноденъ, уже прибывшій въ Петербургъ: но всему своя пора и свое слово.

—

Въ дополненіе къ петербургскимъ новостямъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что̀ такое въ настоящее время петербургскіе наряды.

Костюмы дамъ въ настоящую минуту чрезвычайно разнообразны. Бо́льшая часть дамъ носятъ легкія, кисейныя и шерстяныя платья, но всѣ дамы, имѣющія претензіи на изящный вкусъ и на bon genre предпочитаютъ имъ платья шелко́выя, изъ легкихъ матерій, какъ напр. изъ гласе, гроденаплю, и проч. Самыя модныя шляпки бастовыя, переплетенныя съ лентами, маленькія тюлевыя и блондовыя. Вотъ замѣчательнѣйшіе наряды:

Первый нарядъ. Платье гласе, изъ матеріи двухъ цвѣтовъ, изъ которыхъ одна свѣтлая, а другая темная. Юбка вся состоитъ изъ воланово̀въ, вырѣзанныхъ городками, и сшита такъ, что одинъ воланъ изъ свѣтлой матеріи, другой изъ темной. Кофточка, на полахъ и на рукавахъ обшита въ три ряда такими-же фестонными оборками. Шляпка крошечная, блондовая, съ цвѣточной гирляндой внутри полей.

Второй нарядъ. Платье гроденаплевое, въ три широкіе волана, которые въ два ряда обшиты бѣлой атласной лентой, а внизу отороченны бахрамою. Корсажъ напереди полуоткрытый, съ отворотами, обшитыми, какъ и рукава, такими же бѣлыми лентами. Мантилья накидная, безъ рукавово̀въ изъ гро-гранъ моаре, съ круглымъ капишономъ, скрѣпленнымъ сзади широкой бѣлой лентою. Низъ мантильи и капишонъ ея обшиты широкой полосой плюшу. Шляпка сборчатая, изъ тюлю, съ страусовымъ перомъ.

Третій нарядъ. Капотъ для прогулки à l'anglaise, съ воротничкомъ, ниспадающимъ до половины руки. Передъ юбки зигзагами обшитъ чернымъ кружевомъ сверху внизъ, въ два ряда, а между каждымъ зигзагомъ прядка изъ ленточныхъ бантиково̀въ. Лифъ скрѣпляется спереди такими-же бантиками. Воротничекъ также обшитъ кружевными зигзагами. Большой отложной воротничекъ отъ манишки съ англійскимъ шитьемъ. Шляпка бастовая, съ накидкой изъ кружево̀въ и цвѣтами бѣлой сирени. Рукава длинные, полу-широкіе.

Четвертый нарядъ. Платье простенькое, гладкое, одноцвѣтное, съ высокимъ лифомъ, безъ всякой отдѣлки. Мантилья-шаль, двойная, съ вырѣзками и шелковымъ вышитымъ узоромъ; воротничекъ ея довольно широкій, съ прорѣзами на плечахъ. Шляпка соломенная à-jour (сквозная), подбитая тафтою. Зонтикъ короткій, съ бахрамою.

Пятый нарядъ. Роскошное платье изъ пуде-соа гласе. Оно имѣетъ два волана, составленные каждый изъ трехъ рядовъ, вырѣзанныхъ городками и вышитыхъ фестономъ. Подъ каждымъ воланомъ широкій кружевной воланъ. Корсажъ въ видѣ плотно-прилегающей кофты, напереди застегнутой драгоцѣнными пуговками. Съ обѣихъ сторонъ корсажа идетъ нашивка изъ атласа подъ цвѣтъ платья, въ видѣ листьевъ à la husarde. Рукава съ разрѣзами. Какъ рукава, такъ и низъ корсажа отороченъ чернымъ кружевомъ. Шляпка изъ итальянской соломки и кружевъ, съ перомъ.

Амазонскія шляпки носятъ съ низкой тульей и широкими, съ боковъ загнутыми кверху, полями. На передн широкій бантъ изъ атласной ленты и перо à la Freischütz.

—

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬАНО.

BEYER. Les belles de New-York. Trois Redowa-Polkas. Op. 122, № 1. 2. 3. Chaque (70 к.) — Henriette. Polka-Mazurka (70 к.)

BLUMENTHAL. Fleurs emblématiques. № 1. 2. 3. Chaque (75 к.)

BURGMÜLLER. Une soirée à Varsovie. Trois mazurkas (1 p. 40 к.) La Poupée de Nuremberg. Valse (85 к.)

COLLECTION D'OPÉRAS. Auswahl beliebter Stücke aus der Oper: Rigoletto (1 p. 15 к.)

DOHLER. La tarantella. Fantaisie sur des chansons napolitaines. Op. 74. (1 p. 70 к.)

DREYSCHOCK. Deux impromptus. Op. 83. (1 p.) Le Chant du Combat. Op. 84. (1 p.) La Melancolie. Op. 85. (1 p.)

HELLER. Tarantelle (1 p. 15 к.) Traumbilder. Sechs Stücke. Op 79. (1 p. 15 к.)

HENSELT. Exercices préparatoires (1 p. 50 к.) Air de Balfe. (Nouvelle édition) (1 p.) Petite Valse favorite (50 к.)

HERZ. La Tapada. Polka de Perou (1 p. 15 к.) L'écume de Mer. Marche et valse (1 p. 15 к.)

HUENTEN. Stradella. Petite fantaisie (85 к.) Tancrède. Petite fantaisie (85 к.)

KONTSKI. La Cascade. Caprice (85 к.) Selianka mazurka. (1 p).

KULLAK. Pastoralles. Cinq idilles № 1 à 5, Chaque (85 к.)

LISZT. Polonaises. № 1. 2. Chaque (1 p. 40 к.) Soirée de Vienne. Valses-caprices d'après Schubert. liv. 1 à 9 Chaque (85 к.)

LITOLFF. La Harpe d'Eole. Morceau de Salon. (1 p. 30 к.) Ballade (85 к.) Souvenir d'un beau jour. Pensée musicale (1 p. 15 к.)

MAYER. Le Desir. Romance (70 к.) La Complainte. Nocturne. (85 к.)

MEYER (L. DE.) Souvenir d'Italie. Grande fantaisie (1 p. 30 к.) L'Esperance. Nocturne élégant (1 p.) Luisa Miller. Grande fantaisie sur l'opéra de Verdi (1 p. 40 к.)

MEYERBEER. Le Siège de Gand ou les espagnols en Flandre. Opéra complet, grand format (11 p 15 к.) Le même opéra en petit format (5 p.)

OSBORNE. La Rosée du soir. Pensée musicale (85 к.)

PRUDENT. Villanelle. Op. 40. (1 p. 43 к). Le Reveil des fées. Etude. Op. 41. (1 p. 30 к.)

ROSELLEN. La Poupée de Nuremberg. Fantaisie (1 p 30 к.) Ballade. Op 133 (1 p.) Fantaisie favorite sur Beatrice di Tenda. (1 p.) Moscita la sorcière. Fantaisie (1 p 40 к.)

SCHILLER. Fantaisie sur la romance favorite de Warlamoff: Тяжело, нестало силы (1 p.)

SCHULHOFF. L'Ondine. Op. 35. (85 к.) Menuet de Mozart. Nouvelle édition (50 к.)

STEIBELT. L'Orage, précédé d'un rondo pastoral. (Nouvelle édition) (85 к.)

VOSS. La Gracieuse. Impromptu mélodique (85 к.) Mon étoile. Grand nocturne romantique (1 p. 15 к.) Grande Polka di Bravura. Op. 141 (1 p. 15 к.)

WEBER. C. M. Sonate. Op. 24. (Nouvelle édition) (2 p.) Sonate. Op. 39. (Nouvelle édition) (2 p.) Momento capriccioso (60 к.) Polonaise brillante. Op. 72. (85 к.) Concert-Stück. Op. 79. (Nouvelle édition (2 p.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

ДМИТРІЕВСКІЙ. Три русскія пѣсни: Скучно матушка весною. Ахъ! полно молодка по улицѣ ходить и Былъ я на почтовомъ дворѣ (70 к.)

ПАВЛИЩЕВЪ. Отрывки изъ оперы: «Волшебный стрѣлокъ» соч., Вебера. (85 к.)

ПЕТРОВЪ. Этюдъ, соч. Габербира. (70 к.)

РАДО. Я не знала ни очемъ въ свѣтѣ тужить. (40 к.)

САРЕННО. Thème et Variations. (50 к.) Этюдъ. (30 к.) Романсъ безъ словъ. (30 к.) Два этюда. (40 к.) Вальсъ Шопена (Melancolique). (40 к). Фантазія на любимый романсъ: Бывало, бывало, соч. Віельгорскаго. (75 к.)

ЦИММЕРМАНЪ. Этюдъ. (40 к.) Этюдъ и два вальса. (60 к.)

СИХРА А. Практическія правила, состоящія въ четырехъ экзерциціяхъ. (3 р.) Собраніе разнаго рода легкихъ пьесъ. (3 р.) Избранныя сочиненія лучшихъ музыкальныхъ пьесъ (3 р.) Журналъ, содержащій въ себѣ пьесы и пѣсни съ варіяціями. (3 р.) Увертюра изъ оперы: Лодоиска. (50 к.) Болеро изъ оперы: Фенелла. (60 к.) Баллада изъ оперы: Норма. (50 к.) Баркаролла изъ оперы: Робертъ. (40 к.) Двѣ пѣсни и хоръ дѣвицъ изъ оперы: Аскольдова могила. (60 к.) Варіяціи на пѣсню: Вспомни, вспомни мой любезный. (60 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ **Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,**

въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе нотъ не менѣе, какъ на три руб. сереб. получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій пріобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія ГГ. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 6.

ЛЮБОВЬ АРТИСТА.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

Соч. ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ, артистъ, 36 лѣтъ.	*Г. Славинъ.*
АННА СЕРГѢЕВНА, сестра его, 40 лѣтъ.	*Г-жа Орлова.*
КИТТИ, 18 лѣтъ.	*Г-жа Самойлова.*
ВАДИМЪ ВАДИМОВИЧЪ ПОЧЕКИНЪ, 27 лѣтъ.	*Г. Мартыновъ.*
АФАНАСІЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ВЕРТУНИНЪ, 55 лѣтъ.	*Г. Сосницкій.*
ИЗОСИМЪ, 40 лѣтъ.	*Г. Григорьевъ 2.*
ДОМИНИКЪ, 50 лѣтъ.	*Г. Старцевъ.*
ВРАЧЪ, 45 лѣтъ.	*Г. Радинъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

Внутренность большой мастерской. На всѣхъ стѣнахъ висятъ картины. Нѣсколько статуй и бюстовъ разставлено въ безпорядкѣ. Между ними арфа. Въ задней стѣнѣ широкое окно, изъ него видно море и островъ Капри. Двѣ двери, одна налѣво, другая направо. На авансценѣ, противъ треножника, на которомъ поставленъ мѣломъ очерченный эскизъ ландшафта, сидитъ Александръ Сергѣевичъ съ палитрою и кистями въ рукахъ. Нѣсколько лѣвѣе его работаетъ Анна Сергѣевна. При поднятіи занавѣса слышенъ голосъ Кетти и звуки фортепьяно. Пѣніе заключается нѣсколькими аккордами.

I.

АННА и АЛЕКСАНДРЪ.

АННА (*пристально смотря на брата*). Александръ, Александръ! Пора начать; еще недѣля, и іюльское солнце прогонитъ насъ въ Тироль, а картину ждутъ съ нетерпѣніемъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Виноватъ, забылъ и ее, и Тироль; но что́ же дѣлать, Анна? Норма разоритъ меня когда-нибудь; я помѣшаюсь на этомъ чудномъ Беллини, брошу кисти и сдѣлаюсь хористомъ, чтобы имѣть право сказать себѣ, что за неимѣніемъ голоса, способствовалъ хоть размахиваніемъ рукъ къ воспроизведенію его дивныхъ созданій. Сколько души, сколько чувствъ было въ этомъ геніальномъ человѣкѣ!

АННА. А богатый соотечественникъ нашъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Кто это? Почекинъ?

АННА. Да; картина заказана имъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Намалюю какъ-нибудь; сто́итъ ли этотъ Почекинъ, чтобы я ломалъ для него голову!

АННА. И тебѣ не совѣстно, Александръ?

АЛЕКСАНДРЪ. Чего-жъ совѣститься? Развѣ я отказываюсь подарить его бирюзовымъ, такъ-называемымъ, итальянскимъ небомъ. Не знаю я развѣ господъ аматеровъ-путешественниковъ? Благодаря Бога, не

первый годъ живу артистомъ и не перваго туриста награждаю изверженіемъ огнедышащаго сосѣда, и такимъ, другъ мой, изверженіемъ какихъ уже конечно не доводилось видѣть не одному неаполитанцу! Сначала дико казалось мнѣ зажигать, изъ угожденія невѣждамъ, и небо, и море, и всю преисподнюю, а теперь постигъ я общій вкусъ и общее требованіе, и какъ видишь, не занимаю болѣе по піастру; появились лишніе; и отчего? оттого-что сдѣлался умнѣе, опытнѣе. Вдохновеніе, призваніе, мысль! Ступайте прочь, друзья! Не мѣсто ваше въ мастерской моей!.. Улыбка ваша для нашей братьи смерть, и смерть голодная. Прошелъ твой вѣкъ, Рафаель, и твой, Корреджіо! Но—миръ вамъ, великіе! Мнѣ нужно не слава громкая, не безсмертіе и не лавровый вѣнецъ, а пальто и войлочная шляпа. (*Громко*). Доминикъ! Синьоръ Доминикъ. (*Входитъ Доминикъ*). Достань-ка, любезный, банку съ голубцомъ, да потри его и приготовь побольше, только побольше, слышишь? (*Доминикъ уходитъ*).

АННА. Александръ, я не люблю, когда ты говоришь про искусство свое такимъ тономъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Какимъ тономъ?

АННА. Тономъ пренебреженія; однимъ-словомъ, говоришь неискренно, или не то, что́ чувствуешь. Въ эту минуту ты подъ вліяніемъ письма Вертунина.

АЛЕКСАНДРЪ. Сто́итъ оно того!

АННА. Опять неправда; погляди на себя, Александръ! При одномъ имени дальняго родственника лицо твое измѣняется, голосъ твой...

АЛЕКСАНДРЪ. Вертунинъ, ничтожное созданіе, котораго я всегда терпѣть не могъ. Не онъ ли былъ главною причиною разоренія и нашего, и бѣдной нашей Кетти? Не онъ ли вогналъ мать ея, а свою сестру, въ чахотку, и не подоспѣй мы въ Эмсъ, несчастная умерла бы въ бѣдной гостинницѣ, и оставила бы тамъ восьмилѣтнюю дочь малютку. Въ-продолженіе 10 лѣтъ вспомнилъ-ли онъ хоть разъ о сиротѣ? А теперь пишетъ, что, находясь за границею, желаетъ видѣть наконецъ родную племянницу и для этого почти приказываетъ мнѣ привезти ее къ нему въ Берлинъ. Разумѣется, отвѣтъ мой коротокъ, но и очень ясенъ.

АННА. Что́ же ты, написалъ ему?

АЛЕКСАНДРЪ. Я? Написалъ, что племянница его въ Неаполѣ, и почтетъ себѣ за долгъ называть его любезнымъ дядюшкой, то-есть, разумѣется, въ такомъ только случаѣ, если любезный дядюшка заблагоразсудитъ пожаловать самъ. И какъ я очень хорошо помню, что глаза его чуть не лопались отъ тошноты, когда онъ ѣхалъ въ открытомъ

экипажѣ, ну а парохода ужъ конечно не вынесетъ онъ, отъ того я и убѣжденъ, что почтенный родственникъ ограничится однимъ намѣреніемъ пріѣхать, и избавитъ меня отъ искренняго неудовольствія видѣть его здѣсь?

АННА. Ты не совсѣмъ справедливъ къ нему, Александръ, Вертунинъ добръ, когда-то любилъ свою сестру, мать Кетти, и въ правѣли мы ее лишить послѣдняго расположенія богатаго дяди?

АЛЕКСАНДРЪ. А что ей въ его богатствѣ? Или ты забыла, что живъ еще послѣдній подарокъ Варвары Дементьевны, чувствительной супруги Афанасья Гавриловича.

АННА. Ты говоришь про его сына!

АЛЕКСАНДРЪ (*насмѣшливо*). Ну, да, про того милаго малютку, котораго парили въ горшкѣ и обкладывали какой-то травой.

АННА. Грѣшно тебѣ смѣяться.

АЛЕКСАНДРЪ. Виноватъ, Анна; но не избѣгалъ-ли я всѣхъ случаевъ говорить о родствѣ моемъ? Ты напомнила сама, сама и виновата. Потомъ, за все зло, можетъ-быть и неумышленное, за весь вредъ, сдѣланный ими и мнѣ, и тебѣ, и Кетти, позволь хотя разъ въ годъ назвать Вертунина животнымъ, а Варвару Дементьевну...

АННА (*съ упрекомъ*). Александръ! Кетти за стѣною, она можетъ услышать.

АЛЕКСАНДРЪ. Правда, правда! опять виноватъ! Ну, да Богъ съ ними! Зла долго не помню, а Кетти люблю больше всего на свѣтѣ. Однако портретъ ея не конченъ, а на дворѣ становится душно; не мѣшало-бы ей посидѣть.

АННА. Еще портретъ! Помилуй, Александръ, да сколько же ихъ будетъ у тебя?

АЛЕКСАНДРЪ. Постой... девятнадцать, кажется; по два въ каждый годъ, а ихъ прошло довольно съ-тѣхъ-поръ, какъ мы приняли Кетти въ нашу семью. Послѣдніе два портрета не удались, я недоволенъ ими.

АННА. Много время убиваешь на пустыя занятія.

АЛЕКСАНДРЪ. Пустыя занятія! прошу покорно! Вотъ истинно женскія сужденія! Писать съ образца, подобнаго Кетти нашей! Да знаешь-ли, какой фуроръ произвела во Флоренціи та картина, въ которой...

АННА. Въ которой всѣ женскія лица походили на одну Кетти?

АЛЕКСАНДРЪ. Не всѣ, а главныя...

АННА. Я помню успѣхъ, но существенной выгоды не помню; къ-тому же ты отказался продать картину за двѣ тысячи піастровъ.

АЛЕКСАНДРЪ. За нее знатоки дадутъ больше.

АННА. Не продашь и тогда.

АЛЕКСАНДРЪ. Оставимъ въ покоѣ картину, и поговоримъ лучше о нашемъ отъѣздѣ. Дней черезъ десять мы отправимся прямо въ Ниццу, тамъ посовѣтуемся съ врачами, и если нужно, махнемъ на воды.

АННА. Это для чего? Кажется, благодаря Бога, твое здоровье...

АЛЕКСАНДРЪ. Не о моемъ здоровьѣ рѣчь; но мнѣ кажется, Анна, что ты похудѣла нѣсколько; право въ тебѣ есть перемѣна...

АННА (*весело*). Богъ съ тобою, я и не думала хворать; здорова, какъ нельзя больше.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, и Кетти не мѣшаетъ полечиться.

АННА (*смѣясь*). Съ нея бы началъ; зачѣмъ вступленія.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ безпокойствомъ*). А ты также находишь?

АННА. Что Кетти здорова? нахожу.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, безъ шутокъ, не кажется-ли тебѣ, сестра, что она стала блѣднѣе и съ-нѣкоторыхъ-поръ задумчива?

АННА. То-есть, не прыгаетъ въ восемнадцать лѣтъ, какъ прыгала въ двѣнадцать. Замѣчаю, Александръ, замѣчаю и въ тебѣ нѣкоторую перемѣну, съ-тѣхъ-поръ, какъ дѣвочка выросла, а глазки ея сдѣлались выразительными.

АЛЕКСАНДРЪ. Опять шутки, сестра; хорошо разъ посмѣяться надъ пристрастіемъ моимъ, какъ ты говоришь, къ Кетти нашей, но повторять...

АННА. Не сердись, ради-Бога; слова мои не насмѣшка; тебѣ тридцать-шесть лѣтъ, а хорошенькое личико...

АЛЕКСАНДРЪ. Я дочь мою не любилъ-бы другимъ чувствомъ...

АННА. Вѣрю!

АЛЕКСАНДРЪ. Она дитя...

АННА. То-есть, въ восемнадцать лѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ. И въ двадцать-восемь будетъ мнѣ столько же дорога.

АННА. Вѣрю и этому.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ чувствомъ*). Не она-ли ручонками своими зажимала мнѣ ротъ, когда, бывало, роптalъ я на судьбу; не она-ли услаждала дѣтскими ласками мои горькія минуты; не просиживала-ли она у моего изголовья, во-время болѣзни моей. Сколько разъ, борясь съ нищетою, готовъ я былъ забросить кисти — и... Богъ одинъ знаетъ, отъ какой бездны отвела меня привязанность къ Кетти, и мнѣ не любить ее...

АННА. Любить ее, братъ, можно, должно, но немного меньше; или, виновата, не такъ выразилась: любить иначе, хотѣла я сказать.

АЛЕКСАНДРЪ. Объясни твою мысль.

АННА. Изволь, и объясню ее коротко; ты ревнуешь Кетти ко всѣмъ, мнѣ кажется, къ самому Доминику.

АЛЕКСАНДРЪ. Какой вздоръ!

АННА. Не дальше, какъ вчера, досталось бѣдному Почекину за то, что онъ осмѣлился предложить Кетти свой щегольской кабріолетъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Предложеніе неприличное, — вотъ и все!

АННА. Но зачѣмъ же сердиться и пылить, когда просто можно было учтиво поблагодарить его и не принять.

АЛЕКСАНДРЪ. Онъ приторенъ, твой Почекинъ, и съ-нѣкоторыхъ-поръ страхъ мнѣ надоѣдаетъ: онъ заражаетъ мастерскую мою какимъ-то невыносимымъ букетомъ, а я духовъ терпѣть не могу.

АННА. И на эту ненависть есть причина; Кетти похвалила букетъ!

АЛЕКСАНДРЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Ты становишься брюзглива и несносна, сестра; право мнѣ скоро придется бѣжать отъ тебя, какъ нѣкогда бѣгалъ я отъ Дементьевны....

АННА (*смѣясь*). А Кетти возьмешь съ собою?

АЛЕКСАНДРЪ (*весело*). Еще-бы! Чего-добраго съ тобой испортишь ее!.. Дурной примѣръ пагубенъ. Но вотъ и она. Сдѣлай дружбу, не смѣйся надо мною въ ея присутствіи; повѣрь, мнѣ дѣлается какъ-то неловко...

АННА. Успокойся, ни слова не скажу.

II.

ТѢ ЖЕ и КЕТТИ, въ утреннемъ нарядѣ.

АЛЕКСАНДРЪ (*протягиваетъ ей обѣ руки*). Наконецъ, сударыня; вотъ уже два часа, какъ ожидаютъ васъ и кисти, и краски, и мы, и портретъ.

КЕТТИ. Простите, мой другъ, я забыла васъ для васъ же.

АЛЕКСАНДРЪ. Замысловатое извиненіе.

КЕТТИ. Я разучивала Норму, а вы ее любите.

АЛЕКСАНДРЪ. Мы слушали съ наслажденіемъ, но не видя тебя, я сердился.

КЕТТИ. Какъ я люблю это сердце!

АЛЕКСАНДРЪ. Мысль мила и любезна, но выражена не по-русски. (*Къ Аннѣ*). Замѣчаешь-ли ты, Анна, что благодаря нѣмкѣ, служившей у насъ нѣсколько лѣтъ сряду, въ выговорѣ Кетти осталось что-то очень напоминающее эту почтенную націю. Пора-бы забыть и няньку, и...

КЕТТИ. Вы, мой другъ, начинаете ворчать, а я этого не люблю...

АЛЕКСАНДРЪ. Не буду, не буду, и принимаюсь за портретъ, если только вамъ угодно.

КЕТТИ. Сѣсть—очень угодно.

АЛЕКСАНДРЪ. И пѣть, какъ всегда...

КЕТТИ. Изъ Нормы?

АЛЕКСАНДРЪ. Непремѣнно.

КЕТТИ. Въ награду, мы сегодня же идемъ пѣшкомъ въ Пуццоло, а оттуда...

АЛЕКСАНДРЪ. Недовольно-ли будетъ и одной прогулки?

КЕТТИ. Нѣтъ, мой другъ; кроликъ мой скучаетъ, а въ Пуццоло, у бѣдной нашей Маргариты, ихъ три; пока вы срисуете стараго Джіовани, мы побѣгаемъ по Колизею...

АЛЕКСАНДРЪ. Съ кроликами?

КЕТТИ. И съ тантою Анною.

АННА. Нѣтъ, мой другъ, ужъ танту Анну ты пощади отъ этого упражненія; для нея довольно будетъ одного Пуццоло. Кроликовъ ласкаю, но бѣгать съ ними по развалинамъ, торжественно отказываюсь...

КЕТТИ. Ну, вы сядете въ кабріолетъ.

АННА. Въ какой это?

КЕТТИ. Въ кабріолетъ гостя нашего.

АННА. Почекина? А ты и его взять вмѣстѣ намѣрена съ кроликами?

КЕТТИ. Его — нѣтъ, а кабріолетъ — да!

АЛЕКСАНДРЪ. Ни его самого и ничего, что̀ принадлежитъ ему, мы не возьмемъ съ собою, Кетти; гость нашъ, какъ ты его называешь, вѣроятно предпочтетъ другія окрестности и отправится гулять безъ насъ.

КЕТТИ (*наивно*). Напротивъ, мой другъ, онъ вчера еще выпросилъ у меня позволеніе идти съ нами, и я ему позволила съ тѣмъ, чтобы Почекинъ взялъ съ собою побольше винограду;—я страхъ люблю виноградъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Ты напрасно даешь ему подобныя порученія, Кетти; съ совершенно постороннимъ человѣкомъ дѣвушка должна быть немного...

КЕТТИ. Кто посторонній? Кто это, Почекинъ, вотъ забавно, вотъ смѣшно! (*Хохочетъ*).

АЛЕКСАНДРЪ (*строго*). Я ничего не нахожу смѣшнаго въ моемъ замѣчаніи.

КЕТТИ. Ахъ, какъ вы сердито смотрите на меня, мой другъ.

АННА. Александръ правъ; обхожденіе твое, Кетти, съ Почекинымъ не совсѣмъ прилично; а принимать подарки можно только отъ самыхъ близкихъ родныхъ или друзей...

КЕТТИ. Не онъ–ли каждый день говоритъ мнѣ, что чувствамъ его нѣтъ границъ, и что никого еще онъ не любилъ такъ сильно, какъ меня.

АЛЕКСАНДРЪ (*горячо*). Кетти! Это говорилъ тебѣ Почекинъ?

КЕТТИ. Да, говорилъ.

АЛЕКСАНДРЪ. И ты его слушала?

КЕТТИ. Слушала.

АЛЕКСАНДРЪ. Но... но подобная дерзость съ его стороны заслуживаетъ...

КЕТТИ (*топая ногою*). Ахъ, мой другъ, какой вы право непонятливый? Кто же вамъ говоритъ, что Почекинъ дерзокъ? Напротивъ, онъ такъ нѣженъ, такъ любезенъ и добръ, притомъ такъ остороженъ, что прелесть! Напримѣръ, третьяго-дня, я сижу у окна, вы вышли изъ дому, а танта Анна занялась чѣмъ-то въ своей комнатѣ. Вдругъ подходитъ къ окну моему Почекинъ съ огромною корзиною, полною чудесныхъ фруктовъ. Кому это? спросила я, будто не догадываясь. Вамъ, моя прелесть, Кетти!

АЛЕКСАНДРЪ. Какъ, Кетти? онъ осмѣлился назвать тебя просто Кетти?

КЕТТИ. Да, но Почекинъ тотчасъ же спохватился и ахнулъ! Потомъ долго извинялся, и послѣ уже выпросилъ позволенія называть меня просто Кетти, только наединѣ, потому-что онъ находитъ это неприличнымъ при другихъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ сердцемъ*). И ты тотчасъ же не приказала Доминику выгнать его вонъ изъ дому!

КЕТТИ. Выгнать? За что́ же? Не позволь я ему этого сама, и не цалуй онъ мнѣ ручки такъ почтительно, я, разумѣется, разсердилась бы. Но, мой другъ, за такой ананасъ, право, сто́итъ позволить, кому хотите, поцаловать руку. Другой примѣръ: на прошлой недѣлѣ, помните поѣздку нашу на ослахъ, вы помните?

АЛЕКСАНДРЪ. И она разсказываетъ все это такъ равнодушно.

КЕТТИ (*не слушая*). Вы разговорились съ тѣмъ италіянскимъ скульпторомъ, что прошлую зиму прислалъ мнѣ амурчика изъ Рима, и мы съ Почекинымъ въѣхали въ гротъ. Онъ взглянулъ на мою ногу и вскричалъ отъ удивленія: «какая маленькая, какая хорошенькая ножка у васъ, Кетти! Неужели Александръ Сергѣичъ до–сихъ–поръ не приказалъ вылить ее изъ золота?»—Зачѣмъ же изъ золота? это дорого, отвѣчала я, а изъ алебастру мой другъ сдѣлалъ ее самъ.—«И онъ не разцаловалъ ножку вашу?» спросилъ Почекинъ. Алебастровую нѣтъ, а мою, то-есть живую, да, отвѣчала я, потому-что помните, мой другъ, вы нѣсколько разъ...

АЛЕКСАНДРЪ (*съ смущеніемъ*). Но зачѣмъ всѣ эти подробности, Кетти?

КЕТТИ. Постойте, постойте; этимъ еще не кончилось. Почекинъ назвалъ васъ счастливцемъ, сказалъ, что отдалъ бы все за то, чтобы поцаловать хоть башмачокъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, а ты, Кетти, ударила его хлыстомъ, или...

КЕТТИ. Нѣтъ; я вспомнила, что танта Анна только-что наканунѣ подарила мнѣ новинькіе и прехорошенькіе ботинки, и протянула ножку, и Почекинъ такъ крѣпко схватилъ ее, что я чуть не вскрикнула! Но тутъ случилось самое смѣшное...

АЛЕКСАНДРЪ (*бѣдняга*). Случилось, говоришь ты? что такое случилось?

КЕТТИ. А вотъ что! Схвативъ обѣими руками ногу мою, онъ, разумѣется, долженъ былъ нагнуться, чтобы поцаловать ее, и чуть-чуть не упалъ, но такъ смѣшно, такъ забавно.

АННА (*тихо брату*). Опомнись, приди въ себя, на тебя смотрѣть страшно.

АЛЕКСАНДРЪ. Я... я однакоже постараюсь найти средство предупредить на будущее время всякое паденіе съ ословъ, и Почекинъ, надѣюсь, возьметъ на себя трудъ обращать страстные поцалуи свои къ другимъ, а не къ кому-нибудь изъ моего семейства...

КЕТТИ. Но вы знаете-ли, мой другъ, что гость нашъ очень друженъ съ моимъ какимъ-то дядею, съ близкимъ и очень богатымъ роднымъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Слышу въ первый разъ.

КЕТТИ. Какъ-же, какъ-же! Коротко знакомъ, и этотъ дядя писалъ къ нему, что скоро пріѣдетъ сюда, и очень хочетъ меня видѣть.

АЛЕКСАНДРЪ (*насмѣшливо*). Странно! Г. Почекинъ говоритъ все это тебѣ, а не намъ.

КЕТТИ. А это вотъ видите-ли почему; васъ, мой другъ, боится нашъ гость, и такъ боится, что я должна была дать ему слово никогда ничего не говорить вамъ ни о поцалуяхъ, ни о прочемъ.

АЛЕКСАНДРЪ. О поцалуяхъ?.. Стало-быть, не одинъ поцалуй?..

КЕТТИ. Какой одинъ, мой другъ; онъ безпрестанно цалуетъ мои руки; и вотъ какъ у насъ положено: за ананасъ три раза, за виноградъ, два раза, за конфекты... я конфектъ не люблю.

АЛЕКСАНДРЪ (*стараясь скрыть свое бѣшенство*). Кетти! ты такъ мила сегодня, что, вѣрно, не откажешься и разскажешь подробно всѣ прочіе случаи, и конечно не скроешь ничего, понимаешь-ли, ровно ничего.

КЕТТИ (*подумавъ*). Только разъ, или, постойте, только два раза! И именно: однажды онъ поцаловалъ меня вотъ сюда. (*Показываетъ на затылокъ*). А на другой день, въ самую щеку, и я ужасно разсердилась; но оказалось, что онъ сдѣлалъ это нечаянно.

АЛЕКСАНДРЪ. Кетти! мои ласки основаны на десятилѣтней привязанности къ тебѣ, которую нѣкогда носилъ я на рукахъ своихъ, которую нянчилъ, какъ дочь, и берегъ, какъ единственное сокровище, какъ честь свою. Эти же ласки отъ другаго, отъ посторонняго оскорбляютъ дѣвушекъ, и налагаютъ на нихъ клеймо безславія. Съ Почекинымъ разочтусь я, а ты, Кетти, постарайся впередъ быть поосторожнѣе и благоразумнѣе съ подобными ему.

КЕТТИ (*съ отчаяніемъ*). Богъ мой, что же я такое сдѣлала?

АЛЕКСАНДРЪ. Не ты, а онъ, онъ!

АННА. Я не допущу тебя, Александръ, до объясненія...

АЛЕКСАНДРЪ. Сестра, обязанности наши различны: мой долгъ защищать ту, которую ввѣрилъ намъ самъ Богъ; твоею же обязанностію, Анна, было предостеречь ее, и предупредить этимъ всякія объясненія. Теперь поздно, и мнѣ пора приниматься за работу...

КЕТТИ. За портретъ, мой другъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, мнѣ не до него теперь, впрочемъ пожалуй! (*Ставитъ начатой портретъ на мѣсто ландшафта*).

КЕТТИ (*садясь противъ него*). Хорошо-ли я сижу?

АЛЕКСАНДРЪ. Поверни голову въ мою сторону! вотъ такъ, теперь хорошо! (*Рисуетъ*). Онъ гнусный человѣкъ, — онъ извергъ... змѣя, которую я долженъ былъ бы раздавить у порога!—Смѣть прикасаться до мизинца, до щеки, это... это невозможно.

КЕТТИ (*рѣшительно*). Я больше никогда ему не позволю цаловаться.

АЛЕКСАНДРЪ. Кетти! довольно на первый разъ! И воспоминанія о предательствахъ почтеннаго гостя куда-какъ надоѣли мнѣ.

КЕТТИ. А Норма?

АЛЕКСАНДРЪ. Это дѣло другое.

КЕТТИ. Что-же, пропѣть?

АЛЕКСАНДРЪ. Пожалуйста...

КЕТТИ. А что именно?

АЛЕЕСАНДРЪ. Что хочешь.

КЕТТИ. Casta diva?

АЛЕКСАНДРЪ. Прекрасно.

КЕТТИ. Но, мой другъ, послѣ Гризи, Крувелли и любимицы твоей Фрецполини, не будетъ-ли смѣшно слушать меня?

АЛЕКСАНДРЪ. Сравнивать тебя съ ними никто не станетъ, и не твое назначеніе быть примадонною. Потомъ, повѣрь мнѣ, Кетти, истинные почитатели Беллини, меломаны не по одному названію, конечно не унизятъ себя до критики, а изъ уваженія къ памяти великаго композитора простятъ, и пожалуй, поаплодируютъ тебѣ,—стало быть, пой, а мы послушаемъ.

КЕТТИ. Я не боюсь, право не боюсь, мой другъ, а въ доказательство... (*поетъ* Casta diva, *и по окончаніи обращается къ Александру*). Ну, что, хорошо?

АЛЕКСАНДРЪ. Хвалить не стану, боюсь показаться пристрастнымъ; голосъ твой Кетти очень малъ, но вѣренъ; я доволенъ имъ!

ДОМИНИКЪ (*входитъ*). Синьоръ Почекинъ?

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакивая*). Почекинъ?

АННА. Ради-Бога, умѣрь себя, Александръ, и вспомни, что всякое объясненіе неизбѣжно повлечетъ за собою несчастіе всѣхъ насъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, онъ долженъ быть наказанъ; и если въ человѣкѣ этомъ есть хоть искра чести, онъ не откажется...

АННА. Съ тобою драться, братъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, но позволить себя убить.

АННА. Ты не захочешь быть убійцею, и не захочешь убить Кетти! Вспомни о ней Александръ!

АЛЕКСАНДРЪ. Да, ты права! Ей я еще нуженъ! (*Доминику*). Проси! (*Доминикъ уходитъ*).

III.

ТѢ ЖЕ и ПОЧЕКИНЪ, одѣтый по послѣдней модѣ.

ПОЧЕКИНЪ. Любезный Сальваторъ, нашъ почтенный другъ... но вы разстроены чѣмъ-то; вы блѣдны, здоровы-ли?

АЛЕКСАНДРЪ (*сухо*). Здоровъ, а блѣденъ такъ, безъ причины.

ПОЧЕКИНЪ (*обращаясь къ Аннѣ и Кетти*). То-то, то-то, а вѣдь я страхъ перепугался; а вы, mesdames, какъ окончили вчерашній вечеръ? Mademoiselle Кетти?

АЛЕКСАНДРЪ. Кстати, давно хотѣлъ я познакомить васъ съ именемъ ея отца, его звали Дмитріемъ. Имя Кетти даемъ мы ей поправу род-

ства; это имя, или лучше сказать, это право принадлежитъ исключительно намъ однимъ!

ПОЧЕКИНЪ. Виноватъ и премного виноватъ, Александръ Сергѣевичъ; простите мою разсѣянность...

АЛЕКСАНДРЪ (*насмѣшливо*). Объ этомъ, впрочемъ неважномъ недостаткѣ вашемъ, мы только-что говорили сію минуту и Кетти разсказывала намъ, какъ-разъ вы приняли ее за кого-то.

КЕТТИ. За ту хорошенькую дѣвушку, которую вы видѣли въ Венеціи.

ПОЧЕКИНЪ (*въ смущеніи*). Да, да, да, да! Скажите, какая память! Дѣйствительно, вспоминаю теперь...

КЕТТИ. Вы еще поцѣловали меня въ щеку.

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ же напоминать подобную вещь другу нашему, Кетти? Я убѣжденъ, что онъ дорого бы далъ за то, чтобы впередъ не случилась съ нимъ подобная разсѣянность.

ПОЧЕКИНЪ (*совершенно теряясь*). Вѣдь вотъ, вѣдь вотъ... скажите, пожалуйста, въ-самомъ-дѣлѣ, какой странный случай... и, и, и, вѣрите-ли, вотъ этакой, напримѣръ, порокъ пренесчастный,—ужасный порокъ...

КЕТТИ. Я все разсказала... прощай ананасы. (*Вздыхаетъ*).

АЛЕКСАНДРЪ. Дитя! ананасы продаются за деньги, или предлагаются истинными, неподдѣльными друзьями, а въ тѣхъ и другихъ у тебя, Кетти, недостатка нѣтъ, кажется.

ПОЧЕКИНЪ. И я, и я другъ вашъ, искренній, неподдѣльный другъ, Катерина Дмитріевна, не правда-ли?

КЕТТИ. Нѣтъ! вы хоть и говорите, что другъ, а до-сихъ-поръ еще ни разу...

АЛЕКСАНДРЪ. Довольно объ этомъ, Кетти. Сеансъ твой конченъ, и ты можешь уйти къ себѣ. Скоро три часа, часъ обѣда, а тамъ и въ путь съ кроликомъ.

ПОЧЕКИНЪ. Вы собираетесь за городъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Да, въ Пуццоло, и пѣшкомъ.

ПОЧЕКИНЪ. Позвольте предложить вамъ мою коляску!

КЕТТИ (*Александру*). Нѣтъ, мой другъ, не нужно, я хочу идти, а не ѣхать. (*Къ Почекину*). Мы пойдемъ безъ васъ! (*Низко приссѣдаетъ*).

ПОЧЕКИНЪ. За что́ же такая немилость, m-lle Кетти?

КЕТТИ (*выразительно*). Катерина Дмитріевна.

ПОЧЕКИНЪ. Ахъ, Богъ мой, простите я хотѣлъ сказать, за что́ же, и что́ подало поводъ, Катерина Дмитріевна?

КЕТТИ. Вотъ что! (*Показывая на щеку, руку, ногу и затылокъ*). Вотъ за что. Теперь догадались?

АННА. Кетти, я тебя дожидаюсь.

КЕТТИ. Сейчасъ, ma tante.

АЛЕКСАНДРЪ (*указывая на дверь*). Кетти, Кетти!

КЕТТИ. Прощайте. (*Отходитъ къ дверямъ, и останавливаясь, грозитъ Почекину пальчикомъ, — Почекинъ, кашляя, низко кланяется*).

IV.

АЛЕКСАНДРЪ (*смотря съ улыбкою на Почекина*). А знаете-ли, Вадимъ Вадимовичъ, что мнѣ пришла счастливая мысль для картины вашей.

ПОЧЕКИНЪ. Можетъ-ли быть, любезный Александръ Сергѣевичъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Право; я желалъ бы знать, придетъ-ли вамъ мысль моя по сердцу... Вотъ видите-ли: занимаясь постоянно живописью, стыжусь, что не изобрѣлъ еще ровно ничего новаго.

ПОЧЕКИНЪ. Какъ новаго? въ чемъ не изобрѣли?

АЛЕКСАНДРЪ. Я говорю про genre; и дивлюсь, какъ мнѣ еще ни разу не пришло въ голову перемѣнить методу, и вмѣсто однообразныхъ цвѣтныхъ пейзажей надѣлять практику мою ландшафтами болѣе оживленными. Напримѣръ, сколько людей предпочли бы говорящія картины одной мертвой природѣ.

ПОЧЕКИНЪ. А что же вы называете говорящими картинами?

АЛЕКСАНДРЪ. Такъ называю я школу Теньера. Въ его тавернахъ всѣ дѣйствующія лица только-что не движутся; смотря на нихъ, вамъ будто слышатся голоса; по картинамъ его вы изучаете нравы народа, обычаи, весь бытъ его.

ПОЧЕКИНЪ (*улыбаясь*). Стало, очень скоро поклонникамъ таланта вашего, Александръ Сергѣичъ, придется изучать итальянское нарѣчіе, чтобы подслушивать любовныя пѣсни лазарони и ихъ страстныя объясненія?

АЛЕКСАНДРЪ. О, нѣтъ! Зачѣмъ затруднять любезныхъ соотечественниковъ; языки даются не всѣмъ; героями ландшафтовъ моихъ я сдѣлаю нѣкоторыхъ путешественниковъ. Сколько интересныхъ эпизодовъ,

сколько портретовъ могъ бы я помѣстить и представить въ самомъ смѣшномъ, въ самомъ забавномъ положеніи.

ПОЧЕКИНЪ. Безподобная мысль!

АЛЕКСАНДРЪ. Не далеко искать; одинъ гротъ Паузилиппо, вы знаете его?

ПОЧЕКИНЪ. Еще бы не знать гробницы Виргилія.

АЛЕКСАНДРЪ. Ну, вотъ, и для вашей картины избираю я его! На первомъ планѣ, то-есть у въѣзда въ гротъ, со стороны Виргилія, представлю двухъ всадниковъ, смѣющихся до слезъ! въ одномъ изъ нихъ легко будетъ узнать русскаго артиста, а въ другомъ пожалуй хоть итальянца! Разумѣется, смѣхъ этотъ долженъ будетъ имѣть какую-нибудь причину.

ПОЧЕКИНЪ (*смѣясь отъ души*). Разумѣется, разумѣется.

АЛЕКСАНДРЪ. Неправда–ли?

ПОЧЕКИНЪ. И причина эта, воображаю...

АЛЕКСАНДРЪ. Преуморительная!

ПОЧЕКИНЪ. Ну, ну, мой геній!

АЛЕКСАНДРЪ. Помучить васъ?

ПОЧЕКИНЪ. Нѣтъ, пожалуйста нѣтъ; мнѣ уже, кажется, что я вижу всадниковъ, и горю нетерпѣніемъ...

АЛЕКСАНДРЪ. Посмѣяться вмѣстѣ съ ними надъ дуракомъ, который ѣдетъ впереди, силится достать губами ножку прехорошенькой дѣвушки, сидящей на ослѣ, и падаетъ на землю; шляпа его слетѣла, фалды моднаго фрака приходятъ въ страшный безпорядокъ, обѣими руками схватывается онъ, только-что не за уши своего осла. (*Хохочетъ*).

ПОЧЕКИНЪ (*измѣнясь въ лицѣ*). Да, да, очень забавный сюжетъ! (*Всторону*) Эге! любезный! Такъ вотъ отъ чего ты принялъ меня сегодня съ такимъ радушіемъ и корчишь мнѣ всѣ эти рожи... Хорошо же, хорошо. (*Громко*) Экая у васъ изобрѣтательность, экой талантъ Александръ Сергѣичъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Воображаю, съ какимъ восторгомъ примутъ новую картину мою, или правильнѣе сказать вашу, Вадимъ Вадимычъ! Для большого эффекта, я въ прекрасной дѣвушкѣ изображу Кетти; ее же кстати всѣ знаютъ.

ПОЧЕКИНЪ. Гм! гм! Еще разъ чудно, дивно, мой великій художникъ; а какъ одна счастливая мысль всегда влечетъ за собою другую, то я попрошу васъ, почтеннѣйшій Александръ Сергѣичъ, поторопиться говорящимъ ландшафтомъ вашимъ, и окончить его въ концѣ этой недѣли. Мнѣ пришло страшное желаніе поднести первый образчикъ новаго genre вашего одному изъ лучшихъ друзей моихъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*иронически*). Сію минуту принимаюсь заработу, но недостаетъ главнаго лица.

ПОЧЕКИНЪ. То-есть недостаетъ образца для падающаго дурака?

АЛЕКСАНДРЪ (*хохочетъ*). Именно.

ПОЧЕКИНЪ. Представьте меня.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ удивленіемъ*). Что?

ПОЧЕКИНЪ. Меня, Александръ Сергѣичъ; мнѣ этого смерть хочется.

АЛЕКСАНДРЪ (*всторону*). Чтобы это значило? (*Громко*) Вы хотите?

ПОЧЕКИНЪ. Ну, да, да, хочу, и прошу, и требую! Почему же нѣтъ! А сказать вамъ причину такого страннаго желанія?

АЛЕКСАНДРЪ. Признаюсь, очень любопытно.

ПОЧЕКИНЪ. Извольте; съ искренними друзьями откровенность лучшее доказательство преданности; и вамъ скажу я откровенно, что картина ваша напомнила мнѣ случай, въ которомъ я игралъ самую смѣшную, самую забавную роль! Въ одно изъ моихъ путешествій,—умолчу гдѣ это было, случилось мнѣ, посѣщая подобныхъ вамъ великихъ художниковъ, встрѣтиться и влюбиться по уши въ прелестнѣйшее созданіе, подобное вашей Кетти. Ахъ извините! хотѣлъ сказать Катеринѣ Дмитріевнѣ. Дѣвушка эта была ребенкомъ принята въ домъ артиста, воспитана имъ, и до восьмнадцатилѣтняго возраста находилась въ совершенной отъ него зависимости. Увлеченный слѣпою страстію къ ней, я въ первое время знакомства позволялъ себѣ тысячу маленькихъ вольностей, неважныхъ разумѣется, какъ напримѣръ: возить ей фрукты, сладости, и вымѣнивать все это на невинныя права касаться ручки красавицы. Вѣроятно, маленькое волокитство это тѣмъ бы и кончилось, какъ вдругъ узнаю я случайно, что у дѣвушки пребогатый дядя, что дядя этотъ, потерявъ жену и послѣдняго сына назначаетъ ее своею единственною наслѣдницею и ѣдетъ за нею. Представьте себѣ, мой другъ, мое счастіе, мой восторгъ; не медля ни секунды, я пишу къ нему предлинное посланіе, сознаюсь въ любви къ племянницѣ, и основываясь на прежнихъ короткихъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, прошу согласія на бракъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*внѣ себя*). И онъ счелъ себя въ правѣ отдать вамъ руку дѣвушки, не спросясь у нея, и не спросивъ даже согласія у перваго ея покровителя.

ПОЧЕКИНЪ. О, нѣтъ, какая мысль! Напротивъ, онъ ничего этого не сдѣлалъ, и отвѣчалъ мнѣ только, что зная благородство покровителя, ручается за него, и убѣжденъ, что покровитель этотъ не захочетъ изъ эгоизма лишить питомицу свою всего будущаго благополучія. Но мы отвлеклись

отъ нашей картины, которая, какъ я уже вамъ сознался, напоминаетъ мнѣ точно такой же эпизодъ... однажды, прогуливаясь...

АЛЕКСАНДРЪ. Довольно, я раздумалъ, и смѣшить никого не намѣренъ, никого; къ тому же поздно, и намъ пора обѣдать.

ПОЧЕКИНЪ (*смотря на часы*). Да, скоро четыре! Прощайте, до свиданія! Болѣе безпокоить васъ не хочу; къ тому же въ этотъ часъ приходятъ римскіе дилижансы, бѣгу въ контору. (*Всторону*) Ну что, мой Сальваторъ, въ долгу-то остались вы; что-то еще будетъ съ пріѣздомъ дядюшки! (*Громко*) И такъ еще разъ прощайте, милый другъ Александръ Сергѣичъ; очень сожалѣю, что лишенъ чести быть во-время сегодняшней прогулки кавалеромъ Mademoiselle Ке... ахъ, опять, чуть-чуть не забылъ, Катерины Дмитріевны! (*Смѣясь уходитъ*).

V.

АЛЕКСАНДРЪ, одинъ

Какъ! смѣть просить руки Кетти у другаго, а не у меня. Надѣяться оторвать Кетти мою отъ моего сердца и лишить меня всѣхъ правъ, и изъ того только, что у Вертунина умеръ сынъ, и что Вертунину некуда дѣть своего богатства! Боже! ужасны Твои испытанія, они свыше силъ моихъ. (*Бросаясь въ кресло*) Нѣтъ, не бывать этому! и моего сокровища не отниметъ у меня первый встрѣчный. Черезъ часъ отплываетъ пароходъ въ Палермо! завтра сардинскій люгеръ подниметъ паруса, и черезъ недѣлю мальтійскій флагъ разовьется между нами и Европою. (*Звонитъ*) Доминикъ! Доминикъ! (*Слуга вбѣгаетъ*) Уложи все безъ остановки, и тотчасъ же позови ко мнѣ сестру; скажи ей, что мы ѣдемъ сію минуту, слышишь, сію минуту...

АННА (*вбѣгаетъ*). Братъ, ты знаешь новость?

АЛЕКСАНДРЪ. Новость? Какую новость?

АННА. Неожиданныя вѣсти, вотъ письмо, прочти.

АЛЕКСАНДРЪ. Письмо, откуда отъ кого?

АННА. Изъ гостинницы Витторія, отъ Вертунина.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ ужасомъ*). Вертунинъ, Вертунинъ здѣсь?

АННА. Онъ только-что пріѣхалъ, и вообрази пріѣхалъ для Кетти, единственной своей наслѣдницы.

АЛЕКСАНДРЪ. Все кончено!

АННА. Вертунинъ потерялъ жену и ребенка... и наша Кетти!..

АЛЕКСАНДРЪ (*хватаетъ ее за руку*). Радуйся, всѣмъ будетъ весело, всѣ будутъ счастливы, и погибну я одинъ. (*Падаетъ въ кресло*).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Садъ на берегу моря. На каменной скамьѣ сидитъ Вертунинъ; онъ держитъ за обѣ руки Кетти. Нѣсколько поодаль рисуетъ Александръ Сергѣичъ. Позади его стоитъ Изосимъ и смотритъ на рисунокъ черезъ плечо артиста. Вечеръ.

ВЕРТУНИНЪ (*Кетти*). Ну, мой живчикъ, такъ Италію называешь ты своею Италіею, и не согласна промѣнять ее ни на какую другую сторону?

КЕТТИ. Россіи не знаю, а Германію терпѣть не могу.

ВЕРТУНИНЪ. Совершенно съ тобою согласенъ, и за нѣмечину не стою. Пиво мнѣ запрещено, горячитъ кровь; до мельшпейзовъ, признаюсь, не охотникъ, а нарѣчія ихъ не понимаю. Что же касается до Россіи, душа моя, и Неаполь твой передъ нею пасъ. Разумѣется, будь я такой мастеръ, какъ нашъ Александръ Сергѣичъ, — дѣло иное; кисти есть тутъ начемъ расходиться, въ какую сторону не повернись, вездѣ прелесть, натура! Ужъ чего я? а вотъ взглянь ка на Изосима, и онъ, при всей своей простотѣ, глазъ отвести не можетъ отъ всякой художественности. Изосимъ, а Изосимъ!

ИЗОСИМЪ. Чего изволите?

ВЕРТУНИНЪ. Ну, скажи на милость, смыслишь ты что-нибудь въ томъ, на что глаза-то пялишь?

ИЗОСИМЪ (*съ глупымъ смѣхомъ*). Ничего-съ!

ВЕРТУНИНЪ. Что же ты тамъ видишь?

ИЗОСИМЪ. Корову написали.

ВЕРТУНИНЪ. И больше ничего?

ИЗОСИМЪ (*указывая пальцемъ на рисунокъ*). А вотъ тутъ толстой какой-то, словно вы, баринъ, и барышня точно живая-съ сидитъ

ВЕРТУНИНЪ. Что́ онъ тамъ вретъ такое, Александръ Сергѣевичъ?

АЛЕКСАНДРЪ (*какъ-бы опомнясь, рветъ рисунокъ и бросаетъ его на землю*). Вы со мной говорите?

ВЕРТУНИНЪ. Ахъ! братецъ, что́ же ты это изорвалъ?

КЕТТИ (*поднимая клочки бумаги*). Ну можно-ли, мой другъ. (*Смотритъ*). Ахъ, какъ мило, какъ мило! Посмотрите, дядюшка, что̀ онъ сдѣлалъ, какая жалость.

АЛЕКСАНДРЪ (*вставая*). Брось эту дрянь, Кетти; когда-нибудь въ въ другое время нарисую тебѣ этотъ самый видъ. Сегодня-же и небо какъ-то мрачно, и мутно море, и воздухъ удушливъ; онъ ложится свинцомъ на грудь.

ВЕРТУНИНЪ. Помилуй, помилуй, когда-же было небо яснѣе? Мрачно не оно, а ты, Александръ Сергѣевичъ. И Богъ вѣдаетъ, что́ съ тобою дѣлается? Вотъ три дня, какъ живу съ вами, и ни разу еще не видалъ тебя веселымъ.

КЕТТИ. Онъ, дядюшка, давно такой несносный; все сердится, все ворчитъ на меня; право, я скоро разлюблю его.

ВЕРТУНИНЪ (*смѣясь*). И дѣло сдѣлаешь. Впрочемъ причину грусти его я угадываю: вѣроятно, мы съ Изосимомъ напомнили собою Александру Сергѣевичу общую нашу родину, давно прошлое время, его молодость. Сло́ва нѣтъ, бывали и черные дни, а все-таки придутъ эти дни на память, такъ за сердце и заскребетъ. Не такъ-ли, любезный?..

АЛЕКСАНДРЪ (*глубоко вздыхая*). Я постарался забыть и черные и ясные дни моей молодости. Прошлое принадлежитъ не намъ, а на чужое добро покушаться не должно.

ВЕРТУНИНЪ. Хорошо чужое добро! Нѣтъ, братъ, ужъ въ этомъ извини меня; не только юность, а напомни кто-нибудь на чужой сторонѣ родныя мѣста,—съ ними и году нѣтъ, какъ разстался,—такъ вотъ и расплакался-бы кажется. Изосимъ напримѣръ; вѣдь таскать его за собою куда тягостно; за вотчину одну сколько пришлось заплатить: онъ убираетъ ее за разъ порціи по десяти; и того три раза готовъ былъ отослать назадъ съ лишнимъ багажемъ; нѣтъ, духу не хватило,—ради воспоминанія! Сгрустнется мнѣ, заставлю спѣть что́-нибудь; ну разумѣется, какое тамъ пѣніе, заоретъ по своему; въ Бирюковѣ не слушалъ бы его, а здѣсь...

КЕТТИ. Какъ дядюшка, онъ поетъ у васъ русскія пѣсни?

ВЕРТУНИНЪ. Какъ-же, душа моя, поетъ настоящія русскія, родныя.

КЕТТИ. Заставьте его спѣть что́-нибудь, дядюшка.

ВЕРТУНИНЪ. По мнѣ пожалуй, коли у тебя есть охота слушать.

КЕТТИ. Ужасно хочется.

ВЕРТУНИНЪ. Только смотри, чуръ не раскаяваться ; вѣдь зачнетъ, не вдругъ уймешь.

КЕТТИ. Ахъ, ничего! Я ужасно люблю пѣніе настоящее русское. Пожалуйста, добрый, милый дядюшка, заставьте его пѣть.

ВЕРТУНИНЪ. Ну, нечего дѣлать, быть по твоему. Изосимъ, а Изосимъ, слышишь, что барышня говоритъ? Хочетъ послушать, какъ ты поешь.

ИЗОСИМЪ (*охарашиваясь*). Какую-жъ это, барышня, вамъ пѣсенку-то хватить, цыганскую что-ли?

КЕТТИ. А ты поешь и по цыгански? Вотъ чудесно. Вы слышите дядюшка, онъ и по цыгански знаетъ, вашъ Изосимъ

ВЕРТУНИНЪ. Вѣрь ему, дружочикъ, пожалуй и отъ итальянскаго не откажется; онъ у меня на всѣ руки.

ИЗОСИМЪ. Въ Москвѣ-то, батюшка, Афанасій Гавриловичъ, какъ были ономнясь, такъ на Живодеркѣ-то все цыгане живутъ: вечеромъ пойдешь бывало съ жуликомъ-то, съ Ехтафеемъ, изволите знать...

КЕТТИ. Что такое жуликъ, дядюшка?

ВЕРТУНИНЪ. Не слушай его, милая; онъ самъ не знаетъ, что городитъ.

ИЗОСИМЪ. Нѣтъ, батюшка Афанасій Гавриловичъ, ей-Богу истинну доказываю вамъ; какъ стемнѣетъ, такъ вотъ и повысыпятъ цыгане, словно клопы, и пойдутъ пѣсни и пляски ; вѣстимо слышишь и забираешь на память.

ВЕРТУНИНЪ. А забралъ напамять и ладно; пропой же, да смотри не во всю гортань, а не то, чего добраго, народъ перепугаешь.

ИЗОСИМЪ. Орать не станемъ, зачѣмъ орать! Унылую что ли спѣть, аль плясовую?

КЕТТИ. Нѣтъ, прежде унылую.

ИЗОСИМЪ. Извольте, барышня, съ нашимъ превеликимъ удовольствіемъ, вотъ какую отхватаемъ-съ, низовую-съ. (*Становится въ позицію и поетъ русскую пѣсню*).

ВЕРТУНИНЪ. Ну, изрядно; ей ей, не ожидалъ, спасибо тебѣ; только ужъ больно уныла твоя пѣсенка, смотри, и барышнѣ сгрустнулось.

КЕТТИ. Нѣтъ, дядюшка, я думала... я смотрѣла.

ВЕРТУНИНЪ. Небось на Александра Сергѣевича! Да душенька, нехорошъ онъ что-то, и насъ не слышитъ; однако хвати-ка плясовую, Изосимъ, авось и его разшевелитъ. Валяй, валяй.

ИЗОСИМЪ. Камаринскую, баринъ, что-ли?

ВЕРТУНИНЪ. Валяй камаринскую, ну, ну!

Изосимъ беретъ подъ бока и начинаетъ плясать съ аккомпаниментомъ оркестра; потомъ оркестръ переходитъ въ варіаціи Глинки. Изосимъ пускается плясать, а Вертунинъ, сидя на скамьѣ, выдѣлываетъ всѣмъ тѣломъ разныя движенія. Кетти хохочетъ.

ВЕРТУНИНЪ (*махая руками*) Будетъ, будетъ! мочушки моей нѣтъ! не выдержу! экая пропасть, такъ вотъ и подмываетъ въ присядку; ну не могу слушать хладнокровно, и не будь совѣстно...

КЕТТИ (*хохочетъ*). Да вы, дядюшка, преуморительный. (*Изосимъ, шатаясь, уходитъ въ домъ*).

ВЕРТУНИНЪ. То-ли еще было съ молоду-то; помнишь, братъ Александръ Сергѣевичъ, бывало съ батюшкою-то съ твоимъ... Да что же ты это въ-самомъ-дѣлѣ такой скучный; подойди къ намъ, видишь веселье какое.

АЛЕКСАНДРЪ. Давно не веселюсь.

ВЕРТУНИНЪ. Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже, любезный; въ жизни и безъ того много причинъ найдется хандрить.

КЕТТИ (*вполголоса*) Погодите, дядюшка, я его тотчасъ развеселю... (*Становится въ позу и съ жестами начинаетъ пѣть русскій романсъ, послѣ котораго танцуетъ. Вертунинъ съ восхищеніемъ слѣдуетъ за всѣми ея движеніями, а Александръ съ трудомъ скрываетъ слезы. Окончивъ танецъ и пѣніе, Кетти весело бросается къ Александру, но тотъ ее слегка отталкиваетъ*).

КЕТТИ (*съ испугомъ*). Что это значитъ, мой другъ? Вы больше не позволяете мнѣ ласкать васъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*глухимъ голосомъ*). Черезъ часъ мы разстаемся, а послѣ этой минуты, Кетти, я, я... (*Отворачивается, чтобы скрыть слезы*).

КЕТТИ. Но развѣ вы не догоните насъ въ Ливорно, развѣ не вы хотѣли отправить меня впередъ съ дядюшкой, и пробыть еще два дня здѣсь.

АЛЕКСАНДРЪ. Конечно, конечно, Кетти, послѣ завтра мы снова увидимся, но не здѣсь, не въ Неаполѣ; а мнѣ, видишь ли, жаль его. (*Закрываетъ лицо руками*).

КЕТТИ (*съ недоумѣніемъ*). Дядюшка, посмотрите онъ плачетъ; отъ чего бы это?

ВЕРТУНИНЪ. Понятное дѣло, мой другъ; привычка къ мѣсту, къ краю, въ которомъ провелъ такъ много лѣтъ; но все это пройдетъ, вѣрь мнѣ; кто же не тосковалъ и не плакалъ! Если другу твоему

хочется, чтобы мы дождались его здѣсь, я первый согласенъ остаться съ удовольствіемъ; ты хочешь этого, Александръ Сергѣевичъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, и малодушіе мое не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; все вздоръ; уѣзжайте скорѣе, мнѣ будетъ легче, я привыкну къ одиночеству; къ тому же все пройдетъ, какъ говорите вы, Афанасій Гавриловичъ, все пройдетъ...

КЕТТИ. А знаете ли, вы, дядюшка, что мнѣ пришло въ голову?

ВЕРТУНИНЪ. Что же такое, моя милая?

КЕТТИ. Вы меня хотите обмануть!

ВЕРТУНИНЪ. Я... я... тебя обмануть?

КЕТТИ. Вы, или другой кто, этого я не знаю; но если это такъ?

ВЕРТУНИНЪ. Чѣмъ же, скажи, пожалуй, Катя? Отчего это пришло тебѣ въ голову?

АЛЕКСАНДРЪ. Кетти! ты говоришь вздоръ, мой ангелъ. Обманетъ дядя, который впрочемъ и не имѣетъ никакой надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ?.. Не обязанъ ли онъ сдѣлать тебя счастливою?

ВЕРТУНИНЪ. Я поклялся въ этомъ.

АЛЕКСАНДРЪ Ты слышишь, Кетти, и Богъ поможетъ ему, твоему будущему покровителю, выполнить клятву, и наградить тебя тѣмъ счастіемъ, котораго ты такъ достойна.

КЕТТИ (*съ безпокойствомъ*). Но я и безъ того была счастлива съ вами, мой другъ.

ВЕРТУНИНЪ. Кто же тебя разлучаетъ съ нимъ, дружочикъ мой; напротивъ, торжественно повторяю, что я и его люблю не меньше тебя, а зло, которое сдѣлалъ ему нѣкогда...

АЛЕКСАНДРЪ (*перебивая*). Оставимъ это, Афанасій Гавриловичъ; дне вольное зло не должно оставаться на совѣсти. Довѣривъ вамъ все свое состояніе, отецъ мой и ея родители (*показывая на Кетти*) надѣялись, въ свою очередь, пріобрѣсти тѣ выгоды, которыхъ вы ожидали отъ шаткаго предпріятія вашего. Предпріятіе не удалось, вы потеряли много, они все, и въ первое время нищеты, признаюсь, я первый обвинилъ васъ! Но фортуна улыбнулась вамъ снова и возвратила утраченныя богатства; прибылью предложили вы подѣлиться съ жертвами первой неудачи; поступокъ этотъ оправдываетъ все прошлое, и не обязанъ ли я, какъ честный человѣкъ, возвратить вамъ все мое уваженіе. Я люблю Кетти, это правда, горжусь правами моими надъ нею, но все будущее счастіе ея въ рукахъ вашихъ, и я, я уступаю вамъ Кетти.

КЕТТИ (*запальчиво*) А я не хочу, и ничего не уступаю.

АЛЕКСАНДРЪ. Простите ребенку, Афанасій Гавриловичъ; а ты Кетти, помни, что я могу еще приказывать, и потому приказываю тебѣ идти и собираться въ дорогу. (*Смотря на море*). Пароходъ дымится, на немъ суетится народъ, ты видишь? Такъ точно; поднимаютъ якорь, еще нѣсколько минутъ, и онъ тронется, вашъ пароходъ, поди же, поспѣши, дитя мое; тетка ждетъ тебя тамъ въ домѣ; она поможетъ.

КЕТТИ. Вы всѣ прелестные сегодня.

АЛЕКСАНДРЪ. Или, иди, мой другъ.

КЕТТИ. Какъ это все скучно право. (*Медленно уходитъ въ домъ*).

АЛЕКСАНДРЪ. Не смотрите на меня такими глазами, почтеннѣйшій Афанасій Гавриловичъ, и не обвиняйте въ излишней чувствительности, которая, самъ вижу, такъ не къ лицу въ мои года.

ВЕРТУНИНЪ. Я совсѣмъ не обвиняю тебя, милый Александръ Сергѣевичъ, а дивлюсь одному: почему бы кажется не ѣхать тебѣ съ нами? Или не бьется ретивое, при мысли, что ожидаютъ насъ на Руси и родныя поля, и родныя могилы!.. Неужели не душитъ тебя тоска по отчизнѣ?

АЛЕКСАНДРЪ. Зачѣмъ этотъ вопросъ, Афанасій Гавриловичъ, и на что касаться тѣхъ сокрытыхъ струнъ сердца, которыя не издадутъ ни одного радостнаго, ни одного веселаго звука.

ВЕРТУНИНЪ. О чемъ же грустить тебѣ?.

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ... мнѣ... о чемъ грустить? (*Горько смѣется*). О чемъ? Разумѣется нѣ—о—чемъ? Небо ясно, солнце блещетъ, море спокойно, воздухъ полонъ аромата; какъ легко дышать имъ, этимъ благотворнымъ воздухомъ... Вотъ видите ли, Афанасій Гавриловичъ, я счастливъ, такъ счастливъ въ эту минуту, что попадись мнѣ соперникъ, заклятой врагъ мой, я протянулъ бы ему руку и... Почетинъ идетъ сюда, перестанемъ философствовать; взгляните на его лицо, какимъ благополучіемъ блистаетъ оно!

ВЕРТУНИНЪ. Ну, братъ, уменъ тотъ, кто пойметъ вашу братью-артистовъ! Богъ васъ знаетъ, что вы видите такого необыкновеннаго и въ вашемъ заливѣ, и въ вашемъ воздухѣ. Въ прошломъ году возилъ я покойницу жену въ Гельсингфорсъ. Въ ясную погоду, море тамъ, ни дать, ни взять здѣшнее; деревья чуть ли не позеленѣе будутъ! Нѣтъ, правда, огнедышущей, да по совѣсти, прахъ ли въ ней? Зато утокъ братецъ дикихъ, видимо не видимо, есть и гагары, и кряквы, и чирки, и остроносыя. Про Почетина же скажу тебѣ откровенно—славный малый, а главное богатъ, очень богатъ; посуди самъ: однихъ овецъ

тысячъ десять будетъ, быковъ сотенъ шесть гоняетъ въ Одессу; всего ему 27 лѣтъ, усадьба отличная!.. Изъ ананасовъ квасъ дѣлаетъ. Влюбился же онъ въ Кетти, счастливъ будетъ; а она—то? Вѣдь подлинно за горе родителей и послала судьба на долю дочки такое благополучіе! Теперь не скажу ей ни слова, дѣвочка своенравная, чего добраго заупрямится; а пусть поживутъ вмѣстѣ, да попривыкнутъ другъ къ другу; въ октябрѣ, ко дню моего рожденія и за свадебку. Ахъ, любезный, тяжко будетъ мнѣ плясать въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно схоронилъ своихъ, да что—жъ будешь дѣлать? Вѣдь судьба не лучина, не переломишь ее. (*Подходитъ Почетинъ въ дорожномъ костюмѣ*). Вадимъ Вадимовичъ, а вы, какъ я вижу, совсѣмъ готовы?

ПОЧЕТИНЪ. Пора, Афанасій Гавриловичъ; по первому звонку нужно будетъ ѣхать къ пристани; боюсь, не опоздаемъ ли мы.

ВЕРТУНИНЪ. Зачѣмъ опаздывать! Отсюда слышенъ колоколъ, и пѣшкомъ дойти успѣемъ. А мы съ Александромъ Сергѣевичемъ разсуждали...

ПОЧЕТИНЪ (*насмѣшливо*). Александръ Сергѣевичъ, я думаю, очень доволенъ будетъ, увидѣвъ насъ всѣхъ въ заливѣ. Какъ должны мы были все это время надоѣдать ему! Артистическая душа его страдаетъ за насъ, помышляющихъ единственно о земной суетѣ.

АЛЕКСАНДРЪ. Напротивъ, я начинаю завидовать вамъ, Вадимъ Вадимовичъ.

ПОЧЕТИНЪ, Вы шутите?

АЛЕКСАНДРЪ. Право нѣтъ! и убѣждаюсь, что золото чуть ли не выше всѣхъ нравственныхъ преимуществъ человѣчества.

ПОЧЕТИНЪ. Вопросъ важный.

АЛЕКСАНДРЪ. И рѣшить его не трудно. Отбросивъ, разумѣется, въ сторону бездѣлицы, подобныя уму, таланту, геніальности и самой чести, чего нельзя купить золотомъ!

ПОЧЕТИНЪ. Не купишь главнаго, — сердца женщины.

АЛЕКСАНДРЪ (*жестко*). То-есть любви ея, да! Но онъ достигаешь своей цѣли, добившись согласія на бракъ, какими бы путями-то ни было; не все ли равно?..

ПОЧЕТИНЪ. Смотря по человѣку, Александръ Сергѣевичъ. Иной не женится, не добившись любви! Дѣло не невозможное! Но зачѣмъ касаться чувствъ въ настоящую минуту? Говоря о прочихъ наслажденіяхъ, какъ не согласиться, что, напримѣръ, вашъ талантъ стоитъ всякаго

богатства. Вы мнѣ только что завидовали, а чего бы не далъ я за возможность, не только удивлять міръ своимъ дарованіемъ, а удовлетворять и собственнымъ страстямъ, напримѣръ: ненавистямъ?.. Какое оружіе мести страшнѣе врагамъ кисти вашей, какой кинжалъ разитъ лучше и какой ядъ злѣе красокъ даровитаго художника? Я вспоминаю тотъ новый genre живописи, о которомъ недавно еще вы говорили мнѣ, Александръ Сергѣевичъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*встороиу*). И не имѣть права растерзать его, потому-что, можетъ-быть, онъ сдѣлаетъ Кетти счастливою! (*Громко*). Минута для напоминанія этого выбрана удачно, и въ знакъ моей признательности, я посвящу вамъ, Вадимъ Вадимовичъ, мои первые опыты въ этомъ родѣ; образцы останутся тѣ же, сюжетъ же для картинъ постараюсь выбрать въ будущемъ, авось угадаю! Кстати, вы, кажется, намѣрены жениться.

ПОЧЕТИНЪ. Можетъ-быть!

АЛЕКСАНДРЪ. И по любви, конечно?

ПОЧЕТИНЪ. Ну, на это отвѣчать еще не могу, Александръ Сергѣевичъ. Въ мои года...

ВЕРТУНИНЪ. Вотъ забавно! Слышишь, въ его года, то-есть въ двадцать семь лѣтъ, ай да старикъ!

ПОЧЕТИНЪ. Конечно, до старости далеко, однако еще лѣтъ пять шесть и...

ВЕРТУНИНЪ. Вамъ будетъ тридцать три, наконецъ тридцать четыре... велика штука.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ бѣшенствомъ*). Успокойтесь, и вѣрьте мнѣ, Вадимъ Вадимовичъ, въ тридцать шесть лѣтъ питаютъ иногда такое святое чувство, такую привязанность, какую уважалъ бы всякій благородный человѣкъ.

ПОЧЕТИНЪ (*насмѣшливо*). Вы говорите про вашъ возрастъ? О повѣрьте, Александръ Сергѣевичъ, что въ такомъ случаѣ первый я, конечно, спорить не стану и даже убѣжденъ. (*Слышенъ отдаленный звонъ колокола*).

ВЕРТУНИНЪ. Ба! первый звонокъ! Пора собираться. Но гдѣ же Катя?

АЛЕКСАНДРЪ (*встороиу*). Еще одну только минуту!.. Подкрѣпи меня небо и не лиши меня ни силъ, ни разсудка!

ПОЧЕТИНЪ. Вотъ Анна Сергѣевна. (*Идетъ къ ней навстрѣчу*).

ВЕРТУНИНЪ (*къ Аннѣ*). Первый разъ прозвонили, готова ли племянница?

АННА. Кетти прощается съ кроликомъ.

КЕТТИ (*съ кроликомъ въ рукахъ*). Вотъ ужъ не думаю прощаться, ma tante, а просто беру его съ собой. (*къ Александру*). Вы позволяете мнѣ, мой другъ, и довѣряете до пріѣзда вашего въ Ливорно?

АЛЕКСАНДРЪ. Но онъ твоя собственность, Кетти.

КЕТТИ. А вмѣстѣ со мной все-таки и ваша.

АЛЕКСАНДРЪ. По сердцу и по душѣ конечно.

КЕТТИ. И по душѣ, и по сердцу, и по всему! А все-таки не ѣхать съ нами и не пускать танту Анну очень дурно, очень дурно.

АННА. Ненадолго разлучаемся, Кетти.

КЕТТИ. Еще бы! Попробуйте не пріѣхать послѣзавтра!..

ВЕРТУНИНЪ (*смѣясь*). Что же ты сдѣлаешь?

КЕТТИ. Я, дядюшка? А вотъ что сдѣлаю: если послѣзавтра мой другъ и танта Анна не явятся съ послѣднимъ пароходомъ; на другое утро, я сажусь близь пристани, и жду еще сутки!.. а тамъ... да нѣтъ, не хочу говорить впередъ.

ВЕРТУНИНЪ (*весело*). Вотъ ужъ подлинно бѣдовая голова. И въ кого она родилась, въ мать — нѣтъ, въ отца — и подавно нѣтъ; ужъ не итальянскій ли воздухъ. (*Слышенъ второй звонъ колокола*). Звонятъ второй разъ. Изосимъ, гдѣ Изосимъ?

ИЗОСИМЪ (*показывается нагруженный множествомъ коробокъ и ящиковъ*). Тутъ, батюшка баринъ.

ВЕРТУНИНЪ. Ну, значитъ всѣ на лицо! (*Всѣ садятся, Вертунинъ помѣщается рядомъ съ Александромъ Сергѣевичемъ, котораго беретъ за руку и говоритъ вполголоса*). Ты же, Александръ, меня старика обмануть не старайся. Молчалъ я все это время, потому что на излишнюю откровенность набиваться не должно, а скрываешь ты что-то, не хорошо.

АЛЕКСАНДРЪ (*громко, съ страшнымъ волненіи*). Чтобы вамъ не опоздать, Афанасій Гавриловичъ, до пристани не близко, а ждать не станутъ.

ВЕРТУНИНЪ (*тихо*). Вотъ видишь-ли, какъ платитъ ваша братья нынѣшніе, за дружеское участіе.

АЛЕКСАНДРЪ. Участіе раздражаетъ меня.

ВЕРТУНИНЪ. И это напрасно.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ нетерпѣніемъ*). Но что же наконецъ хотите вы знать, Афанасій Гавриловичъ; или надѣетесь помочь въ скорби, которой не скрываю.

ВЕРТУНИНЪ. Кто знаетъ, братецъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ презрительной улыбкой*). Право?

ВЕРТУНИНЪ. Послушай, любезный другъ, не надѣлила меня судьба большимъ умомъ, и люди не сдѣлали меня ученымъ, правда сущая... врожденнаго же умишка не занимать мнѣ стать, и убѣжденъ я, что какъ ты ни вертись, а явному нежеланію твоему ѣхать съ нами и возвратиться на родину причина есть важная!.. Разумѣется, причину эту не разгадаешь однимъ здравымъ смысломъ. Ну что можетъ быть?.. Должишки остались и выросли въ твое отсутствіе,—бѣда небольшая—должишки заплатить есть чѣмъ, скажи только слово! Любовишка завелась гдѣ-нибудь близъ огнедышущей, и тяжко тебѣ съ ней разстаться—извини меня, Александръ Сергѣичъ, а причина эта куда недѣльна! Пора-бы остепениться, да найти по сердцу подругу, не итальянкѣ чета какой-нибудь, да женившись, поселиться съ нами и жить какъ жили отцы и дѣды наши; примѣрно сказать, чего бы лучше, какъ найти подобную Кетти.

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакиваетъ*). Довольно, пора, прощайте! Кетти, подойди ко мнѣ. (*Кетти подходитъ*; *Александръ нетвердымъ голосомъ*). Любишь-ли ты меня, Кетти, вѣдь любишь, да?

КЕТТИ. Мой другъ, какъ вы смѣшны съ вашими вопросами.

АЛЕКСАНДРЪ. Ты права! и глупъ я и смѣшонъ; но вотъ, что хотѣлъ я сказать тебѣ Кетти! Если послѣзавтра ты у пристани не дождешься ни меня, ни Анны, поѣзжай съ Богомъ далѣе, мы догонимъ васъ гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ—слышишь.

КЕТТИ. Слышу, мой другъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Теперь прощай и Богъ съ тобой! (*Онъ судорожно сжимаетъ голову Кетти и цѣлуетъ ее, потомъ молча жметъ руку Афанасью Гавриловичу и бросается на скамью. Почетинъ съ улыбкой на лицѣ слѣдуетъ за Анной и уходящей Кетти*).

ВЕРТУНИНЪ (*останавливаясь*). До свиданія, Александръ Сергѣевичъ.

АЛЕКСАНДРЪ. До свиданія... тэмъ! (*Показывая на небо. Послѣ непродолжительнаго молчанія вдругъ вскакиваетъ*). Ушла! ушла! и это не сонъ! и я, безумный, добровольно отказался отъ нея!.. Я глупецъ! самъ уступилъ Кетти другому, и этотъ другой когда-нибудь, смѣясь надо мною, упрекнетъ ее же въ привязанности ко мнѣ! Но я сумасшедшій. . нѣтъ, прочь нелѣпое, сумазбродное самолюбіе; прочь, ты призракъ чести; кто оцѣнитъ тебя! кто воздастъ за неслыханную жертву, которую готовъ я принести на алтарь любимой добродѣтели!.. Я догоню ихъ! и Кетти, ты останешься здѣсь, при мнѣ на-

всегда. (*Онъ хочетъ бѣжать но въ это время слышится третій звонъ колокола и свистъ парохода. Александръ падаетъ на колѣни*).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Декорація перваго акта. Картины частію сняты со стѣнъ, статуи въ безпорядкѣ разбросаны по всей мастерской, у окна арфа. Ночь. Въ растворенное окно видна луна. Анна стоитъ у лѣвыхъ дверей,—врачъ сидитъ у столика съ противоположной стороны; передъ нимъ теплится ночникъ.

АННА (*тихо*) Онъ уснулъ; не нужно-ли разбудить его, докторъ?

ВРАЧЪ О, нѣтъ! тѣмъ лучше, пусть спитъ; лекарство мое я отложу до другаго времени; надѣюсь, природа возьметъ верхъ надъ болѣзнію, которую не излечаетъ наше исскуство.

АННА (*отходя отъ двери*). Послѣдній пароксизмъ былъ ужасенъ.

ВРАЧЪ. Не оставляйте его одного ни на минуту; въ подобномъ случаѣ страждущіе нерѣдко прибѣгаютъ къ самоубійству.

АННА. Отъ одной этой мысли, докторъ, мнѣ дѣлается холодно! Но что же можетъ слабая женщина въ подобномъ случаѣ?

ВРАЧЪ. Положеніе затруднительно и безсильна наука.

АННА. Что же дѣлать?

ВРАЧЪ. Терпѣть и ждать.

АННА. Долго-ли еще? Недѣля прошла, и какое утѣшеніе принесли намъ эти семь дней; не такъ же-ли онъ мраченъ, какъ съ первой минуты; не точно ли также скрытенъ, и не тою ли же убійственною улыбкою отвѣчаетъ Александръ на всѣ мои вопросы, на всѣ мои убѣжденія.

ВРАЧЪ. Я рѣдко встрѣчалъ въ людяхъ подобную страсть, и страсть къ ребенку въ человѣкѣ разсудительномъ, умномъ...

АННА. И кто бы могъ предполагать, чтобы Кетти наша?..

ВРАЧЪ. Сударыня, глубину сердца измѣрить невозможно; а вашъ братецъ любитъ, кажется, въ первый разъ.

АННА О докторъ! въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; всю моло-

дость свою провелъ онъ далеко отъ людей, далеко отъ всѣхъ обольщеній.

ВРАЧЪ. Тѣмъ хуже. Всѣ страсти развились въ немъ внезапно, и въ этой борьбѣ, жертвою можетъ сдѣлаться самъ человѣкъ. При томъ, больной скрываетъ страданія, и ни одного откровеннаго слова я до настоящей минуты не слыхалъ отъ него.

АННА. Въ этомъ отношеніи я несчастнѣе васъ, докторъ; при одномъ имени Кетти лицо его покрывается смертною блѣдностію; самъ же онъ не произноситъ этого имени, и будто не вспоминаетъ о ней.

ВРАЧЪ. Но объясните мнѣ, что подало поводъ къ разлукѣ его съ молодою дѣвушкою? Я слышалъ, что она, въ свою очередь, была къ братцу вашему очень привязана.

АННА. Привязанность Кетти не походила на любовь, и чувство это не могло удовлетворить страсти къ ней Александра. Потомъ разность лѣтъ дѣлала бракъ этотъ невозможнымъ въ его собственныхъ глазахъ. До неожиданнаго пріѣзда богатаго родственника, котораго мы давно уже потеряли изъ виду, братъ считалъ себя совершенно счастливымъ, не помышляя о будущемъ; дни его текли спокойно среди занятій и семейныхъ удовольствій; въ невинныхъ ласкахъ Кетти находилъ онъ все свое блаженство; о другомъ благополучіи Александръ и не помышлялъ! Какъ вдругъ явился въ Неаполь, изъ нашихъ соотечественниковъ, богатый молодой человѣкъ, и Кетти ему понравилась. Посѣщая насъ почти ежедневно, онъ страстно влюбился въ нее, и ухаживаніемъ своимъ внушилъ брату первую, жестокую ревность.

ВРАЧЪ. Но нравился-ли влюбленный дѣвушкѣ?

АННА. Ни мало.

ВРАЧЪ. Зачѣмъ же не удалили вы его отъ общества вашего, зачѣмъ не отказали отъ дому?

АННА. Отъ того, докторъ, что молодой человѣкъ этотъ былъ коротко знакомъ съ тѣмъ старымъ родственникомъ, который, потерявъ жену и сына, призналъ Кетти своею единственною наслѣдницею, и пріѣхавъ въ Неаполь, изъявилъ Александру желаніе видѣть племянницу за влюбленнымъ въ нее молодымъ человѣкомъ; ему двадцать-семь лѣтъ, и въ будущемъ счастіи дѣвушки сомнѣваться, казалось, старику не возможнымъ. Вамъ извѣстно благородство Александра; препятствовать намѣреніямъ родственника выдать ее замужъ за богатаго человѣка и лишить тѣмъ Кетти будущаго счастія, разумѣется, онъ не захотѣлъ, и предпочелъ разлучиться съ нею!

ВРАЧЪ. Любопытно бы видѣть дѣвушку, которая внушила эту страсть такому человѣку, каковъ вашъ братъ.

АННА. Къ сожалѣнію, любопытству вашему докторъ удовлетворить невозможно: въ эту минуту Кетти должна быть очень, очень далеко отсюда.

КЕТТИ (*вбѣгаетъ весело*). Не такъ далеко, какъ вы думаете, ma tante!

АННА (*вздрогнувъ*). Ахъ, ты, ты здѣсь, и одна?

ВРАЧЪ (*Аннѣ*). Возможно ли, эта дѣвица!..

КЕТТИ. Та самая счастливица, которую вамъ такъ угодно было видѣть, докторъ. Но гдѣ же мой другъ? Пустите меня къ нему, если не хотите, чтобы я вскочила черезъ окно въ его комнату.

АННА. Постой, постой, и прежде всего растолкуй мнѣ, какими судьбами явилась ты здѣсь?

КЕТТИ. Очень просто, ma tante! Въ Чивита-Веккіи Почетинъ, этотъ приторный Почетинъ, вздумалъ опять говорить мнѣ о своихъ чувствахъ, и вообразите—сталъ предлагать свое сердце. А какъ сердце его не ананасъ, то я и пожаловалась дядюшкѣ, который, въ свою очередь, сталъ уговаривать меня, и такъ надоѣлъ, что я чуть-чуть не ушла отъ него пѣшкомъ. Прошелъ еще день и еще—а васъ нѣтъ, какъ нѣтъ; помня приказаніе моего друга, я поѣхала съ дядею и Почетинымъ въ Ливорно. Новое объясненіе, новыя приторности этого несноснаго господина. Какъ быть?.. Я подумала съ полчаса, и рѣшилась сдѣлать дядѣ вотъ какого роду предложеніе: или отпустить меня обратно въ Неаполь, или проводить до Неаполя, но разумѣется безъ Почетина; въ противномъ случаѣ я обѣщала надѣлать ужасовъ. А такъ какъ въ эту недѣлю старикъ узналъ меня покороче, и догадался, что когда мнѣ противорѣчатъ, я способна броситься съ парохода за бортъ, или выскочить гдѣ-нибудь изъ вагона, то дѣлать ему было нечего; онъ согласился и привезъ меня обратно самъ.

ВРАЧЪ (*весело*). Вотъ и лекарство для бѣднаго больнаго нашего!

КЕТТИ. Кто же боленъ?

АННА. Тише, тише, ради Бога, онъ можетъ услышать.

КЕТТИ (*съ нетерпѣніемъ*). Но кто же? Богъ мой! кто? кто?

ВРАЧЪ. Тсъ! я слышу его шаги, удалитесь скорѣе; всякое сильное потрясеніе можетъ кончиться смертію.

КЕТТИ (*всплеснувъ руками*). Боже! вы говорите про Александра?

ВРАЧЪ (*тихо*) Успокойтесь и спрячьтесь; я отвѣчаю вамъ за все!

АННА. Кетти, о если бы ты знала, какъ онъ любитъ тебя и какъ кстати ты возвратилась.

КЕТТИ (*съ восторгомъ*). Онъ! онъ любитъ меня!

АННА. Страстно, мой другъ, но уйдемъ! (*Беретъ ее за руку и уводитъ въ правую дверь*).

КЕТТИ (*прыгая*). Ma tante, я съ ума сойду отъ радости. Вы говорите, что онъ меня любитъ. Но вотъ и онъ, вотъ и онъ! (*Поспѣшно уходитъ. Лѣвая дверь отворяется и входитъ медленно Александръ*).

ВРАЧЪ (*всторону*). Приготовимся къ рѣшительному средству сохранить и жизнь и разсудокъ. (*Громко*) Вы, кажется, уснули!

АЛЕКСАНДРЪ (*слабымъ голосомъ*). Не знаю! Умъ мой начинаетъ помрачаться, мысли путаются и слухъ измѣняетъ.

ВРАЧЪ. Какъ, вы перестаете слышать?

АЛЕКСАНДРЪ. Напротивъ, докторъ, мнѣ иногда слышится то, чего нѣтъ (*вздыхаетъ*) и быть не можетъ!

ВРАЧЪ (*всторону*). Онъ слышалъ голосъ дѣвушки. (*Громко*) Слухъ остался вамъ вѣренъ; мимо оконъ проходили сію минуту нѣсколько музыкантовъ, они пѣли!..

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ! не то, совсѣмъ не то!

ВРАЧЪ. Что же?

АЛЕКСАНДРЪ. Мнѣ показалось, будто за стѣною, но это припадокъ... нервы...

ВРАЧЪ. Они раздражены у васъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*садится въ кресло*). Можетъ-быть.

ВРАЧЪ. Впрочемъ, воображеніе нерѣдко обманываетъ насъ; въ самомъ здоровомъ состояніи представляются иногда не одному слуху, но и самому зрѣнію такія явленія, которыя въ старину причислялись къ области призраковъ; мнѣ даже случалось читать, что древніе мудрецы доходили до способа заставлять людей видѣть то, чего не было.

АЛЕКСАНДРЪ (*съ грустною улыбкою*). Но представляли-ли мудрецы эти лица умершихъ друзей, обожаемыхъ женъ, дѣтей любимыхъ; и возвращала-ли наука ихъ страждущимъ хоть на мигъ ихъ утраченное счастіе?

ВРАЧЪ. За мудрецовъ не ручаюсь вамъ; въ наше же время есть средство...

АЛЕКСАНДРЪ. Средство, говорите вы?

ВРАЧЪ. Да, довольно обыкновенное—опіумъ! При постоянно напряженномъ воображеніи постепенно усиленные пріемы этой эссенціи придаютъ любимой мечтѣ видимыя формы, даютъ ей жизнь, не рѣдко самый голосъ, и тогда...

АЛЕКСАНДРЪ (*хватая руку врача*). И тогда несчастному страдальцу представляется, по-крайней-мѣрѣ, возможность умереть у ногъ любимаго призрака, умереть, задушивъ призракъ этотъ въ своихъ объятіяхъ, и... и... но, докторъ, невѣренъ способъ вашъ, и сонъ невсегда бываетъ отраденъ.

ВРАЧЪ. Хотите испытать?

АЛЕКСАНДРЪ. Къ чему?

ВРАЧЪ. Можетъ-быть вамъ будетъ легче?

АЛЕКСАНДРЪ. Не думаю.

ВРАЧЪ. Одинъ опытъ не сдѣлаетъ вреда, ручаюсь вамъ, а средство это со мною.

АЛЕКСАНДРЪ. Пожалуй испытаемъ, докторъ.

ВРАЧЪ (*всторону*). Кстати опіумъ со мною; дамъ ему одну каплю. (*Громко*). И такъ хотите принять сію минуту!

АЛЕКСАНДРЪ (*махнувъ рукою*). Согласенъ!

(Докторъ беретъ со стола рюмку, наполняетъ ее водою и капнувъ темнаго цвѣта каплю, подаетъ рюмку Александру).

ВРАЧЪ. Старайтесь направить всѣ силы воображенія вашего на одно желаніе, на одну мысль!

АЛЕКСАНДРЪ. Ихъ у меня немного осталось; дайте только способъ забыть все!

ВРАЧЪ. Напротивъ того, ненужно; пользуйтесь чрезвычайнымъ свойствомъ опіума, и помощію его олицетворите хотя на нѣсколько минутъ ваши любимыя грезы! Вызовите изъ могилъ друзей—они предстанутъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*хватая рюмку*). Давайте же скорѣе (*Пьетъ*). Да накажетъ васъ Богъ, докторъ, если вы смѣетесь надо мною.

ВРАЧЪ. Еще минута терпѣнія, и я оправдаюсь передъ вами! Но успокойтесь и не забудьте, что призраки разсѣятся отъ малѣйшаго порыва, отъ малѣйшаго покушенія коснуться ихъ; я буду въ сосѣдней комнатѣ; въ случаѣ нужды позовите меня, и я явлюсь.

АЛЕКСАНДРЪ. Благодарю васъ, докторъ. (*Врачъ медленно уходитъ. Александръ одинъ въ креслахъ, бокомъ къ окну и горько улыбаясь*). Простодушный человѣкъ! Ты воображаешь, что я повѣрю твоему диковинному средству, ты думаешь, что несвязный бредъ отуманеннаго воображенія заставитъ меня забыть горе? (*Въ это время изъ лѣвыхъ дверей показывается Кетти въ бѣломъ платьѣ, тихо подходитъ къ окну и садится*). Направить всю силу воображенія на одну мысль, на одно желаніе, говоритъ, онъ и желаніе это осуществится для глазъ! Нѣсколько капель ядовитой жидкости возвратятъ тебѣ утраченное счастіе?

Испытаемъ! Голова моя свѣжа, вѣки глазъ не смыкаются еще свинцомъ летаргіи, я здраво мыслю, и солгалъ ты, ошибся врачъ: тоска души моей сильнѣе твоихъ капель. Недѣлю назадъ, въ этотъ часъ, при этой лунѣ звукъ ея арфы приковывалъ проходящихъ къ тѣмъ мѣстамъ моего сада, до которыхъ достигалъ этотъ звукъ; въ этотъ благословенный часъ она пѣла бывало, и я блаженствовалъ, и я...

(*Кетти беретъ нѣсколько аккордовъ на арфѣ и начинаетъ пѣть. Александръ вздрагиваетъ, лицо его проясняется; онъ протягиваетъ руки впередъ и медленно опускается на колѣни; Кетти умолкаетъ, и улыбаясь смотритъ на него*).

КЕТТИ (*встороиу*) И не смѣть броситься къ нему на шею, не смѣть сказать ему, что я не привидѣніе, — вотъ ужъ это скучно!

АЛЕКСАНДРЪ (*не перемѣняя положенія*). Кетти! Кетти!

КЕТТИ (*отходя отъ окна*). Мой другъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не подходи, не трогайся! Онъ сказалъ, что малѣйшій порывъ прогонитъ призракъ! Я видишь, недвижимъ, не бойся меня!

КЕТТИ. Напротивъ, я боюсь доктора, мой другъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Еще одинъ только звукъ твоего голоса, одинъ только, Кетти, и завтра въ этотъ часъ я достану самаго сильнаго смертельнаго яда, и въ ту минуту, какъ ты захочешь удалиться...

КЕТТИ. Яда! Яда!... вы хотите?...

(*Въ дверяхъ показываются Вертунинъ, врачъ и Анна*).

АЛЕКСАНДРЪ. Я хочу не просыпаться, Кетти, я хочу не переставать видѣть, слышать тебя! потому-что, видишь-ли, Кетти, кто любитъ, какъ я люблю и кто страдаетъ, какъ я страдалъ въ твое отсутствіе!... тому...

ВЕРТУНИНЪ. Тому гораздо, братецъ, благоразумнѣе не скрывать своихъ чувствъ и не заставлять меня на старости лѣтъ прогуливаться по морю, котораго я терпѣть не могу; шутка-ли промыкаться цѣлую недѣлю и бѣгать за этой сумасшедшей, когда бы всего проще пригласить меня въ посаженые, да и подъ вѣнецъ.

АЛЕКСАНДРЪ (*вскакиваетъ на ноги и схватывая врача за руку*). Докторъ! докторъ капли ваши измѣняютъ своимъ дѣйствіямъ, мысли мои направлены были на одно желаніе — видѣть Кетти.

ВЕРТУНИНЪ. Стало жениться на ней не желаешь?

КЕТТИ. Другъ мой, все это шутка, васъ обманываютъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Опіумъ, опіумъ, адское средство! Не касайся до меня, Кетти, ты изчезнешь.

ВЕРТУНИНЪ (*Кетти*). Ущипни-ка его лучше, или постой, обними его, Кетти, да смотри покрѣпче—авось опомнится.

(*Кетти бросается на шею къ Александру, который вскрикиваетъ, обнимаетъ ее въ свою очередь и протягиваетъ руку свою Вертунину*).

ВЕРТУНИНЪ. Давно-бы такъ, любезный.

АЛЕКСАНДРЪ. Увѣрьте меня, что все это не сонъ; я вижу васъ, я слышу васъ, но всего этого для меня недостаточно!...

18251

ОГЛАВЛЕНІЕ IX ТОМА.

—

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЮБОВЬ И ПРЕДРАЗСУДОКЪ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Мелевиля*. Переводъ *П. С. Ѳедорова*. (Кн. 5).

КУХМИСТЕРША. Очеркъ изъ петербургскаго быта. *М. Л. Михайлова*. (Кн. 5).

ДОКТОРЪ БѢДНЯКЪ. Разсказъ Эллена Поэ. (Кн. 5).

СТАРОЕ ГОРЕ. Степная сказка. *Григорія Данилевскаго*. (Кн. 5).

ИМЕРЕТИНЪ. *Я. Полонскаго*. (Кн. 5).

ЗНАХАРЬ. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. *В. И. Савинова*. (Кн. 6).

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ. *Н. Д. Хвощинской*. (Кн. 6).

ПТИЧКА. *Я. Полонскаго*. (Кн. 6).

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ И ЕГО ПАНЕГИРИСТЫ. *А. Н. Сѣрова*. Статья вторая. (Кн. 5). Статья третья и послѣдняя. (Кн. 6).

ЯКОВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БРЯНСКІЙ. Біографическій очеркъ. (Кн. 6).

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя *Диккенсомъ*. (Кн. 5 и 6).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

ОТКРЫТІЕ ЛѢТНЯГО СЕЗОНА.

ДЕБЮТЫ. Гг. Максимова и Ленскаго, гг–жъ Ленской, Шубертъ и Гольцъ.

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Бенедикса*, переводъ съ нѣмецкаго г. *А. С.*

ѲОМКА ДУРАЧЕКЪ. Комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова *М. Л. Михайлова*, музыка г. *А. Рубинштейна*. (Кн. 5).

ЛѢТНІЕ СПЕКТАКЛИ.

ЛЮБОВЬ АРТИСТА. Соч. *Вонлярлярскаго*.

ДОЛГЪ ПЛАТЕЖЕМЪ КРАСЕНЪ. Оригинальная комедія.

ТАЙНАЯ СТРАСТЬ. Комедія *Скриба*.

ДЕБЮТЫ трагика г. *Яковлева*, и водевильной артистки г-жи *Акимовой*. (Кн. 6).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Весна въ контрактахъ артистовъ и весна антрепенера.—Послѣдній концертъ Сеймуръ Шифа въ Тифлисѣ и опера въ Одессѣ.—Акробаты въ Севастополѣ.— Удовольствія Владикавказа. — Труппа драматическая и балетная. — Музыка. — Театръ въ Казани по старой программѣ.— Два театра въ Кіевѣ. (Кн. 6).

СМѢСЬ.

БѢЛОРУССІЯ. Въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ. *Павла Шпилевскаго*. (Кн. 5 и 6).

КАЛУЛА. Африканскія сцены. Сѣверо-американскій романъ. Часть первая. (Кн. 5). Часть вторая. (Кн. 6).

ПО ОЧЕРЕДИ. Разсказъ *Армана Барте*. (Кн. 5).

ВАТЕРЛОО — ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОДА ПОСЛѢ СРАЖЕНІЯ. Статья *Леона Гозлана*. (Кн. 5).

ПРОГУЛКА ПО РОССІИ. Письмо изъ Астрахани. (Кн. 5).

Письмо изъ Астрабада. *П. Моряковскаго*. (Кн. 6).

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ГОСТЬ У В. А. КАРАТЫГИНА. *В. И. Савинова*. (Кн. 6).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Тениссонъ, современный англійскій поэтъ.— **ТЕАТРЪ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**: Пѣвица въ Калифорніи.—Погребенный віолончель.— **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕНОСТИ**: Нѣсколько новыхъ наблюденій надъ науками, воробьями и цаплями.—Новые опыты профессора Горини, объясняющіе происхожденіе волкановъ. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ**: Странны

свадебные обычаи.— Нѣмой разговоръ.— Ревность попугаевъ.—Пренія о водкѣ на островѣ Таити.— Первый мость для желѣзной дороги въ Египтѣ.—Статистика ружейныхъ выстрѣловъ.—Австріецъ и французъ на полѣ сраженія.— Іонійскіе острова.—Англо-саксонскіе партизаны.— Жизнь на островѣ Кубѣ. (Кн. 5).

ЛИТЕРАТУРА: Очеркъ исторіи легкой литературы во Франціи, въ XVIII столѣтіи. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА**: Зенефельдеръ, изобрѣтатель литографіи.—Джіованни Рикорди. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ**: Мнѣніе полковника Роулинсона о скіескомъ характерѣ бо́льшей части гвоздеобразныхъ надписей,—Исчисленіе различныхъ скоростей въ-теченіе одной секунды.— Электрическій свѣтъ для освѣщенія улицъ.—Гремучая хлопчатая бумага. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ**: Защита женскихъ корсетовъ.—Комерческій банкъ въ Китаѣ.—Цингалійскія судилища.— Сцены изъ путешествія по Индіи.—Какъ возвращаются изъ Калифорніи. (Кн. 6).

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Художественное: Нѣкоторыя общія размышленія.—Мастерская художника.—Работы Н. А. Рамазанова и его учениковъ.—Два слова о г-жахъ Віардо-Гарсіи и Добре, г. Монтиньи и г-жѣ Ниссенъ.—Что́ такое были остальные концерты?—Манія воспѣвать концерты, въ-особенности, когда еще ихъ не было.—Зрѣлища: живыя картины, Карлъ Рашо и обезьяны.—Литература: Новыя книги.—Двѣ книжки «Москвитянина». (Кн. 5).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. **ЖУРНАЛИСТИКА**: Журналъ, выходящій *перваго* числа каждаго мѣсяца. — Ученыя статьи. — Отреченіе Карла V въ переводѣ на русскій языкъ.—Какъ знакомъ переводчику не только испанскій, но даже русскій языкъ.—Паркъ въ кіевской губерніи и красота описаній.—Новый поэтъ.—Иногородный подписчикъ.—Поклоненіе Джонсону.—*Рыбаки* г. Григоровича.—Общая и частная истина въ произведеніяхъ —Реализмъ и идеальное воспроизведеніе дѣйствительности.—Единство въ изображеніи.—Бюстъ одного великаго писателя, захваленный пріятелями.—Терпимость во вкусѣ.— Правило Талейрана.— Содержаніе *Рыбаковъ*.— Художественныя лица. — Изысканныя и неправильныя выраженія. — «Библіотека для Чтенія».—Музыкальная критика.—Поэтическое путе-

шествіе по Тульской губерніи.—*Три письма*, въ которыхъ еще болѣе поэзіи. — II. **НОВЫЯ КНИГИ**: «Изъ Рима въ Іерусалимъ». Сочиненіе графа *Николая Адлерберга*. — III. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**: Чѣмъ занятъ Петербургъ.—Вертящіеся столы и столобѣсіе.—Нѣсколько анекдотовъ и случаевъ.— Адмиралтейская площадь и Екатерингофъ.— Благотворительныя лотереи.—Первые признаки лѣта.—Устрицы и апельсины.— Сюрпризы.— Театральныя извѣстія.— Эмиграція актеровъ.— Слухи о Вольнисъ, Гризи и Маріо.—Новыя пріобрѣтенія Публичной Библіотеки.—Географическое общество.—Некрологъ: отецъ Іоакинфъ Бичуринъ (Кн. 5).

I. **ЖУРНАЛИСТИКА**: Майскія книги журналовъ.—Отчего интересъ журналовъ ослабѣваетъ въ лѣтнее время.—Вторичное появленіе Иногороднаго Подписчика.—Какъ зовутъ по имени и отчеству нашихъ писателей.—Иногородный Подписчикъ увѣряетъ, что онъ вовсе не Александръ Васильевичъ Дружининъ, *блистательный* писатель *прекрасныхъ* повѣстей. — Содержаніе послѣдняго письма его и высокій слогъ.—Остальныя статьи майской книги «Библіотеки для Чтенія». — *Рыбаки* г. Григоровича. — Промахи противъ языка и превосходныя картины этого романа:—Способъ разгонять статью на безчисленное множество страницъ.—*Дельвигъ*—статья г. Гаевскаго.—*Богатая невѣста*—разсказъ молодаго человѣка, написанный госпожею Надеждою Б.—Повѣсть, передѣланная изъ водевиля, а написанная высокимъ слогомъ.—Статья изъ англійской книги, переведенная съ французскаго.—Смѣсь «Современника».—«Отечественныя Записки».—*Кто-жъ остался доволенъ*, романъ В. Крестовскаго.—Гомеръ и господинъ Ордынскій.—Послѣдній примѣръ гомерическихъ выраженій.—Статья г. Ковалевскаго.—Разборъ *повѣстей и разсказовъ для дѣтей*.—Петербургскія замѣтки и ихъ остроуміе.—Различіе Москвы отъ Петербурга.—Московскія вывѣски. II. **НОВЫЯ КНИГИ**. «Воспоминанія дѣтства.» Повѣсти Николая М. «Алексѣй однорогъ.» Историческій романъ. III. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**. Удовольствія круглый годъ за деньги и даромъ, или искусство опытнаго фланера. — Развлеченія зимою и лѣтомъ, прошедшія, настоящія и будущія. (Кн. 6).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

МНОГО ШУМА ИЗЪ ПУСТЯКОВЪ. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. *А. А. Яблочкина*. (Кн. 5).

ЛЮБОВЬ АРТИСТА. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Соч. *Вонлярлярскаго*. (Кн. 6).

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «**РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ**». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *повѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ **КОНТОРѢ ПАНТЕОНА**, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непремѣнно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

—

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, *у Черныщева моста, въ домѣ Лыткина.*»

7063